

Тайны ушедшего века

ВЛАСТЬ РАСПРИ ПОДОПЛЕКА

Досье
Кинжальная полка

Н. Зеньковича

Annotation

Николай Зенькович рассказывает о малоизвестных событиях ушедшего века, которые повлекли за собой серьезные изменения как на политической карте мира, так и в нашей стране. Кто привел к власти М. Горбачева? Почему председатель КГБ Андропов победил министра внутренних дел Щелокова? Руководствовался ли мстью за расстрелянного сына Хрущев, развенчивая Сталина? И на самом ли деле осталась в живых Анастасия, дочь последнего русского царя?

Каждый новый правитель переписывает историю в своих интересах, однако тайное всегда становится явным

- ◦ [Николай Зенькович](#)
 - [ДВА АБЗАЦА В НАЧАЛЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)
 - [ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АВТОРА](#)
-

Николай Зенькович

Тайны ушедшего века

Власть. Распри. Подоплека

ДВА АБЗАЦА В НАЧАЛЕ

Историю пишут победители. Они определяют, кто был героем — то есть лично им преданным. Но ведь есть и побежденные. У них тоже своя правда, свое видение борьбы, причин поражения.

К голосу побежденных никто никогда не прислушивается. Честь и слава, цветы и шампанское — победителям! Побежденным — унижение и презрение, изоляция и замалчивание. Но без их свидетельств картина событий, как правило, неполна и тенденциозна.

Глава 1

ПУТЧ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

На одной из разбросанных по брянским лесам захолустных станций, запруженных мешочниками, в теплушку поезда с большим трудом втиснулся еще один пассажир.

Был он маленького росточка, тщедушный и с невзрачным калмыцким лицом. Мешком сидела солдатская одежонка, по которой видно было, что она немало повидала на своем веку. Грязные, давно не стриженные волосы выдавали их лагерное происхождение.

— Откуда, землячок? — теснясь, любопытствовал кто-то.

— Из Румынии, — неохотно ответил солдатик.

— Домой?

— А то куда же? — удивился солдатик.

Больше вопросов ему не задавали. Он не присоединялся к общим разговорам и целыми днями молчал, уставившись в одну точку, думая о чем-то своем.

В кармане у несловоохотливого солдатика лежал документ на имя Лариона Иванова. Гогочущие, сквернословящие, лузгающие семечки фронтовики, оставившие самовольно боевые позиции и несшиеся навстречу неизвестности, представления не имели, что их новый попутчик не беженец из Румынии Ларион Иванов, а его превосходительство генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, Верховный Главнокомандующий русской армией, бежавший из тюрьмы белорусского города Быхова, куда был помещен по распоряжению главы Временного правительства Керенского.

Одиозная фигура

Бежавший из тюрьмы с сообщниками в ночь на 19 ноября 1917 года генерал Корнилов, переодетый в форму простого солдата, вышел из вагона на ростовском вокзале 6 декабря. Из Ростова бывший главковерх быстро добрался до Новочеркасска, где его заключили в объятия генералы Деникин, Лукомский, Марков и Романовский. Тоже бежавшие из Быхова, они с немалыми приключениями преодолели громадное расстояние от белорусского Днепра до казачьего Дона. Всех приютил атаман Каледин, сносившийся с именитыми узниками в Быхове через надежных людей, — сдержал свое слово.

Спустя некоторое время Корнилов стал главнокомандующим Добровольческой армией, сформированной из остатков русского офицерского корпуса, которым удалось пробраться на Дон. Ехали

отовсюду — из Петрограда и Москвы, из Ставки в Могилеве, из деморализованных, отравленных большевистской пропагандой, бунтующих воинских частей. Область Всевеликого войска Донского превращалась в убежище для тех, кто не принял октябрьского переворота большевиков.

Генерал Корнилов становился знаменем сопротивления захватившей власть в обеих столицах горстке авантюристов, посягнувших на тысячелетнюю российскую государственность. Неспроста поэтому в трудах советских историков его имя было синонимом самых черных, самых контрреволюционных сил. До сих пор Корнилов преподносится как реакционный деятель, трухлявым бревном легший на пути всемирного прогресса, посетившего Россию в 1917 году.

О личности этого русского генерала нет ни одной правдивой строки и в без того скудной библиографии. В энциклопедических справочниках сплошные обвинения и ярлыки: монархист, один из главарей контрреволюционных сил в России в 1917–1918 гг., пытался установить контрреволюционную диктатуру. Энциклопедические издания при тоталитарном режиме носили ярко выраженный директивный характер, представляя собой, по сути, установочные данные на все исторические фигуры для документалистов и беллетристов. Любой исследователь, упражнялся он в области исторической науки или исторического романа, не говоря уже о публицистике, должен был исходить из того, что «корниловщина» — это контрреволюционный мятеж 25–31 августа (7–13 сентября по новому стилю) 1917 года Верховного Главнокомандующего Корнилова, который опирался на крупную буржуазию, контрреволюционную часть офицеров и поддерживался Антантой.

Исчезновение политического режима, с точки зрения которого Корнилов был, пожалуй, самым

реакционным деятелем России в 1917–1918 годах, привело к естественному изменению утвердившегося за 73 года советской власти взгляда на этого генерала. С нарастающим сочувствием сейчас пишут о нем как о человеке, который в смутное время предпринял отчаянную, но, к сожалению, по ряду причин неудачную попытку встать на пути враждебных России сил.

Сведения о генерале Корнилове крайне скупы и фрагментарны. В советской литературе о нем лишь бранные эпитеты, исключая, правда, шолоховский «Тихий Дон». Но и в великом романе, где мятежный генерал изображен прямым и честным, болеющим за Россию, лишь отдельные эпизоды раскрывают его роль в зарождении Белого движения. Полного жизнеописания этого незаурядного человека не существует по сегодняшний день. А между прочим, его биография насыщена многими удивительными событиями.

Начнем с того, что Лавр Георгиевич обладал прекрасным литературным слогом. Свои силы в изящной словесности пробовали многие русские генералы. Краснов, Деникин и другие товарищи Корнилова оставили после себя не только интересные мемуары, но и художественную прозу, в том числе и романы. Кто знает, не погибни Корнилов 13 апреля 1918 года в бою под Екатеринодаром, очутись в эмиграции, как Деникин и Краснов, возможно, он тоже попробовал бы свои силы в крупных жанрах. Писательским даром Лавр Георгиевич обладал, об этом свидетельствуют его рассказы и очерки, которые он публиковал в московских и петербургских журналах — чаще всего под псевдонимами.

Главковерх даже баловался стихами, и, что совсем необычно, — на персидском языке. Лавр Георгиевич был разносторонне образованным человеком. В 1898 году, в возрасте 28 лет, закончил академию Генштаба. Служил

военным атташе в Китае. Всерьез подумывал о научном поприще. Обратили на себя внимание его работы по Центральной Азии, по Кашгару. Говоря о колониальной политике Англии, он тонко подметил, что владычица морей не спешит поднять Индию до уровня метрополии. А вот Россия свои национальные окраины именно поднимает. В этом существенная разница между двумя империями. Российская — не питается соками присоединенных земель — наоборот, не жалеет для окраин ни средств, ни ресурсов.

Что это именно так, а не иначе, Корнилов убедился, когда молоденьким офицером был направлен служить в Туркестан. Годы, проведенные там, наложили на Корнилова неизгладимый отпечаток. Он научился многим восточным премудростям — знать больше, чем говорить, наблюдательности, умению складывать маленькие разрозненные кусочки в единую мозаику. Качества, без которых профессиональному разведчику не обойтись.

Корнилов был не только разведчиком-аналитиком. В Михайловском военном училище он изучал артиллерийское дело, которое очень любил. Лыстило, что артиллерийским офицером был Наполеон. Великим французом восхищался откровенно.

Войну 1914 года Корнилов начал командиром бригады на Юго-Западном фронте. Новичком в боевых действиях не был: участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг., за что удостоился ордена Святого Георгия четвертой степени. По отзывам командующего фронтом Брусилова, впоследствии перешедшего на сторону красных, Корнилов был очень смелым человеком. Наверное, он решил, как в свое время Наполеон, что другой возможности сделать себе имя не будет. Корнилов никогда не кланялся пулям, всегда был впереди, и этим привлекал к себе сердца солдат.

Личную храбрость генерала подавали как стремление завоевать дешевую популярность любой ценой. Не один его сослуживец, переметнувшись к красным и выполняя их социальный заказ, отмечал в мемуарах, что бонопартистские замашки генерал обнаруживал уже в годы первой мировой войны.

Самонадеянный и тщеславный, маленький генерал абсолютно не считался ни с чьим мнением. Ему ничего не стоило проигнорировать прямой приказ самого командующего фронтом. Получив под свое начало пехотную дивизию, Корнилов в первом же бою увлекся наступлением и вырвался вперед так далеко, что возникла угроза ее полного окружения. Опьяненный успехом, он не придавал значения предостережениям о том, что продвижение соседей слева и справа замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Маленький генерал с остро обозначенными калмыцкими скулами вел свою дивизию вперед и только вперед — к сверкавшим огням славы, к громким фанфарам победы.

Напрасно вдогонку оторвавшейся дивизии летели распоряжения о немедленном прекращении наступления, занятии обороны и установлении связи с правым и левым флангами. Маленький генерал лишь пренебрежительно фыркнул, выслушивая очередного гонца. Не выполнил он и прямого приказа об отходе. Самонадеянность генерала обошлась дорого. Наутро неприятель перешел в контр наступление. Разгром был полный. Корнилов потерял 28 орудий и много пулеметов. Остатки дивизии удалось спасти, бросив в бой кавалерийскую дивизию.

Взбешенный амбициозностью много мнившего о себе генерала, командующий фронтом Брусилов распорядился отдать Корнилова под суд за невыполнение приказа об отходе, что привело к большим потерям в живой силе и вооружении. Из Петрограда прибыла комиссия для расследования этого

чрезвычайного происшествия. Но — о чудо! — Корнилова оправдали. Высокие покровители защитили своего подопечного! — в один голос заявляют мемуаристы. Иначе чем объяснить небывалый случай? Объяснение-то было, да уж больно невыгодно его излагать применительно к человеку, объявленному реакционером. Корнилову удалось убедить членов петроградской комиссии в том, что победа была близка, и если бы не медлительность соседей справа и слева, успех был бы достигнут.

Это не единственный случай, когда самолюбивый генерал полагался исключительно на свою интуицию, игнорировал рекомендации и даже прямые приказы командования. И каждый раз болезненная самонадеянность Корнилова приводила к печальным последствиям. В Карпатах, например, он снова слишком увлекся и, сознательно нарушив директиву командования об отходе, попал в окружение. С огромным трудом, оставив большое количество пленных, бросив артиллерию и обозы, ему удалось прорваться к своим.

И снова разбирательство, грозившее судом. И — оправдание, которое мемуаристы объясняют высоким заступничеством.

Третий случай вообще уникальный. Весной 1915 года — очередная конфронтация с командованием. Дивизия Корнилова снова вырывается далеко вперед, путая карты штабистам. Генералу дают приказ на отход, но как он будет смотреть в глаза солдатам, которые прошли столько километров под градом пуль и шрапнели, а теперь вот вынуждены будут сдавать врагу завоеванные позиции. Корнилов приказ не выполняет, и наутро оказывается в клещах. Сдался со всей дивизией! — злорадствуют мемуаристы, осуждая неуправляемого генерала.

В немецком плену Корнилов провел более года. Бежал с третьей попытки, убив конвоира. Перейдя линию фронта, а точнее, переплыв Дунай на бревне, благополучно добрался к своим. Из плена убежали многие, но генералы — никогда. Корнилов был первым. И это — в 46 лет! Однако вместо радостных объятий свои встретили судебным разбирательством причин разгрома дивизии, и ее пленения. Опальный генерал неожиданно появляется в Могилеве, где располагалась Ставка Верховного Главнокомандования, попадает на прием к царю Николаю II, который лично прикрепляет к генеральскому мундиру недавнего пленника орден Святого Георгия третьей степени. Вместо грозившего ему суда со всеми вытекающими последствиями Корнилов получает от Верховного Главнокомандующего — Николая II — назначение командиром 25-го стрелкового корпуса. На Юго-Западный фронт, командование которого намеревалось отдать строптивца под трибунал!

Знаки монаршего внимания были расценены как следствие высокого покровительства, которое Корнилов якобы имел при царском дворе. Намеки на могущественных заступников содержатся в ряде воспоминаний, написанных генералами, перешедшими на сторону советской власти. Они из кожи вон лезли, чтобы потрафить новым господам и представить человека, первым выступившего против их революции, в негативном свете. Мол, в военном отношении Корнилов ничем себя не проявил. Наоборот, своим маниакальным бонапартизмом приносил только ущерб, трижды подвергаясь сокрушительному разгрому. И всякий раз его спасали влиятельные лица.

Ну, конечно, генерал от инфантерии и все такое прочее. Аристократия, одним словом, высший свет. Все они одним миром мазаны... Мало кто знает, что никаких высоких покровителей у Корнилова не было, что

родился он в семье степного крестьянина-казака, дослужившегося до младшего офицерского чина.

Столичные сюрпризы

После отречения царя Николая II генерал Корнилов был назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Четвертого марта 1917 года Лавр Георгиевич сдал 25-й стрелковый корпус и на следующий день прибыл в Петроград.

Это было крупным повышением. Столичный округ всегда на особом положении у власть имущих, и возглавлять его обычно доверяют надежным, проверенным людям.

Почему выбор Временного правительства, возглавляемого известным земским деятелем князем Львовым, остановился именно на Корнилове? Ведь он, по мнению мемуаристов, — никудышный военачальник, не выигравший ни одного боя, а лишь приносивший командованию неприятности своей болезненной амбициозностью. Неужели в русской армии не имелось более заслуженных и опытных генералов, командовавших фронтами? Имелись, и тем не менее выдвинули его, командовавшего всего лишь стрелковым корпусом. Да и то корпус он получил по повелению царя, к тому времени уже свергнутого. Казалось бы, это обстоятельство как раз должно препятствовать возвышению строптивного генерала, которого царь спас от суда своим решительным вмешательством, а тут, наоборот, обласканного тираном генерала перемещают в самое сердце империи.

Нет, новая власть знала, что делала. Это уже потом переметнувшиеся к большевикам царские генералы обмазали черной краской недавнего сослуживца. А тогда, в шестнадцатом — начале семнадцатого года,

газеты были переполнены восторженными рассказами о генерале Корнилове — немолодом и заслуженном, предпринявшем три попытки побега из лагеря военнопленных в Германии, последняя из которых оказалась удачной. Корреспонденты часто ездили в 25-й корпус, привозили оттуда восторженные отзывы солдат и офицеров о своем героическом командире. Корнилова в корпусе действительно любили. Он заботился о людях, много делал, чтобы они были вовремя накормлены, строго спрашивал с нерадивых интендантов. Солдаты души в нем не чаяли.

Черной краской был обмазан не только Корнилов. Все генералы, выступившие в той или иной форме против октябрьского переворота, в советское время подверглись историческому остракизму. Если их образы и фигурировали в кино или литературе, то непременно в негативном, карикатурно-уродливом плане, подчеркивавшем враждебность к народу. А между тем многие генералы царской армии были гораздо ближе к народу, чем иные комиссары, присвоившие себе монополию говорить и действовать от имени этого самого народа. Алексеев, Деникин, Краснов, Лукомский, Марков, Крымов были солдатскими сынами, выслужившими генеральские погоны честным ратным трудом. Русский армейский генералитет, неискушенный и простодушный в отличие от гвардейского, стал жертвой изощренных и природных интриганов-политиков, расколовших его надвое.

Корнилов, обладавший умом аналитика-разведчика, пожалуй, одним из первых среди генералов, вышедших из простолюдинов, понял, чем грозит России потеря ее многовекового самодержавия. Спустя год, уже в Новочеркасске, подавленный генерал Алексеев признался бежавшему из Быховской тюрьмы Корнилову, что решение об отречении Николая II, принятое военными, было губительным. Старик каялся в том, что,

будучи начальником штаба Ставки, направлял телеграммы командующим фронтами с предложением присоединиться к требованию об отречении царя от престола, что вместе с командующим Северным фронтом Рузским принимал в Пскове это отречение:

— Хотели всего лишь заменить государя, а вышло, что уронили и разбили древний русский трон. В одни сутки...

Наверное, это любимое занятие русских — наступать на грабли, выставленные на виду. И в 1991 году тоже хотели всего лишь избавиться от бесплодного, раздражавшего донельзя пустой говорильней генсека-президента. И тоже уронили и разбили великую державу, которую собирали по крохам столько лет.

Душевные терзания, вызванные участием в отречении царя от престола, усилились у старого генерала по мере дальнейшего развития событий. Угасали надежды на то, что область Всевеликого войска Донского станет оплотом сопротивления развалу России. Оказалось, что не только национальные окраины, но и казачество заражено сепаратизмом. Атаманы лелеяли мечту зажить отдельно от России, своей небольшой республикой. На собравшихся на Дону офицеров смотрели как на опасных квартирантов, из-за которых можно лишиться своего суверенитета. В конце концов Добровольческая армия вынуждена была покинуть Дон.

Все это произойдет зимой 1918 года, а в марте семнадцатого, возглавив Петроградский округ, Корнилов, привыкший к порядку и дисциплине в своем корпусе, понял, что, если дело будет продолжаться таким образом, Россия как великая страна исчезнет с карты мира.

Приняв столичный округ, он к своему ужасу увидел вместо полков и батальонов толпы неопратно одетых

людей с винтовками. Никакого боевого обучения они не проходят, целыми днями в шинелях нараспашку шастают по митингам, лузгают семечки и придираются к офицерам. В одном из учебных батальонов численность личного состава достигла 20 тысяч человек. Это же около двух стрелковых дивизий. Город наводнили тыловыми и запасными частями, потерявшими представление о воинской дисциплине. Забыто главное правило, известное каждому командиру: день должен быть расписан по часам, все должны быть заняты, чтобы ни скучать, ни тосковать было некогда. Нельзя держать огромные массы молодых, здоровых мужчин в постоянной праздности, каждый что-нибудь должен делать и получать необходимое утомление.

Прописные истины военной службы новой властью игнорировались. Более того, арестовав царских министров, Временное правительство издало «Приказ № 1» и «Приказ № 2». Страшнее удара по армии, как считал Корнилов, трудно было придумать. Отменялось титулование и отдавание чести, солдатам разрешалось не только отстранять от командования офицеров, но даже и физически устранять неугодных. Создавались солдатские комитеты, которые вмешивались в распоряжения начальников. Приказы стали делиться на боевые и небоювые. Какой-нибудь мальчишка, окончивший четырехмесячные курсы прапорщиков, или просто рядовой солдат рассуждал, нужно или нет то или иное учение, и достаточно было, чтобы он на митинге заявил, что оно ведет к старому режиму, как часть на занятие не выходила, и тут же начинались эксцессы — от грубых оскорблений до убийства командиров. И все сходило с рук, никто не наказывался.

В день приезда Корнилова в Петроград пьяные кронштадтские матросы учинили дикую расправу над своими начальниками. Два адмирала были буквально

растерзаны на палубе, а около двухсот офицеров сброшены в открытое море. Перед самосудом всем им привязали к шеям тяжеленные колосники.

Корнилов, отличавшийся жестким, волевым характером, издал несколько приказов, направленных на прекращение анархии и укрепление дисциплины. Каково же было его изумление, когда он узнал, что ни одно распоряжение командующего округом не принимается войсками к исполнению без санкции Совета рабочих и солдатских депутатов.

— А это что такое? — удивился Корнилов. — Что сие означает — Совет?

Оторванному от политических новаций в столице командующему, девять месяцев проведенному на фронте, популярно объяснили, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов — это восемьсот мастеровых самой низкой квалификации и две тысячи тыловых солдат, развращенных митингами и бездельем.

— И они решают, выполнять или не выполнять приказы командующего столичным гарнизоном? — возмутился всегда хладнокровный Корнилов.

За разъяснениями он поехал к военному министру. В автомобиле обдумывал план беседы. В кабинет Гучкова вошел собранным и внешне спокойным. Только узкие прорезы глаз, ставшие еще уже, выдавали внутреннее волнение.

— Увы, в стране двоевластие, — вздохнул военный министр. Он внимательно выслушал Корнилова и, кажется, с сочувствием. — До февраля в перетягивании каната соребовались царское правительство и Государственная дума, сейчас — Временное правительство и Совет депутатов.

— Господин министр, не кажется ли вам странным, что русский солдат вдруг возненавидел не врага на фронте, а своего офицера, с которым три года сидел в окопах?

— А, вы об этом, — Гучков досадливо поморщился. — Все, кто приезжают с фронта, задают такой же вопрос. Потом привыкают. И вам тоже надо привыкнуть. Создается армия на новых началах, сознательная, демократическая армия. Без некоторых эксцессов такой поворот обойтись не может. Историческая неизбежность, так сказать. Вы должны во имя родины потерпеть.

— Господин министр, я готов потерпеть. Но ведь война не окончена. Боевые действия продолжаются. А кто их будет вести? Армия без приказа и исполнения — не армия. Никакой выборный комиссар не заменит кадрового офицера. А против них науськивают солдат. Откровенно говоря, господин министр, я боюсь за Петроградский гарнизон. Еще какое-то время — и поставить солдат в строй, заставить слушать команды будет невозможно.

— Что вы предлагаете, генерал? — сухо осведомился военный министр, утомленный разговором. Новый командующий округом никак не походил на паркетных генералов, с которыми привык иметь дело Гучков.

— Я вижу только один путь, который может привести к наведению порядка в гарнизоне, — сказал Корнилов. — Надо незамедлительно преобразовать округ в Петроградский фронт.

— И что это даст? — уточнил Гучков.

— Многое. И самое главное — поможет очистить Петроград от разнузданных, обнаглевших тыловигов.

— Каким образом вы это сделаете?

— Получив права командующего фронтом, разверну все эти запасные и учебные батальоны, сутками не вылазящие с митингов, в полки и бригады.

— И на фронт? — догадался наконец военный министр.

— Они засиделись в тылу, ожирели. Грабят, мародерствуют. Пусть понюхают пороха. А на их место придут надежные части с театра боевых действий. Отдохнут, переформируются...

— План гениальный! — хлопнул в пухлые ладошки Гучков. — Однако боюсь, генерал, что осуществить его пока не удастся.

— Почему? — теперь уже удивился Корнилов.

— Вы думаете, Совет не раскусит ваш замысел? Совет не допустит отправки из Петрограда ни одного батальона. Он без этой толпы мужичья с винтовками — никто. Генерал, вы забыли, что у нас двоевластие.

Аудиенция у военного министра закончилась тем, что командующему округом было разрешено встретиться с сотрудниками Совета, авторами двух злополучных приказов, погубивших русскую армию. Корнилов прямо сказал Гучкову, что боится третьего приказа, в котором может быть неизвестно что. Нельзя огулом охаивать весь офицерский корпус, это приведет к катастрофе. Солдаты оставляют боевые позиции и разбегаются. В дезертирах числится половина шестисоттысячного Рижского фронта, самого близкого к Петрограду. Если так будет продолжаться, немцы перейдут в наступление, и защищать столицу будет некому.

— Господин министр, вы позволите мне поговорить в Совете если не об отправке запасных батальонов на фронт, то хотя бы о их разоружении? — уходя, попросил Корнилов. — А то пьяные солдаты по улицам с пулеметами разгуливают...

— Да, конечно, генерал, — рассеянно, думая о чем-то своем, отозвался Гучков.

Шесть недель в Петрограде

— Новая Россия воевать ни с кем не собирается... Об этом мы заявили всему миру... С прошлым режимом покончено... Назад дороги нет... С пути демократических преобразований не свернем никогда... Армия будет подлинно народной, ее не загнать под генеральское ярмо...

Словесный водопад обрушился на Корнилова, едва он переступил порог просторного кабинета в Таврическом дворце, где разместился исполком Петроградского Совета, и уселся напротив бородатого черноволосого комиссара. Бородач являлся одним из авторов знаменитых приказов № 1 и 2, отменивших титулование в армии.

Тщетными были попытки командующего округом убедить своего собеседника, который, по всему видно, представления не имел о специфике военной службы, в том, что любая армия строится на дисциплине. Комиссар сводил все к генеральскому ярму. Разговор явно не получался.

Единственное, что все же удалось Корнилову, — это добиться принятия исполкомом Петроградского Совета постановления о недопустимости огульного подхода ко всему офицерскому корпусу демократической России. И то успех: теперь не каждого причисляли к «золотопогонникам». Многим постановление спасло жизнь, увело от расправ и унижений.

Но главное предложение Корнилова не прошло. Петроградский Совет в категорической форме отказал в отправке на фронт частей столичного гарнизона. Не получил командующий согласия Совета и на разоружение наиболее деморализованных и разнузданных батальонов, забывших, что такое дисциплина. Таврический дворец упорно стоял на своем: войска, принимавшие участие в революционном движении, разоружению и выводу из города не подлежат.

Корнилов тяжело переживал случившееся. Подумывал даже об отставке, хотя и понимал, что постановление Петросовета направлено не против него лично. Боевой генерал оказался между двумя дворцами, соперничающими за власть. В Зимнем заседало Временное правительство князя Львова, в Таврическом — Петроградский Совет. Обе стороны зорко следили за тем, чтобы ни у кого не было перевеса.

Корнилов, как человек военный, подчинялся правительству. Но оно не обладало полнотой власти. Совет набирал все большее влияние и, в основном, за счет лозунга прекращения войны. Части, расквартированные в Петрограде, идти на фронт не хотели и потому были на стороне Совета, который удерживал их в городе.

Наблюдая за перетягиванием каната, Корнилов решил занять нейтральную позицию. Пусть политики рвут чубы друг другу, сколько влезет! Его дело — обучение войск, поддержание в частях хоть какого порядка. Оказалось, что в условиях двоевластия это довольно трудная задача. Стоило иному командиру воззвать к забытому полковому самолюбию, напомнить о великом прошлом, как почти всегда находился бесшабашный голос:

— Товарищи, это что же, генерал-то нас к старому режиму гнет? Под офицерскую, значит, палку!..

Получая подобные сообщения из войск чуть ли не ежедневно, Корнилов скрещивал кисти своих маленьких коричневых рук с такой силой, что белели костяшки пальцев. Он молчал, подолгу думая о чем-то своем, потаенном.

В двадцатых числах марта в его кабинете в здании Главного штаба неожиданно появился Крымов. Командира Уссурийской дивизии вызвали с Румынского фронта в военное министерство, и он, выкроив

свободную минутку, решил повидаться с давним другом.

Генерал Крымов имел запоминающуюся внешность. Огромного роста, тучный. Походка кавалерийская — враскачку. Голос громоподобный, речь — сочная, народная. Солдатам был люб тем, что ел с ними из одного котла, ночевал на земле, завернувшись в бурку.

Корнилов начинал с ним военную службу в Туркестане. Крымов помнился жизнерадостным, веселым. А тут словно подменили бравого служаку — мрачный, угрюмый. Возмущался тем, что увидел на петроградских улицах: митингующих солдат, курчавых комиссарчиков, на заплеванных, усыпанных семечковой шелухой тротуарах, на которых валялись сброшенные с правительственных учреждений державные двуглавые орлы. По-солдатски грубо отзывался о членах Временного правительства.

Лавр Георгиевич слушал, не перебивая, срабатывало чутье разведчика и навыки, приобретенные при выполнении секретных миссий в Китае и на юге России. А старый сослуживец все откровенничал, не скрывая своего негативного отношения к новым властям, ввергшим Россию в хаос и неразбериху.

Было ясно, что Крымов прощупывал позицию Корнилова. Сам пожаловал или кто-нибудь надумил? Сам — вряд ли, всего лишь командир дивизии, да и та на далеком от столицы Румынском фронте. К тому же в Петрограде не был с начала февральской революции. Значит, кто-то прислал. Кто? Крымов ответил уклончиво — так, кое-какие люди, понявшие, что с царским отречением переборщили. Они правы, надо что-то предпринимать. Пока остановились на создании Союза офицеров. Армия — единственное, что может вывести Россию из кризиса, унижения и позора.

Из разговора с Крымовым Корнилов узнал, что в Петроград с фронта вызван генерал Деникин, с которым тоже ведутся консультации. О чем? Крымов многозначительно намекнул — о путях спасения России. Уходя, сослуживец дал понять, что на Корнилова тоже выйдут надежные люди, если, конечно, Лавру Георгиевичу не безразлична судьба его отечества. На вопрос Корнилова, что это за люди, Крымов с несвойственной ему загадочностью сказал: те, у кого прошел угар от революционной эйфории. Им нужен человек с сильной волей и твердым характером. Безусловно, это должен быть военный. Но не из старых генералов типа Алексеева и Рузского, заманивших царя в ловушку, и не из числа командующих фронтами, тоже приложивших руку к падению царского трона. Поиски идут среди командующих армиями, командиров корпусов и даже дивизий. Этот человек не должен принадлежать к высшему генералитету, давшему согласие на отречение царя.

Проводив старого друга, командующий задумался о людях, которые искали кандидата в военные диктаторы. Кто-то из образумившихся членов Временного правительства? Или здесь задействованы совсем другие силы? Скажем, крупные русские промышленники, банкиры, увидевшие, в какие никчемные руки попала Россия после февраля семнадцатого?

Сведения, полученные от Крымова, полной неожиданностью для Корнилова не стали. По долгу службы ему было известно о том, что в некоторых столичных кругах возникло разочарование, вызванное Временным правительством. Начальник контрразведки штаба округа докладывал командующему о возникновении организаций, ставящих целью пресечь хаос, с которым не мог справиться Зимний дворец. В квартире на Невском проспекте, где собирались члены

одной из таких групп, зачастил крупный промышленник Путилов, владелец заводов в Петрограде и в других городах страны. По этому адресу начали замечать и другого финансового туза — Пуришкевича, причастного к убийству Григория Распутина. Хаживали и другие известнейшие личности, образовавшие «Круг спасения России», включавшего, естественно, и военную организацию.

Много было споров о том, кому из генералов вручить скальпель для проведения хирургической операции по отсечению гнилой части государственного организма. Назывались разные имена. Одни отсеивались сразу, другие всесторонне взвешивались, прощупывались.

Этих людей под разными предложениями вызывали с фронта. «Просвечивали» Крымова, Врангеля, Колчака, Деникина, других боевых генералов. После тщательного обсуждения остановились на Корнилове. В пользу его кандидатуры было и то немаловажное обстоятельство, что Лавр Георгиевич находился в Петрограде и занимал ключевую должность командующего столичным гарнизоном. Перечисленные выше генералы тоже годились на отведенную им роль, были горячими русскими патриотами и глубоко переживали несчастье, свалившееся на родную землю, но, в отличие от Корнилова, находились далеко от столицы и командовали всего лишь дивизиями, что было явно недостаточно для приведения в исполнение задуманного плана. Другое дело — Корнилов. Возможностей у него куда больше.

Однако случилось непредвиденное. В услугах Корнилова как решительного военачальника ощутило острую нужду Временное правительство. В штаб округа, расположенный на Дворцовой площади, приехал на автомобиле военный министр Гучков:

— Генерал, срочно требуется ваша помощь. Солдаты взбунтовались, отказываются выполнять решение

правительства... Надо применить силу...

Командующий округом знал о начавшихся беспорядках на петроградских улицах. Была известна ему и причина, побудившая солдатскую массу высыпать на площади и бульвары. В конце марта Временное правительство уступило настоятельным просьбам послов стран Антанты и объявило о решимости России вести войну до победного конца. Узнав о ноте министра иностранных дел Милюкова, заверившего Францию и Великобританию в верности союзническим обязательствам, возмущенные солдаты покинули казармы и устроили грандиозную акцию протеста.

Ноте Милюкова предшествовали бурные дебаты между Временным правительством и исполкомом Петросовета. Министры были за продолжение войны, Совет выступал за мир: «Какая нонче война? Нонче свобода!». Принимая непопулярное решение, одна часть министров поддалась настоятельным увещаниям послов Антанты. Другая часть правительства, раздраженная перетягиванием каната с Петросоветом, проголосовала «за», чтобы поставить наконец точку в затянувшемся споре с Советом, кто представляет в стране реальную власть.

Совет отреагировал мгновенно: обратился к солдатам гарнизона с требованием не выполнять приказы командования без своей санкции. Солдаты восприняли это обращение с ликованием. Кому хотелось идти на фронт и погибать там, если нет ни царя, ни отечества? Толпы людей запрудили Невский проспект, двигаясь в сторону Дворцовой площади. Усердно работали большевистские агитаторы, внушая солдатам, что их снова хотят загнать в сырые окопы воевать за интересы Англии и Франции.

Глядя на испуганное лицо военного министра, который ждал от него успокоительных слов, а еще больше решительных поступков, Корнилов приказал

дежурному соединить его с начальником Михайловского училища. Кто знает, может, этот маленький скуластый генерал вспомнил такого же маленького генерала по имени Наполеон, когда тот во время таких же беспорядков во французской столице более ста лет назад бесстрашно выдвинул против бунтующей черни батарею орудий и несколькими залпами картечи прекратил безобразие. Эта решительность молодого Бонапарта открыла ему дорогу к европейской славе.

Наполеон был молод, но ему, Корнилову, сорок семь. Должен ли он поступать столь опрометчиво? Правда, Александр I здесь, на Дворцовой площади, пушечной картечью тоже разогнал мятежников-декабристов и уберег государство. И все же...

Пока дежурный просил барышню соединить с нужным абонентом, пока соединяли, у Корнилова созрело решение. Услышав в трубке знакомый голос начальника училища, которое сам когда-то заканчивал, командующий округом уже не колебался:

— Выдвиньте на Дворцовую, к Зимнему, две артиллерийские батареи. Сколько ящиков со снарядами? Как можно больше. Нет, стрелять не надо. Сам вид орудий должен вразумить толпу. Отхлынут, не сомневайтесь... Без моего приказа огонь не открывать.

Напрасно он несколько раз подходил к окну, нетерпеливо ожидая, когда в указанном им месте появятся пушки и снарядные ящики. Все сроки, предусмотренные для выдвижения орудий, проходили. Обеспокоенный генерал вызвал адъютанта и приказал выяснить, в чем дело.

Адъютант явился не скоро:

— Ваше превосходительство, — обратился он по-старому, хотя в новой, демократической армии титулование было отменено, — приказ о выдвижении двух батарей на Дворцовую площадь не выполнен в

связи с невозможностью вывести орудия из артиллерийского парка.

— Почему? — нахмурился Корнилов.

— Артиллеристы получили распоряжение не открывать ворота артпарка.

— Не открывать? Чье распоряжение?

— Исполкома Петросовета, ваше превосходительство. Только что в штаб округа из Таврического дворца пришло уведомление о том, что любой приказ военных будет исполняться только с согласия Совета...

«Для чего тогда я?» — невесело подумал Корнилов. Человек чести, он тут же подал прошение об отставке.

Гучков, получив прошение Корнилова, облегченно вздохнул: несколькими часами раньше на имя военного министра поступило ультимативное требование Петросовета об отставке командующего округом, распорядившегося выдвинуть пушки против манифестантов. Гучков попал в щекотливое положение: с одной стороны, он сам как бы причастен к инциденту, поскольку ездил к Корнилову и настаивал на применении военной силы против толпы, с другой, выполнить требование Петросовета значило бы признать его верховенство. Личное прошение Корнилова снимало возникшие проблемы.

На радостях Гучков пообещал Корнилову пост командующего Северным фронтом.

— Думаю, что генерал Алексеев согласится. Я лично переговорю с ним, — заверил военный министр.

Однако главковерх Алексеев, находившийся в Ставке в Могилеве, неожиданно заупрямился. Северным фронтом по-прежнему командовал генерал Рузский, и Алексееву не хотелось смещать своего протеже, с которым они так ловко заманили царя в ловушку и добились его отречения от трона. Истинную причину предлагаемой военным министром замены не назвал,

переведя стрелку на личность Корнилова: «Неприемлем». Гучков рассердился: «Кто в России военный министр?». Невозмутимый Алексеев передал, что если Рузский будет заменен Корниловым, то он, Алексеев, немедленно уходит в отставку. Гучков кандидатуру Корнилова снял. Корнилову была предложена должность командующего 8-й армией, дислоцированной на Юго-Западном фронте.

Корнилов согласился. Прибыв на место новой службы в город Каменец-Подольск, узнал, что он не единственная жертва апрельского правительственного кризиса. Со своих постов были сняты военный министр Гучков и глава внешнеполитического ведомства Милюков.

— Кто наш новый военный министр? — спросил у начальника штаба своей армии Корнилов. Весть о переменах в правительстве обогнала его в пути. В Каменец-Подольске уже знали о потрясающей новости и эффектно преподнесли ее прибывшему командующему:

— Керенский!

— Адвокат? Министр юстиции?

— Он самый, — подтвердили ему.

Генералу оставалось только развести руками.

Маленькое победоносное наступление

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов встретил Корнилова, прибывшего командовать 8-й армией, холодно и отчужденно.

Назначение Корнилова произошло вопреки воле Брусилова. Неприязнь у них началась еще до февральской революции, с той поры, когда Корнилов командовал «Стальной дивизией», которая хотя и спасла 8-ю армию во главе с ее тогдашним командующим Брусиловым от клещей немецкого

генерала Макензена, но почти вся полегла сама. Брусилов потребовал военного суда над строптивым генералом, и если бы не вмешательство командующего фронтом Иванова и великого князя Николая Николаевича, Корнилову бы не сдобровать.

Недругами они оставались до конца жизни. Брусилов, как известно, перешел на сторону Красной Армии, преподавал в академиях, был обласкан большевистской властью. Происходил он из знатной семьи, обучался в привилегированном Пажеском корпусе, принадлежал к военной аристократии. Корнилов же был простолюдином, учился на медные пятаки, которые с огромным трудом добывал в поте лица отец. Вельможа стал прислуживать победившим слугам, а сын крестьянина отстаивал власть господ. Чудеса, да и только!

Несмотря на «голубую» кровь, Брусилов трясся перед любой властью. Беспрекословно выполнял все распоряжения Временного правительства, касающиеся нововведений в армии. Прибыв в Каменец-Подольск, Корнилов увидел, что никакой разницы между разложенным столичным гарнизоном и войсками Юго-Западного фронта нет. Все те же шумные митинги, переизбрания неугодных командиров, верховенство солдатских комитетов, полное бесправие офицеров. Пьяные драки. Пальба по своим, мародерство, произвол. Удручающее впечатление производили окопы — из индивидуальных боевых укреплений они превратились в земляные норы, где обитали опустившиеся, потерявшие человеческий облик личности. Взглянули бы на эту новую «демократическую» армию петроградские паркетные шаркуны!

Поступавшие на передовую новости из тыла наполняли душу тоской и печалью. Болело сердце за великую державу, которую разрывали на куски. Отчуждалась при молчаливом одобрении

революционного Петрограда Украина. В Киеве вынашивал план отделения от России бывший кавалергард Павло Скоропадский, получивший щедрую военную помощь от немцев. «Самостийники», обряженные в синие жупаны, объединялись в сечевые полки и заявляли, что за Харьковом для москалей земли нет и что не австрийцы и не немцы враги украинцев, а русские.

В Варшаве орудовал Юзеф Пилсудский, маниакально ненавидевший все русское, православное. Выпущенный революцией на волю из сибирской ссылки, куда попал за участие в покушении вместе со старшим братом Ленина на царя Александра II, Пилсудский добивался союза против России на Западе.

Потребовала национальной самостоятельности Литва. Забурлило, всколыхнулось Закавказье. Родина Корнилова — Казахстан — взорвалась кровавым восстанием Амангельды Иманова. Степные жители начали истреблять русских поселенцев. Дробление государства приобретало и вовсе гротескные формы: о своем полном суверенитете заявили Кронштадт и Шлиссельбургский уезд.

На содрогавшееся в предсмертных конвульсиях огромное тело некогда могущественной империи с вожделением прожорливых хищников взирали западные державы. На Смоленск претендовали Польша, Германия и Литва, на Архангельск — Англия, на Петроград — Швеция.

Остановить этот беспредел могла только армия. Она была огромна и потому не сразу поддавалась разложению. Но и армия, лишившись государя, которому присягала, на глазах теряла свою былую силу и славу.

Верный своей привычке угождать, командующий Юго-Западным фронтом Брусилов первым взял под козырек, заявляя о готовности наступать. Несмотря на

провал ноты Милюкова и последовавшую его с Гучковым отставку, Временное правительство под нажимом послов Антанты требовало продолжения боевых действий.

В июне Юго-Западный фронт перешел в наступление. Начало было успешным. 8-я армия Корнилова овладела двумя городами — Калишем и Галичем. Военный министр Керенский, находившийся на фронте, послал ликующую телеграмму председателю Временного правительства князю Львову. Это была первая победа армии демократической России, и военный министр ставил вопрос о награждении отличившихся. Поскольку царские ордена были отменены, решили награждать красными знаменами.

Пока столичные драпировщики изготовляли срочный заказ, наступление остановилось. Случилось то же, что и раньше: соседи снова затоптались на месте. Вместо того, чтобы развить успех, достигнутый Корниловым, левый и правый фланги начали митинговать, выясняя, соответствует ли приказ об устремлении в прорыв революционному моменту? Угас наступательный порыв и в 8-й армии. Началось братание, солдаты толпами покидали позиции и уходили в тыл.

Не оправдались надежды генерала Брусилова, который считал, что, втянувшись в боевую работу, войска отвлекутся от политических увлечений. Впрочем, к тому времени, когда июньское наступление выдохлось, Брусилов был уже в Могилеве, в Ставке, получив пост Верховного Главнокомандующего. Юго-Западный фронт возглавил Корнилов.

Шестого июля немцы нанесли страшный удар в стык митингующих русских армий. Юго-Западный фронт обратился в беспорядочное бегство. Корнилов послал отчаянные телеграммы Брусилову в Ставку и

Керенскому в Петроград с требованием ввести смертную казнь за дезертирство и отказ выполнять приказы, немедленно восстановить единоначалие в армии. Иначе — катастрофа.

Первым откликнулся Брусилов. Лавр Георгиевич с изумлением вчитывался в телеграфную ленту, поступившую из Ставки. Главковерх вместо одобрения предлагаемых Корниловым жестких мер грозил нарушителям воинской дисциплины... лишением гражданских прав.

— Что сие означает? — едва сдерживая ярость, спросил командующий фронтом.

— Наверное, неучастие во всеобщих выборах, — высказал догадку начальник штаба генерал Лукомский.

Оскорбленный Корнилов продиктовал новую телеграмму военному министру Керенскому. В ней говорилось, что если правительство не утвердит предложенные им меры и тем самым лишит его единственного средства спасти армию, то он, генерал Корнилов, самовольно сложит с себя полномочия командующего фронтом. «Я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины».

Но, очевидно, Керенскому было не до отчаянных телеграмм с Юго-Западного фронта. Развитие событий в Петрограде снова приобретало драматический поворот, и снова камнем преткновения стали части Петроградского гарнизона, которые, как и в апреле, попытались отправить на фронт.

Большинство этих полков полностью находилось под влиянием антивоенной пропаганды большевиков. Попытка правительства избавить столицу от вооруженных толп окончательно разложенных и развращенных людей в очередной раз вызвала кризис власти. Солдаты отказались идти в окопы. Большевики умело воспользовались их недовольством и, не решаясь пока призывать к открытому вооруженному восстанию

против Временного правительства, выдвинули лозунг «мирной вооруженной демонстрации».

Ранним утром третьего июля сотни тысяч людей с красными знаменами вышли на улицы. К рабочим присоединились солдатские и матросские колонны. Множество лозунгов содержали требование отставки Временного правительства. Его глава князь Львов растерялся.

Только к исходу дня правительство собралось с духом и решило применить силу. Против более чем двадцати тысяч матросов бросили казачьи части. Всадники с гиканьем налетели на чернобушлатников, засвистели нагайки. Матросы бросились врассыпную. Казаки преследовали их, сбивали с ног. За «братишек» вступилась одна из пулеметных команд, вышедшая на демонстрацию с «максимами». Казаки падали с коней, расстреливаемые в упор очередями.

Потери с обеих сторон составили 56 человек, несколько сот получили ранения. К вечеру хлынул сильный ливень, который разогнал манифестантов по домам и казармам. В те времена до водометов еще не додумались, и разыгравшаяся стихия природы одержала победу над стихией людей.

Шестого июля правительство князя Львова отдало приказ об аресте Ленина и Зиновьева, которые были объявлены главными зачинщиками беспорядков в столице. Однако обоим удалось скрыться и переждать опасное для них время в Разливе. Газеты писали о том, что выступление большевиков в Петрограде удивительным образом совпало с Тарнопольским прорывом немцев, в результате которого Юго-Западный фронт практически развалился. Некоторые издания прямо указывали, что оба события координировались из одного центра. Вновь запестрели публикации о заплombированном вагоне с Ульяновым—Лениным и его соратниками, подозрительно беспрепятственно

пропущенном германской разведкой через свою страну, находящуюся в состоянии войны с Россией.

Во время третьеиюльских событий военный министр Керенский находился на фронте. Выступление большевиков было внезапным, он вернулся в Петроград к шапочному разбору. С фронта Керенский присылал князю Львову телеграммы с требованием самых решительных действий против бунтовщиков. Хватит миндальничать! Революция должна быть сильной и безжалостной по отношению к врагам.

Военного министра, наверное, укрепило в необходимости жестких мер пребывание в отступавших войсках Юго-Западного фронта. Картины бежавшего воинства вызывали стыд. Корнилов на свой страх и риск делал все, чтобы остановить грабежи и разбой. Он отважился даже на крайнюю меру устрашения и приказал беспощадно вешать каждого, кто будет пойман на мародерстве. Керенский своими глазами видел на придорожных столбах болтавшиеся в петлях тела солдат без сапог с дощечками на груди, объяснявшими, каким позорным занятием занимались повешенные.

О маленьком решительном генерале, не побоявшемся ввести у себя на фронте смертную казнь вопреки решению безвольного правительства, Керенский вспомнил восьмого июля, когда сменил князя Львова на посту министра-председателя. Наблюдательный военный министр обратил внимание, что Корнилов передвигался в окружении всадников в высоких белых папах и малиновых халатах, и это придавало им экзотический вид. На боку у них болтались кривые сабли. Это был знаменитый корниловский конвой.

Восторженный прием

Четвертый эскадрон Текинского кавалерийского полка составил личный конвой генерала Корнилова в бытность его командующим 8-й армией.

Приехав в Каменец-Подольский, новый командующий поочередно устраивал смотр всем частям своей армии. Текинский полк был полностью укомплектован туркменскими всадниками. Корнилову они понравились, и он высказал пожелание, чтобы из их числа был сформирован конвой, полагавшийся ему по должности.

С тех пор они вместе. Текинцы полюбили Корнилова. Хотя и пехотный генерал, но степняк по всем повадкам. Прекрасно сидит в седле, разбирается в лошадях. А когда туркмены узнали, что генерал знает Коран и может говорить на их родном языке, поклялись быть преданными ему до конца.

Эскадрон конвоя представлял собой живописное зрелище. Белые косматые папахи и малиновые халаты всадников заметно выделялись своей пестротой на фоне серого пехотного обмундирования. Лица конвойных были неприветливыми, глаза узкими. Безжалостным текинцам, казалось, страх был неведом. Каждого, кто без вызова хотел попасть на прием к командующему фронтом, останавливал зычный окрик:

— Нылза! Рэзатъ будым!

Восемнадцатого июля диковиные всадники выгрузились из вагонов специального поезда, прибывшего в Могилев. Станционные служащие и немногочисленные прохожие с изумлением уставились на невиданных здесь конников.

У выхода из здания вокзала стоял автомобиль. В него в сопровождении спешенных текинцев уселся маленький генерал с раскосыми глазами. Всадники в громадных белых папахах и малиновых халатах взяли автомобиль в полукольцо. Кортёж двинулся в сторону Ставки. Генерал Корнилов прибыл к новому месту

службы и вступил в должность Верховного Главнокомандующего русской армией.

Почему был снят Брусилов, занимавший этот высокий пост? Сказались последствия третьеиюльского выступления большевиков и последовавшего затем правительственного кризиса. Обожавший себя Керенский еще в бытность князя Львова главой Временного правительства, задолго до третьеиюльских беспорядков, в середине июня вступил в конфиденциальные переговоры с тогдашним Верховным Главнокомандующим Брусиловым. Разумеется, не напрямую, а через Савинкова, своего помощника по военному министерству, комиссара Временного правительства при Ставке Верховного Главнокомандующего. Брусилову был задан вопрос: будет ли он поддерживать Керенского в случае, если тот посчитает необходимым возглавить революцию?

Главковерх дал отрицательный ответ, мотивируя тем, что идея диктаторства нереальна, поскольку она будет воспринята как контрреволюция, а это закончится солдатским бунтом и расправой над офицерами.

Тогда роль диктатора была предложена самому Брусилову. Савинков заливался соловьем: Брусилова знает всякий, его популярность в армии необычайно высока, он талантлив и опытен. Однако генерал и здесь ответил отказом, заявив, что попытка установить военную диктатуру в сложившихся обстоятельствах лишь даст решающие козыри большевикам.

Керенский, потерпев неудачу, от своей затеи не отступал. Третьеиюльские события укрепили его в замысле «возглавить революцию своей диктатурой». Брусилов оказался слишком осторожным, несговорчивым. Выбор пал на Корнилова. Подходящая кандидатура по всем статьям. В правительство не метит, не политик.

Куда ему, пехотному генералу, чей потолок — сугубо военная сфера. Вот здесь он на месте. Керенский вспомнил свое короткое пребывание на Юго-Западном фронте, трупы повешенных на придорожных столбах, солдатский страх при появлении маленького генерала с его ужасным азиатским конвоем, готовым выполнить любое приказание своего «уллы-баяра».

Став председателем правительства, Керенский хотел показать твердую руку. Все надежды были на армию. С этой целью он назначил на шестнадцатое июля совещание высших военачальников в Ставке в Могилеве. Хотел послушать, что скажут генералы.

Выступили все приглашенные. Главковерх Брусилов, его начальник штаба Лукомский, главнокомандующие Западным и Северным фронтами Деникин и Клембовский, военный советник Временного правительства Алексеев, Рузский, Савинков. Корнилов и главнокомандующий Румынским фронтом Щербачев в работе совещания не участвовали, так как их фронты вели активные боевые действия.

Генералы в один голос потребовали упразднить солдатские комитеты и прочие выборные органы, которые разлагали армию. Особенно резко выступил Деникин, назвав армию не инструментом ведения войны, как ей положено быть, а клубом для непрерывного голосования.

В итоге совещание признало необходимым «изъятие политики из армии, восстановление дисциплины». В воинских частях упразднялись институты комиссаров и солдатских комитетов. Отменялась «Декларация прав солдата». Вводилась смертная казнь на фронте и военные суды в тылу.

Это были естественные меры по спасению разлагавшейся армии. Их, безусловно, приветствовала та часть русского общества, которая считала невозможным заключение сепаратного мира с

Германией и ее союзниками. Сторонники прекращения войны восприняли решения Ставки как покушение на демократические завоевания. Большевики, разумеется, выступили против, что не помешало им по прошествии некоторого времени, когда они пришли к власти, осуществить эту программу в ходе строительства Красной Армии, за исключением разве что пункта о комиссарах.

Генералы понимали, что приняли непопулярные решения. Глядя на них, Керенский мучительно думал о том, кто же возьмется за исполнение этой программы. Тягостное впечатление на него произвели слова главковерха Брусилова, заявившего, что приказ о полевых судах и смертной казни он подписывает, но знает — приказ этот неисполним, так как вряд ли найдутся охотники выносить приговоры, а тем более приводить их в исполнение. Тогда и мелькнула у Керенского мысль заменить Брусилова Корниловым. Маленький генерал с калмыцким разрезом глаз излучал силу и волю. Керенского с его впечатлительной, женственной натурой непроизвольно тянуло к таким людям. Окончательное решение у министра-председателя созрело в поезде, несшемся из Могилева в Петроград.

Через несколько дней после вступления в должность к Корнилову пожаловали представители главного комитета Союза офицеров. Эта организация возникла в Могилеве при Ставке в мае, когда Корнилов командовал армией на Юго-Западном фронте. Лавр Георгиевич участвовал в ее учредительном съезде. Члены главного комитета Союза офицеров предложили Корнилову спасти армию и Россию. Сюда же, в Могилев, для переговоров с Верховным прибыл К. Николаевский, председатель «Республиканского центра» — политической организации крупных русских

промышленников и банкиров. Николаевский откровенно сказал Корнилову:

— Временное правительство не способно удержать власть в своих руках и тем более руководить нарастающим движением... В Вас, Лавр Георгиевич, мы видим спасение России.

Когда двенадцатого августа Корнилов приехал в Москву на государственное совещание, ночью, стараясь быть незамеченными, в его вагон пришли промышленник Путилов и банкир Вышнеградский. Оба были людьми больших денег и больших возможностей. Путилов был предельно краток:

— В затянувшейся междоусобице Временного правительства и исполкома Петросовета может победить третья сила. Лавр Георгиевич, речь идет о большевиках.

Уходя, поздние визитеры пообещали, что съезд представителей торговли и промышленности готов оказать любую помощь, необходимую для прекращения смуты на русской земле.

Открытие государственного совещания в Москве в Большом театре было встречено мощной забастовкой, организованной большевиками. С Театральной площади не расходились толпы манифестантов. Большевики опасались, что представители правительства, Советов, генералитета, промышленники и общественные деятели и в самом деле могут прийти к соглашению, объединившись вокруг какой-либо сильной личности. Опасения были не напрасными, ибо уже на вокзале, встречая Корнилова, представитель кадетов от имени своей партии заявил:

— На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что клич — да здравствует генерал Корнилов! — теперь клич надежды и он сделается возгласом всенародного торжества!..

Издававшиеся крупными промышленниками газеты в те дни словно под диктовку писали о том, что сильная власть должна начинаться с армии и распространяться на всю страну. Большевики правильно разгадали: Корнилов — угроза революции. Ленин, укрывшись в Разливе, предупреждал о грядущем «русском Кавеньяке». Он был прав: программу действий Корнилова крупная буржуазия встретила с ликованием. В конфиденциальной беседе лидер кадетов Милюков пообещал Корнилову в нужный момент создать правительственный кризис, то есть в решительную минуту противостояния с Керенским кадеты поддержат Корнилова отставкой своих министров.

Открытый разрыв главковерха и премьера намечался на двадцать седьмое августа. Кадеты во главе с Милюковым были уверены, что Керенскому ничего не останется, кроме как пойти на сделку с Корниловым. «У Керенского нет выбора», — говорил Милюков на заседании ЦК партии кадетов двадцатого августа.

По замыслу кадетов, передача власти должна была состояться легально, без военного переворота, арестов и низложения министров. Предполагалось, что Временное правительство издаст формальное постановление о передаче Корнилову диктаторских полномочий.

И снова господин случай смешал карты, подобранные в одну колоду искусными игроками.

Великая провокация

В ночь на двадцать первое августа под ударами немецких войск пала Рига. Дорога на Петроград была открыта. Угроза взятия немцами северной столицы стала настолько реальной, что Временное правительство обсуждало вопрос о переезде в Москву.

В официальной советской историографии утверждалось: Корнилов сдал Ригу преднамеренно, без боя, с тем, чтобы обвинить в поражении большевиков и расправиться с ними, а заодно прихлопнуть и Петросовет, который, мол, Керенский не хотел распускать, чтобы не остаться один на один с военной Ставкой. Новейшими исследованиями установлено, что предательской сдачи города, в чем обвиняли Корнилова, не было.

Керенский, безусловно, понимал, какую угрозу правительственному Петрограду представляет Ставка в Могилеве. После возвращения с государственного совещания до Корнилова начали докатываться слухи о его замене. Поговаривали, что его место займет генерал Романовский, генерал-квартирмейстер штаба Ставки. По другим сведениям, Керенский сам намеревался стать Верховным Главнокомандующим. Корнилова устная молва назначала командующим полевой армией.

Двадцать четвертого августа Корнилов отдал приказ о создании отдельной армии под командованием генерала Крымова, погрузке ее в эшелоны и отправке в Петроград. Советские историки называли эти действия началом контрреволюционного выступления Корнилова. Так ли это?

Правильный ответ можно дать, лишь уяснив, против кого посылались войска. Если с целью захвата власти и свержения Временного правительства — одно дело. Если для укрепления обороны Петрограда в связи с реальной угрозой захвата ее немцами — другое. Раньше главенствовала первая точка зрения. Сейчас появились утверждения, что Керенский как глава правительства ввиду немецкой угрозы погрузил в эшелоны 3-й Конный корпус и Кавказскую дивизию, которые под командованием Крымова двинулись по указанному маршруту. Впрочем, есть и такая версия: Корнилов

направил войска в Петроград под предлогом защиты города от немецкого наступления. На самом же деле для подавления большевиков, которые назначили на двадцать девятое августа свое восстание. Некоторые историки объединяют два этих события в одно: большевики ждали немцев, чтобы с их помощью взять власть в свои руки.

Столь же противоречивы и утверждения об ультиматуме, который Корнилов предъявил Керенскому двадцать шестого августа. В трудах советских историков говорилось, что в этот день мятежный генерал предложил главе Временного правительства явиться в Ставку в Могилев и передать всю полноту государственной власти. То есть Корнилов возглавил военный заговор против демократической власти.

Сам текст этого ультиматума никогда и нигде не публиковался по той простой причине, что он не существует. Почему тогда на него ссылаются?

В этом запутанном вопросе не до конца прояснена роль бывшего обер-прокурора Священного Синода, а в ту пору члена Государственной думы В. Н. Львова — однофамильца главы первого Временного правительства. Не занимая крупных постов в государстве, он, тем не менее, был допущен к решению многих важнейших дел.

Двадцать четвертого августа он приехал в Могилев к Корнилову и доложил, что его прислал сам Керенский. Курьер премьера сообщил: двадцать восьмого августа ожидается выступление большевиков. В этот же день они планируют открыть съезд Советов, который законодательно оформит их приход к власти. Если в Петрограде будет высажен немецкий десант, а его возможность не исключается, то встает вопрос о безопасности Временного правительства. На прямой вопрос Львова, может ли рассчитывать Керенский на укрытие в Ставке, Корнилов ответил утвердительно.

Вернувшись в Петроград, Львов подробно рассказал Керенскому о переговорах с Корниловым. Керенский попросил Львова изложить рассказанное на бумаге, в том числе и то, что Корнилов ждет его в Ставке. Этой фразы было достаточно, чтобы Керенский заявил на заседании правительства — Корнилов намеревается заманить их в Ставку, арестовать и установить в стране военную диктатуру.

Как было на самом деле — трудно сказать. Не исключено, что произошла путаница, нелепость. Возможно, это была тонко разыгранная провокация, цель которой — устранение Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего. О затеянной кадетами хитроумной комбинации Керенский, безусловно, знал, поскольку кадеты прямо говорили ему о необходимости объявить Корнилова военным диктатором легитимным, мирным путем. Однако честолюбивый премьер не намеревался отдавать власть кому бы то ни было. Об этом свидетельствует и разговор видного деятеля кадетской партии Маклакова по прямому проводу с Корниловым двадцать шестого августа. Маклаков сообщил: Керенский воспринял идею кадетов как насильственный переворот.

Скорее всего, генерал Корнилов стал жертвой политических интриг в Петрограде. Кадеты сделали ставку на него, и это было видно по тому, что сразу же после того, как Керенский утром двадцать седьмого августа объявил об измене Корнилова и отстранении его от поста Верховного Главнокомандующего, министры-кадеты подали в отставку. Они выполнили обещание, данное Корнилову.

Как и предполагалось, разразился правительственный кризис.

Однако использовать его для установления военной диктатуры не удалось. Керенский учредил и возглавил «Директорию» из пяти оставшихся министров своего

правительства. Против Корнилова единым фронтом выступили все, кто еще недавно враждовали между собой — Петросовет, Временное правительство, меньшевики, эсеры, большевики.

Недоразумение, порожденное Львовым, до сих пор остается загадкой. Чье задание он выполнял? Как только Львов написал отчет о своем конфиденциальном разговоре с Корниловым, он был сразу же взят под охрану по распоряжению Керенского.

Отстранив Корнилова от поста главковерха, Керенский передал ему приказ сдать дела начальнику штаба генералу Лукомскому, а самому немедленно прибыть в Петроград!

Корнилов не подчинился. Он отверг обвинение в измене, предъявленное ему Керенским и, в свою очередь, назвал того пособником немецких агентов— большевиков. «Я глубоко убежден, — передал он в Петроград, — что совершенно неожиданное для меня решение правительства произошло под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, в составе которого много людей, запятнавших себя изменой и предательством. Уходить под давлением этих людей со своего поста я считаю равносильным уходу в угоду врагу, уходу с поля битвы. Поэтому в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей Родиной, я со своего поста не уйду!».

В ответ Керенский объявил Корнилова вне закона. Главковерхом назначался начальник штаба Ставки генерал Лукомский. Ему предписывалось арестовать Корнилова.

Лукомский телеграфировал в Петроград: правительству надо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение приведет к гражданской войне. Возглавить Ставку Лукомский отказался.

Керенский предложил этот пост главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому. Тот не принял предложение, мотивируя тем, что в случае смещения Корнилова армия расколется надвое.

Мудры были русские генералы!

Опасаясь корниловских мятежников, Керенский, провозгласивший себя Верховным Главнокомандующим, объявил в Петрограде осадное положение. Из армейских arsenалов стали выдавать оружие рабочим отрядам. Парадоксов было много: Керенского охраняли матросы с крейсера «Аврора», власти сами создавали вооруженную Красную гвардию, выдав с гарнизонных складов семь тысяч винтовок, пулеметы, орудия, броневики.

Назвав телеграмму Керенского, обвинявшую его в измене, клеветнической, а приезд Львова в Ставку великой провокацией, Корнилов обратился к народу с призывом спасти умирающую Россию. Он объяснил свою цель — довести страну до Учредительного собрания, на котором народ сам решит свою судьбу и выберет уклад новой государственной жизни. Временное правительство, по мнению Корнилова, оказавшись под влиянием большевистских Советов, действовало в полном согласии с планами генерального штаба, убивало армию и потрясало страну изнутри.

Под стражей

О причинах неудачи, постигшей выступление Корнилова, сказано далеко не все.

Советские историки объясняли крах авантюры генерала единением всех демократических сил столицы. Они сплотились перед угрозой военной диктатуры, позабыв прежние распри. Навстречу медленно продвигавшимся эшелонам с войсками

двинулись агитаторы-большевики. Они, мол, и распропагандировали корниловские части. Большую деморализующую роль сыграло и то, что застрелился генерал Крымов, командовавший походом на Петроград.

Роль большевистских пропагандистов, конечно, умалять не следует. Среди них было немало искусных мастеров устной агитации. Достаточно сказать, что работали они адресно. В Кавказскую дивизию, например, направлялись исключительно мусульмане, в ударные батальоны — георгиевские кавалеры. Но мало кто знал, что количество войск, двигавшихся к Петрограду, было очень и очень незначительным.

Кавказская, или «дикая» дивизия, которой стращали жителей Петрограда, насчитывала всего 1350 шашек. Дивизия была кавалерийской, и эффективное ее использование на улицах представлялось проблематичным.

То же самое относилось и к 3-у Конному корпусу, которым командовал генерал Крымов. Обстоятельства его самоубийства весьма туманны.

В последнее время высказывается предположение, что Крымов не сам застрелился, как написано во всех учебниках, а был застрелен.

Появились публикации, в которых рассказывается, как это происходило. В романе Н. Кузьмина «Сумерки», например, говорится, что выстрел прозвучал в кабинете Керенского, куда Крымов был вызван из Гатчины. Действительно, вряд ли бы генерала пропустили к премьеру с оружием, тем более, что его считали соучастником Корнилова. Керенский выбежал из своего кабинета в приемную и завопил, что Крымов от позора и стыда пустил себе пулю в висок.

Смерть наступила не сразу. Генерала отвезли в госпиталь, но вернуть к жизни не смогли. Врачи обратили внимание, что края огнестрельной раны не

обожжены. Стреляли с расстояния не менее двух метров.

Обезглавленный корпус под влиянием большевистской пропаганды разлагался с катастрофической быстротой. Изъятие из гущи войск одного из самых опасных для Петрограда генералов оказалось решающим в подавлении мятежа.

Тридцатого августа Керенский пригласил к себе Алексеева, который четвертый день ходил в заместителях генерал-губернатора Петрограда, и предложил ему должность начальника штаба при Верховном Главнокомандующем, то есть при себе. Алексеев согласился и тут же получил приказ Керенского отбыть в Могилев и арестовать всех зачинщиков корниловского мятежа.

Тяжело вздохнув, Алексеев засобирался в дорогу. Приехав в Ставку, узнал от Корнилова, что военным комендантом Могилева назначен генерал Бонч-Бруевич, который, еще не прибыв в Могилев, уже отдал распоряжение убрать из охраны Ставки всех текинцев. Это не сулило ничего хорошего для Корнилова. Он знал, что Керенский создал следственную комиссию по его делу, и она, возглавляемая военным прокурором Шабловским, уже в пути.

Алексеев сделал вид, что ничего не знает о приказе Бонч-Бруевича насчет текинцев. Договорились, что Корнилов, Лукомский и Романовский будут помещены в могилевскую гостиницу. Охрану арестованных будут нести текинцы. Хотя Алексеев не потребовал даже, чтобы генералы сдали личное оружие. Верные азиаты были поражены: такого человека — и под стражу!

Из могилевской гостиницы арестованных вскоре переместили в небольшой городок Быхов. Местом содержания выбрали здание бывшей женской гимназии. Сюда же привезли и взятых под стражу генералов и старших офицеров из Каменец-Подольского и

Бердичева. Среди них были Деникин, Марков и другие сослуживцы по Юго-Западному фронту.

Ждали суда.

Волчья полночь

В начале и в середине августа демократическая печать с ликованием называла генерала Корнилова героем и спасителем России. В конце августа и весь сентябрь — узурпатором, предателем революции. Естественно, требовали суда и казни.

— Корнилов должен быть казнен, — витийствовал Керенский. — Да, казнен со всей революционной решительностью и беспощадностью. Но! Я, именно я, ваш испытанный вождь и вдохновитель, я первым из первых приду на его могилу и принесу цветы, и я не только положу цветы на эту святую могилу, но и преклоню свои колена...

Генеральскую тюрьму в Быхове охранял снаружи батальон георгиевских кавалеров. Внутри несли службу верные текинцы. Их стало больше. К эскадрону личного конвоя Корнилова присоединились еще два эскадрона Текинского полка, не пожелавшие расставаться с «уллы-баяром».

Но главным успокаивавшим фактором, безусловно, был польский корпус генерала Довбор-Мусницкого. Симпатии недавнего кавалергарда были на стороне Корнилова и его генералов, и это не могло не остужать слишком горячие головы в могилевском и быховском Советах, требовавших расправы над именитыми узниками.

Здание, в котором размещались генералы, привлекало внимание различных «летучих» отрядов, которые не раз пытались учинить самосуд над арестованными. Вместе с Лавром Георгиевичем была его жена Таисия Владимировна и сын Юрий. Корнилов,

опасаясь за семью, решил отправить ее на Дон, в Новочеркасск, где их обещал приютить Каледин. Им были подготовлены документы на чужие имена, и вскоре начальник конвоя доложил «уллы-бояру»: жена и сын посажены в поезд.

Корнилов из Быхова поддерживал связь с Петроградом. Промышленник Путилов помогал деньгами, поскольку жалованье генералам после ареста выплачивать прекратили. Суммы из столицы поступали довольно значительные, их вполне хватало на то, чтобы время от времени организовывать побеги.

К тому времени, когда в Петрограде большевики совершили переворот, в Быховской тюрьме осталось всего пять генералов. Остальные арестованные бежали. Исчезали по одному и группами. Рассчитывавший на открытый суд, Корнилов, все больше узнавая о нравах новой власти, понял, что ничего хорошего ему от нее ждать не придется.

Решение о побеге укреплялось с каждым новым днем после октябрьского переворота. Ставка в Могилеве была объявлена большевиками гнездом контрреволюции, последним оплотом буржуазии. Когда большевистский Петроград снял генерала Духонина с поста Верховного Главнокомандующего и на его место назначил прапорщика Крыленко, который сразу же объявил поход на Могилев и Быхов, Корнилов решил: пора. К тому же с Дона передали: в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев, который формирует там новую русскую армию из добровольцев. И текинцы начали готовить походные вьюки, ковать коней.

За четыре часа до прибытия в Могилев матросского эшелона во главе с Крыленко к зданию Быховской гимназии, превращенной в тюрьму для генералов, прискакал взмыленный всадник. Это был начальник оперативного отдела Ставки полковник Кусонский. Его

прислал Верховный Главнокомандующий генерал Духонин.

— Лавр Георгиевич, ваше превосходительство, — волнуясь, заговорил он, — время пошло на минуты... Ставка приняла решение не оказывать сопротивления Крыленко. Надо уходить...

Через час генералов было не узнать. Лукомский переоделся в штатское, которое сделало генерала похожим на немца-колониста. Деникин выглядел настоящим польским помещиком. Моложавому Романовскому шли прапорщицкие погоны. На Корнилове мешковато сидела солдатская форма.

В полночь ворота тюрьмы раскрылись. Всадники шли по трое в ряд. В центре длинной колонны рядом с командиром Текинского полка качался в седле Корнилов.

Когда передние шеренги миновали ворота, колонна вскачь понеслась по ночному Быхову, вспарывая тишину провинциального белорусского городка цокотом подкованных конских копыт. Мост через Днепр преодолели шагом, и снова — резвая рысь.

Растворившись в ночном пространстве, они не знали, что генерал Духонин через какой-то час будет прямо на перроне вскинут на штыки пьяной матросней, прибывшей из Петрограда во главе с Крыленко. Духонин спас генералов, но не уберется сам.

Текинский полк передвигался исключительно по ночам глухими дорогами. Телеграф уже разнес приказ нового главковерха: задержать, разоружить беглецов, при необходимости применить силу.

За неделю прошли более трехсот километров. Лесные дороги калечили лошадей, выматывали всадников. Ударили морозы.

Заблудившись, напоролись на бронепоезд. Орудийные стволы полыхнули шрапнелью, затарахтели пулеметы. Расстреливаемые в упор, текинцы

разворачивали коней в сторону спасительного леса. Доскакали немногие.

Посоветовавшись, решили пробираться поодиночке. Корнилов пошел пешком. Конвойные не захотели расставаться с лошадьми. В Новочеркасск, назначенный местом сбора, пришли единицы.

* * *

Каледин, атаман Всевеликого войска Донского, гостеприимно встречая русских офицеров, бежавших от большевиков, через некоторое время под нажимом, с одной стороны, казачьих старшин, и с другой — новой российской власти, начал прозрачно намекать командованию формировавшейся Добровольческой армии, что русскому офицерству безопаснее было бы уйти с Дона — на Ставрополье, на Кубань.

Сепаратизм, намерение отделиться от России захватило умы казачьей верхушки. Корнилов, прибывший в Новочеркасск после побега из Быховской тюрьмы, в мыслях видел Дон оплотом сопротивления развалу России. Триста лет назад Русь спасло нижегородское народное ополчение Минина и Пожарского. Теперь ополчение должно прийти с Дона.

Увы, этим мечтам не суждено было сбыться. Обстоятельства оказались сильнее.

Девятого февраля 1918 года Корнилов бросил свою Добровольческую армию в голую снежную степь. Удержать Ростов не было сил, оставалось одно — идти на Екатеринодар. Это был знаменитый «Ледовый поход» двухтысячной армии, состоявшей из офицеров, где взводами командовали полковники, ротами генералы, а сам командующий шел в колоннах, как обычный офицер.

Пока они пробивались к столице Кубани, она была сдана красным. Положение отчаянное. Но Корнилов не падает духом и принимает решение брать Екатеринодар штурмом.

Тринадцатого апреля 1918 года он был убит одним — единственным выпущенным за весь день снарядом, прошившим домик и разорвавшимся как раз в той комнате, где над картой склонился командующий.

Так закончился первый ГКЧП XX века.

Глава 2

ПРОПАВШАЯ КНЯЖНА

На Западе об этой удивительной истории созданы романы и пьесы, теле- и кинофильмы, романсы и поэмы, даже балет.

Судьба Золушки наоборот, как называли ее в прессе, и в самом деле потрясает жестокостью и неожиданными зигзагами. Чего стоят только одни рассказы о странствиях по замкам и больницам, влиятельным резиденциям и странноприимным домам, в которых ей то льстили, как Романовой, то презирали, как самозванку.

Чудесное спасение

В один прекрасный день эта очаровательная женщина открылась окружающим: она — чудом спасшаяся от смерти после большевистского расстрела в Екатеринбурге великая княжна Анастасия Николаевна, дочь последнего российского императора.

Рассказы княжны изобиловали такими чудовищными подробностями, что не оставляли равнодушными самые суровые сердца.

— Это было ужасно. Большевистские тюремщики подвергли насилию сначала нашу маму, потом Ольгу, потом меня. Царя заставляли смотреть на все это...

Анастасия всхлипывала, стыдливо опускала глаза:

— Они сотворили это со всеми нами, всеми, кроме моего брата. Царь сам предложил повторно подвергнуться этому, чтобы спасти сына. Много дней после этого он не мог ходить. Вот почему, я думаю, Бог сохранил меня... Зачем мне жить? С такими воспоминаниями? Зачем?

По словам Анастасии, у нее был ребенок:

— Я отдала его на усыновление. Он родился от большевистского дьявола, который насильовал меня...

Как ей удалось спастись? Этот вопрос, конечно же, занимал слушателей больше всего.

Анастасия не скрывала подробностей. Из ее рассказов вставала такая картина.

Во время расстрела царской семьи в подвале Ипатьевского дома Анастасия была ранена и потеряла сознание. Когда мертвые тела вынесли во двор, чтобы увезти в лес и закопать, она ожила. Ей удалось уползти от страшного места. Вскоре она встретила незнакомого крестьянина, который помог ей пройти всю Россию и добраться до Румынии.

В Бухаресте княжна разыскала германское посольство и там объявила, кто она на самом деле. Однако недоверчивые чиновники потребовали доказательства. Пришлось открыть их взорам шелковое вышитое белье с царскими вензелями.

«Анастасийцы»

Уцелевшие родственники и близкие царя, проживавшие за границей, разделились. Одни после некоторых колебаний признали Анастасию, другие

категорически отрицали ее причастность к царской фамилии.

Убежденным, пламенным «анастасийцем» был Глеб Боткин — сын погибшего вместе с царем его лейб-медика. Глеб Боткин встретился с Анной Андерсон (под такой фамилией назвавшаяся Анастасией женщина проживала на Западе), будучи взрослым человеком. Взглянув на нее, он сразу же узнал в ней подругу детских игр.

Их первая встреча за границей произошла в замке Зееон близ Мюнхена в 1926 году. Сидевшая перед сыном царского доктора женщина знала такое количество деталей жизни императорской семьи, что потрясенный Боткин с той минуты на всю жизнь поддерживал утверждение: Анна Андерсон и есть чудом спасшаяся великая княжна Анастасия. Глубокий след встреча в замке оставила и в душе Анастасии: в случае своей смерти она завещала похоронить себя именно в этом замке.

Дочь Глеба Боткина Марина стала женой вашингтонского юриста Ричарда Швейцера. Рассказанная им своему знакомому Джеймсу Лоуэллу история о чудесном спасении русской принцессы пробудила у последнего смутные ассоциации, что он уже где-то слышал об этом. Вспомнил: в детстве, от гувернантки-литовки, родители которой тоже пострадали от большевиков. Отец Джеймса был армейским офицером, они жили тогда в Германии.

В 1972 году зять Боткина впервые представил их друг другу — Анну Андерсон и Джеймса Лоуэлла. Джеймс во все глаза разглядывал живую легенду своего детства.

Выслушав принцессу, Лоуэлл поначалу отнесся к ее рассказу довольно скептически. Однако его вера начала возрастать с каждой новой встречей. Стала верить ему и принцесса, избрав его своим биографом:

— Вам я верю, — сказала она Лоуэллу. — Вы избранный. Когда я гляжу вам в глаза, я вижу душу царя. Вы хороший... Вы мой наследник. Вам одному я оставляю эти истины. Как вы поведаете их миру, решать вам, но я разрешаю вам сделать это от моего имени...

Джеймс Лоуэлл увлекся замыслом, потратив на сбор материала об Анастасии почти два десятилетия. Это стоило ему сотен тысяч долларов. Значительная часть суммы ушла на приобретение знаменитой коллекции Алексея Милюкова, которая славилась как самое большое собрание памятных вещей, связанных с семьей Романовых. Среди драгоценностей коллекции — письма, рисунки, неопубликованные фотографии, сделанные самой императорской семьей, кинофильм. Лоуэлл приобрел также пленки с записями рассказа Анны Андерсон о ее жизни, фрагменты начатой, но не законченной Алексеем Милюковым биографии Анны, большое количество ее волос.

Вашингтонец проделал колоссальную работу, итогом которой стал переведенный на многие языки бестселлер «Анастасия: пропавшая княжна». Зять Боткина и его жена Марина изо всех сил помогали энтузиасту. Книга Лоуэлла, несомненно, увеличила число «анастасийцев».

«Антианастасийцы»

Было немало и тех, кто с самого начала не верил, что Анна Андерсон — спасшаяся дочь Николая II.

Резко отрицательную позицию занимал и глава Российского императорского дома великий князь Владимир Кириллович:

— Анна Андерсон должна была прежде всего поехать к своей бабушке, императрице Марии Федоровне, жившей в Дании. Мария Федоровна никогда

в сердце своем не верила, что ее сын погиб вместе со всей семьей. Казалось, поезжай к ней, и дело будет решено. Однако она на это не осмелилась, хотя была в Берлине, в нескольких часах езды от Дании...

К числу не веривших относился и проживавший в Лондоне князь Ростислав Романов, который приходился внучатым племянником последнему российскому царю.

— Мой отец воспитывался вместе с великой княжной Анастасией, — заявлял он. — Однако эта женщина так и не проявила желаний с ним встретиться.

Подозрение вызвало и то, что Анна Андерсон наотрез отказывалась говорить на публике по-русски. В то же время знание ею подробностей жизни двора потрясало.

Не верил в Анну Андерсон и английский лорд Маутбеттен, мать которого была сестрой царицы.

Великие княгини Ольга и Ксения, тетки Анастасии, сначала отнеслись к ней весьма благосклонно. Одаривали вниманием, написали ей несколько ласковых записок, по которым можно судить о наличии признаков признания. Однако такое отношение продолжалось недолго. Оно сменилось холодом и скептицизмом, а вскоре и категорическим отрицанием причастности Андерсон к царской семье.

Уже известный нам Джеймс Лоуэлл объясняет резкую размолвку финансовыми мотивами.

Анна Андерсон рассказала великой княгине Ольге в 1925 году, что незадолго до кровавой трагедии в Екатеринбурге царь собрал их, своих дочерей, и сказал, что на случай, если их разлучат, в английском банке для них лежат достаточные средства. Он сообщил им код, по которому банковские служащие смогут найти их счет. Анна запомнила только, что это было слово, звучавшее по-немецки, с буквой «а» посередине, — что-то, имеющее отношение к дереву.

Зять Боткина Ричард Швейцер и его друзья-юристы полагали, что эти деньги мог доставить в Англию Петр Львович Барк, министр финансов в правительстве Николая II. А Джеймс Лоуэлл раскопал, что Барк действительно в свое время открыл отделение английского банка с уставным капиталом в 80 миллионов долларов. Биограф Анны Андерсон догадался: наверное, из романовских средств!

Вот этот мотив исследователь и посчитал главным в обострении отношений между великой княгиней Ольгой и ее племянницей Андерсон.

Тетка, мол, не захотела делиться с унаследованными деньгами и потому объявила ее самозванкой!

По поводу этих денег споры не утихают до сих пор. Покойный уже великий князь Владимир Кириллович говорил в мае 1991 года:

— Самозванцев всегда было много. Было очевидно, что окружавшие эту женщину люди верили, что императорская семья оставила деньги в английском банке. А ведь император как патриот первым перевел эти деньги в Россию в самом начале войны, полагая, что и другие должны поступить также. Неверно говорят, что это были его личные деньги. Это были государственные деньги для нужд войны, державшиеся у союзников России. Интересно, что однажды сын бывшего президента одной южноамериканской страны спросил у нашего знакомого, правда ли, что великий князь не вывез из страны капитал? Как же это может быть? Мой отец, говорил он, был президентом всего 10 или 12 лет, и все в нашей семье миллионеры. А эти дураки были 300 лет у власти и остались без всего... Ему это было дико. А нам как раз непонятно другое отношение к вещам...

Впрочем, тема царских денег довольно запутана. Что с ними произошло в действительности, мало кто

знает. Американская журналистка Дайана Маклеллан, например, в газете «Вашингтон таймс» осенью 1993 года писала, что в 1987 году, после 60 лет отрицания этих денег, английское правительство вдруг создало Российский компенсационный фонд для держателей дореволюционных царских облигаций. Представители фонда заявили журналистке, что эти деньги идут со счета царя Николая II «во много миллионов долларов в Лондонском банке».

Медицинский сюрприз

Кого-кого, а Джеймса Лоуэлла трудно заподозрить в финансовых мотивах его необычно высокого интереса к судьбе пропавшей княжны. Похоже, он искренне верил, что Анна Андерсон и есть русская принцесса Анастасия. Иначе почему он упорно настаивал на проведении тщательного исследования образца ткани ее тела, предлагал использовать волосы для извлечения ДНК?

Лоуэлл, кажется, больше всех на Западе сделал для популяризации истории чудесного спасения Анастасии. Он поведал немало душещипательных эпизодов из ее жизни, которые наполняли состраданием сердца читателей. Многим запал в душу сюжет о том, как княжна бросилась с моста в Берлине в 1920 году, пытаясь покончить с собой — от отчаяния. Потом фортуна вроде ей улыбнулась: русской Золушке наоборот пожертвовали изолированный домик в уютном немецком городке Унтерленгенхардте. Уединенная жизнь, изредка нарушавшаяся вниманием зевак-туристов, продолжалась довольно долго. В конце концов она наскучила, и Анна перебралась за океан.

Русская принцесса приглянулась Джеку Мэнахэну — сказочно богатому американцу, отличавшемуся эксцентричным характером. Его пылкое воображение было потрясено рассказом Анастасии, согласно

которому своим спасением она обязана доктору Евгению Боткину. Лейб-медик царя якобы отправил на смерть собственную дочь. Девушка погибла ради того, чтобы не засохла последняя веточка императорского дома.

Вскоре Мэнахэн сделал ей предложение и Анна стала супругой миллионера. Остаток жизни она провела вместе с мужем в городе Шарлотсвилле, штат Вирджиния.

Анна Андерсон скончалась в 1984 году в возрасте 83 лет. Муж пережил ее на шесть лет.

После смерти Андерсон, которую, согласно ее завещанию, кремировали, стали появляться различные образцы волос, будто бы принадлежавшие ей. Однако большинство имели весьма сомнительное происхождение. Многие лжеученые пытались поднять свою профессиональную репутацию или репутацию своих лабораторий ДНК подобным сенсационным способом.

Митохондриальная ДНК передается только по женской линии. Особенность этой ДНК такова, что она мало изменяется с течением поколений. В разных семьях она, как правило, разная. У настоящей Анастасии она была бы такой же, как у принца Филиппа Английского, чья бабка была сестрой русской царицы и чья ДНК уже хранится в Олдермастоне (Англия) вместе с ДНК других потомков царя и царицы.

Это единственное место, где имеется база данных широкого спектра о ДНК Романовых и гессенского семейства. Русская царица, напомним, была гессенской принцессой. Образцы ДНК, хранящиеся в Олдермастоне, уже один раз сослужили хорошую службу. Их использовали для идентификации девяти скелетов, найденных в Екатеринбурге, на предмет принадлежности к царской семье.

Однако с использованием волос для извлечения ДНК было сложнее. Волосы, приписываемые Анне Андерсон, — срезанные, лишённые корней. Трудно установить, кому они в действительности принадлежали. Вот если бы свершилось чудо — и обнаружилась какая-нибудь ткань тела Анны Андерсон!

Чудо свершилось, несмотря на то, что тело женщины, называвшей себя русской царевной Анастасией, было кремировано согласно ее воле. Уже известный нам исследователь Джеймс Лоуэлл сделал потрясающее заявление: он обнаружил сохранённую медицинскими средствами ткань тела Анны Андерсон!

Ключ к истине?

Заявление Лоуэлла произвело настоящую бурю как среди «анастасийцев», так и среди «антианастасийцев». Появился ключ, с помощью которого, наконец, можно было приблизиться к истине.

Ключ, правда, имел довольно прозаический вид. Это был кусочек кишки, иссечённый хирургическим путем из кишечника Анны Андерсон за пять лет до ее смерти в госпитале Марты Джефферсон в Шарлотсвилле. Андерсон обратилась туда в 1979 году по поводу кишечной блокады.

Ткань находилась в том же госпитале — в формалине и в блоке парафина — правильно хранящаяся, тщательно маркированная, надёжно спрятанная в специальном медицинском сейфе. Это крохотное сокровище обалдевший от счастья Лоуэлл назвал самым дорогим для себя в российской короне.

Где проводились исследования? Конечно же, там, где определяли принадлежность костных останков российской императорской фамилии, — в лаборатории судебной экспертизы английского министерства внутренних дел в Олдермастоне! Лоуэлл и его друг

Швейцер добились принятия постановления суда об официальной выдаче этого кусочка ткани указанной лаборатории. Они же предложили полностью оплатить исследование.

Лоуэлл, назначенный родственниками миллионера Мэнахэна их единственным представителем на всех исследованиях ткани Анны Андерсон, многого боялся. Что этот кусочек ткани неправильно иссечен. Что ученые не смогут извлечь достаточного количества ДНК из образца ткани. Единственное, в чем он не сомневался, так это в том, что Анна Андерсон Мэнахэн была российской великой княжной Анастасией.

— А если не была? — спрашивали у него.

— Это невозможно, — убежденно отвечал он.

И вот заключение: женщина, долгое время называвшая себя младшей дочерью русского императора Николая II Анастасией, на самом деле таковой не являлась. К такому обескураживающему выводу пришел эксперт министерства внутренних дел Великобритании доктор Питер Гилл, который в июне 1994 года исследовал образец ткани умершей десять лет назад Анны Андерсон.

Ее нельзя считать родственницей царя или царицы, заявил доктор Гилл. Кто же она была на самом деле? Ее подлинное имя — Франциска, а фамилия — Шанковска. Польша. Во время Первой мировой войны она была простой работницей на одном из польских заводов, производившем боеприпасы. В результате взрыва на этом предприятии она была серьезно ранена в 1916 году, находилась под наблюдением врачей-психиатров и бесследно исчезла четыре года спустя при невыясненных обстоятельствах.

Доктор Гилл сопоставил результаты своего исследования с данными внучатого племянника Франциски Шанковской, и они совпали.

Вопросы остаются

Положило ли заключение английского эксперта конец этой одной из самых громких мистерий XX века?

Отнюдь нет. Да и сам ученый заявил, что не может быть уверен в своих результатах на все сто процентов. По его мнению, нет полной гарантии, что кусочек ткани принадлежал именно Анне Андерсон, хотя в госпитале, где ее оперировали, надежная система хранения и идентификации тканей.

Лоуэлл, Швейцер и его жена Марина продолжают верить, что Анна Андерсон была царской дочерью Анастасией:

— Мой отец знал Анастасию в детстве, — сказала Марина Швейцер в интервью телекомпании Ай-ти-эн. — Когда же та объявилась вновь, ему не верилось в эту историю, однако после персональной встречи отец убедился в том, что это была Анастасия, и никогда больше не менял своей позиции. Я очень расстроена итогами исследования, но остаюсь при прежнем мнении.

Анна Андерсон — не единственная, кто объявлял себя царской дочерью. Лжеанастасий было немало, — в отличие от других ее сестер. Не было самозванок Марий, Ольг и Татьян. Наверное, неспроста брали имя младшей дочери царя. Здесь непременно что-то кроется.

Кстати, идентификация девяти скелетов, найденных в Екатеринбурге, показала: останков Анастасии и ее 14-летнего брата Алексея нет. Так что легенды и мифы о чудесном спасении 17-летней Анастасии произрастают не на пустом месте.

Версия Серго Бери

В книге «Мой отец — Лаврентий Берия», вышедшей в Москве в 1994 году, есть невероятный эпизод.

Дело происходило через несколько лет после окончания войны. Серго Берия окончил военную академию и служил офицером. Однажды в Большом театре мать показала ему седую женщину в темной одежде с очень выразительным лицом. Весь спектакль, а шел «Иван Сусанин», эта женщина проплакала.

— Знаешь, кто это? Дочь Николая II, великая княгиня Анастасия.

Серго признается, что от этих слов опешил. Дома мать рассказала ему потрясающую историю, которую не отнесешь к числу очередных легенд о самозванке.

К его отцу обратился один офицер. То ли капитан, то ли майор. То, что он рассказал, на первый взгляд выглядело странно. Во время войны он был ранен на территории Польши. Подобрали его монахини какого-то православного монастыря, выходили. Там, в монастыре, наш офицер знакомится с настоятельницей, и у них складываются доверительные отношения. Настоятельнице, как он рассказывал, было интересно общаться с русским. Позднее, предварительно взяв с него слово о молчании, она призналась ему:

— Я — дочь Николая II. Анастасия...

Серго Берия уверяет: такое обращение офицера к его отцу — факт. Естественно, выслушав эту невероятную историю, отец доложил обо всем Сталину. Правда, офицер взял с Лаврентия Павловича слово, что ничего худого с Анастасией не случится. Сталин однако усомнился:

— Может, самозванка? Проверьте...

Так что проезд ее в Советский Союз, конечно же, был организован с ведома Сталина. Иосиф Виссарионович решил так: пусть, мол, офицер этот едет в Польшу и предложит той женщине приехать в СССР. Разумеется, если будет на то ее воля.

Далее Серго утверждает, что Анастасия Николаевна согласилась приехать в СССР. Две недели жила в Москве, в выделенном для нее особняке. А тот офицер был с ней. Никто, естественно, не знал о том, что она дочь последнего российского царя. Посещала музеи, театры. Съездила в Ленинград.

«Деталей проверки и тому подобного я не знаю, — пишет автор, — но слышал от отца, что ей было предложено полное государственное обеспечение. Анастасия Николаевна поблагодарила за приглашение остаться в СССР, но отказалась. Сказала, что дала обет Господу и должна возвратиться в монастырь. Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать. Знаю только, что она возвратилась тогда же в Польшу. Больше никогда о дочери Николая II мне слышать не приходилось».

Перед отъездом в Польшу она вроде бы высказала одно-единственное пожелание к советскому правительству — негласно похоронить ее в царской усыпальнице в Ленинграде.

И напоследок еще одна история, и тоже из числа невероятных.

Пятая дочь царя

Среди некоторых исследователей рода Романовых на Западе бытует версия о том, что у Николая II была и пятая дочь, тоже пропавшая. Эту версию поддержала и популяризировала Анна Андерсон.

Пятая девочка якобы родилась в 1903 году, когда Анастасии было два года. Нарекли ее Александрой. Однако жить в Петербурге ей не привелось. Придворные опасались объявлять, что у царицы снова родилась девочка, пятая по счету, ибо это, по их мнению, вызвало бы недовольство у народа, который и так не очень жаловал государыню за немецкое происхождение. А тут еще не способна произвести на

свет наследника престола. Не злой ли умысел — все девки да девки... Поэтому девочку спешно вывезли из императорского дворца и отправили в Голландию, где она получила воспитание. Спустя 11 месяцев после этого, 30 июля 1904 года, родился царевич Алексей.

Александра — так нарекли незадачливую царевну — была дважды замужем, носила сначала фамилию Хеммес, а во втором браке — де Грааф. По профессии она была психотерапевтом, слыла неплохим специалистом.

Впервые две предполагаемые сестры — Александра и Анна — встретились в 1950 году. Анна скрывала эту связь, считая ее «опасной».

Младшая сестра умерла раньше — в 1968 году. После кончины среди ее вещей обнаружили царские рубли под сериальными номерами, а также несколько безделушек, принадлежавших царской семье.

У Александры де Грааф остались двое детей: сын Антон ван Веелдон и дочь Джанетт.

Джанетт — точная копия Татьяны, одной из дочерей царя.

Отстаньте от усопшей

Между тем в небольшой баварской общине Зееон-Зеебрук разгорелся ожесточенный спор между бургомистром Конрадом Глюком и местным краеведом Хансом Хофером.

Предмет спора — правомерность пребывания в расположенном поблизости от замка Зееон склепе немецкого дворянского рода Лойхтенбергов находящегося там с 1984 года праха Анны Андерсон.

Краевед Х. Хофер представляет интересы родственников Романовых — Лойхтенбергов. Он настаивает на необходимости убрать могилу Лжеанastasии из дворянского склепа.

— До замужества, — говорит краевед, — эту женщину звали Франциска Шанковска. Она даже не говорила по-русски. Она была польской крестьянкой. И лишь после того, как она попыталась утопиться в 1920 году в берлинском Ландверканале, самозванка стала выдавать себя за царскую дочь.

По мнению Хофера, городские власти, разрешившие в 1984 году похоронить принцессу в родовом склепе Лойхтенбергов, грубо нарушили договор, по которому в этом семейном склепе можно хоронить только отпрысков своего рода.

Однако бургомистр К. Глюк игнорирует обращения к нему призывы о перезахоронении Лжеанastasии.

— Нас не интересуют доказательства, — говорит он, — надо просто уважать усопших.

Не пошел бургомистр и на компромиссное решение, предложенное представителем интересов родственников Романовых о перезахоронении урны с прахом лжепринцессы на территории замка Зееон, но подальше от княжеского склепа.

— Отстаньте от умершей, — заявил бургомистр, поддержанный общественным советом. — Пусть она покоится в мире.

Ну как тут по аналогии не вспомнить российскую традицию постоянно кого-то перезахоранивать? Впрочем, это уже тема, которая выходит за рамки нашего повествования.

Глава 3

ДВЕ ТАЙНЫ СТАЛИНА

Чьим сыном был вождь всех народов? Сколько жен у него было? Еще недавно эти сведения составляли государственную тайну особой важности. Да и сейчас многое неясно.

Тайна рождения

О происхождении Сталина сложено много легенд. По рассказам близко знавших его людей, Иосиф Виссарионович не любил вспоминать о своем детстве. У него не было личных друзей. В отличие от своих преемников, он не привел в Кремль ни одного земляка, с которым бы сблизился в юности. Даже самый доверенный человек, начальник личной охраны Н. С. Власик, был белорус, из Брестской области.

И только состарившись, когда ему было уже под семьдесят, Сталин неожиданно начал вспоминать друзей детства, оставшихся в Грузии. В личном архиве Сталина обнаружены коротенькие записки на грузинском языке, адресованные товарищам по учебе в духовном училище и семинарии Петру Копанидзе, Григорию Глурджидзе, Михаилу Дзерадзе и другим сверстникам-землякам с просьбой принять от него небольшие подарки — от 30 до 40 тысяч рублей. Подписывался именем Сосо.

Сухость и холодность Сталина по отношению к друзьям детства и юности имеет свои причины. То, что вождь держал на отдалении людей, которые знали близко его семью, ныне исследователи склонны объяснять, и, наверное, не без оснований, темными обстоятельствами его появления на свет.

Сам Сталин, в отличие от своих почти всех последующих преемников, кроме, пожалуй, Андропова и Черненко, которые тоже мемуаров не оставили, своим жизнеописанием не занимался. Существуют лишь два официальных источника, в которых имеются упоминания о родителях Сталина. В первом об этом сказано так: «Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря 1879 года в городе Гори, Тифлисской губернии. Отец его — Виссарион

Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило, Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать — Екатерина Георгиевна — из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гамбареули».

Источник называется «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», изданный при жизни вождя и лично им отредактированный. Кроме приведенного выше абзаца, в биографической книге объемом 242 страницы нет ни одной строки, касающейся семьи, в которой родился вождь.

Второй источник — в последнем, 13-м томе Собрания сочинений Сталина. Там приводится запись его беседы с немецким писателем Эмилом Людвигом. Беседа проходила в декабре 1931 года:

— Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое отношение со стороны родителей?

— Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо.

Любознательных читателей отсылаю к 113-й странице упомянутого тома, где сам прочел такой вот лаконичный ответ. Э. Людвиг, написавший к тому времени портреты Муссолини, кайзера Вильгельма и президента Масарика, пытался углубиться в загадочную душу советского диктатора, но Сталин не стал рассказывать ему о своем детстве.

Больше никаких официальных источников о родителях Сталина обнаружить не удалось, несмотря на многотрудные архивные поиски. Есть, правда, описание матери Сталина, принадлежащее перу Светланы Аллилуевой, посетившей вместе с братьями Яковом и Василием бабушку в июне 1935 года, за два года до ее кончины. Светлане было тогда шесть лет. Дети гостили у бабушки всего два дня. Впрочем, детские впечатления — всегда самые яркие и

прочувствованные, а потому есть смысл, опять же истины ради, привести их здесь.

«Она жила в каком-то старом красивом дворце с парком, — вспоминала через четверть века дочь Сталина. — Она занимала темную низкую комнату с маленькими окнами во двор. В углу стояла железная кровать, ширма, в комнате было полно старух — все в черном, как полагается в Грузии. На кровати сидела старая женщина. Нас подвели к ней, она порывисто нас всех обнимала худыми, узловатыми руками, целовала и говорила что-то по-грузински. Я заметила, что глаза у нее — светлые на бледном лице, покрытом веснушками, и руки покрыты тоже сплошь веснушками. Голова была повязана платком, но я знала — это говорил отец, — что бабушка была в молодости рыжей, это считается в Грузии красивым».

Уже после падения коммунистического режима, в 1993 году, одновременно в Берлине, Чикаго, Токио и Москве в серии «Документы русской истории» вышел 222-страничный сборник «Иосиф Сталин в объятиях семьи», составленный из документов, хранившихся в личном архиве вождя, а сейчас по наследству — в Архиве Президента Российской Федерации. Первый раздел, открывающий книгу, предваряется строкой: «Живи тысячу лет, мама — моя!» Этой фразой заканчивались почти все письма Сталина к матери, Екатерине Георгиевне Джугашвили. Впервые опубликованные в сборнике, они представляют громадный интерес.

Сборник, несомненно, уникален. Первый раздел, как мы уже говорили, называется «Мать». Второй — «Жена». О несчастной судьбе Надежды Аллилуевой, которая, как полагают, покончила самоубийством в ночь на 9 ноября 1932 года. «Дети» — о непутевых Якове, Василии, Светлане. Есть даже специальный раздел

«Родственники». А вот про отца — ни строки, ни слова. Почему?

В президентском архиве разъяснили:

— Об отце Сталина никаких документальных материалов у нас нет.

Уму непостижимо: оказывается, никто никогда не видел даже фотографии отца вождя всех народов!

О нем известно лишь то, что по профессии он был сапожником-кустарем. Когда умер, где похоронили — ведомо лишь Богу. Отсутствие официальных сведений — наверное, неспроста! — породило массу всевозможных слухов и легенд.

Молва приписывала Виссариону Ивановичу беспробудное пьянство. Источниковедческой базой, которая послужила мощным толчком для распространения этого мнения, стали откровения грузинского меньшевика И. Иремашвили. Насколько им можно верить? Во всяком случае, специалисты утверждают, что Иремашвили хорошо знал семью Джугашвили. Так вот, он писал, что Виссарион Иванович сильно пил, а потому прозябал в страшной нищете. Его семья испытывала неопишемую нужду, в результате чего в младенческом возрасте умерли сыновья Михаил и Георгий. Иосиф был третьим ребенком в семье. Когда ему исполнилось пять лет, заболел черной оспой и едва выжил. Следы той тяжелой болезни остались у него на всю жизнь. Именно их имели в виду жандармы, когда в графе «особые приметы» указывали: «Лицо рябое, с оспенными знаками».

По свидетельству И. Иремашвили, пьяный Виссарион Джугашвили частенько бивал жену. Доставалось и сыну, которого сапожник невлюбил с самого рождения. Иосиф якобы отвечал тем же отцу. Несправедливые побои ожесточили мальчишку, что наложило отпечаток на его характер и обернулось впоследствии неисчислимыми бедствиями для миллионов людей.

Семейный разлад родителей достиг такого состояния, что о примирении не могло быть и речи. Мать Сосо обвинялась в супружеской неверности, мальчик не признавался сыном. Жизнь стала невыносимой, и Екатерина Георгиевна устроила сына в Горийское духовное училище. Однако уход Сосо из родительского дома не успокоил мужа. Вскоре он окончательно бросил жену и переехал в Тифлис. Имеются сведения, что Виссарион Джугашвили умер в неизвестности в ночлежке и похоронен за казенный счет. Распространено и другое мнение: убит родственниками жены, которые таким образом избавили ее от мучителя.

Как было на самом деле, наверно, уже никто никогда не узнает. Как и того, был ли Виссарион Джугашвили отцом Сталина, в чем многие очень сильно сомневались. Прежде чем изложить эти версии, необходимо все же сделать оговорку: речь идет не об историческом, не о достоверном материале, а всего лишь о вероятном.

Итак, версия первая: Екатерина Георгиевна вообще не знала, кто отец Сосо. Когда он родился, ей было двадцать лет, а Сосо был у нее уже третьим ребенком. *За:* муж все пропивал, и потому она была вынуждена зарабатывать на содержание семьи, служа в богатых домах — пекла хлеб, стирала белье, убирала помещения. *Против:* третий ребенок в 20 лет на Кавказе не исключение. Грузинки традиционно выходят замуж рано.

По второй версии, отцом Сталина был Яков Егнаташвили, — пишет А. Антонов-Овсеенко в книге «Сталин без маски», — купец 2-й гильдии. Он жил в Гори и нанял прачкой юную Екатерину Геладзе из села Гамбареули. Чтобы покрыть грех, Егнаташвили выдал Кэто замуж за холодного сапожника Виссариона Джугашвили из села Диди-Лило.

За: первая жена Иосифа Сталина, Екатерина Сванидзе, тоже из села Диди-Лило. Но одновременно и *против:* вряд ли бы родственники позволили крепить связь с этим селом, поскольку семейная честь в грузинских селениях почитается превыше всего. Снова *за:* якобы именно князь Егнаташвили, будучи глубоко религиозным человеком, определил Сосо в духовное училище, а потом в семинарию. Сталин не забыл покровителя: благосклонно относился к двум его сыновьям и даже сделал их членами Верховного Совета Грузинской ССР. И снова *против:* легенда о князе Егнаташвили почему-то возникла только после закрытого доклада Хрущева на XX съезде КПСС, когда Сталина не было уже в живых. Именно тогда во Франции объявился эмигрант, сделавший сенсационное заявление, будто он брат... Сталина. Это был один из сыновей Егнаташвили. Спрашивается, почему столько лет он молчал?

Третья версия связана с именем Пржевальского. *За:* удивительное, прямо-таки фантастическое портретное сходство! Мол, мать Сталина изменила своему мужу со знаменитым русским путешественником. Легенда оказалась столь живучей, что до сих пор не сходит с газетных полос.

Но... живет без всякой славы среди зеленыя дубравы... В деревне Рыбное Витебской области обнаружился неожиданный летописец и продолжатель этого рода — Иосиф Пржевальский, который доказывает алиби своего далекого предка. Сталин родился 21 декабря 1879 года. Где был и что делал девять месяцев назад Н. М. Пржевальский? Ответ в его «послужном списке», обнаруженном пытливым белорусским исследователем. «Командирован на два года в Центральную Азию — 20 декабря 1878 года. Возвратился 6.06.1881 г.».

Все встало на свои места? Если бы! Сторонники отцовства Пржевальского тоже не лыком шиты: посмотрите, говорят, что он делал до декабрьской командировки 1878 года. Действительно, что? 31 марта 1878 года досрочно возвратился из Джунгарского путешествия, где заболел. Лечился в Зайсане, Петербурге, в своем имении в Смоленской губернии — с марта по декабрь 1878 года. Девять месяцев. Где доказательства, что он не ездил в Грузию отдохнуть и подлечиться?

А тут еще споры о дате рождения: по новым данным, не 21 декабря 1879 года, как во всех энциклопедиях, а 6 декабря 1878 года.

Словом, темна вода во облацех. Единственное, что не вызывает разночтений — Сталин на похороны матери не поехал. Подсчитано, что с 1903 по 1937 год он видел ее не более пяти раз. Однако в его личном архиве обнаружен текст на русском и грузинском языках для надписи на ленте к венку: «Дорогой и любимой матери от сына Иосифа Джугашвили (от Сталина)».

Тайна личной жизни

О первой жене Сталина, кроме ее имени и того, что она умерла в молодости от тифа, ничего не известно.

Сохранилась фотография 1908 года: Сталин с ближайшими родственниками у гроба, в котором среди цветов лежит Екатерина Сванидзе. Лицо супруга — худое, осунувшееся. Говорят, он сильно переживал смерть жены.

Троцкий, злейший враг Сталина, называет в своих воспоминаниях Екатерину Сванидзе «молодой, малокультурной грузинкой». Однако известная наша поэтесса Лариса Васильева, крупнейший специалист по кремлевским женам, утверждает: у этой «малокультурной» девушки из грузинской деревни до

14 лет были домашние учителя, брат ее учился в Берлине.

Мозаика сведений о первой сталинской жене крайне скупа и разноречива. По одной из легенд, Сталин женился на Кэто по настоянию своей матери, которой казалось, что эта тихая, скромная девушка будет хорошей женой сыну. Дмитрий Волкогонов придерживается другой версии, приводя романтическую историю тайного венчания одноклассником по семинарии Христофером Тхинволели в церкви святого Давида в июне 1906 года. Кэто была очень красивой девушкой, и Сталин влюбился в нее без памяти. Чувство было взаимное: Кэто глядела на мужа, «как на полубога». Так отзывался об их отношениях друг Сталина по семинарии, впоследствии грузинский меньшевик И. Иремашвили.

По одним рассказам, Кэто была тихой, домашней женщиной. По другим — участвовала в делах мужа, распространяла ленинскую «Искру». В одном селении утверждают, что первая жена Сталина была замечательной портнихой — она, мол, шила даже для супруги тифлисского губернатора. В другой деревеньке помнят ее как прачку, и только.

Женаты они были менее двух лет, и то с перерывами, поскольку муж постоянно куда-то исчезал. После смерти Кэто их двухмесячного сына Яшу отдали на воспитание дальней родственнице.

С 1908 по 1918 год Сталин холостяковал. Обзаводиться новой семьей было некогда: семь арестов, пять побегов из тюрем, ссылки. Впрочем, по утверждению Д. Волкогонова, в местах последней ссылки, в Туруханском крае, у Сталина якобы была связь с одной из жительниц, от которой появился ребенок. Сам вождь, разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте, который стал известен Волкогонову от старого большевика И. Д. Перфильева,

сосланного в те края уже в советское время. Волкогонов пишет, что ему не удалось установить, проявлял ли Сталин заботу об этой женщине, чей путь пересекся с этапной дорогой ссыльного революционера.

Интересно, какова судьба того внебрачного ребенка, появившегося на свет в забытом Богом Туруханске? Ведомо ли ему было, что он сын (или дочь) Сталина? В ноябре 1994 года во Франции обнаружилась внебрачная дочь президента Миттерана. Общество отнеслось к этому сенсационному сообщению спокойно. Возможно ли такое у нас?

В 1912 году жительница города Вологды Пелагея Ануфриева получила по почте книгу «Очерки по истории литературы» с дарственной надписью: «Умной скверной Поле от чудака Иосифа». Этим чудачком был товарищ Сталин.

29 июля 1911 года он поселился в Вологде, где ему разрешили жить после ссылки в Сольвычегодске. Полиция сразу же установила за ним наблюдение. Вологодский историк и писатель Владимир Аринин обнаружил — уже в новые демократические времена — в местном архиве каким-то чудом сохранившиеся свидетельства о весьма пикантном приключении молодого Джугашвили.

Первое донесение шпики об Иосифе Джугашвили датировано 21 июля 1911 года: «Роста среднего, около 30-35 л., брюнет, небольшая бланже-бородка, продолговатое, со следами натуральной оспы лицо или веснушки, волосы на голове короткие, черные, правильного телосложения, походка ровная, одет в черную в полоску пару, черная мягкая шляпа. Тип грузина. Кличка ему дана Кавказец».

Ровно через месяц шпики в своем донесении зафиксировали, что Кавказец гуляет по Вологде не один, а с барышней «роста среднего, лет 23, интеллигентка, темные густые волосы, чистое лицо,

правильного телосложения, походка ровная. Одета в черный полусак, черная юбка, модная спереди, красная сзади, черная отделка шляпы, особых примет нет». Шпики дали барышне кличку Нарядная, и с 21 августа 1911 года их донесения стали напоминать конспект любовного романа, изложенного специфическим полицейским языком. Шпики детально фиксировали, когда и где встречались Кавказец и Нарядная, сколько они гуляли, где обедали и сколько часов провели вдвоем в доме, где жила Нарядная. Она была приезжей и снимала квартиру у местного жителя. Владимир Аринин насчитал более трех десятков таких донесений.

Кавказец и Нарядная расстались 6 сентября 1911 года. В тот день Джугашвили бежал из Вологды, а его барышня уплыла куда-то на пароходе.

Нарядная — это была Пелагея Георгиевна Ануфриева, дочь богатого сольвычегодского крестьянина, в 1910–1911 годах училась в гимназии, в 1917 году вышла замуж за механика Николая Фомина. У них родились сын и дочь.

В 1948 году секретарь Вологодского обкома партии Дербинов, заинтригованный романом Сталина с вологжанкой, дал указание чекистам найти Нарядную. Может быть, хотел сообщить вождю, что жива утеха его молодости. Но то, что откопали чекисты, повергло его в смятение: выяснилось, что в начале тридцатых отец и братья «умной Поля» были раскулачены и сосланы в Сибирь, муж в 1937 году загремел в тюрьму за «вредительство» (правда, был вскоре отпущен), а в 1947 году осужден снова на десять лет. Партийный секретарь испугался, как бы чего не вышло, Сталину сообщать ничего не стал, а сведения о романе Кавказца и Нарядной приказал засекретить.

Владимиру Арину удалось установить, что один раз Поля все же обращалась к Сталину. Это случилось, когда ее сына, студента Ленинградского

железнодорожного института, лишили стипендии как «сына врага народа». Ответ пришел немедленно: стипендия сохранена.

Пелагея Георгиевна пережила «чудака Иосифа» на два года. Ее дочь Галина Николаевна, пенсионерка, в 1996 году жила в Вологде, но фамилию свою просила не печатать — не хотела общественного к себе интереса.

Вторично Сталин женился в 1918 году. Его избранницей стала Надежда Аллилуева. Ей было всего семнадцать лет. Ему — тридцать семь. Она почти ребенок, даже не окончила гимназию. По законодательству, принятому позднее в СССР, такой брак считался недействительным.

Впрочем, официальная регистрация брака состоялась только за пять месяцев до рождения сына Василия. По тогдашней моде партверхушка в ЗАГСы не очень торопилась — дух свободной любви витал над победившими революционерами.

Семейная жизнь Сталина, пожалуй, была одной из самых главных его тайн. После тайны рождения, конечно. Впрочем, еще не так давно государственной тайной особой важности считались данные о составе семьи рядового члена Политбюро. Что уж тогда говорить о самом Сталине?

Все, что связано с рождением, замужеством и смертью его второй жены, по-прежнему тайна за семью печатями. И полностью раскрыть ее, по мнению многих историков, вряд ли когда-либо удастся. Хотя в легендах и версиях недостатка нет.

Начнем с замужества. «Одна из легенд, якобы рассказанная сестрой Надежды Анной Сергеевной в последние годы ее жизни, — пишет Лариса Васильева в «Кремлевских женах», — по возвращении из сталинского лагеря, гласит: в 1918 году Надежда сопровождает Сталина в Царицын не как жена, а как сотрудница. Тут же и ее отец, Сергей Яковлевич. Все

едут в одном салон-вагоне. Состав движется медленно, долго стоит на станциях. Одной ночью Аллилуев слышит крик дочери, кидается в ее купе, навстречу Надя с рыданиями: Сталин только что изнасиловал ее. Отец хочет застрелить насильника, но Сталин падает ему в ноги и просит руки дочери».

Насколько правдива эта легенда? Если произошло именно так, то почему брак не был зарегистрирован сразу же?

А вот что пишет по поводу замужества матери Светлана Аллилуева: «Ольга Аллилуева, будущая теща, относилась к нему очень тепло. Но брак дочери ее не обрадовал: она долго пыталась отговорить маму и попросту ругала ее за это «дурой». Она никогда не могла внутренне согласиться с мнимым браком, всегда считала ее глубоко несчастной, а ее самоубийство — результатом всей этой глупости».

Пыталась отговорить. Долго. Значит, дочь сама предпринимала какие-то шаги, от которых ее пришлось отговаривать?

Вопросы, вопросы, вопросы... Что произошло в ночь с 8 на 9 ноября 1932 года? Застрелил Сталин? Сама застрелилась?

В 1999 году состарившийся охранник Сталина Алексей Трофимович Рыбин, майор КГБ в отставке, озвучил такую вот версию:

— Дело в том, что Аллилуева воспитывалась в Ленинграде в кругу зиновьевской оппозиции. Вникала в политику государственных деятелей. Кроме этого, в качестве друзей дома в Зубалове у нее бывали Енукидзе, Бухарин, которые оказывали на Аллилуеву довольно сильное влияние, противопоставляя ее Сталину. На этой основе у нее с супругом происходили острые дискуссии на политические темы и даже ссоры. Надежда Аллилуева общалась с некоторыми троцкистами. Когда умер видный троцкист Иоффе, на

кладбище при захоронении его были Зиновьев, Каменев и Надежда Аллилуева. Зиновьев в своей речи над гробом Иофе клеймил Сталина и называл его предателем Родины. Замечу, что ни одна жена члена Политбюро не присутствовала при похоронах Иоффе. Естественно, Сталин был поступком Надежды расстроен и озлоблен. Тут и надо искать причину смерти Аллилуевой.

Но вот еще одно свидетельство: «Я никогда, конечно, не видела жену Сталина, но Семен Михайлович, вспоминая ее, говорил, что она была немного психически нездорова, в присутствии других пилила и унижала его. Семен Михайлович удивлялся: «Как он терпит?»».

Так говорила знатоку кремлевских жен Ларисе Васильевой вдова маршала Буденного — Мария Васильевна.

Говорили, что после смерти второй жены Сталин женился то ли на сестре, то ли на дочери Кагановича, которую звали Розой. У Лазаря Моисеевича сестра действительно была, но старшая, и звали ее Рахиль. Она скончалась задолго до смерти Надежды Аллилуевой, оставив пятерых детей. Дочь Лазаря Моисеевича, Мая, была в то время пионеркой. Женщина по имени Роза в роду Кагановича была, она приходилась Лазарю Моисеевичу племянницей и переехала с мужем и сыном из Ростова в Москву после войны. Существовал даже якобы «салон Розы Каганович», откуда шли всякие повышения. В годы горбачевской гласности много писали о том, что дочь Кагановича Мая все-таки была женой Сталина, но не сразу после смерти Надежды Аллилуевой, а значительно позже, после войны.

И Лазарь Моисеевич, и Мая Лазаревна эту версию напрочь отрицали.

Тем не менее несколько человек, участвовавших в похоронах Сталина, независимо друг от друга, рассказывали автору этой книги, что они видели женщину в черном, шедшую за гробом генералиссимуса. Она держала за руку девочку, похожую на того, кого хоронили.

По другим рассказам, это был мальчик. И звали его Юрой.

— Это твой братик? — спросил у маленькой Май Каганович один из тогдашних кремлевских детей, папа которого был членом Политбюро.

— Она смутилась и не знала, что ответить, — вспоминает он сегодня.

Мальчишка очень походил на грузина. Мать его куда-то уехала, а он остался жить в семье Кагановича. Как сложилась его судьба, неизвестно.

Поведавший эту историю человек уверен: хотя сестра или племянница Кагановича в действительности не была женой Сталина, ребенок от него у нее был.

Сама она якобы была очень красивой и очень умной женщиной, которая сумела понравиться Сталину. Их близость вроде бы и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича.

Еще об одной женщине вождя рассказал в октябре 1999 года многолетний сотрудник его охраны Алексей Рыбин:

— После смерти Надежды Аллилуевой охрана замечала его встречи с одной-единственной женщиной — Рузадан Пачкория. Их связь продолжалась с 1938 по 1953 год. Рузадан была вдовой, известной в то время летчицей (позже работала на руководящих должностях в авиации), ослепительной красавицей, грузинкой по национальности, лет на двадцать моложе вождя. Она изредка приезжала к Сталину на дачу. Бывал и он у нее на московской и тбилисской квартирах. Встречи были

глубоко законспирированными под видом консультаций по авиационной проблематике. Мы, охранники, никому не рассказывали об этом, пока Рузадан Пачкория была жива. Но в последнее время она не отвечает на письма, посылаемые по тбилисскому адресу. Видимо, Бог забрал ее душу. Ведь Рузадан была или 1907, или 1908 года рождения.

Глава 4

АГЕНТЕССА И ПРОФЕССОР

Первого декабря 1934 года в одном из коридоров Смольного прозвучал выстрел, унесший жизнь С. М. Кирова. Стрелял бывший партийный работник Леонид Николаев.

С тех пор не утихают споры: кто подослал убийцу? Последнее расследование, проведенное в 1988 году по решению горбачевского Политбюро, пришло к заключению: скорее всего, убийца был одиночкой.

Но вот обнаружены новые документы.

Таинственная визитерша

В 1934 году в Ленинградском горкоме партии работала инструктором культпропотдела молодая женщина по фамилии Лазуркина. Должность в партийном аппарате самая низшая, никудышная должностишка, но, как тогда писали, «ключевая». Хотя чаще всего инструкторы были безымянной функционерской массой.

Дора Абрамовна Лазуркина стала счастливым исключением. Ей, рядовой сотруднице горкома, удалось оставить о себе память неожиданным признанием, которое она сделала в 1971 году, будучи на пенсии. С тех пор имя скромной труженицы культпропотдела

фигурирует рядом с громким именем Кирова, и особенно в тех версиях, сторонники которых настаивают на причастности Сталина и НКВД к убийству руководителя ленинградских большевиков.

— Когда Кирова убили, — диктовала состарившаяся партаппаратчица свои воспоминания на магнитофонную ленту, — прибежал ко мне секретарь Струппе — Иовлев, член партии с 1913 года, стал плакать. «Я совершил преступление», — говорит. И рассказал вот что...

Фамилия Струппе сегодня мало что говорит. Между прочим, в конце двадцатых — начале тридцатых годов его знали многие: П. И. Струппе занимал крупные посты, а в тридцать четвертом был председателем Ленинградского облисполкома. Должность Струппе важно назвать сразу, без нее трудно понять дальнейшее. Итак, что же рассказал пришедший к Лазуркиной секретарь председателя Ленинградского облисполкома?

— Месяц тому назад к нему пришла женщина, — ложились слова Лазуркиной на поверхность магнитной ленты, — и требовала обязательной встречи со Струппе. Иовлев сказал: «Струппе нет. Он уехал в область». Она настаивает: «Мне срочно нужен Струппе». Он говорит: «Струппе нет. Приедет только через три дня». И тогда она сказала вот что: позавчера, в воскресенье, наше НКВД было в Детском Селе, там собрались руководящие работники НКВД... Они напились, и было слышно, что они говорили об убийстве Кирова, разговор был неточный, но все же слышно было, что они говорили об убийстве Кирова...

Далее из магнитофонной записи, хранившейся все это время в партархиве Ленинградского обкома, следовало, что, когда Струппе вернулся из командировки, Лазуркина и Иовлев пытались найти эту женщину. Однако выяснилось, что она сумасшедшая и заключена работниками НКВД в психиатрическую

больницу. По словам Лазуркиной, она сказала Иовлеву сразу же после рокового выстрела в Смольном:

— Знаешь что, идем сейчас же, приехала комиссия по расследованию убийства Кирова. Приехал Ежов. Пойдем к нему.

Иовлев согласился.

— Пришли, — звучит голос Лазуркиной с диктофона. — Ежов выслушал, сказал: «Я должен пойти к Сталину». Он пошел к Сталину и рассказал об этой истории. Сталин распорядился немедленно послать за этой женщиной. Она находилась в сумасшедшем доме. Ее привезли к Сталину, и все мы видели, как ее вели, она шла под охраной к Сталину в кабинет.

Сталин в те дни действительно был в Ленинграде. С группой членов Политбюро и целым поездом московских энкаведешников он выехал на место преступления. Действительно, ходила легенда о какой-то женщине, которую привозили на допрос к Сталину и которая сообщила ему, что случайно узнала о готовившемся убийстве Кирова еще в октябре — то есть почти за два месяца до трагедии в Смольном.

Однако рассказанный Лазуркиной эпизод вызывал много вопросов. Во-первых, сильно смущала более чем скромная должность Доры Абрамовны. Всего лишь инструктор культпропотдела... Возможно ли такое, чтобы к ней, по ее словам, «прибежал» секретарь председателя облисполкома, да еще партиец с дореволюционным стажем, и стал плакать? Знатоки номенклатурной жизни напрочь отметали такую вероятность, если, конечно, отношения между ними не ограничивались лишь служебными рамками. Уязвимым представлялось и утверждение Лазуркиной, сообщавшей Иовлеву о приезде комиссии из Москвы. Неужели секретарь председателя облисполкома узнал эту новость позже инструктора культотдела?

Дальше — больше. Выяснилось, что в 1934 году секретарем у председателя Ленинградского облисполкома П. И. Струппе работал П. И. Ильин, жизнь которого окончилась в 1938 году в возрасте сорока пяти лет. Откуда взялся Иовлев? Либо Лазуркина запомнила его фамилию, что могло свидетельствовать лишь об одном, а именно: они были мало знакомы, и тогда нелогичным выглядит обращение к ней Иовлева, либо... Впрочем, мог сказаться и возраст мемуаристки. К тому же фамилии Иовлев и Ильин близки по звучанию.

Но самое интересное в том, что Ильин, секретарь Струппе, сообщил НКВД о ставших ему известными сведениях о тщательно готовившемся заговоре против Кирова еще в октябре месяце! Об этом прямо говорится в архивном источнике: «Ильин исполнил свой долг гражданина, когда ему стало известно, что готовится теракт против Кирова, он сообщил об этом в НКВД».

Источник сведений Ильина — его бывшая домработница по фамилии Волкова. Та самая таинственная визитерша, прорывавшаяся к Струппе с сообщением о случайно услышанном разговоре чинов НКВД о готовившемся убийстве Кирова. Та самая ценная свидетельница, доставленная Ежовым к самому Сталину.

Вызов к Сталину

Сконструировать с документальной точностью сцену в одном из кабинетов Смольного, где находился Сталин и приехавшие с ним из Москвы члены Политбюро и куда доставили двадцативосьмилетнюю Волкову, сегодня невозможно. К сожалению, мы не располагаем ни одним свидетельством о том, что там происходило, кроме ее собственноручного письма в ЦК КПСС, датированного 30 мая 1956 года.

По ее словам, это произошло второго декабря 1934 года, на второй день после убийства Кирова. За ней приезжали личный секретарь Струппе Ильин, Черток из московского НКВД и еще один работник с Лубянки. Беседа продолжалась с 10 часов утра до 8 вечера. Присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Ягода, Агранов, Ильин, а также второй секретарь Ленинградского обкома партии Чудов и председатель Ленгорисполкома Кодацкий.

Волкова была голодна, и когда перед ней поставили тарелку с бутербродами, она жадно набросилась на еду.

Ильин, повернувшись к человеку, поставившему перед ней тарелку, озабоченно сказал:

— Товарищ, вы ее не обкормите...

Кто-то из находившихся в кабинете, по утверждению Волковой — Поскребышев, но это был не он, поскольку доподлинно установлено, что секретарь Сталина из Москвы не уезжал, участливо спросил:

— Что, вы давно кушали?

— Семнадцать дней назад, — ответила Волкова, и по ее щекам потекли слезы.

Тарелку тут же унесли. Она успела съесть всего два бутерброда с ветчиной.

Волковой показали фотографию Леонида Николаева, стрелявшего в Кирова, и спросили, знает ли она этого человека.

— Да, — ответила Волкова.

— Как его фамилия?

— У него три фамилии, — ошеломила она находившихся в кабинете. — По одной он Семен Леонидович Дубинский, по второй — Леонид Васильевич Николаев, по третьей — Садиков.

Волкова рассказала о нем все, что знала:

— Я, товарищ Сталин, обо всем написала письмо на имя Кирова, обрисовала ему все, как меня ОГПУ сажало,

как делали пытки и просили от всего отказаться, забыть, что контрреволюционная группа не существует, никакое убийство не намечено... Двадцать восьмого октября с Главпочтамта отправила два заказных письма: одно Кирову на квартиру, другое в Москву, в ЦК ВКП(б).

— Помните ли вы, — спросил Сталин, — во сколько отправляли эти письма?

— В десять утра, — ответила Волкова. — А через два часа меня взяли в Большой дом. Сначала к секретарю Запорожца Белоусенко, оттуда переправили к Петрову. Там со мной беседовали и просили отказаться от всего начальник особого отдела Янишевский, начальник оперативного отдела Мосевич, Бальцевич и другие. С двенадцати часов дня меня продержали до одиннадцати вечера, а потом свезли и спрятали в сумасшедший дом.

Ворошилов склонился к уху Ягоды, что-то жарко ему зашептал. Тот согласно кивнул головой, подозвал кого-то из своих, с ромбами. Выслушав, военный вышел из кабинета. Волкова, не обращая внимания на эту сцену, продолжала:

— Через месяц, 26 ноября, я написала оттуда письмо секретарю председателя Леноблсполкома Ильину, ему описала все, просила доложить Кирову. Письмо мое отсылала медсестра Мурашкина Анна Георгиевна...

Память у Волковой была потрясающая. Она сыпала фамилиями, датами, названиями улиц.

Через некоторое время вернулся посланный Ягодой военный с ромбами. Он ходил на Главпочтамт и в журнале записей заказных отправлений обнаружил свидетельство того, что Волкова действительно посылала письмо на имя Кирова 28 октября. Оно было получено заместителем начальника особого отдела Управления НКВД по Ленинградской области Янишевским.

Янишевского препроводили в кабинет.

— Скажите, — спросил у него Ворошилов, — получали ли вы заказное письмо на имя Кирова, отправленное гражданкой Волковой?

— Получал, — ответил Янишевский.

— И что вы с ним сделали? Дали ему ход?

— Да, — ответил Янишевский. — Я передал его товарищу Бальцевичу.

Бальцевич занимал пост начальника второго отделения секретно-политического отдела Управления НКВД по Ленинградской области.

Вызвали Бальцевича. Он подтвердил, что письмо получил, но порвал его.

— Зачем? — не понял Ворошилов.

— Там не дело было написано.

Привели уполномоченного второго отделения особого отдела Г. А. Петрова, который, по словам Волковой, был причастен к тому, что ее поместили в сумасшедший дом. Сталин, Ворошилов и Ягода выразили недоумение, на каком основании это было сделано. Мол, дай Бог всем такую память, как у этой сумасшедшей. Не забыла ни одного адреса, ни одной фамилии!

Вечером Волкову по распоряжению Сталина отправили в элитную больницу имени Свердлова — подлечиться, отдохнуть после более чем месячного заточения в психиатричке, где она, по ее словам, не должна была выжить. Более того, она даже не числилась в списках больных, и за ней приезжали дважды, поскольку в первый раз сказали, что такой у них нет.

В шикарной больнице, где лечилось ленинградское руководство, Волкова пробыла до 23 февраля 1935 года. Потом ее повезли на Сестрорецкий курорт, позднее — в Кисловодск. В 1935 году вышло

специальное решение правительства о выделении ей квартиры и оказании материальной помощи.

«...Волкова была окружена особым вниманием со стороны советских организаций Ленинграда и органов НКВД, — докладывали в справке на имя председателя КГБ СССР Серова полковники Доброхотов и Каллистов. — Ей была предоставлена отдельная меблированная квартира с удобствами и периодически выделялись значительные денежные пособия. Ежегодно она также получала бесплатные путевки на курорт. Только органами НКВД с 1935 года по 1940 год Волковой было выдано 11 бесплатных путевок в санатории, дома отдыха».

Справка полковников Доброхотова и Каллистова на имя председателя КГБ СССР генерала армии И. А. Серова была посвящена результатам проверки письма Волковой. Эту справку Серов 18 июля 1956 года направил на имя секретаря ЦК КПСС А. Б. Аристова. Судя по визам, с нею ознакомились секретари ЦК Аристов, Пospelов, Фурцева, Беляев, Брежнев, а также член Президиума ЦК Микоян.

Плодовитая сексотка

В феврале 1956 года уже знакомый нам Г. А. Петров, бывший оперуполномоченный второго отделения особого отдела Управления НКВД по Ленинградской области, осужденный в январе 1935 года к трем годам лишения свободы за потерю классовой бдительности, преступно-халатное отношение к работе и незаконное водворение гражданки Волковой в психиатрическую больницу, обратился с жалобой в порядке надзора в Прокуратуру СССР.

Во второй половине 1934 года, писал Петров, его коллега Григорий Ильич Драпкин передал ему письмо, написанное малограмотным почерком за подписью

Волковой, которая сообщала, что в Ленинграде существует контрреволюционная организация под названием «Зеленая лампа» в количестве 700 человек.

Передавая указанное письмо Петрову, Драпкин с усмешкой сказал, что у этой гражданки «не все дома», что она ему также неоднократно писала о контрреволюционных разговорах среди красноармейцев, с которыми она встречалась, и что все, что она писала, никогда не подтверждалось.

«Кроме того, Драпкин тогда еще мне сказал, — писал проживавший тогда во Львове Петров в Прокуратуру Союза в надежде на реабилитацию, — что Волкова писала также и в управление уголовного розыска по Ленинградской области и давала «липовые дела» и что там от нее еле избавились. Официальным секретным сотрудником Волкова никогда не была и все это делала по собственной инициативе».

Ошибался Петров. М. Н. Волкова с 1931 года числилась платным секретным сотрудником органов госбезопасности! Перед этим она прошла неплохую осведомительскую школу в управлении уголовного розыска.

За игнорирование сообщений Волковой и водворение ее в психиатрическую лечебницу были арестованы и осуждены на сроки от двух до десяти лет двое работников Ленинградского управления НКВД, в том числе Г. А. Петров, и, как можно догадаться, упоминаемые выше Янишевский, Бальцевич, Мосевич, Белоусенко. Случилось это в январе 1935 года.

По ранее сообщенным Волковой данным, как докладывали председателю КГБ полковники Доброхотов и Каллистов, органами НКВД было арестовано 26 человек по обвинению в проведении контрреволюционной антисоветской деятельности. В процессе следствия было дополнительно арестовано еще 37 человек.

Произведенная в 1955 году УКГБ по Ленинградской области проверка установила: лица, арестованные в 1934 году по доносам Волковой, на суде от всех ранее данных ими показаний отказались и виновными себя ни в чем не признали. Большинство из них были осуждены на сроки от двух до десяти лет лишения свободы.

В справке на имя председателя КГБ дается негативный образ сексотки. Начиная с 1935 года и до момента «изучения» ее творчества в 1956 году она непрерывно писала большое количество писем и заявлений, в том числе анонимных, в партийные и советские инстанции, а также в органы госбезопасности. Сколько всего ею написано, точно установить не представлялось возможным. Только в УМГБ по Ленинградской области с 1948 по 1955 годы от нее поступило около 90 заявлений. Писала на своих соседей по квартире, на знакомых, на дочь, на своего сожителя и всех их обвиняла в тяжких преступлениях. По мнению авторов справки, органы госбезопасности придавали ее заявлениям особое значение, и лиц, которых обвиняла Волкова, как правило, арестовывали, потому что она в своих заявлениях ссылаясь на личное знакомство со Сталиным и другими руководителями страны. Вызванная в КГБ СССР в 1956 году, она на допросе показала, что в связи с подачей ею заявлений неоднократно бывала на приемах у Ежова, Берию, Абакумова, а в ночь с 29 на 30 августа 1949 года была принята в Кремле лично Сталиным.

Однако вернемся к убийству Кирова. О предшествовавших ему событиях в письме в ЦК КПСС от 30 мая 1956 года она рассказывает так. В 1934 году, летом, будучи у своей землячки Морозовой Марии Васильевны, случайно попала на собрание бывших «зеленых». То есть в собрании не участвовала, а сидела с томиком Пушкина за ширмой, которой была перегороджена комната подружки. По другую сторону

пировали и спорили неизвестные. Прислушавшись к их разговорам, она поняла, что речь шла о предстоящей революции или восстании. В два часа ночи собралась домой, землячка проводила до лестницы. «Что это за люди?» — спросила у нее. Она ответила, что земляки, и назвала многих по фамилии.

Поскольку в то время Волкова, по ее признанию, состояла негласным сотрудником в райотделе ОГПУ Смольнинского района, то назавтра поехала к начальнику Малинину. Однако руководство поменялось, и вместо Малинина сидел другой человек — Соколов. Он принял Волкову, выслушал ее и дал задание познакомиться ближе с этими людьми, но ни в какие дела не вмешиваться. Там она познакомилась с гражданином по фамилии Дубинский, у которого было еще две фамилии — Николаев и Садиков.

«С этим человеком, — пишет Волкова, — я встречалась часто, по просьбе и заданию Соколова я с ним гуляла, от него мне было известно, что в Ленинграде существуют контрреволюционные группы, возглавляемая Котолыновым, вторая Шацким (правильно Шатским. — *Н. З.*). Николаев меня не забрал с собой к своим друзьям, к Котолынову и Звездочкину (правильно Звездову. — *Н. З.*). Два раза мы с ним ходили в немецкое консульство получать деньги. Один раз получили 10 000 рублей, второй раз 15 000 рублей... Позднее мне Николаев рассказывал, что в Ленинграде будет убит Киров, а в Москве Молотов и Ворошилов. Это будет одновременно в один день и час, чтобы сбить всех с толку. В Ленинграде предстоит Шацкому и ему, а в Москве — Смирнову (этого Смирнова я видела, чуть выше среднего роста, с черной бородой).

Я по просьбе Николаева отвозила два письма — одно ст. Вырица к Звездру. (фамилия, скорее всего, недописана. — *Н. З.*), второе — ст. Подборовье к Маслакову. Эти письма моим начальником Соколовым

были скопированы, после чего я их отвезла по назначению. Из Вырицы я привезла письмо работнику Смольного — зам. зав. орготделом Мясникову и письмо и 5000 руб. работнику Смольного Коршунову... Начальник Соколов эти письма также скопировал, а потом я вручила их по назначению. От Николаева мне было известно несколько человек, работников Смольного: зав. орготделом Ленсовета Зельцер, его заместитель Мясников, директор авторемонтного завода «АТУЛ» Сосицкий, начальник Ленжилуправления Левин, его бывший заместитель по ЛСПО Лискович (ныне работающий там же), начальник транспортного отдела Власов, Смирнов из Москвы, Ратайчик из Москвы, посол в Англии на букву У., фамилии точно не помню, она мудреная. Это группа Котолынова и еще группа Державина диверсионная: Леванов, Смирнов, Голубев, Белоусов, Шувалов, Петухов...».

Далее Волкова описывает, как в сентябре 1934 года ее вызвали в Главное управление ОГПУ по Ленинградской области. Сотрудник Дрябин (правильно Драпкин. — *Н. З.*) задал ей ряд вопросов, потом отвел к своему начальнику Бальцевичу. Там был Петров. «Они спросили меня, знаю ли я, что в Ленинграде существует контрреволюционная группа и предстоит убийство Кирова. Я ответила, что да, но только не знаю день и час. Тогда Бальцевич сел рядом со мной, мне сказал: «Слушай, Волкова, откажись от всего. Скажи, что контрреволюционная группа не существует и убийства не предстоит, тогда тебе все будет, а если не хочешь идти с нами рука об руку, то вплоть до расстрела». Я Бальцевичу ответила, что стрелять вы можете, но я от своих слов не откажусь. Тогда Бальцевич сказал: «Сажай ее, Петров, что ты с ней разговариваешь». И меня посадили в одиночную камеру 36. Там я просидела 5 дней... Потом через несколько дней отпустили, взяв с меня подписку о невыезде из Ленинграда. После того,

как я вышла из дома предварительного заключения, я пошла на пленум райсовета, ибо я была член Совета. После пленума явилась домой. Дома меня ждал Николаев, и мы с ним поехали в Лигово... Дорогой в машине меня Николаев спросил: скажи правду, ты на нас заявляла в ОГПУ, его об этом предупредил Запорожец (зам. начальника Управления НКВД по Ленинградской области. — *Н. З.*). Я засмеялась, обозвала его сумасшедшим, но он мне сказал, что если это правда, то первая пуля из его нагана будет моя, я сказала — принимаю. Наш разговор на этом закончился...».

КГБ дистанцируется

Наверное, мы никогда не узнаем, что говорила Волкова на допросе у Сталина. Если она сообщила правительственной комиссии, приехавшей в Ленинград, хотя бы небольшую толику из того, о чем поведала в письме в ЦК КПСС в 1956 году — ее свидетельства, несомненно, сыграли зловещую роль в судьбе И. Котолынова, Н. Шатского и других лиц, обвиненных в террористическом акте и создании контрреволюционной организации. Не говоря уже о стрелявшем в Кирова Николаеве, с которым Волкова, по ее уверениям, была лично знакома и даже близка.

Однако проверка, проведенная КГБ СССР в 1956 году, не подтвердила заявлений Волковой о ее знакомстве с Николаевым и его сообщниками Котолыновым, Смирновым и другими. Во всяком случае, до 1936 года она никогда не сообщала об этом. И только в 1936 году появились ее первые утверждения о знакомстве с убийцей Кирова — в связи с обвинениями в преступных связях с Николаевым ряда своих знакомых.

«На допросе от 8 июня 1956 года, — докладывали председателю КГБ полковники Доброхотов и

Каллистов, — будучи уличена в том, что она в течение ряда лет клеветала на честных людей, Волкова признала, что с Котолыновым и Смирновым она никогда знакома не была, что эти фамилии были подсказаны ей Ежовым, который показал ей их фотографии и сказал, что она должна была их видеть на собраниях контрреволюционных организаций и предложил запомнить их. После этого, как показала Волкова, она и стала указывать в своих заявлениях о том, что встречалась с Котолыновым и Смирновым и знала о их контрреволюционной террористической деятельности. Одновременно Волкова показала, что у нее действительно был знакомый по фамилии Николаев, но является ли он убийцей С. М. Кирова, она не знает и утверждать этого не может.

Волкова показывает, что в 1935 году в НКВД СССР ей предъявили фотографию человека и заявили о том, что этот человек является ее знакомым Николаевым, который убил С. М. Кирова. Как говорит Волкова, она сначала заявила, что предъявленное на фотографии лицо ей не знакомо, но когда работник НКВД ей ответил: Как же так, вам эту фотографию показывал тов. Сталин, и вы в ней опознали Николаева, почему же вы теперь не узнаете ее?. И после этого, как показала Волкова, она подтвердила, что на предъявленной ей фотографии она опознала своего знакомого Николаева и с тех пор во всех случаях, когда показывали ей фотографию этого человека, опознавала в ней своего знакомого Николаева, чего утверждать в действительности сейчас не может.

Следует отметить, что, давая словесный портрет убийцы С. М. Кирова Николаева и сообщая его характеризующие данные, Волкова описывает его не так, как описывается он официальными документами, имеющимися в его следственном деле».

Авторы справки считают установленным, что Волкова никогда не имела никакого отношения к Николаеву — убийце Кирова и к другим лицам, привлеченным к ответственности с ним.

Однако в письме в ЦК КПСС Волкова упрямо ссылается на Николаева, который говорил ей, что в группе Шатского жребий убить Кирова выпал на самого Шатского. Шатский начал изучать маршрут, по которому обычно следовал Киров. Что касается Николаева, то он решил убить Кирова у его дома...

Шатскому Николаю Николаевичу в ту пору было 35 лет. Работал инженером в Ленинградском электротехническом институте. Разделял взгляды Троцкого, за что и был исключен из партии в 1927 году. Арестован 5 декабря 1934 года, расстрелян через 24 дня — 29 декабря.

В письме есть такой эпизод. Николаев рассказывал Волковой, что, когда Киров садился в машину, он, Николаев, встал на подножку, делая вид, будто хочет что-то спросить. На самом же деле намеревался выстрелить в Кирова. Однако это не удалось: снял комендант, который охранял Кирова. Как прореагировал на это Николаев? Он сказал: вот дураки, в кармане было задание, в рукаве наган, показал партбилет и тот не свой, и меня отпустили. Теперь, говорит, его буду караулить в Смольном, чтобы опередить Шатского.

Именно об этом она написала из психиатрической лечебницы на имя Кирова. Как Николаев хотел пристрелить Кирова у его дома, как его сняли с подножки автомобиля, отправили в ОГПУ и там отпустил Запорожец, и как Николаев теперь будет караулить Кирова в Смольном. О том, что в один день и час должен Смирнов, работник Совнаркома, убить Молотова и Ворошилова.

Если КГБ считает установленным факт, что Волкова никогда не знала убийцу Кирова, то откуда ей стал известен описанный ею случай задержания Николаева у дома Кирова? Этот случай действительно имел место 15 октября 1934 года. Николаев был задержан у дома 26/28 по проспекту Красных Зорь, где проживал Киров, сотрудником 17-го отделения милиции и доставлен в Управление НКВД по Ленинградской области. Бродившего возле начальственного дома подозрительного субъекта обыскали и допросили начальник отделения правительственной охраны Ленинградского управления НКВД Котомин и начальник оперативного отдела Губин. Однако вскоре отпустили. На каком основании — трудно судить. Скорее всего, за отсутствием компрометирующих улик.

Об этом эпизоде Волкова сообщила в своем письме на имя Кирова из психиатрической лечебницы 28 октября. Но, как известно, письмо не сохранилось. Его вроде бы порвал Бальцевич — «там не дело было написано». И вообще, о предупреждающем сигнале агентессы НКВД мы знаем из ее заявления в ЦК. Но ведь написано оно было в мае 1956 года, спустя три месяца после XX съезда, на котором прозвучал закрытый доклад Хрущева о сталинских репрессиях. Доклад был разослан на места, с ним знакомили партийные организации. Говорилось в нем и о странных обстоятельствах, связанных с убийством Кирова. Может, Волкова именно оттуда и почерпнула свои сведения о задержании Николаева возле дома Кирова?

Каким образом Сталин вообще узнал о существовании Волковой, прежде чем потребовал доставить ее на допрос к нему лично? Да и был ли допрос?

Допрос был. Об этом свидетельствует и Г. А. Петров, бывший оперуполномоченный второго отделения особого отдела Управления НКВД по Ленинградской

области. Когда его вызвали в Смольный к Сталину, он увидел там Волкову. По словам Петрова, Сталин и Ягода задали ему ряд вопросов по ее материалам. Он объяснил, что все материалы Волковой не соответствуют действительности, так как они были оперативно и тщательно проверены и ничего в них не подтвердилось.

Откуда Сталину стало известно о Волковой? По ее словам, от Ильина, которому она написала из психиатрички 26 ноября. Однако в справке КГБ на имя Серова изложена другая версия: «После злодейского убийства С. М. Кирова прибывшая правительственная комиссия ознакомилась со всеми имевшимися в УНКВД оперативными материалами, носящими террористический характер. По указанию тов. Сталина Волкова была вызвана в Смольный, где с ней беседовали все члены правительственной комиссии».

Короче, изучили все донесения секретных сотрудников, хранившихся в Большом доме на Литейном проспекте, в которых содержались агентурные сведения террористического характера. О плодовитости сексотки Волковой мы знаем, и ее материалы не могли не остаться без внимания московской комиссии.

«В результате беседы с гр. Волковой, а также рассмотрения материалов проверок, имеющихся в КГБ по ранее поданным ею заявлениям, установлено, что показания, которые она давала в 1934 году, никакого отношения к убийству С. М. Кирова не имели».

Такое резюме содержится в сопроводительной записке председателя КГБ Серова к справке КГБ о результатах проверки письма Волковой. Оба документа адресованы секретарю ЦК КПСС Аристову.

Из расследования КГБ следует, что уличенная во лжи гражданка Волкова призналась: настоящего убийцу С. М. Кирова — Николаева, а также Котолынова она

ранее никогда не знала, а эти фамилии и их фотографии ей были показаны Ежовым и другими работниками НКВД. Поэтому она и не допрашивалась по делу Николаева и других. В 1934 году она донесла в органы госбезопасности о существовании в Ленинграде и области контрреволюционной группы, состоящей из ее земляков, бывших кулаков, которые якобы вели антисоветские разговоры и подготавливали покушение на жизнь Кирова. Однако предварительной проверкой сообщения Волковой подтверждения не нашли.

Исходя из того, что «гр. Волкова, как правило, пишет клевету», Серов докладывал в ЦК, что КГБ «...полагает в дальнейшем никаких проверок заявлений гр. Волковой не проводить».

Жизнь не так проста. Она еще проще

Ха! Не на ту попали!..

После беседы в КГБ в Москве Волкова написала новое заявление. В нем она отказалась от своих показаний и обвинила тех, кто с ней беседовал, в том, что они заставили ее насильно подписать эти показания.

Кем же была в действительности гражданка Волкова М. Н., 1906 года рождения, русская, уроженка села Ильинское Владычинского района Ярославской области, образование пять классов, беспартийная, проживавшая в Ленинграде, работавшая в 1956 году паспортисткой, умершая в 1971 году и перед тем почти не покидавшая психиатрическую больницу?

Психически ненормальной? Согласно объяснениям работников НКВД Ленинграда, причастных к направлению ее в октябре 1934 года в психиатрическую лечебницу на обследование, Волкова вела себя странно. В июне 1940 года она прошла амбулаторно-психиатрическую экспертизу.

У пациентки обнаружили признаки параноидного развития личности. Ввиду наличия элементов бредовых высказываний рекомендовалось обследовать ее нервно-психическое состояние в стационарных условиях.

Однако рекомендация экспертной комиссии выполнена не была. В 1952 году УМГБ по Ленинградской области вновь подняло вопрос об обследовании Волковой, но направление ее на экспертизу было запрещено Гоглидзе. До 1956 года официального заключения о ее психическом состоянии не имелось. Руководство в Москве почему-то запрещало медицинское освидетельствование секретной сотрудницы, производившей на местную госбезопасность впечатление психически ненормального человека. На учет в психдиспансер ее поставили в 1956 году, уже при Хрущеве.

А может, она была сверхсекретным осведомителем? Настолько глубоко законспирированным, что местное управление НКВД и не подозревало об эшелонах, которые она обслуживала, наивно полагая, что те донесения, которые ложились на их столы, это и есть весь результат ее работы. Вспомним, как характеризовал ее Петров, не последний человек в особом отделе Управления НКВД по Ленинградской области, спустя 22 года: официальным секретным сотрудником Волкова никогда не была и все это делала по собственной инициативе. Не знал даже он, проверенный и перепроверенный!

Если исходить из этого предположения, то становится понятно, почему Волкова не допрашивалась по делу Николаева — те, на кого она работала в действительности, не хотели засвечивать ценного агента, работавшего под простужку, слегка стукнутую «пыльным мешком». Тогда логическое обоснование приобретает факт высокого покровительства — выделение квартиры, встречи с Ежовым, Берией,

Абакумовым. И даже со Сталиным, который, как помнит читатель, принимал ее в ночь с 29 на 30 августа 1949 года. Можно, конечно, сомневаться в достоверности этой встречи, но установлено, что в конце августа 1949 года она действительно передала на имя Сталина сообщение о враждебной деятельности некоторых лиц в Ленинграде, и что Сталин лично отдал указание об их аресте. Разве не говорит это о доверии, которое оказывал ей вождь — даже если ночной встречи не было?

Новейшие исследования показывают — Сталин имел своих тайных осведомителей, которые работали только на него. В частности, в Париже действовал кружок бывшего военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова, который сначала работал на разведку немецкой армии, а потом перешел в ведение гестапо. В недрах этого кружка действовал агент Сталина, передававший информацию непосредственно генсеку. Этим агентом была родная дочь Гучкова. О ее подлинной роли не знало даже руководство ОГПУ.

Г. А. Петров называет Волкову малограмотной и малоразвитой. Работала где-то уборщицей, возраст 20–23 года, по социальному происхождению — из крестьян. Что с нее возьмешь?

Не скажите, Георгий Алексеевич! Маруся была девушкой смышленной, понятливой. Мало ли, что всего пять классов. Помните, сидела у своей землячки Морозовой с томиком Пушкина в руках. Была членом Смольнинского райсовета. Обладала феноменальной памятью. Начитанностью превосходила многих. А что еще нужно осведомителю? Выстраивать собранные сведения в логическую цепочку — это дело других работников. Задача таких, как Волкова, — собрать, выудить эти сведения.

Хотя, как говорят французы, жизнь не так проста. Она еще проще. По версии исследователей этой темной истории, не исключено, что Волкова ловко использовала создавшуюся ситуацию в корыстных целях, спекулировала ею. Изменилась политическая обстановка в стране, под сомнение взята сталинская версия убийства Кирова, почему бы не оказаться полезной новым властям? Старые-то ведь хорошо платили, а к хорошему привыкаешь быстро.

Письмо профессора Дембо

В июле 1988 года в комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—40-х годов, поступило письмо из Ленинграда. Оно было зарегистрировано и показано Горбачеву.

«Вероятно, я один из немногих оставшихся в живых людей, которые были в той или иной степени близкими свидетелями событий, связанных с убийством С. М. Кирова, — читал генсек первые строчки письма. — Решил я об этом написать потому, что мне уже 80 лет (я родился в 1908 году) и сколько мне еще осталось жить — неизвестно. Во всяком случае, не очень много».

Далее автор письма рассказывал о себе. Он, молодой врач, с 1932 до 1941 года работал в так называемой Ленинградской лечебной комиссии — больнице имени Свердлова, обеспечивающей медицинское обслуживание руководящих работников Ленинграда. В тот трагический 1934 год ему было 26 лет.

Пробежав глазами объяснение, почему он, профессор медицины А. Г. Дембо, решил взяться за перо — может быть, это поможет хотя бы немного разобраться в том, что тогда произошло — Горбачев остановился на интригующей затравке. Речь шла о

пережитой профессором стрессовой ситуации, о событии, вероятно, никому не известном, но которое, на взгляд профессора, имело прямое отношение к убийству Кирова, вернее, к его подготовке. Правда, мысль об этом пришла уже после выстрелов в Смольном.

Горбачев обладал огромной информацией о декабрьской трагедии 1934 года. И тем не менее эпизод, описанный профессором Дембо, был для него в диковинку.

В Ленсовете, сообщал Дембо, управляющим делами работал в ту пору Борис Николаевич Чудин. Это был молодой, энергичный, доброжелательный человек. У Дембо с Чудиным сложились очень хорошие отношения на основе личной взаимной симпатии.

В первой половине 1934 года у него случился ряд несчастий — умерла мать, умерла молодая жена, умер водитель его машины. Он очень от всех отдалился, стал замкнут и мрачен. Совершенно неожиданно около него появился парень по имени Саша, много моложе его. Он, по словам людей, близко знавших Чудина, вел себя нагло, но ему все сходило с рук.

Незадолго до убийства Кирова, поздно вечером, Чудин позвонил Дембо. Чудин был очень взволнован и умолял прийти немедленно. По голосу врач понял: случилось нечто экстраординарное, и тут же помчался к нему. Жили они друг от друга в пяти-семи минутах ходьбы.

Дембо застал Чудина очень возбужденным, полуодетым. В полном отчаянии Чудин сообщил, что Саша застрелился. И действительно, в комнате поперек кровати в трусах лежал мертвый Саша с пулевым ранением в области сердца.

В квартире Чудина находились его заместитель, по фамилии, кажется, Беляков, и начальник ленинградской милиции, фамилию которого Дембо не помнит. Начали

искать пистолет, но его не было. Чудин на этот вопрос не ответил. Позднее выяснилось, что этот пистолет был у Чудина в одном из валенок, в которых он ходил по квартире.

Чудин куда-то позвонил по телефону, и через короткое время на машине приехала какая-то женщина. Беляков и начальник милиции сказали Дембо, что это жена начальника НКВД Ленинграда Медведя. Женщина закрылась с Чудиным в другой комнате, и там шел очень бурный разговор. Затем дверь открылась, женщина, выходя, потушила в комнате свет и быстро уехала. После того, как погас свет, в комнате раздался выстрел. Это Чудин выстрелил себе в сердце.

Поскольку он, по-видимому, во время выстрела глубоко вздохнул, то пуля попала в легкое. Он был жив. Ему тут же вызвали скорую помощь. Дембо позвонил в больницу имени Свердлова, попросил вызвать хирурга профессора Добротворского и подготовить операционную. Дембо увез Чудина на «скорой» в больницу, и что было дальше в квартире — не знает.

Ранение было тяжелое. Добротворский оперировал долго. После операции Чудин не приходил в себя, и Дембо ушел домой. Через некоторое время ему позвонили и сообщили, что Чудин пришел в себя и просит его немедленно прийти к нему, так как хочет сказать ему что-то очень важное. Дембо кинулся в больницу, но было уже поздно — Чудин скончался.

«Вся эта история осталась неясной, — сообщал старый профессор. — Было ли самоубийство Саши или его убийство, какая тут связь с женой Медведя и т. п. Поскольку я видел в квартире Чудина начальника милиции, я посчитал, что все, что надо в таких случаях делать, — сделано».

Далее следовало подробное описание того, что случилось первого декабря. Дембо по распоряжению заведующего медсектором Ленлечкомиссии Вайнберга

поехал на дежурной машине за профессором Добротворским и вместе с ним поднялся в кабинет Кирова. Сергей Миронович лежал на длинном столе, за которым, по-видимому, проводились совещания.

Дембо приводит много подробностей, в основном, медицинских. Как пытались делать искусственное дыхание, как делали снимки черепа, как составляли акт. Рентгеноскопия показала, что пуля лежала острием к входному отверстию, расположенному на затылке. Такое странное положение пули объяснялось тем, что выстрел был сделан с очень близкого расстояния, и она, ударившись о лобную часть, развернулась и произвела значительные разрушения в мозгу. Смерть была мгновенной. Потом делали посмертную маску с лица, снимали гипсовые слепки с рук.

Перевозка тела в морг больницы. Вскрытие. Подготовка тела к перевозке в Таврический дворец — для прощания. Нескончаемые колонны ленинградцев. Отправка тела в Москву... А вот и точка зрения Дембо о случившемся.

«По общему мнению» людей, близко стоявших к тому событию, «охранник Кирова Борисов знал о готовившемся покушении и умышленно оставил Кирова одного».

Доказательства: в сопровождении Борисова Киров приехал в Смольный, поднялся по главной лестнице на третий этаж и пошел направо по коридору, направляясь к своему кабинету. Борисов за ним не последовал, а ушел обратно. Киров между тем повернул налево в коридор, где были его и Чудова кабинеты (по левой стороне коридора), и подошел к своему кабинету. Коридор был плохо освещен. У двери кабинета стоял Николаев. Надо полагать, что Киров его не заметил, прошел мимо, и Николаев выстрелил ему в затылок с очень близкого расстояния. После этого Николаев

выстрелил в потолок, отбросил пистолет и упал, симулируя покушение и на него.

«У всех нас было четкое впечатление, что это дело рук Ленинградского НКВД». Дембо имеет в виду ликвидацию Борисова, которого везли на допрос к Сталину в открытой грузовой машине.

Доказательства: это была инсценированная авария, Борисова выбросили из машины головой вниз на асфальт. Это было сделано по указанию руководства НКВД из опасений, что Сталин с его авторитетом заставит Борисова рассказать истину. Люди, которые об этом говорили, исчезли в период репрессий. «Я, наверное, был слишком незначительной фигурой и потому уцелел».

«И все же кажется мне, что нет достаточно убедительных фактов, подтверждающих непосредственное участие Сталина в убийстве С. М. Кирова».

Доказательства: Киров был очень умным и проницательным человеком. Неужели он не смог бы различить в поведении Сталина предательство? Нет, Дембо не сталинист, у него лично нет никаких оснований хорошо относиться к Сталину: по «делу врачей» был исключен из партии, уволен с работы и вот-вот должен был быть арестован.

Так кто же стоял за спиной Николаева? «На мой взгляд, Киров был очень близким к Сталину человеком, который мешал группе преступников из НКВД (Ягода, Ежов, Берия и другие) влиять на Сталина. Думаю, что он был тем человеком, который не давал проявляться всем отрицательным качествам Сталина». За это Кирова и убрали.

Неизвестно, какие мысли и чувства овладели последним генсеком, когда он закончил чтение исповеди старого профессора. Осталась только его резолюция: «1. Ознакомить членов Политбюро ЦК КПСС

(вкруговую). 2. Тт. Медведеву В. А., Пуго Б. К.». И подпись — М. Горбачев.

Остается лишь добавить, что ровно 31 год назад до этого комиссия под председательством Молотова докладывала в ЦК КПСС: «В связи с давностью срока событий и смертью лиц, которые могли бы внести ясность в это дело, собрать материалы, которые дали бы возможность установить, была ли гибель Борисова результатом умышленного убийства или автомобильной катастрофы — аварии, не представляется возможным. Поэтому считаем целесообразным дальнейшую проверку этих вопросов закончить».

Что же касается профессора Дембо, то вскоре после своей исповеди в ЦК он уехал из страны навсегда.

Глава 5

НОЖ С КРИВЫМ ЛЕЗВИЕМ

Актриса Зинаида Райх была женой Сергея Есенина. Потом она вышла замуж за режиссера Всеволода Мейерхольда. Оба имели громкие имена, пользовались большой популярностью при жизни.

А потом Зинаиду убили. В ее же собственной квартире. Это убийство не раскрыто до сих пор. Последний раз его расследованием занимались при Михаиле Горбачеве.

Дом в Брюсовском переулке

Дом этот цел и поныне. Расположен он на теперешней улице Неждановой, а во время совершенного здесь жуткого злодеяния относился к Брюсовскому переулку и имел порядковый номер 12. Добротную кирпичную коробку построили в 1928 году. Мало кто из сегодняшних москвичей знает, что это

первый кооперативный дом в городе, возведенный при советской власти. Именно тогда родилась широко известная аббревиатура — ЖСК. Владельцами квартир в престижном доме были люди сплошь знаменитые — актеры, режиссеры, музыкальные деятели. Просторную четырехкомнатную квартиру под номером 11 на втором этаже занимал Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

В момент вселения в новый дом Мейерхольд купался в лучах мировой славы. Он был руководителем театра, носившего его имя, куда хаживала тогдашняя московская богема. Мейерхольда знал как Старый, так и Новый свет. В репетиционном зале при его появлении помощник режиссера командовал: «Встать! Мастер идет!». Для театра на Триумфальной площади начали строить огромное новое здание.

Под стать большому, знавшему себе цену художнику, была и его жена. Зинаиду Николаевну Райх знали не только как красивую женщину, но и как талантливую актрису, игравшую заглавные роли в спектаклях ее мужа. Подлинным чудом стала «Дама с камелиями» по Александру Дюма-сыну. Вся культурная Москва ходила на этот спектакль с несравненной Зинаидой Райх в заглавной роли, чтобы поплакать над старинной сентиментальной историей красивой любви, которой уже не было в окружающей жизни.

Актриса вышла замуж за Мейерхольда в 1922 году. До того она была женой поэта Сергея Есенина. От их брака родилась дочь Татьяна и сын Костя. Дети Есенина ужились с отчимом. Всех приютила большая квартира в Брюсовском переулке, где нашлось место и для пожилой домработницы Лидии Анисимовны Чарнецкой, взятой откуда-то из-под Витебска.

Кроме четырехкомнатной квартиры в Москве, купленной Всеволодом Эмильевичем за свои деньги, он имел еще трехкомнатную квартиру в Ленинграде, в хорошем новом доме на набережной реки Карповки.

Знаменитому режиссеру было удобно иметь свой угол в северной столице, поскольку он частенько бывал там, когда ставил свои спектакли.

В живописном поселке Горенки под Москвой Мейерхольды имели многокомнатный дом с большой террасой. Хотя его использовали как дачу, но, по сути, это был самый настоящий жилой дом. Райх купила его в 1926 году на деньги, полученные от издания четырехтомника покойного мужа Сергея Есенина — Таня и Костя по суду были признаны наследниками имущества великого поэта. Купчая была оформлена на детей, которые проводили в Горенках все лето под присмотром бабушки и дедушки — родителей Зинаиды Николаевны.

Долгое время ничто не омрачало счастливой жизни Мейерхольдов. Даже пресловутый квартирный вопрос, который попортил немало крови многим творцам.

Неприятности начались в 1937 году, когда «Правда» напечатала статью «Театр, чуждый народу». Мейерхольд подвергся жесточайшей критике за формализм в творчестве, обвинялся во вредном влиянии на советских режиссеров и в задержании развития всего театра по пути социалистического реализма. Режиссера объявили проводником враждебных антинародных тенденций, искажающим классическое наследие — наверное, имелась в виду новаторская постановка «Дамы с камелиями» с Зинаидой Райх в заглавной роли. Вспомнили, что спектакль «Земля дыбом», поставленный в 1923 году, он не случайно посвятил «презренному врагу народа Троцкому».

Удар по театру Мейерхольда был не единичным и не выпадал из общего контекста развернувшейся в тот период борьбы с формализмом. Осуждена была опера «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Шостаковича, теперь вот пришел черед театру. Мейерхольду предложили слить свое детище с Театром Революции и

занять там должность рядового режиссера. Мастер наотрез отказался. Результат — статья в «Правде» и немедленное закрытие его театра.

Замерла стройка на Триумфальной площади, был получен приказ: все работы прекратить. Мейерхольд тяжело переживал случившееся: новое здание театра возводили по проекту, который предусматривал немало технических новшеств, оригинальных усовершенствований. И вот ни театра, ни любимой работы, ни будущего. Режиссер сидел дома мрачнее тучи. Не звонил телефон, не навевались гости.

Пришла беда — отворяй ворота. Расстроенная жена сообщила, что арестовали отца Володи. Володя — зять. Его отец, Иван Иванович Кутузов, был известным в партийной среде деятелем, состоял членом президиума ВЦИК. Через две недели забрали Володину маму. Ну вот, мало своих неприятностей, так и зять — сын врагов народа. Отца зятя расстреляли, мать заточили в тюрьму на восемь лет.

В сентябре 1938 года увезли и Володю, студента института им. Баумана, а также его старшего брата Ивана, работавшего инженером. Правда, в мае 1939 года их отпустили: не хватило, наверное, доказательств, чтобы упечь в тюрьму.

Крики в ночи

Печаль и уныние поселились в некогда веселой и шумной одиннадцатой квартире на втором этаже добротного дома в Брюсовском переулке.

Испытав сильнейшее нервное потрясение, связанное с закрытием театра, где она была ведущей актрисой, и опалой Мейерхольда, хозяйка квартиры сломалась настолько, что ей пришлось обращаться к психиатру. Душевная болезнь появилась весной тридцать восьмого года. Несколько ночей подряд

Зинаида Николаевна, охваченная приступом невменяемости, заходилась в крике. Услышав, как кричит Райх в трагическую для нее июльскую ночь тридцать девятого года, соседи потом рассказывали, что они подумали, будто у нее снова обострилась болезнь. А знаменитую актрису в это время убивали в ее комнате.

Однако не будем опережать события. После выздоровления Зинаида Николаевна нигде не работала, в основном сидела дома, никуда не ходила. Наезжала к дочери и родителям в Горенки, иногда там ночевала.

В Москве принимала только близких родственников. Правда, с конца июня 1939 года ее начал навещать некий таинственный молодой человек, ранее ей совершенно незнакомый. По словам Т. С. Есениной, обратившейся в 1988 году в Политбюро ЦК КПСС с просьбой о расследовании обстоятельств убийства матери, она не помнит уменьшительного имени, которым мать его называла. Неизвестны и фамилия, и род занятий. Этот молодой человек вроде бы где-то учился, собирал материалы о театре и обратился к Зинаиде Николаевне за помощью. Она с большой готовностью взялась ему помогать. Дважды Татьяна Сергеевна заставляла его у матери, они разбирали какие-то бумаги.

И все. Актриса ни с кем больше не общалась, вела затворнический образ жизни.

А мастер? Его пригласил к себе Станиславский, который руководил оперным театром. Мейерхольд работал и в Ленинграде, где в свое время поставил «Пиковую даму» Чайковского — спектакль сумеречных и трагических настроений. Мейерхольд был учеником Станиславского, а последний имел официальный статус главной фигуры советского театрального искусства. Однако покровительство Станиславского вскоре прекратилось вместе с его смертью в 1938 году.

Театральный Ленинград души не чаял в опальном мастере, и мастер отвечал городу взаимностью. Всеволод Эмильевич с радостью брался за любую работу, которую ему там предлагали. Организовывал массовые мероприятия — все-таки хоть какое-то дело, отвлекающее от мрачных мыслей.

Получив очередное предложение помочь физкультурному институту имени Лесгафта подготовить праздничный спортивный парад, Мейерхольд засобирался в дорогу. 15 июня 1939 года он сел на ленинградский поезд.

20 июня в его ленинградскую квартиру на набережной Карповки, дом 13, позвонили. Было около шести часов утра. Гостей в такую рань вроде бы не приглашали. Мейерхольд вопросительно посмотрел на находившихся в квартире сестру жены и ее мужа — артиста Пшенина, служившего в Театре транспорта после закрытия театра Мейерхольда, в котором Пшенин был секретарем партийной организации. Родственники недоуменно пожали плечами.

Открывать пошел Мейерхольд. В прихожую вошли трое. Одного из них Мейерхольд знал — это был комендант дома по фамилии Родин. О профессиональной принадлежности остальных догадаться было не трудно. Удостоверившись, что перед ними именно гражданин Мейерхольд Всеволод Эмильевич, они предъявили ордер на обыск в квартире и арест ее хозяина.

Побледневший режиссер молча наблюдал, как вошедшие перетряхивали содержимое шкафов и комодов. Обыск продолжался около двух часов. После чего арестованного увезли на казенной машине во внутреннюю тюрьму Управления госбезопасности УНКВД. По дороге конвоиры настороженно следили за каждым движением человека, санкцию на арест которого подписал в Москве сам Берия. Наверное,

крупная птица, думали они, если звонок в Ленинград об аресте исходил от Кобулова, начальника следственной части НКВД. Такие большие люди мелочевкой заниматься не будут, следовательно, от арестованного можно ожидать всяких фокусов. Однако опасения сопровождавших были напрасны: 65-летний арестованный словно оцепенел и подавленно молчал в углу.

Обыск в тот же день проводился одновременно и в московской квартире Мейерхольда в уже знакомом нам Брюсовском переулке, и на рабочем месте в оперном театре имени К. С. Станиславского, и на даче в Горенках. В отличие от мужа, отрешенно смотревшего на то, как работники НКВД переворачивают все вверх дном, Зинаида Николаевна бурно выражала свое возмущение. Она даже настояла (неслыханное дело!), чтобы в протоколе обыска в графе «Заявленные жалобы» была отражена — притом самой обыскиваемой! — крайняя грубость и дерзость сотрудников НКВД, производивших обыск. А их было аж пять человек!

Райх сделала им внушение: кроме дворника, они должны были пригласить еще другое постороннее лицо в качестве второго понятого. Неправильно, что обыскиваются ее личные вещи — ордер-то выписан на мужа! Неправильно, что обыск проводится в его отсутствие! Неправильно, что изъяли ее сберкнижку! Каждой изъятой папке с бумагами надо сделать отдельную опись.

Во время обыска в квартире находился сын Райх девятнадцатилетний студент Константин Есенин и их домработница Чарнецкая. Дочь Татьяна, которой тогда исполнился 21 год, вместе с ребенком и мужем проживала на даче в Горенках. Там же проводили лето ее дедушка и бабушка — родители матери. Обыск в Горенках прошел довольно быстро. Двое энкаведистов

согласились взять с собой Татьяну в Москву, поскольку они намеревались заехать на квартиру в Брюсовском переулке. Когда Татьяна поднялась на второй этаж к матери, обыск еще не закончился.

Что обнаружили в ходе столь многотрудных усердных поисков? Письмо Зинаиды Райх на имя Сталина на 11 листах, еще одно письмо этому адресату, но уже покороче — на шести листах, письмо Ежову, заявление на имя прокурора СССР Вышинского. Все эти документы были изъяты при обыске. Однако содержание их неизвестно — в архивном деле они отсутствуют. Высказывается предположение, что впоследствии их уничтожили.

Незапертая балконная дверь

Произведя обыск и изъяв показавшиеся им важными материалы, работники НКВД перед уходом из квартиры опечатали две комнаты — кабинет Мейерхольда и примыкавшую к кабинету переднюю.

Никто из жильцов в тот момент не вспомнил, что дверь, ведущая из кабинета на балкон, осталась незапертой. Летом ее обычно не запирали, и потому на эту деталь не обратили внимания. К тому же кабинет опечатали, а к дверям прислонили громоздкий сервант из передней. В кабинет ходу теперь не было. Зинаиде Николаевне и ее детям, потрясенным известием об аресте мужа и отчима, а также сценой обыска, было не до какой-то там открытой балконной двери, оставшейся за опечатанным кабинетом.

И напрасно — именно через эту дверь спустя немногим менее месяца ночью в квартиру проникли убийцы Зинаиды Николаевны.

В публикациях об этом таинственном происшествии, а они впервые появились лишь в самом конце восьмидесятых годов и имели преимущественно

обвинительный уклон в адрес НКВД, выделялось действительно необъяснимое обстоятельство — почему лица, производившие обыск и опечатавшие кабинет Мейерхольда, не закрыли и тем более не заперли балконную дверь?

По мнению авторов периода горбачевской перестройки и гласности, специализировавшихся на обличении преступлений сталинской системы, приехавшие с обыском в Брюсовский переулок энкаведисты не могли не видеть, что к балкону квартиры почти вплотную примыкает неказистое одноэтажное строение, с крыши которого перемахнуть через перила — пара пустяков. Версия вполне правдоподобная, непонятно лишь одно — кто и для чего должен был проделывать этот путь. Кому они должны были его перекрыть? Обыск произведен тщательно, все, что представляло интерес для следствия, изъято. Даже в самом подозрительном мозгу не могло зародиться предположение, что кто-то через балкон вернется в опечатанный кабинет.

Впрочем, факт оставшейся открытой балконной двери может иметь самое тривиальное объяснение. Обыскиваемая квартира была четырехкомнатной, с двумя противоположными выходами на лестничную площадку, и ее габариты, конечно же, не могли не произвести впечатление на производивших обыск. Не исключено, что они просто заплутали в лабиринтах передних, подсобных и спальных помещений.

Сегодня об этом приходится лишь гадать, потому что имевшие место факты и события сильно политизированы и до сих пор носят конъюнктурный характер. В одних источниках утверждается, например, что спустя несколько дней после обыска и опечатания кабинета, как раз накануне убийства, квартиру посетили двое незнакомцев. Татьяна Сергеевна Есенина в письме в Политбюро ЦК КПСС в 1988 году назвала

этот приход странным. По ее мнению, пришедшие во второй раз были из числа тех, кто производил обыск 20 июня. Вместе с тем Татьяна Сергеевна делает существенное уточнение: сама она их не видела, была на даче в Горенках. Она также сообщает, что были опечатаны еще две комнаты.

Цель опечатания комнат в квартире Мейерхольда не вызывает сомнения — они подлежали изъятию и последующему заселению, что вскорости и произошло. Через месяц после убийства Зинаиды Райх квартиру разделили на две отдельные, благо она имела два обособленных входа. В каждой появились свои жильцы. Неопечатанной осталась большая проходная комната. Надо полагать, ее оставляли за хозяйкой.

Повторному визиту энкаведистов накануне убийства Райх все публикаторы придают исключительно важное значение. Из всех лиц, занимавшихся этим делом, самое авторитетное, несомненно, — советник юстиции В. Рябов, работавший во время проверки в 1988 году письма Т. С. Есениной помощником прокурора Москвы.

Посещение квартиры двумя незнакомцами описано им так. Представившись сотрудниками НКВД, они под предлогом проверки, не нарушена ли печать на кабинете режиссера, осмотрели квартиру. Было ощущение, что они вынюхивали, кто еще находится здесь, кроме хозяйки. Константин, сын Зинаиды Николаевны, уехал к бабушке в село Константиново Рязанской области. Дочь Татьяна находилась на даче в Горенках. В квартире, кроме Райх, оставалась лишь домработница Чарнецкая. Пришедшие вскрыли комнату Мейерхольда, подошли к балконной двери, которую не закрыли во время обыска работники НКВД, осмотрели все внимательно, кабинет снова опечатали и, не закрыв его на ключ внутреннего замка, удалились.

Неужели готовили ночное проникновение через балкон? Убийцы следовали к жертве по кабинету, дверь

которого, выходит, была не заперта на ключ. Предусмотрительно? Визит был рекогносцировкой?

О тех двоих уже никто никогда не расскажет. Их видели, с ними общались хозяйка квартиры и домработница. Одна убита, второй тоже нет в живых. Тупик.

Письмо Т. С. Есениной в Политбюро пространное и довольно сбивчивое. Ей было 70, когда взялась за перо. Сумбурность, перескоки с одной мысли на другую. Чтобы вникнуть, надо прочесть несколько раз. Есть ли на чем зацепиться глазу? Есть. Татьяна Сергеевна пишет: эти двое опечатали еще две комнаты, ее и Костину. Стало быть, отчуждению подлежали и они. Почему же их не опечатали в первый раз, а только кабинет Мейерхольда и примыкавшую к нему переднюю? Потому что сначала отчуждению подлежала лишь жилплощадь, которую занимал Мейерхольд.

В письме Т. С. Есениной есть строка: «...на четырех прописанных (мать, Костя, я и мой годовалый сын) оставили одну большую проходную комнату». Стало быть, в квартире не были прописаны ни муж Татьяны Сергеевны, ни родители Зинаиды Николаевны. В просторной четырехкомнатной квартире с двумя обособленными выходами жили всего трое взрослых, двое из которых вдобавок числились владельцами загородного дома в Горенках. И это на фоне перенаселенных коммуналок!

Сведения о фактических жильцах и их прописке, наверное, были установлены во время первого обыска. Обнаруженные излишки жилплощади было решено опечатать. Можно ли допустить, что именно этими мотивами был вызван повторный визит в Брюсовский переулок?

Похоже, это предположение не такое уж и нереальное. После гибели Райх ее взрослым детям было предложено освободить квартиру в городе, поскольку

они владели домом на правах собственности в Подмоскowie, а по советским законам гражданам не полагалось иметь две или три квартиры. Татьяне и Константину разрешили вывезти свои вещи в загородный дом. Правда, Косте дали восьмиметровку.

Кого спугнула домработница

Убийство Зинаиды Николаевны Райх случилось в ночь с 14 на 15 июля 1939 года. Напавших было двое. Они проникли в квартиру через балкон, к которому примыкала крыша одноэтажного нежилого строения, расположенного во дворе дома. Дверь балкона, как мы знаем, была не заперта — то ли случайно, то ли с умыслом — с 20 июня, когда в квартире производился обыск, а кабинет Мейерхольда опечатали.

Перемахнув через перила балкона, преступники оказались в опечатанном снаружи и тоже незапертом кабинете, пустовавшем 25 суток. Естественно, за это время он покрылся пылью — балкон-то ведь был открыт! Судя по следам, которые оставили убийцы, они не очень-то беспокоились, что их могут идентифицировать. Сыщики из МУРа, занимавшиеся расследованием, обнаружили на ящиках с бумагами, оставшимися после обыска, множество отпечатков пальцев. Преступники рылись в ящиках с какой-то целью, известной только им. Искали ценности? Наследили нарочно, чтобы направить следствие в ложную сторону, создать впечатление у сыщиков, будто здесь побывали грабители-дилетанты?

Из кабинета Мейерхольда злоумышленники проследовали в коридор, миновали закуток за занавеской, где спала домработница, и оказались в комнате, где за столиком, придя из ванной, сидела Зинаида Николаевна. В ту ночь она долго не ложилась спать, ломала голову, как жить дальше. Преступники

увидели, что хозяйка занята пересчетом облигаций. Перед ней лежала раскрытая шкатулка.

Трудно сказать, кто испугался больше — хозяйка или ворвавшиеся злоумышленники. По идее, они должны были рассчитывать на то, что она спит. Иначе, какой смысл проникать в квартиру? С другой стороны, неужели со двора не было видно освещенное окно? Или преступники и в самом деле были жалкими дилетантами, пошедшими на дело без сколько-нибудь серьезной подготовки?

Увидев перед собой неизвестно откуда взявшихся незнакомцев, хозяйка, наверное, испуганно вскрикнула. Один из ворвавшихся схватил ее за руки. Зинаида Николаевна, по свидетельству ее дочери, была физически очень сильной и, скорее всего, оказала яростное сопротивление. О том, что борьба была отчаянной, свидетельствовали сдвинутая с места мебель, поваленные стулья, разбрызганная по комнате кровь. Очевидно, поняв, что с хозяйкой не управиться голыми руками, второй сообщник ударил ее ножом. На теле несчастной было обнаружено семнадцать ножевых ударов в грудь и один — в шею.

Звуки борьбы и крики разбудили домработницу. Вскочив с постели в своем закутке, она бросилась по коридору на шум и тоже закричала от страха, не понимая, что там происходит. Когда она поравнялась с дверью хозяйкиной комнаты, навстречу метнулась чья-то тень, и в ту же минуту домработница схватилась руками за голову, по которой больно саданули чем-то острым. Кровь заливала лицо, но Лидия Анисимовна успела заметить: человек, только что нанеший ей удар, промчался мимо, повернул ручку французского замка и выбежал из квартиры.

Свидетельства домработницы подтверждались следами, которые убежавший преступник оставил на стенах вдоль лестницы между вторым и третьим

этажами. Он бежал, отталкиваясь для скорости ладонью, и ее отпечатки на штукатурке были пропитаны кровью. Второй сообщник покинул квартиру тем же путем, которым и вошел — через балкон. На это указывали обнаруженные кровавые следы его бегства.

Лидия Анисимовна нашла в себе силы выбежать на лестницу и позвать на помощь. Ее крики услышал дворник Андрей Сарыков, спавший в своей каморке на первом этаже. Увидев окровавленную домработницу, он вызвал «скорую помощь».

— Что с хозяйкой? — спросил Сарыков.

— Н-не знаю. Наверное, плохо, — сказала Лидия Анисимовна и потеряла сознание.

Сарыков пытался открыть дверь квартиры, но безуспешно. Французский замок защелкнулся изнутри. Тогда дворник приставил лестницу к открытому окну кухни и через него пролез в квартиру. Райх лежала в своей комнате среди большой лужи запекшейся крови.

Приехала «скорая». Раненая была еще жива, когда ее переносили в машину. По одним сведениям, актриса умерла по дороге в больницу, сказав врачу «скорой»: «Не трогайте меня, доктор, я умираю», по другим — когда ее привезли в больницу.

На этой же «скорой» туда доставили и домработницу Чарнецкую. Ей повезло больше — рана оказалась нетяжелой, и через некоторое время Лидию Анисимовну выписали из больницы. Квартира в Брюсовском переулке была пуста и опечатана, и одинокой женщине, едва пришедшей в себя от потрясения, ничего не оставалось, как ехать в Горенки. Ее встретили с радостью, отвели угол в кухне.

Однако дышать свежим деревенским воздухом домработнице пришлось недолго. В Горенки приехали сотрудники МУРа и увезли ее с собой. На Лидию Анисимовну сыщики возлагали большие надежды: домработница была единственной живой

свидетельницей преступления. Сможет ли она опознать тех, кто убил хозяйку?

Свидетели и обвинители

Дело об убийстве актрисы Райх вел МУР. По подозрению было задержано и допрошено около 20 человек.

К сожалению, домработница Чарнецкая не оправдала надежд сыщиков. Она никого не запомнила — было темно, все произошло внезапно, в одно мгновение, среди глубокой ночи.

Дальнейшая судьба этой женщины теряется в потемках предположений. По версии помощника прокурора Москвы В. Рябова, занимавшегося проверкой письма Т. С. Есениной в 1988 году, домработницу Чарнецкую отправили в лагерь отбывать наказание, неизвестно за что ею полученное. Сама же Татьяна Сергеевна свидетельствует: Лидию Анисимовну продержали в тюрьме (наверное, все же в следственном изоляторе. — *Н. З.*) около двух месяцев. Вернулась измученная, ни о чем не рассказывала, через несколько дней уехала на родину в Витебск.

Допрашивали и Татьяну Сергеевну — в качестве свидетеля. В последний раз она видела мать за несколько часов до убийства, вечером 14 июля. На Петровке ей показали, судя по всему, орудие убийства — большой складной нож с кривым лезвием — и спросили, знаком ли он ей. «Нет», — ответила она. Эту штуку она и впрямь видела впервые.

В отношении мужа Татьяны Сергеевны и его старшего брата Ивана следствие сочло необходимым избрать в качестве меры пресечения арест и содержание под стражей. Устраивали очные ставки с домработницей Чарнецкой на предмет опознания в Иване Кутузове того самого человека, который выбежал

ей навстречу и ударил острым предметом по голове. Мужа Татьяны Сергеевны не отпускали из-под стражи в течение четырех месяцев, подвергая строгим допросам.

Впрочем, перечисление всех допрошенных по этому делу заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся именами вышеназванных ближайших родственников, что свидетельствует об искреннем стремлении следствия докопаться до истины, и перейдем сразу к результатам. Они оказались нулевыми.

Последним, кто видел актрису в ту роковую ночь до прихода убийц, был все тот же таинственный молодой человек, зачистивший к ней с конца июня. Спустя некоторое время после того, как Татьяна Сергеевна покинула квартиру в Брюсовском переулке и поехала к себе в Горенки, к Зинаиде Николаевне снова пожаловал тот самый юноша. По свидетельству домработницы, он ушел из комнаты Райх не раньше чем в первом часу ночи. Татьяна Сергеевна тоже вспомнила — то ли в тот приезд, то ли раньше мать говорила, будто она попросила его продать свои золотые швейцарские часы и еще кое-какие вещи.

Однако молодой человек словно в воду канул. Он исчез бесследно вместе с ценностями, которые дала ему для продажи Зинаида Николаевна. Наводчик? Исполнитель? Организатор? Вполне вероятно, особенно если учесть, что преступник, нанеший удар по голове домработнице, не только превосходно ориентировался в квартире, несмотря на темноту, и знал, где входная дверь, но и что она мгновенно открывается благодаря французскому замку. Это обстоятельство утвердило муровцев в предположении, что без соучастия, сознательного или невольного, близких родственников дело не обошлось, отсюда и повышенное внимание ко всем, кто был вхож в квартиру.

Спустя полвека проверявшие это дело по поручению Политбюро эксперты нашли бытовую версию убийства весьма вероятной. Прошли десятилетия, улеглись страсти, появилась возможность взглянуть на трагедию беспристрастным, незаидеологизированным взглядом, и перед специалистами открылись изъяны тогдашнего слишком политизированного следствия. Хотя надо отдать должное муровцам, они и тогда не исключали, что в богатой квартире побывали грабители-дилетанты с улицы в надежде хорошенько пожить, но непредвиденные обстоятельства помешали, потому и остались нетронутыми фамильные драгоценности, включая шкатулку с украшениями актрисы, о стоимости которых ходили легенды. Может, помешала не спавшая Зинаида Николаевна, ее отчаянное сопротивление, которого они никак не ожидали от женщины и потому вынуждены были пустить в ход нож; может, спугнула проснувшаяся домработница. А может, то и другое вместе.

И все же общая атмосфера жизни второй половины тридцатых годов — подозрительность, шпиономания, доносительство — несомненно, сказались на расследовании этого убийства. Сыщики ведь тоже живут по законам своего времени. А оно было непростое.

Муж убитой, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, находился под следствием в тюрьме на Лубянке и обвинялся в активной шпионской работе, направленной против СССР. Сегодня, с высоты наших дней, можно сколько угодно иронизировать по поводу тогдашних обвинений режиссера в том, что он троцкист и японский шпион, но представьте тридцать девятый год, молоденького следователя, которого под расписку просветили, что убийство Зинаиды Райх могло быть осуществлено сообщниками ее мужа. Сообщниками? Третьего января 1938 года японская супружеская пара

нелегально пересекла советско-японскую границу на Сахалине. В тот же день нарушители были задержаны советскими пограничниками и переданы органам НКВД. «Супруг» признался, что он шпион, посланный в СССР японским генеральным штабом. Цель переброски — связаться со шпионом Мейерхольдом и совместно проводить диверсионные операции. В том числе и в отношении товарища Сталина.

Надо ли описывать душевное состояние следователя, которого посвятили в государственную тайну особой важности? Не забудьте, что расследование проходило в период резко обострившихся советско-японских отношений, приведших к боевым действиям на Хасане и Халхин-Голе. Так что версия об устранении Зинаиды Райх сообщниками разоблаченного мужа-шпиона выглядела вполне правдоподобно. Ликвидировать опасную свидетельницу могли и с помощью засланных уголовников.

Чего греха таить, имела место и такая версия.

Загадочное преступление истолковывалось, да и сейчас истолковывается по-разному. Отец убитой, персональный пенсионер Николай Андреевич Райх считал, например, что преступление совершено с единственно мародерской целью — завладеть квартирой, а все многозначительные слухи и подозрения понадобились, чтобы замести следы. Живет и семейное предание о том, будто после трагедии в трехкомнатную квартиру въехала чья-то пассия — молодая и красивая, а в однокомнатную — шофер Берии. Как помнит читатель, квартиру Мейерхольдов в Брюсовском переулке разделили на две отдельные.

Случилось это уже в октябре 1939 года. Мейерхольд был еще жив и томился на Лубянке в ожидании суда, который 1 февраля 1940 года приговорил его к

расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества.

Эпилог

Точное место захоронения Мейерхольда стало известно недавно: Донское кладбище, общая могила № 1. В 1955 году его посмертно реабилитировали, а обвинение объявили сфальсифицированным.

Зинаиду Николаевну Райх похоронили на Ваганьковском кладбище. Ее убийцы не найдены до сих пор.

Последним подозреваемым по этому делу был проживавший в том же доме солист Большого театра Союза ССР Дмитрий Головин. Его арестовали в 1943 году. Однако доказательства в совершении им этого преступления следствием добыты не были. Тем не менее Головина осудили на десять лет лишения свободы за шпионаж. Наказание он отбывал и умер в 1966 году в Анапе.

В 1988 году Генеральный прокурор СССР А. Сухарев и члены комиссии Политбюро ЦК КПСС М. Соломенцев, А. Яковлев, А. Лукьянов доложили М. Горбачеву об итогах проверки заявления Т. С. Есениной: «В настоящее время лиц, виновных в убийстве Райх З. Н., установить не представляется возможным».

М. Горбачев с таким заключением согласился.

Глава 6 КРЕМЛЬ, 22 ИЮНЯ

Что происходило в Кремле в ночь, когда Гитлер напал на СССР?

Эта тема была сверхсекретной даже во времена правления Хрущева, не говоря уже о послевоенной

сталинской эпохе. Первым, кто приподнял краешек покрывала тайны, был Никита Сергеевич. Отставной советский лидер, делая надиктовки своих воспоминаний, изобразил Сталина полностью потерявшим самообладание и пребывавшим в состоянии страха, паники и шока.

С легкой руки хрущевской команды, тоже засевшей за мемуары, в общественном сознании утвердился стереотип, согласно которому Сталин в панике скрылся на даче и беспробудно пьянствовал там до 30 июня, не принимая никаких решений и даже не давая о себе знать. Когда обеспокоенные члены Политбюро примчались в Кунцево, они увидели, что вождь, совершенно опустившийся и подавленный, в страхе забился под кушетку, полагая, что соратники приехали, чтобы его арестовать.

Прошли годы, и вот всплыли новые свидетельства и документы, внесшие путаницу и в без того противоречивые факты.

Кто доложил первым

Несмотря на монбланы книг, написанных политиками, министрами, генералами, не говоря уже об историках, беллетристах и документалистах, до сих пор не дан четкий и внятный ответ, когда и от кого Сталин узнал о начале вооруженного вторжения фашистской Германии. Более того, по сведениям, полученным автором этой книги в крупнейших библиографических центрах, нет ни одной публикации, в которой бы исследовался данный вопрос.

А он чрезвычайно важен для выяснения того, что происходило в Кремле в первый и последующие несколько дней после начала боевых действий. Это ключ к разгадке одной из самых тщательно скрываемых тайн Великой Отечественной войны.

До выхода в свет мемуарной книги маршала Жукова тема первых минут войны в советской документальной литературе не освещалась. Изложенная в «Воспоминаниях и размышлениях» сцена ночного телефонного доклада начальника Генерального штаба Жукова поднятому с постели на даче Сталину стала хрестоматийной. Она многократно воспроизводилась в десятках произведений художественной прозы, на кино- и телеэкранах.

Напомню самые существенные моменты эпизода, рассказанного Жуковым через 30 лет. Только те, без которых понимание дальнейшего повествования будет весьма затруднительным.

Итак, в ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генерального штаба и наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Жуков вместе со своим первым заместителем Ватутиным под утро находился в служебном кабинете наркома обороны Тимошенко.

В 3 часа 07 минут Жукову по ВЧ позвонил командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский и доложил о приближении со стороны моря большого количества неизвестных самолетов. В 3 часа 30 минут позвонил начальник штаба Западного округа генерал Климовских: немецкие самолеты бомбят города Белоруссии. Через три минуты — аналогичный звонок из Киева, через четыре минуты — из Вильнюса.

Тимошенко приказал Жукову звонить Сталину. «Звоню, — читаем у маршала. — К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедленно: немцы бомбят наши города! — Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы вызвал всех членов Политбюро».

На сегодняшний день мы располагаем двумя свидетельствами, опровергающими описанный эпизод.

Но и они не совпадают! Сходятся только в одном: не Жукову пришлось будить Сталина.

По мнению сына Берии, и Поскребышеву не надо было обзванивать членов Политбюро:

— Все они, включая моего отца, — говорит Серго Лаврентьевич, — давно находились в Кремле. Разумеется, не ложился спать в ту ночь и Сталин. Почему-то нигде не пишут, кто первым сообщил ему о начале войны. А между тем информацию Сталин получал не только от начальника Генерального штаба...

Намек ясен: в каком свете выглядит руководитель спецслужбы, если глава государства получает сообщение о начавшейся войне не от разведки, которая должна знать все и вся, а от военных? Бывшие генштабисты в штыки восприняли заявление сына Берии и усмотрели в нем стремление выпятить роль грозного ведомства, которому Жуков якобы отвел незаслуженно мало места.

Впрочем, нашлось немало и тех, кто разделяет точку зрения Серго Лаврентьевича. Ветераны органов госбезопасности, движимые корпоративными чувствами, горячо подхватили эту версию.

Отставники-генштабисты, горой вставшие на сторону своего бывшего начальника, резонно спрашивают:

— А с какой стати, собственно говоря, Жукову надо было придумывать, что именно он разбудил Сталина ночным звонком? Незавидная роль — сообщать диктатору о начале войны. Тимошенко, и тот не осмелился — Жукову приказал...

У Серго Берии свой взгляд на эти, как он их называет, неточности:

— Георгий Константинович был умный человек и отлично понимал, что читатель без труда разберется, что к чему. Ну кто, скажите, поверил, что Жуков мог вспомнить никому не известного полковника Брежнева? Но ведь написано... Не могла такая книга увидеть свет без упоминания фамилии генсека. Кто посмеет упрекнуть маршала в том, что так получилось? Нисколько не сомневаюсь, что, идя на какие-то уступки, Жуков знал, что выигрывает в главном — получает возможность сказать пусть не всю, но правду о войне.

Отставники-кагебисты приводят такой аргумент:

— Мемуары несут отпечаток того времени, той политической ситуации, в которые создаются. Они всегда ангажированы моментом. Если Жуков придумал эпизод с Брежневым — в угоду тогдашней конъюнктуре, то — снова в угоду все той же конъюнктуре! — отошел от исторической правды, не замечая фигуры Берии. Разве могла при Брежневе выйти книга Жукова, если бы в ней правдиво изображались все главные действующие лица войны? А если бы она вышла в хрущевские времена? Это была бы совсем другая книга — подтверждающая

антисталинистскую версию, согласно которой в ночь на 22 июня командующие со своими штабами, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились.

Так, с Берией ясно, подумает какой-либо нетерпеливый читатель. А кто второй свидетель?

Вячеслав Михайлович Молотов. Первый заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел.

По его признанию, сделанному после 47-летнего молчания, перед кончиной, именно он первым позвонил Сталину с известием о разверзшейся катастрофе.

Чего не знал Жуков

Снова вернемся к событиям той трагической ночи, картину которых потом воспроизвел начальник Генштаба.

В 4 часа 30 минут утра они с Тимошенко приехали в Кремль — в соответствии с указанием Сталина. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Жукова и Тимошенко пригласили в кабинет.

Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено Молотову.

Через некоторое время он вернулся в кабинет:

— Германское правительство объявило нам войну.

Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза, прерванная Жуковым, который предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директиву № 2 наркома обороны передали в округа. Однако выполнена она не была. В причины сейчас вдаваться не будем, а сосредоточим главное внимание на дипломатической стороне дела, в тонкости которой, как сейчас станет ясно, начальник Генштаба посвящен не был.

Из приведенного выше фрагмента следует, что Сталин инициировал телефонный звонок в германское посольство. С подачи Жукова тезис о том, что Шуленбург сам обрывал телефоны советского НКВД, разыскивая Молотова для вручения срочного сообщения, послужил основой для многократно описанной в литературе сцены растерянности членов Политбюро, собравшихся утром 22 июня в кабинете Сталина.

Все было так, как описано у Жукова, и в то же время не совсем так: начальник Генштаба стал очевидцем только второго акта этой сцены. Первый происходил раньше, и о нем знали лишь два человека: Сталин и Молотов.

Единственным человеком, которому Молотов доверился, взяв с него слово, что тот будет держать в тайне подробности, был писатель Иван Стаднюк:

— Обнародовать эти сведения пока нельзя. Они наделают много шума за рубежом. Буржуазные писаки могут завопить, что никакого внезапного нападения Германии на нас не было, а была объявлена война, как полагалось по международным нормам...

Заинтригованный Стаднюк, работавший тогда над романом «Война», поклялся молчать как рыба. И услышал невероятную историю:

— 22 июня 1941 года между двумя и тремя часами ночи на моей даче раздался телефонный звонок

германского посла графа фон Шуленбурга. Он просил срочно принять его для вручения важнейшего государственного документа. Нетрудно было догадаться, что речь идет о меморандуме Гитлера об объявлении войны. Я ответил послу, что буду ждать его в наркомате иностранных дел и сообщил Сталину о разговоре с Шуленбургом. Сталин ответил: «Езжай в Москву, но прими немецкого посла только после того, как военные нам доложат, что вторжение началось... Я тоже еду и собираю Политбюро. Будем ждать тебя...». Я так и поступил.

— А как же тогда относиться к мемуарам Жукова? — спросил писатель у Молотова. — Маршал пишет, что он, получив известие о начале немцами военных действий, с трудом заставил по телефону охранников Сталина разбудить его...

— Я тоже об этом размышлял, — сказал Молотов. — Полагаю, что дежурный генерал охраны Сталина, получив звонок Жукова, не доложил ему, что Сталин уехал. Не полагалось... И в то же время Сталин позвонил Жукову, тоже не сказав ему, что он в Кремле... Вам же советую писать в книге, что я узнал о намерении Шуленбурга вручить меморандум об объявлении войны от позвонившего мне дежурного по наркомату иностранных дел...

Если так было на самом деле, то подробности, рассказанные Молотовым, переворачивают наши прежние представления о начале войны, сложившиеся под влиянием многочисленных произведений художественной прозы и публицистики, где столь красочно живописалось о потере самообладания Сталиным. Выходит, вождь и впрямь проявил ту самую мудрость и прозорливость, которую воспевали придворные льстецы? Указание Молотову не принимать германского посла до тех пор, пока военные не доложат о начале боевых действий, — родилось

экспромтом или было выношено заранее? Экспромтом — значит, спросонья, навскидку? И — в самую точку, что позволило ввести оправдывающий первоначальные неудачи термин о вероломности нападения?

Несходящиеся концы

В версии о происхождении термина «вероломное нападение», о его якобы рукотворно-искусственном характере есть, по крайней мере, два уязвимых места.

Первое: на чем было основано предположение Молотова, разбуженного ночью на даче звонком Шуленбурга, который просил о срочной аудиенции, где германский посол намеревался вручить меморандум Гитлера именно об объявлении войны. А вдруг подразумевалось нечто совсем иное?

И второе: несходящиеся концы в истории со звонком Жукова Сталину. В канун 50-летия Победы вышло еще одно, самое полное издание мемуаров полководца, в котором восстановлены купюры, сделанные в первых выпусках «Воспоминаний и размышлений», уточнены и дополнены отдельные эпизоды. Описание ночного звонка и разговор с охранником Сталина остались без изменений.

Начнем с первой неувязки.

Действительно, надо обладать сверхъестественной интуицией, чтобы на расстоянии, не видя даже выражения лица собеседника, догадаться, по какому поводу германский посол жаждет немедленной встречи с господином наркомом иностранных дел. Именно поэтому сенсационное признание Молотова, наверное, будет воспринято с определенной долей скептицизма.

И напрасно. Ибо массовое сознание, напичканное сведениями исключительно военного характера, совсем или почти ничего не знает о неафишировавшейся дипломатической стороне вопроса. Если первый и

последующие дни боевых действий описаны тысячами авторов, которые, казалось, не выходили из кабинетов Генштаба и наркомата обороны, настолько все подробно изложено в горах литературы, то в тихие кабинеты старых облупившихся зданий на Лубянке, где в годы войны располагалось внешнеполитическое ведомство, похоже, мало кто заглядывал.

А между прочим, там тоже было горячо.

Весь день 21 июня, включая поздний вечер и часть ночи, непрерывно заседало Политбюро. Угроза нападения Германии ни для кого не была секретом. Обсуждали политические и военные меры на случай агрессии, которая могла начаться то ли в субботу ночью, то ли в воскресенье. Гадали, что у Гитлера на уме.

После продолжительного и жаркого спора Сталин настоял на том, чтобы прозондировать почву в Берлине. Молотов лично под его диктовку составил шифrogramму советскому послу в Германии Деканозову. Ему предписывалось срочно потребовать аудиенцию у министра иностранных дел Риббентропа и представить «устную ноту протеста» в связи с увеличением числа полетов немецкой авиации над советской территорией. В ноте указать число полетов — 180 за два месяца — с 19 апреля по 19 июня. Некоторые самолеты вторгались в глубь советской территории на 100–150 километров.

Деканозову ставилась задача: обсудить с Риббентропом общее состояние советско-германских отношений, высказать озабоченность по поводу их явного ухудшения, упомянуть слухи о возможности войны и выразить надежду, что конфликта можно избежать путем переговоров.

Через несколько часов зашифрованные указания из Москвы лежали на столе перед Деканозовым. Однако выполнить их оказалось непросто. Дежурный МИДа сообщил, что господина Риббентропа на месте нет, он в

отъезде. Отсутствовал и государственный секретарь МИДа барон Вайцзеккер. После ряда настойчивых звонков около 12 часов дня удалось поймать Вермана, начальника политического отдела министерства.

— По-моему, — сказал Верман, — у фюрера какое-то важное совещание. Видимо, там и господин министр. Я не мог бы быть полезным?

Учтливому клерка пришлось столь же учтиво поблагодарить: Деканозову было предписано беседовать только с Риббентропом.

После двенадцати из Москвы посыпались нетерпеливые звонки. Молотов торопил — Политбюро во главе со Сталиным ждало вестей из Берлина.

Но вестей не было. Сталин мрачнел: судя по отсутствию Риббентропа и Вайцзеккера, невозможности связаться с ними в течение всего дня, дело принимало неприятный для Кремля оборот. Крепло подозрение, что германская сторона умышленно уклоняется от встречи.

В семь часов вечера в Наркоминделе расшифровали срочную телеграмму от посла в Лондоне Майского. Ее тут же передали в Кремль. Молотов зачитал содержание: находившийся в отпуске на родине сэр Стаффорд Крипс, британский посол в Москве, только что конфиденциально проинформировал коллегу, что немецкое нападение состоится завтра, 22 июня, в крайнем случае 29 июня.

— Что из Берлина? — спросил Сталин после того, как Молотов закончил чтение шифровки.

— Без изменений, — тихо и виновато проронил Молотов.

Телеграмма Майского, хотя он и раньше много раз докладывал о возможном нападении Германии, а также странное поведение Берлина вынудили Сталина сделать еще один зондаж:

— Надо пригласить германского посла Шуленбурга. Наркому иностранных дел будет это сподручнее.

Молотов отдал распоряжение своему ведомству. Встречу назначили на 21.30. В условленное время граф Шуленбург прибыл в кремлевский кабинет Молотова.

Нарком поставил те же вопросы, которые были сформулированы в шифровке Деканозову для его беседы с Риббентропом.

— Советское руководство не может понять причин недовольства Германии, — сказал Молотов. — Хотелось бы знать, в чем дело.

«Я сказал, что не могу ответить на этот вопрос, поскольку не располагаю соответствующей информацией», — сообщил Шуленбург в срочной телеграмме в Берлин, отправленной в ночь на воскресенье в 1 час 15 минут. Это была последняя шифровка, ушедшая из германского посольства в Москве.

Беседа ничего существенного не дала. Вернувшись в кабинет Сталина, нарком доложил, что на вопрос, почему из Москвы уехали жены и дети сотрудников германского посольства, Шуленбург неуверенно ответил: они уехали домой на каникулы, уж больно суровый в Москве климат. Молотов от себя добавил, что знает Шуленбурга как честного и принципиального человека еще со времен лучшей поры советско-германского пакта. Сегодня Шуленбург был явно чем-то смущен. Интуиция не подвела наркома: позднее выяснилось, что посол знал о предстоящем нападении и, по некоторым сведениям, якобы даже шепнул об этом на ушко Молотову.

В час ночи поступило сообщение от Деканозова, которому после отчаянных попыток удалось встретиться с Вайцзеккером — Риббентропа так и не сумели найти. По стечению обстоятельств беседа совпосла с госсекретарем тоже состоялась в 21.30, в то же время что и в Москве. И еще одно совпадение, на этот раз судеб послов — германского в Москве и

советского в Берлине. Оба будут казнены по решению своих правительств. Шуленбург — раньше, в связи с неудавшейся попыткой покушения военных на Гитлера. Деканозов — в 1953 году, вместе с Берией. И тоже якобы за попытку захватить власть.

Деканозов доложил о ходе беседы: Вайцзеккер заявил — он передаст содержание «устной ноты» правительству. Что касается претензии советской стороны о нарушениях ее воздушного пространства немецкими самолетами, то ему сообщали о массовых нарушениях границы советскими, а не немецкими самолетами. Так что у германского, а вовсе не у советского правительства есть причина выражать недовольство.

Такие вот события предшествовали звонку Шуленбурга на дачу Молотова. А если учесть военные приготовления, которые тоже обсуждались на Политбюро 21 июня, то станет ясно, почему Молотов сразу понял, какой меморандум Гитлера намеревается вручить германский посол, всего четыре часа назад уехавший из Кремля после зондажной беседы. По пустякам среди ночи государственных мужей с постели не поднимают.

А теперь — о второй неувязке. Кто кому звонил: Жуков Сталину или наоборот? Здесь загадка позаковыристее.

Вообразим такую ситуацию. Сидят генерал-майор — командир дивизии и полковник — его начальник штаба. В дивизии ЧП. Надо докладывать командующему армией, который в звании генерал-лейтенанта. Кто должен снимать трубку? Правильно: старший по званию и должности. Армейские уставы, регламентирующие взаимоотношения военнослужащих, строги и однозначны. И вот командир дивизии приказывает начальнику штаба: давай, докладывай вышестоящему командиру ты!

Так не бывает, возражат знатоки военной субординации. Полковник возьмется за телефон только в одном случае: если он в данный момент является старшим начальником. Из мемуаров Жукова следует, что Сталину о начале войны сообщил он, генерал армии и начальник Генштаба, а рядом безучастно сидел Тимошенко, Маршал Советского Союза и нарком обороны.

Запомнил Георгий Константинович? Не было у кого переуточнить? Тимошенко скончался в 1970 году, а первое издание «Воспоминаний и размышлений» вышло четыре года спустя. Других очевидцев не было...

Мнения военных экспертов, консультировавших этот эпизод, разделились. Вот наиболее характерные суждения:

— забывчивость, несовершенство человеческой памяти. (В качестве аналога приводилось свидетельство маршала, а тогда полковника Гречко, которого взял с собой Тимошенко, назначенный 30 июня 1941 года командующим Западным фронтом. На письменный запрос писателя Стаднюка, каким видом транспорта добирались из Москвы до Смоленска, маршал ответил: поездом. А ознакомившись с рукописью «Войны», вычеркнул весь салон-вагонный антураж и на полях написал: «В Смоленск летели на самолете «ЛИ-2» в сопровождении четырех истребителей». Когда книга вышла из печати уже с авиационным антуражем, откликнулся адъютант Тимошенко: «Мы не летели самолетом, а ехали машинами». И привел картины дорожного антуража — чаепитие в деревенском доме, беседу со стариками;

— звонков было два: Жуков позвонил Сталину на дачу, но тот был уже в Кремле. О звонке начальника Генштаба дежурный охраны доложил в Кремль, и Сталин сразу же перезвонил, не сказав, где он. У

Жукова из-за экстраординарности обстановки два звонка слились в один;

— звонок был один: дежурный генерал охраны переключил абонента на кремлевский телефон Сталина, и Жуков разговаривал с вождем, полагая, что тот на даче.

Последняя версия показалась заманчивой и вполне вероятной, если, конечно, технические возможности тогдашней связи позволяли производить подобное переключение. И что бы вы думали? Оказывается, в те времена существовало ГУСС — Главное управление специальной службы, которое не смог подчинить себе даже всемогущий Берия. Закрытая связь, обеспечивавшая объекты особой государственной важности, была «приписана» к ЦК ВКП(б) и находилась под личным контролем Сталина. О ее существовании и возможностях не знал даже начальник Генштаба!

«Товарищ Сталин, покиньте кабинет!»

Когда Молотов, вернувшись со встречи с Шуленбургом, сказал собравшимся у Сталина членам Политбюро, что это война, и в кабинете повисла гнетущая тишина, встал вопрос, в какой форме сообщить о случившемся народу. Сталинские соратники, естественно, повернулись к своему предводителю, ожидая, что именно ему следует взять на себя эту миссию.

Однако, вопреки ожиданиям, Сталин решительно отказался, перепоручив Молотову, который выступил по радио в 12 часов дня.

В исторической литературе бытуют две точки зрения, объясняющие причину отказа Сталина выступить с обращением к нации в связи с нападением Германии. С конца пятидесятых до середины семидесятых годов преобладала точка зрения,

отражавшая заказ верхов. Ближайшие сподвижники правившего тогда Хрущева — политики и генералы — представляли дело так, будто Сталин настолько испугался и впал в прострацию, что потерял всякую дееспособность.

— Он не знал, что сказать народу, ведь воспитывали народ в духе того, что войны не будет, а если и начнется война, то враг будет разбит на его же территории и так далее, а теперь надо признавать, что в первые часы войны терпим поражение, — рассказывал А. И. Микоян.

С середины семидесятых годов, особенно в канун 30-летия Победы и после, обвинения Сталина в трусости начали утихать. Исчез с политической арены Хрущев, произошла очередная перетряска в кремлевских сферах, и первые дни войны начали преподносить несколько в иных красках. Сменилась брежневская эпоха, отдалился во времени день 22 июня, и вот уже историки нового поколения пытаются преодолеть грубость хрущевских нападок и слащавость брежневских лубков.

— Вопрос об обращении к народу решался ранним утром, когда еще никто в Москве не знал, что мы «в первые часы войны терпим поражение», — говорил Д. Волкогонов, комментируя микояновское объяснение. — О войне, ее угрозе народу часто говорили. Готовились к ней. Но пришла она все равно неожиданно. Сталину было во многом неясно, как развиваются события на границе. Вероятнее всего, он ничего не хотел говорить народу, не уяснив себе ситуации. Сталин никогда до этого, во всяком случае в 30-е годы, не делал крупных шагов, не будучи уверенным в том, как они скажутся на его положении. Он всегда исключал риск, который мог бы поколебать его авторитет, авторитет вождя.

По мнению этого крупного знатока природы сталинизма и автора первой отечественной политической биографии Сталина, утром 22 июня вождь был в тревоге, даже в смятении, но его не покидала внутренняя уверенность в том, что через две-три недели он накажет Гитлера за вероломство и вот тогда «явится» народу. Парализующий шок, мол, поразит Сталина лишь через четыре-пять дней, когда он наконец убедится, что нашествие несет смертельную угрозу не только Отечеству, но и ему, «мудрому и непобедимому вождю».

По мнению известного английского историка Алана Буллока, написавшего капитальный двухтомный труд «Гитлер и Сталин», продающийся сейчас в Москве на книжных развалах, угроза исходила не только от армий вермахта, победно приближавшихся к Москве, но и от своего окружения. Всемогущий вождь после 22 июня исчез из Кремля. Никто — ни члены Политбюро, ни нарком обороны, ни Генштаб — не знали, где Сталин, почему он молчит в такое время. А. Буллок приводит слова самого Сталина, произнесенные на победном обеде 24 мая 1945 года, в которых, по мнению этого историка, сквозил страх, что его могли тогда свергнуть: «Народ мог бы сказать правительству: «Ты не оправдало наших ожиданий. Уходи. Мы найдем новое правительство, и оно заключит мир с Германией».

Есть ли хоть какие-либо свидетельства того, что Политбюро намеревалось предотвратить четырехлетнюю взаимоистребительную войну двух народов путем смещения Сталина в страшные июньские дни сорок первого? При всей неожиданности этого вопроса давайте вспомним заговор военных против Гитлера в 1944 году — они пошли на отчаянный шаг, видя неизбежную катастрофу и спасая нацию. По некоторым данным, наши военные тоже чуть ли не

отважились на нечто подобное — в ночь на 30 июня 1941 года.

Вернемся, однако, к гражданским. Когда встревоженные долгим молчанием Сталина члены Политбюро приехали к нему на дачу в Кунцево, ему показалось, что они прибыли неспроста и сейчас его арестуют. Во всяком случае, такое впечатление сложилось из-за его странного поведения. Микоян, который присутствовал при этом, вспоминал позже:

— Мы нашли его в маленькой столовой, сидящим в кресле. Он поднял голову и спросил: «Зачем вы приехали?». У него было странное выражение лица, да и вопрос прозвучал довольно странно. В конце концов он мог бы позвать нас...

Когда же вместо ожидаемого ареста Молотов предложил ему создать Государственный Комитет Обороны со Сталиным в качестве председателя, он был очень удивлен, но не возразил и сказал: «Хорошо».

О неделе, проведенной Сталиным на Кунцевской даче в полнейшей отключке, пишут многие военачальники, министры, партийные функционеры. Однако немало и тех, кто видел вождя в то время и утверждают: да, он сильно переживал, даже изменился внешне, но о панике или о страхе не может быть и речи. О его работоспособности, собранности и энергии свидетельствуют записи в журнале, который вели сотрудники приемной, регистрировавшие принятых им лиц. 22 июня, в первый день войны, — 29 встреч, 23 июня — 21, 24-го — 20, 25-го — 29, 26-го — 28, 27-го — 30, 28-го — 21 встреча. Журнал бесстрастно фиксировал фамилии лиц, прошедших в кремлевский кабинет Сталина — того же Микояна, Вознесенского, главы Коминтерна Георгия Димитрова, маршалов, министров, идеологов. Указывается время каждой аудиенции — до 12, а то и до 1.30 ночи. Журнал, правда, рассекречен совсем недавно...

И все же был момент, когда Сталин, похоже, потерял самообладание и допустил первый срыв, который мог дорого ему обойтись. Тут пасуют даже самые ярые защитники вождя из числа неосталинистов, вынужденные признать, что Иосиф Виссарионович дал маху. В свою очередь, ярые антисталинисты не преминули в очередной раз пнуть Берию, который уберег диктатора от гнева военных, приведя в боевую готовность войска госбезопасности, что и сорвало замысел по устранению Сталина.

Момент был как раз самый подходящий для смещения. Вечером 29 июня Сталину стало известно — из ведомства Берии! — о том, что Минск давно в руках у немцев, что они хозяйничают в белорусской столице уже второй день. Страшное сообщение привело его в шоковое состояние: танковые клинья вермахта дугой сомкнулись за Минском, сжав в железном кольце основную массу войск Западного фронта. Путь на Москву был открыт!

Вождя охватило бешенство. Это же гигантская катастрофа. Почему молчат Тимошенко с Жуковым? Почему вовремя не доложили? Не знают обстановки? Скрывают? Обманывают? Увы, и среди самой верхушки генералитета главенствовало золотое правило трех «у» — угадать, угодить, уцелеть.

Ярости Сталина не было границ. Наркомат обороны и Генштаб по-прежнему не давали о себе знать. Аппараты прямой связи с Тимошенко и Жуковым молчали. Решение созрело неожиданно:

— Если они не докладывают, едем к ним сами. За докладом.

Через полчаса «паккард» со Сталиным и лимузины с Молотовым, Берией и другими членами Политбюро в сопровождении машин охраны внезапно въехали во двор наркомата обороны на улице Фрунзе.

Со слов писателя Ивана Стаднюка, которому Молотов рассказал подробности этого визита, снятые контролирующими органами из книги «Война», это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти с одной стороны, и высшим командованием Вооруженных Сил СССР с другой:

— Из рассказов Вячеслава Михайловича я понял, что обнажилась грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжкими последствиями, — признавался автору этой книги Иван Фотиевич в 1991 году. — Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутину, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное перенапряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения. Изумленный наглостью военных, Берия пытался вступить за хозяина, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу.

Молотов рассказал Стаднюку потрясающие подробности! Когда нежданные визитеры спускались во внутренний двор наркомата обороны, где дожидались машины, Берия что-то возбужденно доказывал Сталину, зловеще поблескивая стеклами пенсне. По долетавшим обрывкам фраз Молотову показалось, что глава грозного ведомства предупредил о возможности этой ночью военного переворота. Сталин выслушал, не проронив ни слова, а потом, не заезжая в Кремль, поехал на Кунцевскую дачу.

Машина Берии свернула на Лубянку. Это означало, что ее хозяин проведет на службе всю ночь, а его люди,

расставленные в разных местах, будут докладывать ему о каждом подозрительном движении в городе.

Последствия

Ранним утром 30 июня 1941 года Сталин приехал в Кремль с принятым решением: вся власть в стране переходит Государственному Комитету Обороны во главе с ним, Сталиным.

Нарком обороны Тимошенко в тот же день был удален из Москвы и направлен в Смоленск — командующим Западным фронтом. Первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин назначался начальником штаба Северо-Западного фронта.

Из тройки высокопоставленных военных, участвовавших во вчерашней крупной ссоре, в Москве оставался пока — на недолгое время — начальник Генштаба Жуков, с которого Берия не спускал глаз. Вскоре и Жуков тоже оставит Москву и направится навстречу своей неувядаемой славе.

Такие вот последствия имел скандальный инцидент в здании наркомата обороны поздним вечером 29 июня 1941 года.

Глава 7

СЕКРЕТНЫЙ ОРДЕН ЯКОВА ДЖУГАШВИЛИ

«Я солдат на маршалов не меняю», — произносит Сталин в киноэпопее «Освобождение» неожиданные для тогдашнего зрителя слова, и с легкой руки создателей фильма эта фраза становится крылатой.

Слова неожиданны потому, что речь идет о собственном сыне Верховного Главнокомандующего, которого предлагают обменять на попавшего в

советский плен германского фельдмаршала Паулюса. Сталин решительно отклоняет предложение, что у одних вызывает восхищение (вот это поступок!), у других, наоборот, осуждение (даже собственный сын ему не дорог?).

Почему Сталин поступил именно так, а не иначе? Его поведение носило показной характер? Произносил ли он в действительности свою знаменитую фразу? И вообще, что произошло с Яковом в плену? После войны его видели то в Италии, то в Латинской Америке... Утверждают, что он натурализовался в Ираке, и Саддам Хусейн — его сын...

«Ваш сын в плену...»

Существует несколько версий о том, как Сталин впервые узнал о пленении старшего сына.

Одним из первых в советской печати отважный прорыв в дотоле запретную тему совершил известный военный писатель Иван Стаднюк, чей роман «Война» пользовался шумным успехом в семидесятые годы. В третьей книге романа, законченной в 1980 году, писатель вводит в ткань повествования персонаж старшего лейтенанта Якова Джугашвили.

Романисту эта сцена видится так. В день, когда Сталин решил, что пост наркома обороны следует занять ему самому, а Тимошенко переместить на командование Западным направлением, в кабинете у него находились Молотов и Калинин. Вошедший Поскребышев доложил о приезде Мехлиса. Начальник ГлавПУРа был непривычно мрачным и даже бледным.

— Товарищ Сталин, — сказал он, опасливо приблизившись к вождю, — я обязан сообщить вам об очень неприятном для всех нас политдонесении с Западного фронта...

— Докладывайте, — сказал Сталин.

И Мехлис доложил:

— Начальник политуправления Западного фронта сообщает, что, по всей вероятности, ваш сын, Яков Иосифович, попал к немцам в плен...

За окном кремлевского кабинета гремели раскаты грома, хлестнул ливень. Со стороны могло показаться, что Сталин не расслышал слов армейского комиссара.

— Точных подтверждений политуправление не имеет, — мучительно продолжал Мехлис, — но делается все возможное...

Сталин и сейчас даже не пошевелился, ибо заранее знал, с чем пожаловал к нему Мехлис. Молотов и Калинин, оглушенные дурной вестью, сочувственно и с болью смотрели на отвернувшегося к окну Сталина, не в силах понять, расслышал он в шуме ливня слова армейского комиссара или нет. А Мехлис, растерянно оглянувшись на них, заговорил вновь:

— Особый отдел фронта и специально созданная группа политуправленцев принимают все меры, чтобы или выяснить истину, или, если Яков Иосифович не у немцев, разыскать его, живого или мертвого...

Сталин продолжал молчать, будто не в силах оторваться от зрелища разбушевавшейся грозы.

— Коба, ты что, не слышишь?! — возвысив голос, взволнованно спросил Молотов. — Немцы схватили Яшу!..

Сталин медленно, будто тело ему плохо подчинялось, отвернулся от окна и посмотрел на Молотова пасмурным и каким-то затравленным взглядом. Затем неторопливо направился к своему столу, сел в кресло и спокойно, со скрытой укоризной сказал:

— Сталин не глухой... Мне уже известно о пленении старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Сейчас его допрашивают в ставке фельдмаршала Клюге.

У Мехлиса от этих слов перехватило дыхание и словно пол качнулся под ногами. Он хорошо знал, что слухи о пленении сына Сталина пока держались в строгом секрете. Кто же сообщил Сталину?

Сюжетная интрига этой сцены построена таким образом, что читателям романа уже известно об осведомленности Сталина относительно пленения сына. За несколько страниц — до описания доклада Мехлиса — приводится эпизод, объясняющий, откуда Сталин узнал о несчастье с Яковом. Это произошло на Ближней даче в июле сорок первого. Утром, проснувшись, Сталин включил «телефункен» — мощный многоламповый радиоприемник немецкого производства. Берлинский диктор, прорываясь сквозь треск, передавал обзор событий на Восточном фронте. Передача шла на русском языке. Закончив излагать обстановку в группе армий «Север», вдруг, возвысив голос, сообщил:

— Из штаба фельдмаршала Клюге поступило донесение, что шестнадцатого июля под Лиозно, юго-восточнее Витебска, немецкими солдатами моторизованного корпуса генерала Шмидта захвачен в плен сын кремлевского диктатора Сталина — старший лейтенант Яков Джугашвили, командир артиллерийской батареи из седьмого стрелкового корпуса генерала Виноградова. Будучи опознанным, Яков Джугашвили вечером восемнадцатого июля доставлен самолетом в штаб фельдмаршала Клюге. Сейчас ведется допрос военного пленника...

По другой версии, тоже романной, Сталин узнал о пленении сына не из передачи берлинского радио, вещавшего на оккупированные советские территории, и не из доклада начальника ГлавПУРа Мехлиса. Владимир Успенский, автор нашумевшего в свое время романа-исповеди «Тайный советник вождя», излагает дело так, что печальную весть Сталину первым доложил Жданов. И случилось это девятого августа 1941 года. Именно в

этот день в Москву прибыл из Ленинграда специальный самолет, на котором был доставлен особо секретный пакет от члена Политбюро Жданова, являвшегося членом Военного Совета Северо-Западного направления. В сопроводительной записке было очень коротко сказано: вот немецкая листовка, распространяемая вражескими пропагандистами.

На листовке — четкая фотография. Лужайка. По ней разгуливают трое. Немецкий офицер с засунутыми руками в карманы распахнутой шинели. Второй немец — в кителе и галифе, без фуражки, со светлым лицом и совершенно белыми или седыми волосами. Плечо в плечо с ним черноволосый, темнолицый, в широкой гимнастерке без ремня и тоже без головного убора Яков Джугашвили. Жестикулирует, что-то объясняет немцу. Выражение лиц у всех деловое, спокойное: приятели на прогулке, да и только!

Главный наш сталиновец Волкогонов в двухтомной политической биографии вождя, изданной в 1989 году, тоже говорит о письме от Жданова, присланном в середине августа в специальном, опечатанном сургучом конверте. Там была листовка, на которой запечатлен Яков, беседующий с двумя немецкими офицерами. Эту листовку Волкогонов обнаружил в Центральном архиве Министерства обороны СССР. В ней был следующий текст: «Это Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов. По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к немцам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина своим примером доказал, что

это ложь. Он сдался в плен, потому что всякое сопротивление германской армии отныне бесполезно»...

В августе же состоялся телефонный разговор Светланы, дочери Сталина, находившейся в Сочи с родными, с отцом. «В конце августа я говорила из Сочи с отцом по телефону, — вспоминает она в своей книге «Двадцать писем к другу», написанной в 1963 году, но изданной на русском языке лишь при Горбачеве. — Юля (жена Якова. — *Н. З.*) стояла рядом, не сводя глаз с моего лица. Я спросила его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: «Яша попал в плен». И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: «Не говори ничего его жене пока что...». Юля поняла по моему лицу, что что-то стряслось, и бросилась ко мне с вопросами, как только я положила трубку, но я лишь твердила: «Он ничего сам не знает»...

И только в постсоветское время в архиве Сталина было обнаружено письмо Якова, датированное 19 июля 1941 года. Оно было адресовано отцу и доставлено ему дипломатическим путем. Никто — ни Стаднюк, ни Успенский, ни Волкогонов во время работы над своими произведениями не были допущены к личным бумагам Сталина и не могли знать о существовании этого документа. «Дорогой отец! — говорится в нем. — Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желая здоровья. Привет всем. Яша».

Сдался или сдали?

Несмотря на расхождения в описании того, когда и от кого Сталину стало известно о постигшем его личном горе, все версии, скорее всего, имеют под собой почву. Дело в том, что листовки, подобные той, которую переслал Жданов, были напечатаны в огромных

количествах и, как рассказывали участники начального периода войны, распространялись на разных фронтах.

Оказывали ли они какое-либо воздействие на красноармейцев? По свидетельствам многих, оказывали. Особенно на бойцов, попавших в окружение. Если уж сын самого Сталина сдался и ему ничего плохого не сделали, то разве будут победители сводить счеты с каким-то там рядовым пехотинцем?

«Неужели сдался?» — не хотел верить в случившееся Сталин. По свидетельству его дочери Светланы, у него зародилась мысль, что этот плен неспроста, что Яшу умышленно кто-то выдал, подвел. Он допускал даже, что к сдаче причастна его жена Юлия. Когда к сентябрю Светлана с родными вернулась из Сочи в Москву, Сталин сказал дочери: «Яшина дочка пусть останется пока у тебя... А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться»...

Увы, в переданном Мехлисом политдонесении начальника политуправления Западного фронта подробностей было мало. В романной версии Стаднюка начальник ГлавПУРа смог лишь доложить Сталину, что его сыну, когда он прибыл на фронт, настоятельно предлагали служить в штабе артиллерийского полка, но он потребовал послать его командиром батареи. Батарея дралась хорошо.

— Молодец, что не остался в штабе, — будто бы для самого себя произнес Сталин.

Далее Мехлис берет на себя обязательство выяснить все до конца — при каких обстоятельствах Яков оказался в плену.

Владимир Успенский, описывая в «Тайном советнике вождя» сцену, когда Сталин узнает о пленении, вкладывает ему в уста следующую фразу по-грузински:

— Цис рисхва! Позор несмываемый!

— Может, он попал в плен раненый, без сознания? — предположил его собеседник, главный персонаж книги

подполковник Лукашов, от имени которого ведется исповедь.

— Он не имел права попадать в плен ни при каких обстоятельствах. Он мог бы покончить с собой там, у немцев, а не разгуливать с германскими офицерами! Позор! Он всегда думал только о себе и никогда обо мне, о чести нашей семьи. Для меня он больше не существует, — отрезал Иосиф Виссарионович.

Успенский называет пленение Якова ударом для Сталина и с совершенно непредвиденной стороны, хотя Сталин, по мнению романиста, всегда ожидал какого-либо подвоха от старшего сына. «Это было наказание Господне, свыше ниспосланное Иосифу Виссарионовичу», — восклицает писатель. Много разных неприятностей доставил он отцу.

Яков имел характер совершенно не военного склада, мягкий и застенчивый. Об этом пишет в своих воспоминаниях его сестра Светлана Аллилуева: «Не было в нем и каких-либо блестящих способностей, он был скромн, прост, очень трудолюбив и трудоспособен, и очаровательно спокоен». Один из самых близких к Сталину людей, Молотов, в известных беседах с поэтом Феликсом Чуевым называл Якова «немножко обывательским», «каким-то беспартийным». Это обстоятельство, наверное, сильно огорчало отца, которому хотелось видеть сына наделенным яркими способностями. Увы, у великого родителя сын рос заурядным обывателем — явление, между прочим, весьма распространенное. Говорят, что природа, создав талант, долго потом отдыхает на его наследниках...

Трудно сказать, по какой причине, но Сталин относился к нему довольно холодно. На сей счет существуют три точки зрения. Первая: разочарование в сыне, который был чужд политики, имел ограниченный кругозор, не любил умственных занятий и всякого чтения, не понимал отца, всегда разговаривавшего, по

словам Якова, «тезисами». Вторая точка зрения: Сталин не любил сына, потому что вообще никого не любил, включая и собственных детей. Третья: Яков, будучи ненамного моложе второй жены Сталина, Надежды, якобы испытывал к ней совсем не платонические чувства, и мачеха, обделенная вниманием занятого государственными делами мужа, коротала время с молодым красивым пасынком. Однако их амурные не укрылись от Сталина, и вспыхнул грандиозный семейный скандал. Яков пытался покончить самоубийством, выстрелив в себя на кухне кремлевской квартиры. «Он, к счастью, только ранил себя, — пуля прошла на вылет, — вспоминала его сестра Светлана. — Но отец нашел в этом повод для насмешек: «Ха, не попал!» — любил он поиздеваться. Мама была потрясена. И этот выстрел, должно быть, запал ей в сердце надолго и отозвался в нем...». Светлана свидетельствует: после выстрела отец стал относиться к Якову еще хуже.

Она, правда, объясняет ночную попытку самоубийства сводного брата тем, что он был доведен до отчаяния отношением отца. Но подоплека такого отношения в ее книгах не называется, что и дает повод хождению невероятной версии о любовной связи с мачехой, после чего пребывание в одной квартире стало невозможным, и Яков переехал в Ленинград, где поселился в квартире деда — Сергея Яковлевича Аллилуева. Самое любопытное, что биографы действительно зафиксировали факт переезда Якова в северную столицу, но связывают перемену места жительства с женитьбой вопреки воле отца.

История первого брака Якова темна. Он был очень поспешным и, по словам Светланы, принес ему трагедию. Брат женился еще будучи студентом. Он учился в Москве, в институте инженеров транспорта. Один из потомков Сталина, Владимир Аллилуев,

издавший в 1995 году интереснейшую книжку «Хроника одной семьи. Аллилуевы, Сталин», утверждает, что решение столь рано обзавестись семьей не одобрял и дядя Александр Семенович Сванидзе, известный по большевистскому подполью как «Алеша», который в свое время настоял на том, чтобы племянник переехал из Тифлиса в Москву. Как известно, мать Якова, Екатерина Семеновна Сванидзе, первая жена Сталина, умерла от тифа, когда их сыну было всего несколько месяцев. Мальчика взяла на воспитание его тетка Александра Семеновна. Яша приехал в Москву к отцу после окончания школы в Тифлисе, плохо знал русский язык, трудно привыкал к новой, кремлевской обстановке.

Так вот, «Алеша» — Александр Семенович Сванидзе — писал Якову, что строить свою семью можно лишь тогда, когда становишься самостоятельным человеком и можешь обеспечить свою семью, а жениться в расчете на родителей, хотя и занимающих высокое положение, он не имеет никакого морального права. Однако Яков не послушался умных советов ни дяди, ни отца. Он бросает, не окончив, институт, оставляет отцовскую квартиру в Кремле и вместе с молодой женой уезжает в Ленинград. Сын диктатора устраивается на скромную и малозаметную должность электрика ГЭС. Он вполне доволен своей жизнью, большего ему не надо — ни карьеры, ни громкой славы. Днем работа, вечер с женой — кино, кружка пива у ларька.

Но вскоре умирает недавно родившаяся дочь. Семейные нелады приводят к расторжению брака. О причинах распада семьи ничего не известно, как и о первой жене Якова. Кто она, чем занимались ее родители, как сложилась дальнейшая судьба — все это тайна за семью печатями. В генеалогическом древе Аллилуевых—Сталина, помещенном в вышеупомянутой книге Владимира Аллилуева, в клеточке, отведенной

первой жене Якова, указано только ее имя — Зоя. Ни фамилии, ни отчества, ни даты рождения или смерти — ничего.

После семейной драмы, постигшей его в Ленинграде, Яков возвратился в Москву. Восстановился в брошенном несколько лет назад институте. Сошелся с красивой молодой женщиной — Ольгой Голышевой. В тридцать шестом она родила сына Женю. А в декабре 1935 года женился совсем на другой женщине, и снова вопреки воле отца, не одоббившего выбор сына. По описанию Светланы Аллилуевой, новая жена ее брата была очень хорошенькой женщиной, оставленной мужем. Она была еврейкой, и это опять вызвало недовольство отца. «Правда, в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так явно, — пишет Светлана, — это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии».

О второй жене Якова ходило много слухов. Западная пресса смаковала пикантные детали из жизни Юлии Исааковны Мельцер — так звали его новую избранницу, и Сталину докладывали все, что писали по этому поводу западные газеты. А писали они разное: и что она была четырежды замужем, в том числе за заместителем наркома внутренних дел Украины Бессарабом, и что одно время пребывала в любовницах начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика. Каково было читать подобное о жене своего сына? Разве не мог он найти скромную, милую девушку из революционной семьи, за которой не тянулся бы шлейф сплетен и пересудов? К тому же она старше Якова, кокетлива, жеманна, говорит глупости с апломбом, малокультурна и неумна. «Без накрашенных губ я чувствую себя хуже, чем если бы пришла в общество голой...». Тьфу! И это его сноха?

По словам Светланы, Яков знал все слабости Юлии, но относился к ней как истинный рыцарь, когда ее

критиковали другие. Он любил ее, а любовь, как известно, слепа. Заурядность сына, не способного подняться до понимания своего положения, не заботившегося о престиже отца, раздражала Сталина. Он настоял на том, чтобы Яков поступил в артиллерийскую академию — пусть хоть будет военным, авось дослужится до генерала. Сын подчинился воле отца, но особыми успехами в учебе не блистал. Избегал и общественной работы, на которой тогда многие делали карьеру. Более того, не помышлял о вступлении в партию. Это он-то, сын генерального секретаря!

В сороковом году, когда до окончания академии оставалось всего ничего, у них с отцом состоялся трудный разговор.

— Ты не можешь быть единственным из выпускников академии, оказавшимся вне партии, — сердито сказал Якову отец.

Действительно, на старших курсах все уже вступили в партию. Исключение составлял лишь один он — сын генсека. Это был нонсенс. Понадобилось несколько таких разговоров, прежде чем Яков уступил уговорам отца и подал заявление о приеме в ВКП(б).

По-разному толкуют мотивы политической индифферентности Якова Джугашвили. Сын Лаврентия Берию, Серго, например, склонен полагать, что Яков не вступал в партию потому, что она проводила политику массовых репрессий. Яков, мол, никогда не скрывал своей принципиальной позиции, о которой хорошо знали и сам Сталин, и его окружение.

Молотов, относившийся к этому самому окружению, признавал, что Сталин вел себя по отношению к старшему сыну сухо, без особой теплоты, но о каких-то особых убеждениях Якова, противоречивших идеям отца, речи не могло быть. По мнению Молотова, Яков был обыкновенным обывателем, далеким от какой

бы то ни было политики. Он жил, как живут миллионы людей, чьи интересы не простираются дальше их дома, семьи и повседневных насущных забот, связанных с работой, отдыхом, хождением в гости, выездами на природу.

Академию Яков закончил перед самой войной — летом сорок первого года. Судя по оценкам, особого старания к занятиям не проявлял. В ту пору слушателям академий сразу же при выпуске присваивались воинские звания, соответствующие тем штатным должностям, на которые их направляли. К моменту выпуска Яков имел звание старшего лейтенанта. Распределили его на капитанскую должность командира артиллерийской батареи. В соответствии с правилами, командир учебного отделения полковник Сапегин представил старшего лейтенанта Якова Джугашвили к присвоению капитанского звания. «С аттестацией согласен, — начертал резолюцию другой начальник, генерал-майор артиллерии Шереметов, — но считаю, что присвоение звания капитана возможно лишь после годичного командования батареей».

Что это: объективная оценка выпускника, прежде в войсках не служившего, или стремление угодить вождю, поскольку в академии многие знали о прохладном отношении Сталина к сыну? Поди угадай, что стоит за этим документом эпохи культа личности.

В последний раз отец и сын виделись 22 июня 1941 года. Хотя существует и иная версия: встречи не было, был телефонный разговор. Но фраза, произнесенная Сталиным сыну, не вызывает разночтений. Во всех романских и документальных вариантах она звучит одинаково:

— Иди и сражайся!

И снова ее интерпретируют, кто во что горазд. Одни восхищаются: вот это да, никаких поблажек родному сыну, будь как все. Другие негодуют: ну уж сыну-то мог

сказать что-нибудь потеплее, посердечнее. Третьи объясняют грубую категоричность сталинских слов робкой попыткой Якова намекнуть отцу, что от него зависит, ехать ему на фронт или не ехать. Автор «Тайного советника вождя» Владимир Успенский пишет об этом подспудно тлеющем желании Якова в последнем разговоре с отцом. Но Сталин, по мнению романиста, был прежде всего государственным деятелем, а затем уже просто человеком, безусловно подчиняя первому последнее, как это было у Ивана Грозного, Петра Великого и у многих других людей столь же высокого полета.

Смерть сына на поле боя была бы для вождя огорчительным, но не самым худшим вариантом. В нравственном отношении она давала ему многое. Недавно один мой знакомый, занимающий в государственном управлении России куда менее заметную роль, в отчаянии воскликнул: «Лучше бы мой Сергей погиб под колесами автомобиля!». В детстве его сына сбила машина, но мальчика удалось спасти. Сейчас он законченный наркоман, полностью деградировал. Это тяжкий крест, который отец несет последние пять лет, крест, который мешает честолюбивым устремлениям моего приятеля.

Каково же было узнать о неприятностях с сыном куда более высокопоставленному отцу! Особенно доконали сбрасываемые с самолетов листовки с фотографией Якова в окружении германских офицеров. Он не имел права сдаваться в плен! Невыносимые мысли о том, что этот плен неспроста, что его кто-то надоумил отомстить таким иезуитским способом отцу за собственные жизненные неудачи, безжалостно сверлили мозг Сталина. Сдался сам или сдали преднамеренно, с дьявольским умыслом?

«Я пришел, сказал: «сдаюсь...»

У Ивана Стаднюка эта сцена выглядит так.

Пленных красноармейцев построили на скотном дворе в четыре шеренги, командиров поставили отдельно, на правом фланге. Откуда-то вытолкнули к офицерам щупленького красноармейца с перебинтованной правой рукой. Его маленькое птичье лицо было худое и бледное, глаза — испуганные, затравленные. Прихрамывая, он шел впереди офицеров, всматриваясь в лица пленных.

Остановившись напротив старшего лейтенанта-грузина, красноармеец указал на него:

— Вот этот... Он самый...

Узколицый мужчина без знаков различия, сопровождавший немецких офицеров, сделал шаг к старшему лейтенанту и с недоверием, даже с оторопью, спросил:

— Вы Сталин?

— Нет... Я Джугашвили.

— Вы сын Сталина?

— Да, я сын Сталина... Старший лейтенант Джугашвили.

По-иному описывает опознание сына Сталина Серго Берия — почти через 15 лет после Стаднюка. «О том, что Яков — сын Сталина, немцы узнали совершенно случайно, — утверждает Серго Берия в вышедшей в 1994 году книге «Мой отец — Лаврентий Берия». — Попал он в плен раненым, и его узнал такой же раненый однополчанин. Бросился к нему. Рядом оказался немецкий осведомитель, он-то и сообщил, кто такой старший лейтенант Джугашвили».

Яков попал в плен 16 июля 1941 года. Как это происходило в действительности, видно из текста его первого допроса, произведенного через два дня, 18 июля. Подлинник протокола этого допроса на немецком языке был обнаружен советскими спецслужбами в

архиве германского министерства авиации, переведен на русский язык и передан Меркуловым 31 января 1946 года Сталину. Полвека эти документы хранились в личном архиве Сталина, а затем Политбюро, будучи абсолютно недоступными. Рассекречены они относительно недавно, при передаче в архив президента РФ.

Можно представить, какие чувства испытал Сталин, увидев заверенную печатью копию перевода первого допроса своего сына. Несмотря на то, что тогда, в начале 1946 года, он уже знал о гибели Яши в немецком концлагере, обстоятельства пленения для него были неизвестны.

Допрашивали военнопленного старшего лейтенанта Джугашвили у командующего авиацией 4-й армии — вот почему текст оказался в архиве германского «люфтваффе». Допрос вели капитан Раушле и майор Гольтерс. Якову задавали множество вопросов на разные темы, ответы на них жгуче интересны, но мы ограничимся лишь теми, которые имеют отношение к мучившим Сталина терзаниям: сдался сам или сдали с умыслом?

После выяснения анкетных данных у Якова спросили: он добровольно пришел к немцам или был захвачен в бою?

— Не добровольно, я был вынужден.

Наверное, ответ показался не совсем ясным. Получалось, что пленный был захвачен не в бою, что он вынужден был прийти к немцам.

— Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было? — прозвучал уточняющий вопрос.

— К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

— Вы были командиром дивизии? — не понял допрашивавший.

— Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены — в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в полутора километрах от Лясново, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

Далее у пленного спросили: зачем он надел гражданскую одежду? Или в Красной Армии есть приказ о том, что если солдату грозит опасность быть взятым в плен, он должен обеспечить себя гражданской одеждой? Но ведь, согласно международному праву, с пленным солдатом в гражданской одежде предусматривается совершенно иное обращение, чем с солдатом в военной форме. Солдат, переодевшийся в гражданскую одежду, рассматривается как шпион, диверсант.

На что пленный ответил: в гражданскую одежду он переоделся потому, что хотел бежать к своим. Все начали переодеваться, и он тоже дал себя уговорить это сделать.

— На нем ведь сравнительно неплохая одежда, — следует очередной вопрос. — Возил он гражданскую одежду с собой или получил ее где-нибудь? Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.

— Этот? Нет, это не мой, это ваш. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было шестнадцатого, шестнадцатого мы все разбрелись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня. Не знаю, может вам это и не интересно, я расскажу вам об этом более подробно!

Кому-кому, а Сталину это место было, наверное, самым интересным. Сколько раз он его перечитывал, только ему одному известно.

Яков рассказал, что 16-го приблизительно часов в 12 ночи немецкие войска окружили деревушку Лясново. Началась паника. Пока снаряды были, артиллеристы отстреливались. А потом пушкари исчезли неизвестно куда.

— Я ушел от них, — продолжал Яков. — Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: «Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!» Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один, так как те силы, которые должны были идти со мной в наступление, чтобы подавить несколько ваших пулеметных гнезд из 4-х—5-ти имевшихся у вас, что было необходимо для того, чтобы прорваться, этих сил со мной не оказалось.

Наверное, это было сильное потрясение для молодого командира, когда он увидел, что бойцы разбежались, оставив его одного.

— Один в поле не воин, — заметил он, как бы вновь переживая те страшные минуты. — Начало светать, я

стал ждать своих артиллеристов, но это было бесцельно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы, из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ними вместе. Я пошел. Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме. И вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку и решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне ваши. Сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, Боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь». Все!

Яков сказал: он не хочет, чтобы его жену известили о его пленении. Ему стыдно перед отцом, что он попал в плен.

— Почему? — удивились допрашивавшие. — Потому что его отец занимает самый высокий пост в правительстве или же он думает, что отец клеймит его позором?

— Я не хочу скрывать, что это позор, — ответил он, — я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал. Они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

— Его товарищи помешали ему что-либо подобное сделать или и они причастны к тому, что он живым попал в плен? — последовал уточняющий вопрос.

— Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: «Уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!». Они уже начали угрожать мне. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет такой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом.

Десятки тысяч белорусских крестьян укрывали, выхаживали раненых и попавших в окружение красноармейцев. Сыну коммуниста номер один не повезло — он нарвался на нетипичную крестьянку. И она указала ему на дверь. Потрясенный неадекватностью сталинской пропаганды реальной жизни, он пошел к немцам — сдаваться.

Несмотря на шоковое состояние, Яков держался на допросе молодцом. Он заявил, что не верит в возможность захвата Москвы немцами. Отрицательно высказался относительно изменения своей точки зрения на то, что происходит в Советском Союзе. Твердо стоял на том, что новое устройство в стране, которое несут с собой немцы, в России не приживется. На предложение сочинить агитлистовку от его имени с воззванием к советским солдатам сдаваться в плен рассмеялся: «Никто этому не поверит!».

Пытаясь разобраться с Яковым, принять какое-то решение по этому неприятному для него делу, Сталин не знал ни об обстоятельствах пленения сына, ни о том, как он вел себя на допросах.

И сегодня нельзя со всей определенностью сказать, читал ли Сталин совершенно секретное донесение, направленное 26 июля 1941 года в Главное политическое управление Красной Армии политуправлением Западного фронта.

Вот оно. Удивительная откровенность! Мехлису честно докладывают, что, хотя старший лейтенант Яков Джугашвили и был назначен командиром батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии, к своему месту службы ему пришлось буквально пробиваться: командир полка решил придержать сына вождя при штабе.

Когда под ударами противника начался отход дивизии, ее командир отдал приказ об отводе батареи Джугашвили первой. В течение всего марша по приказу командира соединения сына Сталина опекали высокие должностные лица. Как только началась бомбежка, место в своей машине ему предложил начальник особого отдела дивизии. Однако старший лейтенант отказался. Тогда комдив полковник Васильев приказал начальнику артиллерии, невзирая ни на какие возражения молодого офицера, вывезти его в район сосредоточения дивизии — на станцию Лиозно. «Приказ был выполнен», — читаем в донесении политуправления.

Тринадцатого июля батарея Якова Джугашвили в составе полка наступала на Витебск. Однако на другой день немцы нанесли сильный встречный удар и обошли полк. Более-менее организованный выход из окружения был проведен в ночь с шестнадцатого на семнадцатое июля. Сына Сталина с вышедшими не было.

В суете и неразберихе Якова хватились лишь через несколько дней. Двадцать первого июля на его поиски направили группу мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым. В районе озера Каспля поисковики наткнулись на красноармейца по фамилии Лопуридзе. На вопрос, не встречал ли он случайно старшего лейтенанта Джугашвили, красноармеец сказал: да, встречал. Более того, выяснилось, что они вместе выходили из окружения.

По рассказу Лопуридзе, они с Джугашвили переоделись в гражданскую одежду, а документы закопали.

— Где же Джугашвили? — вскричал старший политрук Горохов.

— Мы дошли вместе до озера. Немцев поблизости не было, и старший лейтенант решил немного передохнуть. А я двинулся дальше, пока не встретил вас...

Почесав за ухом, Горохов подумал, что Джугашвили за это время наверняка вышел к своим. Не приступая к дальнейшим поискам, политрук вернулся в дивизию. Однако Якова там не было.

Только на следующий день, 22 июля, отважились доложить в политотдел и штаб армии об исчезновении сына Сталина. Должностное положение и воинские звания лиц, занятых поисками старшего лейтенанта, начали повышаться. 23 июля в операцию включились командиры штаба армии, 24 июля на поиски выехала группа работников особого отдела штаба фронта. Безрезультатно. Время было потеряно.

«Принимаются все меры к быстрейшему розыску тов. Джугашвили», — заверял в донесении на имя армейского комиссара I-го ранга Мехлиса начальник политуправления Западного фронта бригадный комиссар Румянцев. Увы, в это время пленника уже допрашивали в штаб-квартире командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Клюге.

Предложение графа Бернадота

Произносил ли Сталин свою знаменитую фразу о нежелании менять солдата, хотя бы и сына, на маршала?

Скажу сразу: эти слова в официальных документах не зафиксированы. Вариации на данную тему

разноречивы, а при сличении представляют довольно забавную мозаику.

Начнем с романских версий. В «Войне» Ивана Стаднюка начальник ГлавПУРа Мехлис в кремлевском кабинете Сталина, где находятся Молотов с Калининым, предлагает «поторговаться» с Гитлером. Напомню: действие происходит в июле, после того как Мехлис передал Сталину политдонесение с Западного фронта о пленении сына.

— Поторговаться с Гитлером? — изменившимся голосом спросил Сталин и так посмотрел на Мехлиса, что тот смешался.

— Я имею в виду обмен, — сбивчиво начал объяснять Мехлис. — У нас есть несколько плененных генералов... Можно их отдать Гитлеру взамен Якова.

— Так-так... Начальник Главного политуправления армейский комиссар первого ранга предлагает генсеку торговую сделку с Гитлером! — Сталин, выйдя из-за стола, начал прохаживаться по кабинету, то и дело с легкой иронией поглядывая на Мехлиса. — Армия воюет, люди умирают, Мехлис торгуется...

Мехлиса поддерживает Молотов:

— Коба, ты, по-моему, перегибаешь палку, — говорит он. — Ведь действительно существует международная практика обмена пленными между воюющими сторонами.

— Совершенно верно, — сказал свое слово и Калинин. — И ничего предосудительного тут нет.

Сталин после этого произносит длинную речь о том, что плен — это не только проявление малодушия, но и предательство. Вторая половина сталинского монолога обращена к Мехлису и Молотову:

— А ваша мысль, товарищ Мехлис, насчет обмена немецких генералов заслуживает внимания, — неожиданно сказал вождь. — Не торговля, а именно обмен...

Затем повернулся к Молотову, взмахнул рукой в его сторону и уточнил:

— Это по твоей части, товарищ нарком иностранных дел... Только, видимо, надо несколько повременить с этим, пока к нам не попадет в плен побольше чинов... Я полагаю, что можно будет через Женеву, через Красный Крест обратиться к этому людоеду Гитлеру с предложением: пусть возьмет у нас своих генералов, кто ему нужен. Даже всех, сколько будет! Не жалко. А взамен пусть отдаст нам пока только одного человека...

Безусловно, все подумали, что речь идет о Якове. Но Сталин назвал совсем другое имя:

— Пусть за всех своих генералов Гитлер отдаст нам одного человека — Эрнста Тельмана!

У Дмитрия Волконогова эта сцена происходит тоже в кремлевском кабинете Сталина. «Вчера Молотов, когда они остались вдвоем, сообщил, что председатель Красного Креста Швеции граф Бернадот, — читаем в «Триумфе и трагедии», — через шведское посольство устно запросил: уполномочивает ли его Сталин или какое другое лицо для действий по вызволению из плена его сына?».

Исследование Волконогова — научно-документальное, построенное на архивных источниках, лишенное каких-либо художественных приемов, а потому наиболее достоверное. По Волконогову, Сталин минуту-две размышлял, потом посмотрел на Молотова и заговорил совсем о другом деле, давая понять, что ответа не будет. Молотов что-то пометил в своем блокноте и к вопросу о Якове Джугашвили больше не возвращался.

Судя по контексту, действие происходило в начале войны. Паулюс не был тогда фельдмаршалом и не находился в советском плену. Это произошло во время Сталинградской битвы — спустя полтора года.

И тем не менее многие авторы пишут о предложении графа Бернадота и ответе Сталина как об известном факте. Серго Берия: «То, что Сталин отверг предложение об обмене фельдмаршала Паулюса на сына, правда. При этом разговоре присутствовало довольно много людей». Владимир Аллилуев: «Как известно, Сталин отверг предложение нацистов обменять сына на Паулюса. Председателю шведского Красного Креста графу Бернадоту он ответил лаконично: «Я солдат на фельдмаршала не меняю». Думаю, эта фраза стоила ему глубокой зарубки на сердце. Такие раны не заживают».

А может, беллетристы сместили это событие с 1943 года, когда был пленен Паулюс, на 1941 год ввиду отсутствия доступа к архивам? Тем более что Светлана Аллилуева пишет: «Зимой 1943-1944 года, уже после Сталинграда, отец вдруг сказал ей в одну из редких тогда их встреч: Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих. Стану я с ними торговаться! Нет, на войне — как на войне. Он волновался, — это было видно по его раздраженному тону, — и больше не стал говорить об этом ни слова...».

Следовательно, фамилию Паулюса не называл. Не упомянул имени фельдмаршала и Молотов — единственный, кто был посвящен в эту историю, будь она в начальный период войны или после Сталинграда. В своих знаменитых беседах с Феликсом Чуевым Молотов отозвался об этом весьма лаконично: «Сталин не стал его выручать, сказал: Там все мои сыны».

Впрочем, не исключено, что предложения об обмене могли поступать несколько раз: как в начале, так и в течение войны.

Найти и нейтрализовать?

До сих пор спорной остается версия о том, предпринимал ли Сталин попытки освобождения Якова из немецкого плена с помощью специальных операций.

В романе «Война» Мехлис выдвигает такой план, обещая с помощью разведки устроить побег Якова. В другом романе — «Тайный советник вождя» — Сталин прямо спрашивает у Берии, можно ли установить, где находится Яков, и выкрасть его? Берия без обычной его самоуверенности начал пространно рассуждать о том, что немцы, конечно, будут охранять Якова особенно тщательно, переводя его с одного места на другое. Но мы, дескать, попытаемся выявить, где он... Маршал Шапошников мягко, но веско изложил свое мнение: не надо затевать никаких акций, не надо проявлять интереса к пленному. Это только возвысит его авторитет в глазах неприятеля.

— Но мы должны что-то ответить немецкой пропаганде, мы должны что-то противопоставить врагу! — произнес Сталин.

— Никакой реакции — вот самый лучший ответ, пошумят и перестанут. Никаких официальных подтверждений или опровержений. Кто-то у нас поверит немцам, кто-то посчитает листовки очередной гитлеровской фальшивкой.

— Пусть будет так, — согласился Сталин.

И, действительно, советская сторона никак не отреагировала ни на сыпавшийся с немецких самолетов дождь листовок с портретом старшего сына Сталина, мирно беседовавшего с немецкими офицерами, ни на сообщения германского радио, ни на скандальные публикации в мировой прессе о проживании сына советского диктатора в фешенебельном берлинском отеле «Адлон». Впервые в советской прессе молчание об именитом пленнике было нарушено только в 1978 году, когда журнал «Литературная Грузия»

опубликовал материалы немецких архивов о смерти Якова Джугашвили в концлагере Заксенхаузен.

Нет единой точки зрения на спорный вопрос в мемуарной и прочей документальной литературе. «Никаких указаний о посылке спецгрупп в Германию — это я знаю точно — Сталин не давал», — утверждает Серго Берия. А вот Дмитрий Волкогонов считает, что есть основание полагать — одна-две попытки организовать побег все же были предприняты. Об этом якобы рассказывала Долорес Ибаррури.

По мнению Волкогонова, Сталин руководствовался при этом не естественным и вполне объяснимым отцовским чувством. Он хотел не столько спасти сына, сколько обезопасить себя. Сталин боялся, что фашисты могут «сломать» Якова и использовать его против отца. Потому и предпринимал с Берией любые меры, направленные на то, чтобы не столько вызволить сына, сколько не дать ему «заговорить».

Основания для опасений, что Яков может «сломаться», у Сталина, наверное, имелись. Сын был такой слабохарактерный, подверженный чужому влиянию... Сегодня мы знаем, что немцы готовили Якову место, впоследствии занятое генералом Власовым. С сыном Сталина работал матерый разведчик капитан В. Штрик-Штрикфельд, который в конце концов сломал-таки Власова. А вот с Яковым Джугашвили вышла осечка. Помещенный в роскошный берлинский отель «Адлон», именитый пленник не поддался на щедрые посулы. Скончавшийся в 1977 году в ФРГ разведчик Штрик-Штрикфельд, небезуспешно специализировавшийся в годы войны на вербовке попавших в плен советских генералов, что видно на примере Власова и его окружения, обжегся на старшем лейтенанте, чей стаж воинской службы не превышал и месяца. Из вышедших при жизни этого вербовщика

мемуаров видно, что Яков Джугашвили не пошел на сотрудничество с врагом, не изменил Родине.

Об этом Сталин узнал не раньше весны 1945 года. Во всяком случае, именно мартом сорок пятого датируется первое официальное сообщение Берии председателю ГКО об обнаруженном следе его сына. Вот оно: «В конце января с. г. Первым Белорусским фронтом была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров. Среди освобожденных — генерал югославской жандармерии Стефанович, который рассказал следующее. В лагере «Х-с» г. Любек содержался ст. л-т Джугашвили Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона Блюма — капитан Роберт Блюм и другие. Джугашвили и Блюм содержались в одной камере. Стефанович раз 15 заходил к Джугашвили, предлагал материальную помощь, но тот отказывался, вел себя независимо и гордо. Не вставал перед немецкими офицерами, подвергаясь за это карцеру. Газетные сплетни обо мне — ложь, — говорил Джугашвили. Был уверен в победе СССР. Написал мне свой адрес в Москве: ул. Грановского, д. 3, кв. 84. Берия».

В сорок первом, когда немецкая пропаганда всю эксплуатировала пленение сына Сталина, тревога и досада вождя по этому поводу были чрезвычайно велики. А что если сын Верховного Главнокомандующего и в самом деле проявит малодушие и станет послушным орудием в руках врага? По некоторым свидетельствам, у Сталина обсуждался также вариант, когда немцы вынуждены будут ликвидировать пленника при попытке вызволить его. Сталин якобы прямо и сурово сказал: тогда мы официально объявим, что старший лейтенант Джугашвили не покорился врагу и погиб от рук гитлеровских палачей. Молотов якобы поддержал Сталина: как ни прискорбно, а принять все меры, даже

самые крайние, необходимо. Найти и нейтрализовать — вот задача, которую поставил вождь перед контрразведкой. Правда, некоторые историки разделяют эту версию с существенной оговоркой: на крайнюю меру решено было пойти в случае подтверждения распускаемых немцами слухов о переходе Якова на сторону врага.

Возможно, правы те, кто сомневается в отправке спецгрупп в Германию. Подготовка к спецоперации могла вестись, но по мере того, как немцы все реже начали упоминать о Якове Джугашвили, а потом и замолчали совсем, стало ясно: предложения немцев он не принял. Охладев к пленнику, они в апреле 1942 года перевели его в концлагерь. Затем в другой, в третий... Замысел был простой: дать почувствовать разницу между роскошным берлинским отелем и нарами в бараке. Но и 150 граммов отварного «хлеба» с брюквенным супом без всякой приправы, подаваемые один раз в сутки, не сломили духа гордого грузина.

Убедившись в стойкости сына (бериевская разведка, надо полагать, имела данные о поведении Якова в плену), Сталин распорядился выпустить из тюрьмы его жену Юлию Мельцер, помещенную в одиночную камеру осенью сорок первого года. Вокруг этой истории тоже немало инсинуаций.

В годы горбачевской гласности пресса много писала о жестокости и бессердечности кремлевского тирана. В качестве примера приводилась трагедия семьи старшего сына: Яков в плену, а его жену с малолетней дочерью любящий папаша упек в тюрьму. Без суда и следствия, всего лишь по болезненному подозрению в причастности к сдаче мужа в плен.

Новейшими изысканиями установлено, что его внучка Галя, дочь Юлии и Якова, тюрьмы избежала. По распоряжению Сталина ее отвезли на Дальнюю дачу, где жили старики Аллилуевы — его тесть и теща. Что

касается снохи, то Сталин, который никогда не называл ее по имени, велел отправить ее в Сибирь, в Красноярский край. Точно так поступали с семьями других военнопленных.

— Почему мы должны делать исключение для Якова Джугашвили? Законы пишутся для всех, — сказал он при этом.

Мало кто из читателей, особенно молодых, знает сегодня, что в те времена близкие родственники сдавшихся в плен врагу ссылались. Выходит, и сам Сталин подпадал под принятый по его настоянию суровый закон? Нет, наказанию подлежали только те родственники сдавшегося в плен, которые проживали совместно или находились на его иждивении. Безусловно, Сталин к числу таких родственников не относился. На малолетних закон не распространялся. А вот на Юлию — вполне.

Однако Сталина переубедили — жену Якова ссылать нецелесообразно. Она ведь будет среди людей и не сможет все время молчать. Слухи о Якове получат подтверждение. А ведь договорились — на немецкие листовки никак не реагировать. Тогда и решили — надо ее изолировать. Что и сделали, поместив в одиночку, но с хорошими условиями. Главное — никакого общения. Так Юлия Мельцер на некоторое время исчезла. Выйдя на свободу, она забрала дочку к себе.

«При попытке к бегству...»

Четырнадцатого сентября 1946 года из Берлина на имя министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова поступил пакет. Его прислал заместитель Круглова генерал И. А. Серов.

Документ был совершенно секретный и имел предупреждающую надпись: «В канцелярии не вскрывать!». Рукой Серова помечено: «Только лично».

Фамилии, приведенные в тексте, были вписаны от руки автором документа — наивысшая степень секретности!

Серов сообщал министру о передаче американцами советской стороне 15 работников лагеря Заксенхаузен, среди которых был комендант лагеря полковник СС Кайндль и командир охранного батальона подполковник СС Вегнер. Последний на допросе показал, что в Заксенхаузене находился особый лагерь «А», в котором содержались генералы и старшие офицеры Красной Армии, английской и греческой армий. В марте 1943 года комендант лагеря Кайндль сообщил Вегнеру, что в барак № 2 будет переведен из тюрьмы концлагеря сын Сталина.

И действительно, на завтра в числе доставленных в барак № 2 генерала Бессонова, двух подполковников и двух старших лейтенантов значился Яков Джугашвили. Свою фамилию он никогда не называл, держался независимо и с некоторым презрением к администрации лагеря.

Далее Вегнер показал, что в конце 1943 года ему стало известно, что Джугашвили был убит часовым «при попытке к бегству». Подробностей убийства Вегнер не знает, так как следствие по этому делу велось по поручению Гимmlера.

Получив ошеломляющие сведения, чекисты немедленно допросили бывшего коменданта лагеря полковника СС Кайндля. Он подтвердил, что действительно старший лейтенант Джугашвили в течение трех недель содержался в лагерной тюрьме, а затем по указанию Гимmlера был переведен в особый лагерь «А». Этот лагерь состоял из трех бараков, огороженных каменной стеной. Кроме того, на расстоянии двух метров от стены были поставлены три забора из колючей проволоки. Через один из них был пропущен ток высокого напряжения. Джугашвили держал себя замкнуто, ни с кем не разговаривал, в том

числе и с генералом Бессоновым, который по заданию Гимmlера писал проект о реорганизации России по принципу Германии. Бессонов и два подполковника были агентами гестапо, работали более года под руководством немцев по разложению Красной Армии, но в чем-то провинились и поэтому их направили в концлагерь.

Об обстоятельствах гибели Джугашвили Кайндль рассказал следующее. Арестованные барака № 2 были на прогулке около барака. В семь часов вечера эсэсовец Юнглинг, наблюдавший за ними, приказал идти в барак. Все повиновались, кроме Джугашвили, который потребовал вызова коменданта лагеря. Юнглинг повторил свое приказание, но Джугашвили отказался его выполнять. Тогда Юнглинг сказал, что пойдет звонить коменданту. Во время телефонного разговора Юнглинг услышал выстрел, сообщил об этом коменданту и повесил трубку.

Выстрел был произведен в Джугашвили, который в раздумье перешел через нейтральную тропу и направлялся к проволоке. Часовой взял винтовку на изготовку и крикнул: «Стой!». Джугашвили продолжал идти. Часовой крикнул «Стрелять буду!».

Услышав второй окрик, Джугашвили выругался, рванул гимнастерку за ворот, обнажил грудь и крикнул часовому: «Стреляй!». Часовой нажал на курок и попал Джугашвили в голову.

Далее Кайндль на допросе добавил, что Джугашвили одновременно с выстрелом часового схватился за проволоку с высоким напряжением и сразу же упал на первые два ряда колючей проволоки. Прибывший на место происшествия Кайндль приказал не трогать тело, которое пролежало в таком положении 24 часа, пока не поступило распоряжение Гимmlера снять труп и отвезти на исследование в лагерный крематорий. Прибывшие из имперской безопасности два

профессора, обследовав тело, составили акт о том, что Джугашвили убит ударом электрического тока высокого напряжения, а выстрел в голову последовал после. В акте было также указано, что часовой действовал правильно, согласно инструкции.

После заключения профессоров тело Джугашвили было сожжено в крематории, а пепел помещен в урну, которую отправили вместе с материалами расследования в Главное управление имперской безопасности. Кайндль боялся неприятностей от Гимmlера, но дело обошлось благополучно.

Чекисты предложили Кайндлю описать внешний вид убитого. Сомнений нет — это был Джугашвили.

Серов докладывал своему шефу: добавление Кайндля о том, что Джугашвили был убит электрическим током высокого напряжения, является вымыслом в целях смягчения его ответственности за убийство сына Сталина.

Остается только гадать, что в действительности произошло в лагере. Деша Гимmlера, направленная Риббентропу в МИД о том, что «военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был застрелен при попытке к бегству из особого блока «А» в Заксенхаузене близ Ораниенбурга», не выдерживает критики. Куда пытался бежать пленник? Со всех сторон — высокие каменные стены и три ряда колючей проволоки, один из них с током высокого напряжения. Прикоснулся он к проволоке до выстрела часового или охранники инсценировали самоубийство, перетащив тело?

Когда Круглов доложил полученный от Серова документ Сталину, тот уже знал о смерти сына. По словам Светланы Аллилуевой, летом 1945 года он сказал ей: «Яшу расстреляли немцы. Я получил письмо от бельгийского офицера, принца, что ли, с соболезнованием, — он был очевидцем... Их всех

освободили американцы...» Не знал, наверное, никаких деталей, фамилии человека, убившего сына.

Кстати, об американцах. В мае — июне 1945 года в их руки попали секретные документы немцев — о том, как был застрелен Яков Джугашвили. Сначала эту папку союзники намеревались передать Сталину, о чем исполнявший обязанности госсекретаря США Грю информировал посла США в СССР Гарримана телеграммой от 30 июня 1945 года. Однако уже через пять дней Вашингтон почему-то передумал и предназначенные для передачи Москве документы были на долгие годы засекречены в архиве госдепартамента США. Об их существовании впервые сказали в 1968 году, когда истек срок давности для секретных документов военного времени.

Эта не до конца проясненная история имела не менее интригующее продолжение. При Брежневе закрытым Указом от 28 октября 1977 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Якова Джугашвили орденом Отечественной войны I степени посмертно. В последний месяц правления Черненко так же тихо, без огласки, орден — через восемь лет — был передан на хранение дочери награжденного — Галине Яковлевне.

Глава 8

БРЕСТСКИЙ МИР-2

Могло ли немецкое нападение, начатое 22 июня 1941 года, не перерасти в четырехлетнюю взаимоистребительную войну двух народов? И, скажем, закончиться через пару-тройку месяцев? Действительно ли Сталин пытался дипломатическими средствами предотвратить роковое столкновение уже после того, как пролилась первая кровь? Среди многих тайн

Великой Отечественной по-прежнему неразгаданной остается и эта.

Сказанное оборачивается против сказавшего

— А теперь расскажите, когда вы пытались установить связь с Гитлером, какие территории СССР хотели ему уступить, на каких условиях намеревались капитулировать перед фашистской Германией?

Допрашиваемый вздрогнул и, близоруко щурясь без привычного пенсне, с интересом взглянул на следователя.

Почувствовав напряжение в состоянии подследственного, человек, ведший допрос, бесстрастно повторил:

— Гражданин Берия, что вы можете сказать по существу заданного вам вопроса?

С момента его ареста в Кремле прошло три долгих месяца. Заточенный в подземный бункер Московского военного округа, секретный узник, кажется, смирился со случившимся и начал наконец давать показания. На первых порах отказывался разговаривать с кем бы то ни было, требовал встречи с Маленковым или Хрущевым, не принимал пищу, опрокидывал ее на людей, приносивших тарелки в камеру. Однако длительная изоляция от внешнего мира и условия содержания сделали свое дело — именитый арестант снизошел до ответов на вопросы следствия.

Лаврентию Павловичу Берии инкриминировали многое. Что-то он признавал, например, неразборчивые связи с женщинами, нескромность, выпячивание своей персоны, вмешательство в другие отрасли работы, не имевшие к нему отношения. Остальное категорически отрицал — покровительство агентам иностранных разведок и организации заговора с целью захвата

власти, реставрацию капитализма и шпионаж за руководством КПСС и советского государства.

Теперь вот новое обвинение — в попытке сближения с Гитлером. Берия востепенулся. Мозг, хотя и порядком утомленный, работал с прежней интенсивностью. Кто же тогда присутствовал при разговоре? В памяти всплыло, как в труднейший период войны, когда потрясла эта неслыханная катастрофа, у Сталина мелькнула фантастическая идея. Кроме Сталина, в нее были посвящены только двое: он, Берия, и Молотов. Ну да. Молотов, он был тогда наркомом иностранных дел.

Сталин предпринимал все возможное, чтобы отсрочить нападение немцев. Войска имели строгий приказ не стрелять по гитлеровским самолетам, не подходить к границам, не принимать никаких мер, которые могли бы спровоцировать вторжение.

Он так упорствовал, что даже утром 22 июня, когда немцы вели уже огонь и бомбили наши города, приказал не отвечать. Надеялся, что этим пресекает провокацию со стороны отдельных недисциплинированных частей германской армии.

22 июня в период от раннего утра, когда наркомат обороны приказал войскам отражать нападение немцев, и до обращения Молотова к советскому народу в 12 часов, когда было объявлено, что началась война, Сталин все еще хотел добиться отсрочки.

В 1953 году, когда допрашивали Берия, о начальном периоде войны было мало что известно. Все находилось под впечатлением ее триумфального, блистательного конца. И только близкие к Сталину люди знали подробности, о которых предпочитали помалкивать. В ту безумную идею были посвящены лишь трое. Сталина нет в живых, Берия в подземном каземате под арестом. Значит, Молотов. Вот откуда осведомленность следствия. Но ведь в этой интерпретации все перевернуто вверх дном.

— Подследственный, отвечайте на поставленный вопрос, — повторил следователь, недовольный затянувшимся молчанием.

— Вам известно, что это тайна особой государственной важности? — рыкнул Берия. — Что в нее были посвящены только три высших государственных должностных лица?

— Теперь уже больше, — бесстрастно произнес следователь. — Отвечайте на заданный вопрос.

Берия показал, что летом 1941 года он по заданию Сталина предпринял ряд попыток через другие страны прозондировать почву о том, на каких бы условиях Гитлер мог прекратить войну.

— Назовите эти страны, — сказал следователь.

— Болгария.

— Через кого вы действовали?

— Через болгарского посла в Москве.

— Его имя?

— Иван Стаменов.

— Итак, вашим сообщником в осуществлении предательского плана был посол Болгарии в СССР Стаменов. Продолжайте.

— Послушайте, вы в своем уме? — вспыхнул Берия. — О каком предательском замысле вы говорите? Речь шла о зондаже позиции Гитлера. Товарища Сталина интересовало, на каких условиях руководство Германии могло бы заключить с нами мир. Спросите Молотова, он был участником обсуждения этого вопроса у Сталина и нашей общей встречи со Стаменовым.

— Не сваливайте свою вину на других, — резко сказал следователь. — Еще раз предлагаю чистосердечно рассказать о вашем преступном плане сдачи Гитлеру ряда территорий СССР.

Ошеломленный Берия безуспешно отвергал обвинения. В приговоре суда, оглашенном 23 декабря 1953 года, было записано, что в 1941 году Берия

пытался установить связь с Гитлером и предлагал ему уступить ряд территорий СССР, что является тягчайшим преступлением против советского народа. Выступая с последним словом в суде перед вынесением приговора, Берия признал себя виновным по ряду обвинений, но попытку сближения с Гитлером отрицал начисто:

— Я не был врагом народа, я не изменник, не предатель... О целях переговоров со Сталиным известно Молотову. Он поддержал идею Сталина о прощупывании по дипломатическим каналам позиции Гитлера относительно возможности заключения мира между Германией и Советским Союзом в начальный период войны.

Несмотря на отчаянные заверения подсудимого о фальсификации истинных контактов со Стаменовым, суд не снял с Берии обвинения в подготовке им предательского удара в спину в тяжелейшее для страны время — войны с фашистской Германией.

Единственный человек, который мог внести ясность в запутанный вопрос, этого не сделал. Да и как мог Молотов выступить в качестве арбитра, если он тоже поддержал операцию по аресту Берии и не отставал от других победителей в поиске компромата на поверженного недавнего соратника. Но сказанное обычно оборачивается против сказавшего. Понадобилось всего три с половиной года, и хитрющий кремлевский лис, поднаторевший в многоходовых комбинациях, попал под мощный каток, который он сам столкнул с крутой горки.

Политическое лето 1957 года выдалось жарким. Неудачей закончился путч, устроенный Маленковым, Кагановичем, Молотовым и другими партийными деятелями, относившими себя к старой ленинской гвардии. Свалить Хрущева не удалось, хотя вожделенная победа была близка. Объявивший себя продолжателем ленинского дела Хрущев беспощадно

расправлялся с политическими противниками, которые действительно работали с Лениным. Победившие срочно собирали компромат на побежденных.

Второго июля проходило собрание партийного актива Министерства обороны СССР. Обсуждалось письмо «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и др.». Доклад сделал Г. К. Жуков — министр обороны. «Наглых отщепенцев» осудили все выступившие военачальники. Маршал Советского Союза К. С. Москаленко привел ошеломляющий факт:

— В свое время мы с Генеральным прокурором товарищем Руденко при разборе дела Берии установили, что еще в 1941 году Сталин, Берия и Молотов в кабинете обсуждали вопрос о капитуляции Советского Союза перед фашистской Германией. Они договаривались отдать Гитлеру Советскую Прибалтику, Молдавию и часть территории других республик. Причем они пытались связаться с Гитлером через болгарского посла. Ведь этого не сделал ни один русский царь. Характерно, что болгарский посол оказался выше этих руководителей, заявил им, что никогда Гитлер не победит русских, пусть Сталин об этом не беспокоится.

Против кого выпускал маршал Москаленко остро отточенные стрелы? Сталина и Берии к тому времени уже не было в живых. Из той тройки здравствовал лишь один Молотов. Стало быть, Вячеслав Михайлович вынашивал злое планы капитуляции перед Гитлером, передачи ему ряда территорий СССР?

Факт или фантом?

До начала девяностых годов ни в литературе, ни в устных рассказах советских военачальников о деликатной миссии, порученной болгарскому послу Ивану Стаменову советским руководством, упоминаний

не зафиксировано. Маршал Москаленко ни слова не сказал об этом и в своей книге мемуаров, вышедшей при его жизни и не единожды переизданной впоследствии.

Текст выступления, фрагмент которого приведен выше, прозвучавший на собрании партактива второго июля 1957 года, обнаружен автором этой книги в Центральном архиве Министерства обороны России. Документ, в подлинности которого сомневаться не приходится, завизирован маршалом собственноручно. Почему же Москаленко не использовал этот, безусловно, выигрышный и представляющий историческую ценность факт в своих мемуарах? Маршал был одной из ключевых фигур в команде военных, которые арестовывали Берию, состоял членом Специального судебного присутствия, решавшего судьбу Берии. Эпизод об установлении контактов с Гитлером втайне от правительства добавил бы еще один убедительный штрих в зловещий облик палача.

Ан нет, не включил этот эпизод. Мистификация? Сомневался в его достоверности?

В 1992 году эксперт исторических эпизодов этой книги, военный историк полковник Н. И. Ножкин не скрывал своего явно скептического отношения к появившейся версии:

— Тайные советско-германские контакты в начале войны? Нет, мне о них ничего не известно. С натяжкой можно говорить о второй половине. А о первой, нет, не слышал.

— Во второй, говорите, были? Примерно в какой период?

— В сорок третьем, 16 июня, в шведских газетах появились сообщения о контактах между советскими и германскими представителями. Встречи якобы проходили в Стокгольме. А через день, 18 июня, в советской прессе уже можно было прочесть

опровержение ТАСС, отрицавшее подобные контакты. Столь завидная оперативность объясняется тем, что Сталин хотел, наверное, упредить возможные запросы союзников, разведка которых докладывала Черчиллю и Рузвельту об имевшейся информации относительно встреч советских и германских представителей.

— Николай Исидорович, вы рассказываете потрясающие вещи! Об этом у нас никто и нигде не писал... И кто мог быть инициатором этих контактов?

— И Гитлер, и Сталин — оба в равной степени. В дневнике Геббельса за 23 сентября 1943 года есть любопытная запись. Беседуя с Гитлером о положении Германии, Геббельс сказал ему, что надо идти на соглашение с одной из сторон — война на два фронта приведет к катастрофе. Гитлер ответил: он предпочел бы переговоры со Сталиным, учитывая сотрудничество с ним в 1939–1941 годах, но сомневается в успехе.

— А Сталин? Ему-то зачем были эти контакты? Он только что выиграл Курскую битву, и исход войны был ясен для многих...

— Американские историки считают, что стокгольмские контакты с представителями Гитлера должны были сделать, по замыслу Сталина, более сговорчивыми союзников, в том числе и по вопросу открытия второго фронта. Перед подготовкой Тегеранской конференции Молотов конфиденциально уведомил союзников, что контакты в Стокгольме были предприняты по инициативе Германии.

— Действительно, гадай, то ли это дезинформация с далеко идущими целями, то ли подлинный факт. А в начальный период войны такие контакты не могли иметь места?

— Могли, но о них нет достоверных сведений.

— А показания Бери?

— Представляете, какой мощной силы эта бомба? Если бы допрашивавшие были на все сто процентов

уверены в ней, разве они не преминули бы использовать ее в открытой печати? Пропагандистский эффект был бы грандиозный. Не использовали потому, что не было уверенности. Как и в обвинении Берии в том, что он английский шпион. Доказательств не было и нет. Это как бы подразумевалось, но ни один высокопоставленный автор и близко не касался данной темы. Факт-фантом, версия-мистификация. Очень удобная, между прочим, вещь для компрометации.

Такой разговор, повторяю, состоялся у меня с Н. И. Ножкиным в 1992 году. Военный исследователь полагал, что слухи о попытках Берии прозондировать почву у Гитлера относительно заключения второго Брестского мира в 1941 году, когда уже вовсю полыхала война, — из разряда тех же, что и связи Берии с английской разведкой.

— Но ведь и Хрущев утверждает: Сталин через ведомство Берии пытался договориться с Гитлером о заключении мира, — не отступал я.

— Хрущев в тот период был далек от Кремля. Война застала его в Киеве, потом он занимал должности члена Военного Совета ряда фронтов и в Москве бывал короткими наездами. Поэтому подобного уровня информацией он не мог обладать. Однако же сразу ухватился за нее. Политически она ему была очень выгодна. С одной стороны, помогала изоблечить Берию, а затем и Молотова, когда тот поднял голос против Хрущева. С другой — представляла в неприглядном свете Сталина. Метался, мол, потерял голову, не знал, что предпринять. Заключением унижительного, позорного мира хотел купить выход из тупика, в который собственная его политика завела страну и его самого.

В конце декабря 1994 года у меня зазвонил телефон. В трубке я сразу узнал голос Николая Исидоровича:

— В сорок первом попытки выхода на Гитлера из Кремля, кажется, все-таки были...

— Обнаружены документы? — присвистнул я.

— Нет. Познакомился с человеком, который слышал рассказ Москаленко о допросе Берии. Генерал, участник войны. Однажды в компании за праздничным столом Москаленко разговорился.

Ножкин по телефону пересказал содержание. Речь шла о секретной встрече Сталина, Молотова и Берии с болгарским послом Стаменовым. На следствии Берия показал, как шли переговоры. Сталин не проронил ни одного слова. Молчал якобы и Берия. От имени советского правительства говорил Молотов — об этом условились заранее.

Нарком иностранных дел и первый заместитель Сталина по Совнаркому обратился к болгарскому послу с просьбой связаться с Берлином.

— Советское правительство, — произнес Молотов, — не исключает возможности заключения второго Брестского договора. В 1918 году Ленин отважился на подобный шаг путем уступки Германии некоторых своих территорий. Мы могли бы сделать такой шаг при условии прекращения Германией военных действий.

Стаменов, по словам Берии, крайне удивился. Он не сомневался в победе Советского Союза:

— Если вы отступите хоть до Урала, то все равно победите.

Заполучив такую информацию, рассказывал Москаленко, они сначала подумали, что Берия топит Молотова. Хрущев распорядился проверить, жив ли Стаменов, и если жив, выяснить у него, действительно ли имела место такая встреча.

Бывшего посла Болгарии в Москве нашли довольно быстро, и он подтвердил: да, просьба Молотова имела место, и он, Стаменов, произнес именно такие слова, которыми и сейчас гордится.

Интрига усложняется

Вопрос о контактах Берии с немцами в 1941 году обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС шестого августа 1953 года.

Во время обсуждения всплыла фамилия Судоплатова, которому Берия поручил связаться с болгарским послом Стаменовым на предмет зондажа позиции Берлина о возможности заключения перемирия между воюющими сторонами.

Генерал-лейтенант Судоплатов Павел Анатольевич был арестован 21 июля 1953 года прямо в своем кабинете в известном здании на Лубянке вскоре после изоляции Берии и считался одним из сообщников Лаврентия Павловича. В момент ареста Судоплатов занимал должность заместителя начальника Первого Главного управления МГБ, ведавшего внешней разведкой.

Из тюремной камеры генерала привезли прямо в Кремль, где заседал Президиум ЦК.

— Расскажите о своей встрече со Стаменовым, — потребовали у доставленного.

Судоплатов доложил все, как было, подчеркнув, что встреча проходила с ведома Молотова.

— Я назначил встречу нашему давнему агенту, работавшему на советскую разведку еще с 1934 года, Стаменову. В то время он являлся послом Болгарии в Москве. Встретились мы с ним в ресторане «Арагви». Он был проинформирован мною о якобы циркулирующих в дипломатических кругах слухах, что возможно мирное завершение начавшейся германо-советской войны на основе территориальных уступок. Имелось в виду, что Стаменов по собственной инициативе доведет эту информацию до царя Бориса, поэтому Берия с ведома Молотова категорически запретил мне поручать послу-

агенту доведение подобных сведений до болгарского руководства. Ведь в противном случае он мог бы догадаться, что участвует в задуманной нами дезинформационной операции, рассчитанной на то, чтобы выиграть время и усилить позиции немецких военных и дипломатических кругов, не оставлявших надежд на компромиссное мирное завершение войны. Не знаю, насколько наше руководство рассчитывало на подобный исход...

Хрущев, выслушав генерала, обронил:

— Встреча в «Арагви» не должна ставиться вам в вину. Вы выполняли приказ.

Маленков подтвердил:

— Состава преступления здесь не вижу.

Генерала, окрыленного надеждой и заверениями высокого руководства, снова увезли в тюремную камеру. Там он, воспрянув надеждой, ожидал решения своей судьбы, втайне рассчитывая на освобождение. Ждать пришлось... целых пять лет. Нет, не свободы, а всего лишь суда. В 1958 году Судоплатова приговорили к 15 годам лишения свободы. Одним из пунктов приговора было обвинение в участии в сепаратных переговорах о мире, которые вел Берия за спиной правительства СССР.

Как видим, заверения Хрущева и Маленкова оказались на деле пустым звуком. Обвинение в соучастии ведения секретных переговоров с Берлином о заключении сепаратного мира с Судоплатова сняли лишь в 1968 году.

Что же в действительности происходило в 1941 году? По версии, изложенной Судоплатовым, он должен был — сугубо от своего имени — рассказать Стаменову, что в Москве имеются настроения, согласно которым еще не поздно урегулировать мирным путем начавшийся конфликт между Германией и Советским

Союзом, и это можно было бы сделать на основе территориальных уступок.

— О фактической капитуляции речь не шла, — подчеркивал генерал. — Имелось в виду подсунуть немцам дезинформацию, чтобы задержать наступление и дальнейшее продвижение фашистских войск и тем самым создать условия, позволяющие советскому правительству сманеврировать и выиграть время... Берия дал мне указание не поручать Стаменову сообщать все это софийскому руководству. Предполагалось, что он все доложит по собственной инициативе. Но он не доложил. Наша дешифровальная служба следила за перепиской посольства, и никаких сообщений в Софию об этом не пошло. На мой взгляд, это был типичный разведывательный зондаж.

Нет единого мнения и по поводу даты, когда начались попытки зондажа позиции Берлина относительно возможности заключения мира. По некоторым источникам, это было в октябре.

Середина октября 1941 года стала моментом, когда казалось, что сопротивление Красной Армии сломлено. Восьмого октября немцы взяли Орел, и Йодль докладывал в Берлин: «Мы без преувеличения окончательно выиграли войну». На следующий день Отто Дитрих, пресс-секретарь Гитлера, заявил корреспондентам: «Все военные задачи решены, с Россией покончено».

Жуков вспоминал, как тогда Сталин спрашивал у него:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю об этом с болью в сердце. Отвечайте правду.

По Жукову, седьмого октября между немцами и Москвой не было советских войск. И как раз в этот день, как он утверждал, он был свидетелем того, как Сталин заявил, что готов принять «новый Брестский мир», как

сделал Ленин в 1918 году, и приказал Берии войти в контакт с болгарским послом Стаменовым.

Другие перемещают это событие на июль — по информации, исходившей от арестованного Берии. Есть и третья версия, согласно которой слухи о советско-германских контактах возникли летом 1942 года. Тогда посол Великобритании в Москве А. Керр по поручению своего правительства пытался выяснить их природу, обратившись к Сталину и Молотову. Но внятного ответа не получил. Впрочем, исследователи не исключают, что контакты сорок второго года преследовали ту же цель, что и стокгольмские год спустя, то есть были подставными.

«Аренда Украины», или Сталин в Берлине

Тему тайных советско-германских контактов в годы войны советская историография обходила стороной. Причина крылась в боязни нанести моральную травму миллионам людей, гордившихся своей победой над жестоким и коварным врагом. Воспитание новых поколений шло преимущественно через показ нашей военной мощи, сокрушившей агрессора. О дипломатических усилиях говорилось только применительно к предвоенным годам. Что же касается непосредственно военных лет, то здесь говорили исключительно пушки.

Придет, наверное, время, когда и об этой войне станет известна вся правда, как, скажем, о войнах XVIII и XIX веков. Тогда многое встанет на свои места. А пока... Пока еще нередко остается лишь строить догадки и предположения.

Сегодня сама мысль о том, что в Кремле обсуждался вопрос о заключении мира с Германией, кажется кощунственной. Тем более ценой уступки своей территории. Поэтому одна часть историков ведет речь

исключительно о дезинформационном замысле, рассчитанном на то, чтобы выиграть время — подтянуть резервы, перестроить промышленность на военный лад. Другие же исследователи задаются вопросом: а что плохого в готовившемся перемирии? Сойдись Гитлер со Сталиным, гляди, и жертв было бы куда меньше, и разрушений. Освобожденные от Гитлера страны Восточной Европы? Они, как выяснилось, вздохнули с облегчением, дождавшись наконец ухода со своей земли московских освободителей.

Новое мышление, к которому призывал нас архитектор перестройки Горбачев, как раз и побуждает взглянуть на прошлое другим взглядом. Советский Союз не был таким кровожадным монстром, который бессловесно вступил в навязанную ему войну. Он пытался предотвратить страшное столкновение!

Вплоть до 12 часов дня 22 июня, когда Молотов выступил по радио, Сталин запретил всякое упоминание о том, что Советский Союз и Германия были уже в состоянии войны! Он приказал Молотову поддерживать контакты с Берлином и попросил японское правительство стать посредником в переговорах между СССР и Германией.

Более того, есть версия, согласно которой Сталин накануне войны собирался приехать в Берлин. С этим связано неожиданное для многих его назначение 7 мая председателем Совнаркома. Генсек и фюрер никогда не имели личной встречи, и состоись она, кто знает, какой оборот приняли бы дальнейшие события мировой истории. По словам дочери Сталина Светланы, даже когда война уже кончилась, он часто любил повторять: «Эх, вместе с немцами мы были бы непобедимы».

Насколько правдоподобны предположения о готовившейся встрече в Берлине на высшем уровне? Этот вопрос я задал Н. И. Ножкину,

специализировавшемся в последнее время на тайной дипломатии времен второй мировой войны.

— Среди историков есть точка зрения, согласно которой сотрудничество между Германией и Советским Союзом не должно было ограничиться лишь пактом о ненападении, заключенном в августе 1939 года, — ответил мой давнишний знакомый. — Начиная с мая 1941 года, в Берлине и Москве распространялись слухи, что Советский Союз и Германия изучают возможности нового экономического и политического соглашения.

— Насколько достоверны были эти слухи?

— После войны о них поведал румынский министр Григорий Гафеску, находившийся в мае сорок первого года в Москве. Он считал их не лишёнными оснований. Ульрих фон Гассель, немецкий дипломат, автор весьма любопытного дневника, слышал в Берлине то же самое. На другой день после известного заявления ТАСС, 15 июня, Гассель записал в своем дневнике: «Ходят поразительно единодушные слухи (по мнению «знающих людей», их распространяют для пропаганды), что взаимопонимание с Россией неминуемо, что Сталин собирается сюда приехать и т. д.». 18 июня в Берлине посол Деканозов пожелал встретиться с Вайцзеккером — госсекретарем министерства иностранных дел Германии. Советский посол был им принят, но содержание беседы неизвестно.

— Вы считаете, речь шла о возможности приезда Сталина в Берлин?

— Не исключаю. Правда, сам госсекретарь утверждал, что Деканозов предложил ему для обсуждения «несколько текущих вопросов». Но подлинные мотивы встречи, на мой взгляд, становятся яснее после прочтения вот этой строки в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдера: «18 июня Молотов хотел бы встретиться с фюрером». 18 июня — это тот самый

день, когда Деканозов встречался с Вайцзеккером якобы для легкой непринужденной беседы о пустяках. Тогдашний итальянский посол в Берлине Л. Симони слышал разговоры о возможной поездке Сталина в германскую столицу и считал, что Деканозов предпринимал буквально в последние минуты перед началом войны попытку организовать встречу Гитлера и Сталина. Есть сведения и о том, что вечером 21 июня Молотов и Деканозов опять пытались начать важные переговоры с немцами.

— Николай Исидорович, вас не смущает уточнение в скобках в дневнике Гасселя о слухах, распространяемых для пропаганды? А вдруг все эти разговоры о готовившемся визите Сталина в Берлин — геббельсовские штучки, назначение которых придать нападению внезапный характер?

— Не думаю. Внезапно можно напасть на случайного прохожего, на соседа. Внезапно напасть на огромную страну невозможно — вряд ли удастся незаметно сконцентрировать необходимые для вторжения огромные массы войск и техники. Знаете, чем объяснял Сталин сосредоточение германских войск вдоль советских границ? Маневром, цель которого — «усилить позицию Германии при обсуждении с Советским Союзом некоторых политических вопросов». Это подлинные слова Сталина.

— Какие вопросы имелись в виду?

— Я упоминал румынского министра Григория Гафеску, который, находясь в Москве, слышал от своих советских коллег, что немцы претендуют на Украину, на кураторство всей советской авиационной промышленностью и т. д. Германские предложения казались в Москве оскорбительными, в Кремле их расценивали как мирную капитуляцию. Вот Сталин и собирается в Берлин, чтобы встретиться с Гитлером и обговорить возникшие проблемы.

— То есть Брестский мир-2 назревал еще до начала вторжения немцев? Гитлер навязывал его нам, так сказать, дипломатическим путем? Это подтверждается документами?

— Вот моя последняя находка из архива внешней политики бывшего союзного министерства иностранных дел. Письмо советского посла Деканозова из Берлина от четвертого июня сорокового года Молотову. Посол сообщает: параллельно со слухами о близости войны между Германией и Советским Союзом в Берлине стали распространяться слухи о сближении Германии и СССР либо на базе далеко идущих уступок со стороны Советского Союза Германии, либо на основе раздела сфер влияния и добровольного отказа СССР от вмешательства в дела Европы.

— Гитлер хотел ограничить сферу влияния Кремля азиатскими регионами, не пуская в большую политику, которая традиционно делалась в Европе?

— А кому на Западе хочется иметь сильного, могучего соперника? Москву хотели загнать в угол, из которого она не должна была высываться без спросу. Не отказываются от этой идеи и сейчас. М. Олбрайт, представитель США в ООН, выступая в конце 1994 года в военно-морском колледже, заявила, что она не признает ныне и не признает в будущем так называемых сфер интересов России вне пределов ее государственных границ. Видите, времена и политический строй в России меняются, а политика по отношению к ней остается прежней. Давайте посмотрим, чем был на самом деле «военный союз» и прочие «предложения» Гитлера, о которых Деканозов докладывал Молотову. Гитлеру нужны были богатейшие российские ресурсы. Именно на них были прежде всего нацелены его планы экономического союза со Сталиным, по донесению Деканозова, «сочетающиеся по большей части с уступками, которые якобы должен

предоставить или уже предоставил Советский Союз Германии, вроде «аренды Украины» или пропуска немецких войск в Ирак через советскую территорию».

— Об «аренде Украины» — вы это серьезно?

— Деканозов ссылается на советского военного атташе в Берлине Тупикова, которому некий барон Луцкий сказал, что о передаче Германии в аренду Украины ему говорил Удет — заместитель Геринга в руководстве авиационной промышленностью. Деканозов докладывал, что об «аренде Украины» его совершенно серьезно спрашивали турецкие, американские и китайские дипломаты и военные атташе.

— Какой же это «союз»? Это самый настоящий ультиматум.

— В дневнике немецкого дипломата Гасселя, о котором я уже упоминал, есть такая строка: «Всюду шепотом говорят, что Сталин согласился на мирную капитуляцию». А американский журналист Гаррисон Солсбери уже после войны написал книгу, в которой на полном серьезе проводил такую вот историческую аналогию, комментируя возможный приезд Сталина в Берлин: «Не по примеру ли средневекового князя Ивана Калиты, который укрепил свою власть, подчинившись великим татарским ханам и приняв ярлык»?

Когда под утро 22 июня 1941 года Молотов отправился принимать немецкого посла в Москве Шуленбурга, Сталин был уверен, что это не война, что посол передаст ультиматум «Брестский мир-2» — перечень политических, экономических и, возможно, территориальных претензий Гитлера, о которых в Кремле были наслышаны.

Кто знает, может, именно в отчаянно-горькие летние и осенние месяцы сорок первого, когда Красная Армия катилась на восток и катастрофа казалась

неминуемой, в Кремле и схватились за одну из спасительных соломинок — Брестский мир-2. Лучше потерять часть, чем все.

С какой бы целью ни обратились к этой идее — то ли выиграть время, то ли в самом деле не видели иного выхода, — выпущенная на свободу из спецхранов версия принесла немало крупных неприятностей многим историческим лицам с громкими именами. Не говоря уже о людях попроще.

Глава 9

ОТЦОВСКАЯ МЕСТЬ

— Пощадите сына, не расстреливайте... Неужели нельзя этого сделать? — всхлипывал генерал.

...Когда вызванная охрана ввалилась в кабинет, то увидела, что какой-то генерал-лейтенант, рыдая, бьется в конвульсиях у ног стоявшего возле стола Сталина.

— Вынесите товарища Хрущева в соседнюю комнату и помогите ему прийти в себя, — попросил Сталин.

Что знает охрана

Несть числа слухам о том, что подлинной причиной нападок Хрущева на Сталина послужила обида за расстрелянного сына. Сталин якобы не уважил просьбу Никиты Сергеевича, буквально на коленях умолявшего пощадить Леонида.

Мечь отца была страшной.

— Ленин отомстил царской семье за брата, а я за сына и мертвому Сталину не прощу, — якобы заявил в кругу близких обезумевший от горя Никита Сергеевич.

Легенда эта живет много лет. Она то затухает, то вспыхивает с новой силой.

Серьезные исследователи относятся к ней с известной долей скептицизма, полагая, что подобный упрощенный взгляд отражает умонастроения и психологию обывательской среды. Негоже, мол, переносить собственное понимание природы исторических явлений на государственный уровень.

Такого же мнения придерживался и автор этой книги, точка зрения которого оставалась бы, наверное, неизменной, если бы не одно неожиданное свидетельство.

Согласно этому авторитетному источнику, после Сталинградской битвы в начале марта 1943 года Сталину позвонил с фронта Хрущев. Настоятельная просьба члена Военного Совета Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н. С. Хрущева сводилась к тому, чтобы Сталин принял его в любое время. Согласие на встречу было дано, и Хрущев незамедлительно вылетел в Москву.

Сталин догадывался, по какому вопросу Хрущев добивался приема. Вопрос был личный. Сын Хрущева Леонид, военный летчик в звании старшего лейтенанта, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, застрелил армейского майора. Сталину доложили, что это не первый случай, когда Леонид, будучи сильно пьяным, выхватывал пистолет. Прежде до смертельного исхода не доходило. Сейчас вот дошло.

Впрочем, и раньше у него была какая-то крупная неприятность, и он должен был предстать перед судом. Тогда Хрущев бросился к Сталину, со слезами на глазах просил простить сына и сделать так, чтобы он не был сурово наказан. Сталин пошел навстречу Никите Сергеевичу, дело на Леонида было прекращено.

На этот раз Сталин почувствовал, что разговор с Хрущевым будет тяжелым. Никита Сергеевич снова будет просить, умолять о снисхождении к сыну. Леонид

родился от первого брака, мать умерла, когда ему едва исполнилось два года. Почти как его Яша, мать которого, первая жена Сталина, тоже скончалась в молодом возрасте.

Сталин понимал чувства Хрущева, по-отцовски сочувствовал ему. Но ведь у убитого Леонидом майора тоже есть родители, родственники, дети, которым он дорог не меньше, чем Леонид своему отцу. По какому праву лишил он жизни этого человека? По праву вседозволенности, поскольку папаша — член Политбюро? Один раз его уже пощадили, но урок, наверное, не пошел впрок. Высокое положение отца не должно быть индульгенцией на безнаказанность за содеянное.

В этом месте цитируемый источник приводит знаменитую сталинскую фразу: «Я фельдмаршалов на рядовых не меняю». Произнесена она была, как помнит читатель, по поводу предложения немецкой стороны об обмене попавшего в плен его сына Якова на фельдмаршала Паулюса.

— Сталин считал, что он не имел права поступаться своей совестью. Выменять сына — значит дать повод для разговоров. А чем сын Сталина лучше других? Почему не обменивают многих попавших в плен известных генералов? Да и рядовых граждан? Можно только догадываться, что творилось на душе у Сталина. Речь-то шла о жизни собственного сына!..

И вот Хрущев входит в сталинский кабинет. И тоже по поводу жизни сына.

Никита Сергеевич осунулся, побледнел. И хотя четко отвечал на расспросы об обстановке на фронте, о командующем Ватутине, перспективах освобождения Донбасса и Украины, мысли Хрущева были о другом.

— Дорогой Иосиф Виссарионович... Товарищ Сталин! — К горлу подкатил комок горечи, на глаза выступили слезы. — Вы знаете меня долгие годы...

Хрущев умолк. Его бил нервный озноб. Неимоверным усилием воли он справился с собой:

— Все это время я отдавал все свои силы, способности, не жалел ни себя, ни здоровья ради дела партии и социализма. Я благодарен вам за оценку моего труда, считаю вас самым близким человеком нашей семьи, учителем, который сделал многое в моем идейном, нравственном и партийном совершенствовании...

Он перевел дыхание, посмотрел на Сталина красными, воспаленными от слез глазами:

— Вся наша семья безмерно благодарна вам, товарищ Сталин, за то, что однажды вы оказали нам огромную помощь и душевное облегчение. Сейчас у нас снова страшное горе. Мой сын Леонид снова совершил преступление и должен предстать перед судом. Как мне сообщили, ему грозит смертный приговор. Если это случится, то я не знаю, как переживу эту трагедию. Своим родным я об этом ничего не говорил и не думаю сообщать. Для них это тоже будет большим ударом.

Сталин внимательно слушал.

— Дорогой Иосиф Виссарионович! — У Хрущева снова сдали нервы, и он заплакал — горько, навзрыд.

Сквозь рыдания прорывались слова:

— Вся надежда на вас... Прошу вас, помогите... Мой сын виноват, пусть его накажут сурово, но только не расстрел...

Сталин молчал, ожидая, когда нервный стресс пройдет и Хрущев успокоится. Вытирая платком мокрые щеки, Хрущев с надеждой взглянул на Сталина.

— Мне доложили о случившемся с вашим сыном. Я не сомневался, что у нас состоится встреча и разговор о вашем сыне. Только исходя из большого уважения к вам, товарищ Хрущев, я разрешил вам приехать с фронта в Москву. Партия высоко ценит ваш вклад в строительство социализма, в борьбу с троцкистами и

другими оппозиционерами, ваши дела по укреплению советской власти на Украине и сейчас в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Хрущев замер, с надеждой ловя каждое слово.

— Мне очень хотелось бы помочь вам, Никита Сергеевич, — продолжал Сталин, — но я бессилён сделать это. Однажды я поступился своей совестью, пошел вам навстречу и просил суд помиловать вашего сына. Но он не исправился и совершил еще одно, подобное первому, тяжкое преступление. Вторично нарушать законы мне не позволяют моя совесть и горе людей, ставших жертвами преступных действий вашего сына.

У Хрущева оборвалось все внутри.

— В сложившемся положении ничем помочь вам не могу, — сухо закончил Сталин. — Ваш сын предстанет перед судом в соответствии с советскими законами.

Хрущев, словно сломанный пополам, рухнул на ковер. Мелко перебирая коленями, пополз к ногам Сталина. Напрасно тот просил встать, взять себя в руки. Невменяемый Хрущев ничего не слышал. Тогда Сталин нажал сразу на две кнопки, и в дверях одновременно возникли Поскребышев и охрана. Они и увидели эту сцену.

— Вынесите товарища Хрущева в соседнюю комнату и помогите ему прийти в себя, — сказал Сталин.

Когда сотрудники охраны и врачи привели Хрущева в чувство, он жалобно всхлипывал:

— Пощадите сына... Не расстреливайте...

Такой вот инцидент якобы произошел в кремлевском кабинете Сталина. По словам источника, этот случай до сих пор всплывает в разговорах сотрудников безопасности, когда речь заходит об отношениях между Хрущевым и Сталиным. Вроде бы тогда и произнес Хрущев в кругу своих приближенных слова о мести Сталину — даже мертвому.

Что же, кремлевская охрана и в самом деле знает все. Ибо кто, кроме нее, посвящен в самые сокровенные тайны охраняемых, включая и семейные?

А теперь раскрываю источник. Это генерал-майор М. С. Докучаев, Герой Советского Союза, бывший заместитель начальника 9-го управления КГБ СССР — знаменитой «девятки», занимавшейся обеспечением безопасности высших государственных руководителей СССР. Михаил Степанович почти 40 лет жизни (1951–1989) отдал службе в системе обеспечения государственной безопасности, из них 15 лет был одним из руководителей «девятки».

Что знают охраняемые

Для выяснения истины крайне важно знать, что думают по этому поводу лица из ближайшего окружения обоих главных действующих лиц этой легенды.

Обратимся к свидетельствам В. М. Молотова. Сам он, как известно, мемуаров не оставил. Но его взгляды на прошлое, на многих политических деятелей того времени зафиксированы в книге Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым».

На странице 324 читаем такое вот высказывание Вячеслава Михайловича: «Хрущев в душе был противником Сталина... Озлоблен на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли... Сталин сына его не хотел помиловать... После такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина...».

Молотову, бесспорно, было за что не любить Хрущева. По-человечески его неприязненное отношение к Хрущеву можно понять.

Но как быть вот с этим свидетельством? «У мамы с папой было трое общих детей — я, Сережа и Леночка.

Двое от первой жены — Юлия и Леонид, они были намного старше. Дочь Леонида, тоже Юлия, была близка нам по возрасту, и мы ее воспринимали как сестру. Хрущевы удочерили Юлию после смерти ее отца.

Леонид жил в Киеве, работал в школе пилотов. Во время войны участвовал в массированных налетах на Германию. Налеты без сопровождения. Получил тяжелое ранение, лежал в госпитале, в Куйбышеве — мы тогда всей семьей были в Куйбышеве, в эвакуации, а отец — на фронте. Леонид долго лежал в госпитале, в одной палате с Рубеном Ибаррури. Они дружили. Брат долго выздоравливал. Пили в госпитале, и брат, пьяный, застрелил человека, попал под трибунал. Его послали на передовую».

Это фрагмент из интервью Рады Никитичны Хрущевой, дочери Никиты Сергеевича от второго брака с Ниной Петровной Кухарчук. Полный текст интервью приводит писательница Лариса Васильева в своем бестселлере «Кремлевские жены».

Итак, сводная сестра как будто полупризнает факт, породивший множество слухов и сплетен. Но — наполовину: брата «послали на передовую». Как это конкретно выглядело для него, летчика, непонятно. Что значит — на передовую? В пехоту?

Одно бесспорно — время и место, когда это случилось. Куйбышев, середина войны. Все остальное запутано невероятно.

Кажется, определенную ясность внес сын А. И. Микояна — Степан, который в Куйбышеве встретился с выздоравливавшим после ранения Леонидом Хрущевым.

— Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, более двух месяцев, — вспоминает Степан Анастасович. — К сожалению, он привык выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в то время

командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший блат на ликеро-водочном заводе. Они получали там напитки в расчете на неделю и распивали почти каждый вечер в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Приходили и другие гости, в том числе и девушки. Мы с ним познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации. Леонид, даже изрядно выпив, оставался добродушным и скоро засыпал.

О трагической развязке, приключившейся с другом, Степан Анастасович рассказывает так:

— Когда я уехал в Москву, произошла трагедия, о которой я узнал позже от одного приятеля Леонида. Однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно «под градусом», в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом из пистолета бутылку с его головы. Леонид, как рассказывал этот приятель, долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в самую бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в лоб...

Самое последнее свидетельство принадлежит еще одному кремлевскому сыну — Серго Берию. Обращаясь к этой темной истории, Серго Лаврентьевич излагает свою версию случившегося. Она имеет такую интерпретацию.

Как это, к сожалению, бывает, и довольно часто, в среде «золотой молодежи» — детей высокопоставленных чиновников, сын первого секретаря ЦК компартии Украины Н. С. Хрущева оказался вовлеченным в сомнительную компанию. Его друзьями оказались преступники, промышлявшие грабежами и убийствами. Когда наркому внутренних

дел Украины Серову доложили о случившемся, он тут же связался с Берией.

Выслушав Серова, Берия распорядился:

— Сообщи об этом Хрущеву. Посмотрим, как он будет реагировать. Это вопиющее нарушение закона, и вытаскивать сына пусть даже первого секретаря ЦК из этого дела, сам понимаешь, нельзя, но как-то смягчить его участь — можно.

Реакция Хрущева поразила Серова:

— Закрой это дело!

— Как же можно, Никита Сергеевич? — возразил Серов. — Дело получило огласку. Совершены тягчайшие преступления, о которых уже знают тысячи людей. Вывести вашего сына из этого дела просто невозможно.

И хотя Хрущев настаивал на своем, следствие было доведено до конца и состоялся суд. Большинство участников преступной группы, а попросту говоря, банды уголовников, приговорили к высшей мере наказания и расстреляли. Сын Никиты Сергеевича отделался десятью годами лишения свободы.

Когда началась война, Леониду подсказали, чтобы попросился на фронт. Он так и поступил. Просьбу сына Хрущева удовлетворили, но направили не на фронт рядовым бойцом, а в авиационное училище. Став летчиком, Леонид мужественно сражался с врагом и погиб в бою. Серго Берия указывает время, когда это случилось: весной сорок третьего года.

Существенная деталь: до перехода в истребительную авиацию сын Хрущева служил в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку, где совершил 33 боевых вылета, был тяжело ранен (вспомним рассказ Рады Никитичны о лечении в Куйбышеве) и награжден орденом Красного Знамени. После переучивания был направлен в 18-й гвардейский истребительный авиационный полк.

Ничего не сходится! Казалось бы, сыну Берии совсем уж не с руки выгораживать сына Хрущева. Ведь именно Никита Сергеевич был инициатором низвержения Лаврентия Павловича. И если бы Леонида Хрущева действительно расстреляли в 1943 году, то кто-кто, а уж сын Берии не преминул бы со злорадством упомянуть об этом. Ан нет, строго следует официальной версии.

Что лежит в архивах

Обращение к первоисточнику и, в частности, к личному делу старшего лейтенанта Л. Н. Хрущева, хранящемуся в архиве Министерства обороны, обескуражило. Никаких свидетельств о судах — ни о довоенном, ни о том, который якобы состоялся в сорок третьем году!

Вот подлинник автобиографии, написанной им собственноручно 22 мая 1940 года.

«Родился в Донбассе (г. Сталино) 10 ноября 1917 года в семье рабочего. До революции отец работал слесарем на шахтах и заводе Боссе. В настоящее время член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК КП(б) Украины. Родственников за границей нет. Женат. Жена работает штурманом-летчиком эскадрильи аэроклуба в Москве. Отец жены — рабочий. Брат — военнослужащий ВВС, г. Одесса. Сестра — домохозяйка.

Общее и специальное образование получил, учась в семилетке, ФЗУ, школе пилотов ГВФ, на подготовительном курсе академии. Школу ГВФ окончил в 1937 году.

В РККА добровольно с февраля 1939 года, слушатель подготовительного курса ВВА им. Жуковского. С февраля 1940 года — ЭВАШ. За границей не был, под судом не был».

Что такое ЭВАШ? Энгельсская военная авиационная школа. ВВА — это, конечно, военно-воздушная академия. Получается, что с подготовительного курса командного факультета московской академии был переведен в город Энгельс, в авиашколу. Причина? Не известна. Весьма вероятно, что вместо подготовительного курса Леонид пребывал под следствием, делает догадку автор публикации «Советский принц» («Комсомольская правда», 25 ноября 1994 года). К тому же в его автобиографии в стандартной формулировке «под судом и следствием не был» говорится только о суде. Под следствием, значит, был?

Вообще-то он начинал с гражданской авиации. Четыре года проучился в балашовской школе, после чего месяц числился инструктором Центральных авиационных курсов гражданского воздушного флота в Москве. Потом уехал в Киев, к отцу.

Если происшествие, о котором говорит Серго Берия, действительно имело место, то можно допустить, что Леониду посоветовали попроситься не на фронт, как пишет Берия, а пойти в армию, чтобы не мозолить глаза в Киеве, не давать повода для пересудов.

Однако вот заковыка: никаких следов относительно десяти лет лишения свободы, о которых упоминает сын Лаврентия Павловича, в документах нет.

Из личного дела Леонида Хрущева вытекает, что авиашколу в городе Энгельсе он окончил в мае 1940 года. Выпускная аттестация — отличная! Достоин присвоения воинского звания лейтенанта РККА. Целесообразно использовать в скоростной бомбардировочной авиации.

С началом войны летчик Хрущев на фронте. 16 июля 1941 года командир 46-й авиадивизии полковник Писарский в боевом донесении начальнику штаба ВВС 22-й армии докладывал, что командир экипажа Леонид

Никитович Хрущев (в скобках примечание: «сын Никиты Сергеевича»), член ВЛКСМ, имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. Мужественный, бесстрашный летчик. В воздушном бою 6 июля храбро дрался с истребителями противника вплоть до отражения их атаки.

Из того боя Хрущев вышел с изрешеченной машиной... Она у него безотказна. Неоднократно шел в бой, подменяя неподготовленные экипажи. Донесение заканчивалось ходатайством о награждении Хрущева орденом Красного Знамени.

Однако награду летчик Хрущев получил не сразу. Пятого ноября 1941 года командир и комиссар 46-й авиадивизии обратились с письмом на имя командующего ВВС Западного фронта с просьбой представить к ордену Красного Знамени лейтенанта Хрущева Леонида Никитовича, который в числе других был представлен к награждению в период с 14 по 17 июля, но до сих пор не отмечен вследствие того, что наградной материал застрял в 22-й армии. В ходатайстве говорится, что у Хрущева уже 27 боевых вылетов.

Один из них был неудачный. 26 июля, отбомбившись, при уходе от цели наши экипажи были атакованы «мессершмиттами». Немцы сбили четыре самолета, в том числе и Леонида Хрущева. Ему все же удалось посадить поврежденную машину. Сам летчик не уберегся — сломал ногу, и ему пришлось лечь на госпитальную койку.

На излечении он пробыл до 1 марта 1942 года. В госпитале получил наконец свой орден. Было это в феврале. Может, все и началось с обмывки первой боевой награды?

Дальше начиналось непонятное. В его личном деле имеется боевая характеристика, относящаяся к этому периоду времени. Пилот 134-го скоростного

бомбардировочного полка лейтенант Хрущев Л. Н. называется «хорошим, опытным летчиком», «хорошим сыном своего отца». Отмечается его неутомимость и бесстрашие в бою в самый тяжелый период войны, когда полк летал без прикрытия, а он делал по 3-4 вылета в день и никогда не жаловался на усталость. В графе «вывод» сказано: «По выздоровлении желательно отправить в 134-й полк». То есть в родную часть, куда обычно стремились попасть после госпиталя все фронтовики.

Леонид Хрущев по излечении почему-то оказывается в истребительной авиации. Его следы обнаруживаются в 3-м отдельном учебно-тренировочном смешанном авиаполку. В начале апреля 1942 года ему присваивается звание старшего лейтенанта — почему-то приказом наркома обороны, хотя этот вопрос в компетенции командующего фронтом. Переучившись на самолет «Як-7», Хрущев в декабре 1942 года поступает в распоряжение командующего 1-й воздушной армии.

Далее из документов личного дела вытекает, что старший лейтенант Хрущев получил назначение в 18-й гвардейский истребительный полк, который базировался на аэродроме близ старинного русского городка Козельска Калужской области, известного по школьным учебникам истории мужеством его жителей во время нашествия монголо-татарских орд. Полк имел хорошую учебную базу, и молодой летчик быстро освоился на новом месте. Вскоре он начал участвовать в выполнении боевых задач.

Последний его вылет пришелся на 11 марта 1943 года. В личном деле имеется описание этого воздушного боя, составленное командиром 18-го гвардейского истребительного авиационного полка майором Голубевым и начальником штаба полка подполковником Вышинским.

В тот день в 12.13 группа из девяти самолетов «Як-7б» (ведущий капитан Мазуров), вышла на боевое задание с задачей уничтожить бомбардировщики противника в районе Кожановка, Ашково, Ясенок, Длинное, Жеребовка.

Шли эшелонировано на высоте, то есть разделились на две группы. Первая, состоявшая из пяти самолетов, летела на высоте 2000 метров. Ее ведущим был капитан Мазуров. Вторая группа в составе четырех самолетов (ведущий младший лейтенант Ляпунов), шла на высоте 2500 метров.

Придя в заданный район, группы увидели, что метеоусловия не позволяют действовать сообща — дымка достигала 2000 метров. И тогда решили действовать самостоятельно. Станции наведения на их запрос ответили: самолетов противника пока нет, но будьте осторожны.

Вскоре появились истребители противника. Пользуясь дымкой, они атаковали наши самолеты, которые, приняв бой, разбились на три группы.

Два наших самолета (ведущий гвардии старший лейтенант Заморин и ведомый гвардии старший лейтенант Хрущев) были атакованы двумя «Фокке-Вульфами-190». Завязался воздушный бой на высоте 2500 метров — пара на пару.

Заморин, лучший боевой летчик полка, имевший на своем счету 18 лично сбитых им самолетов противника, атаковал «Фокке-Вульфа». С дистанции 50-70 метров Заморин открыл огонь и сбил самолет противника. Хрущев шел с правой стороны, прикрывая с хвоста ведущего. Заморин увидел, что к хвосту машины Хрущева пристроился «Фокке-Вульф» и ведет по нему огонь. Заморин застрочил из пулемета под углом. Немец, увидев свое невыгодное положение, отвалил от Хрущева и с пикирования пошел на юг, атакуемый Замориным.

В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, последний внезапно с переворотом под углом 65–70 градусов пошел к земле. Когда Заморин возвратился, то Хрущева не обнаружил. Увидев в стороне свои самолеты и полагая, что Хрущев среди них, он присоединился к общему строю и прилетел на свой аэродром.

Хрущев из этого боя не вернулся. Заморин считает, что сбить его не могли, так как снаряды рвались далеко в хвосте. Скорее всего, перетянул ручку и сорвался в штопор.

Все это происходило в районе Мужитенский, в шести километрах восточнее реки Жиздры.

Данное описание, за исключением предположения летчика Заморина, полностью воспроизведено в печальном сообщении, с которым ровно через месяц после происшествия — 11 апреля 1943 года — обратился командующий 1-й воздушной армии генерал-лейтенант Худяков к члену Военного Совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Хрущеву. «В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение вашего сына, — сообщал Худяков, — но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын — гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитович пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков».

Организованные Худяковым самые тщательные поиски с воздуха и через партизан (не попал ли советский летчик в немецкий плен?) результатов не дали. Леонид Хрущев словно сквозь землю провалился — ни обломков самолета, ни останков пилота обнаружить не удалось. По сей день.

Что знают архивисты

Историки, допущенные к архивам, обратили внимание на то, что скорбное сообщение Худякова на имя Н. С. Хрущева о гибели сына выделяется среди подобных документов биографическим уклоном. В сообщении подробно излагаются все вехи фронтового пути Леонида Хрущева, указываются точные даты, вплоть до дней, когда у него проверяли технику пилотирования.

Одни исследователи объясняют это стремлением Худякова оправдаться, убедить высокопоставленного отца погибшего летчика, что его сына обучали лучшие пилоты полка и что их вины в случившемся нет. Другие усматривают в столь детализованном тексте иной смысл.

Какой? Прямого ответа, конечно, нет. Но если учесть, что многие страницы из личного дела летчика Хрущева оказались замененными, притом, как уверяют специалисты, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, то вряд ли стоит долго гадать, для чего это делалось.

Существует легенда, имеющая, правда, документальный источник — рассказ бывшего заместителя начальника Главного управления кадров МО СССР генерал-полковника И. А. Кузовлева. Согласно его рассказу, сын Хрущева Леонид в 1943 году попал в плен к немцам. По настоятельной просьбе отца Сталин дал согласие на обмен его сына на немецкого военнопленного. Обмен состоялся, но, как установили работники КГБ, когда Леонид Хрущев находился в фильтрационном лагере для бывших военнопленных, в плену он вел себя плохо, работал в интересах гитлеровской Германии. По совокупности совершенных преступлений Л. Н. Хрущев военным трибуналом был осужден и приговорен к расстрелу.

Именно тогда якобы и состоялась сцена, описанная в начале этой главы. Именно этим архивисты объясняют

изъятие протоколов допросов советских военнопленных из трофейных документов немецких частей, оборонявшихся в районе Козельска и Жиздры.

Старые архивисты рассказывают, что в годы правления Хрущева государственные и партийные хранилища документов подверглись невиданной чистке. А бывшие работники кремлевской охраны утверждают, что между Киевом и Москвой часто курсировал спецсамолет особого авиаотряда, доставлявший Никите Сергеевичу документы, от которых он с облегчением избавлялся.

Как тут не вспомнить старину Черчилля, глубокомысленно изрекшего: «Хрущев начал борьбу с мертвым и вышел из нее побежденным».

Глава 10

РОЖДЕНИЕ РУССКОЙ «БЕЙБИ»

Семнадцатого июля 1945 года на стол находившегося в Потсдаме на конференции руководителей стран-победительниц английского премьера У. Черчилля лег клочок бумаги с несколькими словами: «Младенцы благополучно родились».

Младенцами, или по-английски «бейби», называли между собой атомную бомбу ее создатели.

Спустя четыре года точно такая же ослепительная вспышка, что и на полигоне американского штата Нью-Мексико, накрыла пустыню в другом конце света — в советском Казахстане.

С тех пор не утихают споры: является ли русская «бейби» родной сестрой американской? Похитили за океаном или произвели на свет сами?

Шахт у нас много

Первое упоминание в открытой печати о том, что Советский Союз располагает атомным оружием, относится к 1949 году. До 25 сентября указанного года, когда ТАСС заявил, что он уполномочен сообщить об этом, все сведения, касающиеся работ в данной области, были строго засекречены и огласке не подлежали. Впрочем, и после сообщения ТАСС все оставалось по-прежнему: никаких дополнительных сведений о сверхмощном оружии в печать не поступало.

Да и само сообщение не подтверждало, что первый атомный взрыв в СССР произведен именно в 1949 году. Это сегодня мы знаем точную дату рождения ядерного щита страны — 29 августа 1949 года. В тассовском же сообщении заявление президента США Трумэна о том, что, по данным его правительства, в СССР в одну из последних недель произошел атомный взрыв, фактически опровергалось.

В Советском Союзе, говорилось в сообщении ТАСС, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов. Возводятся гидростанции, шахты, каналы, дороги. Все это, мол, вызывает необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. А поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то, возможно, эти работы могли привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что, неужели отрицалась сама возможность производства в стране атомной энергии? Отнюдь нет, факт ее наличия признавался: ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги

Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В. М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 года. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году.

Так в 1949 или 1947? Современные официальные источники называют первую дату. Вторая, наверное, была вехой — важной и весомой в теоретическом плане — на пути к полигонному испытанию. Или была вызвана соображениями политической конъюнктуры — как ответ на речь Черчилля в Фултоне, положившей начало «холодной войне»? Очевидно, имеет свое объяснение и тот факт, что взрыв атомной бомбы в семипалатинской пустыне поначалу списывался на безобидные строительные работы с применением «новейших технических средств».

Наверное, очевидно... Предположения, по всей видимости, еще не скоро уступят место четким и выверенным формулировкам, касающимся истории создания атомной бомбы в СССР. Увы, покров тайны с этой темы все еще не снят. Чем больше сведений, тем сильнее брожение в умах.

Игра в кошки-мышки велась не в одностороннем порядке. Бывшие союзники СССР тоже порядком поднаторели по части напускания густого тумана. В 1942 году Англия и Советский Союз заключили соглашение об обмене секретной военной и технологической информацией. А через год Черчилль и Рузвельт на встрече в канадском городе Квебеке подписали тайный договор о совместных работах в области атомной энергетики. Главы Великобритании и США обязались не передавать никакой информации по атомной бомбе третьим странам, то есть СССР и Франции. Это к вопросу о честном партнерстве.

И еще пример. В 1944 году правительство США распорядилось подготовить и опубликовать доклад о

создании атомной бомбы. Цель вроде бы благородная — надо установить над новым сверхоружием международный контроль. Однако, когда окончательный текст доставили руководителю атомного центра в Лос-Аламосе Роберту Оппенгеймеру, он увидел, что от первоначального варианта ничего не осталось. Ученый отказался ставить свою подпись, заявив, что доклад однобокий и вводит в заблуждение как специалистов, так и общественность. Эксперты в Пентагоне сделали документ дезинформационным, чтобы ученые других стран пошли по ложному пути.

Как видим, на недостаток шахт не сетовала и другая сторона.

«Мы были одни...»

После успешного испытания атомной бомбы на семипалатинском полигоне Сталин пригласил к себе группу ее создателей и невероятно щедро, по-царски, одарил их. Разработчики проекта получили личные автомобили, особняки, почетные звания, Государственные премии, персональные счета в Сбербанке, где они могли брать для своих нужд любые суммы денег — безотчетные.

Сталин готов был носить на руках этих людей — они положили конец атомной монополии США и Англии. Сейчас уже порядком подзабылось, в каком напряжении жила тогда страна. Мало кто сегодня помнит, что уже спустя три месяца после окончания конференции глав стран-победительниц в Потсдаме, где всюду звучали тосты о дружбе и поддержании мира на земле, в Пентагоне был разработан план атомной бомбардировки двадцати советских городов, включая Москву. И вот создан свой собственный ядерный щит.

Ни вождь всех народов, ни его преемники не скупались на материальные средства и почести для

выдающихся советских ученых. Трижды Героями Социалистического Труда стали И. Курчатов, А. Сахаров, А. Александров, Ю. Харитон, Я. Зельдович. Ленинскую и пять Госпремий получил И. Кикоин, Ленинскую и три Госпремии — Г. Флеров. Не были обойдены академическими званиями, орденами, престижными премиями десятки других ученых, причастных к советскому атомному проекту.

Во всех энциклопедиях, справочниках, учебниках неизменно подчеркивалось: создание ядерного щита Родины — дело ума и рук советской науки и техники, плод совместных усилий наших ученых, инженеров и рабочих. Признавалось, что атомная бомба впервые была испытана на Западе, однако утверждалось — наши ученые не скопировали ее, а вели самостоятельную разработку. То, что американцы вырвались далеко вперед, объяснялось более благоприятными условиями — территория США не была оккупирована противником и линия фронта не проходила вблизи Вашингтона. Нам приходилось напрягаться, чтобы дать фронту танки и самолеты, в которых больше всего нуждалась армия, а на разработку атомного проекта не хватало ни средств, ни производственных мощностей.

Против этих аргументов трудно возразить. Действительно, как только закончилась война, ученые приступили к делу и в невероятно короткие сроки создали отечественное сверхоружие, приведя в изумление не ожидавших такой прыти атомных монополистов за океаном.

Сведения об «отцах» советской атомной бомбы в течение длительного времени были строго засекречены. Скупые данные о них в открытую печать начали просачиваться сравнительно недавно. Академик Ю. Харитон, например, возглавлявший знаменитый ядерный центр в Арзамасе-16 и ушедший с этого поста

в возрасте 88 лет, впервые публично заявил о своем участии в реализации первого атомного проекта лишь в декабре 1992 года.

Исключение, пожалуй, составляют лишь имена рано ушедших из жизни ученых-атомщиков. Того же Курчатова, скончавшегося в 1960 году в возрасте 55 лет. Он был первым организатором и руководителем работ по атомной науке и технике в СССР, основателем и первым директором Института атомной энергии. Преждевременная смерть сняла табу с его имени в открытой печати — как и в случае с главным конструктором космических кораблей Королевым. Поколения 60—70-х годов знали, что под руководством Курчатова в 1946 году был создан первый в Европе ядерный реактор, в 1949 году — первая в СССР атомная бомба, а в 1953 — термоядерная бомба.

Интерес прессы и общества к личности Курчатова понятен. После кончины о нем писали много, обстоятельно — правда, в тех пределах, в которых тогда было можно, поскольку при жизни он был носителем государственных тайн. Приводились и многочисленные высказывания талантливого ученого. Одно из них само просится в это повествование.

«Советские ученые начали работу по практическому использованию атомной энергии в тяжелые дни Великой Отечественной войны, — приоткрывал завесу над тайной создания атомной бомбы Курчатова, — когда родная земля была залита кровью, когда разрушались и горели наши города и села, когда не было никого, кто не испытывал бы чувства глубокой скорби из-за гибели близких и дорогих людей. Мы были одни. Наши союзники в борьбе с фашизмом — англичане и американцы, которые в то время были впереди нас в научно-технических вопросах использования атомной энергии, вели свои работы в строго секретных условиях и ничем нам не помогали».

Итак, были одни, никто не помогал, следовательно, все сделали сами.

Дело № 13676

Это архивное дело теперь уже можно упоминать в открытой печати. Раньше знакомиться с ним могли только председатели КГБ и руководители разведки. И никто больше. Шесть тысяч страниц уникальнейших документов.

Вот один из них, адресованный заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров М. Г. Первухину. Составлен в Москве 7 марта 1943 года. Пометка: в единственном экземпляре.

«Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки, — говорится в документе. — Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».

Опустим малопонятные неспециалистам научные оценки полученных сведений, процитируем те фрагменты, которые не требуют профессиональных познаний.

«Полученные материалы заставляют нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить при этом три новых для советской физики направления в работе...».

Еще одна выдержка: «Необходимо также отметить, что вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей...».

И концовка: «Данное письмо будет передано Вам Вашим помощником т. Васиным А. И., у которого находятся подлежащие уничтожению черновые записи».

Документ подписан заведующим лабораторией профессором И. Курчатовым.

Откуда получены материалы, от которых ученый в таком восхищении? Каким путем они к нему поступили? Ответы в следующих документах, тоже помеченных грифом «Совершенно секретно» и исполненных в единственном экземпляре.

«Мной рассмотрен прилагаемый к сему перечень американских работ по проблеме урана, — пишет Курчатов 22 марта 1943 года. — Направляю Вам результаты этого рассмотрения и прошу Вас дать указание ознакомить с этими результатами т. Кафтanova С. В. и т. Овакимяна Г. Б. Сведения, которые было бы желательно получить из-за границы, подчеркнуты синим карандашом».

Результаты рассмотрения — в приложении к записке. Курчатов сообщает: в материалах содержатся отрывочные замечания о возможности использования в «урановом котле» не только урана-235, но и урана-238. Кроме того, имеются некоторые новые соображения относительно материала для бомб. С учетом этих сведений он, внимательно рассмотрев последние работы американцев по трансурановым элементам, смог установить новое направление в решении всей проблемы урана. До сих пор работы по трансурановым элементам в нашей стране не проводились.

«В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой дать указания разведывательным органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке. Выяснению подлежат следующие вопросы...».

Их перечень, подчеркнутый синим карандашом, интересен разве что специалистам. А вот резолюции

стоит воспроизвести, поскольку они помогут проследить путь запроса Курчатова к непосредственным исполнителям.

Зампред Совнаркома М. Г. Первухин направляет записку ученого-атомщика замнаркома внутренних дел В. Н. Меркулову: «Прошу дать указание о дополнительном выяснении поставленных в ней вопросов». Меркулов: «Лично т. Фитину. Дайте задания по поднятым в записке вопросам». Фитин: «Лично т. Овакимяну. Дайте задание «Антону».

Кто такие Первухин и Меркулов, мы знаем. Остается назвать род занятий других лиц, указанных в резолюциях. Фитин — начальник советской внешней разведки. Овакимян — его заместитель. «Антон» — Леонид Квасников, сотрудник научно-технической разведки, находившийся в то время в Нью-Йорке в качестве руководителя советской резидентуры.

В Кремле для Курчатова была выделена специальная, тщательно охраняемая комната, в которой он знакомился с поступавшими разведданными. В «атомном деле» полно его просьб: «Было бы хорошо получить...», «Очень важно знать...», «Крайне важно выяснить...».

Неужели скопировали?

Атомщики заговорили

Горбачевская гласность коснулась и такой прежде закрытой темы, как ядерная энергетика. Журналисты сумели разговорить отдельных атомщиков, и вот уже пошли гулять по страницам газет подробности, о которых современники и слыхом не слышали.

Ученые с удовольствием пересказывали эпизод, о котором упоминал Черчилль в мемуарах, тогда еще не изданных на русском языке. Атомщики благодаря своим международным связям о воспоминаниях английского

премьера знали. Эпизод касался обстоятельств, при которых Трумэн сообщил Сталину о создании в США нового оружия невиданной разрушительной силы.

Это произошло на Потсдамской конференции. Черчилль наблюдал за беседой Трумэна с генералиссимусом, проходившей при участии только их личных переводчиков. Английский премьер знал, о чем идет речь, и впился глазами в Сталина, чтобы увидеть, какое впечатление произведет на него сенсационное сообщение Трумэна. Вопреки ожиданиям лицо Сталина сохраняло веселое и благодушное выражение.

— Он не задал мне ни одного вопроса! — изумленно произнес Трумэн, когда Черчилль спросил, как воспринял Сталин весть о новой бомбе.

— Наверное, просто не понял, о чем идет речь! — догадался Черчилль.

Американский президент и английский премьер пожалели недалекого советского диктатора, не понявшего значения того, о чем ему было только что сказано.

Однако Сталин все хорошо понял. Вернувшись в Москву, он вызвал Курчатова и потребовал ускорить работы по созданию бомбы. Буквально через несколько дней при ГКО был создан Специальный комитет по атомной бомбе, на который возложили руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана. Многие читатели испытают, наверное, шок, когда узнают, что этот комитет возглавлял не кто иной, как... Берия.

По рассказам ученых, прервавших в годы перестройки традиционное для них молчание, начало плотной работы в области атомного проекта в СССР относится к весне 1942 года, то есть за три года до Потсдама. Тогда Сталин собрал ученых и спросил, могут ли немцы или наши союзники создать атомную бомбу.

В совещании принимали участие люди хотя и именитые, но уважаемого возраста. Молодежь была на фронте. Курчатов и Александров искали пути спасения кораблей от магнитных мин. Флеров служил в авиации. Петржак — в разведке. Академики-старики подумали и вынесли вердикт: атомная бомба в принципе возможна, но говорить о ее создании в ближайшем будущем преждевременно.

Однако нетерпеливая молодежь думала иначе. Г. Флеров, который вместе с К. Петржаком еще до войны открыл самопроизвольное, без облучения нейтронами, деление урана, в декабре 1941 года написал с фронта в ГКО обращение на имя Сталина. Младший техник-лейтенант — такое воинское звание имел ученый — обосновывал необходимость немедленного развертывания работ по созданию атомной бомбы. Письмо списали в архив, поскольку немцы стояли под Москвой и надо было думать о более непосредственных задачах. Однако Флеров весной следующего года снова обратился в ГКО. На этот раз его призыв был услышан. Вскоре его отозвали с фронта и дали возможность заняться делом, которое он пробивал со столь завидной настойчивостью.

По приказу Сталина была создана лаборатория № 2 во главе с Курчатовым. Игорь Васильевич собрал вокруг себя талантливую молодежь. Совершенно секретная лаборатория № 2 в составе Академии наук СССР и стала главным центром подготовки к созданию отечественного атомного оружия.

Атом расщепил КГБ!

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов появился целый ряд публикаций, а также высказываний молчавших до тех пор «атомных» разведчиков. По их интерпретации, атом расщепил КГБ!

Оказывается, поводом для сбора атомщиков у Сталина весной 1942 года послужили данные чекистов. Прежде всего отличилась внешняя разведка, научно-техническая служба которой подготовила соответствующее спецсообщение, подписанное Берией и направленное Сталину. В основу спецсообщения легла информация лондонской и нью-йоркской резидентур, содержащая новые сведения о реальности создания в США и Англии в недалеком будущем атомной бомбы.

Подтверждений было более чем достаточно. Лондонская резидентура, например, докладывала о заседании Уранового комитета и о совещании британского комитета начальников штабов, принявших рекомендации о немедленном начале работ по изготовлению первых бомб.

— К тому времени английские физики определили критическую массу урана-235, а также сферическую форму заряда, разделенного на две половины в целях предотвращения преждевременного взрыва, — рассказывает один из «атомных» разведчиков В. Б. Барковский. — Англичане установили, что скорость соударения должна быть не ниже 2,0–2,5 тысячи метров в секунду, разработали инициатор цепной реакции и определили способ отделения урана-235 от других изотопов методом газовой диффузии. Центр был проинформирован, какие научные учреждения и индустриальные концерны намечено привлечь к выполнению атомной программы. По поручению резидента я составил обзорную телеграмму в Москву по этим материалам, и с этого момента как бы началась моя специализация в области разведывания проблем создания атомного оружия.

Специализация Владимира Борисовича принесла ему орден Трудового Красного Знамени и титул «атомного скаута» — наравне с известными добытчиками информации об атомных секретах США и

Англии, А. Яцковым, умершем в 1993 году, и здравствовавшем в 1999 году А. Феклисовым. В постсоветские времена они получили звания Героев России.

Отличилась и фронтовая разведка. От нее поступали сообщения о том, что и немцы ищут способы использования атомной энергии в военных целях. В феврале 1942 года фронтовые разведчики обнаружили в саквояже захваченного ими немецкого офицера тетрадь со странными, непонятными им расчетами. Тетрадь переслали в наркомат обороны, оттуда ее переправили уполномоченному ГКО по науке Кафтанову, провели экспертизу — в Германии явно шли работы над созданием атомного оружия! В тетради оказались расчеты по изготовлению тяжелой воды. А в марте 1942 года в Центр поступило донесение от «Вадима» с точным адресом научных институтов Германии, занимавшихся разработкой сверхсекретного ядерного оружия.

Прославляя заслуги разведки в создании советского ядерного щита, иные ее представители в пылу ведомственного патриотизма, не замечая того, задевали самолюбие ученых. Внимательный читатель легко обнаруживал расхождения в описании одних и тех же эпизодов, принадлежащих перу ученых и разведчиков. Последние, например, говоря о письмах Г. Флерова Сталину, утверждают, что ученый обращался одновременно и к коллегам — в Физико-технический институт, где его предложение было встречено без особого энтузиазма и понимания. Как увесистый камень в свой огород восприняли ученые обнародованные разведкой сведения о том, что она еще осенью 1940 года добилась отправки директивы резидентурам начать поиск атомных центров. И действовали при этом по собственному почину, без запросов из академических кругов, которые, мол, тогда

не верили в овладение атомной энергией раньше следующего века.

Мы не приготовишки!

Разведчики умнее академиков? Такая постановка вопроса вконец разобидела уважаемых ученых, заявивших, что они «не приготовишки и не третьеклассники», как вытекает из воспоминаний некоторых бойцов невидимого фронта.

Ученые дали решительный отпор попыткам бросить тень на достижения советской атомной науки. Тень возникла задолго до получения какой-либо информации от разведчиков. Называлась фамилия Д. С. Рождественского, который еще в 1919 году занимался изучением строения атома. С 1921 года центром этих исследований стал Физико-технический институт в Ленинграде во главе с академиком А. Иоффе.

Уязвленные атомщики вспомнили, что в 1933 году в СССР состоялась первая всесоюзная конференция по физике атомного ядра. Оргкомитет возглавлял тридцатилетний И. Курчатов. До 1940 года состоялось пять таких конференций!

Отметая приоритет разведчиков, ученые немало поведали о своих заслугах. Оказывается, до войны в стране была уже своя школа в теории взрывчатых веществ, которую основал Ю. Харитон. Вместе с Я. Зельдовичем он впервые рассчитал цепную реакцию деления урана. В качестве замедлителей нейтронов уже тогда эти выдающиеся ученые предложили использовать тяжелую воду и углерод. В те же годы Г. Флеров и Л. Русинов экспериментальным путем получили важные результаты по определению ключевого параметра цепной реакции — числа

вторичных нейтронов, возникающих при делении ядер урана нейтронами.

Не буду утомлять читателей научными терминами. Главное, что следует из высказываний атомщиков, они еще до войны выяснили условия возникновения ядерного взрыва, получили оценки его колоссальной разрушительной силы, уточнили критическую массу урана-235 и получили ее весьма правдоподобное значение.

Кстати, насчет писем Флерова в ГКО. До мобилизации на фронт младший техник-лейтенант работал в Физтехе у Иоффе. Оказавшись в армии, Флеров попросил родных прислать ему последние номера зарубежных научных журналов. За полгода накопилось порядочно. Перелистав их, Флеров не обнаружил ни одной публикации по проблемам ядерной физики, которые раньше широко обсуждались в специальных изданиях. Значит, на эту тему наложен запрет. Ученый догадался, с какой целью. Так что еще надо посмотреть, чьих заслуг здесь больше: младшего техника-лейтенанта Флерова, находившегося на фронте, или разведчиков, пребывавших за границей и не заметивших внезапного исчезновения этой темы со страниц научной периодики.

Главные свидетели

1994 год придал необычайный оборот запутанной интриге, связанной с выяснением отношений между наукой и разведкой на тему о том, кто же больше сделал для создания отечественной атомной бомбы.

Прервали многолетнее молчание и заговорили два человека, чьи заявления сразу же обернулись скандалами.

Один из них — уже знакомый нам Павел Анатольевич Судоплатов, в течение 30 лет являвшийся

высокопоставленным и абсолютно секретным сотрудником КГБ в звании генерал-лейтенанта. Согласно опубликованным за границей воспоминаниям, Судоплатов организовал убийство Троцкого, управлял европейской и североамериканской разведывательными сетями, а также руководил агентами, которые обрабатывали американских ученых, создававших атомную бомбу, а те, в свою очередь, помогли Советскому Союзу эту бомбу получить.

Какие имена называет Судоплатов? Нет, не Розенбергов, и даже не Клауса Фукса, о которых пресса много писала в начале девяностых годов. По утверждению Судоплатова, среди ученых, которые оказывали помощь советским атомщикам, были... сам Роберт Оппенгеймер, руководитель Манхэттенского проекта, а также всемирно известные основатели современной физики Нильс Бор, Энрико Ферми и Лео Сцилард.

Не успела читающая публика прийти в себя от изумления, вызванного откровениями разведчика, жившего в Москве, как случилось новое потрясение, на этот раз в Киеве. 69-летний Серго Берия дал пространное интервью английской газете «Индепендент». Сын Лаврентия Павловича утверждал, что Роберт Оппенгеймер, ученый, руководивший работами по созданию атомной бомбы в США, тайно приезжал в Москву в 1939 году, за шесть лет до того, как Соединенные Штаты произвели взрыв атомной бомбы.

— В то время я не знал, что это был Оппенгеймер. Это был молодой человек, который жил в нашем доме и спал в моей комнате, — сказал ошеломленному корреспонденту Серго Лаврентьевич. — Он приехал под другим именем, через Францию, французские товарищи помогли ему приехать сюда, но он был очень огорчен, что ему пришлось уехать, не достигнув никаких

результатов. Он хотел работать над этим проектом здесь, в Советском Союзе...

Видный американский ученый Дэвид Холлоулэй, специализирующийся на изучении советской ядерной программы, засомневался в том, что Оппенгеймер был гостем Берии. Да, эмигрировавшему из Германии Оппенгеймеру, женатому на коммунистке и имевшему брата коммуниста, не доверяли многие в ФБР. Но никогда не было никаких веских свидетельств нелояльности ученого во время осуществления проекта «Манхэттен» или каких-то тайных визитов в Москву до этого времени.

Однако Серго Берия настаивает на том, что такая поездка состоялась. По его словам, Оппенгеймера никогда не завербовывали в качестве шпиона, но в тот момент, когда ни у Великобритании, ни у США не было программы создания ядерного оружия, он приехал в Москву, потому что боялся, что Гитлер первым сумеет использовать ядерную физику в военных целях.

— Мой отец сказал мне, что я могу остаться дома, пока он, Оппенгеймер, живет в нашем доме, потому что он останется один и будет скучать. Каждый день он уходил в сопровождении первого заместителя моего отца Меркулова. Но иногда оставался дома, и тогда я тоже оставался, чтобы составить ему компанию. Он расспрашивал меня, что мы делаем в школе. Он говорил со мной по-английски, прекрасно говорил по-немецки тоже...

Похвальное слово тщеславию

Упоминание Оппенгеймера, Бора, Ферми и Сциларда в одном ряду с Фуксом, чья работа на советскую атомную разведку подтверждена документами (американцы считают, что он помог СССР ускорить

решение атомной проблемы на срок от трех до десяти лет), вызвало негативную реакцию российских ученых.

Десять ведущих светил в Москве сделали совместное заявление, осуждающее попытки дискредитировать достижения советских ученых, работавших над ядерной программой, и представить их как простых имитаторов, работавших по шпаргалке, которую добыла для них разведка. В конце января 1995 года академик В. И. Гольданский, один из участников создания советской атомной бомбы, провел пресс-конференцию, название которой говорит само за себя: «Разведка против науки». Правда, речь шла в основном об отношении к Фонду Сороса, но в части, касавшейся высказываний Судоплатова, Виталий Иосифович прямо сказал: они опорочили имена Нильса Бора и Роберта Оппенгеймера.

Серго Берия пытался сгладить впечатление от вызвавших потрясение заявлений старого разведчика, уточнив, что знаменитые физики не были советскими агентами в прямом значении этого слова. Они не передавали информацию сами, а искренне хотели помочь Советскому Союзу, не желая, чтобы Америка имела монополию. Но и он, похоже, становится на сторону разведчиков в приобретающей все более острый характер публичной борьбе за приоритет. Серго Берия рассказывает: когда в СССР впервые начали говорить о Клаусе Фуксе, тогдашний президент АН СССР академик А. Александров, возглавлявший после смерти Курчатова Институт атомной энергии, невнятно и с видимым раздражением пробормотал: «Фукс? Что-то было, кажется...Ничего существенного...».

Что это: склонность физиков-атомщиков того поколения приписывать все успехи в создании ядерного оружия себе или следование строгому запрету на разглашение самого факта получения информации о ядерных секретах из зарубежных источников? Ведь

когда в 1950 году Клауса Фукса осудили на 14 лет за передачу атомных секретов «агентам советского правительства», ТАСС сообщил, что это грубый вымысел и Фукс советскому правительству неизвестен.

Так кто же больше сделал для создания атомной бомбы — разведка или наука? Известный российский писатель Владимир Карпов поведал, что Курчатов как-то обронил в своем кругу: разведка обеспечила пятьдесят процентов успеха в создании атомной бомбы. В связи с чем Карпов признается, что ему не по себе, когда он не обнаруживает сияния Золотых Звезд на груди разведчиков. Впрочем, Карпов сам в прошлом фронтовой разведчик.

Что ж, чем жарче споры, тем больше аргументов. С обеих сторон. И тем ближе истина.

Глава 11

ПОМИЛОВАНИЕ «СВИСТУНА»

В середине апреля 1954 года американское посольство в Москве должно было получить зашифрованную телеграмму. Должно было — ибо по сей день не известно, поступила она или нет.

Перед началом операции представители ЦРУ заверили капитана советской внешней разведки: все о'кей, длинная телеграмма с подробным планом действий получена посольством. После операции, отведя глаза в сторону, сказали, мол, в последний момент посольские, похоже, трусили, по указанному вами адресу никто не явился.

Телеграмма ушла от имени госдепартамента США из Вашингтона. И московское посольство не выполнило указание своего ведомства?

По телу капитана советской разведки поползли холодные мурашки: неужели обманули?

Хитроумная комбинация

План был предложен офицером ЦРУ.

Он появился в охотничьем домике под Франкфуртом, где под охраной содержали Хохлова, прямо из Вашингтона.

— Мы много думали над вариантом спасения вашей семьи, — сказал американец по-русски с едва заметным акцентом. — Вплоть до парохода в ленинградском порту, продырявленных ящиков и тому подобной фантастики. Задача, согласитесь, не из легких — нелегально вывезти женщину, да еще с годовалым ребенком. Южные границы исключаются — это ей не по силам. Там не менее пятидесяти километров в день надо делать — по раскаленным пескам. Я эти районы хорошо знаю...

— Где же выход? — обреченно выдохнул советский разведчик.

— Год назад в Бухаресте один румынский гражданин обратился в наше посольство с просьбой о политическом убежище. Ни за что не захотел покинуть здание. Жил в посольстве довольно долго. Румынское правительство пыталось представить его замешанным в шпионских связях. Теперь он в Америке...

Хохлов быстро взглянул на американца:

— Вы предлагаете такой же вариант?

Цээрушник блеснул белозубой улыбкой:

— Представьте, что в один прекрасный день к дому вашей супруги в Москве подъедет лимузин с американским флагом. Из машины выходит наш посол или другое дипломатическое лицо и приглашает вашу жену на беседу в посольство...

— Она откажется ехать, — упавшим голосом произнес Хохлов. — Вы не знаете правил жизни

советских граждан. Тем более если речь идет о членах семей работников госбезопасности.

— Конечно, откажется, — согласился американец. — Подумает, что провокация. Но это лишь в том случае, если она не будет знать, по какой причине за ней заехали.

— Надо дать ей какой-либо знак, — обрадовался Хохлов. — Чтобы она поняла — визит посла связан со мной. Может, письмо?

— Вы попали в точку, — одобряюще произнес американец. — Письмо или что-то такое, что убедит ее в необходимости ехать в посольство. Затем она рассказывает послу то, что вы сообщили на днях нашим людям. Приказ об убийстве, ее слова и все остальное. Потом она просит у нашего государства защиты и остается в посольстве. Сразу дается коммюнике от наших пресс-агентств. Разносится по всему свету. Весь мир узнает о женщине, остановившей убийство. Ведь даже в советском уголовном кодексе не найдется закона, по которому она — преступница. Она говорит из посольства в Москве, а вы выступаете здесь и подтверждаете, что все — правда. Представляете себе, какая обстановка? Ну, а если президент США выступит по радио и вступится за вашу жену? Может ее МВД уничтожить?

— Уничтожить — нет. Но и за границу не выпустят.

— Это еще как сказать, — снова сверкнул белозубой улыбкой цээршник. — Зато в посольстве она будет в безопасности. Ну, проживет там год, другой. Может быть, удастся связаться с ней отсюда по телефону, записать на пленку и дать ее голос по радио. Написать ряд статей о ее жизни. В общем, сделать ее известной всему миру. И, кто знает, может быть, в конце концов ее и выпустят. Я же говорю вам — у нас были такие случаи.

— А вы уверены, что госдепартамент вашей страны согласится? — недоверчиво поднял Хохлов на

собеседника свои красивые голубые глаза. Американец понял, что это был последний аргумент русского разведчика, что его колебания, кажется, сломлены.

— Согласится с чем? С использованием московского посольства в качестве места для политического убежища вашей жены? — уточнил цээрушник.

— Вы правильно меня поняли, — ответил Хохлов. Ему хотелось иметь гарантии повыше, и он получил их.

— Не беспокойтесь, капитан, вашей семьей занимаются не только местные «специалисты», — услышал он обнадеживающие слова. — План разрабатывается в Вашингтоне, в госдепартаменте. Его специальный уполномоченный прибывает на днях в Германию, чтобы возглавить здесь операцию. Кроме посольства, варианта нет. Правда, по имеющимся у меня сведениям, рассматривалась возможность использования клуба иностранных корреспондентов.

— Клуба иностранных корреспондентов? — встрепенулся Хохлов. — Нет, это исключено. Приедут с Лубянки и увезут силой. Посольство — единственное место, откуда семью не могут вырвать.

— Вариант с клубом был отвергнут, — успокоил Хохлова американец. — Остановились на посольстве.

В ожидании прилета представителя госдепартамента отрабатывали детали предстоящей операции. Кроме американцев, в обсуждениях участвовали и представители английской разведывательной службы. Вносились поправки, коррективы, характер и содержание которых свидетельствовали об искренности намерений гостей охотничьего домика. Предлагалось ехать не к дому жены Хохлова, а остановиться где-нибудь поблизости, скажем, в районе Собачьей площадки. За день или за два забросить в форточку окна их полуподвальной квартиры в Кривоникольском переулке письмо, в котором содержалась бы просьба мужа подойти в

определенное время к Собачьей площадке, где ее будет ожидать машина с таким-то номером. По пути женщине объясняют, чья это машина и куда ее везут. Затем в газеты дается сообщение, что она села в посольскую машину и попросила политического убежища.

Хохлова подробно расспрашивали о его доме в Москве, о том, как к нему подъехать, как найти нужное окно. Он дал полное расписание дня жены, назвал часы, когда она кормит сына и, естественно, бывает дома. Разведчик поверил, что эти люди действительно поставили себе задачу спасти его семью. Или они были прекрасными актерами, или руководство не посвящало их во все детали.

Представитель госдепартамента прилетел во вторник, девятнадцатого апреля. Судя по всему, он был в курсе тех обсуждений, которые происходили в охотничьем домике. Связь между Бонном и Вашингтоном работала исправно.

Окончательный план выглядел следующим образом. Высшие инстанции США официально давали разрешение пригласить жену советского разведчика капитана Хохлова в американское посольство, чтобы предложить ей там политическое убежище. Для того, чтобы избежать обвинения ее в сотрудничестве с иностранными разведками, к ней домой должны были приехать американские журналисты, аккредитованные в Москве. Предлог для посещения ее квартиры корреспондентами был такой, что комар носа не подточит.

Капитану Хохлову надлежало записать на магнитную пленку краткое обращение к мировой общественности, где он обрисовывает в общих чертах моральную проблему, возникшую перед ним и его женой в связи с полученным на Лубянке заданием — проникнуть на Запад и убить ненавистного Советам человека. Далее советский разведчик рассказывает о

решении, принятом им и его женой — указанного человека не убивать. Для убедительности Хохлов должен вставить в текст радиообращения несколько подлинных слов жены, а также своих, которые известны только им двоим. В первые строчки обращения разведчик включает точный адрес своей московской квартиры.

В четверг, двадцать первого апреля, в Бонне созывается пресс-конференция. Проводит ее американский верховный комиссар. Приглашаются все аккредитованные в столице ФРГ журналисты. Однако тема и причина созыва пресс-конференции сохраняются в полном секрете до момента открытия.

Обычно в американской оккупационной зоне встречи с журналистами проводятся утром. На этот раз пресс-конференция переносится на 14 часов. В Москве в это время 16 часов. Согласно распорядку дня жены, составленному для американцев Хохловым, в 16.00 она приступает к кормлению сына обедом. А по замыслу разработчиков плана, в момент начала пресс-конференции жена советского разведчика непременно должна быть дома, в противном случае все идет насмарку.

За четверть часа до начала пресс-конференции, в 13.45 по боннскому времени, радиостанции «Голоса Америки» начинают передавать записанное на пленку обращение Хохлова. Одновременно в Москве, в американском посольстве, у радиоприемника сидят заранее приглашенные корреспонденты. Услышав в эфире адрес квартиры советского разведчика, а это, как мы уже знаем, предусматривалось в первые секунды радиовыступления, корреспонденты имели законное право помчаться домой к жене Хохлова, чтобы взять у нее интервью. У входа в посольство их должны ждать автомобили с заведенными моторами. От посольского

особняка до Кривоникольского переулка — пять минут быстрой езды.

— А если журналисты не помчатся? — усомнился Хохлов, внимательно слушавший представителя госдепартамента.

— Ну, кое-кому из них можно и приказать. Заранее, конечно, — ответил присутствовавший полковник американской разведки, явно намекая, что среди журналистов есть люди в погонах.

— Корреспонденты скажут вашей жене, — продолжал гость из Вашингтона, — что вы выступаете по радио. Они предложат ей послушать ваш голос в американском посольстве. Можно так составить текст их обращения к вашей жене, что она поймет необходимость пойти в посольство. Поскольку «Голос Америки» будет передавать запись вашего выступления каждые пятнадцать минут в течение нескольких часов, то ваша супруга наверняка услышит ваш голос. Слова, известные только вам двоим, докажут ей, что это действительно говорите вы. В то же время эти фразы послужат своеобразным сигналом, что она должна рассказать прессе все, что могло бы подтвердить ваши слова. Есть еще один предмет для объяснения, почему иностранные корреспонденты появились у дверей вашей квартиры в Москве.

— Какой? — спросил Хохлов.

— Проводя пресс-конференцию, вы можете обратиться к корреспондентам с просьбой позвонить в Москву и попросить их коллег в советской столице съездить на квартиру к вашей жене и взять у нее интервью.

— Годится, — согласился Хохлов.

— После этого ваша жена остается в посольстве, а мы начинаем мобилизовать общественное мнение в ее защиту. Американское государство обязуется

держат вашу жену в посольстве столько, сколько потребуется.

Заканчивая, представитель госдепартамента сказал:

— Все это мы гарантируем вам только в том случае, если корреспонденты застанут вашу жену дома. Они, конечно, будут ждать или искать ее. Но, если какими-нибудь путями секретная полиция Советов уже знает о вашем переходе и арестовала вашу семью, мы уже ничего не сможем сделать. Но и в этом случае лучше привлечь внимание всего мира к вашей жене. Ей только это может помочь. В конце концов, ее судьба определяет в какой-то степени моральный облик советского правительства. Они должны об этом беспокоиться.

Все выглядело весьма и весьма логично. Внимание к деталям, проявленное в Вашингтоне, придавало плану серьезность и основательность. У Хохлова не возникло ни тени подозрения. По словам представителя госдепартамента, подробный план спасения семьи советского разведчика направлен в американское посольство в Москву. В плане есть все, включая данные о квартире и доме. Посольство приняло его к исполнению.

Что-то не сработало

В изданной на Западе в 1957 году книге «Во имя совести» (в СССР и России она не выходила) бывший капитан советской внешней разведки Николай Хохлов не без гордости писал, что проверка его была поручена крупным специалистам западных разведок. Только в одном Вашингтоне над обработкой его дела трудилось около двухсот человек. Большой интерес к нему проявили и англичане, сдерживавшие стремление американцев установить над ним монополю.

контроль. В отдельные этапы проверки перешедшего на Запад советского разведчика была втянута и французская контрразведка.

Переезжая Рейн на пароме, он старался не смотреть на охранников, которые не спускали с него глаз. По мере приближения к Бонну гнетущее настроение несвободы улетучивалось, его место занимало привычное ощущение своей значимости. Десятки иностранных журналистов, получив приглашение на пресс-конференцию, ломают головы — почему их собирают в 14 часов, а не поутру, как всегда. В Москве тоже небось устроились у радиоприемников и ждут некоего таинственного обращения. За океаном, в госдепартаменте, дежурят у телеграфных аппаратов, чтобы принять первые вести из Москвы. А всему причиной — он, Хохлов...

— Ник?! В Москве все о'кей...

Перед ним стоял представитель госдепартамента с группой незнакомых людей. Мысленно уносясь в разные страны, где сотни людей ждут его первых слов, чтобы приступить к осуществлению хорошо спланированной операции, Хохлов не заметил, как въехали на территорию американского военного городка.

Вашингтонский гость улыбался. По его виду Хохлов понял, что из Москвы получено подтверждение о готовности провести операцию. На душе стало легко. Значит, американцы выполнили свою часть дела.

Пресс-конференция началась в два часа дня. Хохлова ввели в зал в окружении охранников и усадили за длинный стол. Вспыхнули лампы, зажужжали кинокамеры, защелкали фотоаппараты... Снимать было что — увеличенную фотографию жены советского разведчика, разложенное на столе бесшумное оружие, с помощью которого он должен был осуществить отданный ему в Москве приказ, рукопожатие с человеком, которого он должен был убить.

Что говорил Хохлов на пресс-конференции? В своей книге он уходит от конкретики, ограничиваясь туманной фразой — пришлось повторить в краткой форме обращение, записанное для «Голоса Америки». Едва он произнес первую фразу, как с задних рядов закричали: «Громче, громче!». Он стал говорить громче, но сразу потерял естественность. В зале не могли понять, что именно он сказал. Пришлось повторить. Немец-переводчик тоже поддался общей нервности и все перепутал. Хохлов остановил его и поправил на немецком языке. В таком духе, по словам Хохлова, пресс-конференция продолжалась еще полчаса. Кое-как закончив пересказ своего обращения, он попросил, согласно плану, корреспондентов позвонить в Москву их коллегам. Был объявлен перерыв, во время которого советский разведчик давал эксклюзивные интервью ведущим радиостанциям мира.

Вспоминая эту историю, бывший начальник Хохлова генерал-лейтенант в отставке Павел Анатольевич Судоплатов рассказывал автору этой книги в 1996 году:

— На пресс-конференции, устроенной ЦРУ, Хохлов публично выступил со своими разоблачениями. Особенно поразило всех утверждение, будто жена умоляла его не выполнять полученного задания. Хохлов охарактеризовал ее как антисоветчицу, которая, дескать, и вдохновила его на побег. Он говорил также, что она глубоко верующий человек, что они с женой только и мечтали о побеге...

В то время, когда Хохлов озвучивал свои скандальные разоблачения, его начальник генерал Судоплатов, которого специалисты и по сей день называют «главным диверсантом и террористом Советского Союза», находился в советской тюрьме. Его арестовали в связи с падением Бериин. Судоплатов провел в заключении пятнадцать лет — от звонка до звонка — и был реабилитирован лишь в 1992 году. Он

скончался летом 1996 года. Остались многие метры магнитофонной ленты с его надиктовками, к которым мы не раз будем возвращаться.

По рассказу самого Хохлова, после окончания пресс-конференции его снова окружили плотным кольцом охранники и провели сквозь задние двери к машине. По дороге во Франкфурт и оттуда к охотничьему домику он несколько раз спрашивал у американцев, слышно ли что-нибудь из Москвы.

— Ну, что вы, — отвечали ему. — Так быстро? Может быть, только к вечеру.

Наступил вечер, пришло утро следующего дня — из Москвы никаких вестей. Газеты взахлеб рассказывали о скандальной пресс-конференции советского перебежчика. На первых полосах — крупные фотоснимки, кричащие заголовки. «Она отменила приказ ЦК КПСС об убийстве!». Это о жене. «Он должен был убить этого человека» — надпись над снимком, запечатлевшем их рукопожатие.

В хоре захлебывавшихся от желчи голосов, разоблачавших зловредную руку Кремля, терроризировавшего свободный западный мир, проскальзывали и трезвые нотки: почему перешедший к американцам советский офицер рассказал о своей жене и тем самым выдал ее, обрек на неизбежный арест? Через пару дней, когда страсти немного поутихли, этот вопрос в газетах стал преобладающим. Дотошные обозреватели недоумевали. Они не видели логики в поведении господина чекиста.

К концу недели в охотничий домик, где томился в ожидании вестей из Москвы Хохлов, пожаловали американские и английские офицеры разведки:

— Ник, вам надо дать какое-то объяснение.

— Самое лучшее — это раскрыть правду, — предложил он.

— Да вы что? — возразил полковник ЦРУ. — Ваша жена сидит, наверное, сейчас в американском посольстве в Москве. Одно ваше неосторожное слово, и ее могут обвинить в шпионаже...

— Но ведь Москва молчит! — в отчаянии воскликнул Хохлов.

— Да, молчит. Но это, может быть, и хороший знак. Советское правительство могло блокировать связь с Москвой из-за вашей жены.

У Хохлова отлегло от сердца. И как это не пришло ему в голову раньше? Конечно же, его жена в американском посольстве. Операция прошло удачно. Янки — люди серьезные. С ними можно иметь дело. Узнав, что жена Хохлова в американском посольстве и просит политического убежища, власти в Москве блокировали связь посольства с Вашингтоном. Потому и нет вестей.

Под диктовку офицеров ЦРУ Хохлов составил объяснение для прессы — туманное и неясное, еще более запутывающее ситуацию. Оно не раскрывало истинных причин случившегося.

Москва по-прежнему молчала. Западная пресса, не удовлетворившись неуклюжими объяснениями Хохлова, всю раскручивала вопрос, почему перебежчик, по сути, сдал свою жену, рассказав, что она была инициатором его побега. Это выглядело непонятным и неправдоподобным.

Наконец, пришел день, когда свет померк в его глазах. По лицу цээрушника, того самого, который прилетел из Вашингтона и первым посвятил его в план спасения семьи, Хохлов понял, что он пришел с плохими вестями.

— К вашей семье в Москве никто не ходил, — сказал американец.

— Что?! — почти закричал Хохлов.

— Да, — ответил цээршник с каменным лицом. — Никто не ходил. Не знаю, почему. Что-то не сработало.

«Я приехал вас убить...»

— Георгий Сергеевич... Я приехал к вам из Москвы... ЦК КПСС постановил вас убить. Выполнение убийства поручено моей группе...

Они сидели напротив друг друга. Гость на диване, хозяин в кресле.

Это произошло в четверг, восемнадцатого февраля пятьдесят четвертого года. Вечером в квартиру на пятом этаже позвонили. Хозяин полуоткрыл дверь и увидел высокого молодого блондина с голубыми глазами. Блондин изучающе уставился на хозяина.

— Георгий Сергеевич? — спросил он на чистейшем русском языке.

— Да, я, — сказал хозяин, с настороженным любопытством вглядываясь в незнакомца.

— Можно к вам на минутку?

— Да, конечно, — произнес он нерешительно, приоткрывая дверь шире и пропуская гостя в квартиру. — Хотя, собственно говоря, я вас не знаю и...

Высокий блондин прервал его веселым голосом:

— Зато я вас знаю очень хорошо. Если вы разрешите мне присесть, я все объясню. Вы один дома?

Голос вошедшего звучал скорее утвердительно, чем вопросительно, и это насторожило хозяина. Он пристально посмотрел на гостя, перевел взгляд на пустой пролет лестницы, пожал слегка плечами и закрыл входную дверь.

— Да, один, — сказал он и показал гостю на жилую комнату. — Проходите.

Хозяин понял: происходит что-то необычное. Он не ошибся. Едва гость уселся на диван, как прозвучало его ошеломляющее признание о цели визита.

Вопреки ожиданиям гостя, на лице хозяина ничего не дрогнуло. Оно оставалось неподвижным. Сказалась выучка — и не в таких переделках приходилось бывать.

Георгий Сергеевич Околович слыл крепким орешком. Эмигрировав из советской России после поражения белого движения, он за границей активно включился в борьбу против советской власти. Летом тридцать восьмого года Околович нелегально проник на территорию СССР, перейдя государственную границу со стороны Польши в Белоруссию.

В течение почти шести месяцев он вместе со своим напарником Колковым исколесил полстраны — от Ростова до Ленинграда и от Кавказа до Минска. Два-три раза устраивался на работу, и ни разу не был задержан. В СССР его направила организация русских эмигрантов, штаб которой находился в Белграде, с целью сбора разведывательных данных и создания агентуры Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП) — так называлась эта эмигрантская организация, одним из руководителей которой был Околович.

Успешно выполнив задание, Околович перед возвращением за кордон приехал в Ленинград, где встретился со своей сестрой Ксенией. Он не стал скрывать от нее, что проживает за границей и нелегально прибыл в СССР по заданию организации, ведущей борьбу против советской власти. Однако название организации не раскрыл. Сестре он сказал, что не собирается привлекать ее к своей работе, а встретиться решил, чтобы узнать о судьбе родственников — все-таки почти двадцать лет провел на чужбине.

Дорого далась матерому разведчику маленькая человеческая слабость. Ксения месяц хранила секрет встречи с братом, но потом ее начали мучить сомнения, не ставит ли она своим молчанием себя и близких под

удар. Сестра Околовича работала в госпитале и решила попросить совета у главного врача. Тот приказал ей немедленно идти в НКВД и рассказать обо всем. Ксения последовала его указанию и с точки зрения своей безопасности поступила правильно, потому что после разговора с ней врач немедленно написал об этом рапорт.

Узнав о том, что один из руководителей стратегической разведки НТСНП почти полгода орудует в стране под видом то сельскохозяйственного поденщика, то прикидываясь заводским разнорабочим, то артельным бухгалтером, НКВД забил тревогу. В территориальные управления внутренних дел, на погранзаставы и контрольные пункты полетели секретные телеграммы-молнии об объявлении в чрезвычайный всесоюзный розыск террориста Околовича Георгия Сергеевича, нелегально проникшего на территорию СССР. Спешно размножались и рассылались материалы для опознания. Устанавливалось наблюдение за родственниками шпиона, некоторые из них вербовались в агенты НКВД, создавалась сеть осведомителей вокруг мест его возможных явок.

Однако принятые меры результатов не дали. След террориста и шпиона был потерян. Доклады о подозрительных личностях, похожих на Околовича, еще долго поступали на Лубянку со всех концов Советского Союза, но сам террорист, посетив сестру в Ленинграде, вернулся в район Минска и в середине декабря тридцать восьмого года благополучно пересек советско-польскую границу.

До войны Околович возглавлял так называемый «закрытый» сектор НТСНП (две последние буквы у этой аббревиатуры вскоре отпали), занимавшийся нелегальной деятельностью в СССР. У НТС были филиалы в Праге, Париже и балканских странах.

Околович ездил из одной страны в другую, вербовал и готовил кадры из числа русских эмигрантов. Некоторые из них переходили советскую границу без осложнений и обосновывались в глубоком подполье, образуя опорные пункты будущего восстания. Другие гибли под огнем пограничников.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, перед Околовичем встал вопрос: с кем быть? Основная масса членов НТС решила: ни с Гитлером, ни со Сталиным. Правда, открытой борьбы против гитлеровского государства НТС решил не вести, но в программе своих действий осуждал фашизм так же бескомпромиссно, как и коммунизм. Тактика НТС была гибкой: когда гитлеровское государство и советская власть ослабнут в изнурительной войне, НТС поможет русскому народу освободиться и от иностранных захватчиков, и от советских вождей. Но гестапо стали известны эти планы, и десятки членов НТС попали в немецкие концлагеря. В камеру гестаповской тюрьмы угодил и Околович. После разгрома Гитлера Околович ушел на Запад.

Получив поддержку со стороны американских и английских спецслужб, он после войны поселился в западногерманском городе Лимбурге и стал заново возрождать НТС. Был восстановлен и «закрытый» сектор, который начал устанавливать связи с опорными пунктами, оставленными НТС на советской территории во время войны. Создавались и новые подпольные ячейки. К началу пятидесятых годов у НТС были уже свои разведшколы, готовившие с помощью американских и английских специалистов шпионов и диверсантов для засылки в СССР. На воздушных шарах в Советский Союз забрасывались листовки и разъяснительные брошюры, на тонкой папиросной бумаге печатались особые выпуски газеты «Посев», предназначенные для советских моряков дальнего

плавания и военных, едущих в отпуск на родину. Структура подпольных организаций НТС в Советском Союзе строилась по принципу «молекул» — двух-трех человек, максимально доверявших друг другу.

Советским людям аббревиатура НТС долгое время была неизвестна. Даже в сообщениях ТАСС об арестах на территории СССР связанных этой эмигрантской организации ее название не указывалось. В мае 1952 года были задержаны четверо курьеров НТС, заброшенных на парашютах в Советский Союз. В центральной печати появилось краткое сообщение об их заданиях — шпионаж, убийства, поджоги, диверсии.

На Лубянке, безусловно, знали, с кем имеют дело. Еще в довоенные годы вынашивались планы устранения Околовича. После его дерзкого проникновения в СССР и почти полугодового нелегального пребывания в стране охота на матерого разведчика возобновилась с новой силой. Был вариант устранить его с помощью сестры Ксении. Женщину предполагалось завербовать и организовать ей «побег» за границу. Но агентура, установившая за ней постоянное наблюдение, пришла к неутешительному заключению — сестра Околовича ненадежна. Вряд ли она выполнит задание НКВД. Но и арестовывать ее невыгодно: все же добровольно заявила о встрече с братом. После некоторых размышлений Ксению оставляют на свободе в качестве «приманки» для Околовича на тот случай, если он вторично появится на территории СССР.

Он и в самом деле появился, только в такое время, когда чекистам было не до него. С началом войны Ксения Околович переехала на родину, в белорусский город Витебск. Здесь ее и навестил братец. Ксения работала в немецком госпитале медсестрой. Но не отказывала в помощи и местным партизанам, снабжая их медикаментами. Брат предлагал помочь ей уйти на Запад. Она отказалась.

Когда в Витебск пришла Красная Армия, Ксению арестовали как пособницу немецких оккупантов. Она рассказала о своей связи с партизанами, и те подтвердили, что она действительно помогала им. Однако справка партизанского штаба не была принята во внимание. Ксению приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей за сотрудничество с оккупационным режимом. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

После окончания войны Лубянка вновь возвращается к оперативной разработке Околовича. Получив в 1948 году сведения о том, что он поселился в западногерманском городе Лимбурге и занимается подготовкой агентов для засылки в СССР, советская разведка направила в этот город своих людей с заданием проверить, нет ли возможности похитить Околовича и вывезти его в советскую зону. Используя всевозможные уловки, агенты Лубянки вышли на жену Околовича и через нее попытались установить местонахождение ее мужа. Однако Валентина Константиновна проявила осторожность и сказала двум подозрительным гражданам, остановившим ее на улице, что Георгий Сергеевич в Лимбурге почти не живет, и она сама видит его редко и нерегулярно. После этого Околович на некоторое время исчез из поля зрения советской разведки, догадавшись, безусловно, кто под видом соотечественников-эмигрантов подходил на улице к его жене с расспросами.

Чекистам помог случай. Год спустя в руки одного скрупулезного контрразведчика попали материалы опроса советского юноши, вернувшегося на родину из Западной Германии. Он был совсем мальчишкой, в политике разбирался плохо и не сумел преодолеть тоску по родным местам. Восточногерманские пограничники, задержавшие беглеца-подростка, передали его советским властям. После подробного

опроса паренька отпустили, разрешив ему ехать к родственникам в Смоленск.

По понятным причинам материалы опросов «возвращенцев» тщательно изучала контрразведка. Тонкая папка досье на какого-то мальчугана не представляла большого интереса, ее бегло пробежали глазами и хотели списать в архив, как вдруг на одной из страниц мелькнула знакомая фамилия — Околович. Выяснилось, что паренек в бытность свою в Западной Германии жил в одном доме с Околовичем и хорошо знал его лично. Парня тут же привезли из Смоленска в Москву, и он рассказал немало интересного о своем бывшем соседе, которого знал несколько лет.

Сведения, полученные от паренька, помогли в подготовке операции против Околовича. В 1951 году была сформирована боевая группа, в состав которой вошли три немца из числа агентов советской контрразведки в Берлине. Группа получила 15 тысяч западногерманских марок, ампулы с морфием, шприцы и задание оглушить Околовича, впрыснуть ему морфий и вывезти в советскую зону. В случае невозможности похищения разрешалось пойти на ликвидацию.

Не удалось ни похитить, ни ликвидировать. Из городка Рункель, расположенного рядом с Лимбургом, группа прислала условленную телеграмму: «Прибыли. Дяди нет». А искали ли они «дядю»? В этом сильно сомневаешься, узнав о судьбе агентов. Двое из них сдались властям. Руководителю операции едва удалось укрыться в советской зоне. Шприцы, морфий и деньги попали в руки западногерманской полиции. Десятилетнюю дочь одного из агентов, проживавшую в восточной зоне Германии, сотрудники НТС вывезли на Запад, к отцу. Энтээсовская разведка тоже, оказывается, кое-что умела.

В 1952 году штаб НТС переехал во Франкфурт-на-Майне. Околович развил там кипучую деятельность. На

Лубянку поступали агентурные сведения из Бельгии, Франции, Австрии, США: Околович получает крупные финансовые субсидии, ему оказывают помощь сильнейшие разведслужбы мира.

После этого терпению Лубянки, кажется, пришел конец. Руководство внешней разведки поставило своим резидентурам оперативную задачу: срочно установить точное местожительство Околовича, выявить пути, которыми можно было бы проникнуть к неуловимому руководителю «закрытого» сектора.

Подстегиваемые грозными приказами московского начальства резидентуры усилили поиск. Вскоре на Лубянку поступил адрес Околовича: Франкфурт-на-Майне, Инхайденерштрассе, 3, четвертый по-немецки или пятый по-русски этаж. Приводились подробные схемы жилого дома, пресс-агентства РИА на Кронбергерштрассе, 42, в котором часто бывает Околович, здания типографии «Посев», где работала жена Околовича. Описывались мельчайшие подробности, касавшиеся расположения квартиры, входов и выходов. На отдельном листке прилагался рисунок таблички с кнопками в парадном подъезде. Указывалась марка машины Околовича — «мерседес», цвет — черный, ее номер, номер телефона в РИА, а также содержалось предупреждение о том, что, вызывая его по телефону, нужно непременно спрашивать только по имени-отчеству.

Так что найти Околовича во Франкфурте знающему человеку не стоило большого труда. Высокий блондин с голубыми глазами и был именно таким знающим человеком.

— Я не могу допустить этого убийства, — сказал он, глядя на Околовича. — По разным причинам. А положение сложное. Здесь, в Германии, находится целая группа. С надежными документами, крупными суммами денег, специальным оружием. Агенты опытные

и хорошо подготовлены к этому заданию. Правда, вся операция находится пока под моим контролем. Но я один не сумел найти выхода. Решил прийти к вам предупредить и посоветоваться, что же делать дальше. И вам, и мне... Могу еще добавить, что я капитан советской разведки. У меня в Москве остались жена и сынишка. При первой нашей с вами ошибке они могут погибнуть...

Околович с изумлением воззрился на нежданного гостя. Как вы уже догадались, это был капитан Хохлов.

Кто взорвал Кубе

Одиннадцать лет назад солнечным летним днем на дорогу, ведущую из Минска в пригородную деревушку Дрозды, свернула молодая женщина.

Когда она миновала последние городские кварталы, ее догнала девочка-подросток.

— Есть новости от вашего мужа, — сказала девочка. — Хотите прийти поговорить?

Женщина вздрогнула. Она шла к сестре в Дрозды, думала о предстоящей встрече, и вопрос, заданный девочкой, застал ее врасплох.

Два года она не получала вестей от мужа. С тех пор, как его мобилизовали. Обошла все пункты в городе, где содержались пленные красноармейцы — безрезультатно. В первые месяцы войны немцы отдавали белорусским женщинам их мужей, попавших в плен. Многие тогда спасли свои жизни. А ей не везло. И вот, кажется, появилась надежда.

подавив шевельнувшееся чувство осторожности, женщина встрепенулась:

— Куда надо идти?

— Недалеко.

Девочка привела женщину в заброшенный дом на окраине города, где в одной из комнат ее ожидал

молодой высокий блондин, почти юноша, с голубыми глазами, в хорошо сшитом сером, явно заграничного кроя, костюме. На вид ему было не более двадцати лет.

— Здравствуйте. Садитесь, поговорим, — сказал он ей по-русски.

— Спасибо, я лучше постою. Мне сказали, что есть вести о моем муже...

Блондин заинтриговал ее уже первой фразой.

— Я приехал к вам из Москвы, — не без театрального эффекта сообщил он. — По очень важному делу.

Тоненькая фигурка женщины, казавшаяся высокой из-за худощавости, вздрогнула. Глаза, рассматривавшие незнакомца, опустились вниз.

— Москва очень хорошо знает о вас, товарищ Мазаник. Более того, мое начальство просило передать вам привет от вашего мужа. Он жив, здоров и работает шофером в нашем учреждении.

Блондин сделал ударение на слове «нашем», и это не укрылось от женщины.

— В каком — вашем? — спросила она.

— В управлении НКВД по городу Омску. Сам я никогда в Омске не был. Но организация та же. Вы понимаете, что я имею в виду.

Женщина крепко сжала пальцами край стола и твердым голосом спросила:

— Зачем вы все это мне говорите? Вы же знаете, где я работаю...

— Конечно. Но я приехал к вам за тысячи километров не только для того, чтобы передать слова приветов.

— А почему я должна верить вашим словам? Немцы мне доверяют, и я не вижу никаких причин...

— Вы зря страхуетесь, товарищ Мазаник. Меня прислали к вам как к советскому человеку. Видите, Родина еще доверяет вам...

Далее блондин сказал ей следующее.

— Вполне может быть, что вы подумываете, не выдать ли меня гестапо и потом выдвинуть оправдание, что приняли меня за гестаповского провокатора. Не обманывайте себя... Ваш муж действительно работает в НКВД. Найдутся и после меня люди, которые сумеют сообщить об этом в гестапо. Жалеть вас будет некому и бежать вам будет некуда. В Германию мы тоже когда-нибудь придем... Я не угрожаю вам. Так, напоминаю о всяких грустных обстоятельствах...

Голубые глаза блондина сузились, лицо нахмурилось. В голосе зазвучал металл:

— Нам известно, что других людей, пытавшихся подойти к вам, вы гестапо не выдали. Но на этот раз вашего молчания будет мало. Необходима ваша помощь.

Пальцы женщины, крепко сжимавшие край стола, побелели от напряжения. Ее лицо стало серым.

Блондин понял, что надо остановиться. Несмотря на свои двадцать с небольшим лет, он был неплохим психологом, и если читатель еще немного потерпит, то узнает, откуда у нашего героя такие способности.

— Не давайте мне сейчас никакого ответа, — дружелюбно сказал он. — Тем более, что в вашем положении может быть только один ответ. Другого мы не примем. Подумайте, а мы тем временем подготовим задание для вас... Мы скоро увидимся снова. Может быть, здесь, может быть, у вас дома...

Лицо женщины тронула насмешливая улыбка:

— Ну, домой-то ко мне вы прийти не сможете. Я живу рядом с верховным комиссариатом, и весь наш район под наблюдением гестапо.

Блондин улыбнулся:

— Ничего, в случае надобности мы вас найдем...

— Я подумаю о вашем предложении, — сказала женщина. — Но я... Я вам ничего не обещала.

— А я ничего и не просил пока.

Высокий блондин с голубыми глазами отличался завидной настойчивостью в достижении поставленной цели. Через двое суток после этого разговора он стоял около одного из деревянных флигелей недалеко от центра Минска, в котором жила уже знакомая нам женщина по фамилии Мазаник. Блондин был в форме немецкого офицера, с орденом Железного креста на левом кармане мундира. В случае проверки документов он мог бы предъявить удостоверение на имя Отто Витгенштейна, обер-лейтенанта тайной полевой полиции, служившего во фронтовом отделении номер сорок девять, и командировочное предписание в город Минск.

Когда женщина узнала в немецком офицере того самого молодого человека, который два дня назад сообщил ей о муже, у нее нервно дернулся край рта. Она поняла, что уходить больше некуда и откладывать решение невозможно. По ее сдвинутым бровям было видно, что она борется сама с собой.

— Я, между прочим, так и не знаю, чего вы от меня хотите, — сказала она в ответ на тираду о том, что медлить с помощью партизанам ей больше нельзя, что у нее в руках редкая возможность помочь делу, которое войдет в историю войны.

— Ой ли? — игриво воскликнул он. — Чего может хотеть партизан от горничной гауляйтера? Конечно, помощи в ликвидации Кубе.

— Но как? — вырвалось у нее. — Я же его почти никогда не вижу!

Настойчивый блондин изложил два варианта. Первый — подстеречь гауляйтера где-нибудь недалеко от его дома при выезде или приезде. Для этого нужны точные сведения о распорядке дня, а также помощь для проникновения поближе к дому. Второй вариант связан с применением особого приспособления, называемого

магнитной миной. Такая маленькая незаметная коробочка, которая прочно приклеивается ко всему железному. Например, к пружинам гауляйтерской кровати.

— Вот вам пакет. В нем мина и записка, как с ней обращаться, — перешел блондин к делу. — Если, скажем, замедлительный карандаш в мине будет десятичасовым, то она взорвется после полуночи. К тому времени вы будете уже далеко. Может быть, даже на самолете, летящем в Москву.

— Я не одна.

— Знаю. Вашу сестру Валю и ее детишек вывезти будет нетрудно. От хутора Дрозды до леса — рукой подать. Мы пошлем наших людей, и их проводят в нужное место...

Гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе действительно был взорван в постели. Это исторический факт. Совершенно невероятными представляются подробности этой операции, свидетельствующие о причастности к ней знакомого нам высокого блондина с голубыми глазами. Вы догадались, кто он? Ну, конечно, Николай Хохлов! Хотелось сказать — капитан Хохлов. Но в сорок третьем, когда все это происходило, у него еще не было офицерского звания.

— В Минске Хохлов выступал в роли немецкого офицера, находившегося в отпуске, — подтвердил П. А. Судоплатов. — Ему удалось завязать знакомство с женской прислугой в доме немецкого гауляйтера Белоруссии. В 1943 году в спальне хозяина дома под матрац была заложена мина с часовым механизмом, и во время взрыва гауляйтер Кубе погиб.

Судоплатов знал, что говорил: в годы войны он возглавлял Четвертое, разведывательно-диверсионное, управление НКВД, которое называли Партизанским. Заброска всех диверсионных групп в тыл врага

осуществлялась под его руководством. Хохлов был заброшен под кличкой Волин в паре с Виктором — немецким антифашистом Карлом Кляйнюнгом, который впоследствии дослужился до генерала и занимал крупные посты в системе госбезопасности ГДР до последних ее дней.

Не узнали даже свои

Успех операции в Минске был обусловлен тщательностью ее подготовки.

Поближе познакомившись с Хохловым, Судоплатов пришел к выводу, что этого смышленного юношу с артистическими данными надо превратить в немца.

Подготовка искусственных фашистов была одной из самых острых проблем советской разведки. Чекисты ничего нового здесь не изобретали — гитлеровская разведка с первых дней войны забрасывала в тыл нашей армии группы фальшивых офицеров, милиционеров и даже дворников, одетых в безупречную советскую одежду и снабженных надежными документами. В Германии нашлось достаточно русских из числа бывших белогвардейцев, готовых выполнить любое задание иностранных хозяев. Этим людям не надо было играть роль русских — они превосходно вписывались в советскую обстановку.

Иная ситуация складывалась на Лубянке, где ощущался острый дефицит людей, способных сыграть роль немцев. В основном это были политэмигранты. Не все они сохранили твердость духа и уверенность в победе, особенно сильны были пессимистические настроения в начальный период войны, когда Красная Армия откатывалась на восток. Да, собственно, в то время Лубянке было не до заброски своих людей в тыл врага. Основное внимание тогда уделялось созданию

агентуры под видом советских граждан в оставляемых городах.

— Хохлов имел кодовое имя «Свистун». Этот юноша был эстрадным исполнителем, специализировался в художественном свисте. Перед войной он в основном «работал» в среде московской интеллигенции. Мы планировали использовать его как связного для агентурной сети, которая создавалась в Москве на случай, если ее займут немцы. Он обладал приятной внешностью и к тому же бегло говорил по-немецки, что делало его весьма ценным разведчиком...

Это — из диктофонных надиктовок Судоплатова.

В своей книге Хохлов подробно описывает, как его с группой артистов готовили для нелегальной работы в Москве, если бы она была занята немцами, — снабдили крупными суммами денег, продуктами, товарами первой необходимости. Но когда угроза взятия немцами Москвы миновала, Судоплатов вызвал Хохлова на конспиративную квартиру и сказал, что ему надо вживаться в роль немца.

— Психологический перелом в войне, связанный с разгромом немцев под Москвой, поставил перед нами задачу заброски в тыл противника своей агентуры во вражеской военной форме, — рассказывал Судоплатов. — Хохлову тоже предстояло стать «гитлеровским офицером».

Начали со шлифовки немецкого языка. Хохлову дали псевдоним Волин и поселили вместе с немецким коммунистом Карлом Кляйнюнгом, который во время гражданской войны в Испании служил в личной охране легендарного советского разведчика-диверсанта генерала Леонида Котова — Наума Эйтингона, осуществившего в 1940 году дерзкую акцию по ликвидации Троцкого, проживавшего в Мексике. В годы Великой Отечественной генерал Эйтингон был заместителем Судоплатова.

Хохлов оказался хорошим учеником — быстро запоминал крылатые немецкие словечки, типичные жесты, различные мелочи поведения, впитывая в себя детали воспоминаний Кляйнюнга о Германии, без чего невозможно было создать образ немецкого офицера. Очень сильно помогали природные актерские данные.

В тире клуба НКВД овладевал секретами меткой стрельбы — в темноте, на ощупь, в доли секунд. Обучали лучшие специалисты, многократные чемпионы СССР. Радиосвязь. Тайнопись. Боевые вещества — это когда безобидные аптечные средства превращаются во взрывчатые. Например, из киноплёнки, ацетона и воды опытный разведчик может за несколько минут запросто изготовить пероксилиновую шашку, в два раза сильнее толовой. Ну и, разумеется, прыжки с парашютом. Они — неременный атрибут подготовки диверсантов.

Но самое главное и самое трудное — вжиться в образ немецкого офицера, привыкнуть к нему, сделать его своим вторым «я». Специальные преподаватели познакомили будущего разведчика с историей Германии, с ее культурой и экономикой. Хохлов читал нацистские книги и газеты, изучал труды Розенберга. Зубрил немецкие военные уставы, чтобы свободно разбираться в чинах и знаках отличия гитлеровской армии.

Часто ездили в подмосковный Красногорск. Там НКВД устроил специальный лагерь, куда со всех фронтов и лагерей присылали пленных немцев, представлявших для советской разведки оперативный интерес. Пленные солдаты разыгрывали сценки строевого шага при встрече с генералом, отдачи рапорта офицеру и прочие тонкости прусской военной выучки. Хохлов фотографировал полагающееся по уставу расстояние локтей от бедер при стойке «смирно», положение головы при повороте на каблуках. Затем шла бесконечная, до автоматизма, отработка этих приемов.

И все же самое неожиданное испытание ждало впереди. Хохлову и Кляйнюнгу предложили пройти практику в лагере немецких военнопленных за четыреста километров от Москвы. Там предстояло прожить месяц под видом пленных. О том, кто они такие в действительности, знал только начальник лагеря. Для всех остальных они были обыкновенными фрицами.

Тридцать суток прожил Хохлов за колючей проволокой под видом младшего офицера немецкого пехотного полка Вальтера Латте, попавшего в плен в одном из боев севернее Сталинграда. Карл Кляйнюнг по совету генерала Эйтингона пребывал в чине унтер-офицера. В такой комбинации они потом и были заброшены за линию фронта.

В лагере работали вместе со всеми пленными — разгружали бревна, копали канавы, возили вагонетки с углем. Родным языком Вальтера Латте был все-таки русский, и он очень боялся не выдать себя в какой-нибудь нештатной ситуации — не выругаться, например, по-русски, когда напарник невзначай роняет бревно и оно бьет тебя по пальцам ног.

Вальтеру Латте удалось обвести вокруг пальца даже двух офицеров советской контрразведки — капитана и лейтенанта, работавших в лагере, так сказать, на законных основаниях. Они изучали пленных, вербовали из их числа агентуру. Не оставили своим вниманием, разумеется, и двух прибывших новичков.

Перед тем, как предложить Вальтеру Латте сообщать им информацию о соседях по бараку, контрразведчики решили проверить, не знает ли эта голубоглазая бестия русский язык.

— Падает! Лампа падает! — испуганно вскрикивал капитан.

Латте недоуменно смотрел на него.

В другой раз капитан встал за спиной пленного, раскрыл коробку папирос и по-русски предложил закурить.

Латте не шелохнулся.

— Хватит, Саш, — скучным голосом сказал лейтенант. — Не знает он русского. Давай вербуй.

Латте, естественно, отказался от сотрудничества и разделил судьбу Кляйнюнга, тоже отвергнувшего подобное предложение, — оказался вместе с Карлом на тяжелых работах.

Одно утешало: никто не донес контрразведчикам, что Латте не настоящий немец. Значит, не дал повода для подозрений.

И это испытание он выдержал.

А через несколько недель находившийся в белорусских лесах командир спецгруппы Четвертого управления НКВД полковник Куцин получил из Москвы приказ установить связь с соседним партизанским аэродромом и подготовить прием самолета. И вот двадцать шестого августа сорок третьего года с подмосковного военного аэродрома в небо поднялся «Дуглас» со спецгруппой на борту. Для Куцина Хохлов и Кляйнюнг были Волиным и Виктором, для немцев — обер-лейтенантом Витгенштейном и унтер-офицером Шульце.

Благополучно приземлившись в немецком тылу, Хохлов спросил у Куцина, какая задача стоит перед ними. В Москве Маклярский сказал, что она будет поставлена на месте.

— Правильно, — подтвердил полковник. — Вам предстоит ликвидировать гауляйтера Белоруссии Кубе. И как можно скорее.

Боевые портсигары

Операции по уничтожению Кубе в Минске и Околовича во Франкфурте-на-Майне практически однотипные. Почему же тогда Хохлову в отличие от первого случая во втором не повезло? Ликвидация Околовича была плохо спланирована?

Нет, этого утверждать нельзя. План был хорошо продуман.

Непосредственными исполнителями теракта назначались Франц и Феликс — два немца из ГДР. Их подобрало представительство советской госбезопасности в Берлине. Хохлов слетал за ними в восточногерманскую столицу и привез в Москву. Самому ему предстояло наблюдать за операцией, координировать действия членов боевой группы. Ликвидация Околовича возлагалась на них.

Франц и Феликс были опытными боевиками, способными на операцию любой остроты. У них по этой части было богатое прошлое в Испании и во Франции. Узнав о новом ответственном задании, они рьяно принялись за подготовку. Жили ветераны боевой работы на одной из подмосковных дач, принадлежавших Лубянке.

Их снабдили ворохом фотографий с изображением «объекта» — запоминайте. «Объект» был грузный, в очках. На карте Франкфурта показали точку — здесь расположен дом, в котором живет «объект». Дом для осуществления теракта расположен очень удобно. В нескольких метрах конечная остановка трамвая. Фотография подъезда снята как раз с трамвайной остановки. Остальные фотографии — с других направлений.

Франц долго рассматривал фотокарточки. Тоном знатока заметил:

— На улице, перед домом, не хотелось бы. Трудно оставаться незамеченным рядом с подъездом. У него, наверное, и охрана есть?

На этот вопрос точного ответа Франц не получил. Известно было только то, что в черном «мерседесе», в котором ездил Околович, всегда кто-то сидел. Может быть, и охранник.

— Если он ездит на машине, охрана, наверное, не сопровождает его в самый дом, — предположил Феликс. — Может быть, перехватить его на лестнице? Есть ли график, во сколько он уезжает и возвращается?

— Графика нет. Его предстоит выяснить на месте. С лестницей, похоже, вряд ли выйдет, потому что парадный подъезд запирается на электрический замок. Он открывается, когда жилец нажимает кнопку в своей квартире. А чтобы он нажал, ему нужно позвонить по телефону. Так просто никто не откроет. Спрятаться на лестнице не удастся. Остаться на ночь — тоже.

После долгих обсуждений склонились к автомобильному варианту. Феликс умел водить машину и даже когда-то работал шофером. Но как переправить автомобиль в Западную Германию? Наверное, лучше купить на месте. Тоже не подходит: после выполнения задания продавать не будет времени. Бросать же нельзя, потому что полиция может выйти на след. Решили на месте взять машину напрокат.

В течение продолжительного времени две специально выделенные «победы» отрабатывали на московских улицах автомобильный вариант операции «Рейн» — так называли акцию по устранению Околовича. Почему «Рейн»? Правильнее было бы «Майн» — Франкфурт расположен на этой реке. Наверное, в целях конспирации.

Автомобильный вариант состоял из двух частей. Машина с боевиками догоняет черный «мерседес» с «объектом», производит выстрел в окно и удаляется. Или боевики прижимают «мерседес» к тротуару, симулируют дорожно-транспортное происшествие и под

видом оказания помощи пострадавшим ликвидируют «объект».

Все произойдет так быстро, что в первые минуты никто ничего не поймет. Звука выстрела слышно не будет — в ход пойдет специально изготовленное оружие. Умельцы из лубянской лаборатории изготовили «портсигары» с потайной кнопкой под крышкой. Внешне они никак не напоминали оружие. При оказании «помощи» пострадавшим в аварии «портсигары» ни у кого не вызовут подозрения. Единственное неудобство в том, что это оружие бесприцельное, и требует определенных навыков в обращении. Значит, надо хорошенько потренироваться.

Франц и Феликс трудились прилежно и усердно. Хохлов тоже был загружен до предела. В одном из районов Москвы, а точнее, на Покровке, подыскали дом, похожий на тот, в котором жил Околович во Франкфурте. Такая же арка с одной стороны, два подъезда и небольшой внутренний двор со вторым выходом на боковую улицу. Здесь проходили репетиции по блокированию машины Околовича. Жители дома и редкие прохожие не обращали внимания на манипуляции двух «побед», на портсигары в руках их водителей и пассажиров. Лубянка все предусмотрела — невдалеке располагалось управление ГАИ, и люди привыкли к тому, что инспекторы, принимавшие экзамены на шоферские права, ездили с новичками по этим улочкам и переулкам.

Для вечернего варианта теракта, когда Околович возвращался с работы, был облюбован дом недалеко от Усачевского рынка, в двух кварталах от Пироговской улицы. Прилегающая местность напоминала обстановку во Франкфурте — рядом конечная остановка трамвая, корпус дома переходил сначала в небольшой уступ, а затем в улицу, сливающуюся с широким бульваром.

До мелочей был продуман и план переброски боевой группы за границу. Основную сумму денег лубяньские умельцы заделали в крышку платяной щетки, в обувную ложку и в подкладку зеркала. Все эти предметы входили в дорожный несессер Хохлова.

Насчет боевых портсигаров договорились так: поскольку курьер повезет оружие в Германию на своей машине, то лучше всего заделать его в аккумулятор.

Группа порознь должна была лететь в Австрию. Причем у Хохлова был настоящий австрийский заграничный паспорт на имя Хофбауэра, полученный в Вене в 1951 году. В самой Австрии этим паспортом пользоваться было нельзя, но Хохлов жил по нему в разных странах, ездил через границы, получал визы. Под фамилией Хофбауэр его знали многие, и потому было решено не менять ему легенду. Тем более, что Австрия в утвержденном плане была лишь перевалочным пунктом. В других странах Хохлов мог свободно пользоваться своим австрийским паспортом, он делал это и раньше. В данном случае путь во Франкфурт лежал, кроме Австрии, еще и через Италию и Швейцарию.

Хохлов благополучно прошел все пограничные процедуры и снял номер в одном из франкфуртских пансионатов.

Прозрение

Тщательно подготовленная операция по уничтожению руководителя «закрытого» сектора НТС — единственной эмигрантской организации, которой удавалось засылать своих людей на территорию СССР — провалилась. По воспоминаниям Хохлова, он сам пришел к Околовичу и сказал, для чего прислан во Франкфурт.

Шестисотстраничная книга повествует о том, как ее автор решился на этот трудный для него поступок. Помните мелодраматичный кинофильм «Судьба резидента» с Георгием Жженовым в заглавной роли? В данном случае «Судьба резидента» наоборот. Советский разведчик проникся гуманизмом к противнику.

Когда это началось? В книге много исповедальных вкраплений, где Хохлов пытается объяснить причины своего перехода на Запад.

«Мне приказывают стать убийцей, — пишет он. — Убийцей ради интересов советского государства. А я собираюсь отказаться. На каком основании? На основании того, что это убийство невыгодно для советского государства? Или потому, что у меня есть причины сохранить жизнь этого эмигранта? Нет. Мне совершенно безразлично, будет он жить или нет. Все, что я хочу — это остаться самим собой. Не стать убийцей. Жить так, как диктует мне моя собственная совесть».

А разве он имеет право быть самим собой, не тем, что навязывает ему государство? — задается вопросом Хохлов. Кто вообще из советских граждан имеет право быть самим собой?

Его школьный товарищ Юрий? Разве получил он право жить по своей собственной воле? Закончив медицинский институт, Юрий хотел задержаться в Москве. Его жена ждала ребенка. Кроме того, она была учительницей французского языка. Ехать на Алтай ей было ни к чему. Кому нужен в алтайском селе французский язык? И все же Юрий должен был уехать — так требовало государство. Через три месяца его жена бросила работу и поехала с дочкой к мужу. Ее мать читала потом Хохлову письма дочери, полные отчаяния.

Ребята, которые призываются в трудовые резервы? Разве они имеют право оставаться детьми, которые нуждаются в том, чтобы хоть время от времени видеть своих родителей? Подростки, которые, окончив профтехшколу, хотят поехать домой, а не на долгие годы «по разверстке» на далекие заводы?

А рабочие и служащие? Если они хотят переменить место работы, разве могут они это сделать без особого разрешения государства?

Разве крестьяне имеют право работать сами по себе? Разве, собрав урожай, не отдают они большую долю государству, а остатки делят по трудодням, определяемым председателем колхоза и парторгом? Колхозники не имеют права покинуть свой колхоз, им не положены паспорта. Но разве русский крестьянин не хотел бы быть полноправным гражданином своей страны и передвигаться по ней когда и куда хочет?

А писатели, журналисты? Разве они могут писать то, что им подсказывают их талант и совесть? Разве драматурги могут выводить на сцену людей, которых видят в жизни?

Почему в разгуле государственного антисемитизма были арестованы его начальники Маклярский и Эйтингон? Потому что все без исключения интересы советских граждан должны принадлежать государству. Оба разведчика-еврея забыли о том, что верность национальному происхождению опасна для советского государства.

Чувство раздвоенности, однажды возникшее в его сознании, крепло. Самый главный, самый чувствительный конфликт почти всех советских граждан — конфликт с государством — у Хохлова, по его словам, заключался именно в этом — в невозможности жить по собственной совести, в отсутствии права быть самим собой.

«Мой конфликт не исключение, а нормальное и логичное следствие, вытекающее из самой сущности советского государства», — находит Хохлов ключевую фразу для объяснения своего неординарного поступка.

В книге много подобных откровений. О том, сколько трагизма принесло социалистическое государство русскому народу. Что советская власть — власть антинародная. Что послевоенные настроения русского народа были преимущественно антикоммунистическими. Ему даже трудно было поверить, что в государстве, контролируемом органами безопасности и налаженным партийным аппаратом, мог существовать такой образ мышления среди широких масс — от столичной интеллигенции до дальних деревенских родственников жены.

Жене он посвятил многие страницы своей книги-исповеди. Жена была в курсе всех его служебных дел, всех душевных переживаний. По словам Хохлова, она разделяла его мечты о собственном мирке, недоступном для советской власти. Они зарегистрировали брак в 1951 году, за три года до его побега. Елена Адамовна Тимашкевич при рождении была наречена Яниной. Имя католическое, и когда получала паспорт, непривычное для русского уха имя было изменено на православное. С детства знала немецкий язык.

Выйдя замуж, она не стала менять свою девичью фамилию:

— Если я переменю, то меня будут спрашивать на работе, кто мой муж, — говорила она ему. — А что я им скажу? Что он сотрудник МГБ? Чтобы все стали замолкать, когда я буду входить в комнату? Чтобы перестали рассказывать в моем присутствии антисоветские анекдоты или последние слухи из личной жизни парторга? Ведь не могу же я им рассказать, какой ты на самом деле. А лгать не хочу.

Лучше подожду, когда ты уйдешь из своей организации.

Хохлов, по его словам, был согласен с ней. Ему тоже не хотелось, чтобы на нее было немедленно заведено личное дело в МГБ, как на жену офицера разведки.

Из рассказа П. А. Судоплатова:

— Когда Хохлов выступил на пресс-конференции, организованной ЦРУ, со своими разоблачениями и рассказал о роли жены в невыполнении задания и побеге, ее тут же в Москве арестовали. Она провела год в тюрьме вместе с сыном, после чего была на пять лет сослана в Сибирь. Характеристика Хохловым своей жены не соответствовала действительности... Один из последних начальников Хохлова, Герой Советского Союза Мирковский Евгений Иванович, сказал мне, что его подопечный не хотел ехать на последнее задание... Хохлов также не хотел брать с собой жену и сына в Австрию. Это означало, что он совсем не собирался бежать на Запад. А на пресс-конференции, проводившейся в ЦРУ, он, однако, заявил, будто они с женой только и мечтали о побеге...

Злополучный аккордеон

— Мирковский полагает, что с нашей стороны было ошибкой позволить Хохлову появляться на Западе с паспортом, который однажды уже привлек внимание спецслужб. Как мы предполагаем, он попал в руки ЦРУ, и его принудили к сотрудничеству, но в этой отчаянной ситуации ему все-таки удалось послать условную открытку жене. Хотя она и была просмотрена ЦРУ, в ней все же содержался предупредительный сигнал о том, что он работает под враждебным контролем. Ему не повезло — этот сигнал не был вовремя замечен. Два других агента, посланных нами для работы вместе с

Хохловым, были схвачены американцами: его заставили их выдать.

Это тоже слова П. А. Судоплатова.

По плану Павла Анатольевича, который в то время возглавлял «Бюро номер один» — созданную по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в МГБ СССР структуру для проведения диверсионной работы за границей — офицер-разведчик должен был тайно приехать в Австрию, поселиться под видом австрийца в Вене и получить легальным путем настоящий австрийский заграничный паспорт.

Попробуем разобраться в истории с паспортом, с которым Хохлову нельзя было появляться за границей.

Такой документ австрийскими властями был выдан на имя Иосифа Хофбауэра. Из нескольких типичных австрийских имен и фамилий Хохлов выбрал себе именно эти, превратившись в начинающего коммерсанта.

С этим паспортом на руках Хохлов должен был проехать по странам Западной Европы, собрать возможно большее количество виз и точно узнать, на каких условиях эти страны впускают к себе австрийцев. Предстояло выяснить полицейский режим и проверки, которым там подвергаются австрийцы, а также узнать, есть ли для них возможность устроиться на работу или поместить деньги в банк. Иными словами, Хохлову-Хофбауэру предстояло проверить на собственном опыте, можно ли строить планы агентурной сети в Европе на австрийских заграничных паспортах.

Это была первая ступенька его разведывательной карьеры. Судоплатов имел виды на артистичного молодого человека:

— После войны я взял его с собой в Румынию, чтобы он, пожив там какое-то время, адаптировался к жизни на Западе. Вернувшись в Москву, Хохлов находился в резерве МГБ в группе секретных агентов, которых

планировалось использовать для глубокого проникновения на Запад. Для всех он вел жизнь обычного советского студента, получая на самом деле жалование в моем бюро, где проходил по негласному штату как младший офицер разведки. Его учеба в институте была прервана войной, и я устроил его на филологический факультет МГУ без вступительных экзаменов. Правда, помочь ему получить хорошую квартиру я не смог и, женившись, он продолжал жить на старом месте, где стало особенно тесно после того, как у него родился сын. С 1950 года Хохлов начал регулярно ездить на Запад. Мы его снабдили подложными документами на имя Хофбауэра... Я хотел, чтобы он, используя свои внешние данные, а также свой артистизм, познакомился с балериной грузинского происхождения, танцевавшей в парижской опере, которую часто видели в компании с американскими офицерами и персоналом натовской штаб-квартиры. Его хорошие манеры и общительность помогли ему создать группу по сбору информации и, что было еще важнее, организовать боевой резерв для чрезвычайных ситуаций. Сам Хохлов об этих планах ничего не знал. К моему сожалению и негодованию, он совершил непростительную ошибку, которую сам вначале не принял всерьез. В моих глазах, однако, это перечеркнуло всю его карьеру нелегала...

Суший пустяк перечеркнул многомесячные усилия офицеров «Бюро номер один», давших путевку в жизнь герру Хофбауэру, страховавших каждое его действие.

Впрочем, в той командировке удача сопутствовала Хохлову во всех странах, начиная с Австрии, где он поселился не в советском, а для поддержания легенды о благонадежности герра Хофбауэра — во французском секторе Вены. Снял комнату через посредническое бюро у француженки — ей будет труднее, чем прирожденному австрийцу, уловить искусственность в

австрийском диалекте постояльца. Цюрих, Женева, Париж, Копенгаген. Все прекрасно. В Женеве выполнил одну из труднейших задач командировки — открыл счет в банке. Получил узкую полоску бумаги, подтверждавшую, что господин Хофбауэр имеет на своем счете одиннадцать тысяч швейцарских франков. По правилам конспирации, «ситуацию» личного банковского счета полагалось уничтожить. Хохлов свернул полоску и заложил ее в дальнее отделение бумажника.

На обратном пути из Женевы в Вену перед пересечением швейцарско-австрийской границы поезд, как всегда, остановился. В вагон, в котором ехал Хохлов, вошли австрийские таможенники. Поезд тронулся. Началась проверка багажа.

Один из таможенников остановился перед багажной сеткой, в которой лежали вещи Хохлова:

— Чей это багаж?

— Мой, — храбро отозвался Хохлов.

— Везете что-нибудь, кроме своих личных вещей?

— Нет. Только свои.

Таможенник, кажется, удовлетворился ответом и спросил менее официальным тоном, как о чем-то второстепенном:

— Аккордеон где купили?

Хохлов купил его в Женеве. Зашел в музыкальный магазин за патефонными пластинками и увидел чудо, от которого уже не мог оторвать глаз. У партизан Белоруссии он научился играть на этом музыкальном инструменте. Аккордеон был трофейный. Приобрести свой в Москве было недоступной роскошью — цены в комиссионках не по карману. Там же, в Женеве, стоимость аккордеона не превышала недельного жалованья. И он купил его.

Что ответить таможеннику? Правду? Но ведь это может быть ловушкой. У австрийца Хофбауэра не

должно быть денег для покупки аккордеона в Швейцарии! Откуда у него могла появиться иностранная валюта за пределами Австрии?

— Я купил его в Вене.

— Когда?

— Месяца два назад.

— Откройте футляр.

Таможеннику и так все ясно: аккордеон новехонький.

У Хохлова требуют документы. Они в руках таможенника. Хохлов внезапно выбивает их и нервно, под коммерсанта, кричит:

— Кто дал вам право копаться в моем бумажнике?!

Ему скручивают руки за спину и прочно прижимают к вагонной двери. На следующей станции ссаживают с поезда, производят тщательный обыск. В бумажнике обнаруживают банковскую «ситуацию».

— У вас такие деньги за границей? А национальному банку о них известно?

Герра Хофбауэра отводят в полицейское отделение. На несколько часов забирают паспорт. Опросы, штраф, подозрения — а вдруг инцидент с аккордеоном не случайность? В Москве поняли: герр Хофбауэр для работы в Австрии погиб, его надо немедленно выводить из игры.

Слово — П. А. Судоплатову:

— Как только Хохлов доложил о случившемся в Центр, мне стало ясно: легенде о герре Хофбауэре наступил конец. В результате незначительного на первый взгляд инцидента на границе Хохлов привлек к себе внимание властей и наверняка попал в список подозрительных лиц. Отныне западные спецслужбы даже при обычной проверке уже не оставят его в покое. Понятно, что для подготовки боевых операций по этой легенде он больше не годится. Хохлов сам попросил освободить его от выполнения своих обязанностей, и я

удовлетворил его просьбу. В его личном деле должен храниться подписанный мною рапорт об отчислении его из бюро. К несчастью, несколько позднее его послали в качестве оперработника и переводчика в наше представительство в Германии, а в 1954 году, уже после моего ареста, поручили возглавить группу боевиков для ликвидации Околовича.

Между жерновами

Арест Судоплатова, Эйтингона, Маклярского и многих других руководителей советской разведывательно-диверсионной службы связан с падением Берии. На Лубянке началась грандиозная чистка. Сажали в тюрьму, снимали с постов, лишали воинских званий, отправляли в отставку тех, кого раньше заставляли жить по совести государственной, определяемой партийной программой и требованиями правительственной стратегии. Они жили по государственной совести и несли теперь за это наказание.

Идеологический угар, связанный с расправой над Берией, прошел быстро. Новые кремлевские вожди, обвинявшие сталинские спецслужбы в диверсионной и террористической деятельности, похоже, заигрывали с общественностью, стремясь завоевать популярность у народа. Сменившие Сталина правители тоже не отказались от заданий по диверсиям и терактам против врагов советского государства, живших за границей.

Поскольку крупнейшие авторитеты по этим операциям были не у дел, а их прежняя агентура деморализована, требовались исполнители нового поколения. В их число, наверное, попал и Хохлов. Мало кто знал о его досадном провале в Австрии, да и те, кто знал, находился либо в тюрьме, либо в опале, ожидая ареста со дня на день. За Хохловым же тянулся шлейф

славы удачливого диверсанта — взрыв гауляйтера Белоруссии Кубе тому подтверждение.

Увы, несмотря на орден, которым был награжден Хохлов за участие в этой операции, он не сыграл сколько-нибудь решающей роли в приведении в исполнение акта возмездия белорусского народа палачу Кубе. Москва узнала о взрыве в гауляйтерской спальне из сообщения берлинского радио. Стоило этой новости прозвучать в эфире, как из партизанских отрядов вокруг Минска полетели радиogramмы в Центр. Каждый из отрядов заявлял о своем участии в уничтожении Кубе.

Сама Мазаник, горничная гауляйтера, вывезенная в Москву после осуществления операции, заявила, что все происходило совсем иначе, что она имела дело с партизанами из другого отряда, которые были связаны с военной разведкой ближайшего фронта. Мину в цветочной корзине принесла Мария Осипова из отряда Минского комитета партии. Куда же девался розовый пакет с английской миной, который принес Хохлов?

Версий было много и все они были противоречивые. Спецслужбы разной ведомственной принадлежности боролись за «лавры». Конец спору пухлых рапортов положил Сталин, который якобы написал: «Склоки прекратить. Девушкам — Героев. Остальным — ордена». Героями Советского Союза стали Елена Мазаник, Надежда Траян и Мария Осипова.

Мало кому известно, что через несколько месяцев после ликвидации Кубе в Минске предпринималась попытка еще одного теракта. Новый гауляйтер Белоруссии Готтберг в декабре сорок третьего года проводил совещание зондерфюреров оккупированных областей республики. Москва приказала Хохлову и Карлу Кляйнюргу организовать взрыв этого совещания.

Действовали через Надежду Моисееву, уборщицу загородной резиденции Готтберга. Резиденция перешла

к нему по наследству от Кубе. Хохлов познакомился с этой девушкой еще во время подготовки ликвидации Кубе. Надежда согласилась заложить мину в день совещания в одну из бездействовавших печек большой столовой в дачном доме. Однако мина была обнаружена другой уборщицей, которая сообщила о находке охранникам. Надежда, ее мать и подруга Надежды Лидия Чижевская были повешены через несколько дней в центре своей дерегушки, примыкавшей к резиденции.

Неудача постигла Хохлова и здесь.

Тем не менее его отправили во Франкфурт. Что в действительности там произошло — остается только гадать. Не исключено, что сработал «австрийский» след. А его версия побега — всего лишь инсценировка.

Ветераны Лубянки не хотят признавать прозрения бывшего советского разведчика. Они ссылаются на заявления руководителей ЦРУ: за все послевоенные годы не было ни одного случая, когда советский разведчик перебежал бы к ним по идейным соображениям.

Но новейшие времена дают немало примеров, когда даже идеологи КПСС, состоявшие в Политбюро, пересматривают всю систему своих взглядов на сущность советского строя. Почему этого не могло произойти и с Хохловым, близко соприкасавшимся с Западом и имевшим возможность сравнить два образа жизни?

Вопросы, вопросы... Вряд ли найдешь на них однозначный ответ — настолько запутались сегодня представления о прошлом и настоящем, иллюзорном и подлинном.

* * *

Дальнейшая судьба перебежчика такова. ЦРУ заключило с ним контракт на обучение тактике антипартизанских операций на Тайване и в Южном Вьетнаме. Увы, удача снова отвернулась от него. Хохлов провалился и на этом поприще. Прав, наверное, П. А. Судоплатов: Хохлов имел лишь опыт агента-нелегала, вербовщика привлекательных женщин и осведомителей. Специалистом по боевым операциям он был никудышным и вскоре навсегда распростился с жизнью разведчика, выбрав научную карьеру.

В 1992 году Ельцин подписал указ о его помиловании. Не о реабилитации, а только о помиловании. В том же году Хохлов приезжал на короткое время в Москву. Тогда его впервые в жизни увидел сын, профессор биологии. Сын до этого бывал в США, но мать никогда не говорила ему про отца, сбежавшего на Запад, и это была их первая встреча.

Глава 12

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕКРЕТНОГО ДОКЛАДА

До сих пор не утихают споры вокруг доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Одни ставят его в заслугу Никите Сергеевичу, который первым сказал правду о сталинских злодеяниях. Другие, напротив, вменяют это ему в вину — своим докладом он нанес чудовищной силы смертельный удар по коммунистической системе, от которого она уже не смогла оклематься.

Говорят об ином предназначении документа, о невиданном вероломстве Хрущева — без ведома Президиума ЦК, вопреки прежней договоренности с соратниками неожиданно выступившего на съезде с докладом, который готовился совсем для иных целей и буквально за несколько дней до оглашения был коренным образом переработан за спиной членов

Президиума. Задаются вопросами: а, собственно, на основании чего доклад составлен? Кем? Каков его правовой и политический статус? Что отражал этот документ — настроения в обществе, верхушечную борьбу или авантюрную натуру самого Хрущева?

Магический знак «ХХ»

Нынешнее поколение не изучает историю КПСС. Ни в вузах, ни в упраздненной вместе с партией системе политпроса. Бесполезно спрашивать у сегодняшних студентов, когда какой съезд проходил и какие вопросы он решал.

Исключение, пожалуй, составляет ХХ съезд. О нем знают даже первокурсники платных коммерческих вузов. Знание, правда, своеобразное.

— ХХ съезд освободил Сталина от должности и отправил его в отставку, — убежденно говорил мне воспитанник одного из престижных коммерческих институтов, приятный мальчик из хорошей семьи.

— ХХ съезд разоблачил Сталина как врага народа, — морщила лобик соседская девочка-первокурсница.

Не надо смеяться над простодушием нового поколения! Для нас в этой ситуации важно совсем другое, а именно: магический знак «ХХ» осеняет российскую жизнь и поныне. Во времена же Горбачева этот знак был знаменем, символом веры пришедшего в движение общества. Из всех более чем двух с половиной десятков партийных съездов на слуху постоянно был только один — двадцатый.

С него началась знаменитая хрущевская оттепель. Был осужден культ личности Сталина, разоблачены его преступления, выпущены из тюрем и реабилитированы невинно пострадавшие. Страна перешла на рельсы демократического развития — в соответствии с установками ХХ съезда.

Трудно сказать, заглядывали ли в первоисточники те, кто упорно насаждал эту точку зрения. Ибо многое из того, что утверждалось в многочисленных учебниках и общественно-политической литературе, не подтверждается документами. И особенно те разделы, где говорилось, что решения XX съезда — плод коллективного разума партии. Мнение многомиллионной партийной массы как раз меньше всего интересовало кремлевскую верхушку.

Для того чтобы убедиться в уязвимости оценок роли и значения партийного съезда с магическим знаком «XX», достаточно ознакомиться с его документами, главный из которых, безусловно, стенографический отчет.

Он вместился в два увесистых тома — 1100 страниц. Четко обозначена повестка дня. Четыре вопроса: отчетный доклад ЦК КПСС, докладчик Н. С. Хрущев; отчетный доклад Ревизионной комиссии КПСС, докладчик председатель Ревкомиссии П. Г. Москатов; директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану, докладчик Н. А. Булганин; выборы центральных органов.

И все. В повестке дня XX съезда КПСС вопроса о культе личности Сталина не было!

Может, он поднимался выступавшими в ходе обсуждения докладов? Инициатива, так сказать, снизу? Отнюдь нет, из 126 ораторов, которым было предоставлено слово в течение десяти дней работы съезда, никто не то что не разоблачал Сталина, даже его имени не вспомнил! Это невероятно, но тем не менее факт: в стенограмме съезда, который вошел в историю как съезд, осудивший злоупотребления Сталина, нет ни единого упоминания его имени.

Вот странички, запечатлевшие последний день работы съезда, 24 февраля 1956 года. И снова — никаких разоблачений. Оглашаются итоги голосования

по выборам в центральные органы партии. Все, повестка дня исчерпана, съезд завершил работу.

Стоп! А это откуда взялось? На последней, 1100-й странице стенографического отчета — девять машинописных строк, помещенных под заголовком «О культе личности и его последствиях». Батюшки, да это ж постановление съезда!

Как? Неужели приняли, не обсуждая? Не может быть!

О ком оно? О Сталине? Но почему же тогда не названо его имя? — ломали головы советские и зарубежные коммунисты, увидев в «Правде» это незаметное девятистрочное постановление среди других опубликованных материалов съезда.

Ночной звонок Шелепину

Десятого июля 1956 года Н. С. Хрущев принял в Кремле делегацию ЦК Итальянской компартии. В то время она была одной из крупнейших компартий Запада — в ней состояло около двух миллионов человек. Предвыборная программа итальянских коммунистов собрала около девяти миллионов голосов, что было колоссальным успехом.

Решения двадцатого партийного съезда в Москве привели итальянских коммунистов в замешательство. Начался массовый отток из партии. Руководство КПИ прибыло в Москву за разъяснениями.

Запись их беседы почти сорок лет была засекречена. Доступ к ней появился только сейчас. Предупредив гостей о доверительном характере фактов, которыми он будет оперировать, Хрущев так объяснил постановку вопроса о Сталине:

— В тюрьмах находилось около двух миллионов человек. Эта цифра увеличилась после победы над Гитлером: все наши бывшие военнопленные, а также

некоторые малые народы были высланы, и сейчас в связи с реабилитацией возникают большие трудности. Эти люди получили право передвижения, хотят вернуться на родину, а там уже другие люди живут. Сотни тысяч членов партии сидели в тюрьмах более 10-15 лет в условиях худших, чем уголовники. При проверке ни одно дело не оказалось состоятельным. Например, член партии с 1916 года т. Шатуновская работала раньше в орготделе МК, ее знал лично я, а еще лучше т. Маленков, как очень принципиального товарища. Ее арестовали и выслали, и мы верили, что она была связана с врагами. После разоблачения Берии мы ее освободили, восстановили в партии, а сейчас она работает в КПК при ЦК КПСС. Таких тысячи. Ясно, что этим людям надо дать объяснения, чтобы у них не осталось нездоровых настроений по отношению к партии и ее руководству...

Хрущев говорил много, горячо и сбивчиво. Одну и ту же мысль варьировал по нескольку раз. Ему хотелось, чтобы собеседники поняли: картина ужасных преступлений Сталина открылась в полном масштабе только сейчас, когда он занял его место. Раньше многого не знал. Поэтому решение открыто осудить Сталина окрепло в последнее время.

К этому документу мы еще вернемся — в нем содержится немало интересных подробностей, проливающих свет на историю возникновения замысла, связанного с разоблачением культа личности Сталина. А сейчас обратимся к другому свидетельству, относящемуся к более раннему периоду, но тем не менее имеющему прямое отношение к затронутой теме.

Свидетельствует А. Н. Шелепин, в ту пору первый секретарь ЦК ВЛКСМ:

— На третье или четвертое (может быть, пятое или шестое) марта 1953 года был назначен пленум ЦК ВЛКСМ... Это было время болезни Сталина, и нас уже

дважды вызывали в ЦК КПСС, где информировали о его здоровье. Пятого марта — вновь вызов: Сталин умер. Нужно проинформировать все организации. Собрали Бюро ЦК ВЛКСМ — предложили переименовать комсомол в ленинско-сталинский. Все были единодушны в этом решении. Подключили писателей для составления обращения к молодежи. Звоню Хрущеву, сообщаю о нашем решении. Пауза, а потом: «Ну, а что? Давайте действуйте!». Мы быстро составили обращение в связи с переименованием комсомола, я доложил членам Бюро о разговоре, утвердили текст обращения. В 12 часов ночи звонок домой — Хрущев: «Когда пленум?» — «Завтра». — «Вы обращение подготовили?» — «Да». И он так спокойно, как о чем-то обыденном: «Не надо этого делать. Мы тут посоветовались и решили, что этого делать не надо». Значит, там что-то произошло...

Произошло! На второй день после похорон Сталина, 10 марта 1953 года, по коридорам зданий на Старой площади прошелестел слух о совещании у Маленкова, который якобы произнес многозначительную фразу. Ее произносили шепотом, с опаской поглядывая на телефонные аппараты: «У нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности».

А еще через неделю-другую стало известно, что в Кунцеве, на Ближней даче Сталина, прекращены работы по созданию музея. Совсем недавно туда возили партийный актив — посмотреть, как жил великий вождь и учитель. И вдруг все остановилось. Многоопытные аппаратчики поняли: подули новые ветры.

Шепилов, на выход!

— В Советском Союзе Сталин был вроде полубога, — рассказывал Хрущев посетившим его в июле 1956 года

руководителям ЦК Итальянской компартии. — Ему приписывались все достижения, от него якобы исходили все блага. Он был отцом для всех. Как известно, после его смерти дело доходило до кликушества. В дни процессии к Колонному залу на улицах было задавлено много людей. Даже члены Президиума ЦК КПСС уговаривали народ разойтись, однако никто не слушался — все хотели увидеть тело Сталина. Это одна сторона. Другая сторона — неблагоприятные дела, совершенные по его воле и под его давлением... 70 процентов делегатов XVII съезда ВКП(б) и большинство членов ЦК, избранных на съезде, расстреляны, а это — подпольщики, участники гражданской войны, активно боровшиеся против троцкистов и бухаринцев. Это также требует объяснения...

Архивные документы, ныне рассекреченные, свидетельствуют: поначалу акция, задуманная Хрущевым против мертвого Сталина, ограничивалась лишь рамками судеб делегатов XVII съезда. По первоначальному замыслу расследованию подлежали дела на несколько десятков человек. Прослышав об этом намерении Хрущева, к нему потянулись сотни других просителей и ходатаев. Хрущев охотно принимал их, выслушивал множество хватающих за душу историй. Постепенно круг намеченных к пересмотру дел расширялся.

И вот в последний день 1955 года Хрущев проводит через Президиум ЦК КПСС решение об образовании специальной комиссии. Ей вменяется в обязанность изучение материалов о массовых репрессиях не только членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии, но и других советских граждан. В основном тех, за кого хлопотали перед Никитой Сергеевичем оставшиеся в живых родственники.

Расширились и временные рамки — с 1935 по 1940 годы.

Возглавить комиссию Хрущев поручил секретарю ЦК П. Н. Поспелову. В ее состав вошли секретарь ЦК А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник и заместитель председателя КПК при ЦК КПСС П. Т. Комаров.

Как рассказывал автору этой книги один из членов рабочей группы комиссии, первоначально перед ними ставилась несколько иная задача. Собирая рабочую группу, руководитель комиссии Поспелов подчеркивал:

— Надо сбалансировать положительные и отрицательные стороны в отношении Сталина.

По свидетельству этого же члена рабочей группы, огласить данное сообщение должен был Поспелов:

— Оно замышлялось не как разгромный доклад, а в виде сдержанной информации. Тактика была продуманная, взвешенная: критику культа Сталина начать с мелочей, растягивая по времени и подавая ее малыми дозами. Мы исходили из того, что ни КПСС, ни страна не были подготовлены к восприятию прямых обвинений в адрес Сталина. Не говоря уже о компартиях зарубежных стран.

Съезд открылся в Большом Кремлевском дворце 14 февраля 1956 года. За два дня до открытия комиссия Поспелова представила Хрущеву результаты своей деятельности.

Хрущев никак не откликнулся. Ни одобрил, ни «зарубил».

На второй день работы съезда к секретарю ЦК Д. Т. Шепилову — тому самому, через год «примкнувшему», неслышно приблизился помощник Хрущева Шуйский и что-то прошептал ему на ухо. Дмитрий Трофимович поднялся и, сопровождаемый Шуйским, направился к Хрущеву, ожидавшему его в комнате отдыха членов Президиума.

Два дня после этого Шепилов на заседаниях съезда не показывался. Подолгу отсутствовал Хрущев.

Не много ли исключений?

В марте 1989 года, спустя 33 года после оглашения, горбачевское Политбюро ЦК КПСС приняло решение об опубликовании доклада, который наделал столько шума и вокруг которого не утихают споры: во благо он пошел или во вред.

Доклад Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» был заслушан делегатами XX съезда на утреннем закрытом заседании 25 февраля 1956 года. «Свои» приглашенные и делегации зарубежных компартий не присутствовали.

Исключений из правил проведения подобного рода мероприятий было много. Первое исключение: ход закрытого заседания не стенографировался. Второе: после окончания доклада было решено прений по нему не открывать. Третье: по предложению председательствовавшего на заседании Н. А. Булганина съезд единогласно принял постановление «О культуре личности и его последствиях».

Случай, небывалый даже для большевистской партии, — постановление принято без прений и обсуждения. И по какому вопросу! То, что услышали делегаты, ошеломляло, приводило в шок, некоторым, как свидетельствовали очевидцы, становилось дурно и они теряли сознание.

И тем не менее — никакого обмена мнениями. Странно, если учесть, что куда более мелкие, второстепенные и третьестепенные вопросы обсуждались часами, а то и сутками. А тут самый главный вопрос и, пожалуйста, «прения открывать нецелесообразно».

Загадка? Загадка. А вообще-то в процедуре подготовки оглашения доклада, принятия одобряющего (единогласно!) постановления таких недомолвок и интриг — тьма-тьмущая. Не меньше и нестыковок.

Вот одна из них — о невесте откуда взявшемся закрытом заседании.

В примечаниях к опубликованному в 1989 году секретному докладу Хрущева сказано: предложение о проведении закрытого заседания и выступлении на нем Хрущева с докладом о культе личности было выдвинуто Президиумом ЦК КПСС 13 февраля 1956 года. Получается, что Президиум ЦК уже до 13 февраля имел текст доклада, ознакомился с ним, одобрил и поручил Хрущеву огласить его на закрытом заседании?

Однако это утверждение не стыкуется с заявлением самого Хрущева, которое он сделал во время уже известной нам беседы с руководством Итальянской компартии.

— Мы считали, — сказал он итальянцам, — что доклад не будет опубликован, в противном случае мы бы его построили иначе. Более того, решение поставить этот вопрос было принято не при подготовке к съезду, а в ходе его. Поэтому мы были лишены возможности посоветоваться с братскими партиями...

И далее:

— В ходе XX съезда было проведено несколько бурных заседаний Президиума ЦК. Отдельные члены Президиума считали, что не следует поднимать вопроса о культе личности, так как это создаст трудности внутри страны и в рабочем движении. Как видите, мы учитывали это, но также стояли перед необходимостью ответить на вопрос, кто же виноват в том, что погибли многие лучшие коммунисты. Не ответить на него — значило показать, что нынешний ЦК КПСС покрывает виновников, соглашается с ними, боится сказать правду...

Итак, согласно официальной версии, вошедшей во все учебники истории и в другие массово-политические книги, Президиум ЦК выдвинул предложение выступить Хрущеву с докладом о культе Сталина на закрытом заседании XX съезда. Сам же Хрущев утверждает: решение созрело во время съезда, в ходе ожесточенных дебатов с соратниками.

К сожалению, живых участников тех событий, во всяком случае среди членов Президиума ЦК, уже не осталось. Но некоторые успели кое-что рассказать благодаря неумным, пытливым исследователям недавнего прошлого. Феликсу Чуеву, например, удалось разговорить даже великого молчуна Кагановича.

Лазарь Моисеевич на вопрос, каким образом они разрешили Хрущеву прочесть тот злополучный доклад, поведал все, что слышал и помнил. Была комиссия Поспелова, которую создали в связи с потоком заявлений от осужденных о политической амнистии. Поспелов с задачей справился, подготовил хорошую справку. Ее обсудили на Президиуме и решили: после съезда созвать пленум ЦК и на нем заслушать доклад Поспелова. И сделать политические выводы. Оценить все, что было при Сталине. Хрущев тоже был за такое решение.

И вдруг, когда съезд фактически закончился, уже были оглашены итоги выборов центральных органов партии, объявили перерыв, и в кулуарную комнату съезда, где собирались члены Президиума во время перерывов, входит Хрущев. Нам раздали красные брошюры с каким-то текстом. Показывая на них, Хрущев говорит:

— Надо выступать на съезде.

— Мы говорим, — вспоминал Каганович, — что условились обсудить этот вопрос на отдельном пленуме ЦК, после съезда, в спокойной обстановке. Съезд ведь

уже кончился. Мы выступили с речами едиными, мирно, без раскола.

— Надо сейчас! — говорит Хрущев.

Согласно рассказу Лазаря Моисеевича, члены Президиума не успели толком посмотреть, что в тех красных брошюрках. Времени-то было всего пятнадцать минут. Хрущев торопит: быстрее, съезд ждет.

— Он потом написал, что ему предложил Президиум выступить с докладом. Это он врет. Он сам сказал: «Я сделаю доклад».

Свидетельствует Д. Т. Шепилов:

— Никакого согласования с членами Президиума ЦК не было, не говоря уже о решении. Просто в кулуарах, в комнате отдыха президиума съезда, Хрущев сказал: «Мы не раз говорили об этом, и вот время пришло доложить коммунистам правду».

Автора!

Дмитрия Трофимовича Шепилова, как помнят читатели, мы оставили в комнате отдыха, куда он был препровожден Шуйским. За столом сидел Хрущев.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Никита Сергеевич, обращаясь к вошедшему.

Шепилов выжидательно смотрел на Хрущева.

— Надо срочно подготовить один докладец, — многозначительно произнес Хрущев. — Поможешь?

— Разумеется, не сомневайтесь.

— Тогда пошли, сделаем это без промедления.

И они в кабинете Хрущева два дня работали неотлучно. По версии Шепилова, только спать уходили. 25 февраля, когда все было написано и отпечатано, вернулись на съезд. Тогда и был озвучен потрясший всех доклад.

Впрочем, существует несколько версий по поводу его авторства. Одна из них — доклад произнесен

Хрущевым экспромтом. Как известно, Никита Сергеевич за словом в карман не лез, был большим мастером импровизации, и по речистости сопоставим разве что с последним генсеком.

В пользу этой версии говорит и то, что текст доклада, предназначенный для отправки партийным организациям, подвергся значительной редакторской и смысловой правке. Были даны ссылки на произведения Маркса, Энгельса и Ленина, а также на другие цитируемые источники, уточнены даты принятия отдельных документов. Все это, несомненно, свидетельствует об экспромтном характере доклада.

Сторонники указанной версии, восхищаясь поступком Хрущева, отдают дань и его хитроумности — усыпил бдительность соратников, произнес доклад «из головы». Однако новейшие архивные изыскания и свидетельства присутствовавших на закрытом заседании лиц подобные мнения не подтверждают.

Велика заслуга в прояснении этого вопроса известного исследователя истории пятидесятых-шестидесятых годов Н. А. Барсукова. Весной 1989 года в Центральном партийном архиве (ныне Российский центр хранения и документирования новейшей истории) он встретился и провел ряд бесед с виднейшими политическими деятелями «великого десятилетия». Благодаря Н. А. Барсукову, мы располагаем живым словом тогдашних секретаря ЦК КПСС и председателя КГБ СССР А. Н. Шелепина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ и председателя КГБ СССР В. Е. Семичастного.

Шелепин был делегатом съезда. Семичастный сидел на балконе как гость, а после избрания кандидатом в члены ЦК КПСС присутствовал на закрытом заседании.

Так вот, у обоих сложилось впечатление, что доклад был готов заранее.

— Подтверждением тому может служить тот факт, — сказал Семичастный, — что Хрущев строго придерживался текста, что случилось с ним редко. А текст подготовить за дни съезда очень трудно. Хрущев был сдержан, взволнован. От текста ни разу не отступил.

(Ну как тут не вспомнить примечания горбачевского Политбюро, которым было сопровождено обнародование текста закрытого доклада в 1989 году. В разделе, в котором говорилось о редакторской и стилистической правке перед рассылкой в партийные организации, есть и такая фраза: «...включены отступления докладчика от заранее подготовленного текста»).

Шелепин. Известно, что была драка до съезда: делать доклад — не делать. Может быть, доклад был подготовлен раньше, а на съезде только был решен вопрос о его оглашении — этого мы не знаем.

(Шелепин в ту пору был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и «рядовым» членом ЦК КПСС. Судя по его признанию, вопрос решался в самых верхах, куда «рядовых» членов ЦК не пускали).

Барсуков. Шепилов рассказывал, что Хрущев вызвал его со съезда на второй день заседаний и засадил за написание материалов к докладу. Это, видимо, было дополнение к тому, что уже было подготовлено Поспеловым.

Шелепин. Почему я уверен, что доклад готовился заранее, потому что помогал в его подготовке Серов. Хрущев ему многим обязан, держал его до декабря 1958 года. Серов был заместителем Берии, а до этого был при Хрущеве на Украине. На совести Серова тысячи и тысячи загубленных людей. Он был непосредственным участником репрессивного выселения чеченцев, карачаевцев, ингушей, крымских татар и других. Оклеветал генерала Телегина и не одного его. Он один

из инициаторов создания спецтюрем для политических заключенных. Имел в руках большую власть.

Семичастный. Хрущев очень доверял Серову — значит, их что-то связывало. Характерно, когда я пришел в КГБ, многие документы были уже уничтожены или подчищены, вытравлен текст. Это мне сказали и показали архивисты.

Шелепин. Я несколько раз говорил Хрущеву, что Серова нужно изгнать из партии, лишить боевых орденов (а награды были — орден Александра Невского, орден Суворова!), которые он получил за выселение народов в годы Великой Отечественной войны...

(Серов в 1956 году был председателем КГБ. Кто, кроме него, мог предоставить Хрущеву ошеломляющий материал? Но, если верить Шелепину, «на совести Серова тысячи и тысячи погубленных людей». Да, еще то авторство! Шепилов, помощник Хрущева Шуйский, другие причастные к докладу лица — не более чем литературные правщики.)

Утечка на Запад

Пятого марта 1956 года Президиум ЦК КПСС принял постановление о порядке ознакомления с докладом Хрущева «О культуре личности и его последствиях». Публикация этого документа в открытой печати не предусматривалась.

И вдруг американские газеты публикуют полный текст доклада! Все его 20 тысяч слов прозвучали также по радио «Свобода» и «Свободная Европа». Скандал разразился грандиозный.

В начале 90-х годов в ряде российских газет прошли публикации, в которых прозвучало сенсационное открытие — утечка секретного доклада на Запад произошла с согласия самого докладчика! Называлось имя одного из скандинавских журналистов,

аккредитованного в Москве, на которого пал выбор Никиты Сергеевича. А через некоторое время появились захватывающие воображение воспоминания этого журналиста о тайной операции по передаче 58-страничного доклада на Запад. Не верить в написанное было трудно: назывались конкретные имена, даты, места встреч и т. д.

Но вот новая сенсация. Обнаружился другой герой этой чрезвычайно запутанной истории. В 1994 году газета «Вашингтон пост» сообщила, что фотокопию хрущевского доклада передал израильской службе безопасности «Шин Бет» Виктор Граевский.

Он родился в 1925 году в Кракове в семье неверующих евреев. Когда Гитлер захватил Польшу, Граевские бежали в Советский Союз и всю войну до разгрома Германии прожили в Казахстане. После войны родители и сестра Виктора перебрались в Израиль, а он вернулся в Польшу. Вступил в ПОРП, получил работу в информационном агентстве ПАП.

Через несколько дней после окончания съезда Хрущев направил семь экземпляров своего секретного доклада руководителям правящих партий социалистических стран Восточной Европы. Каждый экземпляр, состоявший из 58 страниц, был в красном переплете с грифом «Совершенно секретно». К ним прилагались жесткие инструкции, допускавшие для ознакомления лишь ограниченный круг высших руководителей.

К тому времени Граевский развелся с первой женой и имел подругу, работавшую в центральном аппарате Польской объединенной рабочей партии. Он убедил эту женщину вынести копию доклада из здания ЦК ПОРП. Друг Граевского, фамилию которого он отказывается назвать, один из израильских дипломатов в Варшаве, сфотографировал (ксероксов тогда не было) все 58 страниц, передал пленку израильтянам и отдал

документ Граевскому для возвращения в штаб-квартиру партии.

Зная, что американцы страстно желают заполучить этот документ, для чего выделили на операцию около 1 миллиона долларов, тогдашний премьер-министр Израиля Бен-Гурион решил передать доклад в Вашингтон. Администрация Эйзенхауэра была потрясена возможностями израильской разведки!

В середине 90-х годов Виктор Граевский проживал в Израиле. Пенсионер.

Цена 58 страничек

Итак, ЦРУ оценило секретный доклад Хрущева в 1 миллион долларов.

В беседе с руководством Итальянской компартии Хрущев отметил: в Польше его доклад стоит 230 злотых. При этом шутил:

— Я говорил товарищу Охабу, что уж очень дешево вы цените мой доклад.

На вопрос одного из представителей ИКП, как воспринят доклад в стране, Хрущев ответил:

— В Советском Союзе содержание доклада сразу же поняли правильно. Не поняли только единицы, о чем говорит то, что из партии по этому поводу было исключено 5–7 человек.

Надо отдать должное Хрущеву: он ничего не утаил от гостей. Подробно рассказал о беспорядках в Грузии:

— В день годовщины Сталина к его памятнику сначала приходили и уходили дети, затем появились студенты, потом тысячные толпы. Нашлись ораторы, выступавшие против партии и правительства. На третий день толпы выкрикивали лозунги: «Реабилитировать Сталина и Берию», «Долой Хрущева, Микояна и Булганина», «Сформировать правительство Молотова». Из Москвы было дано указание об охране зданий ЦК,

почты, телеграфа. Коменданту был дан приказ установить порядок в городе и потребовать, чтобы к определенному часу толпа разошлась. К этому моменту образовались две группы, одна из которых хотела захватить оружие, а другая направилась к почтамту, где были войска. Толпа ворвалась в первый этаж, стала пробираться на второй, сделав несколько выстрелов в солдат. Один из солдат самовольно дал очередь из автомата, после чего толпа разбежалась. Окруженные броневиками остатки толпы около памятника Сталину пытались прорваться, в результате чего несколько человек было убито... В целом же в стране все спокойно.

Такие вот приключения вздыбивших страну и весь мир пятидесяти восьми страничек, составленных втайне и втайне хранившихся долгих тридцать три года. Почему?

Глава 13

ТРИ ДНЯ БЕЗ ВОЖДЯ

С утра 19 июня 1957 года Хрущев принимал венгерскую делегацию. Советский лидер был в прекрасном расположении духа, много шутил, заразительно смеялся. Ничто не предвещало неприятностей.

Когда встреча с венграми закончилась, ему передали, что в зале заседаний Президиума ЦК КПСС собрались сподвижники и ждут его.

Это известие встревожило Хрущева и, как показали дальнейшие события, опасения были не напрасными.

Освободите кресло, товарищ Хрущев!

Заседания Президиума ЦК КПСС (после Хрущева — Политбюро) по установившейся традиции проводились в Кремле, в здании Совета Министров СССР.

Хрущев привычно плюхнулся в председательское кресло:

— Кворум есть? Не вижу Кириченко, Сабурова, Аристова. Хотя да, они в отъезде. Начнем?

Из одиннадцати «полных» членов Президиума, избранных на организационном Пленуме ЦК в день завершения работы XX съезда 27 февраля 1956 года, отсутствовали двое — А. И. Кириченко, возглавлявший Украинскую парторганизацию и находившийся в Киеве, и М. З. Сабуров — первый заместитель председателя Совета Министров СССР и одновременно председатель Госэкономкомиссии СССР. За пределами Москвы был и А. Б. Аристов — «рядовой» секретарь ЦК.

Возражений против открытия заседания не последовало, и Хрущев вопросительно произнес:

— О чем будем говорить?

По одной из версий, которой придерживались сторонники Хрущева, чтобы подчеркнуть коварство замысла заговорщиков, заманивших доверчивого Никиту Сергеевича в ловушку, заседание было созвано под предлогом обсуждения вопросов, связанных с празднованием 250-летия Ленинграда. Ничего не подозревавший Хрущев дал вовлечь себя в обсуждение малозначащих протокольных мероприятий. Заговорщики умышленно затягивали время, усыпляя бдительность Никиты Сергеевича. А между тем люди Булганина уже меняли кремлевскую охрану. И только когда Булганин получил подтверждение, что все посты заменены и усилены, что новая охрана получила строгий приказ не пропускать в здание правительства, где шло заседание высшего органа партийного руководства, ни единого человека, Маленков сказал то, ради чего они собрались:

— Мы хотим обсудить вопрос о Хрущеве. К такому решению пришла группа членов Президиума.

В зале нависла гнетущая тишина.

— Но поскольку речь пойдет лично о Хрущеве, — продолжал Маленков, — то ему не с руки сидеть в кресле председательствующего. Я предлагаю, товарищи, чтобы заседание вел не Хрущев, а Булганин.

— Правильно! — поддержали Молотов, Каганович, Булганин, Первухин.

Хрущев ошеломленно смотрел на сподвижников. Но поскольку пятеро из восьми присутствующих «полных» членов Президиума высказались за внесенное предложение, ратовавший за коллегиальность и демократизм в работе Хрущев, сделавший карьеру на осуждении единолично решавшего все вопросы Сталина, безропотно освободил место председателя, которое тут же занял Булганин.

— Слово имеет товарищ Маленков, — объявил Булганин.

Маленков, снятый Хрущевым два года назад с поста председателя Совета Министров и занимавший скромную должность министра электростанций — правда, в ранге заместителя председателя Совмина — произнес обличительную речь в адрес своего обидчика и внес предложение освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК:

— Мы полагаем, что Никите Сергеевичу можно доверить портфель министра сельского хозяйства...

«Кричал и возмущался...»

Почти сорок лет в описании тех довольно темных событий господствовала точка зрения Хрущева и его сторонников. Все правильно: во все времена историю писали победители. Оттого она такая однобокая.

И только по прошествии времени, иногда довольно длительного, просыпается интерес к личностям побежденных, позволяющий выйти за рамки навязанных схем, густо оплевших наши представления, разобраться, что же в действительности произошло в июне пятьдесят седьмого.

Новейшие изыскания показывают, что официальные утверждения о внезапности выпада «антипартийной группы», берущие свое начало с хрущевских времен, не имеют под собой твердой почвы. Для Хрущева не было секретом, что ряд сподвижников по Президиуму ЦК не испытывают перед ним надлежащего пиетета, а некоторые открыто высказывают свое несогласие с его новшествами.

С Молотовым схватился, так сказать, на идейной основе. Тот выступил против освоения целины в гигантских размерах:

— Это нелепость, даже авантюра, — горячился обычно сдержанный и осторожный в устных суждениях Молотов. — Ты не знаешь, Никита, я не против самой идеи освоения целины, однако не в таких массовых масштабах. Лучше в обжитых районах поднимать то, что уже готово. Вот у тебя миллион рублей, больше нет. Что выгоднее — отдать их на целину или уже в обжитые районы, где возможности имеются? Надо средства в Нечерноземье вкладывать, а то совсем обезлюдует. А в целину — постепенно, по мере возможностей.

— Все ясно, ты враг целины! — сердился Хрущев.

— Позволь, какой же я враг? Надо рассчитывать все-таки, как же можно государственные дела так делать?

Через год обсуждают на Президиуме: средства разбросаны, хлеб хранить негде, он сгнил, дорог нет. С учетом потерь получается, что собрали всего по два центнера зерна с гектара. Курам на смех.

Воспротивился Молотов и созданию совнархозов, сочинил целое послание членам Президиума. Мол, это дело абсолютно не подготовлено. Выступал против разделения партии на сельскую и городскую.

Прав был или ошибался Молотов, не поддерживая новшеств Хрущева, показало время. Ни одна из хрущевских реформ не доказала своей жизненности, и вскоре все они были благополучно свернуты.

Негативное отношение Молотова к задумкам Хрущева приводило последнего в ярость. Приближенным дана была команда копать под несговорчивого сталиниста. В 1955 году нашли компромат — в статье, опубликованной журналом «Коммунист», Молотов утверждал, что в стране построены основы социализма. Не социализм в основном, как трактовала официальная наука, а «основы». По наущению Хрущева Поспелов и Румянцев сочинили письмо в ЦК: так «в основном» или «основы»? Хрущев велел разослать статью членам Президиума, устроил обсуждение, метал громы и молнии — мол, Молотов умаляет достижения социализма.

И опять время показало, кто был прав. Сегодня эти талмудистские споры вызывают разве что улыбку, а тогда вокруг них бушевали страсти. В сердцах Молотов произнес слова, за которые пришлось расплачиваться всю жизнь:

— Знаете, кого мне напоминает Хрущев? Прасола. Были такие в деревнях до революции, скот продавали. Притом, прасола мелкого типа. Малокультурный, безусловно. Прасол.

Уничижительно отзывался о Хрущеве и Каганович, занимавший пост первого заместителя председателя Совета Министров:

— Политически малограмотный, запутал сельское хозяйство, а в промышленности совсем не знает дела.

Лазарь Моисеевич помнил о малоизвестной в широких партийных кругах странице биографии Никиты Сергеевича, которая приносила последнему немало неприятностей и которую он хотел бы навсегда вычеркнуть из памяти:

— Хрущев в молодости был троцкистом, боролся против Ленина. Юзовка — это меньшевистский центр, а Хрущев именно там верховодил. Все его мелкобуржуазные замашки — оттуда.

С Булганиным поссорился на бытовой почве. Весной 1957 года подвыпивший Хрущев принимал гостей на даче по случаю семейного торжества — женитьбы сына. После нескольких тостов словоохотливый хозяин снова закатил длинную речь, в которой грубо поддел предсовмина. Вспыхнувший Булганин попросил тщательнее подбирать выражения.

Праздничный обед был порядком испорчен. Молотов, Маленков и Каганович демонстративно засобирались домой. К ним присоединился обиженный Булганин. Это был вызов хозяину, которому стало ясно, что предсовмина переметнулся на сторону его противников.

Хрущеву доложили, что покинувшая свадьбу четверка направилась на дачу Маленкова и там продолжила застолье.

На свадьбе присутствовал маршал Жуков, в ту пору министр обороны и кандидат в члены Президиума ЦК. После того, как Маленков, Молотов, Каганович и Булганин демонстративно уехали со свадьбы, к Жукову подошел Кириченко:

— Георгий Константинович, ты понимаешь, куда дело клонится? Эта компания не случайно демонстративно ушла со свадьбы. Я думаю, что нам нужно ухо держать востро. А в случае чего, надо быть ко всему готовым. Мы на тебя надеемся. Ты в армии

пользуешься громадным авторитетом. Одно твое слово, и армия сделает все, что нужно.

По свидетельству Жукова, Кириченко был пьян, но его слова заставили министра насторожиться. Маршал знал, что Кириченко — один из самых близких Хрущеву людей, и ему показалось, что украинский секретарь завел такой разговор не случайно, не по собственной инициативе. Доверенное лицо руководителя страны многозначительно промолвило:

— В случае чего, мы не дадим в обиду Никиту Сергеевича.

«Мы». Значит, существовала группа сторонников Хрущева в противовес его противникам. Сегодня известно, что за недовольными Хрущевым велось тщательное наблюдение, их телефонные разговоры прослушивались, а контакты фиксировались. За обработку и привлечение на свою сторону влиятельных членов правительства, особенно глав силовых ведомств, между двумя противостоящими друг другу лагерями шла ожесточенная борьба.

Вспоминая о пьяной болтовне Кириченко и других эпизодах, Жуков прямо скажет, что, кроме сторонников Хрущева, его протупывал и враждующий лагерь. 19 июня утром, когда Хрущев принимал венгерскую делегацию, Жукова пригласил в Кремль Маленков. Состоялась беседа по душам, в ходе которой Маленков высказал свое нелицеприятное мнение о Хрущеве.

Жуков понял, что стоит за словами Маленкова. Чью сторону принять? Он прекрасно понимал, что каждая группа обладает колоссальной силой. Осторожный маршал уклонился от прямого ответа, кого он будет поддерживать.

А через пару часов его снова вызвали в Кремль — на заседание Президиума ЦК. В коридоре перед входом в зал заседаний Жукова встретили (и снова неспроста!) Микоян и Фурцева, которые рассказали о требовании

группы членов партийного руководства сегодня же рассмотреть вопрос о Хрущеве. Жуков сказал, что его позицию только что зондировал Маленков.

— Со мной тоже разговаривали, — признался Микоян.

Из «полных» членов Президиума только он да Сулов выступили против принятия решения об освобождении Хрущева. Арифметический перевес был на стороне его противников. Маленков и Каганович обвинили Хрущева в том, что он перестал считаться с Президиумом ЦК, выступает на местах с речами без предварительного обсуждения их ключевых положений на Президиуме, груб в обращении со старейшими членами партийного руководства, работавшими еще с Лениным.

— Хрущев отступил от ленинской традиции руководства партией и государством, — поддержал своих друзей Молотов. — Начиная с Ленина, всегда было так: председательствовал на заседании Политбюро председатель Совнаркома. Сначала председательствовал Ленин, когда он болел — Каменев, потом Рыков, потом я, потом Сталин. Впервые нарушил это правило Хрущев. Он действует обкомовскими методами. Чувствуете разницу? Не председатель, а председательствующий. Помню, Томский сильно возмутился, целое дело затеяли, когда однажды «Правда» напечатала: «Председатель Молотов». С тех пор строго следили, чтобы в печать шло «председательствующий». Сегодня Булганин занял кресло председательствующего по чину, как председатель Совмина.

Несколько десятилетий спустя Молотов, возвращаясь к теме неудачного июньского путча 1957 года, вспоминал, что Хрущев долго не хотел отдавать свое председательское кресло:

— Кричал, возмущался...

Заговор или сговор?

С легкой руки Хрущева к участникам июньской попытки сместить руководителя партии приклеился ярлык заговорщиков.

Ни один из них себя таковым не считал. По их мнению, все происходило в рамках партийной демократии — открыто, гласно, в присутствии того, кому решили высказать замечания о негодном стиле руководства. Каждый из членов высшего партийного ареопага мог беспрепятственно изложить свою точку зрения, голосовать «за» или «против».

Большинство высказалось за смещение. Мнения выражались не под принуждением, не под стволами автоматов. Трое суток с утра до вечера шло свободное обсуждение того, может ли лидер дальше возглавлять партию, если наделал столько ошибок.

Члены Президиума обменивались мнениями, дискутировали, в перерывах перекусывали, пили чай, кое-кто даже умудрялся вздремнуть после обеда. По вечерам собирались группами и подгруппами, вырабатывали тактику на завтра, готовились к очередным схваткам. Разве это похоже на заговор?

Микоян, с первых же минут вставший на сторону Хрущева, ввиду важности обсуждаемого вопроса предложил сделать перерыв, чтобы дожидаться прибытия отсутствовавших членов Президиума, а также кандидатов в члены — руководителей республиканских компартий. Однако замысел хитрого кремлевского лиса был разгадан, группа Маленкова — Молотова поняла, что целью ставится оттяжка времени. Заседание продолжать, отсутствующих срочно вызвать в Москву, — настояли антихрущевцы.

Кириченко и Сабурова быстро доставили в Москву военными самолетами. Первый, как и следовало

ожидать, безоговорочно встал на сторону Хрущева. Второй — поддержал фракционеров. С учетом Ворошилова, который симпатизировал старым товарищам, за смещение Хрущева высказались семеро, против — трое.

Хрущев лихорадочно искал выход из положения.

— Надо созвать пленум, — осенило его. — Пленум избирал меня первым секретарем, ему и решать, оставаться мне в этой должности или нет.

Группа ответила отказом:

— Пленум соберем, но только после снятия Хрущева.

— Но ведь это нарушение партийного устава, — сопротивлялся поверженный вождь. — Первого секретаря избирает пленум.

— Конечно, пленум, — отвечали ему. — Но кандидатуру вносит Президиум ЦК. После обсуждения на своем заседании.

Хрущев сник. Оборвалась последняя ниточка.

Но спасительная идея пленума не покидала его. Чем больше он размышлял над ней, тем ярче разгорался огонек надежды. В конце концов, аппарат ЦК — в его руках. А это большая сила. Особенно если ее использовать с умом.

Суслов и особенно Фурцева поняли с полуслова. Аппарат ЦК подчинялся им, секретарям, а не заговорщикам, которые хотя и были членами Президиума ЦК, но скорее по должности, поскольку руководили важнейшими органами законодательной и исполнительной власти. Фурцева и волей случая оказавшийся в Москве член ЦК КПСС первый секретарь Горьковского обкома партии Игнатов развернули бурную деятельность.

Екатерина Алексеевна Фурцева прекрасно знала московские кадры. Секретарем ЦК и кандидатом в члены Президиума она стала в 1956 году, на XX съезде.

До этого с 1942 года работала в городской партийной организации, в том числе с 1950 года вторым секретарем МГК, с 1954 года — первым. В Москве работало немало количество членов ЦК, которых Фурцева выдвигала и с которыми поддерживала приятельские отношения. Оповестить их о случившемся, проинструктировать по работающей правительственной связи особого труда не составляло.

Позднее Хрущев интерпретировал эти события в выгодном для него свете. О роли Фурцевой в организации вызова в Кремль московской группы членов ЦК не было произнесено ни слова. Выходило так, что они сами, обеспокоенные непрерывным заседанием Президиума и обсуждаемым вопросом — о руководстве Центральным Комитетом (откуда им это знать?) — по собственной инициативе прибыли в Кремль и потребовали срочно созвать пленум. Нигде, никогда, ни под каким предлогом фамилии этих членов ЦК не назывались.

На XXII съезде в 1961 году Игнатов, касаясь тех бурных дней, привел в своем выступлении письмо москвичей — членов ЦК, с которым они обратились к Президиуму с требованием о созыве пленума. В стенографическом отчете съезда письмо закавычено, т. е. приведено полностью, но опять же без подписей. И еще вопрос: как они его сочинили? По пути следования в Кремль, когда, по словам Игнатова, многие из них буквально пробирались к месту заседания Президиума? Скорее всего, текст письма был заранее сочинен Игнатовым под диктовку Фурцевой.

По официальной версии Хрущева, которой придерживались и его сторонники, большая группа членов ЦК, обеспокоенных судьбой единства Президиума, прибыла в Кремль и потребовала, чтобы их немедленно приняли. Группа Маленкова — Молотова категорически возражала, устроив страшный шум. Мол,

как это члены ЦК осмелились к ним обратиться? Хрущев и поддерживавшие его люди настаивали на приеме. Тогда фракционеры предложили, чтобы членов ЦК принял не Президиум, а один из их сторонников — Булганин или Ворошилов. Увидев, куда гнут фракционеры, Хрущев заявил, что и он пойдет на встречу с членами ЦК, и настоял на своем. Встреча состоялась в приемной Президиума.

С точки зрения фракционеров это выглядело так. Когда стало известно, что группа членов ЦК добивается встречи, они спросили, кто они и сколько их. Выяснилось — десять человек, которых смогла наскрести Фурцева в субботний день. Но ведь по уставу для созыва пленума требования десяти членов ЦК недостаточно. Именно этим объясняли фракционеры свой отказ встретиться с прибывшими в Кремль.

Встреча все же состоялась. В приемную, где дожидались члены ЦК, одновременно вышли четверо. Ворошилов и Булганин — от большинства, Хрущев и Микоян — от меньшинства.

Это случилось во второй половине дня 20 июня, в субботу — т. е. на второй день непрерывных заседаний. Увидев четверку, делегированную двумя противоборствующими лагерями для переговоров, московская группа членов ЦК, проинструктированная Фурцевой, потребовала созыва пленума.

— Это не по уставу, — начал было Булганин.

Его вежливо оборвали:

— Не беспокойтесь, все делается правильно.

— Но ведь вас всего десятеро...

— Вы правы, нас десятеро, но мы говорим от имени 107 членов Центрального Комитета. Они здесь, в Москве, и уполномочили нас довести требование о немедленном созыве пленума.

Это было невероятно: буквально за считанные часы сторонникам Хрущева удалось доставить в Москву 107

из 130 человек, входящих в состав ЦК.

Пленум решили собрать в понедельник, 22 июня, в два часа дня.

«Мы не были фракцией...»

Находясь не у дел, Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов много размышляли над причинами своей неудачной попытки смещения Хрущева. Некоторые их размышления зафиксированы в источниковедческой литературе, в том числе в записях бесед Ф. Чуева с Молотовым и Кагановичем. Что касается Шепилова, то он оставил собственноручно написанные многостраничные воспоминания, к сожалению, до сих пор не изданные.

Все они категорически не согласны с приклеенным им Хрущевым ярлыком фракционеров. «Мы не были фракцией. Если бы мы были фракцией, если бы мы организовались, мы бы могли взять власть», — утверждал Каганович. По его мнению, за ними было большинство Президиума, они пользовались громадным авторитетом, но главная причина неудачи в отсутствии организованности. «Мы парламентаризмом занялись, — сожалел Лазарь Моисеевич. — Парламентаризмом, вот. Ошибка наша в том, что мы парламентаризмом занялись... И не собирались тайно...».

После снятия с занимаемых постов и исключения из состава ЦК Каганович, Молотов, Маленков и Шепилов не поддерживали между собой никаких отношений. Даже не перезванивались по телефону по праздникам, что исключает вероятность договоренности о том, чтобы придерживаться единой позиции. Однако все единодушны (каждый в отдельности): действовали неорганизованно. «В нашей группе не было единства, не было никакой программы, — говорил Молотов. — Мы

только договорились его снять, а сами не были готовы к тому, чтобы взять власть».

По мемуарам Шепилова, бессистемный поток самых невероятных, смешных, неграмотных инициатив и указаний Хрущева уже к весне 1957 года привел к единому мнению: Хрущева надо убирать, пока он не наломал дров. Убирать, например, на пост министра сельского хозяйства. Никакого заговора сталинской гвардии не было, была абсолютная уверенность, что с Хрущевым дальше ехать некуда.

Шепилов — интеллеktуал, профессор, член-корреспондент Академии наук. Зря потешались над ним из-за самой длинной в мире фамилии — «ипримкнувшийкнимшепилов». Это был умный человек. Он поплатился блестящей карьерой в 52 года, сказав о Хрущеве на том заседании Президиума в июне: «Неграмотный человек не может править государством». Через семь лет, в октябре 1964 года, когда июньские защитники Хрущева будут беспощадно с ним расправляться, каждый из них будет повторять эту фразу.

Молотов первым назвал имя человека, который фактически спас Хрущева в июне 1957 года. Этим человеком был министр обороны маршал Жуков. Характерно, что в своих многочисленных речах, даже самых запальчивых и откровенных, Хрущев никогда не касался этого щекотливого вопроса. Из официальной версии вытекало, что июньский пленум поддержал курс Хрущева и осудил преступных фракционеров.

Детали замалчивались неспроста. Уж очень не хотелось афишировать то, благодаря чему Хрущев уцелел в своем кресле. Победить несогласных с его курсом удалось не потому, что все стояли за него горой и что ЦК проявил мудрость и прозорливость, как вбивала в головы людей тогдашняя пропаганда.

Дело обстояло куда проще и обыденнее. Жуков, которому надоело слушать пререкания членов Президиума, встал и рубанул:

— Если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущева с должности первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь к армии. Я категорически настаиваю на срочном созыве пленума ЦК.

Министр обороны открыто принял сторону Хрущева, и это привело к заметному упадку боевитости в группе Маленкова — Молотова. Все знали, что председатель КГБ Серов — давнишний приятель Хрущева. А теперь вот выбор сделал и министр обороны.

Молотов считал его крупным военным, но слабым политиком. Спустя четыре месяца, когда Жукова сняли с поста министра обороны, он проклинал Хрущева и сильно сожалел о своем решительном заявлении в июне, которое назвал ошибочным.

Почему Жуков отверг предложение Маленкова и взял сторону оставшегося в меньшинстве Хрущева? Никто не знает ответа на этот вопрос. Решение маршала выглядит довольно странным, если учесть, что именно Маленков инициировал переезд опального маршала в Москву из Свердловска после смерти Сталина. И вдруг возвратившийся в столицу Жуков берет сторону противника своего благодетеля. Правда, к тому времени благодетель был уже не таким всемогущим, его разжаловали из председателя Совмина в министра электростанций. Может, это и определило выбор Жукова? Или маршал решил оставаться верным своему Верховному главнокомандующему до конца, в отличие от некоторых других маршалов и генералов эпохи Горбачева?

Чем бы он ни руководствовался, но решение принял. И, послушные приказу министра обороны, в воздух взмыли самолеты военно-воздушных сил. С членами ЦК

на борту. Их собирали по всей необъятной стране и доставляли в Москву. Нередко в кабинах истребителей. То-то Булганин с Ворошиловым удивлялись: как это удалось за несколько часов перебросить с периферии более ста человек.

Жуков рьяно взялся за спасение Хрущева. Даже пообещал ему отколоть Ворошилова:

— Мы же родственники, в конце концов.

Внук Ворошилова, занимавшего в ту пору пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, был женат на дочери Жукова. Воспользовавшись тем, что по-родственному еще ни разу не встречались, Жуков предпринял попытку пообщаться со стариком в неформальной обстановке и переманить на сторону Хрущева. Однако из этой затеи ничего не вышло. Ворошилов был явно настроен против Хрущева.

В интерпретации группы Маленкова — Молотова именно Жукову принадлежит центральная роль в организации сражения за Хрущева. По свидетельству Сабурова, под Москвой появились танки, вышедшие из военных городков по приказу министра. То есть сторонники Хрущева организовывались, принимали для защиты решительные меры, в основном военного характера. А что же заговорщики? Ведь у них была огромная власть. Предпринимали ли они какие-либо усилия, чтобы обратиться к партии, к народу?

Молотов отвечал однозначно: нет. Партийные организации были не в их руках, да и противопоставить Хрущеву было нечего. Он чем взял? Лозунгом: вот при Сталине вам было плохо, а теперь будет лучше. Это подкупало. Хрущев и на июньской размолвке нажил политический капитал, заявив, что группа Маленкова — Молотова намеревалась обезглавить руководство партии, изменить состав Президиума за спиной ЦК, захватить руководство партией, свернуть ее с ленинского пути, восстановить порядки, бытовавшие

при культе личности. А кто хотел возвращения назад? К тому же в 1957 году имя Хрущева для многих было связано с XX съездом, с оттепелью, а люди типа Маленкова и Молотова ассоциировались со сталинским прошлым. Хотя, как мы сейчас знаем, Хрущев в годы массовых репрессий ничем не отличался от группы, которую он обвинил в истреблении лучших кадров партии и государства. И на его руках — кровь невинных жертв.

Наверное, точка зрения Молотова осталась бы основополагающей и по сей день для историков, исследующих тот период времени. Действительно, момент был неподходящим для обращения к партии и народу. И тем не менее новейшие изыскания ставят под сомнение утверждения Молотова. Обнаружен источник, свидетельствующий о том, что группа Маленкова — Молотова все же предпринимала попытки оповестить страну о намечавшихся изменениях в высшем руководстве партии.

Упоминание о документах, которые готовили и размножали Каганович и Шепилов для отправки на места, содержится в неизданных мемуарах тогдашнего министра внутренних дел СССР Н. П. Дудорова.

Он пишет, что 19 июня вечером к нему попросился на прием начальник отдела фельдъегерской связи, входившей тогда в систему МВД, полковник Краснопевцев.

— Товарищ министр, — доложил он, — меня только что сейчас вызывал к себе Булганин и приказал мне немедленно доставить принятые Президиумом ЦК КПСС решения в партийные органы всех союзных республик, крайкомы и обкомы партии страны. Без вашего разрешения, товарищ министр, я этого сделать не имею права.

Дудоров похвалил полковника:

— Вы правильно поступили, что мне доложили. Какое количество почты по объему? Вы видели?

— Да, видел. Почты много, — ответил начальник фельдсвязи.

— А вы сможете немедленно забрать ее из Кремля и сложить у себя в помещении отдела фельдсвязи? — спросил министр.

— Да, могу.

— Тогда так и сделайте. Без моего разрешения ни одной бумаги никуда не отправляйте.

— А если спросит Булганин, отправлена ли почта?

— Ответьте ему, что я запретил вам отправку почты. Пусть он разговаривает по этому вопросу со мной.

Дудоров связался с Хрущевым и все ему рассказал. Документы остались нерасосланными.

Кто спутал карты

В понедельник, 22 июня, в два часа дня Хрущев открыл пленум ЦК КПСС. Коротко сообщил о характере рассматриваемых на закрытых заседаниях Президиума вопросах.

В исторической литературе утвердилось мнение, что и на пленуме карты заговорщикам спутал маршал Жуков. Ссылаются при этом на его собственный рассказ, написанный, но не опубликованный при жизни. Часть исследователей вообще ставила под сомнение существование этой рукописи и, как оказалось, напрасно: ее обнаружил в архиве и обнародовал писатель В. Карпов в своей литературной мозаике «Маршал Жуков. Опала».

Хрущев предоставил Жукову первое слово. И министр обороны своим неожиданным выступлением повернул повестку дня и весь ход пленума совсем в ином направлении. По расчетам группы Маленкова — Молотова пленум должен был обсудить деятельность

Хрущева на посту первого секретаря. Истины ради следует подчеркнуть, что значительное число членов ЦК перед пленумом высказывали претензии к стилю работы Хрущева. Позднее многие признавали: не выступи Жуков первым, еще неизвестно, чем бы все закончилось.

Первое выступление должно задать тон. Это отлично понимал Хрущев. Жуков, как никто другой, годился для этой роли. Министр обороны, маршал, четырежды Герой, полководец Победы, человек, арестовавший Берию. Команда Хрущева, и особенно Серов, вооружили оратора убийственными фактами, касающимися Маленкова, Молотова и Кагановича. Именно на эту тройку из семи членов Президиума, недовольных Хрущевым, обрушился Жуков в речи, подготовленной для него людьми Хрущева.

Сегодня, читая выступление Жукова, отчетливо видишь его тенденциозность, политическую заданность. Рассуждая беспристрастно, как и положено исследователю исторических загадок, приходишь к выводу, что Жуков говорил не по теме, вынесенной на обсуждение пленума. Напомню, предметом разговора должен был быть стиль работы первого секретаря ЦК, к которому у части сподвижников возникли претензии. Кстати, Хрущев на закрытых заседаниях Президиума, шедших в течение трех дней, признавал, что допустил немало ошибок, и обещал впредь их не допускать. Однако вместо коллективной выработки мер по исправлению положения в исполнении Хрущевым обязанностей лидера партии началось избивание его главных оппонентов.

По форме выступление Жукова напоминало прокурорское обвинение. По полочкам раскладывались злоупотребления, определялась степень вины каждого.

— Вина Маленкова больше, чем вина Кагановича и Молотова, потому что ему было поручено наблюдение

за НКВД, — гремел жесткий голос оратора. — Обнаружен документ, написанный лично рукой Маленкова об организации специальной тюрьмы для партийных кадров. Я его руку хорошо знаю — у Сталина не раз во время войны вместе писали документы.

Факты, обнародованные Жуковым, потрясли провинциальных слушателей, далеких от большой политики. В сейфе у помощника Маленкова хранилось 58 томов с записями подслушанных разговоров, которые вели маршалы, дипломаты, министры, секретари ЦК. Фамилии такие — замри и ляг!

Не нами замечено: то, что кажется совершенно очевидным для современников, часто представляется абсолютно иным уже лет через десять — двадцать. Сегодня мы знаем, что во многих странах есть отдельные тюрьмы, где отбывают наказание правительственные чиновники, работники суда и прокуратуры, полиции. В общие места заключения их не помещают по известным причинам. Были и поныне существуют церковные тюрьмы. Коммунистическое руководство СССР ничего нового не придумало, создав специальную тюрьму для своих партийных кадров.

Что касается более полусотни томов «прослушки», то сегодня выяснилось, что списки на установку «жучков» в квартирах высокопоставленных деятелей утверждались в ЦК лично Никитой Сергеевичем Хрущевым по представлению тогдашнего министра внутренних дел Игнатьева. Сидевшие в зале, конечно же, этих подробностей знать не могли.

— Наш народ носил Молотова, Кагановича, Маленкова в своем сердце, как знамя, мы верили в их чистоту, объективность, а на самом деле вы видите, насколько это грязные люди. Если бы только народ знал, что у них на руках невинная кровь, то их встречал бы не аплодисментами, а камнями, — гремел с трибуны Жуков.

В заключение он внес предложение обсудить вопрос о злоупотреблении властью этими тремя лицами здесь, на пленуме:

— Я не предлагаю сейчас судить эту тройку или исключить ее из партии... Они должны сказать все, а потом мы посмотрим, что с ними делать...

Хрущев быстро поставил вопрос на голосование. Предложение Жукова было принято. Загрохотала, завращалась беспощадная молотилка. Услышав о партийной тюрьме, выступающие громили фракционеров из всех сил.

Несколько иную интерпретацию того, как удалось изменить повестку дня пленума и превратить заговорщиков в обвиняемых, дает другой, тоже весьма осведомленный участник тех событий. Он не хочет делить лавры победы с Жуковым.

Речь идет об уже упоминавшемся министре внутренних дел Дудорове. В его неизданной рукописи, которую он написал перед кончиной, первый день пленума изображается так.

После краткого сообщения рассматриваемых вопросов на закрытых заседаниях Президиума ЦК председательствующий предоставил слово для выступления Маленкову.

Дудоров, по его словам, сидел в первом ряду, около трибуны, и пока Маленков выходил из-за стола президиума пленума, он (Дудоров) занял трибуну и обратился к залу:

— В связи с обсуждением на пленуме ЦК КПСС внутривнутрипартийного вопроса я прошу членов Президиума ЦК разрешить мне выступить перед тем, как выступит Маленков. В своем сообщении я охарактеризую работу Маленкова в бытность его многие годы заведующим отделом кадров партийных органов ЦК и секретарем ЦК КПСС, и пусть он потом даст ответ пленуму ЦК партии. Для этого я располагаю неопровержимыми фактами и

документами, которые раскрывают его лицо как человека, причинившего своими действиями непоправимый вред нашей партии.

«Все участники пленума ЦК в один голос ответили на мою просьбу: Говори, товарищ Дудоров. Маленков ушел. Я в своем выступлении подробным образом рассказал членам пленума о той преступной роли, которую исполнял Маленков по уничтожению кадров, и все, что мною выше изложено. Участники пленума ЦК выслушали мое выступление с большим вниманием. После моего выступления Маленкова никто не хотел слушать, а по существу его сняли с трибуны. По обсуждаемому вопросу выступило много членов ЦК партии, и все выступающие клеймили позором деятельность раскольнической антипартийной группы».

Таково свидетельство человека, считавшего себя главной фигурой в сражении за Хрущева.

Кто из них играл ключевую роль — Жуков или Дудоров? Наверное, оба одновременно. Но каждый ставил выигранное сражение в заслугу только себе. И объясняется это тем, что Жуков, Дудоров и председатель КГБ Серов жили между собой недружно. Имеются данные, что Жуков накануне июньского пленума страдал Хрущева ненадежностью Дудорова: у него, мол, в Москве несколько дивизий, вдруг поддержит оппонентов? Дудоров не ладил с Серовым и передал на него Хрущеву компромат: личное дело отца председателя КГБ, служившего в полицейской страже Вологодской тюрьмы с 1905 до 1917 года. После революции скрылся в неизвестном направлении, а его сын утаил от партии прошлое своего отца, преследовавшего революционеров.

О взаимной неприязни руководителей силовых ведомств хорошо знали в Президиуме ЦК. Может, фракционеры и рассчитывали на это?

Финал

Пленум продолжался неделю. Из состава членов Президиума и членов ЦК вывели Маленкова, Кагановича и Молотова. С поста секретаря ЦК сняли и из состава кандидатов в члены Президиума и членов ЦК вывели «примкнувшего» к ним Шепилова.

А остальные? Ведь недовольство Хрущевым высказали семеро. Тем не менее в Президиуме остались Булганин и Ворошилов.

В состав «антипартийной группы» их включили позднее, через два года. А полный список — Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров, Шепилов — опубликовали лишь в 1961 году.

Не странно ли? Преступную группу обезвредили в 1957 году, а ее состав обнародовали лишь через четыре года, в промежутках отдавая на заклятие всех несогласных. Очень удобный способ от них избавиться, навесив ярлык фракционеров.

Нынешний беспристрастный аналитик обратит внимание и на то обстоятельство, что в течение четырех лет много раз менялся официальный порядок расположения фамилий, составлявших «антипартийную группу». Наверное, сказывалась политическая конъюнктура.

Непредвзятый разбор июньской ситуации 1957 года приводит некоторых молодых историков новой волны к ошеломляющему заключению: заговора старой гвардии не было! Был стихийный взрыв возмущения против самодурства, нежелания никого слушать, сползания в хаос и смуту. Мол, в августе 1991 года повторилось фактически то же самое, только на новом историческом витке.

Не разделяющему, но и не отвергающему эти воззрения автору остается лишь коротко поведать о

дальнейшей судьбе некоторых действующих лиц этой пьесы эпохи десталинизации.

Министр обороны Жуков стал членом Президиума ЦК КПСС, однако уже через четыре месяца был смещен со всех постов и отправлен на пенсию.

Министр внутренних дел Дудоров был смещен с должности в 1960 году и направлен на хозяйственную работу.

Секретарь ЦК КПСС Фурцева стала членом Президиума ЦК КПСС, но уже в 1960 году была переброшена «на культуру».

Первый секретарь Горьковского обкома партии Игнатов удостоился быть избранным — неслыханный случай! — сразу членом Президиума ЦК. В октябре 1957 года был переведен в Москву. Был секретарем ЦК КПСС, заместителем председателя Совета Министров СССР, председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. По иронии судьбы в 1964 году принимал активное участие в свержении Хрущева.

Что касается самого главного действующего лица этой истории, то оно стало придерживаться традиции, установленной при Ленине. Заняв пост главы правительства после смещения Булганина, Хрущев начал законно председательствовать на заседаниях Президиума ЦК.

Глава 14

БОТИНОК ХРУЩЕВА

Об экстравагантных выходках третьего советского вождя сегодня вспоминают с улыбкой. В многочисленных анекдотах и насмешках запечатлел народ жизнь и славные деяния этого неординарного государственного деятеля.

Одни представляют его шутом на царском троне, посмешищем мирового масштаба. Другие, наоборот, восхищаются неукротимой энергией импульсивного реформатора, его остроумием, нестандартным поведением как дома, так и за границей.

По-разному трактуют и знаменитый инцидент на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где глава советской делегации снял свой легендарный ботинок и начал дубасить им по трибуне, выражая тем самым несогласие с выступлением не понравившегося ему оратора.

Зарубежные журналисты взвыли от восторга. А по Москве зашелестели слухи о том, в какую сумму штрафа обошлась эксцентричная выходка малограмотного Никитки, не умеющего вести себя в приличном обществе.

Был ли штраф? И вообще, снимал ли Хрущев ботинок? Колотил-то им точно, а вот насчет того, разувался ли, еще как сказать...

«Секретное оружие — мой язык»

Продолжая традицию предшественников, Хрущев при жизни выпускал множество брошюр и сборников со своими речами. Со временем они составили многотомное собрание его трудов. Эти прекрасно изданные тома предназначались широкому кругу читателей, которые изучали их в самых разных аудиториях, включая кружки политпроса.

Мало кто подозревал, что выпущенные для массового употребления тома содержали лишь приблизительные версии того, о чем в действительности говорил Хрущев. После каждого выступления небольшая группа его особо приближенных помощников садилась за стенограмму и приводила ее в надлежащий вид. То есть убирала все,

что наговаривал вождь в своей экспрессивной манере вести дискуссию или отстаивать свою точку зрения. Непривычная открытость Хрущева, отсутствие в его речах сглаженных дипломатических реверансов шокировала хранителей партийной ортодоксии.

В архивах Политбюро сохранились неправленные стенограммы выступлений Никиты Сергеевича. Сравнивая их с опубликованными, приходишь к однозначному выводу: это разные документы. Те, что были опубликованы, подвергались сильнейшей переработке, в них появлялись целые разделы и главы, которые оратором вообще не произносились. А на неправленных страницах — сумбур, перескок с одной темы на другую, примитивные вульгаризмы да агрессивно-пропагандистская риторика.

Впрочем, не везде. Вот стенограмма его беседы с иностранными журналистами в посольстве США в Москве 4 июля 1961 года. Сообщение об этой встрече в советской печати далеко не адекватно тому, что происходило в действительности. Из официального отчета безжалостно убраны страницы, дающие представление о Хрущеве — дипломате.

Американских корреспондентов больше всего интересовала тема ракетного оружия. Журналист из Вашингтона Шапиро, касаясь полушутливо прозвучавшего высказывания Хрущева о том, что у всех присутствующих здесь есть свои секреты, однако не все торопятся поделиться ими с каждым встречным, простодушно заметил:

— Мое секретное оружие — авторучка.

Хрущев незамедлительно парировал:

— А у меня секретное оружие — язык.

Раскованные корреспонденты высоко оценили остроумие советского лидера и, развивая тему, продолжили разговор: главное оружие все же голова, мозги.

Далее последовала байка, которую находчивый Хрущев рассказал своим не в меру активным любопытствовавшим собеседникам. Дело было в Алма-Ате, куда он недавно ездил. Во время обеда ему, как положено по казахским обычаям, преподнесли баранью голову. Почетный гость должен отрезать от нее кусочки и раздавать сидевшим за столом.

Хрущев, по его словам, отрезал ухо и глаз и отдал их руководителям Казахстана. Затем объявил:

— Есть мозги! Кому мозги?

Все молчали. И тут в звенящей тишине раздался голос, попросивший дать мозги ему. Просил академик Лаврентьев.

— Академику действительно нужны мозги, — произнес Хрущев. — А я работаю Председателем Совета Министров, я и без мозгов проживу...

История с мозгами, вероятно, понадобилась Хрущеву, чтобы отвлечь внимание от простодушного признания о языке как секретном оружии главы государства. Острый язык советского лидера к тому времени натворил немало. Его заявления типа «Мы вас закопаем» и «Ликвидация капиталистической системы вопрос времени» привел Запад в смятение. Добавьте сюда потрясшую воображение среднего американца картину конвейера, с которого ракеты, производство которых в СССР поставлено на поток, сходят, по образному выражению Хрущева, «как колбасы». Дмитрий Волкогон, например, считал, что феномен «ракетных колбас», изобретенный Хрущевым, больше всего подыграл тезисам о «советской военной угрозе». По мнению этого исследователя, именно Никита Сергеевич дал аргументы Западу для обыгрывания идеи отставания США от СССР в ракетостроении. Что и послужило Западу поводом для мобилизации дополнительных сил на борьбу с Советским Союзом. Хотя, как известно, Никита Сергеевич явно

преувеличивал достижения своей страны в этом вопросе.

С высоты нынешней дипломатии лексика тогдашнего советского руководителя, безусловно, вызывает недоумение. Ему, например, ничего не стоило громко ответить на вопрос того же американского корреспондента Шапиро, осмелившегося спросить, почему иностранным журналистам не разрешают посещать некоторые объекты:

— Вероятно, потому, что вы клеветник, клеветник, агент капитала!..

Что там какой-то щелкопер. Московский лидер без должного пиетета относился и к более важным лицам. «Президент Эйзенхауэр предложил, чтобы мы друг к другу обращались «май фрэнд», — воинственно размахивал Хрущев кулаками на трибуне в Париже в мае 1960 года. — Но что-то от этого «друга» запах совсем не тот, воровской...». «Американцы (речь шла о самолете Пауэрса, сбитом над территорией Советского Союза 1 мая 1960 года. — *Н. З.*) в чужой огород заглянули, рыло сунули империалисты, мы им в рыло и двинули...». «Моя мать, если кот слижет сметану, брала кота за уши и трепала, потом носом тыкала... Нельзя ли американских империалистов взять и потрепать за уши?».

Ни этих, ни других подобных перлов вы не найдете в официальных изложениях его выступлений, хотя опубликованные варианты текстов довольно живы и непосредственны, как и некоторые подробности пребывания за границей. Ну, хотя бы в том же Париже в мае шестидесятого. Мало кто знает, что советский лидер, прибыв на встречу глав правительств СССР, США, Англии и Франции и войдя в зал заседаний, не подал руку американскому президенту Эйзенхауэру.

Присутствовавший на встрече руководитель советского внешнеполитического ведомства Громыко

впоследствии рассказывал, что после открытия саммита Хрущев сразу же взял слово и произнес одну — единственную фразу:

— Совещание может начать свою работу в том случае, если президент Эйзенхауэр принесет свои извинения Советскому Союзу за провокацию Пауэрса.

Эйзенхауэр, по словам Громыко, еле слышным голосом, скорее для себя, чем для других, заявил:

— Подобных извинений я приносить не намерен, так как ни в чем не виноват.

Повисла гнетущая тишина, закончившаяся скрипом отодвигаемых кресел. Это покидали зал главы правительств. Встреча не состоялась. Хрущев сказал Громыко — надо бы собрать журналистов, объяснить, почему разговор не получился. Цековские и мидовские эксперты сели за столы, сочиняя заготовки на все случаи.

На пресс-конференцию собралось множество народу: все знали, по чьей вине сорвалась встреча в верхах. Хрущев зачитал подготовленное, но почти полностью переработанное им заявление. В зале раздалось недружественное гудение, слышались выкрики с мест. Хрущев демонстративно передал Громыко шпаргалки, которыми его снабдил министр, и разразился такой тирадой, что советская делегация сидела ни жива ни мертва.

— Господа, я прошу извинить меня, но хочу сразу ответить той группе, которая здесь «укает», — властно произнес советский премьер. — Меня информировали, что канцлер Адэнауэр прислал своих агентов, недобитых нами под Сталинградом, которые шли в Советский Союз с «уканьем». А мы так им «укнули», что сразу на три метра в землю вогнали. Так что вы «укайте», да оглядывайтесь. Мы вас били под Сталинградом, на Украине, в Белоруссии — и добились.

Если же остатки будут «укать» против нас и будут опять готовить нападение, то мы так «укнем», что...

Зал оцепенел. Но лишь на какое-то мгновение. В одном углу вспыхнули аплодисменты, в другом, наоборот, послышались смешки.

— Эти люди без перевода понимают русский язык, — метнул Хрущев яростный взгляд в сторону, откуда доносились смешки. — Это гитлеровские грабители, которые были на территории Советского Союза, но которым удалось унести ноги недобитыми...

Смешки усилились. Не слушая враждебных выкриков, Хрущев продолжал:

— Я являюсь представителем великого советского народа — народа, который совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию под руководством Ленина, народа, который с успехом строит коммунистическое общество, идет вперед, к коммунизму. Если вы на меня «укаете», этим вы мне только бодрость придаете в моей классовой борьбе... Я, господа, не скрою от вас своего удовольствия — люблю драться с врагами рабочего класса. Приятно мне слушать, как беснуются лакеи империализма, но ничего сделать не могут...

В советской печати эта зажигательная тирада в полном виде никогда не публиковалась. В помещенном в газетах изложении, естественно, не было и намек на то, как воспринималось выступление Хрущева. Справедливости ради следует отметить, что наряду со смешками и откровенно враждебными выкриками звучали и одобрительные, а нередко вспыхивали и аплодисменты. Уж больно необычно было видеть столь нестандартного советского руководителя, абсолютно непохожего на своего предшественника.

Впрочем, наличие одобрительных моментов не помешало иным исследователям, правда, уже в постсоветское время, назвать произнесенную

Хрущевым тираду зеркалом, в котором весь «международный» Никита Сергеевич — воинственный, непримиримый, невежественный, агрессивный.

На борту «Балтики»

Чем дальше в глубь истории отходит государственный деятель, тем больше судят о нем с точки зрения сегодняшнего дня, с высоты тех знаний и того опыта, которые накоплены за истекшее время. При этом начисто забываются условия и обстоятельства, в которых жил и действовал тот или иной лидер, без чего невозможно понять и объяснить мотивацию и подоплеку державных поступков.

Обратимся же к славной эпохе «ботиночной дипломатии», к тем дням, когда теплоход «Балтика» с Хрущевым на борту вышел в открытый океан и взял курс на Нью-Йорк. Многодневное плавание советского руководителя проходило в приятном обществе лидеров трех социалистических стран — болгарина Живкова, венгра Кадара, румына Георгиу—Деж. Внимая каждому слову Никиты Сергеевича, светились от счастья допущенные к путешествию с «самим» руководители Украины и Белоруссии Подгорный с Мазуровым. Сутками не выходил из хрущевской каюты Громыко: не было дня, чтобы руководитель делегации не диктовал бы соратникам и помощникам дополнительные идеи речи, которую ему следовало произнести с трибуны ООН 23 сентября.

Собственно, речь была готова еще до отплытия. Хрущев ознакомился с ней и сказал, что в целом годится, но поработать над ней еще придется.

— Времени хватит, — улыбнулся он. — На воде хорошо думается.

Первоначальный вариант претерпевал перекройку каждый день. 14 сентября, за пять дней до швартовки в

Нью-Йорке, Хрущев продиктовал очередную серию новых идей, главными из которых были две.

Советский лидер предлагал, и его новации прозвучали в речи на трибуне этой всемирной организации, перевести штаб — квартиру ООН из США в Европу. По мнению Хрущева, страной пребывания ООН могла бы быть Швейцария, Австрия или СССР. Это исключило бы односторонность действий аппарата ООН, который полностью ангажирован американцами.

— Надо потребовать, чтобы ООН отразила трехполюсность мира, — диктовал он очередную идею. — Поэтому необходимо избрать трех генеральных секретарей вместо одного от каждой группы стран: социалистической, капиталистической и развивающегося мира.

Это была идея фикс Никиты Сергеевича. Он долго оттачивал ее на Живкове, Кадаре, Георгиу—Деж и Громыко, которые восхищались гениальным решением вопроса. Подгорный с Мазуровым глаз не сводили со своего патрона, счастливые тем, что они, сугубые «внутренники», причастны к разработке подобного рода акций, которые в СССР всегда были прерогативой первых лиц партии и государства.

Подгорный с Мазуровым входили в состав Президиума ЦК КПСС, правда, в качестве кандидатов, возглавляли республики, являвшиеся членами — учредителями ООН, но к выработке внешней политики партии и государства не имели отношения. И не только они: сам Хрущев, будучи руководителем Украины, а затем секретарем МГК и ЦК КПСС и входя в состав Политбюро при Сталине, не был приобщен к информации о внешнеполитических секретах страны. Международная деятельность СССР была заповедной зоной, в которой хозяйничало не более трех-четырёх человек — Сталин, Молотов и в какой-то степени Вышинский и Берия. Остальные члены высшего

партийного и государственного руководства посвящались в международные вопросы частично, нередко задним числом, когда решение было уже принято, не по всем проблемам и не по всем аспектам каждой проблемы.

Хрущев вспоминал в мемуарах, что сам он никогда в течение всего сталинского правления не проявлял интереса к внешнеполитическим делам, стоял в стороне не только от решений, но даже и от обсуждения международных вопросов. При Сталине в Кремле каждый должен был знать только то, что ему «положено». В соответствии с этим незыблемым правилом Хрущев, будучи членом Политбюро и секретарем ЦК, появляясь на людях вместе со Сталиным, то есть входя в его ближайшее окружение, не знал подоплеку войны с Финляндией, пакта с Гитлером, секретного протокола по Прибалтике, корейской войны. При Сталине он лишь однажды был за границей — сразу после окончания Отечественной войны, в Австрии, да и то под именем мифического «генерала Иванова».

Когда Хрущев выдвинулся на первую роль в партии и государстве, ему было шестьдесят лет, — Никита Сергеевич родился в 1894 году. Возраст, в котором многие деятели итожат результаты своей деятельности и уходят со сцены. Хрущев, наоборот, только-только взобрался на самую вершину власти. И... оказался полнейшим дилетантом в такой тонкой и специфической сфере, как внешнеполитическая, которая всегда является прерогативой главы государства. Первые два года — с 1953 по 1955 — Хрущев, очевидно, чувствуя себя недостаточно подготовленным в вопросах внешней политики, занимался ими очень мало, почти полностью отдав их на откуп Молотову, считавшемуся главным авторитетом по части иностранных дел.

Спустя два года, укрепив свою власть внутри страны, Хрущев взялся за внешнюю политику. Сейчас мало кто об этом помнит, но именно он начал добиваться пересмотра отношений между Востоком и Западом. Средство он избрал для советского Кремля небывалое — встречи с западными руководителями. Первая такая встреча с американским президентом Эйзенхауэром состоялась в 1955 году в Женеве — на нейтральной территории.

Это было нечто новое. Хрущев стал первым советским руководителем, нарушившим строгое табу на выезды за пределы страны и контакты с главами капиталистических держав. Этого табу неукоснительно придерживались все его предшественники. Ленин, став председателем Совнаркома в 1917 году, в этом качестве за границу не выезжал. Сталин лишь дважды покидал Москву, и обе поездки — в Тегеран и Потсдам — были вызваны обстоятельствами военного времени. В мирные годы, а их пришлось на его правление почти четверть века, Сталин ни разу не посетил ни одну страну Запада. Он не съездил даже ни в одну социалистическую страну.

Хрущев сломал домоседскую традицию советских вождей, дипломатический стиль своих предшественников. В отличие от них, Никита Сергеевич не просто любил, а обожал ездить за границу. В этом плане из всех семи советских вождей с ним сравним только один — Горбачев. После первой поездки в Швейцарию, где состоялась встреча с американским президентом, Хрущев с Булганиным посетил Англию. Потом была поездка в США.

— Это был первый шаг к открытости нашего общества, — вспоминал известный политолог и общественный деятель Федор Бурлацкий, работавший в те годы в аппарате ЦК КПСС в кругу советников Хрущева, пять раз сопровождавший его в зарубежных

поездках. — Запад получил возможность непосредственно увидеть советского лидера, и многие там вздохнули с облегчением. «Коммунистический дьявол» оказался не таким страшным. Хрущев охотно давал интервью, общался с журналистами, говорил откровенно, много шутил, рассказывал анекдоты, просто реагировал на острые вопросы. Мрачная, монументальная, как памятник на кладбище, фигура Сталина, которая в глазах западных людей олицетворяла коммунистический режим, сменилась живой, раскованной, озорной, лукавой, простоватой фигурой Хрущева.

По словам Бурлацкого, хрущевский стиль отношений с западными лидерами, как ни странно, импонировал им. На Западе не ценят людей, застегнутых на все пуговицы, и потому не очень жаловали многих наших дипломатов. Другое дело Хрущев — без прикрас, натура, как она есть.

— Мне рассказывал, — продолжает Бурлацкий, — бывший австрийский посол в СССР о первой встрече Хрущева с Юлиусом Раабом — федеральным канцлером Австрии — у трапа самолета в 1955 году, когда готовился договор между нашими странами. Рааб еще не успел спуститься по ступенькам, как Хрущев закричал: «Рааб, вы маленький капиталист!» Он имел в виду принадлежность канцлера к буржуазной Австрийской народной партии. «А вы — самый большой коммунист в мире!» — нашелся Рааб. Оба посмеялись и прониклись симпатией друг к другу.

Хрущев был первым из советских руководителей, кто охотно подпускал к себе иностранную прессу. В отличие от Сталина, который время от времени давал интервью газете «Правда», но все знали, что никакого корреспондента в кабинете не было, Сталин сам задавал себе вопросы, сам и отвечал, Хрущев любил общаться с газетчиками. Они тоже обожали эти

встречи. Американские репортеры, например, собирались стайками по утрам возле его резиденции. Разбуженный их голосами, Хрущев выходил на балкон. Начиналась импровизированная пресс-конференция: Хрущев на балконе, журналисты внизу. Это были своеобразные политические шоу. Американцам нравилась хрущевская откровенность, грубоватая манера шутить, эмоциональность.

Начиная с 1960 года редкий месяц проходил без выезда Хрущева за границу. Он объездил почти весь мир. Потом, во время снятия, взбунтовавшиеся соратники назовут подсчитанную цифру — сорок раз. Столько же побывал за рубежом Горбачев. Но последний генсек — за шесть лет своего секретарства. А Хрущев — за неполные четыре года. Только в 1964 году к октябрю он находился в поездках 150 дней...

Запад поражался размаху, с которым обставлялись зарубежные визиты советского лидера. Он брал с собой неисчислимую свиту — советников, переводчиков, шифровальщиков, стенографистов, связистов, шоферов, телохранителей. Но почти никогда не прислушивался к мнению экспертов — дипломатов и работников спецслужб. Это был лидер, который все хотел делать и решать сам. Его энергия была потрясающей, он изумлял всех своей работоспособностью. Чем только он не увлекался: кукурузой и гидропоникой, «воспитанием» интеллигенции и космосом, массовым строительством пятиэтажек и бесконечной критикой Сталина. Потом пришел черед вопросам международным, которым он, войдя во вкус, начал уделять внимания больше, чем внутренним. И сгорел на этом. Горбачев по сути повторил его ошибку, только ошибка последнего генсека обернулась куда более катастрофическими последствиями.

Демонстрируя нежелание слушать подсказки и советы, Хрущев, несомненно, являл собой образец

сильной личности. Но здесь его подстерегала опасность некомпетентности и крупных просчетов. О них ему напомнят соратники при снятии в октябре 1964 года — зачем было строить стадион в Джакарте на сто тысяч зрителей, отель в Рангуне, исследовательский атомный центр в Гане, спортивный комплекс в Мали? За десять лет хрущевского секретарства СССР построил в разных странах около шести тысяч предприятий, но многомиллиардные затраты на них пошли впустую из-за того, что нас попросили убраться из этих стран. Кто виноват? Хрущев с его непродуманными, непросчитанными решениями, постоянно обрывавший советников и экспертов, не умевший их слушать.

Но и они хороши! Никто из них, видя некомпетентность новичка во внешнеполитических вопросах, не подал в знак протеста в отставку. Угодливо внимали каждому его слову, стремглав бежали выполнять любое, самое поверхностное решение. Тот же Громыко на борту «Балтики» ужасался, но молчал, наблюдая, как в который раз перекраивается речь советского лидера на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Хрущев не был бы Хрущевым, если бы не перекроил окончательно отточенную во время плавания на «Балтике» и одобренную им лично двухчасовую с «хвостиком» речь прямо на трибуне ООН. Оцепеневший Громыко ощутил новый прилив ужаса и стыда, когда вместо утвержденного на «Балтике» текста услышал хрущевские импровизации. Вот только один пассаж, касающийся решения США, объявленного американским президентом на пленарном заседании ООН, о помощи голодающим:

— Мы бы только это приветствовали, потому что столько богатств награблено Соединенными Штатами Америки в странах, которые сейчас голодают, что было бы справедливо хотя бы немножко из награбленного

вернуть тем, кому эти богатства по праву принадлежат. Но сумма в 100 миллионов долларов — очень маленькая. Если эту сумму разделить поровну на всех голодающих, то и на завтрак одному голодающему не хватит в день. Получается шуму много, а выеденного яйца не стоит...

Что предшествовало инциденту

Белоснежный турбоэлектроход «Балтика», совершив многодневное плавание, пришвартовался к американскому берегу 19 сентября 1960 года. В США Хрущев пробыл почти месяц — до 13 октября.

Это был своеобразный агитрейс — по типу тех, что практиковались внутри страны в годы становления советской власти. Конечно, с поправкой на за границу. Только в ООН Хрущев выступил не менее десяти раз. Дипломатия советского лидера, разумеется, была сугубо большевистской, воинственно — агрессивной, хотя, как отмечают исследователи, Хрущев все свои нападки на «империалистическую политику» вел с позиций сохранения мира.

Одним из главных в ту пору был германский вопрос. Западная Европа и США по-прежнему не признавали ГДР. Хрущев и Эйзенхауэр, встретившись в Женеве в 1955 году, обсуждали эту проблему, но соглашения достичь не удалось. Хотя американский президент дал понять советскому лидеру: США не заинтересованы в воссоединении ГДР и ФРГ, поскольку это означало бы восстановление мощной Германии с непредсказуемой в будущем политикой.

В сентябре 1959 года состоялся первый в истории отношений между двумя великими державами визит Хрущева в США. Летели на самолете ТУ-114, в то время самом большом в мире. Машина была новая, и в первый рейс с Хрущевым полетел один из ее создателей,

авиаконструктор Алексей Андреевич Туполев. Его отец, Андрей Николаевич, провожая делегацию, сказал Хрущеву: «Не волнуйся, Никита Сергеевич, за новую машину, я тебе в виде заложника сына отдаю. Знал бы, что дело ненадежное, полетел бы сам».

Ни один гражданский аэродром Вашингтона не смог принять советского воздушного исполина. Пришлось садиться на военный. Но и тут аэродромной службе предстояла работа — надо было спешно надстраивать трап для пассажиров, еще десяток ступенек из алюминия. Хрущев горд, как никогда: знайте наших!

До Хрущева ни один советский руководитель не сталкивался с проблемой, которая, будучи протокольной, тем не менее имела скорее политический, престижный характер. По международным нормам Хрущев не подпадал под понятие главы государства. Он был председателем Совета Министров и, следовательно, процедура встречи планировалась на порядок ниже. Хрущев не соглашался. Он требовал, чтобы его принимали как главу государства. Ему чудилось, что под предлогом протокольных тонкостей американцы хотят поставить его «на место» и тем самым продемонстрировать миру свое превосходство над СССР, подчеркнуть, что они не признают политического паритета с Москвой. После долгих консультаций американская сторона согласилась на условия Хрущева, чему он был по-детски рад.

Встречали его действительно по высшему разряду. Хрущев проехал всю Америку — с запада на восток и обратно. Поездка по стране была скорее ознакомительной, но в беседах с Эйзенхауэром обсуждалась все та же германская проблема, советско-американские отношения, сокращение вооружений. Главы государств прощупывали позиции друг друга. В летней резиденции Эйзенхауэра Кемп-Дэвиде состоялся

непротокольный разговор. Вспоминали недавнюю Вторую мировую войну, знаменитые сражения.

— Вдруг Эйзенхауэр спросил Хрущева, — рассказывал зять Никиты Сергеевича Аджубей, — каким образом советское правительство регулирует выделение средств на военные цели. «А вы как, господин президент?» — поинтересовался в свою очередь Никита Сергеевич. Эйзенхауэр развел руками, прихлопнул по коленке: «Прибегают ко мне наши военные, расписывают, какие у русских потрясающие военные достижения, и тут же требуют денег — не можем же мы отстать от Советов!» — «Вот так же и у нас, — подхватил мысль президента Хрущев, — приходят военные, расписывают, какие потрясающие достижения у американцев. И требуют денег. Мы ведь можем отстать от Соединенных Штатов!». Гость и хозяин рассмеялись. Никита Сергеевич часто пересказывал этот эпизод...

Оба руководителя отметили трудно поддающееся контролю влияние военно-промышленного комплекса своих стран. Это такие монстры, что вполне могут стать самодействующими политическими силами. Оба пришли к выводу о необходимости сокращения своих ракетно-ядерных вооружений. Договорились встретиться через год в Париже и с участием Франции и Англии обсудить этот и другие вопросы, включая германскую проблему.

Федор Бурлацкий, участвовавший в обсуждении ряда документов на парижскую встречу, свидетельствует, что подготовка к ней вызвала большие споры среди советского руководства. Да и сам Хрущев был полон сомнений:

— Советскому Союзу было еще очень далеко до паритета с Соединенными Штатами по ядерному и ракетному вооружению, хотя наша программа развертывалась полным ходом. Приостановка ее могла означать закрепление на длительную перспективу

американского превосходства. Если два года спустя во время карибского кризиса признавалось, что американцы имели в семнадцать раз больше, чем СССР, ядерных боеголовок, то, вероятно, в момент парижской встречи соотношение было еще менее выгодным для Советского Союза...

Вот вам и «ракетные колбасы», соскакивающие с конвейера!

Беспокоила Хрущева и позиция Китая. Мао был решительным противником советско-американского сближения. Словом, многое сплеталось в тугой узел, из которого трудно было вытаскивать одни звенья, игнорируя другие. Похоже, Хрущев и сам был не рад предстоящей встрече в Париже, его сомнения достигли той черты, когда достаточно одной капли, чтобы весы качнулись в другую сторону. Такой каплей стал полет американского разведывательного самолета У-2 над Советским Союзом незадолго до встречи в Париже.

Широко известно, какую трактовку дал Хрущев этому факту, как ловко он его обставил, дав указание не сообщать о том, что сбитый американский летчик Пауэрс жив и находится в плену. Скандал был грандиозный. По мнению Бурлацкого, Хрущев умело разыграл взрыв негодования из-за коварства американской стороны, которая, несмотря на потепление и предстоящую встречу, продолжала недружественные акты против СССР. Не таким уж наивным был Никита Сергеевич, чтобы не понимать: секретные действия разведслужб — неизменный элемент взаимоотношения стран.

— Уже перед самым вылетом в Париж, — делился Бурлацкий секретами недавнего прошлого, — Хрущев собрал на аэровокзале заседание Президиума ЦК КПСС и предложил отменить все подготовленные ранее предложения и документы, мотивируя тем, что обстановка для соглашения неблагоприятна со всех

точек зрения. Огромный труд дипломатов, партийных работников, военных и других служб, затраченный на проработку советских позиций, пошел насмарку. Одним росчерком пера советско-американские отношения были отброшены назад. Не думаю, что в таком решении основную роль сыграли эмоции Хрущева. Скорее всего, он пришел к выводу, что выгоды от соглашений в тот момент будут меньше убытков. Мрачная тень Китая как дамоклов меч висела над всем процессом улучшения отношений с Западом. Да и неослабевающий нажим Ульбрихта, который в силу понятных причин выдвигал признание ГДР как главное условие поворота в советско-американских отношениях, тоже не мог игнорироваться Хрущевым. Поэтому, приехав в Париж, он прежде всего потребовал формальных извинений от Эйзенхауэра, и когда тот отказался это сделать, встреча была сорвана...

Что ж, и эта версия имеет право на жизнь. Бурлацкий, очевидно, прав и в том, что в парижской размолвке немалую роль сыграли и чисто психологические факторы. Эйзенхауэр, как человек спокойный, рассудительный, не мог понять хрущевской экспрессии. В том, что было продиктовано «комплексом неполноценности», он усматривал только вызов и агрессивность, желание унижить Америку, особенно в глазах ее союзников по НАТО. Потому американский президент и уперся, не желая приносить формальных в общем-то извинений. Нашла коса на камень.

Американская неуступчивость в Париже привела Хрущева в состояние крайнего раздражения. В Нью-Йорке, куда он прибыл на «Балтике», раздражение советского лидера выросло многократно. Сессия ООН, на которой он выступил с более чем двухчасовой речью, отвергла практически все его предложения, надиктованные во время морского путешествия. Ораторы не соглашались с критической оценкой,

которую дал советский лидер Генеральному секретарю ООН Хаммаршельду («Генеральный секретарь господин Хаммаршельд заправляет колонизаторской политикой ООН»), возражали против создания «тройки», которая бы выполняла роль Генерального секретаря, странным назвали предложение Хрущева о переносе штаб-квартиры ООН в Москву. Даже африканские страны, не говоря уже о ведущих европейских, не поддержали советскую позицию по Конго. Все это, вместе взятое, и спровоцировало Никиту Сергеевича на поступок, который до сих пор вызывает улыбки и не имеет устраивающего всех объяснения.

Инцидент

Чье выступление вывело из себя Хрущева настолько, что он вынужден был обратиться к столь неожиданной форме протеста?

Увы, ответа на этот вопрос нет, несмотря на горы литературы. «Ботиночная дипломатия» советского лидера стала притчей во языцех. Редкий мемуарист не упомянет о конфузе, навсегда вошедшем в анналы международного сообщества. В годы правления Брежнева каждый дипломат, каждый журналист-международник считал своим долгом лягнуть невежду Никитку, посмеяться над его неуклюжестью, неумением вести себя в интеллигентном обществе.

К истине не приблизились и в посткоммунистическое время. «При вас Никита Сергеевич Хрущев стучал ботинком по трибуне в ООН?» — заученно спрашивает корреспондент одной из газет. Заметьте: «по трибуне». Трибуна — это нечто вроде кафедры, с которой держат речь. Как можно стучать ботинком по трибуне, если сам выступаешь? Или Хрущев поднялся со своего места в зале, прошествовал

к трибуне и начал колотить башмаком под носом у антисоветски настроенного оратора?

Но оставим «трибунную» лексику в покое. Человек спрашивает так, как у него отложилось, как он слышал и читал. Вопрос был задан видному советскому разведчику, возглавлявшему на рубеже 50-х и 60-х годов нашу резидентуру в США. Ответ: «Был свидетелем и этого исторического события. В США он прибыл по приглашению президента Эйзенхауэра. Американцам Хрущев понравился — простой в общении, «свой парень». На одном из заседаний ООН Хрущев, выступая с речью, не очень тактично «лягнул» несколько латиноамериканских делегаций. В ответ их представители потребовали убрать из протокола часть выступления. И тут же один из них слово в слово повторил то, что сказал Никита Сергеевич. Дошло до смешного — из протокола надо было изымать не только слова Хрущева, но и цитату латиноамериканца. Никита Сергеевич осерчал, когда тот в ответ начал нести антисоветчину. И нагнувшись под стол (я сидел в полутора метрах от него), вытащил... свой ботинок. Громыко, сидевший слева от Хрущева, резко отшатнулся... Что интересно, если дипломаты ООН были возмущены поступком советского лидера, то американская печать подала его если не с восторгом, то с пониманием — человек непосредственно выражает свои эмоции».

Заметим: резидент, сидевший в полутора метрах от Хрущева, не говорит, что тот снял ботинок. Разведчик употребляет другое слово — «вытащил». И в этом плане данное свидетельство можно считать подкреплением, существенным аргументом в пользу другой точки зрения, сводящейся к тому, что, вопреки расхожему мнению, Хрущев ботинка не снимал. К этому важному нюансу мы еще вернемся, а сейчас отметим: и советский резидент в США не называет страну или

страны, выступления представителей которых вызвали негодование Хрущева. Речь идет о неких абстрактных латиноамериканских странах.

Федор Бурлацкий в ту поездку Никиту Сергеевича не сопровождал, но в своей книге «Русские государи», изданной в 1996 году, со ссылкой на западных представителей пишет, что ботинок был снят и применен не по прямому назначению во время выступления премьер-министра Великобритании Макмиллана. Однако тут же делает оговорку, что, по версии самого Хрущева, данный эпизод имел место во время выступления представителя Испании.

Действительно, в изданных у нас наконец полных воспоминаниях Хрущев излагает свой поступок и его мотивы совсем иначе. Британского премьера он не упоминает вообще. По словам Хрущева, его страшно возмущали представители испанской делегации, сидевшие непосредственно впереди него. Он даже запомнил одного из них — немолодого человека с приличной лысиной, седого, худого, со сморщенным лицом, вытянутым носом. Этот человек был страшно неприятен Хрущеву — не сам по себе, а потому, что представлял франкистскую Испанию.

Хрущев вспомнил, как накануне отъезда в Штаты он встретился в Москве с председателем Компартии Испании Долорес Ибаррури. Она обратилась к нему с просьбой: «Хорошо было бы, если бы вы выбрали момент — в реплике или в речи — и заклеямили франкистский режим в Испании».

Поглядывая на испанского деятеля, Хрущев раздумывал, как бы сделать это, да так, чтобы не выглядело слишком грубо. И он действительно в выступлении резко критиковал Франко, назвал его режим реакционным, кровожадным, то есть в том духе, как это было принято в советской печати. И вот, по словам Хрущева, во время выступления с репликой

представителя Испании вся советская делегация стала шуметь, кричать, а сам он снял ботинок и стал как можно громче стучать по пюпитру.

Итак, некий безымянный испанец или глава британского правительства Макмиллан? Латиноамериканец? Или как в том анекдоте о незадачливом советском дипломате, который принял английского посла за болгарского и имел с ним беседу? С Хрущевым и не такое могло произойти.

В 1989 году, в самый расцвет горбачевской гласности, свою версию скандального эпизода обнародовал зять Хрущева — Аджубей, сопровождавший своего могущественного тестя на сессию ООН.

— Все началось, собственно, за день до памятного события, — воспроизводил детали Аджубей. — Предстояло обсуждение так называемого «венгерского вопроса». Во время завтрака в советской миссии Хрущеву сообщили о повестке дня, сказали, что предупредят, когда в знак протеста надо будет покинуть зал. Хрущев как бы не понял, о чем ему говорят. А после разъяснений удивился: «Покинуть зал, когда наших друзей поносит черт-те кто, да еще отказаться от права на обструкцию?..».

Далее рассказ Аджубея выглядит так. Председательствующий объявил о рассмотрении «венгерского вопроса». Советская делегация не покинула зал. Разнесся шепот удивления: «Советские не ушли». И тут началось. Хрущев непрерывно (но в соответствии с процедурными правилами и регламентом) вносил запросы, требовал разъяснений, уточнений, требовал, чтобы ораторы предъявили мандаты членов делегаций и прочее (нет, не мог он все-таки принять англичанина за испанца, Макмиллана-то он лично знал. — *Н. З.*). Было уже не до «венгерского вопроса», становилось ясно, что на этот раз обсуждение

проваливали иным, более «громким» способом. Все члены советской делегации в соответствии с темпераментом колотили по откидным столикам перед креслами, их поддерживали многие другие делегации. Как на грех, с руки Хрущева соскочили часы. Он начал искать их под столом, живот мешал ему, он чертыхался, и тут рука его наткнулась на ботинок...

Заметим снова: Аджубей свидетельствует, что рука Хрущева в поисках часов наткнулась на ботинок. Наткнулась, а не сняла. Чувствуете разницу? Еще один аргумент в пользу невероятной версии. Наберитесь терпения, будет и третий, пожалуй, самый убийственный.

Заговорил еще один очевидец. 88-летний генерал-полковник КГБ в отставке Николай Степанович Захаров в ту пору возглавлял Девятое управление КГБ СССР, осуществлявшее охрану высших партийных и государственных лиц в стране. Вот что рассказал он автору этой книги в своей квартире в знаменитом доме на набережной:

— Никто еще не рассказал правду, как это происходило. Я очевидец, так как сидел за спиной Хрущева.

Обсуждался вопрос о ликвидации колониализма, внесенный делегацией Советского Союза. На трибуне выступал, кажется, делегат от Филиппин. Филиппинец сделал несколько враждебных выпадов в адрес нашей страны, поливая грязью Советский Союз, его руководителей и его народ.

Хрущев, переговорив с сидевшим рядом Громыко, поднял вверх руку, прося у председательствующего ирландца Болэнда слово в порядке ведения, согласно установленной процедуре. Болэнд сделал вид, что не замечает поднятой руки Хрущева. Тогда глава нашей делегации привстал и вновь поднял руку, прося слова. Болэнд проигнорировал и этот жест Хрущева, а

филиппинец тем временем продолжал лить помои на нашу страну. Тогда Хрущев снял с ноги коричневый башмак и, как метроном, ритмично и медленно стал стучать по столу. Только после этого Болэнд предоставил слово главе советской делегации.

Хрущев, подойдя к трибуне, помахал рукой перед все еще говорящим филиппинцем, отстраняя его этим от трибуны. Хрущев был возбужден, да и вся наша делегация была в гневе. Хрущев в первую очередь выразил протест председателю сессии за игнорирование его просьбы и за то, что он не остановил оскорбительную речь филиппинского оратора.

Затем Хрущев стал говорить об огромной роли сессии ООН, что здесь собрались решать вопросы о разоружении, о ликвидации колониальной системы, однако некоторые делегаты используют трибуну ООН для клеветы. В частности, клеветают на Советский Союз, у которого нет колоний. Дальше Хрущев потерял сдержанность и в запальчивости продолжил: «Я вижу, например, как впереди меня сидящая в зале испанская делегация рукоплещет всем, кто выступает против колониальной системы. А это потому, что у них во главе государства стоит палач испанского народа Франко. Предыдущий оратор является шавкой из подворотни, купленной капитализмом. Да мы этому капитализму и империализму выроем большую могилу и забьем осиновый кол!». Конечно, такая речь была далека от дипломатического языка, и она вызвала в зале большое оживление.

Испанская делегация с криками вскочила с кресел и угрожающе замахала руками. Я быстро пошел к трибуне, так как Хрущев возвращался на свое место. Испанская делегация вновь вскочила и, ругаясь, угрожающе жестикулировала. Я его прикрывал своим телом.

Вскоре после выступления Хрущева недалеко от меня появился начальник здания ООН господин Бегли, с которым у меня еще с гостевого визита были установлены хорошие отношения. Я подошел к нему. Рядом стоял негр исполинского телосложения. Бегли мне сказал, что этот негр — его человек, и он будет стоять в этой нише постоянно, когда в зале находится Хрущев. Испанцы весьма экспансивный народ, и от них всего можно ожидать, подчеркнул Бегли. Я поблагодарил его, пожал руку негру и вернулся на свое место. Когда я рассказал об этом Хрущеву и Громыко, показывая на негра, они рассмеялись. Но мне было не до смеха. Вот такая истинная правда с битьем ботинком по столу.

После инцидента

«Подумайте, стучал ботинком по столу, да где, в ООН! Позор! Что подумали о нас?» — зашущукались в стране, едва только весть об экстравагантной выходке Хрущева разнеслась по советским городам и весям.

Ох уж это извечно русское — что подумают о нас за границей? Слава Богу, понемногу начинаем избавляться от своего комплекса неполноценности. Сегодня уже нас не шокирует поведение высших должностных лиц, которые, находясь в той же Америке, не ботинком по столу стучат, а ходят на виду у встречающих справить малую нужду за колесо самолета, и будучи в веселом настроении в ихних Европах, и «Калинку» сбацать могут прямо на асфальте, и чужеземным оркестром подирижировать. И никого это не смущает, никто не испытывает дискомфорта. А тогда...

Кстати, как восприняли в мире эксцентричный поступок советского руководителя? По воспоминаниям западных дипломатов, он не противоречил протоколу ООН. Многие хохотали, а Генеральный секретарь

Хаммаршельд, несмотря на жесткую и во многом несправедливую и даже в чем-то обидную критику в свой адрес со стороны Хрущева, даже не сделал ему замечания, хотя отличался строгостью контроля за соблюдением всех правил поведения в соответствии с Уставом ООН. Никаких финансовых санкций к возмутителю классического парламентаризма не применялось, но, несмотря на очевидную вздорность этого слуха, он стабильно держится вот уже много лет.

Безусловно, не все иностранные политики аплодировали Хрущеву. В своих надиктовках Никита Сергеевич вспоминал, например, что Джавахарлал Неру сделал ему деликатное замечание о нежелательности подобных методов. Но Неру — «нейтралист», рассуждал Хрущев, и поэтому занимал позицию между социалистическими и капиталистическими странами. И совсем другое — классовая, пролетарская дипломатия. Никита Сергеевич считал, что представители рабочего класса отнюдь не обязаны применять те же дипломатические методы, что и представители буржуазии. Не без юмора он рассказывал, что Бадаев, член большевистской фракции в дореволюционной Думе, специально учился у мальчишек свистеть — в Думе все большевики освистывали неугодных ораторов, да так, что их речи практически невозможно было услышать.

Что касается простых американцев, то Бурлацкий приводит рассказ своего друга американского профессора Джима Блайта, который спросил у своего отца-фермера: кто такой Хрущев?

— Как же, хорошо помню, — ответил простой фермер, — это тот самый человек, который стучал ботинком в Организации Объединенных Наций, да еще учил наших фермеров, как им сажать кукурузу.

Наверное, это родовой признак российских правителей — поучать несмышленных иностранцев. Вот

и первый российский президент, будучи в апреле 1996 года в Южной Корее, показывал на пальцах корейским инженерам, сколько плат одновременно должен делать заводской автомат. Пять, настаивал он, а не одну, как у вас. Корейцы вежливо улыбались.

Предпринимались ли попытки объяснить своим соотечественникам, что все-таки произошло в ООН? Публично и для широких масс, увы, только в горбачевские времена, когда официальная пропаганда начала обелять Хрущева, называя его предвестником перестройки и реформ. При Брежневле в основном циркулировали осуждающие слухи, и, судя по всему, официальные власти не стремились пресечь их, даже наоборот.

При Горбачеве одним из первых приоткрыл завесу над подоплекой странного поступка Хрущева его зять Аджубей. Он вспомнил любопытный эпизод: когда вслед за «венгерским вопросом» в ООН стал обсуждаться «алжирский», французы чинно покинули зал. Кто-то спросил, отчего уходят. Не без французской учтивости они ответили: «Идем в магазин покупать горнолыжные ботинки». По словам Сергея, сына Хрущева, Никита Сергеевич не видел ничего необычного в этой акции. Он считал, что в Америке с ее шумными, грубыми нравами, где запросто могут освистать любого певца или политика, такие формы протеста вполне нормальны. Однако недовольная новатором Хрущевым ортодоксальная партгосноменклатура истолковала этот поступок как дискредитирующий Советский Союз.

При жизни Хрущева была предпринята одна-единственная попытка лишить слухи питательной среды, дать объяснение того, что произошло в Нью-Йорке. В стенографическом отчете XXII съезда (1961) удалось обнаружить выступление Аджубея, подробно осветившего этот эпизод. Но — только для делегатов съезда. Аджубей начал с того, что правящие круги США

привыкли рассматривать ООН как свою вотчину. Советская делегация, по его словам, развеяла царившую там тошнотворную атмосферу парадности, мертвящей скуки и твердо дала понять западным политикам, что им не удастся там вечно командовать.

— Может быть, это и шокировало дипломатических дам западного мира, — сказал Аджубей, — но просто здорово было, когда товарищ Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал стучать им по столу.

В этом месте стенограмма зафиксировала бурные аплодисменты и смех.

— Всем сразу стало ясно, — продолжал оратор, — мы решительно против, мы не хотим слушать такие речи! Причем Никита Сергеевич Хрущев ботинок положил таким образом (впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании), что носок ботинка почти упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость.

И снова смех и бурные аплодисменты.

— С трибуны Генеральной Ассамблеи, — иронизировал Аджубей, — не только слоны западного мира выступали. Иногда они выпускали мосек. Однажды на трибуну выполз представитель Филиппин и завел речь о том, что порабощенные страны существуют, дескать, и кое-где в Европе, явно намекая на социалистическое содружество. Немедля было взято слово для ответа и отпора. Филиппинец получил то, что заслужил: прозвище холуя империализма. В конце следующего дня этот филиппинец вышел бледный на трибуну, начал с извинений (значит, подействовало!), а потом заявил, что он смотрел несколько русско-английских словарей — искал в них, что означает слово «холуй». По одному словарю — это лизоблюд, подхалим,

по другому, английскому, словарю — низкий, мерзкий человек, пресмыкающийся. Прошу, мол, господина Хрущева изъять слово «холуй» из протоколов Генеральной Ассамблеи. Он немедленно получил ответ: это будет сделано в том случае, если слово «холуй» останется в протоколе Ассамблеи по тексту выступления филиппинского делегата. Видимо, не разобравшись, что к чему, филиппинец сказал: я согласен, пусть в моем выступлении слово «холуй» останется.

От мощных раскатов смеха и бури аплодисментов, казалось, задрожали своды Кремлевского дворца съездов. Закачались, наверное, и подвесные хрустальные люстры.

— Наверное, до сих пор икает фашистский министр Испании Лекерика, этот недобитый вояка из «голубой дивизии», который во время одного из выступлений главы советского правительства пробовал что-то верещать со своего места. Когда Хрущев возвращался с трибуны и проходил мимо этого фашистского выкормыша, то сказал во всеуслышание, сказал как коммунист: «Придет час, и рабочая Испания вынесет вам свой суровый приговор». Это был тоже контакт, и тоже полезный, это тоже была борьба, и очень острая! Не сомневаюсь, что испанские патриоты и дорогой наш друг товарищ Долорес Ибаррури будут только приветствовать такие контакты и такую борьбу!

И снова голос оратора потонул в громе аплодисментов. Пройдет всего три года, и люди, столь бурно выражавшие свое восхищение экстравагантным поступком Хрущева, будут ставить его в вину, возмущаясь невежеством первого секретаря, осрамившегося в Америке.

И в заключение — свидетельство, которое, по мнению записавшего его известного журналиста Ильи Шатуновского, открывает совершенно в ином свете

удивительную выходку Хрущева, представляющуюся многим бессмысленной и необъяснимой. Именно оно, это свидетельство, считает Шатуновский, придает знаменитой истории недостававшую прежде причинную связь. Свидетельство записано им в ООН от молодой красивой женщины, обслуживающей зал заседаний. Она помогала делегатам найти свои места, в случае необходимости провожала к телефону, передавала записки и т. д. Эта служительница была непосредственной участницей события, о котором говорил весь мир.

Вот дословная запись ее рассказа: «Хрущев появился в зале позже других. Он подходил к руководителям делегаций социалистических стран и обменивался с ними рукопожатиями. За ним, отталкивая друг друга, бежали журналисты. Со всех сторон к нему тянули микрофоны. Вспыхивали блицы, щелкали затворы камер. Когда Хрущеву до своего места оставалось сделать буквально шаг, кто-то из ретивых корреспондентов случайно наступил ему на пятку, башмак слетел. Я быстро подобрала башмак, завернула в салфетку и, когда Хрущев через мгновение сел на свое место, незаметно подала ему сверток под стол. Как вы видите, между сиденьем и столом совсем небольшое пространство. И наклониться к полу, чтобы надеть или снять обувь, плотный Хрущев не мог, мешал живот. Так он и сидел до поры до времени, вертя под столом свой башмак. Ну а когда его возмутило выступление другого делегата, он в запальчивости стал колотить предметом, который случайно оказался у него в руках. Если бы он тогда держал зонтик или трость, то принялся бы стучать зонтиком или тростью.

Очевидно, в толпе журналистов никто не заметил, что Хрущев потерял башмак, — закончила свой рассказ сотрудница ООН. — А на то, что я подала ему какой-то сверток, видимо, не обратили внимания даже его

ближайшие соседи. И когда он стал стучать башмаком по столу, все решили, что он специально разулся».

Это и есть обещанный третий, действительно убийственный аргумент. Шатуновский обнародовал его еще в годы горбачевского правления, но, похоже, эта сенсация осталась незамеченной. Публику тогда занимал другой скандальный инцидент — показ по советскому телевидению видеозаписи с пикантными подробностями об эксцентричных выходках в Америке главного оппонента отца перестройки и гласности.

Глава 15

ГЕНИЙ С ЧУЖОЙ ФАМИЛИЕЙ

«КОНДРАТЮК Юр. Вас. (1897–1942), один из пионеров ракетной техники в СССР. Тр. по осн. проблемам теории космонавтики. Кн. «Завоевание межпланетных пространств» (1929)».

Четыре строки в Советском энциклопедическом словаре выпуска 1979 года. К ним прежде всего пришлось обратиться, чтобы убедиться: все, о чем сказано в странно-сумбурном письме, лежащем на столе с резолюцией большого начальника, не фантазия больного воображения. Действительно, ученый с такой фамилией был.

Из библиотеки принесли солидный том — вышедшую в академическом издательстве «Наука» книгу «Пионеры ракетной техники». На титульном листе вместе с фамилиями Кибальчича, Циолковского и Цандера значилась еще одна — Кондратюк.

Из письма же вытекало, что человек с такой фамилией, именем и отчеством скончался 1 марта 1921 года, в возрасте 21 года, будучи студентом Киевского университета.

Кто же воспользовался его документами? С какой целью?

Вокруг этой загадочной истории не утихают легенды, версии и сенсации.

Полет Нейла Армстронга

В 1969 году произошло невероятное — впервые на поверхность Луны ступила нога человека. Изумленные земляне с трепетом произносили его имя. Это был американский астронавт Нейл Армстронг.

Триумф программы «Аполлон» стал темой номер один мировой прессы. Человек на Луне! Было от чего прийти в восторг. Особенно усердствовала печать США, подчеркивавшая приоритеты Америки в освоении космического пространства. Наконец-то «умыли» Москву, кичащуюся своими достижениями!

В общем хоре, превозносившем до небес фантастический взлет американской науки и техники, затерялись слабые голоса отдельных ученых, пытавшихся соблюсти объективность. Однако волна патриотизма была настолько велика, что большинство американцев эти голоса не слышали.

Услышали их в Москве. Но реакция на услышанное, а вернее, прочитанное в журнале «Лайф» и других американских изданиях у сотрудников двух советских учреждений, куда стекалась полученная по их каналам информация, была, к сожалению, разной.

Ознакомившись с заявлениями американских ученых, которые не поддались ура-патриотическому психозу и выше всего ценили истину, в первом учреждении задумались: имя нашего ученого-соотечественника, фигурировавшее в «Лайфе», было в списке пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

В другом учреждении, прочитав сенсационный материал, воскликнули: печатаем немедленно! Пусть не зазнаются американцы, пусть не трубят на весь мир о своей высадке на Луну — они это делали по проекту нашего, русского инженера!

Однако чувства, проявленные сотрудниками второго учреждения, не были разделены в первом учреждении — слишком много было непонятого во всей этой истории. Самое главное в те времена учреждение, расположенное на Старой площади, тоже пришло к заключению, что газета поторопилась. Руководитель второго учреждения, а им был главный редактор «Комсомольской правды», получил замечание о поспешности, с которой газета поместила публикацию «Человек, который предвидел» в номере за 19 июля 1969 года — через месяц после лунного триумфа Нейла Армстронга.

Поскольку названо одно из трех учреждений, фигурирующих в преамбуле этой истории, думается, легко догадаться о функциональных особенностях остальных. Куда еще могли вызвать главного редактора центральной газеты?

А теперь о сведениях, которые обнародовала «Комсомольская правда» — из-за незнания существа дела и неуклюжего стремления сбить спесь с самодовольных янки, как сообщил на самый верх Старой площади сотрудник, беседовавший с главным редактором.

Советская газета назвала имя нашего соотечественника, который за полвека до старта «Аполлона» рассчитал схему посадки космического аппарата на Луну. Циолковского? Цандера? Королева? Нет. Со ссылкой на американский журнал «Лайф» «Комсомолка» написала, что один из авторов программы «Аполлон» Джон Хуболт был знаком с выдающимися трудами русского инженера Кондратюка.

Это имя людям, далеким от космонавтики, ни о чем не говорило. Интерес к загадочной личности подогрело сенсационное признание американца Лоу, одного из авторов программы «Аполлон».

— Мы разыскали маленькую неприметную книжечку, изданную в России сразу после революции. Автор ее, Юрий Кондратюк, обосновал и рассчитал энергетическую выгодность посадки на Луну по схеме «Полет на орбиту Луны — старт на Луну с орбиты — возвращение на орбиту и стыковка с основным кораблем — полет на Землю...».

Самородок

Казалось бы, со всего уже снят гриф секретности, достоянием гласности стали самые жгучие тайны нашего века. Ан нет. Немало их еще ждут своего часа, томятся в сейфах спецхранов и в памяти по-прежнему малоразговорчивых очевидцев.

Дошел наконец черед и до гения, вокруг имени которого сплетено множество былей и небылиц. С одной стороны — упоминание в энциклопедическом словаре, большая библиография научных статей о нем, названные его именем улицы, экспозиции в музеях. С другой — крайняя скупость и даже противоречия в описании жизненного пути.

— Единственное, что не вызывает разночтений, — говорил в 1990 году уже знакомый читателю полковник Н. И. Ножкин, — оригинальность его научных трудов. Конструктор ракетных двигателей академик Глушко давал ему такую характеристику: идя самостоятельным путем, Кондратюк создал теорию ракеты много позже Циолковского. Не зная о работах Константина Эдуардовича, он повторил их и, что ценно, развил, и развил весьма ярко. Академик Раушенбах большой заслугой Кондратюка считает указание на то, что во

многих случаях в качестве промежуточной базы следует пользоваться искусственными спутниками. Кондратюк разработал кресла космонавтов, которые применяются на современных космических кораблях. Проблема спуска с орбиты на Землю тоже была представлена им в простейшей и, вероятно, поэтому фактически реализованной форме.

— Невероятно... Неужели Кондратюк не знал о существовании Циолковского? Ведь они жили в одно время...

— Не знал. Циолковского ведь не печатали, как и Кондратюка. Как и Циолковский, он вынужден был издавать свои труды за счет собственных средств и небольшим тиражом. Книгу «Завоевание межпланетных пространств» он написал в 1917 году, а издал спустя несколько лет в Новосибирске тиражом... две тысячи экземпляров. О существовании трудов Циолковского на эту же тему Кондратюк узнал лишь в 1925 году. В это время у них завязывается переписка. В 1929 году происходит первая встреча с Королевым и другими сотрудниками группы изучения реактивного движения — знаменитого ГИРД. Кондратюк активно печатался в научных журналах.

(Вынужден признать, что даты, названные военным историком Ножкиным, не нашли подтверждения у других исследователей жизни Кондратюка. Двоюродный брат ученого А. В. Даценко, проживающий в Полтаве, почти четверть века занимающийся исследованием творчества своего знаменитого родственника, прислал отклик на мою запись беседы с Ножкиным, опубликованную в прессе. Даценко уточняет: о существовании трудов Циолковского Кондратюк узнал не в 1925, а в 1918 году. Переписка с патриархом космонавтики началась не с 1925, а с 1929 года. С Королевым же встреча состоялась в 1933, а не в 1929 году. Но Ножкин свою хронологию отстаивает).

— Подождите, Николай Исидорович, — остановил я горячую филиппику военного историка, — дело даже не в датах. Принципиального значения эти расхождения не имеют. Главное — личность ученого! Сколько же у нас таких вот малоизвестных гениев... Живут, творят — тихо, незаметно. Рукописи-то хоть остались?

— Пожалуйста, обратитесь в Институт истории естествознания и техники Российской академии наук. Вам покажут бесценный раритет под названием «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Всего три печатных листа, а рукопись вполне можно отнести к немногим сгусткам научной мысли, определяющим ход истории. Написана в 1919 году, когда автору было 22 года. Мыслимое ли это дело, чтобы юноша столь нежного возраста, не имеющий высшего образования, самостоятельно — логически и технически — обосновал возможность освоения космического пространства. Согласитесь, такое под силу лишь гениальному уму.

О том, что Кондратюк был самородком, свидетельствуют инженеры Н. В. Никитин и Б. А. Злобин. Те самые, по проекту которых была построена высочайшая в мире Останкинская телебашня. Когда-то в Харькове они вместе с Кондратюком создали уникальное по тем временам сооружение — ветровую электростанцию, представлявшую собой двухсотметровую железобетонную башню. Каждое из двух гигантских ветроколес имело 80 метров в диаметре!

Заслуги Кондратюка в области освоения космоса отмечены не только тем, что в ряде городов и поселков есть улицы, названные его именем, развернуты музейные экспозиции. Именем Кондратюка назван один из кратеров на обратной стороне Луны.

Дутые сенсации

До середины лета 1993 года считалось, что Кондратюк Юрий Васильевич, 1900 года рождения, командир отделения взвода связи 1-го батальона 1281-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии пропал без вести в конце 1941 — начале 1942 года.

Обратите внимание на год рождения. Почему 1900-й? Ведь военный историк Ножкин, беседа с которым приведена выше, говорит, что свою первую «космическую» работу Кондратюк написал в 1917 году, когда ему было 20 лет, а вторую в 1919, в двадцатидвухлетнем возрасте. Стало быть, он 1897 года рождения. Ошибка?

В том-то и дело, что на этот раз у Ножкина ошибки нет. Но об этом немного позднее. Запомним обнаруженную нестыковку, которая станет ключом для разгадки еще одной тайны, и вернемся к обстоятельствам исчезновения ученого.

Формулировка «пропал без вести» давала самый широкий простор для всевозможных инсинуаций. Пожалуй, не было в Москве газеты, особенно из числа новых, возникших после 1991 года, которая не сочла бы своим долгом высказать очередную глубокомысленную догадку о дальнейшей судьбе ученого. Тема исчезнувшего гения обрастала самыми невообразимыми подробностями, которые авторы иных публикаций придумывали, как говорится, не отходя от кассы.

Первоначальная версия — погиб 3 октября 1941 года во время ружейно-пулеметного обстрела, которому подвергся батальон народного ополчения — была с ходу отмечена. Поскольку никаких документальных подтверждений о дате гибели и месте захоронения не обнаружено.

Бульварная пресса в погоне за сенсациями и читателями на все лады мусолила эту тему. Одна газетенка высказала предположение — Кондратюк, отлучившись из расположения взвода под предлогом

устранения обрыва телефонного провода, добровольно сдался немцам. Другая, ссылаясь на источник, пожелавший быть неназванным, запустила утку — Кондратюк был похищен противником! И пространно разглагольствовала о том, что, доставленный в Германию, ученый мог быть зачислен — куда бы вы думали? Правильно, в конструкторское бюро Вернера фон Брауна. И даже мог стать одним из его ближайших помощников. Фантазия журналиста разыгралась не на шутку: после краха гитлеровского рейха Браун перебрался в США, где продолжал работу по созданию ракет, ну и, разумеется, рядом с ним был и герой нашего повествования, но уже под другим именем. И проектировали они уже не устаревшие ФАУ.

Теоретическую возможность похищения не исключал на первых порах и мой друг Ножкин. Начитавшись в прессе детективных сюжетов, он допускал, что рукопись одной из работ Кондратюка, которую он продолжал, будучи бойцом народного ополчения, могла каким-то образом попасть к немцам. При этом ссылаясь на аналогичный случай, который произошел в Подмосковье, правда, на противоположной стороне. Фронтовые разведчики тогда обнаружили какую-то тетрадь с непонятными расчетами и передали ее в ГКО. Это оказались расчеты по тяжелой воде, над которыми трудился на передовой призванный вермахтом молодой немецкий физик.

Немецкий абвер располагал у нас в предвоенные годы достаточно сильной и разветвленной агентурой. Если американцы обратили внимание на его неприметную книжечку, изданную в Новосибирске двухтысячным тиражом, то что мешало это сделать немцам? Наверняка имя Кондратюка им о чем-то говорило, — разумеется, специалистам. Впрочем, рукопись ученого могла попасть им на передовой совершенно случайно. Отправленная по назначению,

она вызвала громадный интерес в ведомстве Брауна. Остальное было делом техники. Слушая коллегу, я думал о том, что вот передо мной серьезный человек, а надо же, проникся фантазиями, которые густо расцвели на страницах красочных еженедельников.

Покуда акулы пера оттачивали свои перья на немыслимых коллизиях, якобы происшедших с Кондратюком, нашлись даже в наше смутное время люди, которые дутым сенсациям предпочли негромкое рытье в архивах.

Терпеливый Романенко

С 1934 года Кондратюк проживал в Москве. Занимал скромную должность начальника отдела в проектно-экспериментальной конторе ветроэлектрических станций.

В этом же отделе трудился и Борис Иванович Романенко, которому отводится особая роль в поисках следов пропавшего без вести товарища и начальника. Перу Бориса Ивановича, проживающего в Химках под Москвой, принадлежат десятки запросов во всевозможные архивы, писем бывшим однополчанам.

В народное ополчение они записались одновременно — в начале июля 1941 года. Запись проходила в одной из средних школ Киевского района Москвы. Сюда пришли все сотрудники проектно-экспериментальной конторы. Большинство попали в роту связи. Домой со сборного пункта они уже не вернулись, а прямо оттуда, ночью, зашагали в сторону фронта. Романенко шел в одной шеренге со своим начальником.

Последний раз он видел Кондратюка 30 сентября в лесу, возле блиндажа штаба стрелкового полка, который обслуживала их рота связи. Третьего октября

ополчение вступило в первый бой. Что случилось с Кондратюком, никто не знал.

Одно время Романенко склонен был считать, что его начальник погиб именно в тот роковой день 3 октября. Однако внутреннее предчувствие подсказало — Кондратюк уцелел. Не может быть, чтобы погибший исчез бесследно, да еще на глазах бывших сослуживцев. Ни тела, ни медальона, ни документов — ничего.

Упорство и настойчивость принесли первые плоды. В папке со старыми бумагами, которые хранила гражданская жена Кондратюка Галина Плетнева, Борис Иванович обнаружил, к своему удивлению, три открытки с фронта. Предпоследняя была датирована декабрем 1941 года, последняя — январем 1942 года.

Примерно в то же время, когда обнаружили открытки, в архиве Министерства обороны — о, удача! — он наткнулся на раздаточные ведомости, по которым бойцы роты связи, где числился Кондратюк, получали денежное довольствие. Романенко не верил своим глазам: напротив фамилии его начальника стояла сумма 20 руб. за ноябрь, 30 руб. за декабрь 1941 года и столько же — за январь 1942 года. С его собственной росписью!

Борис Иванович — фронтовик бывалый, он знал, что нередко на войне погибших бойцов некоторое время не исключали из списков личного состава — получали на них пайки, махорку и самое главное — наркомовские сто граммов. Подписи, конечно, подделывали, да и кто в боевой обстановке присматривался к загогулинам и крючкам? Но он-то знал подпись начальника и был убежден, что она в раздаточной ведомости — подлинная. Не поленился, сравнил на рукописях, сохранившихся в архивах Академии наук, — идентичны. К тому же открытки с фронта, датированные декабрем и январем...

Значит, в январе сорок второго он был еще жив. Что же произошло дальше? Терпеливый Романенко не прекращал поиски, и его усердие было вознаграждено: в Подольске, в архиве Министерства обороны он обнаружил сведения о гибели Кондратюка 25 февраля 1942 года в деревне Кривцово Волховского района Орловской области.

Значит, не пропал без вести. Значит, не был похищен, не был взят в плен — документ в военном архиве все расставил на свои места, выбил почву и у без того зыбких подозрений.

Однако белые пятна в его биографии остались.

На Руси талант — всегда несчастье

С началом Великой Отечественной войны все крупные советские ученые были эвакуированы из Москвы в Казань, Ташкент и другие тыловые города.

Бронь распространялась даже не на столь маститых. Почему же Кондратюк оказался на передовой, да еще в таком незавидном положении — сначала рядового бойца, а затем командира отделения во взводе связи?

Тому одна причина: выдающийся теоретик не состоял на спецучете, оберегавшем таланты страны. Он служил в заурядной конторе, занимавшейся разработкой ветроэлектрических станций, которая для военкомата была одним из объектов, где трудились люди, годные для ношения оружия и рытья оборонительных сооружений. Запись в народное ополчение производилась коллективно, после краткого митинга, на глазах у сослуживцев.

Закономерен вопрос: почему же он, теоретик, светлая голова, штучный товар, оказался не в ГИРДе у Королева или в другом аналогичном учреждении, а в обыкновенной конторе? К тому же есть свидетельства,

что во время встречи с Кондратюком Королев предлагал перейти в его институт. Не согласился.

Странно, не правда ли? Предпочитал небольшие города, часто менял место жительства. То строил элеваторы на Северном Кавказе, то пребывал в должности механика котельной на сахарном заводишке.

Нежелание высовываться, идти в крупные научные коллективы, куда, как свидетельствовали очевидцы, его неоднократно зазывали, объясняли странностью характера, чудачеством, неприспособленностью к жизни. Так склонны были считать люди, не знавшие его и писавшие о нем по догадкам. Однако двоюродный брат ученого А. В. Даценко из Полтавы считает, что характеристики типа «не от мира сего» к Кондратюку не подходят.

«И только самые наблюдательные подозревали, что за этой осторожностью, опасением славы и популярности крылось нечто большее, нежели присущие большинству отмеченных печатью избранности нелюдимость и стремление к уединению. Сложилось впечатление: Кондратюк явно что-то скрывает. Группу Королева финансировали руководящие органы РККА, и при поступлении туда требовалось заполнить весьма строгие анкеты, которые потом тщательно проверялись Лубянкой», — говорилось в письме, помните, в том самом, с которого начиналась эта глава.

По мнению авторов письма, адресованного в высокую инстанцию, именно это и отпугивало Кондратюка!

«Путь туда, где проявилось бы в полной мере его дарование, был заказан, — утверждалось в реляции. — Впрочем, талант на Руси всегда был несчастьем для его обладателей».

Что правда, то правда!

Дамоклов меч

Скрываемое белогвардейское прошлое — вот дамоклов меч, который висел над Кондратюком в предвоенные годы.

Россия снова — в который раз! — потеряла своего гения. И из-за чего? Из-за деления на белых и красных. То есть, по политическим мотивам. Кондратюк, как и многие его современники, оказался заложником идеологии. В итоге — невостребованный талант, вынужденный заниматься всем, кроме того, для чего был призван.

Военный историк, полковник Н. И. Ножкин так рассказал о белогвардейском прошлом Кондратюка:

— Он был прапорщиком царской армии, куда его призвали в 1916 году в связи с продолжавшейся войной. Прямо со студенческой скамьи. С первого курса. Проучился в Петербургском политехническом институте всего несколько месяцев — до ноября. До института окончил в Полтаве гимназию — с серебряной медалью. Военная служба началась для него с курсов прапорщиков при юнкерском училище. После окончания курсов попал на турецкий фронт.

Прервем на минутку уважаемого историка, чтобы заметить попутно: на фронт — в 16 лет? Снова ошибка? Запомним и эту нестыковку.

— После революции, — продолжает Н. И. Ножкин, — он некоторое время находился в армии, а потом в 1918 году вместе с земляком отправился на родину, в Полтаву. На одной из станций их задержал военный патруль и доставил в комендатуру Добровольческой армии Корнилова. Обоим инкриминировали дезертирство, чуть было не расстреляли, но, учитывая молодость, поставили в строй защитников единой и неделимой России. У Корнилова, а после его гибели у

Деникина друзья прослужили не более месяца. В Ростове, воспользовавшись удобным случаем, они бежали и к началу мая добрались до Полтавы.

Далее, по рассказу Н. И. Ножкина, была вторая мобилизация в деникинскую армию, и тоже насильственная. Под ружье ставили всех более или менее здоровых мужчин до сорока лет. Не избежал этой участи и наш герой. Однако, на этот раз он скрыл свое офицерское звание и попал в санитарную бригаду. Под Одессой бежит из санпоезда. Белые разбиты, Гражданская война закончена, и он, по терминологии победителей, «золотопогонник», «деникинский офицер», вынужден прятаться у дальних родственников в глухом местечке на Украине.

И тогда его мачеху осеняет спасительная идея.

Главная тайна

С 1921 по 1930 год он часто переезжал с места на место, избегая больших городов, где его могли опознать. Зарабатывал на хлеб физическим трудом, не гнушаясь никакими занятиями. По ночам упорно корпел над заветной тетрадкой.

В 1930 году его все же арестовали по обвинению в причастности к контрреволюционной организации. Выпустили через полтора года. Но главной тайны Кандратюка следователи тогда не узнали. Она открылась гораздо позже.

Это была потрясающая новость. Оказывается, подлинная фамилия пропавшего без вести в начале войны ученого была вовсе не Кондратюк, а... Шаргей. Александр Игнатьевич Шаргей 1897 года рождения.

Шаргей появился на свет в Полтаве. Его мать, Людмила Львовна Шлипенбах, была дворянкой, преподавала иностранные языки в женской гимназии. Людмила Львовна происходила из рода шведского

генерала Шлипенбаха, плененного Петром I в Полтавской битве. В поэме Пушкина «Полтава» есть такие строки: «Уходит Розен сквозь теснины; сдается пылкий Шлипенбах». Это — о предке Людмилы Львовны.

Отец Шаргея, Игнатий Бенедиктович, из мещан, родом из Ковенской губернии. Он был на редкость несобранный и увлекающийся молодой человек. Учился в трех университетах, в том числе и в Германии, но не окончил ни одного. Участвовал в студенческих волнениях.

Игнатий и Людмила поженились в 1896 году. Мать гения была беременна, когда ее арестовали за участие в демонстрации. В результате — нервная травма и лечебница для душевнобольных. Вскоре после рождения сына она оказалась в приюте для невменяемых. Полагают, что арест спровоцировал нервный стресс, который привел к помутнению рассудка. Есть сведения, что в роду Шлипенбахов подобные случаи бывали и раньше, это объясняется наследственностью.

Игнатий Бенедиктович женился вторично, но вскоре умер, примерно в то же время, что и первая жена. От этого брака родилась дочь Нина, сводная сестра Александра. В конце семидесятых годов она расскажет комиссии ЦК компартии Украины потрясающую историю, связанную с обстоятельствами изменения фамилии ее сводным братом.

Вкратце история такова. Августовским утром 1921 года деникинский офицер Александр Шаргей, скрывавшийся у родственников в Кировоградской области, получил из родных мест пакет с томиком Шиллера. В нем было выданное Волынской духовной консисторией метрическое свидетельство Юрия Васильевича Кондратюка, родившегося 26 августа 1900 года в городе Луцке Волынской губернии. Документ

подлинный. Такой юноша был, он учился в Киевском университете и скончался от туберкулеза 1 марта 1921 года. Его документами и воспользовался Шаргей, став Кондратюком. Очень удобно было то, что он сразу помолодел на три года — никто не заподозрит в нем белогвардейского офицера. Ими в 17 лет не становились.

В эту семейную тайну были посвящены единицы. Нина Игнатьевна Шаргей, сводная сестра гения, узнала ее от своей матери, мачехи сводного брата, перед ее смертью.

* * *

Удивительная история, не так ли? С одной стороны — деникинский офицер, полжизни проведенный под чужой фамилией и по чужим документам, привлекался к судебной ответственности. С другой стороны — выдающийся ученый с мировым именем.

Любопытная деталь: волей рока в один ряд с именами Циолковского, Цандера, Королева и других поставлено имя безвестного двадцатилетнего студента, никакого отношения к полетам на Луну не имевшего. Пожалуй, это единственный случай, когда воспользовались именем конкретного человека, а не абстрактным псевдонимом, и этот человек навсегда вошел в историю.

Впрочем, подобное, кажется, уже было, когда молодой революционер Лев Бронштейн взял себе фамилию Троцкого — охранника Одесской тюрьмы.

Завершая рассказ об этой удивительной истории, остается с грустью констатировать, что гениальный русский человек — это, как правило, не оцененное в свое время богатство, и то, что многого, конечно, уже

не вернуть. Заметим, однако, что вспомнить — значит частично оплатить долг.

Глава 16

НЕВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ИНДИИ

Пролог

18 мая 1967 года, за два часа до начала заседания Политбюро, Петру Ефимовичу Шелесту передали, чтобы по дороге в Кремль он заехал на Старую площадь — его хочет видеть Леонид Ильич.

Незамедлительно препровожденного в генсекский кабинет на пятом этаже главу украинских коммунистов Брежнев встретил приветливо. Задал пару-тройку формальных вопросов о состоянии дел в республике. Слушал невнимательно, было видно, что его занимают совсем другие мысли. И точно, отдав должное протоколу, вдруг сказал:

— Имей в виду, сегодня мы будем решать вопрос об освобождении Семичастного от должности председателя КГБ.

Шелест недоуменно уставился на генсека:

— А какая причина?

Брежнев поморщился, явно недовольный излишней любознательностью члена Политбюро. Ответил уклончиво:

— Много поводов к этому. Позже узнаешь все. Я пригласил тебя, чтобы посоветоваться, где лучше использовать на работе Семичастного. Мы не намерены оставлять его в Москве.

Ошеломленный новостью, Шелест снова повторил:

— А почему, какая причина?

Глава украинских коммунистов, причастный к смещению Хрущева в октябре 1964 года, отлично знал,

какую роль сыграл в этом деле КГБ и его руководитель. Казалось бы, Брежнев ему лично должен был быть многим обязан, поскольку приход Леонида Ильича к власти без поддержки КГБ был бы весьма проблематичен. Никогда и нигде Брежнев не высказывал даже малейшего недовольствия Семичастным.

— Я же тебе сказал, что позже все узнаешь, — почти с раздражением произнес генсек.

Шелест моментально прикусил язык. Если сам председатель КГБ попал под полное недоверие, надо держать ухо востро.

— Не хочется его и обижать сильно, — сказал Брежнев. — Может, ты что-нибудь предложишь? Где бы его можно использовать на Украине?

Шелест, которого прошиб холодный пот от мысли, что такая участь ждет каждого, кто в какой-то степени был причастен к приходу Брежнева на кремлевский трон, предложил должность первого секретаря Кировоградского обкома, где намечалась вакансия.

— Нет, на партийной работе его использовать нежелательно, — возразил генсек. — Давай другое предложение.

— Зампредом Совмина?

— Первым, — подумав, сказал Брежнев.

— Первых у нас два. Обе должности заняты.

— Это не преграда. Пиши записку в ЦК, учредим дополнительную должность первого зама.

Удовлетворенный тем, что Шелест не возражал против перевода Семичастного на Украину, Брежнев взглянул на часы, давая понять, что аудиенция закончилась, и поблагодарил за участие в решении столь деликатного, как он сказал, вопроса.

— До встречи на Политбюро, — произнес генсек, поднимаясь.

Заседание высшего коллегиального органа партии по новой моде, заведенной Брежневым, проходило в Кремле. После рассмотрения плановых вопросов генсек вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку, посмотрел на нее и сказал:

— Позовите Семичастного.

По лицу вошедшего в зал председателя КГБ было видно, что он не знал, зачем его пригласили. Держался уверенно. Вопросительно взглянул на Брежнева, предполагая, наверное, что тот даст ему какое-либо поручение. Скользнул взглядом по непроницаемым, пергаментным лицам членов Политбюро.

— Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном, — объявил Брежнев.

— А что обсуждать? — не понял вошедший.

— Есть предложение освободить вас от занимаемой должности председателя КГБ СССР в связи с переходом на другую работу, — разъяснил генеральный секретарь.

— За что? Это же неправильно! — пытался слабо протестовать Семичастный. — Это же...

— Много недостатков в работе КГБ, — оборвал его Брежнев. — Плохо поставлена разведка и агентурная работа!

— Но ведь меня по этим вопросам никто не проверял, — защищался Семичастный. — Со мной до этого дня по данному вопросу никто не разговаривал. Почему все это решается так скоропалительно?

Брежнев раздраженно ответил:

— А случай с Аллилуевой? Как она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США?

— Поездка Аллилуевой в Индию не санкционировалась органами КГБ, ее выезд состоялся вопреки нашим возражениям. Здесь были другие санкции, — парировал Семичастный.

Оправдания председателя КГБ принимали опасный характер, и Брежнев поспешил прекратить обсуждение

вопроса, огласив постановление Политбюро об освобождении Семичастного от должности председателя КГБ:

— Семичастный назначается первым заместителем Предсовмина Украины. Вопрос этот с товарищем Шелестом согласован, они принимают его на Украину.

В наступившей тишине снова раздался голос Семичастного:

— У меня семья в Москве, к тому же я незнаком с этой работой... Прошу, если это возможно, оставить меня в Москве, предоставив работу.

На что последовал ответ Брежнева:

— Вопрос уже решен, и возвращаться к нему не будем.

Тут же Брежневым было внесено предложение об утверждении Андропова председателем КГБ. Для Юрия Владимировича этот вопрос, похоже, не был неожиданным. На Лубянку отправились Суслов, Кириленко и Капитонов — объявлять решение Политбюро. На следующий день в газетах появился указ о переменах в руководстве КГБ.

Заберите у меня дачу и машину!

Двумя с половиной годами раньше подмосковный поселок Жуковка, заселенный исключительно высокопоставленными дачниками, облетела сенсационная новость: у дочери Сталина забрали домик и лишили ее права вызова автомашины! Светлана Иосифовна съезжает с дачи и уже пакует свои вещи.

Был конец ноября 1964 года. Прошел месяц, как сместили Хрущева. Во властных структурах происходили крупные кадровые перестановки. Одного за другим снимали с постов тех, кто был особенно близок к низверженному вождю. Лишение

руководящего кресла одновременно сопровождалось и выселением с госдачи.

Обитатели Жуковки ломали головы: а Аллилуеву за что? В хрущевских фаворитках она не значилась, да и на официальной службе не числилась. Наоборот, ниспровергнутый соратниками Никитка в грязь втоптал ее батюшку, повзрывал памятники, переименовал улицы, объявил виновным в тяжких злодеяниях против народа.

А может, дело не в Хрущеве, а в Брежневе? Может, какая-нибудь кошка перебежала дорогу раньше? И жуковчане, немало информированные о взаимоотношениях сильных мира сего, лихорадочно перебирали в памяти все, что могло пролить свет на скандальное происшествие, случившееся в поселке. Но — безрезультатно.

И только совсем недавно, уже после того как советской власти не стало, выяснилось, что поводом для аннулирования льгот дочери Сталина было письмо, поступившее на имя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина от жительницы Москвы, прописанной по улице Серафимовича, дом 2, квартира 179. Благодаря книге писателя Юрия Трифонова, этот адрес известен ныне как «Дом на набережной». В нем проживают много знаменитых людей, работавших в Кремле, на Старой и Лубянской площадях, в других высоких правительственных учреждениях.

Квартира № 179 числилась за Светланой Иосифовной Аллилуевой, дочерью Сталина.

Она владела ею с давних пор, но жила фактически за городом. При жизни отца — на его дачах, а с марта 1953 года, в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР, — в дачном поселке Жуковка. Согласно решению правительства, ей с детьми была выделена круглогодичная дача в бесплатное

пользование, предоставлено право вызова автомашины с автобазы Совмина и ряд других материальных услуг.

В Жуковке Светлана Иосифовна прожила одиннадцать лет — до ноября 1964 года, редко навещаясь в Москву. Там, вдали от городского шума, была написана ее первая скандальная книга «Двадцать писем к другу», вызвавшая много пересудов. О ее авторстве и по сей день не утихают споры. Чудный уголок природы, располагавший к лирическим размышлениям, где выросли дети — Ося и Катя, где не надо думать о мелочах быта. Мечта каждой хозяйки.

И вдруг — добровольный отказ от этого райского уголка.

В приемной Косыгина, месяц назад ставшего Председателем Совета Министров СССР, письмо Аллилуевой перечитывали несколько раз. Докладывать или погодить? Обращение официальное, заявительницей подписанное, в канцелярии зарегистрировано. Надо докладывать.

Многомудрый Алексей Николаевич молча внимал помощнику, докладывавшему о столь необычной просьбе. Дочь Сталина сообщала, что она всегда была и продолжает быть благодарной правительству за гуманность по отношению к ней и ее детям, проявленную и в 1953 году, и в последующие годы. Однако она полагает, что не имеет никакого морального права пользоваться этой гуманностью. В настоящее время ее дети уже выросли. Сын Иосиф является студентом второго курса медицинского института, дочь учится в седьмом классе. Дача нужна была главным образом для них, когда они были маленькими.

Поскольку отпадает необходимость в даче, то нет нужды и в пользовании машиной. Для автора письма и то и другое совсем не является необходимостью. Она с детьми сейчас очень редко бывает на даче и редко

пользуется машиной. Однако все это продолжает за ней числиться. К тому же в соответствии с постановлением, она пользуется дачей и машиной бесплатно, тогда как работники аппарата Совета Министров пользуются дачами и машинами за соответствующую плату. Это несправедливо. Да и на фоне общей весьма суровой и скромной жизни обладание дачей и машиной за государственный счет ставит ее в крайне неловкое положение перед друзьями и в двусмысленное положение вообще перед людьми.

Исходя из этого, заявительница просила дать Управлению делами Совмина СССР соответствующее указание. Она не стала обращаться по этому вопросу непосредственно в хозяйственные инстанции потому, что они все равно не станут нарушать пункты распоряжения правительства, да это и не находится в их ведении. Кроме того, заявительница не хотела бы, чтобы ее шаг мог быть истолкован, как некая демонстрация. А посему обращается в лице Алексея Николаевича Косыгина к правительству с просьбой понять ее правильно и не отказать в аннулировании предоставленных льгот.

Невероятно! За всю свою долгую жизнь в правительстве Косыгин не мог припомнить чего-либо подобного. Чтобы вот так, запросто, кто-нибудь просил забрать дачу и машину? Наоборот, выклянчивали их всеми возможными способами. Сколько этих заявлений прошло через его руки только при Хрущеве! Никита Сергеевич, как известно, совмещал должности первого секретаря ЦК и премьера. Косыгин долгое время был у него первым заместителем и по распределению обязанностей рассматривал подобные просьбы. Кто только не обращался — родственники репрессированных государственных деятелей и ученых, военачальников и писателей. И у всех одна просьба — дайте. А тут обратное — заберите.

Косыгин, естественно, передал адресованное ему заявление Аллилуевой в хозуправление — для исполнения. Хозяйственники понимающе крутнули пальцами у виска: не иначе, совсем крыша поехала. Пожалуй, никто лучше их не знал домашних и прочих личных тайн высокопоставленных дачников.

Плохая наследственность

Частная жизнь членов Политбюро всегда была особо охраняемой государственной тайной. Никаких открытых сведений ни об их семьях, ни о близких родственниках. Закрытость этой сферы, естественно, разжигала охотничий азарт зарубежных спецслужб, в структурах которых существовали и ныне здравствуют отделы, занимающиеся исключительно сбором указанных сведений.

Сегодня, например, уже не является секретом, что семья Сталина привлекала самое пристальное внимание иностранных тайных ведомств. Интерес к ней был проявлен с начала тридцатых годов, после загадочной смерти жены диктатора Надежды Сергеевны Аллилуевой. С тех пор не было ни одного более-менее значительного события в жизни Якова, Василия и Светланы, не зафиксированного в их досье. Скрупулезно собирались сведения о характере, привычках, склонностях. Источники были самые разные, в основном, гулявшие по Москве слухи.

Из троих детей Сталин больше всех любил младшую дочь. Она осталась сиротой с шести лет. «Сетанка-хозяйка» внешне была похожа на свою бабушку — мать Сталина. Невысокая и плотная, с толстыми ногами. Волосы золотисто-рыжие, что в Грузии считалось первым признаком красавицы, веснушки на лице, очень белая кожа. Полная противоположность брату Василию,

унаследовавшему черты матери — ее зеленоватые глаза, брови, сдвинутые к переносице.

В отличие от высокомерного, уверенного в своей безнаказанности брата, подростком носившего заграничные пиджаки и куртки, бриджи и толстые клетчатые гольфы, ездившего в школу в черной машине, за которой следовала другая — с тремя телохранителями, Светлана вела себя на людях скромно, даже несколько робко и очень вежливо. Одевалась в противоположность брату не кричаще: английский костюм, башмаки на толстой подошве; зимой — темно-синее пальто с серым каракулем или шубка из голубой белки с капюшоном. И все же она одевалась лучше других в школе, а потом и на историческом факультете МГУ.

Зарубежные специалисты — психоаналитики, основываясь на малозаметных деталях ее поведения, пришли к заключению, что дочь Сталина — очень впечатлительная, глубоко ранимая натура. Предвижу, что, дойдя до этого места, иной читатель иронично хмыкнет, заподозрив автора в шпиономании. Но и упрощать тоже не хотелось бы: недавно у нас рассекречены материалы, свидетельствующие о том, что на КГБ работали даже члены английской королевской семьи. Чтобы выйти на них с подобным предложением, надо было кое-что знать об особенностях их характеров. Эти сведения собирали по крохам, порой из таких источников, что у людей, мыслящих прямолинейно и поверхностно, ничего, кроме высокомерной улыбки, это не вызвало бы. Так что сбор досье на всех сколько-нибудь влиятельных лиц и членов их семей — процесс взаимообразный и, похоже, вечный.

Наверное, это удел всех крупных государственных деятелей: чужие люди для них важнее и значительнее близких. Не был исключением и Сталин. Он был плохим сыном — не нашел времени съездить даже на похороны

матери, невнимательным мужем — жена покончила жизнь самоубийством, малозаботливым отцом — у сыновей Якова и Василия, у дочери Светланы жизни не сложились.

Мать Светланы застрелилась в 1932 году. По рассказам Молотова, она была психопаткой. Много лечилась, в том числе и за границей. За два года до гибели три месяца провела в Карлсбаде, консультировалась у знаменитых немецких врачей-невропатологов. Доктора предписали ей полный покой и запретили заниматься какой-либо работой.

В перестроечные времена вокруг матери Светланы было сложено немало мифов, один другого нелепее. Утверждали, например, что она ушла из жизни по политическим мотивам, не разделяя линию Сталина на индустриализацию и коллективизацию, что она была на стороне Бухарина. О чем якобы и поведала в предсмертном письме, обнаруженном Сталиным на тумбочке в ее спальне. Сейчас установлено, что за письмо приняли «платформу Рютина», о которой тогда было много споров.

Один из распространенных мифов — то, что Сталин сам убил свою жену. Мотивы самые разные. От ревности до неумышленного выстрела, от подозрительности до политической расправы. Все это на поверку оказалось несусветной чушью, изобретенной в эмигрантских газетах начала тридцатых годов из-за отсутствия достоверной информации. Спустя полвека старые инсинуации преподносились в горбачевской России как новейшие достижения исторической мысли.

В действительности все было иначе. Только сейчас, когда открылись архивы, включая и личный архив Сталина, стало ясно, отчего покончила с собой Надежда Аллилуева. Ссора на банкете у Ворошилова 8 ноября 1932 года, после чего прозвучал роковой выстрел, была лишь толчком, приблизившим развязку. Как и

малоизвестный инцидент в Большом театре, откуда Сталин с женой приехали на квартиру Ворошилова. Аллилуева была в заметном напряжении и, когда муж обратился к ней со словами: «Эй, ты, пей!», она вспылила: «Я тебе не «эй, ты!» и ушла с банкета. А утром ее нашли в спальне с огнестрельной раной.

Причиной ссоры в Большом театре была, как это ни странно, ревность. Надежде Сергеевне показалось, что муж слишком внимательно рассматривал одну из хорошеньких балерин.

И снова проницательный читатель недоверчиво хмыкнет: ревность? Молодая жена ревнует старого мужа? Скорее, должно быть наоборот — ведь разница в возрасте у них составляла двадцать два года. В 1932 году Надежде был тридцать один год, а ее мужу — пятьдесят три. Она вышла замуж за Сталина будучи гимназисткой, в шестнадцать лет. А он вступил в брак в зрелом возрасте, под сорок. Так кто кого должен ревновать?

Увы, молодость не всегда ассоциируется с хорошим здоровьем. Сегодня открылось немало такого, что свидетельствует о некоторой проблематичности в их супружеских отношениях. У нее был ранний климакс, сопровождавшийся жуткими головными болями. Периодически наступали приступы тоски, гнетущей депрессии. Надежда постоянно принимала кофеин, чтобы подбадривать себя. Действие наркотических средств проходило, и снова тоска, угрозы покончить с собой.

В дневнике Марии Анисимовны Сванидзе, жены брата первой жены Сталина, которая жила в Москве, есть строки о том, что когда после смерти Надежды ее череп внимательно обследовали врачи, они пришли к выводу — это типичный череп самоубийцы. Кроме того, у нее развивалась тяжелейшая болезнь — окостенение черепных швов.

В общем, целый букет «болячек», вызывавших неадекватное поведение и усугублявших психическое состояние. Оно и раньше было не совсем в норме. Перед рождением первенца Василия она ушла из кремлевской квартиры и словно сквозь землю провалилась. Сын появился на свет на окраине Москвы, в роддоме, куда роженицу привели сердобольные бабоньки, представления не имевшие, кто на самом деле эта молоденькая беременная женщина.

Злой рок словно преследовал весь род Аллилуевых. Психическим расстройством страдали мать Надежды Сергеевны — Ольга Евгеньевна, сестра Анна и брат Федор. Как и Надежда, ее мать вышла замуж очень рано. Оленька сбежала из дома к молодому рабочему тифлисских мастерских Сергею Аллилуеву, выкинув из окна узелок с вещами, когда ей не было и четырнадцати лет.

Ольга Евгеньевна была невероятно соблазнительна. От поклонников у нее отбоя не было. Время от времени она бросалась в авантюры то с каким-то поляком, то с венгром, то с болгаринном, то с турком — она любила южан и утверждала в сердцах, что русские мужчины — хамы. Сама она представляла странную смесь национальностей. Ее отец хотя и носил украинскую фамилию Федоренко, но вырос и жил в Грузии. Его мать была грузинкой, и говорил он по-грузински. А женат был на немке, Магдалине Айхгольц, из семьи немецких колонистов. Магдалина Айхгольц родила девять детей, последним ребенком была Ольга — мать Надежды Сергеевны.

Ольга Евгеньевна говорила по-немецки и по-грузински. Русский язык она выучила позже. «Иезус-Мария» и «Майн Готт» чередовались у нее с «генацвале» и «чириме». Кавказский акцент оставался у нее всю жизнь.

Она была очень маленького росточка, но большие серые глаза, правильные черты лица, изящный рот, светлые волосы и царственная манера держаться придавали ей необыкновенную привлекательность. Было в ней что-то такое, от чего мужчины сходили с ума. Семейные скандалы были перманентными. Кончилось все тем, что под старость Ольга Евгеньевна и Сергей Яковлевич стали жить в разных квартирах. Ему, видно, надоели ее постоянные измены и причитания, что Сергей загубил ее жизнь и что она видит с ним одни страдания. Обслуга в Зубалове, где они жили до разрыва, называла ее блажной старухой, капризной самодуркой. Старость, болезни и смерть они встретили в одиночестве, каждый сам по себе.

У Аллилуевых была плохая наследственность. Вдова маршала Буденного рассказывала, что, по словам Семена Михайловича, Надежда Сергеевна была психически нездорова, в присутствии других людей пилила и унижала мужа. Буденный удивлялся: как он терпит?

Есть и такая версия. За неделю до самоубийства Надежде Сергеевне вдруг взбрело в голову, что она... дочь Сталина и его жена одновременно. Якобы мать призналась, что то ли в декабре 1900, то ли в январе 1901 года она была близка одновременно со своим мужем, Сталиным и Курнатовским и, если честно, не знает, от кого родилась Надя.

Признание сумасшедшей старухи усугубило душевный кризис Надежды. В ее воспаленном воображении мельтешили дьявольские картины кровосмешения. Получалось, что она сестра своим дочери и сыну? В минуты помутнения разума она заявляла, что таким, как она, не место на земле.

Кроме того, ходили слухи, что у Надежды была интимная связь с пасынком Яковом, сыном Сталина от первой жены, который был не намного младше мачехи.

Разразился грандиозный семейный скандал, закончившийся попыткой самоубийства Якова. Он выстрелил в себя из револьвера, но остался жив, и вскоре переехал из сталинской квартиры в Кремле в Ленинград, в пустовавшую квартиру Сергея Яковлевича Аллилуева.

Сведения о попытке застрелиться и последующей смене места жительства Якова Джугашвили имеются в различных архивных источниках. Судя по ним, сомневаться в достоверности происшедшего не приходится. Неясны лишь мотивы столь необычных поступков. Теперь, похоже, все становится на свои места.

Соблазненная

После ранней смерти матери шестилетнюю Светлану воспитывали няня и гувернантки. Отец был высоко, детьми занимался в самых общих чертах. Сталин пестовал дочь в младенчестве, но когда она превратилась в подростка, наступило естественное для отцов и взрослых дочерей отчуждение. Девочки в четырнадцати-пятнадцатилетнем возрасте больше клонятся к матерям, делятся с ними своими секретами, маленькими тайнами, обсуждают наряды.

Матери у Светланы не было, и с приходом девичества пооткровенничать было не с кем. Няня и гувернантки все же люди не родные. С отцом тоже не пошепчешься, как бывало в детстве. К тому же дочери стало казаться, что ее внутренний мир раздражал отца. Она была другой, не похожей на него.

С началом войны 1941 года редкие встречи с отцом и вовсе прекратились. Наступило полное отчуждение. После войны они тоже не сблизились. До 1943 года Светлана ходила в 25-ю, так называемую образцовую школу в Старопименовском переулке в районе

тогдашней улицы Горького, сейчас Тверской. Эту школу она посещала десять лет — с 1933 по 1943 год, с небольшим перерывом, который начался осенью 1941 года, когда ее отправили в Куйбышев. Там для эвакуированных детей столичной верхушки организовали спецшколу, узнав о которой Сталин разгневался. В Москву Светлана вернулась весной 1942 года. В феврале ей исполнилось шестнадцать лет.

Дом на даче в Зубалове, где прошло ее детство, осенью сорок первого года взорвали, опасаясь прихода немцев. Ранним летом сорок второго года начали отстраивать. К осени он был уже готов. В нем и поселилось многочисленное сталинское семейство: сын Василий с женой и дочерью, Светлана с няней, Яшина дочка Гуля со своей няней, Светланина тетя Анна Сергеевна с сыновьями.

В Зубалове провели всю зиму сорок второго — сорок третьего годов. Жизнь была разгульной и пьяной. К Василию приезжали его многочисленные друзья — летчики, спортсмены, артисты. Нередко с подружками. Сутками гремела радиола, салютовали пробками в потолок батареи бутылок с шампанским. Впечатлительная Светлана во все глаза рассматривала мир неизвестных ей прежде взрослых людей — сливок столичной богемы.

Этого человека привез в Зубалово брат Василий. Был конец октября сорок второго года. Светлана родилась в феврале двадцать шестого. Читайте, сколько было ей, гимназистке, когда на ее жизненном пути встретился мужчина, которому уже тогда исполнилось сорок лет. Он приходил к школе, где она училась, и стоял в подъезде соседнего дома, ожидая, когда она выйдет на улицу. Она знала, что он наблюдает за ней, и у нее радостно сжималось сердце.

Алексей Яковлевич Каплер был известным драматургом и киносценаристом, лауреатом

Сталинской премии. Знаменитые фильмы «Три товарища», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Котовский», «Она защищает Родину» снискали ему громкую славу. Падкий на лесть Василий Сталин согласился стать военным консультантом его нового фильма о летчиках и сразу же предложил обмыть это предложение.

Обмывали в Зубалове. Хмельной Василий вдруг подозрительно уставился на Каплера, переспросил, действительно ли тот собирается снимать фильм об авиации. Мол, с таким же предложением к нему уже обращались Константин Симонов, Роман Кармен, Михаил Слущкий, но что-то у них не движется. Каплер заверил, что у него, в отличие от других собратьев по ремеслу, самые серьезные намерения.

Об истинных намерениях маэстро остается только гадать, но дальше шумных застолий с обильными возлияниями дело не двинулось. Во время первого приезда в Зубалово Василий представил киносценаристу свою сестру. Маэстро галантно раскланялся и пригласил всех присутствовавших в Гнездниковский переулок, где покажет фильмы, которые непременно понравятся его новой очаровательной знакомой.

Приглашение было принято. И вот дочь коммуниста номер один с веселой компанией нагрянула в просмотровый зал Комитета кинематографии в Гнездниковском и впервые в жизни смотрит американский боевик с герлс и чечеткой. Светлане, как потом она вспоминала, фильм не понравился, и тогда маэстро пообещал показать ей «хорошие» фильмы по своему выбору. И точно, в следующий свой приезд в Зубалово он привез кое-что из Диснея.

Первая искра пробежала между ними на ноябрьские праздники. К Василию, как всегда, приехало множество народа. К. Симонов пожаловал с Валентиной Серовой,

Б. Войтехов с Целиковской, Р. Кармен с женой, знаменитой московской красавицей Ниной, на которую потом положит глаз Светланин любвеобильный братец. Сверкали золотые звезды Героев Советского Союза на парадных мундирах молодых летчиков-асов.

Застолье было веселым и шумным. Девочка-подросток смотрела на военных, прибывших с фронта. Они могли погибнуть там в любую минуту, смерть подстерегала их на каждом шагу, потому позволяли себе расслабиться, откровенно наслаждаясь спокойными, беззаботными минутами.

После обильного виновкушения начались танцы. К Светлане неожиданно подошел Каплер:

— Вы танцуете фокстрот?

Девочка-подросток зарделась. Она была одета в новое платье, специально сшитое у хорошей портнихи к этому праздничному вечеру. Это было ее первое «взрослое» платье. К нему она приколотла мамину гранатовую брошь. На ногах были полуботинки без каблучков. Этаким смешной цыпленок. Но кавалер был опытным сердцеедом.

— Что вы невеселая сегодня? — спросил он.

Любая женщина восприняла бы этот вопрос как банальный ход светского ловеласа. Но ведь его даме было всего шестнадцать с половиной лет. И она начала говорить обо всем — как ей скучно дома, как неинтересно с братом и родственниками, о том, что сегодня десять лет со дня смерти мамы, и никто не помнит об этом.

Кавалер слушал внимательно. У него был редчайший дар — делать вид, что ему ужасно интересны все подробности, все переживания рыжеволосой десятиклассницы.

С той шумной вечеринки и началось. Вскоре Светлана узнала о его обиталище — номере в нетопленной гостинице «Савой», где собиралась на

дружеские пирушки московская богема. Он давал читать ей машинописные переводы романов Хемингуэя, Олдингтона, других модных западных авторов, не издававшихся в СССР. От него она узнала о запрещенных стихах Ходасевича, Гумилева, Ахматовой и прочла их. Нередко приносил «взрослые» книги о любви, что было крайне небезопасно, поскольку Светлана не достигла совершеннолетия.

После, вспоминая роль Каплера в своей жизни, Светлана признавалась, что он сильно повлиял на ее мировоззрение. Она впитывала каждое его слово, и они находили у нее отзвук. Он раскрывал перед ней совсем иной мир искусства, преподносил совсем иные ценности. Тогда в Москве громким успехом пользовался спектакль по пьесе А. Корнейчука «Фронт». Каплер отозвался о нем пренебрежительно: мол, искусство там и не ночевало. Зато превозносил все западное, что дало повод Сталину обвинить соблазнителя еще и во вредной идеологической обработке своей малолетней дочери.

Связь единственной дочери-десятиклассницы с сорокалетним бабником не укрылась от Сталина. Встреча в пустовавшей квартире брата Василия возле Курского вокзала, которая состоялась двадцать восьмого февраля сорок третьего года, в день семнадцатилетия Светланы, стала для любовников последней. Через двое суток взбешенный Сталин, узнав, что произошло в квартире возле Курского вокзала, ворвался рано утром в комнату дочери, которая собиралась в школу.

— Где, где это все? — в ярости едва выговорил он. — Где все эти письма твоего писателя? Мне все известно! Вот твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя по карману. — Твой Каплер — английский шпион, он арестован!

— А я люблю его! — в запальчивости выкрикнула Светлана. Ее телефонные разговоры с Каплером

записывались! Бедная няня — Светлана обманывала ее, называя Каплера Люсей. Простодушная старушка думала, что Светлана разговаривает с подружкой.

— Любишь? — переспросил отец и залепил дочери две пощечины — впервые в жизни. — Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!

Дочь отдала отцу все письма и фотографии Каплера, его блокноты, наброски нового сценария, какого-то заумного рассказа.

— Писатель! — презрительно фыркнул он, прочитав грудку бумаг, изъятых у дочери. Это она услышала, когда вернулась из школы и ей передали, чтобы зашла к отцу. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!..

Как потом она вспоминала в своей книге «Двадцать писем к другу», отца раздражало больше всего, что Каплер был евреем.

Незадачливого любовника несовершеннолетней дочери диктатора арестовали спустя сутки после их уединения в пустовавшей квартире Василия. Мотивы ареста — связи с иностранцами. По словам Светланы, Каплер действительно не раз бывал за границей и в Москве знал едва ли не всех иностранных журналистов. Этого он не мог отрицать. А время было военное.

После ареста его не заключили в тюрьму, а выслали на пять лет в Воркуту. Там он работал в театре. По окончании срока высылки въезд и проживание в Москве ему были воспрещены. Он выбрал Киев, где жили его родители. Но — неожиданно приехал в Москву. Это было в сорок восьмом году. Когда он, немного пробыв в Москве, сел в поезд, чтобы ехать в Киев, в вагоне его задержали. И отправили в лагерь под Интой. На пять лет.

Освободили его в июле пятьдесят третьего. Вернувшись в Москву, он вновь стал писать киносценарии. Фильмы, снятые по ним, широко

известны. Это «За витриной универмага», «Полосатый рейс», «Синяя птица» и ряд других. Преподавал во ВГИКе. Был одним из организаторов и ведущим популярной «Кинопанорамы» на Центральном телевидении. Скончался в семьдесят девятом году в возрасте семидесяти пяти лет.

Замужества

В марте сорок третьего года Сталин распорядился закрыть дачу в Зубалове, которую, по его словам, Василий и Светлана превратили в вертеп. Оба были изгнаны оттуда за «разложение». Специальным приказом Сталина как наркома обороны его сын полковник Василий Сталин получил десять суток ареста. Что касается Светланы, то, глубоко разочаровавшись в ней, отец после злопамятных пощечин перестал не только встречаться, но и разговаривать с дочерью. Даже по телефону.

Спустя четыре месяца после размолвки Светлана позвонила отцу, чтобы сообщить об окончании школы. «Приезжай», — недовольно сказал он в телефонную трубку.

Встреча не примирила их. Дочь показала аттестат с хорошими оценками, но это не смягчило Сталина. Он по-прежнему сердился на нее. Неодобрительно отнесся к ее желанию поступать на филологический факультет:

— В литераторы хочешь! Так и тянет тебя в эту богему. Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование, хотя бы на историческом... Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь...

Весной следующего, сорок четвертого года, первокурсница истфака МГУ Светлана Сталина вышла замуж. О ее супруге сложено много мифов. В одной из книг, продающихся на московских развалах, сказано,

например, что он был работником ГАИ и носился по столичным улицам на милицейском мотоцикле. Однажды он остановил машину, в которой мчался Василий Сталин, за превышение скорости. Пьяный сын диктатора приказал ему ехать с собой, поскольку денег для уплаты штрафа при себе не было. Там он, мол, и познакомился со Светланой.

В действительности было не так. Ее первый муж Григорий Иосифович Морозов (в детстве Мороз) учился со Светланой в одной школе. Хотя не исключено, что в дом Сталина он попал благодаря Василию, с которым подружился и пропадал с ним целыми днями. Но в брак он вступил будучи студентом Московского государственного института международных отношений. Его отец, Иосиф Григорьевич Мороз, в 1923 году подвергся аресту по обвинению во взяточничестве и был приговорен к десяти годам тюрьмы со строгим режимом. Но отсидел только один год, после чего его выпустили на свободу. Отец первого сталинского зятя владел магазином аптекарских товаров в Москве на Большой Грузинской улице, некоторое время был представителем мучной фирмы своего родного дяди «Гинзбург и братья Валяевы».

Иосиф Григорьевич имел двоих братьев. Один из них, Моисей, занимался валютными махинациями. Дважды — в тридцать первом и тридцать четвертом годах — он привлекался за это к судебной ответственности. Второй брат, Савелий, в конце двадцатых годов эмигрировал во Францию и проживал в Париже.

Когда Светлана приехала к отцу для специального разговора о своем предстоящем замужестве, Сталин не знал этих подробностей, характеризующих семью, с которой ему предстояло породниться. Компромат всплыл позже, когда дочь уехала и Сталин отдал указание Берии навести справки о родословной своего

будущего зятя. Как потом вспоминала Светлана, его сразу насторожили фамилия, имя и отчество молодого человека, за которого она собиралась выйти замуж. «Он был еврей, и это не устраивало моего отца», — свидетельствует она. «Это сионисты подсунули тебе твоего жалкого первого мужа», — говорил он ей после того, как спустя три года их брак распался.

Еще не зная о компрометирующих Морозовых материалах, Сталин, давая согласие на замужество дочери, поставил условие — ее муж ни под каким предлогом не должен появляться у него в доме. Он даже не захотел знакомиться с зятем и твердо заявил, что ни встреч, ни разговоров не будет. Представленные позднее Берией материалы лишь утвердили его в первоначальном мнении. Он не пожелал встретиться с зятем, даже когда Светлана родила мальчика, которого в честь деда называли Иосифом.

— Слишком он расчетлив, твой молодой человек, — говорил он дочери. — Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался...

В своих позднейших интервью Светлана, будучи уже в Америке, категорически опровергала версии о том, будто бы ее отец настоял на разводе, будто бы он этого требовал. Она подчеркивала, что рассталась с первым мужем по причинам личного порядка. Отец, конечно, был доволен, что они развелись, потому что Григорий ему никогда не нравился.

Столь устойчивую неприязнь диктатора к зятю объясняют двумя причинами. Первая — его еврейское происхождение. Об антисемитизме Сталина писано-переписано. В данном случае есть веское доказательство того, что именно «пятая графа» зятя сыграла роковую роль. Во время антиссионистской кампании сорок восьмого года отец Григория Морозова был арестован. Служил он тогда заместителем директора по хозяйственной части Института

физиологии. Институт этот возглавляла академик Лина Штерн, тоже попавшая в списки космополитов. Ее брат, Бруно Штерн, был тогда крупным бизнесменом и проживал за границей. А у Иосифа Григорьевича брат тоже жил в Париже и знал брата Лины Штерн.

Ареста ждал и незадачливый зять Сталина. Он остался без работы, его никуда не принимали, знакомые боялись с ним разговаривать. «Пятая графа», словно проклятие, висела и над ним. Да еще нешуточное подозрение в том, что его подсунули дочери Сталина сионисты.

Однако среди людей, близко знавших Светлану и ее первого мужа, есть и такие, кто считает, что дело вовсе не в еврейской национальности Григория Морозова, а в его расчетливости. Рассказывает двоюродный брат Светланы Владимир Аллилуев — сын Анны Сергеевны Аллилуевой и Станислава Францевича Реденса:

— Молодожены поселились в нашем доме, сначала в шестнадцатом подъезде, затем, после рождения первенца — сына — в мае сорок пятого года, в шестом подъезде. Это знаменитый дом на набережной по улице Серафимовича, два. Опасения Сталина о расчетливости зятя стали подтверждаться, Светланину квартиру заполнили родственники мужа, они докучали ей своими просьбами и требованиями об устройстве того или иного чада в «тепленькое местечко» и наивными ожиданиями всяческих благ, которые должны, как манна небесная, посыпаться на них. Но, как говорится, в нашей семье этот номер «не плясал». Обращаться к Сталину или к его окружению с подобными вопросами было бесполезно и небезопасно. В итоге отношения между супругами стали охлаждаться, а среди наших новых родственников воцарилось уныние...

Любопытно также мнение человека, работавшего вместе с Григорием Морозовым в середине пятидесятых

годов в одном секторе Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР:

— Морозов как ученый ничем не выделялся, но у него была сильная воля и отличное умение ориентироваться. В общем же он — трагическая фигура. Он-то, видимо, рассчитывал стать правой рукой Сталина, — а Сталин его даже видеть не захотел...

Приведенные выше слова принадлежат Михаилу Восленскому, лишенному в 1972 году советского гражданства. Доктор исторических и доктор философских наук Восленский возглавляет исследовательский институт в Бонне. С приходом новых времен он был восстановлен в гражданских правах.

Владимир Аллилуев рассказал, как произошел развод Светланы с первым мужем. Григория выставили из квартиры, а Василий, забрав у сестры паспорт, отвез его в милицию и вернулся оттуда с «чистым», без брачных печатей. Вот и вся процедура — развод по-кремлевски.

Два года прошли в ничегонеделаньи. Изредка в университет, иногда в театр. Лень, роскошь, нега. Летом — Крым, осень с отцом на «Холодной речке», где в ноябре еще цвели розы. Отец раздражался, называл ее при всех за столом дармоедкой, сердился, что из дочери все еще не вышло ничего путного. Не раз упрекал в антисоветизме — кто-то исправно доносил о ее слишком вольных суждениях на гульбищах.

Весной сорок девятого года, закончив университет, она вышла замуж за сына А. А. Жданова. Юрий Андреевич возглавлял отдел науки в ЦК ВКП(б). Сталин любил его отца, секретаря ЦК ВКП(б), скончавшегося в сорок восьмом году при довольно загадочных обстоятельствах. Уважал и самого Юрия. Возражений против этого брака у Сталина не было, наоборот, он даже обрадовался, потому что считал Юрия серьезным молодым человеком и в душе всегда мечтал, чтобы их

семьи породнились. Это не какой-то безродный космополит Морозов. Ждановы — известная в партии фамилия.

Встал вопрос, где жить молодоженам. Сталин урезонивал дочь:

— Зачем тебе переезжать к Ждановым? Там тебя съедят бабы! Там слишком много баб!

Он имел в виду вдову Жданова Зинаиду Александровну и ее сестер. Зная характер Светланы, Сталин предчувствовал, что она в доме свекрови не уживется.

Так и произошло. Переехав с малолетним сыном в квартиру Ждановых в Кремле, Светлана повела себя совсем не так, как полагается благочестивой невестке. Веселые вечеринки, привлекавшие в этот дом до замужества, прекратились. И Светлана затосковала. Однообразная семейная жизнь под присмотром свекрови и ее сестер угнетала.

Это настроение не проходило и после рождения дочери, которую называли Катей. Вскоре Светлана сказала отцу, что уходит от Ждановых.

— Делай, как хочешь, — устало ответил состарившийся отец, хотя развод был ему не по сердцу.

Когда она съехала с кремлевской квартиры Ждановых в городскую, Сталин донимал ее упреками:

— Ну что, по-прежнему дармоедкой живешь, на всем готовом?

Мысль о том, что дети не могут и не хотят жить на свои средства, бесила его. Он настоял, чтобы дочь поступила в аспирантуру Академии общественных наук, чтобы она получила шоферские права и сама водила машину:

— Дачи, казенные квартиры, машины, — все это тебе не принадлежит, не считай это своим...

Хорошо знавший историю, диктатор в глубине души допускал, что может произойти с его именем после

смерти. Как всякий отец, он желал своим детям только хорошего. Увы, они слишком поздно это понимают. Оставшись без отца, не смог самостоятельно жить Василий. Он перестал быть нужным, и его бросили, забыли. Тридцатитрехлетний генерал-лейтенант авиации не умел ничего делать. Он остался совершенно один, без работы, без друзей, никому не нужный алкоголик, пока не погиб в пьяной драке в Казани, куда он был выслан из Москвы.

Не состоялась и Светлана. По свидетельствам близко знавших ее лиц, кремлевская принцесса была искательницей развлечений и относилась к людям, как к живым игрушкам. Легко сходилась, легко расставалась. Такое поведение начало преобладать в ней после того, как она поняла, что искренних человеческих чувств ей никогда не видать, что знакомств и встреч с ней ищут исключительно с одной корыстной целью.

Третьим ее мужем в Советском Союзе стал индус по имени Радж Баджеш Сингх.

Рассказывает бывший председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный:

— В Политиздате, где Светлана подрабатывала, занимаясь переводами, она познакомилась с индусом Радж Баджеш Сингхом. Он был членом индийской компартии и тоже работал в издательстве. Трудно сказать, что она нашла в этом человеке (лысый, худой и нескладный, с жиденькой козлиной бородкой, к тому же сильно больной, его постоянно мучил удушливый кашель). Впрочем, он был из непростой семьи — его дядя занимал пост министра в правительстве Д. Неру.

Вскоре после знакомства Светланы с Сингхом нам стало известно, что они подали документы в загс и готовятся к свадьбе. Что нам оставалось делать? Сами понимаете, подобного рода браки творятся не на небесах, а в коридорах власти. Волевым порядком, не

согласовывая свои действия с «молодоженами», мы забираем документы из загса и докладываем ситуацию А. Косыгину — он всегда питал добрые чувства к Светлане и в сложных житейских проблемах был ее постоянным и добрым опекуном. Алексей Николаевич встретился с «невестой» и объяснил ей, что кроме очередного скандала из этой затеи ничего не получится. Ведь Сингх имеет законную семью в Индии и, судя по всему, не собирается порывать с нею. А после хрущевских разоблачений культа личности эта свадьба неминуемо обернется еще одним ушатом грязи на имя Сталина. К тому же и Светлана, и Сингх уже далеко не дети и вполне могут устроить свою личную жизнь без официальных церемоний — Политбюро ЦК будет смотреть на это сквозь пальцы.

Так оно и вышло. Сингх переехал к Светлане, и она фактически не только стала гражданской женой, но и содержала своего сожителя, поскольку всю зарплату он отправлял семье в Индию, иногда и сам выезжал на родину. Ситуация устраивала всех, кроме сына Иосифа.

Хотя он и был медиком, но терпеть не мог смрада индийских благовоний и снадобий, которыми вскоре пропахла вся квартира.

Был еще четвертый муж, с которым она вступила в брак после бегства в США, — американский архитектор Вильямс Весли Питерс. Брак этот тоже был непродолжительным: в 1970 году они поженились, в 1971 году родилась дочь Ольга, а в 1972 году супруги развелись.

В ноябре восемьдесят четвертого года Светлана Аллилуева вместе с дочерью Ольгой вернулась в СССР из Англии, куда переехала из США в 1982 году. На пресс-конференции в Москве она заявила, что приехала насовсем, что все эти годы ее преследовало чувство вины, а Запад оказался совсем не таким, каким она его представляла. Сомнений в искренности ее слов не было.

Ей предложили большую квартиру на улице Алексея Толстого, но она попросила разрешения жить в Тбилиси, мотивируя тем, что отношения со старшими детьми Иосифом и Катей, проживающими в Москве, не складываются ни у нее, ни у младшей дочери Ольги. Черненко, дававший согласие на ее возвращение в СССР, не отказал и в этой просьбе.

Они уехали в Грузию. Но не жилось и там. К тому же младшая дочь Ольга хотела продолжать учебу в английском колледже, где она училась до приезда в Москву. Это вызвало вопросы у советских властей: а зачем в Англию? Пусть поступает в университет Дружбы народов. Самое любопытное, что препоны ставились уже при горбачевском «новом мышлении». Приехав в очередной раз в Москву, чтобы хлопотать о выезде Ольги в Англию, Аллилуева не выдержала. После высказанных ей рекомендаций, что дочери в Москве будет лучше, она направилась с Ольгой в посольство США. По дороге их перехватила милиция.

Скандал удалось замять, но Ольге разрешение на выезд дали. При оформлении выездных документов дочери Светлана Иосифовна вдруг заявила, что она тоже хочет покинуть Союз. В этом поступке она вся — непредсказуемая, неординарная.

Свое семидесятилетие — 28 февраля 1996 года — она встретила в лондонском пансионате для тех, кому требуется опека и лечение, кто одинок и столкнулся с серьезными эмоциональными проблемами. Жильцы этого богоугодного заведения — алкоголики, наркоманы, престарелые, больные. Дочь коммуниста номер один сталинской эпохи зарегистрирована там под именем Ланы Питерс. Это фамилия ее последнего мужа — архитектора из США, скончавшегося в 1991 году.

Удивительные кульбиты! И это та самая «Сетанка-хозяйка», отдававшая в детстве шуточные письменные

приказы отцу, который ставил внизу свою подпись: «Покоряюсь. И. Сталин».

Как могло такое случиться? Почему она решилась на побег? И куда — в США, в цитадель империализма, к врагам номер один своего отца!

Кто санкционировал выезд

С тех пор, как радиостанция «Голос Америки» передала сенсационную новость о том, что находившаяся в Индии дочь Сталина обратилась в посольство США в Дели с просьбой предоставить ей политическое убежище, не утихают споры о мотивах ее столь неординарного поступка.

История эта темна и поныне и, наверное, полностью прояснится не скоро. Хотя некоторые детали становятся известными благодаря рассекреченным документам Политбюро ЦК, которые по наследству перешли в архив Президента России.

Бывший член Политбюро Петр Ефимович Шелест, например, в беседе с автором этой книги утверждал, что выезд Аллилуевой в Индию был разрешен тогдашним Председателем Президиума Верховного Совета СССР Микояном. Анастас Иванович, мол, в этом плане оказал ей большую помощь, уговорив своих осторожных коллег не препятствовать ей в исполнении последнего долга перед умершим мужем. Дескать, она и так настрадалась со своим индусом — ей долго не разрешали выходить за него замуж, хотя Сингх и состоял в компартии Индии. Он был иностранцем, а к бракам с зарубежными гражданами в СССР известно как относились. Сингх то уезжал к себе на родину, то снова возвращался к возлюбленной, и это при его смертельной болезни! Давайте, настаивал Микоян, хоть здесь загладим свою вину.

Версию о проявленной Микояном отзывчивости приходилось слышать и из других источников, правда, устных. Но вот документ — решение Политбюро ЦК КПСС от 4 ноября 1966 года. Правда, оно не оформлено протоколом, как обычно. Проект постановления подготовлен и завизирован К. У. Черненко, который в 1966 году был заведующим общим отделом ЦК КПСС. Читаем:

«Тов. Аллилуева (Сталина) Светлана обратилась с просьбой к тов. Косыгину А. Н. разрешить ей выехать в Индию на 7 дней для похорон мужа.

Этот вопрос проголосован по телефону с тт. Брежневым, Вороновым, Кириленко, Косыгиным, Пельше, Подгорным, Полянским, Шелепиным».

Микоян Анастас Иванович, как видим, не упоминается.

Читаем дальше:

«Согласиться с просьбой о выезде в Индию на 7 дней Аллилуевой Светлане.

Поручить тов. Семичастному выделить двух работников для поездки с ней в Индию.

Тов. Бенедиктову оказать помощь во время пребывания их в Индии».

Семичастный тогда возглавлял КГБ СССР, Бенедиктов был советским послом в Индии. Никаких сведений о двух работниках КГБ, которые должны были сопровождать ее в поездке, обнаружить не удалось. И только в книге ее двоюродного брата Владимира Аллилуева «Хроника одной семьи» глухо упоминается о какой-то бестактной женщине, зачем-то приставленной к Светлане в качестве провожатой. «Ее, правда, индусы от Светланы быстро изолировали», — замечает автор.

Что это за женщина и кто эти индусы, которые «изолировали» ее от Аллилуевой? Увы, ответа нет. Две встречи с человеком, который многое знает и мог бы приоткрыть покров тайны, ожидаемых результатов не

дали. Дважды он тепло и радушно принимал автора этой книги у себя дома, и оба раза удивленно разводил руками:

— Впервые слышу о провожатых. В Дели, безусловно, был наш человек. Я знаю его фамилию. Правда, он был тогда молодым, неопытным работником советской резидентуры. Но чтобы из Москвы... Нет, о решении Политбюро мне ничего не известно.

Генерал-полковник в отставке Николай Степанович Захаров занимал во время описываемых событий пост заместителя председателя КГБ СССР, много лет до этого возглавлял знаменитую «девятку» — Девятое управление КГБ СССР, осуществлявшее охрану высших партийных и государственных деятелей страны. Несмотря на преклонный возраст, у него отличная память. А тут — провал. В самом деле не осведомлен, или здесь нечто иное? Ну, допустим, вполне объяснимое нежелание касаться тех эпизодов деятельности всесильного когда-то ведомства, которые не в его пользу? Аллилуеву-то ведь упустили советские спецслужбы...

При жизни Брежнева, понятно, надо было молчать, но сейчас?.. Хотя люди, подобные Николаю Степановичу — особенные. Они старой закалки, выдавшие-перевыдавшие на своем веку столько перестроек, что, как сейчас говорят молодые, мало не покажется. Впрочем, Захаров и в самом деле может не знать всех деталей — он ведь не дотошный собиратель, не коллекционер скандальных происшествий и не архивариус, педантично подшивавший все на свете — когда-нибудь да пригодится.

Постойте, а что автор имеет в виду под необходимостью соблюдать молчание в эпоху Брежнева? Вернемся к началу этой главы, найдем те строки, где говорится о заседании Политбюро, на котором снимали председателя КГБ Семичастного.

Итак, что сказал Семичастный в ответ на упрек Брежнева о плохой работе КГБ, выпустившего Аллилуеву в Индию и не предотвратившего ее побега в США? Семичастный сказал, что ее выезд состоялся вопреки возражениям КГБ, который имел для этого веские основания. В частности, информацию о ее контактах с иностранцами и о том, что в Жуковке она сочиняет книгу с явно недружественных позиций даже по отношению к отцу, не говоря уже о советской системе в целом. То, что публикует сегодня журнал «Штерн», — это фрагменты из ее сочинения, которое ходило в Москве по рукам ее друзей.

Но высказать оправдания Семичастному не дали. Едва он произнес слова о том, что КГБ возражал против поездки, что здесь были другие санкции, как Брежнев резко оборвал его, зачитав постановление Политбюро об освобождении Семичастного от должности.

Только сейчас, двадцать лет спустя, стало ясно, чего испугался Брежнев, почему он не дал договорить Семичастному. О постановлении Политбюро, где зафиксировано, с кем голосовался вопрос о выезде Аллилуевой в Индию, мы знаем. Первым в этом списке стоит Леонид Ильич. Но это не все. Есть еще один документ, из которого становится ясно, чье мнение было определяющим — выпускать Аллилуеву или не выпускать.

Документ подписан третьего ноября 1966 года. «Уважаемый Леонид Ильич, — говорится в нем, — 31-го октября после продолжительной тяжелой болезни скончался мой муж, член компартии Индии, Баджеш Сингх. Прошу Вас, очень убедительно прошу Вас помочь мне выполнить мой последний долг перед ним — я должна отвезти прах покойного к его родным в Индию. Таковы национальные традиции. Еще и еще раз подчеркиваю, что он приехал из-за меня, возможно, что в Индии он еще оставался бы жив сейчас, и этот факт

накладывает на меня особые обязательства перед его близкими».

Отметив, что она знает — ее выезд за границу нежелателен, тем не менее в этих исключительных обстоятельствах все-таки просит и настаивает на разрешении.

«Поездка займет 7-10 дней, не более, — убеждала она. — Мне могут сделать паспорт и визу на любое имя. Племянник моего мужа, государственный министр по иностранным делам Динеш Сингх может встретить меня на аэродроме, откуда я поеду в его дом. Мне нужно также проехать в местечко Калаканкар на Ганге, где живет брат мужа и где прах будет брошен в реку. Кроме этих двух мест я нигде не буду. Кроме ближайших родственников никого не увижу. Я заверяю Вас, что ничего предосудительного с политической точки зрения не случится...».

Случилось! И именно — с политической. Уже первая ее книга «Двадцать писем к другу», вышедшая в мае 1967 года в США, наделала много шума. Еще больший резонанс вызвала вторая — «Только один год». Потом вышла третья — «Далекая музыка», изданная небольшим тиражом в Индии. К слову, в Штатах ее не издали — из-за критических высказываний по поводу американского образа жизни. Вторая и третья книги российскому читателю неизвестны — у нас они не издавались. Первая выходила лишь однажды — в 1990 году. Последняя ее работа — «Книга для внуков» — публиковалась у нас в журнале «Октябрь».

Вывод такой: не один Сталин виноват, а вся партия. Это она раскулачивала, строила ГУЛАГ, уничтожала цвет интеллигенции. Можно представить, какие чувства испытывали в Кремле, читая такие обвинения в середине семидесятых годов. Не откликнуться на подобные пассажи было нельзя, и тогда партийному активу начали разъяснять, что книги, выходящие за

подписью дочери Сталина, написаны не ею, а группой авторов, имеющих отношение к западным спецслужбам. Мол, оказавшись в хваленом демократическом раю, Аллилуева сразу же попала в руки опытных специалистов, которые и продиктовали ей содержание книг. Ее личное участие в их создании крайне незначительное. Например, в книге «Только один год» о мотивах бегства в США ее перу принадлежит только одна глава о красотах Индии, остальное — плод коллективного творчества.

О мотивах невозвращения дочери Сталина из Индии и последующего перелета в Штаты, предоставившие ей политическое убежище, роится множество слухов. Кулуарные пересуды неисчерпаемы. Варьируются самые невероятные соображения — от идейных до болезненно-наследственных. Обратимся к мнению профессионалов.

— Мне думается все же, — говорит генерал армии, бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков, — что решение она приняла под влиянием эмоций, скорее из-за нанесенного ей оскорбления. Пятого марта шестьдесят седьмого года она приехала в советское посольство в Индии, имея билет до Москвы на шестое марта. Светлана встретила с послом Бенедиктовым и даже обедала с ним. Пятого марта — день смерти ее отца, но никто даже не выразил ей чисто человеческого сочувствия. Каким бы не был Сталин, это ее отец. Светлану Аллилуеву оставили одну, наедине со своими невеселыми мыслями, а ночью она ушла в посольство США...

Так просто? И не было противоборства резидентур, погони, переодевания, изменения внешности, даже наружного наблюдения? Собралась и ушла. Пешком, что ли? Ночью, через весь город? Одна? Не зная, где это самое американское посольство?

— Зачем через весь город? — охладил пыл Николай Степанович Захаров. — Вы бывали в Дели? Нет? А я бывал. Американское посольство там в пятидесяти метрах от советского.

Откровения Семичастного

Бывший в то время шеф КГБ вспоминает — уже в постсоветскую пору:

— 31 октября 1966 года Сингх умирает. Его тело кремировали в Москве, а Светлана пишет письмо Л. Брежневу с просьбой о временном выезде в Индию, встречается с А. Косыгиным и убеждает его в том, что должна поехать на родину мужа и выполнить индуистский обряд — развеять его прах над священными водами Ганга. Не знаю, что за дебаты состоялись в Кремле, но проходили они без каких-либо согласований со мной. Я лишь получил решение Политбюро ЦК от 4 ноября: «Согласиться с просьбой о выезде в Индию на 7 дней Аллилуевой Светланы. Поручить тов. Семичастному выделить двух работников для поездки с ней в Индию. Тов. Бенедиктову оказать помощь во время пребывания в Индии».

В общем-то никаких особенных опасений в связи с поездкой не возникало, тем более что уже была назначена дата свадьбы Иосифа и мать имела твердое намерение за несколько дней до бракосочетания вернуться в Москву для участия в семейном торжестве. Кое-какие сомнения возникали по поводу «Двадцати писем к другу». Светлана уже завершила работу над рукописью, и мы имели копию всех этих «Двадцати писем». Ничего особо криминального в них не было — немного грязи по поводу репрессивной политики отца, благодарность Хрущеву и Косыгину за то, что после смерти Сталина ей сохранили многие льготы и привилегии, воспоминания о встрече с Василием после

его выхода из Владимирской тюрьмы и другие эпизоды семейной жизни. Естественно, что в СССР она не смогла бы их напечатать. Опубликовать на Западе тоже, видимо, не решалась. Побоялась она и везти рукопись с собой в Индию. Нам стало точно известно, что при отъезде «Писем» у нее не было. Скорее всего эти материалы были заранее переправлены с помощью дочери посла Индии в СССР господина Кауля.

Выполняя решение ЦК, я откомандировываю вместе со Светланой в Индию двух наших сотрудников — мужчину и женщину для сопровождения, обеспечения охраны и недопущения возможных провокаций со стороны противника.

В то время послом СССР в Индии был Иван Александрович Бенедиктов (при Сталине он работал министром сельского хозяйства), а нашим резидентом в Дели — Радомир Георгиевич Богданов. Это прекрасные люди, великолепные специалисты. И. Бенедиктов всегда питал наилучшие чувства к Сталину, поэтому постарался устроить его дочь с возможно большим комфортом. В Дели ее поселили в маленькой, но уютной гостинице при посольстве, где она и прожила почти месяц. Индуистская традиция развеивания праха была соблюдена, но домой Светлана не торопилась. Более того, позвонив в Москву, она попросила сына отложить свадьбу, а сама поехала в индийскую деревню, где когда-то жил ее муж. Там она провела еще месяц без какой-либо нашей охраны. А из Москвы ее доставал звонками сын. Действительно, ситуация с переносом свадьбы становилась довольно пикантной, а праздновать такое событие без матери — не в традициях семьи. Тем не менее Светлана уговорила сына еще на одну отсрочку, а сама вернулась из деревни в Дели. Наконец, дата возвращения — 6 марта 1967 года — была определена и даже куплен билет до Москвы. Накануне — в годовщину смерти своего отца —

Светлана была в посольстве и встречалась с И. Бенедиктовым. Посол (правда, без согласования с нами) вернул Светлане паспорт, который хранил в своем сейфе, и стал готовиться к ее отъезду.

Светлана тоже как будто собиралась в дорогу: устроила стирку, развесила в комнате белье, стала собирать вещи. По предварительной договоренности в это же время с прощальным визитом к ней пришла ее приятельница по Москве — дочь посла Индии в СССР — и стала ждать ее у ворот посольства. Ждет полчаса, час, а Светланы все нет и нет. Тут уж и наша охрана забеспокоилась. Заглянули в комнату — белье висит, все на месте, казалось, что и сама хозяйка где-то тут. Лишь когда тревожная информация дошла до резидента, отважились на осмотр всей комнаты. Светланы уже и след простыл — калитка американского посольства рядом (всего 40-50 метров), туда она и прошмыгнула. Один из охранников рассказал, что видел Светлану. С небольшим чемоданчиком в руках она направлялась к выходу, сказав мимоходом, что должна встретиться с дочерью индийского посла. Охранник, естественно, не обратил на это никакого внимания, такие встречи с посетителями у посольских ворот были постоянными.

В эту же ночь из американского посольства Светлана была тайно переправлена в аэропорт Дели, а оттуда — в Швейцарию, где и попросила политического убежища. Швейцарцы отказали, боясь осложнения дипломатических отношений с СССР. Светлана выехала в Италию, но и там получила отказ в убежище. Несколько раз она звонила в Москву и разговаривала с сыном. Оказавшись из-за ее поступка в двусмысленном положении, Иосиф довольно в резких тонах высказал матери все, что думал по поводу ее побега, и отказал ей в разговоре с Катей.

Вскоре беглянка оказалась на американской военной базе в ФРГ, а оттуда была переброшена в США, где власти удовлетворили ее просьбу о политическом убежище.

Нам же оставалось принять необходимые контрмеры, чтобы локализовать попытки спецслужб использовать бегство С. Аллилуевой в целях компрометации СССР. Это был год полувекового юбилея Октябрьской революции и мы не хотели, чтобы праздник был хоть чем-то омрачен. Больше всего мы боялись, что, получив рукопись «Двадцати писем», американцы нашпигуют их махровым антисоветским содержанием, порочащим все наши достижения и идеалы, и за подписью дочери Сталина растиражируют этот пасквиль по всему миру. По своим каналам мы решили предупредить американцев и опубликовать подлинный текст «Писем» в «Штерне» или «Шпигеле». А чтобы избавить себя от возможных неприятных сюрпризов, довели до сведения мировой общественности, что оригинал рукописи хранится в швейцарском банке. Против этой идеи был только Н. Подгорный. Он воспринял наши предложения как обливание себя собственной грязью.

Эпилог

На товарищеском ужине в честь прибывшей в Улан-Батор советской партийно-правительственной делегации во главе с секретарем ЦК КПСС Шелепиным хитрый вождь монгольских коммунистов основательно подпоил Месяцева. Цеденбал хотел узнать самые свежие новости о раскладе сил в Кремле. Немного времени прошло, как был смещен Хрущев. Насколько прочны позиции Брежнева? Это промежуточная фигура или он всерьез и надолго?

Месяцев, преданно глядя на Шелепина, заплетающимся языком объяснил малосообразительному монголу, что настоящий Первый — это Шелепин, а Брежнев — так, для декорации. И, восхищенный своей осведомленностью, запел: «Готовься к великой цели».

Похмелье было тяжким. Шелепин, чтобы спасти положение, на обратном пути сделал непредусмотренную остановку в Иркутске, собрал в обкоме партийный актив и произнес речь, в которой демонстративно подчеркивал ведущую роль Брежнева.

Но было поздно. Информация о пьяной похвальбе в Улан-Баторе уже лежала на столе Брежнева. Число свидетельств о «комсомольском заговоре» в Политбюро росло угрожающе быстро.

Председатель КГБ Семичастный был человеком Шелепина. Нужно было немедленно выдвигать на Лубянку своего соратника. Но как снять Семичастного, который немало сделал для того, чтобы он, Брежнев, сместил Хрущева?

И тут в германском «Штерне» появляются откровения сбежавшей в США дочери Сталина.

Впрочем, не будь их, повод все равно бы нашелся.

Глава 17

ДОРОГА В КРЕМЛЬ

28 ноября 1978 года все центральные и местные газеты Советского Союза на первых полосах поместили набранное крупным шрифтом информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, который состоялся 27 ноября, в понедельник.

По многолетней традиции на «осенних» пленумах обсуждались и утверждались план и бюджет страны на следующий год. Так было и на этот раз. Скользя

беглым взглядом по неизменным, сопровождавшим каждого чуть ли не с детства фамилиям докладчиков — Байбаков и Гарбузов — обыватель, подавляя зевоту, переходил ко второй части информационного сообщения, где, опять же все по тому же скучному протоколу излагались кадровые перестановки в высших эшелонах партийной власти.

Из кандидатов в члены Политбюро переведен Черненко. Кандидатами избраны Тихонов и Шеварднадзе. Из состава Политбюро выведен — «по состоянию здоровья и по его просьбе» — Мазуров. Секретарем ЦК КПСС избран Горбачев М. С.

А это еще кто такой? Большинству населения имя нового секретаря абсолютно ни о чем не говорило. Да и не вызывало любопытства: наверное, опять какой-либо престарелый ленинец из тех, кто близок к дорогому Леониду Ильичу. Других в священный ареопаг не допускали.

Миллионы разочарованных, стосковавшихся по переменам граждан не подозревали, что пройдет совсем немного времени, и про этого человека напишут чуть меньше, чем про Иисуса Христа, но почти столько же, сколько про Наполеона, Ленина, Сталина и Гитлера. Несмотря на огромную литературу о Горбачеве, путь его из пыльного провинциального Ставрополя в древний Кремль до сих пор окутан тайнами, слухами, легендами.

Несостоявшаяся встреча

После реорганизации и последовавшего за ней в конце 1988 года крупного сокращения аппарата ЦК КПСС представленные к увольнению развязали языки. Обычно вышколенные и молчаливые ветераны Старой площади, уязвленные черной неблагодарностью генсека, дали волю своему злословию. С их подачи

сначала по цековским коридорам, а затем и по служивой Москве зациркулировал слух о некоторых пикантных подробностях, связанных с избранием в ноябре 1978 года нового секретаря по сельскому хозяйству.

Дело обстояло вроде бы следующим образом. Горбачева вызвали в Москву на смотрины. Но не единственного. Был-де у него могущественный конкурент, о котором он не подозревал. Тоже руководитель крупной парторганизации, но — областной. Аграрник до мозга костей, с целинным опытом работы, лично знакомый Леониду Ильичу еще в бытность того секретарем ЦК Казахстана.

Вызванных в столицу кандидатов на пост секретаря ЦК держали в разных гостиницах. Обоим велели не отлучаться, так как в любую минуту они могут потребоваться для беседы с Брежневым.

И вот долгожданный момент наступил. Генсек сказал Черненко, что готов принять кадры в такое-то время.

— Давай, Костя, сначала этого, из овечьей империи, — якобы произнес Брежнев. — Юра его сильно хвалит. И Миша только что звонил, поддерживает.

Юрой генсек называл Андропова, Мишей — Сулова. Оба протезировали Горбачеву. Симпатии Черненко были на стороне другого кандидата — более основательного, чем легкомысленный ставрополец, у которого, кроме комсомольского прошлого, за душой ничего не было. Но возражать генсеку не стал, смолчал, поскольку был непревзойденным знатоком аппаратных правил.

Скрепя сердце Черненко поручил своим помощникам позвонить Горбачеву и пригласить в ЦК для беседы с генсеком.

Спустя полчаса Константину Устиновичу доложили: Горбачева в гостиничном номере нет. Телефон не

отвечает.

Черненко поставил задачу поднять на ноги всех, но ставропольца найти и немедленно доставить в приемную Брежнева.

Однако поиски оказались безрезультатными. Кандидат на пост секретаря ЦК исчез бесследно. Обзвонили другие приемные ЦК, Совмин, Госплан — нет, не появлялся.

— Ну, где твой знатный овцевод? — позвонил нетерпеливо Брежнев, собиравшийся в Завидово и предвкушавший все удовольствия воскресного отдыха в кругу семьи. — Веди скорее.

У Черненко якобы мелькнула шальная мысль сказать Брежневу правду и, воспользовавшись отсутствием Горбачева и нетерпением генсека, предложить кандидатуру своего протеже, который в эту минуту наверняка не спускает взгляда с телефонного аппарата в гостиничном номере. Но что-то сдержало верного оруженосца:

— С минуты на минуту должен быть...

Горбачев не появился ни через минуту, ни через десять. Поиски растворившегося в столице ставропольского партсекретаря были тщетными.

— Вот что, Костя, ты сам с этим овцеводом поговори, — снова позвонил Брежнев. — Мне пора ехать. Скажи ему, что завтра будем рекомендовать его секретарем ЦК...

Брежнев убыл в Завидово. Вслед за генсеком покидали служебные кабинеты десятки больших и малых партийных начальников, вышедших на работу в воскресный день в связи с намечавшимся на понедельник пленумом. В огромном комплексе зданий ЦК на Старой площади одно за одним гасли окна.

Горбачева разыскали лишь поздно вечером. Его нашли в одной теплой компании и прямо с застолья привезли к Черненко.

— Представляете, с пьянки — и в секретари ЦК? — негодовали аппаратчики-пуритане. — Другого бы в лучшем случае назад отправили, а то и строго наказали бы. А с него, как с гуся вода. А что он потом с памятью Черненко сделал?

Такая вот байка. Злопыхательство или что-то было?

«Какой Горбачев? Вы не туда попали...»

Все больше и больше свидетельств, притом не только высказанных устно, но и зафиксированных в печатных источниках, подтверждающих полусшепотом передававшиеся когда-то слухи: да, осенью 1978 года ставропольскому партсекретарю была альтернатива.

Данное обстоятельство, конечно, не вписывается в официальную биографию последнего генсека, которая, несмотря на непохожесть Горбачева на его предшественников, все же несет отпечаток общей для жизнеописаний всех генсеков КПСС закономерности, а именно: их богоизбранности. Полистайте биографии последних кремлевских вождей. На всех этапах восхождения к высотам власти, даже в районном и областном звене, выбор падал именно на них. Складывается впечатление, что равных им по масштабу личности не было на тысячи верст окрест.

Но тот, кто более-менее знаком с кадровой политикой КПСС, знает о существовании такого неотъемлемого атрибута формирования партийно-государственной номенклатуры, как институт резерва кадров. Секрета из него никогда не делали, механизм действия описан в обширной партийной литературе: на каждую замещенную на данный момент руководящую должность в вышестоящем партийном органе имелся список лиц, годных в случае необходимости занять этот пост. Такой резерв составлялся на всю номенклатуру должностей — от начальника цеха на заводе до

министра, от секретаря цеховой партийной организации в Мухобойске до высшего партийного руководства в Москве. Как правило, на каждую конкретную должность резервом предусматривалось несколько лиц. Безусловно, наиболее достойных.

Наивно было бы допустить исключение, сделанное для должности секретаря ЦК по вопросам сельского хозяйства. Это был один из самых сложных участков работы, поэтому трудно представить, что сюда, в отличие от других, планировался только один кандидат на выдвижение, да еще во времена Брежнева, когда работа с кадрами была максимально обюрокрачена.

В книге «Крушение пьедестала» В. Болдина, многолетнего помощника Горбачева во всех его ипостасях — от «рядового» секретаря до генерального и президента — называется фамилия человека, которого в ту пору тоже рассматривали на должность секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Альтернативной Горбачеву кандидатурой Болдин называет тогдашнего первого секретаря Полтавского обкома партии Федора Трофимовича Моргуна.

Значит, это не выдумка, не сплетня? Правда, у Болдина нет таких смачных подробностей, как в гулявшей по Москве устной версии. Стиль изложения этого эпизода бывшим руководителем аппарата президента-генсека строг и лаконичен.

Прежде всего, неопременная ссылка. В данном случае — на рассказ работников секретариата Черненко. На «смотрины» Горбачев и Моргун приехали одновременно. «И когда нужно было представить Л. И. Брежневу М. С. Горбачева, того не могли найти. Речь уже шла о том, чтобы везти на дачу Брежнева Моргуна. Предстояло спасти положение. Была проведена своеобразная поисковая работа. Неизвестно, чем бы все кончилось, но знатоки жизни членов ЦК отыскивали водителя машины, отвозившего Михаила

Сергеевича, выяснили, кто живет в том доме, куда его доставили, и определили, где он может быть. Кандидатуру М. С. Горбачева Л. И. Брежнев поддержал, что, думается, имело решающее значение. Горбачева избрали секретарем ЦК, а скоро и кандидатом в члены Политбюро ЦК. Членом Политбюро он стал в 1980 году».

Не густо. Бесстрастная констатация факта, не более. Болдин до прихода к Горбачеву работал в журналистике, но, очевидно, годы, проведенные во властных структурах, не прошли бесследно: сдержанность аппаратчика взяла верх над раскрепощенностью журналиста.

Уклонились под разными предлогами от комментариев этого эпизода несколько знакомых из числа тех, кто наверняка знал, как все в действительности происходило. Потерпев неудачу сразу на нескольких направлениях, я хотел было временно отложить неподатливую тему, как вдруг помог случай. Из газет узнал, что в последний день октября 1995 года в книжном магазине «Библио-глобус» на Мясницкой — презентация двухтомных мемуаров Горбачева «Жизнь и реформы».

Чем не удобный повод расспросить об этом эпизоде у самого Горбачева? Книга мемуарного плана, о его жизни, и потому вопрос не покажется нетактичным.

Отстояв в магазине приличную очередь, стал обладателем книги с дарственной надписью экс-президента. А вот диктофон для записи ответа на подготовленный вопрос не понадобился. Увидел знакомого сотрудника «Горбачев-фонда», спросил у него, как он посмотрит на то, если задать шефу такой вот вопрос. Все оказалось куда проще, чем можно было предполагать:

— А об этом у него в книге написано. Первый том с этого начинается...

И точно. «25 ноября я прилетел из Ставрополя в Москву. А в воскресенье часов в 12 оказался на юбилее у моего земляка и друга еще по комсомолу Марата Грамова. Ему исполнилось 50. Это, конечно, был повод для встречи друзей. На Малой Филевской улице в новом доме, в квартире на 4-м этаже, собрались несколько человек, в основном ставропольцы. Как у нас такие даты отмечаются, известно. По-русски — широко, с обильным угощением, дружеским разговором, с шуткой и песней. А на этот раз встретились к тому же люди, давно знавшие друг друга. Трапеза началась с традиционных тостов. Но поскольку это был круг друзей, то они звучали и искренне, и нестандартно. Настроение у всех было приподнятое, в том числе у юбиляра. Ну что такое 50 лет? Это еще даже не полдень!».

В застолье, по словам Горбачева, прошло несколько часов. А в конце дня выяснилось, что его тщетно целый день разыскивали сотрудники Черненко. С Михаилом Сергеевичем хотел встретиться Леонид Ильич.

Позвонили в гараж Управления делами ЦК, выяснили, что Горбачев вызывал машину, нашли шофера, который отвозил его по адресу Грамова. В середине дня позвонили на квартиру. Не обошлось и без курьеза. Никто из сидевших за столом не обратил внимания на телефонный звонок. Трубку поднял сын Грамова и, услышав, что просят позвать Горбачева, недоуменно сказал:

— Какого Горбачева? Вы, наверное, не туда попали...

Шумное застолье продолжалось еще несколько часов. И только около шести вечера приехал еще один ставрополец и сказал, что в гостинице всех поставили на ноги — ищут Горбачева.

«Я набрал номер телефона, который мне сообщил приехавший земляк, — рассказывает далее экс-

генсек. — Ответили из приемной Черненко: «Вас вызывает Генеральный секретарь. Нас с работы повыгоняют...» — «Хорошо, сейчас приеду», — успокоил того, кто звонил.

Надо сказать, нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Правда, у меня пристрастия к алкоголю не было никогда. Поэтому и на сей раз мое состояние было вполне нормальным. Но все-таки известная, я бы сказал, неловкость присутствовала. Оказавшись в кабинете Черненко, я в шуточной форме сказал: «Знаете, сошлись земляки, посидели, поговорили...». Константин Устинович шуточки не принял и без всяких предисловий сообщил: «Завтра на пленуме Леонид Ильич собирается внести предложение об избрании тебя секретарем ЦК партии. Поэтому он и хотел встретиться с тобой».

Одно дело оставить гостиницу, чтобы поздравить земляка-юбиляра, и совсем другое — гулянка, как это преподнесли недоброжелатели. В первом случае проявление внимания, человечности, во втором — легкомыслия и безалаберности, особенно если было известно, что в любую минуту последует приглашение на беседу с Брежневым.

Горбачев пишет: за тостами пошел разговор. Говорили, в частности, и о том, кто заменит скончавшегося Кулакова на посту секретаря ЦК КПСС: «Мы, областные секретари, члены ЦК, обычно знали, как говорили тогда, «кто на подходе». Иногда с нами по таким вопросам советовались. На сей раз консультаций не было».

Преждевременная смерть

Внезапная кончина члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Федора Давыдовича Кулакова в ночь с 16 на 17 июля 1978 года сделала его должность вакантной.

Считается, что именно это обстоятельство способствовало политическому вознесению Горбачева, ибо неожиданно открывшаяся должность секретаря ЦК по сельскому хозяйству спасла ставропольского секретаря от дальнейшего прозябания в провинции и последующего, перед пенсией, перевода в столицу на малозначащую хозяйственную должность — удел большинства его коллег.

Смерть Кулакова до сих пор относят к категории подозрительных. Еще во время похорон было констатировано отсутствие Брежнева, Косыгина, Суслова и Черненко, что выглядело беспрецедентным в разработанном до мелочей ритуальном церемониале на Красной площади. Траурную речь с трибуны Мавзолея произнес и урну с прахом Кулакова в кремлевскую стену замуровал приехавший из Ставрополя его земляк Горбачев. Это было его первое публичное восхождение на трибуну Мавзолея.

Так делалось всегда: в случае кончины кого-либо из высшего партийного ареопага в Москву обязательно приезжал руководитель области или города, где родился или работал умерший, и произносил прощальную речь. Однако в случае с Кулаковым поползли зловещие слухи, возобновившиеся с новой силой после развала СССР, когда в предыдущих поступках генсека начали искать некий скрытый смысл.

Преждевременная смерть Кулакова таит в себе немало загадок. Официальный диагноз — скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца — большинством современников воспринимался с недоверием. У нас и за рубежом опубликовано немало статей, в которых люди, близко знавшие Кулакова, утверждают, что он был здоров, как бык, и не знал, что такое головная боль или простуда. Шестидесятилетний богатырь славился жизнелюбием, был обожателем застолий и развеселых компаний.

Однако есть и другие свидетельства. Версию о том, что здоровье Федора Давыдовича уже не выдерживало его образа жизни и связанных с ним нагрузок, разделяет и Горбачев. В своей новой книге он описывает эпизод празднования сорокалетия свадьбы Кулаковых за две недели до кончины. Торжество отмечали на загородной даче. Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной были в числе гостей. Строго выдерживая субординацию, каждый из присутствовавших произносил тост в честь хозяйки и хозяина, который, как правило, заканчивался категорическим требованием «пить до дна». Как Федор Давыдович выдерживал такие возлияния, одному ему было известно, тем более что в 1968 году ему удалили часть желудка.

Об обстоятельствах смерти Кулакова Горбачев пишет так: неожиданно остановилось сердце. По некоторым рассказам, в последний день в семье произошел крупный скандал. Ночью рядом с ним никого не было. Факт смерти обнаружили утром.

Кроме приведенной выше семейно-бытовой версии, существует и политическая. Так, в книге В. Болдина «Крушение пьедестала», наряду с горбачевской интерпретацией, хотя и несколько видоизмененной — «вскоре после операции на желудке, еще достаточно не оправившись от болезни, он, как рассказывал Михаил Сергеевич, крепко выпил и ночью скончался от инфаркта» — есть другая, загадочная фраза. «Правда, некоторые сведущие люди считают, что Кулаков все-таки застрелился», — пишет Болдин.

Застрелился или застрелили? Есть и такие предположения, причем, каждое в нескольких вариантах.

Застрелен по указанию Андропова, которому стало известно, что, воспользовавшись отсутствием в Москве Брежнева, Косыгина, Суслова и Черненко, проводивших

отпуск на черноморских пляжах, Кулаков действительно пытался взять власть в свои руки, которая шла к нему сама, по сути, без переворота. Второй вариант — застрелен по указанию Андропова как его опасный соперник в борьбе за власть, но Брежневу было доложено по первому варианту.

Застрелился сам, будучи изобличен Андроповым. Второй вариант — застрелился сам, запутавшись в кремлевских интригах, от безысходности.

Вот основные версии, имевшие хождения в западной прессе. Нет дыма без огня: с начала 1978 года за рубежом все упорнее писали о грядущих переменах в высшем руководстве СССР. Ссылаясь на тяжелую болезнь Брежнева, которого с трудом удалось вывести из состояния клинической смерти, прогнозировали: за Леонидом Ильичем сохранится номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а генеральным секретарем станет Кулаков. Фельдсвязь регулярно доставляла отдохавшему на Черном море Брежневу обзоры иностранной прессы, в которой обсуждались сильные и слабые стороны нового генсека. Сильных было больше: независим, принципиален, реформатор, но без хрущевских «закидонов». Последнюю хвалебную статью из лондонской «Совет аналит» о преемнике Брежнева на Черное море доставили за несколько дней до смерти Кулакова.

Действительно Федор Давыдович претендовал на кремлевский престол или это была сознательная «утечка» информации, инспирированная спецслужбами? Прием далеко не нов, достаточно вспомнить кампании по дискредитации Тухачевского, Жукова, Аджубея, Шелепина и других не пришедшихся ко двору деятелей. Начинали, как правило, с публикаций в западной печати.

Если сюжет с Кулаковым тоже из этой серии, то кто сценарист? Брежнев или Андропов? Оба вместе?

А может, не было ни выстрелов, ни вскрытия вен — есть и такая версия. Может, все проще: выпил лишнее, и сердце не выдержало?

Вопросы, вопросы... Их все больше по мере выявления некоторых подробностей. За две недели до смерти Кулакова проходил Пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Так вот, оказывается, председателем комиссии по его подготовке был назначен Косыгин. А Кулакова, члена Политбюро и секретаря ЦК именно по этим вопросам, даже не ввели в состав комиссии. Почему?

Ставрополь. Подковерные схватки

Какие бы причины не повлекли за собой смерть Кулакова, одно бесспорно: его кончина была предвестницей многих драматических последствий, происшедших в стране.

Кулаков явно патронировал молодого комсомольского работника Горбачева. Именно при Федоре Давыдовиче, который возглавлял Ставропольскую краевую парторганизацию с 1960 по 1964 год, будущий генсек и президент успешно преодолел все основополагающие ступеньки начальной карьеры, без которых дальнейшее продвижение к высотам власти было бы невозможно.

Учитывая, что без ведома первого секретаря крайкома партии не проводилось ни одно сколько-нибудь заметное перемещение, обращает на себя внимание скорость, с которой Горбачев передвигался с одной ступеньки на другую. Три года вторым секретарем крайкома комсомола до приезда в край Кулакова, и всего лишь год при нем в качестве первого секретаря. Девять месяцев в качестве парторга крайкома партии по Ставропольскому территориальному производственному колхозно-

совхозному управлению, и вот уже Кулаков предлагает должность заведующего отделом партийных органов крайкома.

Спору нет, скоротечность пребывания в должностях объясняется еще и управленческой чехардой в хрущевские времена, постоянными кадровыми реорганизациями. Но и симпатии Федора Давыдовича к подвижному, энергичному «комсомольцу» — налицо. Сменивший Кулакова в октябре 1964 года Ефремов, прибывший в Ставрополь с поста первого заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР (председателем был сам Хрущев) и пребывавший в ранге кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, по свидетельству самого Горбачева, относился к нему по-иному. Ефремов возражал против избрания Горбачева вторым секретарем крайкома, упирался, используя свои старые связи в Москве.

У Горбачева там тоже было немало заступников. И среди них Федор Давыдович Кулаков, к тому времени уже секретарь ЦК КПСС, и хотя еще не член Политбюро (он станет им в 1971 году), но звезда на кремлевском небосводе довольно крупной величины.

Звезда, можно сказать, восходящая. Не бюрократ, импровизатор, сторонник кардинальных перемен, но не в русле примитивного, грубого демократизма Хрущева. Кулакову претили непоследовательность и необузданная импульсивность Никиты Сергеевича, что в итоге привело Федора Давыдовича в стан противников Хрущева.

Мотивы появления Кулакова в ставропольской глуши не ясны и поныне. Западные исследователи считают, что Хрущев загнал его туда, чтобы лишить этого масштабного человека какой-либо политической перспективы. В их представлении Кулаков — лицо историческое, независимое, с собственными идеями преобразования России, и потому Хрущев отправил его

в места, которые использовал в качестве «Сибири» для опальной кремлевской элиты.

Подмечено метко. Действительно, при Хрущеве Ставрополь превратился в место ссылки неугодных ему деятелей. В 1958 году сюда был «сослан» руководить местным совнархозом маршал Булганин, освобожденный с постов Председателя Совета Министров СССР и члена Президиума ЦК КПСС. В 1960 году краевую парторганизацию возглавил Н. И. Беляев, выведенный из состава Президиума ЦК КПСС и снятый с поста первого секретаря ЦК Компартии Казахстана после драматических событий в Темиртау, где возникли волнения рабочих, против которых были брошены войска. В конце 1964 года, после отъезда Кулакова в Москву, появился очередной опальный — Л. Н. Ефремов, которого в ставропольскую глушь сослал уже победивший Брежнев, поскольку за Леонидом Николаевичем прочно закрепилась репутация рьяного сторонника Хрущева.

Кулаков прибыл в Ставрополь в 1960 году тоже из Москвы, что дало повод зарубежным исследователям автоматически причислить его к опальной кремлевской элите. Так ли это? Формально, наверное, так. Ведь Федор Давыдович жил в столице, занимал пост министра хлебопродуктов РСФСР. И вдруг — пыльный провинциальный городишко с одной-единственной центральной улицей, с домами без канализации.

Люди, имевшие отношение к кадровой политике, оспаривают утверждение о «ссылке» Кулакова. Один из тех, кто ведал кадрами на Старой площади в те годы, рассказывал автору этой книги:

— Что такое министерский пост в РСФСР, да еще по хлебопродуктам? Ноль без палочки. Все решали союзные органы. Еще надо посмотреть, ссылка это была или выдвижение. Кулакова, а ему было всего сорок два года, послали первым секретарем крайкома с дальним

прицелом; у него ведь не было опыта крупной общепартийной работы. Я помню его биографию: выше заведующего отделом Пензенского обкома он не поднимался. В ту пору Хрущев резко поднял роль партии и, соответственно, статус ее выборных работников. В конце пятидесятых годов руководить краевой парторганизацией в Ставрополь был направлен Лебедев Иван Кононович. Знаете, какой пост он занимал в Москве? Первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР! Ссылка? А чем же тогда объяснить, что Хрущев наградил его в течение трех лет тремя орденами Ленина? Так и любимчиков не баловали...

— Подождите, но ведь Кулакова относят к числу участников антихрущевского заговора? Достоверно известно, что осенью 1964 года он принимал у себя на юге, в Табердинском заповеднике, недовольных Хрущевым, где и вызрел план смещения. Если бы Федора Давыдовича не считали жертвой хрущевского самодурства, разве ему заговорщики доверились бы?

— Знаете, сколько Хрущев продержал Кулакова в Ставрополе? Четыре года. А когда посылал, говорил, что максимум на полтора-два, для строки в послужном списке. Ну и, разумеется, забыл. А может, кто-то добрался до хрущевского уха, нашептал. Федор Давыдович был гордым человеком, цену себе знал. На этом и сыграли антихрущевцы. В результате Кулаков их поддержал. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы видеть: популярность Хрущева падает, в качестве лидера он доживает последние дни.

И все-таки на каких ролях держали Кулакова инициаторы смещения Хрущева? Если на вторых, то, по мнению некоторых биографов Горбачева, Михаила Сергеевича по причине его «малолетства» и номенклатурной незначительности — заведующий отделом партийных органов крайкома — в предстоящую

операцию не посвящали. Если Кулакова держали на первых ролях, то его правая рука, доверенное лицо, которым обычно был у первых секретарей заведующий орготделом, не мог не знать о причине небывалого скопления в Таберде такого количества сановного люда из Москвы.

Вопросы, на которые пока нет ответа. А без их выяснения трудно понять мотивы настороженного отношения к заворгу со стороны высланного из Москвы неудачника хрущевца Ефремова, его упорное нежелание выдвигать доверенное лицо удачливого брежневца Кулакова на пост второго секретаря крайкома. И, наоборот, мотивы столь благосклонной поддержки мало кому известного заворга со стороны обновившегося после свержения Хрущева Секретариата в лице Капитонова, Демичева и других влиятельнейших лиц. Обычно решение подобных вопросов отдавалось на откуп первому секретарю — в конце концов ему работать.

Ефремову пришлось уступить. Мнение Кулакова перевесило. Уязвленный Ефремов сразу же после избрания второго секретаря, не побеседовав с ним, уехал в отпуск.

Кремль. Подковерные схватки

С легкой руки горбачевской команды, запустившей в оборот прижившийся термин «застой», период правления Брежнева воспринимается как сплошная тишь да благодать. Увы, так не бывает. И подо льдом вода течет!

Незаметная для постороннего взгляда борьба в высшем эшелоне власти велась практически все эти 18 лет, то разгораясь, то ослабевая на некоторое время, чтобы снова вспыхнуть с новой силой. Особого накала она достигала дважды — во второй половине

шестидесятых и семидесятых годов. Не вникнув в ее особенности и расстановку противостоявших тогда сил, трудно понять феномен невиданного взлета карьеры Горбачева. Смещение Хрущева показало, что у большинства инициаторов его отставки, кроме тревоги за непредсказуемые последствия проводимого им курса, были и свои личные мотивы. Буквально с первых же дней победы над Хрущевым обострились отношения между Брежневым и Шелепиным.

«Железный Шурик» пользовался в партии и обществе не меньшей известностью, чем Брежнев, а кое в чем даже превосходил его. Брежнев правильно увидел в нем своего главного противника. Многие близкие Шелепину по прошлой работе люди занимали ключевые посты, многих он продвинул в суматохе «дворцового переворота». Комитет госбезопасности, которым Шелепин руководил с 1958 по 1961 год, возглавлял его выдвигенец Семичастный, девятое управление КГБ, осуществлявшее охрану руководства партии и правительства, — приятель генерал Чекалов, МВД — Тикунов, Гостелерадио — Месяцев. Да и сам Александр Николаевич сосредоточил в своих руках необъятную власть: секретарь ЦК КПСС, одновременно Председатель Комитета партгосконтроля и заместитель Председателя Совмина СССР.

Три года продолжалось перетягивание каната. Брежнев действовал осмотрительно, но методично, выбивая у Шелепина одну подпорку за другой. Уехал в почетную ссылку — советником посольства в Румынию — министр внутренних дел Тикунов. Месяцева отправили в Австралию. Семичастного, роль ведомства которого в борьбе за власть чрезвычайно высока — в Киев, заместителем председателя Совмина Украины, под присмотр Щербицкого, близкого друга Брежнева.

Наверное, они были неплохими работниками. Но снимали их не из-за допущенных ошибок. Вся их беда

заклучалась в том, что они были выдвигенцами Шелепина. А потом пришел и его черед. Несмотря на все старания, он не сумел создать перевес своих сторонников ни в Политбюро, ни в Секретариате. В 1967 году его без большого труда освободили от должности секретаря ЦК и направили в профсоюзы.

Брежнев праздновал победу над одним из самых сильных политических конкурентов. Позднее Леонид Ильич признавался, что самым трудным было убрать Семичастного. Это можно было сделать, предложив фигуру, занимавшую высокий ранг в партийной иерархии. И такая фигура была найдена — секретарь ЦК Андропов.

Вот второй человек, благодаря покровительству которого стало возможно политическое вознесение Горбачева. Андропову Михаил Сергеевич обязан даже больше, чем Кулакову. Удивительно, не правда ли, что оба высокопоставленных патрона схлестнутся в схватке за верховенство — если, конечно, эта версия имеет под собой основание, и каждый при этом своей смертью будет освобождать дорогу молодому честолюбивому провинциалу.

Первая встреча Андропова с Горбачевым состоялась в апреле 1969 года в санатории «Дубовая роща» под Кисловодском. Юрий Владимирович был председателем КГБ СССР и кандидатом в члены Политбюро, Михаил Сергеевич — вторым секретарем Ставропольского крайкома. Несопоставимо?

Один из явных недоброжелателей Горбачева, работавший в то время в Ставропольском УКГБ, рассказывал, как проходила эта встреча. Из московского секретариата Андропова ставропольские коллеги получили просьбу о максимальном недопущении к отдыхающему каких бы то ни было лиц, включая и местных руководителей. Юрий Владимирович не пользовался отпуском в предыдущем году в связи с

известными событиями в Чехословакии, сильно устал и, не дождавшись летнего времени, решил отдохнуть по весне. Руководство УКГБ сообщило о просьбе первому секретарю крайкома Ефремову. Тот принял информацию к сведению, но, когда ему доложили о прибытии высокого гостя, позвонил в санаторий. Андропов снял трубку, вежливо выслушал поздравления с прибытием и пожелания хорошего отдыха, но в достаточно твердой форме отклонил предложение о визите вежливости.

— Вы не экскурсовод, Леонид Николаевич, вам и так дел хватает, а я дороги здешние хорошо знаю... Если вы будете каждого прибывающего привечать, край захиреет.

Каково же было изумление работников УКГБ, оказывавших помощь московским коллегам в охране Андропова, когда в тот же день у ворот санатория остановилась «Волга» второго секретаря, который сказал, чтобы его провели к Юрию Владимировичу. Андропову доложили, но он сказал, что никого принимать не будет. Секретарь не уходил. Через несколько часов, узнав, что гость по-прежнему сидит в холле, Андропов досадливо произнес:

— Пусть войдет. Не прогонять же...

Повторяю, так рассказывал мне явный недоброжелатель Михаила Сергеевича, ибо в интерпретации самого Горбачева эта сцена имеет несколько иное звучание. Неизменными остаются лишь время и место действия, главные лица. Не отрицается факт звонка Ефремова и деликатное отклонение Андроповым визита вежливости. Но здесь следует существенное уточнение: Ефремов послал с этой миссией второго секретаря. Действительно, пришлось подождать — минут сорок. Андропов вышел и, по словам Горбачева, тепло поздоровался, извинился за задержку, ибо «был важный разговор с Москвой».

«Потом мы еще не раз встречались, — вспоминает экс-генсек. — Раза два отдыхали в одно и то же время: он в особняке санатория «Красные камни», а я — в самом санатории. Вместе с семьями совершали прогулки в окрестностях Кисловодска, выезжали в горы. Иногда задерживались допоздна, сидели у костра, жарили шашлыки. Андропов, как и я, не был склонен к шумным застольям «по-кулаковски». Прекрасная южная ночь, тишина, костер и разговор по душам.

Офицеры охраны привозили магнитофон. Уже позднее я узнал, что музыку Юрий Владимирович чувствовал очень тонко. Но на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особенно выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора. Любил их песни и сам неплохо пел, как и жена его Татьяна Филипповна. Однажды предложил мне соревноваться — кто больше знает казачьих песен. Я легкомысленно согласился и потерпел полное поражение. Отец Андропова был из донских казаков, а детство Юрия Владимировича прошло среди терских».

Уже этих выдержек достаточно, чтобы понять степень близости в конце шестидесятых — начале семидесятых двух будущих генсеков. Впрочем, Болдин, многолетний помощник Горбачева, свидетельствует, что Михаил Сергеевич не всегда подчеркивал свою близость к Андропову и его любовь к себе. Это, по мнению Валерия Ивановича, преобладало на первых порах. Поздний Горбачев уже отрекся от Андропова, а однажды, не сдержавшись, сказал:

— Да что Андропов особенное сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересаженного в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают.

Этот порыв откровенности как нельзя лучше иллюстрирует высказанную Горбачевым в его новой книге мысль об их отношениях с Андроповым. «Были ли мы достаточно близки?» — задается вопросом Михаил Сергеевич. И отвечает: «Наверное, да». Но делает уточнение: говорит это с долей сомнения, потому что позже убедился — на верхах на простые человеческие чувства смотрят совсем по-иному.

Получается, и сам Михаил Сергеевич здесь не исключение. Впрочем, это специфическое свойство яда власти.

Андропов был одним из самых преданных Брежневу членов Политбюро, утверждают знающие люди. «Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего «Юру», как он обычно его называл», — свидетельствует бывший главный кремлевский врач Чазов. Неоценимую услугу оказал Андропов Брежневу в его борьбе с Подгорным, претендовавшим после разгрома Шелепина на пост лидера. Болезнь Брежнева во второй половине семидесятых годов вызвала невиданную активность некоторых соратников Леонида Ильича. Многомудрый Андропов молча наблюдал за начавшейся возней у трона, советуя Брежневу не торопиться с оргвыводами: пусть засветятся все претенденты. Брежнев оценил расчетливый ум и тонкую политику Андропова, использовавшего болезнь генсека для выявления всех его потенциальных противников. Глава могущественной и многоликой организации, подчинявшейся только генсеку, предопределял не только решение многих вопросов, но и в определенной мере жизнь общества.

Взяв на себя функции защиты имени Брежнева, его престижа, Андропов исходил из того, что стране как никогда нужна стабильность. «Фактор Брежнева» рассматривался им в качестве инструмента сохранения единства в руководстве, консолидации общества,

социалистической системы. С подачи главы политической полиции министром обороны и членом Политбюро стал Устинов, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и членом Политбюро Тихонов. Андропов продолжал укреплять позиции Брежнева, и он, не опасаясь за свое положение в партии и государстве, мог теперь жить спокойно.

Если к выдвижению Горбачева на пост первого секретаря Ставропольского крайкома в 1970 году приложил руку в основном Кулаков, то к переезду в Москву — уже Андропов. Это признает и сам Михаил Сергеевич.

«Смотрины» состоялись 19 сентября 1978 года на железнодорожной станции «Минеральные Воды», где сделал остановку правительственный поезд, в котором Брежнев вез Азербайджану орден Ленина. На перроне Леонида Ильича встречали Андропов, отдохавший в соседнем Кисловодске, и партийный руководитель края Горбачев. Из вагона вслед за Брежневым вышел Черненко в спортивном костюме.

— Ну как дела, Михаил Сергеевич, в вашей овечьей империи? — спросил генсек.

Брежнев мог проследовать в Баку без остановки на этой маленькой станции. Дорожной необходимости в этом не было. Ее включили в маршрут буквально в последнюю минуту перед отъездом — по настоятельной просьбе позвонившего из Кисловодска Андропова.

Остановка была короткой. Но она решила судьбу Горбачева — через два месяца он уже был в Москве. Об этой встрече нагромождено множество домыслов, в том числе и мистических. Еще бы — темной ночью на глухой безлюдной станции сошлись четверо, которым суждено будет стать последними руководителями Советского Союза — Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев.

Родился или рожден

В старину, горя желанием принести пользу отечеству, дворянские юноши при поступлении на государеву службу скромно указывали в анкетах — рожден тогда-то и там-то. Советская элита ввела новую, самоуверенно-вызывающую формулу — «я родился».

По этой формуле строились официальные биографии партийных, государственных, военных и прочих деятелей. Получалось, что выдвижение на ту или иную должность происходило вне связи с другими перемещениями. Тем самым подчеркивалась исключительность, богоизбранность лидеров, безмятежно передвигавшихся с одной ступеньки служебной лестницы на другую.

В жизни так не бывает. Буквально каждая служебная подвижка вовлекает в свою орбиту десятки людей. Каждое выдвижение сопровождается невидимыми постороннему взгляду интригами на такой верхотуре, что дух захватывает. Бывает, неискушенный выдвинутый, вернее, продвинутый, об этом и не догадывается, объясняя счастливый случай исключительно своими выдающимися способностями. А если и догадывается, то, естественно, не торопится поделиться с каждым встречным, в силу каких обстоятельств ему удалось пересесть в новое руководящее кресло.

Поднаторевшие в кадровых перипетиях правительственные чиновники знают: всякое начальственное лицо стремится не только обзавестись своей командой, но и распространять влияние везде, где только можно, через выдвигаемых для этих целей надежных людей.

Недоброжелатели последнего генсека относят его к числу тех деятелей, чей путь к вершинам власти был даже не результатом, а, скорее всего, побочным продуктом больших кремлевских игр. То есть перевод

из Ставрополя в Москву был не наградой за крупные экономические достижения края, не признанием особых дарований, выделяющих ставропольского руководителя из среды секретарского корпуса КПСС, а фактором случайности, обусловленным озабоченностью набравшего силу Андропова в укреплении своих позиций в брежневской команде и нуждавшегося в поддержке как можно большего числа высокопоставленных лиц.

Сторонники этой точки зрения не голословны. У них мощные аргументы: кто в стране, кроме узкого круга лиц, знал в 1975 году ставропольского партсекретаря Горбачева? Только те, кто отдыхал в привилегированных здравницах, которыми густо усыпан этот благодатный край.

Нашлись доброхоты, засели за стенограммы партийных съездов и пленумов, которые проходили с начала 1970 до конца 1978 года — в период, когда будущий генсек возглавлял ставропольскую краевую парторганизацию. Тщательное изучение привело к обескураживающему результату: за восемь с половиной лет работы в качестве первого секретаря Горбачев выступил на Пленуме ЦК КПСС лишь один раз, и то в июле 1978 года, накануне переезда в Москву, по сугубо узкому — аграрному — вопросу. Дотошные правдоискатели докопались, что первое и единственное выступление состоялось лишь на второй день работы пленума, 4 июля, да и то после малоизвестного секретаря Амурского обкома.

«А может, Михаил Сергеевич уже тогда разуверился в партии и потому больше преуспел в государственных органах?» — вьедливо задаются вопросом его недоброжелатели, и тут же приводят убедительную статистику: за период с июня 1970 года, когда он впервые появился в союзном парламенте, будущий отец перестройки выступил на сессии Верховного Совета

СССР лишь единожды. Это был ничем не запомнившийся самоотчет провинциального партийного функционера. В 1974 году его избрали руководителем второстепенной Комиссии по делам молодежи Совета Союза — было ему тогда 43 года, числился в молодых. В комиссию входили три десятка депутатов, особенного шума она не производила, влияния не имела, важных законов не подготовила.

В те времена выступления на съездах, пленумах, сессиях имели громадное значение. Списки ораторов тщательно обсуждались и утверждались на самом верху — слово давали только тем руководителям, которые добивались хоть каких-либо подвижек в решении вопросов, выносимых на пленум. Пустословов и краснобаев на трибуну не выпускали. И если ставропольского секретаря подпустили к трибуне пленума лишь единожды, на девятом году его секретарства, да еще при таких влиятельных покровителях, как Кулаков и Андропов, то, наверное, ничего из ряда вон выходящего в крае не происходило.

Не менее мощные аргументы и у сторонников экс-генсека. Не давали ему слова на союзных мероприятиях потому, что кое-кому в Кремле и на Старой площади ставропольский секретарь с его независимым характером и неприятием рутины был явно не по душе. Вот и устроили блокаду, чтобы не дать повода для сравнения с собой — косноязычными, угрюмыми, не имеющими свежих идей.

Впрочем, нельзя сказать, что в течение этих более восьми лет, которые будущий генсек провел на посту первого секретаря крайкома, не было попыток переманить его в Москву. По словам самого Михаила Сергеевича, в начале семидесятых П. Н. Демичев интересовался, как бы он отнесся к предложению перейти на работу в ЦК заведующим отделом пропаганды. Кулаков говорил о poste министра

сельского хозяйства. Кандидатура «курортного секретаря» обсуждалась и на предмет назначения его на должность Генерального прокурора СССР. По свидетельству бывшего председателя Госплана Байбакова, он предлагал Горбачеву пост своего заместителя по вопросам сельского хозяйства. Однако во всех случаях Михаил Сергеевич отклонял подобного рода предложения, ожидая звездного часа. И он пробил.

Соперничество группировок за влияние на Брежнева требовало расширения их рядов и создания надежной опоры на всех ступенях иерархической лестницы власти. Андропов сумел внушить Леониду Ильичу, что ставропольский «молодой человек» — на его стороне. Юрий Владимирович считал, что Горбачев как раз тот человек, появление которого в верхах не нарушит сложившегося там равновесия.

По словам Михаила Сергеевича, сразу же после его избрания секретарем ЦК Андропов снова ему напомнил: самое главное сейчас — единство, центр единства — Брежнев, такого, как было прежде, когда Шелест, Шелепин и Подгорный тянули в разные стороны, теперь нет, и достигнутое надо крепить.

Сегодня по поводу прогнозов Андропова идут ожесточенные споры. Одни считают, что шеф тайной полиции ошибся, полагая, что ставропольский секретарь будет на стороне Брежнева. Не смея критиковать любимого народом лидера — кстати, единственного в советской истории, не облитого грязью, — оправдывают приближение будущего разрушителя страны к трону ограниченностью выбора и времени. Немалое число политологов и историков склонно полагать, что при жизни Брежнева Горбачев был лоялен к нему, и в этом плане надежды своего покровителя оправдал. Антибрежневскую кампанию он развернул, когда в живых не было ни Леонида Ильича,

ни Юрия Владимировича, то есть формально Андропов не ошибся в своем выдвиженце.

* * *

К феномену вознесения Горбачева из ставропольской глуши в замкнутый круг кремлевской элиты, наверное, будет обращаться не одно поколение исследователей.

«Баловень судьбы! — восхищенно восклицают сегодня одни. С дружеского застолья — в секретари ЦК». «Невероятное везение — внезапная вакансия на том единственном месте, на которое он со своей узкой сельскохозяйственной специализацией мог претендовать в столице», — говорят другие. «Удачливый счастливчик, на судьбе которого не сказалась даже катастрофическая полоса неурожаев в СССР, которая поставила бы крест на карьере любого другого партийного функционера-аграрника», — недоумевают третьи.

Увы, нет у нас традиций политического бытописания. Как и в прежние времена, в отличие от мировой практики, наши государственные деятели скрывают от общественности даже очевидные вещи. «Всего я вам никогда не расскажу», — заявил отец-основатель гласности при вызволении из Фороса, прилежно подготавливая почву для смелых предположений и невольных догадок. Вот и приходится ими довольствоваться.

Глава 18

ВЫСТРЕЛ НА ДАЧНОЙ ДОРОЖКЕ

Когда в ноябре 1982 года на даче в Завидово ночью, во время сна, скончался Брежнев и новым генсеком стал Андропов, московские интеллектуалы на своих пресловутых кухнях любили рассказывать такой анекдот:

— Выходит Брежнев на трибуну, вынимает из кармана заранее заготовленную речь и начинает читать... собственный некролог. Заметив переполох в зале, он делает паузу и близоруко всматривается в листки: «Фу, черт! Опять вместо своего пиджак Андропова надел...».

Но и всезнающая московская публика, догадывавшаяся о закулисных интригах недавнего главы секретного ведомства, претендовавшего на брежневское кресло, не знала, что в день, когда соперник-наследник Леонида Ильича произносил с трибуны Мавзолея надгробное слово, в квартире покойника на Кутузовском проспекте производился тайный обыск.

Искали бриллианты, похищенные у известной дрессировщицы тигров и львов, народной артистки СССР Ирины Бугримовой.

Ограбление дрессировщицы

В конце 1981 года Ирина Бугримова получила приглашение на праздничное представление по случаю очередной годовщины советского цирка.

Собрались «звезды» и поклонники этого вида искусства. Поклонницы, разумеется, надели свои лучшие украшения.

Но даже такие знающие толк в ювелирных изделиях светские львицы, как жены министра внутренних дел Щелокова и его первого заместителя Чурбанова, были изумлены «камушками» семидесятилетней дрессировщицы. Коллекция Ирины Бугримовой, о

которой мало кто знал в Москве, считалась одной из самых лучших в стране частных коллекций драгоценностей.

Дрессировщица получила их в наследство от своих родителей. Она никогда прежде не появлялась в них на людях, зная, что ни к чему хорошему для нее это не приведет. Время от времени Москву потрясали леденящие кровь жуткие истории о том, как обладатели фамильных драгоценностей становились жертвами грабителей.

Много шума, например, наделало похищение коллекции драгоценностей знаменитого скрипача Давида Ойстраха. Злоумышленники проникли в его квартиру и беспрепятственно вскрыли домашний сейф, где маэстро хранил свои сокровища.

Дерзким и наглым было ограбление вдовы советского писателя Алексея Толстого, которая унаследовала немалое количество бриллиантов, картин и ценных бумаг. Писательская вдова, дабы блеснуть перед избранной публикой, собираясь на прием в румынское посольство в Москве, приколола на платье уникальную по художественному исполнению французскую брошь с огромным, невиданной красоты бриллиантом.

Это ее и подвело. Через пару-тройку дней в квартиру, где проживала Толстая с домработницей, позвонили. «Кто там?» — спросила домработница. «Из литературного музея», — ответил приятный мужской голос за дверью.

Не заподозрив ничего неладного, пожилая женщина спокойно повернула ключ в замке. К ее хозяйке часто наведывались люди то из музеев, то из архивов. Но, едва она открыла дверь, в прихожую ворвались трое грабителей в масках. Они связали оторопевших от неожиданности женщин и затолкали их в ванную комнату.

Налетчики действовали явно по наводке. «Где французская брошь?» — приступили они к главному. Вдова молчала, потрясенная осведомленностью грабителей. Тогда «гости», показав прекрасное знание расположения комнат, быстро нашли тайник. Унесли все ценности, в том числе и знаменитую, невиданной красоты брошь, на которую положил глаз кто-то из участников дипломатического приема в румынском посольстве.

Так что демонстрировать на себе дорогие украшения, даже в узком кругу великосветской публики, было небезопасно уже в те времена. Бугримова неукоснительно следовала этому мудрому правилу много лет, поэтому фамильные драгоценности народной артистки СССР все эти годы были в целости и сохранности — о их существовании никто не подозревал.

Неизвестно, из каких побуждений нарушила Бугримова установленное ею же самой правило. Но, как и в случае с вдовой писателя Толстого, ее ослепительное появление на цирковом празднике тоже имело печальные последствия.

Бугримова проживала в «высотке» на Котельнической набережной. За день до встречи нового года, поздним вечером 30 декабря 1981 года к подъезду подкатил фургон. Из него вышли трое хорошо одетых, вальяжной наружности мужчин. Они выгрузили большую пушистую елку и внесли ее в подъезд.

Дом относился к числу элитных, и потому возле лифта постоянно находился дежурный.

— Вы к кому? — заученно спросил он у вошедших.

— К Бугримовой, — ответили гости. — Вот, новогодний подарок несем.

Дежурный сказал, что актриса ушла из дому и пока еще не возвращалась.

— Да? — удивились мужчины. — Ну, тогда мы устроим ей сюрприз. Оставим елку у дверей квартиры. Пусть гадают, от кого...

Следует заметить, что в доме на Котельнической набережной жило много знаменитостей, обожавших экстравагантные поступки. Дежурные привыкли к нестандартностям их гостей. Потому и эти трое были пропущены.

Дежурный потом вспоминал, что ему показалось странным, почему направившиеся к квартире Бугримовой так долго не возвращались. Прошло, наверное, не менее часа, когда он решил на всякий случай проверить, что с гостями. Поднявшись лифтом на этаж, на котором проживала дрессировщица, дежурный увидел у ее дверей знакомую пушистую елку. Куда же девались люди, ее доставившие? Из подъезда они не выходили, дежурный бы их точно заметил.

И тем не менее «гости» исчезли. Словно в воздухе растворились. Сообразительный дежурный не поленился взглянуть на «черный» ход — заперт ли? И обнаружил его открытым. Это насторожило, поскольку «черный» ход всегда был закрыт.

Дежурный забил тревогу. По его звонку приехала оперативная группа уголовного розыска. Дождались хозяйку. Осмотрев квартиру, она убедилась, что все вещи лежали на своих местах. Бугримова уже была готова объявить тревогу ложной, но тут заметила, что тайник пуст. Вся ее уникальная коллекция бриллиантов исчезла!

Можно представить себе отчаяние старой женщины. Между тем уголовный розыск, не в пример нынешнему, предпринял ряд энергичных мер по поиску исчезнувших драгоценностей. Кстати, тогдашние сыщики довольно быстро нашли коллекцию «камушков», украденную у Давида Ойстраха — похитители не успели реализовать ни одного предмета. Труднее шел поиск

драгоценностей вдовы Алексея Толстого — организатор ограбления был арестован, когда украденные бриллианты поступили уже на черный рынок. Но и в том случае большая часть драгоценностей была возвращена потерпевшей. Правда, знаменитая французская брошь, спровоцировавшая ограбление, как утверждают специалисты, не найдена до сих пор.

Грамотно и профессионально сработали сыщики и в случае с Ириной Бугримовой. Уже в первых числах января 1982 года, то есть буквально через несколько дней после ограбления, в аэропорту Шереметьево был задержан некий авиапассажир. При досмотре у него обнаружили зашитый в полу пальто мешочек с тремя бриллиантами. Бугримова опознала их. Это были бриллианты из похищенной у нее коллекции! А где остальная часть фамильных драгоценностей?

Задержанного взяли в разработку. Вскоре стали известны имена и других членов банды. В считанные дни они оказались за решеткой. Выяснилось, что эта банда промышляла квартирными кражами не только в Москве, но и в других крупных городах Советского Союза. Специализировались «домушники» на «камушках», антиквариате и прочих дорогих вещичках.

Ниточка от этих заурядных бандитов неожиданно потянулась к человеку, которого в определенных кругах знали как Бориса Цыгана или Бриллиантового. Так его называли потому, что у него была очень большая коллекция бриллиантов. Вызывая на первый допрос этого весьма влиятельного в Москве человека, следователи знали, что он является приятелем дочери Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева — Галины Леонидовны.

«Цирковое» дело

В пору горбачевской гласности не один и не два молодых московских журналиста сделали себе громкое имя на пресловутом «цирковом» деле. Ладно, молодежь — еще куда ни шло. В обличение нравов, господствовавших в семье Брежнева, включились и солидные авторы, например, известный историк Рой Медведев, написавший очерк «Конец сладкой жизни Галины Брежневой».

По схеме 1986–1988 годов, когда критика Брежнева и его окружения достигла апогея, «цирковое» дело преподносилось с обвинительным уклоном в адрес дочери престарелого генсека.

Опустим смакование подробностей ее личной жизни, неудачных замужеств. Увы, семейное счастье сопутствует далеко не каждой женщине. Многим не везет. По разным причинам. Случается, что и по ее собственной вине. Но разве не защищена она конституционным правом, которое не позволяет кому бы то ни было бесцеремонно вмешиваться в частную жизнь, выносить на всеобщее обсуждение сугубо интимные стороны семейных отношений?

Это право Галины Леонидовны, судя по тогдашним публикациям, во внимание не принималось. Авторы многочисленных статей в разных изданиях, по сути, пользовались одним и тем же набором обвинений. Один умный человек, с которым я поделился своим наблюдением, усилил сомнения:

— Одна-две публикации с одинаковым набором ранее неизвестных широкой публике фактов могут быть случайным совпадением. Три-четыре публикации — это уже улика.

— Улика чего?

— Скоординированной утечки информации из одного источника.

Действительно, откуда могут десяток человек одновременно узнать о семейных тайнах лиц столь

высокого ранга? Наверное, кто-то был крайне заинтересован в том, чтобы о них заговорили в прессе, чтобы в общественном мнении упрочился негативный образ дочери Брежнева.

Средства массовой информации эпохи горбачевской гласности преуспели в этом, без устали живописуя похождения Галины Леонидовны в кругу друзей, с которыми общалась одна, без мужа-генерала.

Вот один из ее фаворитов — Борис Буряце. Он же Цыган, он же Бриллиантовый. Молодой артист, оперный певец. Ему 29 лет. Она уже бабушка. Связь у них началась, когда ему не было и двадцати лет. Цыган вряд ли любил свою покровительницу. А вот она, как утверждалось в публикациях второй половины восьмидесятых годов, ревновала его, устраивала сцены, не разрешала встречаться с другими женщинами, обрекая на роль вечного любовника стареющей, грузнеющей «мадам».

Борис Буряце жил в «подаренной» ему Галиной Леонидовной большой кооперативной квартире на улице Чехова. Заботливая «мадам» лично руководила покупкой мебели и роскошной отделкой комнат. Здесь собирались близкие им люди. Постепенно их круг расширялся — наряду со столичной богемой сюда зачастили сомнительные личности, связи которых уходили в глубины черного рынка, подпольного бизнеса и даже уголовного мира.

Красочно живописуя сцены ночных пирушек, авторы публикаций заостряли внимание на изысканных яствах, от которых ломился стол. Деликатесы, по мнению писавших, поставлялись из знаменитого «елисеевского» магазина — гастронома № 1 и из гастронома № 2 на Смоленской площади. Руководители этих торговых точек Ю. Соколов и С. Нониев якобы были близкими друзьями Галины Леонидовны и ее фаворита. К этой теплой компании причислили и Гришина, члена

Политбюро, первого секретаря МГК КПСС. В одной статье утверждалось, что именно Гришин направлял Соколову и Нониеву записочки, по которым те отпускали дефицитные продукты сладкой парочке и ее друзьям.

Выше уровня записочек фантазии у иных журналистов не хватало. Впрочем, откуда им было знать, что высшее руководство страны, включая членов их семей, никогда услугами городских предприятий торговли не пользовалось. Кстати, это правило не изменилось и сейчас. Обеспечением членов Политбюро и их семей продуктами питания тогда занималось Девятое управление КГБ СССР. Существовала специальная продовольственная база, тоже находившаяся в ведении этого серьезного ведомства. Прежде чем попасть на обеденный стол высшего руководства, все виды продуктов проходили тщательную проверку в специальной лаборатории.

Версия с записочками, конечно, была более понятной уму простодушного обывателя, и он заглатывал ее, столь же простодушно возмущаясь разгульным образом жизни кремлевских отпрысков, их увлечением супербогемой.

В ходе следствия по делу о пропавших бриллиантах дрессировщицы Ирины Бугримовой некоторые подозрения пали и на Бориса Буряце. Его страсть к драгоценностям была хорошо известна. Когда прокуратура санкционировала обыск в квартире на улице Чехова, сыщики утвердились в подозрении не только по данному делу, но и по другим не доведенным до конца делам. Правда, ни в одной публикации того периода конкретно не указывалось, что же было обнаружено в уютной квартирке на улице Чехова. Одни лишь догадки, предположения, намеки. Вроде того, например, что Буряце часто бывал на дипломатических приемах, дружил с семьей румынского посла, жена

которого тоже была цыганкой. «Ну и что из того?» — спросит несообразительный читатель. А то, что вдова писателя Алексея Толстого надела свою знаменитую французскую брошь, собираясь на прием как раз в румынское посольство...

Допрос артиста интерпретировался тоже — заметьте, в разных средствах массовой информации — едва ли не под копирку. Вызов в следственное управление КГБ он воспринял спокойно. Мол, Галина Леонидовна всегда выручала его в трудных ситуациях. Однако на этот раз Леонид Ильич болел, на «хозяйстве» оставался Суслов. К нему дочь генсека обращаться почему-то не стала. Решили — пусть Борис съездит в Лефортово, узнает, в чем дело. Вмешаться можно в любой момент.

Ее дружок надел норковую шубу, натянул норковые сапоги, взял с собой любимую собачку и сел в свой «Мерседес». В таком виде — вальяжный и самоуверенный — и переступил порог следственного управления КГБ.

Оттуда его уже не выпустили. После допроса ему сказали, что он арестован. «Могу ли я позвонить родственникам и сообщить им об этом?» — спросил он у следователей. «Да, конечно», — ответили ему. И Борис Буряце набрал номер не брата Михаила, а Галины Леонидовны. Та от возмущения и растерянности на какое-то мгновение потеряла дар речи.

Допрашивать дочь генсека без разрешения ее отца КГБ не посмел. Следствие по этому делу курировал первый заместитель председателя КГБ генерал армии Цвигун. Поскольку Леонид Ильич в это время болел, генерал пришел посоветоваться к Суслову, оставшемуся на «хозяйстве». Цвигун якобы раскрыл «серому кардиналу» порочащие Галину Леонидовну связи с ее арестованными друзьями. К тому времени под стражей находился директор «елисеевского» гастронома

Соколов, покончил с собой директор гастронома № 2 Нониев. Возбуждены уголовные дела против ряда работников Госцирка, с которыми дружила дочь генсека. Короче, Цвигун якобы просил разрешения на допрос Галины Леонидовны.

И конечно же получил отказ. «Серый кардинал» отчитал генерала армии, как мальчишку, запретив совать нос в семью Леонида Ильича.

Вернувшись от Суслова, честный и благородный генерал, который был не в силах больше смотреть на то, как деградирует партийно-государственная верхушка, достал пистолет и застрелился прямо в служебном кабинете на Лубянке.

По другой версии, имевшей хождение в восьмидесятые годы, разговор был не с Сусловым, а с самим Леонидом Ильичем.

Некролог без подписи Брежнева

Дальнейшие события в интерпретации пишущей братии эпохи Горбачева развивались в жанре уголовно-политического триллера. С элементами мелодрамы.

Тяжелый разговор с Цвигуном и его самоубийство не прошли бесследно для восьмидесятилетнего Суслова. Инсульт поразил «серого кардинала», и он скончался через несколько дней после похорон своего недавнего визитера. В день похорон Суслова арестовали директора Госцирка Колеватова, которого осудили на пятнадцать лет лишения свободы. К расстрелу приговорили директора «елисеевского» гастронома Соколова. Пять лет отсидки получил Борис Бриллиантовый. Покончила с собой жена министра внутренних дел Щелокова, замешанная в бриллиантовых делах вместе с Галиной Леонидовной. Снят с поста министр Щелоков.

Развитие этих и других событий подавалось в одном ключе, призванном убедить население в коррумпированности высших эшелонов власти, их сращивании с криминальным миром. По Москве бродили слухи о найденном у Бориса Буряце, дружка дочери генсека, тайнике с бриллиантами, которые, как он будто бы показал на следствии, принадлежали не ему, а Галине Леонидовне. На нее якобы сослался и арестованный директор Госцирка Колеватов, в чьей квартире при обыске обнаружили 200 тысяч долларов и более чем на миллион рублей (в ценах 1982 года) бриллиантов и других драгоценностей.

С точки зрения добропорядочного обывателя, привыкшего верить единственной версии, которая излагалась в советской прессе, логичен и объясним тот показавшийся многим странным факт, что некролог, посвященный генералу Цвигуну, опубликованный в «Правде» 21 января 1982 года, не был подписан Брежневым. Не стояли подписи Сулова и Кириленко — самых близких к генсеку людей в Политбюро. Все ясно, догадались сообразительные граждане. Брежневские подпевалы поддержали своего патрона, не пожелавшего ставить подпись под некрологом мужественному человеку, осмелившемуся встать на пути вседозволенности и развращенности на самой верхушке государственной власти.

Отсутствие подписи под некрологом, безусловно, разогревало в общественном мнении антипатию к престарелому генсеку. Многие были наслышаны о том, что Цвигун — человек Брежнева. И вот, пожалуйста, едва только появилась угроза личному благополучию — вся многолетняя дружба побоку.

Почему все-таки некролог вышел без подписи генсека? Сегодняшние заявления лиц, знавших всю подноготную кремлевских интриг конца брежневского правления, камня на камне не оставляют от

устоявшегося мнения о Цвигуне как о прославленном борце за справедливость.

— Разговор о том, почему Брежнев не подписал некролог, — это сказки, — говорит Бобков, генерал армии, до начала 1991 года первый заместитель председателя КГБ СССР. — Брежнев был потрясен смертью Цвигуна, но не решился поставить подпись под некрологом самоубийце.

— Брежнев не подписал некролог по поводу смерти Цвигуна, посчитав неудобным ставить свою подпись, поскольку человек сам ушел из жизни, — вторит своему заму бывший председатель КГБ Крючков. — Думаю, что именно это обстоятельство вызвало поток слухов, измышлений, всякого рода инсинуаций и в какой-то мере травмировало семью Цвигуна.

Крупный в прошлом работник общего отдела ЦК КПСС, через которого проходили подобного рода документы, подтвердил: генсеки никогда не ставили свою подпись под некрологами, если было известно, что скончавшийся — самоубийца. Церковь ведь тоже не позволяла хоронить самоубийц на кладбищах. Добровольный уход из жизни считался богопротивным делом, большим грехом.

Однако в западной литературе существует и вовсе сенсационное объяснение отсутствия подписи Брежнева под некрологом: генсек наотрез отказался посмертно санкционировать убийство долголетнего друга! По мнению ряда зарубежных исследователей, Цвигун не покончил с собой, а пал жертвой кремлевской борьбы за власть.

Еще более неясны и запутаны отношения Цвигуна с Брежневым. Здесь превалируют три точки зрения.

Первая из них сводится к тому, что Цвигун был в близких отношениях к Леониду Ильичу и его семье. Ушедший в 1991 году с поста начальника аналитического управления КГБ СССР генерал-

лейтенант Леонов весьма своеобразно высказался по этому поводу:

— Андропов работал всегда как бы под конвоем двух своих заместителей — Цвигуна и Цинева, ближайших сторожевых псов Брежнева, которые следили за каждым шагом Юрия Владимировича.

Такого же мнения придерживается и бывший главный кремлевский врач Чазов:

— Андропов был одним из самых преданных Брежневу членов Политбюро. Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего «Юру», как он обычно его называл. И все-таки, считая его честным и преданным ему человеком, он окружил его и связал «по рукам» заместителями председателя КГБ — Цвигуном, которого хорошо знал по Молдавии, и Циневым, который в 1941 году был секретарем горкома партии Днепропетровска, где Брежнев в то время был секретарем обкома.

По словам Чазова, Цвигун и Цинев независимо друг от друга информировали Брежнева обо всем, что происходило.

Бывший начальник личной охраны Брежнева генерал-майор Медведев тоже разделяет это мнение:

— Как бы ни доверял Леонид Ильич Андропову, как бы ни прислушивался к его мнению, а заместителем к нему все же приставил надежнейшего Цвигуна, которого знал давно, еще по работе в Молдавии...

Бывший первый заместитель председателя КГБ Бобков тоже считает, что Цвигун стал заметен в высоких кругах благодаря личным отношениям с Брежневым. Цвигун не скрывал и даже подчеркивал, что ориентируется на Брежнева, которому он верен и которого будет поддерживать во всех ситуациях, — таково свидетельство и экс-шефа КГБ Крючкова.

Вторая точка зрения — прямо противоположная первой. Ее сторонники утверждают, что Цвигун

выступил против политического курса Брежнева, за что подвергся гонениям, преследованиям и в итоге поплатился жизнью. Легенда о Цвигуне как о неуступчивом борце за справедливость живуча по сей день. Правда, в последнее время появились свидетельства, опровергающие молву, наделившую покойного генерала ореолом мученичества за правду.

— Цвигун не относился к числу тех принципиалов, которые способны проявить характер и идти до конца в споре с начальством, — утверждает его бывший коллега Бобков. — Напротив, он никогда не вступал в полемику и старался обходить острые углы.

По словам Бобкова, Цвигун в годы войны не был на фронте, а из Сталинграда еще до начала боев за легендарный город был отозван из военной контрразведки в тыл, в Оренбургскую, тогда Чкаловскую, область. В последующие годы работал в Москве, затем в Молдавии, где и подружился с Брежневым. Бобков дает резкий отзыв о коллеге: среди профессиональных чекистов Цвигун отнюдь не слыл профессионалом. В годы работы в КГБ написал и издал несколько книг и киносценариев о жизни партизан, тем самым произведя себя в число героев партизанского движения. Именно в таком виде его биография вошла во все советские энциклопедии.

Развернутую характеристику Цвигуну дает Крючков, знавший Семена Кузьмича почти пятнадцать лет, живший с ним в одном дачном поселке и встречавшийся едва ли не каждый день.

— Когда-то, в период работы в Молдавии, Брежнев и Цвигун были знакомы, у них были служебные контакты, но они не отличались близостью. Затем их пути-дороги разошлись: Брежнев поехал в Казахстан, затем в Москву, Цвигун же работал сначала в Таджикистане, затем в Азербайджане. Но, видимо, в своей памяти Брежнев сохранил имя Цвигуна.

Как вспоминает сегодня экс-шеф КГБ, в 1967 году Комитет госбезопасности стал укрепляться кадрами после снятия Семичастного и новый председатель Андропов приступил к назначению заместителей, руководителей управлений. Брежнев вспомнил о Цвигуне и предложил Андропову познакомиться с ним и решить вопрос о перемещении его в союзный комитет из Азербайджана, где Цвигун возглавлял КГБ республики. Брежнев не называл должность, на которую следовало бы переместить Цвигуна, заметив, чтобы с этим вопросом Андропов сам определился.

— В июне 1967 года Цвигун был приглашен к Андропову, у них состоялось первое знакомство, после чего Андропов предложил Цвигуну должность заместителя председателя Комитета с курированием ряда подразделений, преимущественно хозяйственных и технических. Андропов доложил свои соображения Брежневу, и тот согласился, сказав, что на данном этапе решение, пожалуй, правильное и о более высокой должности для Цвигуна он не думал.

Что из рассказа Крючкова можно выделить еще для понимания личности Цвигуна? Между Цвигуном и первым заместителем Андропова генералом Циневым никогда не было дружеских отношений, что влияло на деловую атмосферу. Сказывалась несовместимость личных качеств. С назначением Цвигуна первым заместителем его отношения с Циневым окончательно испортились. Об этом знали Брежнев и Андропов. Не все в КГБ приняли новое назначение Цвигуна с одобрением. У него было немало недругов, отношения с которыми он испортил еще тогда, когда находился в их подчинении. Было немало и таких, которые отрицательно относились к нему только из-за того, что он однозначно ориентировался на Брежнева.

Стало быть, версия о том, что Цвигун был противником политического курса Брежнева,

несостоятельна? Уж больно мало подтверждений, что такой человек мог быть в КГБ да еще на посту первого заместителя главы этого ведомства.

Вот тут-то и подходим к рассмотрению третьей версии. Да, Цвигун вначале был преданным брежневцем. Но потом, к концу правления престарелого генсека, лубянский генерал начал прозревать. Недаром заговорили о странностях в его поведении.

Кто-то же должен там быть честным!

Молва облекала Цвигуна в тогу непримиримого борца с коррупцией и моральным разложением в верхних эшелонах власти. История с бриллиантами, ссора с Суловым или даже с Брежневым по поводу nepотpeбнoгo пoвeдeния дoчepи гeнceкa и пocлeдyющee caмoубийcтвo oкpyжили имя гeнepaлa opeoлoм мyчeничecтвa и cтpaдaний чиcтoй дyши, oбpeчeннoй житb рядoм co взытoчникaми, кoрpyпциoнepaми, лyбитeлeями cлaдкoй жизни зa кaзeнный cчeт.

Цвигун, по отзывам его коллег, никогда не отказывал в помощи и поддержке тем, кто попадал в беду. Он помнил всех друзей детства и юности, всех, с кем работал в Молдавии, Азербайджане, Таджикистане, и не было такого случая, чтобы он отвернулся от кого-либо, кто оказался в трудной ситуации.

Прямо скажем — нетипичная фигура для московских нравов того времени. Редкий номенклатурщик, заняв высокое должностное положение, оставался доступным и открытым для тех, с кем работал раньше. Обычно секретари и помощники наперечет знали узкий круг лиц, с которыми надо было соединять шефа.

Цвигун не отгораживался ни от кого. Безусловно, этим нередко пользовались друзья и друзья друзей, злоупотребляя генеральской готовностью откликнуться

на чужую беду. Наверное, именно эта его личная черта характера, известная многим, и послужила поводом для распространенного мнения о Цвигуне как о поборнике справедливости. Должен же быть — хоть кто-то! — честным и незапятнанным.

Есть еще одно обстоятельство, которое способствовало тому, что люди симпатизировали Цвигуну. Его имя было известно по ряду романов о Великой Отечественной войне, которые он выпустил. И по которым были поставлены художественные фильмы. Герои его произведений боролись против зла и предательства, за справедливость и правду. Само собой, положительные персонажи литературных творений зачастую ассоциируются с позицией автора. Позицию Цвигуна читатели и зрители разделяли.

Неладное в поведении генерала заметили за несколько лет до его трагической кончины. Сторонники версии самоубийства, совершенного будто бы из-за того, что ему запретили продолжать дело о бриллиантах, в котором была замешана дочь Брежнева, убеждены: Цвигун как личность незаурядная, к тому же творческая, понимал, в какой тупик ведет страну Брежнев. И потому пытался протестовать против его курса. Именно этим объясняются его странности — невосприятие происходящего вокруг, резко негативное отношение к поступающей информации о том, что в стране все замечательно, что весь народ сплочен вокруг Политбюро и дорогого Леонида Ильича.

По мнению экс-шефов КГБ Крючкова и Бобкова, это не что иное, как кривотолки. Цвигун был человеком той системы, и жил он по ее неписаным правилам.

Вспомнился эпизод, рассказанный Бобковым. Как-то на праздник Цвигун, курировавший хозяйственные и технические службы КГБ, послал Андропову ящик коньяку. Посланца встретила супруга председателя КГБ:

— Передайте Семену Кузьмичу, — сказала она, — что у Юрия Владимировича не будет возможности воспользоваться этим коньяком. Так что везите ящик обратно.

Если такой случай был, а Бобков утверждает, что он имел место и получил огласку, то как тогда этот эпизод вписывается в образ борца с поборами высших должностных лиц, их повальным увлечением дорогими подарками? А помощь, которую лубянский генерал оказывал всем, кто к нему обращался? Разве это не пресловутое телефонное право, не игнорирование законов? Не важно, прав или не прав проситель, законно или незаконно его требование. Главное — не дать в обиду своих...

Крючков и Бобков излагают то, что, по их мнению, произошло с Цвигуном на самом деле. Он заболел, ему сделали операцию, удалили часть легкого, установив раковое заболевание. Это подтверждает и Чазов в своей книге «Здоровье и власть»: «С. К. Цвигун был удачно оперирован по поводу рака легких нашим блестящим хирургом М. И. Перельманом...».

По словам Крюčkова, Цвигун после операции в течение нескольких лет чувствовал себя неплохо, и врачи, прогноз которых поначалу был не очень хорошим, заявили, что этот сильной воли человек справился с тяжелой болезнью, и теперь она ему уже не угрожает. Но в итоге оказалось не так.

Года за два-три до кончины тяжелый недуг стал поражать головной мозг, у Цвигуна стала пропадать память, все сильнее давали о себе знать головные боли, пришлось употреблять в больших количествах лекарства, принимать длительные сеансы облучения, периодически ложиться в больницу, прибегать ко все более тяжелым и длительным курсам лечения.

«В последние несколько месяцев болезнь настолько серьезно поразила его организм, — вспоминает экс-шеф

КГБ, — что были дни, когда он вообще не в состоянии был воспринимать информацию и происходящее вокруг. За две недели до кончины у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого он путал мое имя и отчество, затруднялся в ответах, не воспринимал мои слова.

В начале января 1982 года выдался день, когда Цвигун почувствовал себя неплохо и вызвал машину для поездки на дачу. По словам водителя, в отличие от прежних дней он вел спокойный, вполне осознанный разговор и, прогуливаясь на даче по дорожке, вдруг проявил интерес к личному оружию водителя. Поинтересовался, пользуется ли он им, в каком состоянии содержится пистолет, потому что по уставу, мол, оружие всегда должно быть в полной готовности, а затем попросил показать его.

Водитель, ничего не подозревая, передал пистолет в руки Цвигуна, и последний сразу же выстрелил себе в висок. Смерть наступила мгновенно.

Цвигун, конечно, понимал, что серьезно болен, что станет обузой для семьи, которую очень любил, что будет еще хуже, и решил добровольно уйти из жизни.

Спустя час в дачный поселок прибыли Андропов, некоторые его заместители, следователь. Врачи были уже там, они констатировали смерть».

Труп генерала за номером 34-82 был зарегистрирован в морге клинической больницы Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР. В акте вскрытия сказано: «Злокачественная опухоль желудка и метастазы в лимфатические узлы малого сальника. Не причина смерти».

А что причина? Об этом в другом документе, подписанном пятью врачами, выезжавшими на место происшествия:

«Цвигун С. К.

Усово, дача 43. Скорая помощь. 19 янв. 1982 г.

16-55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация. Непрямой массаж сердца, интубация.

17-00. Приехала реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16-15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил в висок из пистолета «Макаров» водителя».

С легендами не расставайтесь

Итак, довольно обыденная история в интерпретации людей, которые во всем готовы видеть политическую подоплеку, приобрела интригующее звучание, до сих пор будоражащее воображение людей. Понятно, что им не хочется расставаться с красивой легендой и довольствоваться той прозаической будничностью, которой ныне объясняют громкий инцидент недавнего прошлого.

Генерал армии, первый заместитель председателя КГБ СССР просит пистолет у водителя, чтобы застрелиться? Что, своего не было?

Неужели в то тихое, благословенное время водители генеральских машин разъезжали по дачам с заряженным оружием?

Что стоит за словами Крючкова в его книге воспоминаний «Личное дело»: «Супруга знала, что произошло с мужем, однако дочь и сына решили тогда не ставить в известность, они узнали об этом позже»? Почему не сказали правду детям? Что им сказали?

Всплеск интереса к этой истории конца брежневского правления вновь проявился в связи с выходом в свет нашумевшего двухтомника Дмитрия Волкогонова «Семь вождей». Единственный исследователь, допущенный российскими властями к архивам Политбюро, Волкогонов нашпиговал свое произведение сенсационными фактами, которые опрокидывают устоявшиеся представления о недавних событиях советской истории.

Один из опровергнутых им мифов — о том, как Андропов пришел к власти. Волкогонов убедительно, на основе прочитанных им документов, доказал, что Брежнев утрачивал престиж в силу не только своей болезни и природной посредственности, но и его, Андропова, «помощи».

«Будучи председателем КГБ, а затем, заняв место Суслова в ЦК, — пишет исследователь, — Юрий Владимирович приложил немало усилий, чтобы скомпрометировать (благо они давали для этого множество оснований) родственников Брежнева и своего бывшего заместителя С. К. Цвигуна, выдвиженца Леонида Ильича, очень близкого к генсеку члена Политбюро А. П. Кириленко, фаворита «вождя» министра внутренних дел Н. А. Щелокова и даже дочь «самого» — Галину... Это именно КГБ рекомендует для поднятия «авторитета» Брежнева больше и желательнее крупным планом показывать генсека на телевидении. Ежедневная «демонстрация» на экране беспомощного и плохо соображающего «вождя» партии и страны еще сильнее подрывала позиции Брежнева, который неумолимо угасал на глазах всей страны, да и мира. Андропов помнит, что в регулярных обзорах зарубежной прессы (только для него!) о высшем советском руководстве в последние месяцы жизни генсека иностранные авторы занимались в основном

гаданием: кто займет кресло первого человека в партии?..».

Волкогонов раскрыл механизм прихода Андропова к власти. Он, этот механизм, стар, как мир, — закулисные интриги, беседы один на один, компрометация соперников, отодвигание их на второй план.

Главным конкурентом Андропова был любимец Брежнева Черненко. Андропов тонко учел, что фаворитов, кроме их владык, никто не любит. Внимание и любовь Брежнева к Черненко воспринимались остальными членами Политбюро очень болезненно. Этим и воспользовался Андропов.

Он заручился поддержкой министра обороны Устинова (ЦК и КГБ были уже на его стороне) и попросил маршала переговорить с Черненко, который сам метил в кресло генсека, чтобы именно Константин Устинович предложил на пост генерального секретаря Андропова. Это был блестящий аппаратный ход, и Черненко, выслушав Устинова, понял, что проиграл, и согласился, хотя Тихонов готовился выдвинуть его, Константина Устиновича. Черненко понял, что обращение Устинова к нему было согласовано среди влиятельных членов Политбюро. Отказаться выполнить просьбу маршала значило проиграть окончательно...

Искусным мастером дворцовых интриг зарекомендовал себя Андропов в последние годы правления Брежнева. Волкогонов назвал некоторые его тайные операции, в том числе компрометацию самого Леонида Ильича, его дочери Галины и генерала армии Цвигуна. Насчет компрометации Леонида Ильича ясно, Волкогонов дает ответ, в чем это проявлялось. А вот что имел в виду исследователь под компрометацией Цвигуна? Дочери Брежнева?

Увы, этого мы уже не узнаем, поскольку автора нашумевшего двухтомника нет в живых. Правда, в его исследовании дается лестная характеристика книги о

пятом вожде СССР, написанной эмигрировавшими из Советского Союза в семидесятых годах журналистами Еленой Клепиковой и Владимиром Соловьевым.

Книга и в самом деле сенсационна. Слухи об участии дочери Брежнева в деле о краденых драгоценностях и о самоубийстве первого заместителя председателя КГБ генерала Цвигуна авторы относят к жанру умышленной дезинформации, запущенной самим Андроповым. Юрий Владимирович заранее знал, что искал и что найдет у Анатолия Колеватова и Бориса Буряце. Ну, а дальше следует такое, что слабонервных читателей прошу заранее подготовиться: Клепикова и Соловьев предполагают, что драгоценности дрессировщицы Ирины Бугримовой были похищены людьми Андропова и ими же — с политической целью — подброшены друзьям Галины Леонидовны.

«Цирковую» операцию Андропов якобы начал в декабре 1981 года, через неделю после того, как отметили день рождения Брежнева. Начало было успешным — у Бориса Буряце обнаружили часть исчезнувших бриллиантов. Оперный певец — амурный дружок Галины Брежневой. Тень падает и на нее. Но тут дело неожиданно застопорилось, и объяснить это можно лишь вмешательством сил пока еще более влиятельных, чем Андропов. Эти силы мог привести в действие Семен Цвигун, которого Брежнев приставил к Андропову в качестве соглядатая. Цвигун легко догадался о главном направлении задуманного его непосредственным шефом удара и принял контрмеры не столько из благодарности покровителю, сколько из инстинкта самосохранения, так как знал, что в случае падения Брежнева не продержится и дня.

Однако и Андропову отступать было некуда — он пошел ва-банк и должен либо все выиграть, либо все проиграть. В середине января 1982 года он ближе к поражению, чем к победе, и, если бы не последовавшие

одна за другой смерти Цвигуна и Суслова, его постигла бы незадачливая судьба Шелепина, которому партократы перекрыли путь к власти в самый последний момент.

Такова вкратце неожиданная интерпретация названных выше авторов, которым, повторяю, один из самых осведомленных наших кремлевцев Волкогонов дал в своем исследовании весьма лестную оценку.

На то, что отцом «цирковой» операции был Андропов, указывает и ее ход. Цвигун приостановил расследование бриллиантовой авантюры почти на месяц. Однако после его смерти и смерти Суслова следствие опять пошло полным ходом. Оно продолжалось и во времена правления Андропова.

Любопытна точка зрения Клепиковой и Соловьева относительно версии о том, что Цвигун покончил самоубийством из-за запрещения продолжать дело о бриллиантах. Авторы считают: эта версия была запущена КГБ и подхвачена западными корреспондентами в Москве.

Контраргументы: во-первых, из-за этого не кончают самоубийством. Во-вторых, по своей психологической конституции советский чиновник такого ранга и такого возраста — 64 года — менее всего склонен к самоубийству, во всяком случае, с послевоенных лет подобных случаев в СССР не было. В-третьих, даже индивидуально Цвигун не принадлежал к потенциальным самоубийцам: вполне уравновешенный полицейский бюрократ, начавший карьеру еще в войсках «Смерш».

Впрочем, последнее утверждение спорно. Как отмечают бывшие коллеги Цвигуна, он был человеком не вполне уравновешенным, склонным к депрессивным состояниям.

Властолюбие и жесткость Андропова, его стремление отодвинуть конкурентов любой ценой отражено в анекдоте того времени.

— Как вы думаете, Юрий Владимирович, пойдет за вами советский народ? — спрашивает у новоиспеченного генсека иностранный корреспондент.

— Пойдет. А если не пойдет за мной, пойдет за Брежневым.

Народ всегда подмечает в своих лидерах самое-самое!

Глава 19

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ГОРБАЧЕВУ?

Не утихают и, наверное, еще долго будут кипеть страсти вокруг обстоятельств, связанных с избранием последнего в истории КПСС генсека. Интерес к тем дням обостряется всякий раз, когда в России начинаются предвыборные кампании. Честолюбивые молодые политики тщательно изучают яркие карьеры, восхищаясь феноменом Горбачева. Скромный периферийный работник, и вдруг такой невиданный взлет!

Одни, благодаря версии, запущенной Борисом Олейником, считают, что без оккультных сил здесь не обошлось, другие видят длинную руку Ватикана, третьи — масонский вселенский сговор.

Закономерен или случаен рывок Горбачева к вершинам власти? Были ли другие претенденты на этот пост, позволявший бесконтрольно править самой большой в мире державой?

«Сов. секретно. Экз. единственный. Рабочая запись»

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко скончался 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут в Центральной клинической больнице 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР.

Пришедшие в его кабинет за документами сотрудники ЦК остолбенели. Все говорило о крайней степени деградации недавнего хозяина. Вместо секретных бумаг в личном сейфе генсека обнаружили пачки денег. Ими были заполнены и ящики письменного стола. Паркет, на котором возвышалось опустевшее кресло, был заплеван до невероятной степени — видно, восседавший в нем мог дышать из-за душившей его астмы только постоянно прочищая носоглотку.

Для срочно вызванных в Кремль членов высшего партийного руководства весть о кончине генсека не была неожиданной. Все видели неотвратимость третьих похорон. Черненко был так плох, что без посторонней помощи не мог передвигаться. А потом и вовсе слег, и пришлось в больничной палате соорудить декорацию избирательного участка, куда будто бы прибыл генсек, чтобы опустить в урну бюллетень.

Собравшиеся по вызову поднимались на третий этаж старого кремлевского здания Совета Министров. Там, еще при Брежневе, был устроен кабинет генерального секретаря и большой зал для заседаний Политбюро. Леониду Ильичу больше нравилось сидеть здесь, чем в здании ЦК на Старой площади. Брежневскую традицию не нарушали ни Андропов, ни Черненко.

Обсуждая порядок предстоящих похорон, партийные патриархи не подозревали, что в недрах истории России растворялась еще одна эпоха. Выходила звезда человека, которому суждено будет поставить в этом деле жирную точку.

Однако такое тогда не могло прийти ни в одну даже самую дерзновенную голову. Осанну Горбачеву пели как многомудрые престарелые члены Политбюро, так и молодые секретари ЦК. Рассекреченный документ с грифом «Сов. секретно. Экз. единственный. Рабочая запись», хранившийся в святой святых — архиве Политбюро — доносит до нас атмосферу, в которой проходило обсуждение кандидатуры на пост генсека.

Формально их избирали на партийных пленумах.

И только XXVIII съезд изменил многолетнюю традицию — генсека и его заместителя решено было короновать на съездах. Однако на самом деле все решало Политбюро. Одиннадцать самых недоступных, самых таинственных кремлевских небожителей выдвигали из своей среды очередного выдающегося ленинца.

После сообщения Чазова о диагнозе болезни, которая привела Черненко к смерти, приступили к обсуждению вопроса о Генеральном секретаре ЦК КПСС.

Первым взял слово Громыко:

— Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор.

Обосновывая свое предложение, старейший партийный патриарх отметил важнейшие черты выдвинутой им кандидатуры. Первое — это неукротимая творческая энергия, стремление сделать больше и сделать лучше. Второе — у Михаила Сергеевича никогда не превалируют взгляды личного свойства, у него всегда на первом плане интересы партии, интересы общества, интересы народа. И третье — Горбачев обладает большим опытом партийной работы.

Глава правительства Тихонов:

— Мнение мое безоговорочное: человеком, который годится быть Генеральным секретарем ЦК КПСС, является Михаил Сергеевич Горбачев.

Руководитель Московской городской парторганизации Гришин:

— Мы сегодня решаем исключительно важный вопрос. Речь идет о продолжении дела партии, о преемственности руководства. Генеральный секретарь ЦК — это человек, который организует работу Центрального Комитета. Поэтому на таком посту должно стоять лицо, которое отвечает высоким требованиям.

Вы насторожились, читатель? Преамбула вполне отвечает роли, которую народная молва отводит главному конкуренту Горбачева. Как в воду глядел Гришин, произнося вещице слова о продолжении дела партии и преемственности руководства. Неужели предвидел?

Но и он закончил на мажорной ноте:

— На мой взгляд, Михаил Сергеевич Горбачев в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК. Это широко эрудированный человек. Он окончил юридический факультет Московского университета и экономический факультет сельскохозяйственного института. У него большой опыт партийной работы. Поэтому, я думаю, что у нас нет и не может быть другого предложения, кроме предложения о выдвижении М. С. Горбачева для избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Что касается нас, то мы каждый на своем посту будем активно его поддерживать...

Вопрос преемственности руководства, судя по документу, беспокоил и Романова. Однако вопреки ожиданиям, навеянным все той же народной молвой, приписывавшей Романову роль соперника Горбачева, в

рабочей записи заседания Политбюро не содержится даже намек, подтверждающего эту распространенную в народе версию. Наоборот, Романов заявил, что именно Горбачев является тем единственным среди них человеком, который способен полностью обеспечить преемственность руководства в партии.

Кунаев:

— Как бы здесь не развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева...

Пономарев:

— Для такого поста исключительно важна теоретическая подготовка человека, его идейная выдержанность, его умение поддерживать связи с массами. Всеми этими качествами в полной мере владеет Михаил Сергеевич Горбачев...

Кузнецов:

— Полностью поддерживаю предложение, которое внесено сегодня на заседании Политбюро... Мы желаем Михаилу Сергеевичу Горбачеву больших успехов...

Демичев:

— Уверен, что мы делаем сегодня совершенно правильный выбор...

Что касается молодых членов партийного руководства, то они выдавали такие залиvistые трели — в пору самым голосистым соловьям.

Лигачев:

— Михаил Сергеевич Горбачев, несомненно, обладает всеми чертами крупного политического деятеля... Его выдвижение вызовет чувство гордости в нашем народе, поднимет авторитет Политбюро ЦК КПСС.

Рыжков:

— Я считаю, что мы сегодня принимаем совершенно правильное решение. М. С. Горбачев хорошо знает

вопросы общей экономики. Это исключительно важно для Генерального секретаря ЦК КПСС... Мы, Михаил Сергеевич, будем всегда вашими верными помощниками.

Долгих:

— Я целиком и полностью согласен с товарищами, внесшими предложение о выдвижении кандидатуры М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Все мы едины в том мнении, что у него за плечами не только большой опыт, но и будущее...

Выступили также Соломенцев, Алиев, Воротников, Чебриков, Шеварднадзе, Зимянин, Капитонов, Русаков. И каждый привносил в коллективный портрет генсека свою черточку. Кто отмечал «острый аналитический ум», кто «огромный и разносторонний опыт», кто «скромность и простоту».

Выслушав дифирамбы в свой адрес, Горбачев сказал, что воспринимает все слова с чувством огромного волнения и переживания. Он отметил: самое главное и самое важное состоит в том, что заседание Политбюро проходит в духе единства.

— Нам не нужно менять политику, — произнес Горбачев. — Она верная, правильная, подлинно ленинская политика... Заверяю вас, что я сделаю все, чтобы наладить нашу дружную работу...

Вы удивлены, читатель? Разочарованы? Получается, что не было никакой борьбы за пост генсека? И то историческое заседание Политбюро, оказывается, прошло в обстановке единства и сплоченности? А как же разговоры насчет Гришина и Романова, которых якобы прочили на место скончавшегося Черненко, насчет яростной борьбы, о которой рассказывал Лигачев на XIX партконференции в 1988 году?

Судя по совершенно секретному документу, исполненному в одном экземпляре, ничего подобного на Политбюро не происходило. Так ли это?

Вот и верь после этого документам!

У русского человека неистребима святая вера в документ. Особенно в архивный. А если он имеет гриф секретности, да еще пометку, что исполнен в единственном экземпляре, да еще касается переломных моментов, связанных с переменой власти в Кремле, — замри и ляг!

Увы, абсолютно объективных документов не бывает. Их тоже сочиняют люди. И нередко в угоду сиюминутной политической ситуации. Как запоминающе выразился один современный философ, абсолютно беспристрастна лишь таблица умножения, но и в ней одни любят четные числа, а другие, наоборот, нечетные.

Политика, конечно, несколько сложнее, нежели таблица умножения. В этом убеждаешься при внимательном прочтении документа, от грифов которого захватывает дух.

Итак, выслушав своих соратников, Горбачев подвел итоги обсуждения первого вопроса:

— Здесь высказались все присутствующие члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК. Поэтому, насколько я понимаю, мнение ваше единодушное, и мы можем выйти на Пленум ЦК КПСС, который откроется через 30 минут, с единой рекомендацией.

«Который откроется через 30 минут...». Прошу обратить внимание на эту деталь, свидетельствующую, что заседание Политбюро проходило за полчаса до пленума. На документе стоит дата проведения Политбюро — 11 марта 1985 года.

— Правильно, — одобрили члены Политбюро заключительные слова Горбачева.

— Видимо, будет целесообразно, учитывая, что А. А. Громыко выступил сегодня первым, поручить ему внести одобренное Политбюро предложение на рассмотрение Пленума ЦК КПСС, — сказал Горбачев.

И снова рабочая запись заседания фиксирует одобрительные возгласы членов Политбюро:

— Правильно, можно это поручить Громыко.

После принятия постановления по первому вопросу, перешли к обсуждению второго — о внеочередном Пленуме ЦК КПСС. Сообщение Горбачева в рабочей записи имеет такой вид:

— Есть предложение созвать внеочередной Пленум ЦК КПСС 11 марта 1985 года. На рассмотрение пленума внести один вопрос — об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Я думаю, мы сделаем таким образом: рассмотрим все подготовленные организационные вопросы до начала пленума, а в 17 часов начнем пленум в зале заседаний пленумов ЦК. К этому времени, я думаю, все участники пленума смогут прибыть в Москву.

Вы что-нибудь понимаете, читатель? Если заседание проходит 11 марта, а именно эта дата стоит в документе, то как можно вносить предложение о созыве внеочередного пленума... тоже 11 марта? К тому же при обсуждении первого вопроса Горбачев сказал, что пленум откроется через 30 минут, и в оставшиеся полчаса предлагает рассмотреть все подготовительные организационные вопросы и полагает, что за это время, т. е. за 30 минут, в Москву смогут прибыть все участники пленума.

Здесь явно что-то не так. Ощущение абсурдности усиливается при ознакомлении с обсуждением третьего пункта повестки дня — об организации похорон Черненко. В документе зафиксированы произнесенные Горбачевым следующие слова:

— Вносится предложение передать извещение по телевидению и радио 11 марта в 14 часов и опубликовать в печати 12 марта...

Позвольте, спросит внимательный читатель, как можно назначать время оповещения страны о кончине главы государства на 14 часов, если известно, что этот вопрос обсуждался не ранее 16.30 того же дня?

В самом деле, как такое могло случиться? Ответ один: заседаний Политбюро было несколько, и проводились они в разное время. А документ составили один, второпях не обратив внимания на нестыковку и прочие несуразности.

Значит, было что скрывать? Схватка все-таки имела место? А слащаво-сиропная рабочая запись — для истории, для потомков: вот, мол, как любили Михаила Сергеевича уже тогда, единственного и неповторимого?

Что было в Ореховой комнате

Высшее партийное руководство в Советском Союзе было трехступенчатым.

Людьми нижней, третьей ступеньки являлись «рядовые» секретари ЦК — не члены и не кандидаты в члены Политбюро. На 10 марта 1985 года, когда скончался Черненко, их было пятеро — Зимянин, Капитонов, Лигачев, Русаков и Рыжков.

Вторую ступеньку составляли кандидаты в члены Политбюро. Во время описываемых событий их насчитывалось шестеро: секретари ЦК КПСС Долгих и Пономарев, грузинский руководитель Шеварднадзе, министр культуры Демичев, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецов, председатель КГБ Чебриков.

Десять человек относились к людям первой ступеньки. Членами Политбюро были два секретаря ЦК — Горбачев и Романов, три местных партийных лидера

— Гришин, Кунаев и Щербицкий, председатель КПК Соломенцев, премьер Тихонов, его первые замы Алиев и Громыко (последний одновременно и министр иностранных дел), председатель Совмина России Воротников.

Эта десятка во главе с генеральным секретарем и была той могучей кучкой, которая определяла все стороны жизни шестой части земного шара. Менялся ее состав, но роль оставалась неизменной. Как и ритуал, заведенный с незапамятных времен.

Люди второй и третьей ступенек — кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК — строго блюли ранжир и собирались в «предбаннике». Так молодые называли между собой официальную приемную перед залом заседаний Политбюро на третьем этаже здания Совмина в Кремле. По другую сторону «предбанника» располагалась так называемая Ореховая комната, где отдельно — опять же по ранжиру! — собирались только члены Политбюро. Эта комната получила такое название потому, что была обставлена мебелью из орехового дерева. Она разделяла зал заседаний и кабинет генсека.

Первыми места в зале заседаний занимали лица второй и третьей ступенек. Нередко им приходилось ждать появления священного ареопага довольно долго. Обычно перед началом заседания генсек заходил в Ореховую комнату, и именно там происходило главное обсуждение вопросов. Договорившись наедине, святейшая десятка во главе с генсеком направлялась в зал заседаний, где томились в ожидании младшие коллеги. Люди второй и третьей ступенек вставали и, как с юмором рассказывал Рыжков, две «команды» вежливо здоровались за руку — каждый с каждым, как футболисты на поле перед игрой. Наверное, Николай Иванович прав: со стороны эта сцена выглядела забавно...

Так было и в тот раз. Вызванные по тревоге кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК толкались в «предбаннике», ожидая, когда их пригласят в зал заседаний. Это зависело от тех, кто скрылся за дверью Ореховой комнаты. Время тянулось мучительно медленно. Томящиеся в «предбаннике» понимали, что в Ореховой комнате решается судьба страны.

Наконец им сказали, что можно заходить. Прошло еще несколько минут, и дверь Ореховой комнаты распахнулась. Первым стремительно вышел Горбачев. За ним гуськом шествовали старцы, пергаментные лица которых были непроницаемы. Обмен ритуальными рукопожатиями, и члены Политбюро заняли свои места. Одно оставалось свободным — Щербицкого, который находился с визитом в США. Его место будет пустовать и 11-го, когда Политбюро вновь соберется накануне открытия пленума. Нет, пустовали все-таки два кресла. По уточненным данным, не успел приехать и Кунаев. Свою пламенную речь в поддержку кандидатуры Горбачева он произнесет назавтра, 11-го.

В председательское кресло между тем по-хозяйски уселся Горбачев. Он и начал заседание, которое, как мы знаем из рассекреченной рабочей записи, приступило к обсуждению кандидатуры генерального секретаря.

Поразительное единодушие, которое проявили присутствовавшие в отношении Горбачева, наверное, сначала было достигнуто узким кругом членов Политбюро, собравшихся накануне в Ореховой комнате. Они вошли в зал заседаний с единственной кандидатурой. Были ли другие мнения, когда партийные патриархи одни выработывали общую позицию?

По одной из версий, разногласия между старцами возникли еще на стадии обсуждения вопроса о похоронах Черненко. По традиции председатель

комиссии по организации похорон очередного скончавшегося генсека автоматически становился его преемником. И вот, к изумлению Горбачева, поднялся Гришин и предложил Тихонова:

— Они с Константином Устиновичем были очень близки.

— Разумное предложение, — якобы поддержал Романов.

Согласно закивали головами и другие старики. Горбачев вынужден был ставить вопрос на голосование, и в этом раунде проиграл. Большинство подняли руку за 79-летнего премьера.

Но положение можно было еще спасти. Необязательно каждый раз слепо следовать традиции, установившейся с похорон Брежнева, когда Андропов, возглавивший комиссию по похоронам Леонида Ильича, занял его пост, а потом точно так же произошло с ним самим и сменившим его Черненко. Шанс выиграть еще был, и им не преминул воспользоваться Громыко. Своим известным всему миру еще со времен Сталина глуховатым голосом Андрей Андреевич рекомендовал избрать генсеком молодого и здорового Горбачева.

— Михаил Сергеевич фактически полтора года руководит страной, — якобы сказал Громыко. — И вообще, мы, старики, свое отруководили. Надо давать дорогу молодым.

Громыко вроде удалось убедить коллег, чтобы и они изменили мнение в пользу Горбачева. Передал ему свои полномочия и Тихонов. Объяснение неожиданным симпатиям, которыми воспытал к Горбачеву один из самых старых членов советского руководства, найдут... в родственных связях. По Москве одно время гуляла прелюбопытнейшая бумаженция о тщательно скрываемом родстве среди партийно-государственной верхушки. В оном сенсационном документе

утверждалось, что Громыко и Горбачев приходится родственниками по линии своих взрослых детей.

Существует и вторая версия, представляющая собой вольный пересказ передаваемой из уст в уста одной из первых политических биографий Горбачева, написанной индийским журналистом. Ее мало кто читал, но пересказывали все. Переведенная на русский язык в 1986 году, она предназначалась для узкого круга руководящего состава. Каждый ее экземпляр был пронумерован и рассылался по специальному списку.

Интерпретация событий на Политбюро выглядела там следующим образом. Кто-то из старейших членов высшего партийного руководства предложил на пост генсека первого секретаря МГК Гришина. Однако с этой кандидатурой не согласился председатель КГБ Чебриков:

— Гришин связан родственными узами с семьей Берии. Как воспримут партия и народ генсека, чьим родственником является столь зловещая личность?

Гришин заявил самоотвод. И предложил избрать генсеком Романова. Минутное замешательство. И чей-то спасительный голос:

— Тоже не выход. У Романова непопулярная фамилия — царская. Народ не поймет. Пойдут смешки, анекдоты...

И тут поднялся Громыко, доходчиво показавший, что, кроме Горбачева, кандидатуры нет. Ко всему прочему, его знают и за границей. Поездки в Англию, Канаду, Италию произвели благоприятное впечатление. Особенно в Англию. С легкой руки индийского журналиста пошла гулять его хлесткая фраза о том, что Горбачев, взяв в компанию собственную жену (неслыханное дело!), совершил в декабре 1984 года паломничество в Лондон к Маргарет Тэтчер, где успешно, по мнению этой более чем разборчивой невесты, прошел «смотрины» на роль потенциального

жениха для Запада. Молодой, контактный, хорошо улыбающийся Горбачев выгодно смотрелся на фоне сутулых, бесцветных, тоскливых соратников по Политбюро.

Мог ли разговор на Политбюро получить именно такой оборот? Вполне, если бы не одно обстоятельство — Чебриков. Он ведь в ранге кандидата в члены Политбюро пребывал, следовательно, по этой причине не мог принимать участия в узких совещаниях руководящей десятки. Однако знающие люди утверждают, что Чебриков — единственный из кандидатов в члены Политбюро, который в порядке исключения заседал наравне с «полными» членами. Слишком большой властью обладал глава спецслужб, чтобы его игнорировать.

И, коль уж зашла речь о КГБ, мнение которого всегда имело определяющее значение, не обойтись без свидетельства генерала М. С. Докучаева, занимавшего в ту пору пост заместителя начальника 9-го управления КГБ СССР — знаменитой «девятки», обеспечивавшей безопасность высших партийных и государственных деятелей страны и в силу этого посвященный в самые сокровенные тайны власти.

— В день смерти Черненко состоялось заседание Политбюро, — рассказывает Михаил Степанович, — на котором решалась судьба Горбачева. С предложением о выдвижении на пост Генерального секретаря ЦК КПСС первым тогда выступил Романов и, согласно завещанию Черненко, выдвинул кандидатуру Гришина. После этого встал Громыко и заявил, что хватит нам гробы носить и пора выдвигать молодые кадры с перспективой на ближайшие десять и более лет. Он настоял на кандидатуре Горбачева, который большинством в один голос и был рекомендован на пост генерального секретаря.

Обычный дворцовый переворот?

М. С. Докучаев, авторитетный человек из «девятки», утверждает: вопрос о новом генсеке рассматривался в день кончины Черненко. Константин Устинович скончался 10 марта в 19 часов 20 минут. Об этом свидетельствует и главный кремлевский врач Чазов:

— Помню, что уже темнело, когда я позвонил Горбачеву на дачу, так как это был выходной день, и сообщил о смерти Черненко. Он был готов к такому исходу и лишь попросил вечером приехать в Кремль на заседание Политбюро, чтобы рассказать о случившемся. Был поздний вечер, когда я поднимался на третий этаж известного здания в Кремле... Охрана была, видимо, настолько удивлена моему сосредоточенному виду и появлению в столь неурочный час, что даже не проверила пропуск...

Рыжков называет точное время начала заседания Политбюро — 22.00, воскресенье, 10 марта. Это время, когда обе «команды» поприветствовали друг друга рукопожатиями и заняли свои места в зале заседаний. «Полные» члены Политбюро, как мы знаем, совещались в Ореховой комнате еще раньше. Значит, нового генсека избирали через два часа после кончины предшественника. Побит рекорд марта 1953 года, когда Берия, Маленков и Хрущев делили портфели у неостывшего еще тела Сталина?

По некоторым сведениям, в Ореховой комнате предпринимались попытки отложить решение вопроса о генсеке. Кто-то из стариков, стараясь выиграть время, прошамкал, что сейчас неподходящий момент для выборов и что хотя бы для приличия следует подождать похорон, назначенных на среду, 13 марта.

И тут якобы снова положение спас Чебриков, заявивший, что выборы генсека — не узкопартийное дело, что генсек еще и председатель Совета обороны

страны. Нельзя оставаться без верховного главнокомандующего.

Рыжков, возвращаясь к тем минутам, когда они взволнованно толклись в «предбаннике», с нетерпением поглядывая в сторону Ореховой комнаты, тоже вспоминает:

— Кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денек? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу, промедление смерти подобно...

Восстанавливая ныне подробности того воскресного вечера, нельзя не восхищаться Горбачевым. Операция была проведена блестяще! Он не потерял впустую ни одной минуты! Железо куют, пока оно горячо. У его соперников не было времени, чтобы обсудить ситуацию и сговориться. От последнего вздоха Черненко до начала выборов нового генсека прошло всего два часа! Срок невероятный, если учесть, что было воскресенье, вечер, члены Политбюро спокойно проводили выходной на дачах. Пока собрались, пока приехали в Кремль, пока поднялись на третий этаж. Они не успели даже словом обмолвиться между собой, не говоря о большем.

Не прояви Горбачев невиданную оперативность, кто знает, как бы все обернулось. Не зря многомудрые старцы настаивали на переносе обсуждения вопроса, взывая к совести, к соблюдению правил приличия. Однако власть слишком серьезное дело, чтобы опытные политики обращали внимание на подобные мелочи.

Рвался ли Горбачев на кремлевский Олимп? Судя по составленной для потомков рабочей записи того судьбоносного заседания Политбюро, — нет. А в действительности?

— Он никого не видел на посту генсека, кроме себя, — говорит бывший член его команды Рыжков. — Внешние атрибуты власти всегда радовали Горбачева...

Он любил быть первым и умел им быть. Телевидение впоследствии многократно и подробно показывало всем и каждому эту его черту характера.

В последнее время опубликовано достаточно много свидетельств закулисной работы по подготовке замены Черненко, угасавшего на глазах. Кроме осмеянных поползновений Гришина, неожиданно начали возникать детали, уже не косвенно, а прямо подтверждающие участие Горбачева в подготовке к решающей схватке за власть.

Однажды Рыжков, по его словам, не выдержал и поделился с Горбачевым своим тайным желанием — уйти со Старой площади снова на производство.

— Ни в коем случае не торопись, — сказал он Рыжкову доверительно, будто знал нечто такое, о чем Рыжков и не подозревал. — Найдем способы продолжить нашу работу. Кто ею займется, если не ты?

Николаю Ивановичу показалось, что Горбачев предчувствовал третьи похороны. Позже станет ясно, что это было не предчувствие, а достоверное знание, основанное на информации о состоянии здоровья Черненко. Эту информацию регулярно поставлял главный кремлевский врач Чазов. В силу сложившейся традиции здоровье генсека считалось государственной тайной особой важности, и, благодаря Чазову, Горбачев был единственным человеком в руководстве, посвященным в эту тайну, что, безусловно, давало большие возможности для маневров по сравнению с другими соперниками.

И когда Лигачев на XIX партконференции в июне 1988 года назвал те мартовские дни тревожными, что могли быть абсолютно другие решения, он был прав. И не зря он сказал, что «единственно правильное решение» было принято благодаря не только твердой позиции, занятой членами Политбюро Чебриковым, Соломенцевым и Громыко, но и большой группы

секретарей обкомов, считавших, что второго Черненко партии не пережить. Победа Горбачева стала во многом возможной благодаря поддержке Лигачева, который, исходя из ленинского постулата о том, что промедление смерти подобно, немедленно приступил к срочному вызову членов ЦК в Москву и их соответствующей обработке.

Многие из них вылетели в столицу в ту же ночь. В аэропортах их встречали люди Лигачева, по дороге в гостиницы проясняли обстановку. Потом с каждым из них Егор Кузьмич беседовал лично. Оперативность потрясающая: от последнего вздоха Черненко до единогласного избрания Горбачева на пленуме прошел всего 21 час. И это — с учетом огромных расстояний, которые пришлось преодолеть периферийным лидерам. Не обошлось, разумеется, и без привлечения военных самолетов.

И куда подевалась решительность в 1991 году?

Сторонники и соперники

Как назвать то, что произошло в марте 1985 года, — революцией, которую ждали и с ликованием восприняли люди, или очередным дворцовым переворотом?

Ответ на этот непростой ответ могут дать откровения бывшего президента Франции Жискара д'Эстена:

— В разговоре наедине Герек сказал мне по секрету следующее. Хотя Брежнев еще достаточно здоров, но уже начинает подыскивать себе замену, что совершенно естественно. Думаю, вам полезно будет знать, кого он наметил. Разумеется, это должно остаться между нами. Речь идет о Григории Романове. Он еще молод, но Брежнев считал, что Романов успеет набраться опыта и что он самый способный человек.

Прочитав эти строки, многие недоверчиво улыбнутся: как же, о Романове мы наслышаны. Одна свадьба дочери с посудой из Эрмитажа чего стоила. Наберитесь терпения, послушайте мнение непредвзятого свидетеля:

— Эта информация воскресила в моей душе одно воспоминание — мой визит в Москву в июле 1973 года. Глава советской делегации Кирилин организовал в нашу честь традиционный завтрак, на который был приглашен ряд высоких советских руководителей. Один из них поразил меня своим отличием от остальных, какой-то непринужденностью, явной остротой ума. Он выделялся на общем сером фоне. Я спросил, кто это такой и, вернувшись в посольство, записал: Григорий Романов.

А дальше экс-президент Франции сообщил нечто вообще из ряда вон выходящее:

— Когда на смену Брежневу пришел Андропов, я понял, что в системе произошел какой-то сбой и к власти пришел не тот, кто намечался. А когда четыре года спустя Михаил Горбачев, придя к власти, положил конец и так уже ограниченным функциям Романова, я сказал себе, что его поступок объясняется желанием устранить одного из тех, кто мог стать его потенциальным соперником в сложном и рискованном по своим результатам процессе модернизации Советского Союза.

Деликатный француз прямо не называет ни особенностей характера советского лидера, ни способов, которыми он устранял соперников. Жискар д'Эстен поведал лишь о своей беседе с шахом Ирана, который задумал нечто подобное горбачевской перестройке — превратить Иран в третью мировую военную державу. Французский президент сказал тогда иранскому коллеге, что его страна не готова еще для подобного рывка, что она аграрна и бедна, и если он

попытается подтолкнуть этот процесс, то невольно подготовит революцию. «Но у меня нет времени, — воскликнул шах, — модернизация Ирана моя задача, и я исполнен решимости ее осуществить».

Параллель с Горбачевым угадывается легко, не так ли? У него тоже не хватало времени, он гнал и гнал лошадей. Знаете, что сказал д'Эстен шаху Ирана? Что эволюцию нации невозможно подчинить личному графику. Однако шах умного совета не послушался, а чем закончилась его попытка модернизировать Иран, хорошо известно.

Горбачев тоже стремился подогнать историю под свою биографию, поэтому его попытка в одночасье модернизировать такую гигантскую машину, как наша страна, закончилась гигантской катастрофой — гибелью государственности. Впрочем, это уже другая тема.

Кто же был тот таинственный альтернативный кандидат, факт существования которого подтвердил Горбачев на XIX партконференции, поддержав выступление Лигачева о тревожных мартовских днях 1985 года?

Романов? Он отвечал в ЦК за оборонно-промышленный комплекс, до того тринадцать лет был партийным заместителем в Ленинграде. Романова представляют сторонником неосталинизма и имперства. Всем своим поведением он демонстрировал эффективность, оправданность и необходимость командно-административных методов руководства. Горбачев на восемь лет был моложе своего соперника, и в силу этого многое воспринимал по-иному, хотя и мечтал о реформах, но о весьма скромных, экономических, частично памятных ему с бурных хрущевских времен. На большее он не замахивался. Резкость и даже жесткость Романова острее выглядела на фоне уклончивости и покладистости Горбачева.

Карьера давалась Романову тяжкими трудами, и баловень судьбы Горбачев, легко сходившийся с людьми, обладавший умением столь же легко вести любой диалог на любую тему, вызывал естественную неприязнь. С другой стороны, можно себе представить, какие чувства овладевали приземистым, плотным, эдаким симпатичным колобком-провинциалом, прожившим двадцать лет в пыльном Ставрополе с единственной асфальтированной улицей, без канализационной системы, когда он ловил на себе насмешливые взгляды соперника, тринадцать лет властвовавшего над городом старинных дворцов, центром русской культуры и науки. Раздражение было обоюдным.

Гришин? Горбачев, как и все провинциальные секретари, недолюбливал руководителя Московской парторганизации, работавшего, как они полагали, в привилегированных условиях, привыкшего получать все, что захочет, реальной жизни за пределами кольцевой автодороги не знавшего. Оскомину набило постоянное — в течение пятнадцати лет! — восхваление МГК, который всегда ставили в пример провинции. Горбачев не мог не насторожиться из-за возросшей активности Гришина, о чем свидетельствовали и знаменитые телекадры с полумертвым Черненко, возле которого парил самоуверенный московский партсекретарь. Очевидцы утверждают, что Горбачев тогда сильно нервничал — ведь Гришин был хозяином Москвы. Поговаривали, что он имел чуть ли не готовый список нового Политбюро и нового распределения ролей.

Кто был в действительности альтернативным кандидатом, остается тайной. Ни один из «бывших» не приоткрыл даже ее краешка. Догадки можно лишь строить по дальнейшей судьбе тогдашних партийных патриархов. Те, кто получил повышение, правда,

недолговременное — Громыко, Чебриков, Соломенцев — естественно, были сторонниками Горбачева. Ну, а двое из стариков, временно оставшихся в составе Политбюро, подверглись такому остракизму, что сомнений в подоплеке травли не оставалось.

Правильно, эти двое — Гришин и Романов. Только теперь становится ясно, что та кампания была отголоском борьбы за верховенство в ЦК. Не подтвердилась усиленно муссировавшаяся история со свадьбой дочери Романова, где гости якобы пили и ели из царской посуды, доставленной из запасников Эрмитажа. Ложными оказались и слухи об алчности и коррумпированности Гришина — после смерти, настигшей его на стуле в очереди в райсобесе, у него не обнаружили ни сберкнижек, ни дачи, ни машины, ни иных ценностей. Более того, сегодня все громче говорят о подозрительной поспешности, с которой раскручивалось знаменитое торговое дело, ищут скрытую подоплеку невероятно быстрого приведения в исполнение смертного приговора директору «елисеевского» магазина. Строят догадки, кому было выгодно представить Москву и городское руководство рассадником преступности.

И еще один каверзный вопрос не дает покоя любознательным гражданам: почему Горбачев до самой смерти Черненко не получил вожделенного решения Политбюро о том, что в отсутствие генсека он ведет заседания высшего органа партии? Да, по вторникам Горбачев постоянно и по-хозяйски вел заседания Секретариата, но официального мандата на это не имел. Аналогичные решения принимались об Андропове — во времена Брежнева, о Черненко — во времена Андропова. Традиция прервалась на Горбачеве. Хотя проект постановления был подготовлен и даже вынесен на Политбюро, но старая гвардия воспротивилась. Получается, что обязанности второго секретаря ЦК он

исполнял как бы нелегитимно, де-факто, но не де-юре? Неужели старые ленинцы не доверяли ему, нутром чувствуя чужака? Или все проще: держали круговую оборону против молодого выскочки, стремясь продлить свое пребывание на кремлевском Олимпе?

Одиннадцатого марта 1985 года в 17.00 открылся Пленум ЦК КПСС. По предложению Политбюро, от имени которого выступил неутомимый Громыко, генсеком было рекомендовано избрать Горбачева.

Проголосовали единогласно, без обсуждения, и великая держава получила то, что она получила.

Глава 20

«ШУТКИ МИШУТКИ» И «ЕГОРКИНЫ УДАРЫ»

В чудный майский день 1985 года из Кремля поступила строгая «указивка»: отныне никакой алкоголь не должен попадать в народный желудок. Даже безобидное пиво.

Водка пробыла вне закона недолго — каких-то пару лет. Вскоре все вернулось на круги своя. Вынужденное воздержание с лихвой перекрыто в последующие годы.

Остались недоуменные вопросы: почему Кремль пошел на попятную? Что повлияло на отмену антиалкогольного законодательства? В чем причины провала и этой горбачевской затеи?

Кто «завязал»

Нет страшнее праведника, чем раскаявшийся грешник.

Крепко выражаясь по адресу крестных отцов антиалкогольной кампании, страна, в которой

непьющими числилось всего пять процентов населения, строила всевозможные догадки:

— Не иначе из завязавших. Чтобы так пьянство ненавидеть, это как же надо познать его изнутри!..

— Да уж, если так рьяно за дело взялись, бочку свою они выпили. Теперь вот сами не могут и людям не дают.

В народном сознании авторство «сухого» законодательства прочно связано с именами главного архитектора перестройки Горбачева и его первого прораба Лигачева. Что и нашло воплощение в замечательных образцах городского фольклора уже в первые летние месяцы 1985 года. Здравницы сокам и молочным коктейлям, массовое закрытие вожделенных винно-водочных отделов сразу же были окрещены «шутками Мишутки». А действия Лигачева по жесткому контролю за прекращением производства спиртного нарекли «Егоркиными ударами» — по аналогии со знаменитыми сталинскими в годы войны. Только в ином, гротескном виде. Народ ведь тоже понимает, что от великого до смешного — один шаг.

От тех времен остался анекдот, который любил рассказывать Горбачев на встречах, прогревавших его политические моторы перед президентскими выборами 1996 года:

— Приехал мужик за водкой, а там очередь. Час стоял, два стоял — не вмоготу стало. Обругал Горбачева последними словами и вызвался его «порешить». Однако очень скоро вернулся: оказалось, что там очередь еще длиннее.

Понять Михаила Сергеевича можно: по прошествии времени очень хочется оставаться в центре исторических событий. Увы, не он был инициатором всей кампании. И не Лигачев был разработчиком антиалкогольных документов и указов, как это принято считать. Неужели не они первыми подняли витаминизированные тосты в честь новой,

безалкогольной политики партии? Почему же тогда нового генерального секретаря нарекли «минеральным» секретарем?

Подоплека кампании такова.

Еще в мае 1982 года Андропов обратился к Брежневу и другим членам Политбюро ЦК КПСС с запиской, в которой ставил вопрос о необходимости скорейшего принятия постановления по усилению борьбы против пьянства.

Потребление алкоголя в стране приняло катастрофические размеры, докладывал Кремлю председатель КГБ, обладавший достоверной информацией о всех сторонах жизни советского общества. Страна медленно, но неуклонно спивалась. На душу населения приходилось столько алкоголя, что далеко позади остались все зарубежные и русские дореволюционные статистические выкладки.

Политбюро разделило тревогу главы национальной безопасности. Была создана комиссия, которую возглавил тогдашний председатель Комитета партийного контроля Арвид Пельше. Уже к осени 1982 года она представила в Политбюро свои соображения. Работу провели колоссальную. Не хочу, чтобы меня заподозрили в идеализации застойных времен, но истины ради должен сказать: красной нитью через этот документ проходила мысль (нет, вы не поверите!) о том, что административные меры и всяческие ограничения нимало не искореняют в народе злоупотребление спиртными напитками.

Это невероятно, но в записке, приложенной комиссией Пельше к проекту постановления, утверждалось: притеснение пьющих в питейном вопросе — есть источник того же самого, то есть пьянства!

Умнейших людей привлек Арвид Янович к изучению вечной проблемы, на рискованном поприще которой кто

только не разбивал себе лоб — от патриарха Никона до верного ленинца, дорогого товарища Леонида Ильича. Глава Русской православной церкви в 1652 году настоял на ограничительных мерах: кабатчикам приказали отпускать каждому посетителю только по одной чарке и не более, запрещалось продавать вино в воскресенье, среду, пятницу и во время постов, а в остальные, разрешенные, дни только после обедни и до вечерни. Этот запрет был, увы, недолговечным. Слишком силен оказался зеленый змей и в 1972 году, когда Брежнев тоже попытался повести решительную борьбу с пьянством, сокращая количество значных мест и время их работы.

Прежняя практика, по мнению умных людей из команды Пельше, никуда не годилась, поскольку она состояла в преследовании людей, подверженных тяжелому пороку, которых запретительные меры как раз и провоцировали на поиск дьявольского зелья любыми путями. Это становилось смыслом, целью существования. Запретительство — страшный бич. Наивно полагать, будто стоит только распорядиться, и все немедленно протрезвеют.

Что же делать? Как остановить страшное бедствие? Из печального опыта предыдущих кампаний было ясно — это работа не одного года и даже не пяти лет. Слишком свежи в памяти были горькие просчеты провалившейся антиалкогольной кампании 1972 года, чтобы снова делать основной упор на запретительные меры. Проект, подготовленный командой Пельше, отличался гибкостью и комплексностью. В качестве первоочередных мер предлагалось увеличение производства сухих вин, пива, расширение сети кафе, рюмочных и других распивочных мест.

Проекту Пельше не повезло. Принятию документа помешала кончина Брежнева. А потом умер и Арвид Янович. Пост руководителя подготовительной комиссии

по антиалкогольному законодательству перешел по наследству к новому председателю КПК — М. С. Соломенцеву. Генсеком стал Андропов. Учитывая курс нового лидера на укрепление дисциплины и порядка в стране, Соломенцев высказался за более жесткие меры по искоренению пьянства. Либеральный вариант Пельше начал претерпевать существенные изменения. Но тут умирает Андропов, у руля государства становится Черненко. Частая сменяемость генсеков и председателей подготовительной комиссии была причиной того, что принятие «сухого» указа состоялось лишь в мае 1985 года.

Не извлекайте прибыль из пороков, товарищ Рыжков!

Ходили слухи, что на заседании Политбюро, обсуждавшем антиалкогольное законодательство, против выступил Э. А. Шеварднадзе.

Действительно, грузинский лидер попытался было возразить против той части документа, где говорилось о привлечении к серьезной ответственности за изготовление чачи и самогона.

— Грузинский крестьянин не поймет нас, — сказал Эдуард Амвросиевич. — Никогда ни одна власть за всю историю существования Грузии не запрещала чачи из отходов винограда.

Лигачев не пропустил мимо ушей и это робкое замечание:

— В таком случае и белорусам надо разрешить гнать самогон из их бульбы. И все наши меры останутся на бумаге.

Егор Кузьмич стал вторым человеком в партии, когда подготовка антиалкогольных документов близилась к завершению. Прямого участия в их разработке он не принимал, но с лихвой компенсировал

этот пробел своим поведением на Политбюро. Он отстаивал буквально каждый пункт, требуя самых жестких мер. Попытки некоторых здравомыслящих участников обсуждения ослабить командно-административную направленность за счет расширения других аспектов проблемы наталкивались на упреки в консерватизме и непонимании важности момента. Заполучить ярлык ретрограда — что могло быть более опасным при сменившемся генсеке, неустанно призывавшем к новому мышлению?

И все же нашелся человек, не побоявшийся прослыть белой вороной. Если Шеварднадзе осмелился покритиковать частность, касавшуюся только его республики, то Рыжков, один из самых молодых членов Политбюро, включенный в высший партийный ареопаг месяц назад без предварительного кандидатства, сразил присутствовавших, заявив, что у него волосы дыбом встали от удивления и ужаса.

— Путь, предложенный товарищами Лигачевым и Соломенцевым, считаю тупиковым, — твердо произнес Рыжков. — Страну прямиком ведут к принятию «сухого» закона, который, как известно из новейшей истории, никогда и нигде ни к чему толковому не привел. Следует ожидать резкого увеличения самогонварения, поскольку сахар дешев и есть, а значит, рано или поздно придется ввести талоны на сахар, потому что его не станет... К тому же в нашей стране любая кампания превращается в фарс ретивыми исполнителями, и мы придем даже к тому, что они, эти ретивые, начнут не только производство водки сворачивать, но и виноградники вырубать...

Резкий тон обычно спокойного, выдержанного секретаря ЦК, ведавшего вопросами экономики, заставил некоторых престарелых членов Политбюро оцепенеть от неожиданности. В зале повисла гнетущая тишина.

— Я не могу согласиться с предлагаемыми мерами, — продолжал Рыжков. — Они драконовские. Главная линия постановления — принудительное сокращение производства любых, я подчеркиваю, любых алкогольных напитков. Даже невинное и невредное пиво в список попало. Более того, точно расписано по годам пятилетки, когда сколько алкогольных напитков производить и когда все производство свести до бескрайнего минимума. Можно представить, что скажет народ, прочитав в печати эти расчеты.

— Их можно не публиковать, — подал голос побледневший Соломенцев.

Что, кстати, и было сделано. Пункт, в котором расписывалось сокращение производства алкоголя по годам, был признан секретным и в опубликованный в мае документ не вошел. Сегодня можно назвать те цифры: если в 1985 году намечалось произвести 280 миллионов декалитров водки и ликеро-водочных изделий, то на 1986 год планировалось всего 146 миллионов, производство вина виноградного сокращалось с 401 до 140 миллионов декалитров, пива — с 718 до 488 миллионов декалитров.

— Ну вот, товарищи, перед нами типичный образец ведомственного мышления, — решительно пошел в атаку Лигачев. — Николай Иванович отражает точку зрения экономических органов. Они не осознают ситуацию, не понимают, что нравственную атмосферу в стране надо спасать любыми методами. Управленцы-хозяйственники пекутся об экономике, а не о морали.

Горбачев внимательно слушал. Лигачев оседлал его любимого конька — «нравственную атмосферу», и генсек, кажется, склонялся к тому, чтобы поддержать Егора Кузьмича с Соломенцевым. Однако новый аргумент, приведенный Рыжковым, заставил качнуться в его сторону маятник генсековского расположения.

— Нельзя не учитывать и того, что из-за резкого сокращения выпуска спиртного казна недополучит ощутимую сумму. Мы сами вызовем, притом искусственно, очаги социальной напряженности.

Заговорили о цене «пьяных» денег. Непорядок, конечно, но что поделать, если на Руси еще со времен Ивана Грозного они были весьма весомым источником пополнения государственной казны. Советская власть тут ничего нового не изобрела — придерживалась традиции, заведенной прадедами.

— Безнравственно извлекать прибыль из человеческих пороков, — упрямо стоял на своем Лигачев. — Особенно нашему, социалистическому государству, которое добивает эти несчастные жизни. Мы перекрыли все мировые рекорды алкоголизации населения...

Чего не отнимешь у Егора Кузьмича, так это умения выражать свои мысли эмоционально, взволнованно, метафорически. Одним словом — идеолог! Суховато-приземленный стиль экономиста Рыжкова и орговика Капитонова, тоже неожиданно раскритиковавшего проект антиалкогольных документов, поблекли на фоне ярких монологов сибирского трезвенника.

— Среднемировой уровень потребления алкоголя — пять литров в год на человека, — сокрушал своих оппонентов Лигачев. — В дореволюционной России на душу населения приходилось 4,7 литра. Сейчас с учетом кустарного хмеля — от 17 до 20 литров. В 20 регионах страны — от 25 до 31 литра, в 30 регионах — от 20 до 25 литров. Научно доказано, что при душевом потреблении, равном 25 литрам, наступает самоуничтожение нации.

И вновь маятник генсековского расположения качнулся. На этот раз окончательно в сторону Лигачева и Соломенцева:

— Постановление принимается в предложенном виде. Доводы Николая Ивановича при всей их серьезности отражают ведомственные интересы. Никонов тоже вроде возражает, и мы знаем почему: беспокоится за судьбу сельхозугодий под винопродукты. Воротников, Капитонов — их тревога тоже понятна, имеет свою мотивацию. Но мы, товарищи, затеваем великое дело общенародной, общегосударственной важности. Уверен, люди нас поддержат. Они ждут от нас поступков, а не разговоров. Полумерами здесь не обойтись. И начинать надо с центрального аппарата, покончить с пьяным ритуалом приема гостей из Москвы на местах. Борьба с пьянством не должна быть трибунным водолейством, канцелярскими забавами, как многие кампании, проводимые партией в застойные годы!

Самое идиотское для России начинание

Вдоволь наиздевавшись над антиалкогольной кампанией и ее отцами-основателями, обозвав эту затею самым идиотским для России начинанием (да у нас никто не знает, отчего Пушкин умер, а как очищается политура, всякий знает, — смеясь, наперебой цитировали Веничку Ерофеева), нынешние властители умов, воспевая обилие емкостей причудливых форм на каждом углу, не устают повторять, что трезвость — это глупость, придуманная святошами, что алкоголь, кроме пользы, ничего принести не может.

— Во Франции много лет вино доступнее и дешевле минеральной воды, но что-то не доносится до нас сведений о деградации французского народа и самоуничтожении французской нации, — говорил один известный союзный парламентарий, подвергая в 1990

году жесточайшей критике Горбачева и Лигачева за «сухой» указ 1985 года.

Выходит, оба Михаила Сергеевича (генсек и Соломенцев) вкупе с Егором Кузьмичем занимались пустым и общественно вредным делом, лишая русского человека удовольствия, столь распространенного на Западе?

Ох уж эти скоропалительные выводы, сделанные во время кратковременных поездок по Парижам! Между тем, французские медики бьют тревогу: нация, по их мнению, под угрозой вырождения. Они уверяют, что в благословенной Франции, которая пришлась по душе нашему депутату-туристу, из каждых десяти рождающихся детей только один ребенок здоров. Остальные девяттеро — «виноградные дети». Термин-то какой! Не от трезвой жизни в Париже создан и финансируется за счет государства Высший комитет научных исследований и информации по алкоголизму.

И столь любезная нашему парламентариию Франция не исключение. Все развитые цивилизованные страны понастроили за чем-то массу трезвеннических организаций, финансируемых из государственной казны. В США, где по официальной статистике более 14 миллионов алкоголиков, это центр алкогольных знаний и национальный институт алкоголя и алкоголизма, в чопорной Великобритании — институт изучения алкоголя, в маленькой Швеции с ее привлекательным социализмом — международный институт антиалкогольной политики, в Финляндии, которую ставят в пример всеобщего благоденствия, достигнутого потому, что она отделилась от России и не пошла по пути строительства социализма, — институт социальных исследований проблем алкоголизма.

То есть алкоголизация населения угрожает и американцам, и англичанам, и французам, и финнам, и прочим разным шведам. Государства всего мира

признают, что алкоголизм, пьянство наносят колоссальный ущерб экономике, нравственности, и потому имеют долговременные программы отрезвления населения, утверждения здорового образа жизни. Стало быть, борются с бедой, от которой страдают сограждане.

И конечная цель этой борьбы в том, чтобы выбор пить или не пить определялся исключительно волей самого человека и никем больше. У нас же верховные головы исходили из того, что борьба с пьянством — это борьба со спиртным, конечная цель которой сведение хмеля на нет, поскольку русский человек будет пить до тех пор, пока на прилавках будет стоять хоть одна бутылка. Кончится водка — кончится и пагубная страсть.

— Мне казалось, что каждый нормальный человек может прожить без регулярного, частого принятия спиртного, — признавался после Лигачев.

«Мне казалось...». Вот вам альфа и омега мотивации государственных решений. Глубочайшая проработка вопроса, учет мировой практики и возможных последствий, законов матушки-природы наконец, — все подменялось непрерывным солированием, амбициозностью, непререкаемостью собственного мнения очередного верного ленинца, по стечению обстоятельств попадавшего в Кремль.

Надо отдать должное Егору Кузьмичу, нашедшему в себе мужество сказать трудные для него слова:

— Нам показалось, что с алкоголизмом можно было справиться. Лозунг «За полную трезвость!» я считаю явной своей ошибкой. Это было забегание вперед.

Ладно, Лигачев — сибиряк, там толку в легких винах народ не знает, предпочитает напитки покрепче, хотя Егор Кузьмич неоднократно заявлял, что он ценитель такого хорошего грузинского вина, как «Киндзмараули» и «Хванчкара». Но Горбачев, Горбачев! Трудно

представить, как мог он спокойно взирать на то, что делалось в стране. На его родном Кавказе, в Крыму, в Молдавии вырубали почти всю виноградную лозу — ту самую, что десятилетиями бережно выводили. В войну, когда оставляли Крым, особо драгоценные сорта виноградной лозы вывозили на подводных лодках, чтобы врагу не достались. А в восемьдесят пятом сами выкорчевывали, уничтожали.

В Кумской долине, где сосредоточено две трети виноградарских хозяйств Ставрополя, под плуг попал каждый пятый гектар виноградников. На металлолом порезали полтора десятка дорогих линий по разливу вин, разрушили шикарные дубовые емкости, в которых хранилось по две тысячи ведер винного материала. Но самое тяжелое последствие — потеря кадров, династий, аккумулировавших опыт столетий. В Грузии и Армении начальники заставляли крестьян выливать в землю вина из больших деревянных чанов и, чтобы больше не занимались виноделием, собственноручно заливали в древние емкости, оставшиеся от дедов, керосин.

О разрушительных последствиях антиалкогольной вакханалии писано-переписано. Неужели борьба с пьянством в России — заведомо проигрышное дело, изначально обреченное на провал? Возможны ли здесь перемены без специальных акций государства?

На Западе, где издревле алкоголь принимают на сытый желудок, что ослабляет воздействие хмеля на разум, определенная доля от «пьяных» денег направляется на отрезвление — антиалкогольную пропаганду, создание условий для лечения и реабилитации, утверждение здорового образа жизни. Развитые цивилизованные государства жестко контролируют поступление и расходование этой части средств, поддерживают и стимулируют деятельность разного рода благотворительных организаций и обществ, помогающих блюсти трезвость.

У нас же, где сложился поведенческий стереотип, ставящий питье на первое место, а закуску на второе, где в генах сидит символическое «занюхивание» корочкой хлеба, а то и рукавом, в силу чего последствия виновкушения несоизмеримы с западными, вмешательство государства в спаивание народа объявляется крайним идиотизмом, а сама антиалкогольная кампания — откровенно дегенеративной.

Критики «шутки Мишутки» и «Егоркиных ударов» зрят в корень. По их мнению, питейной политики как таковой, взятой изолированно, вне связи с большой политикой, существовать не может. Драконовские меры 1985–1987 годов потерпели крах по той причине, что не учитывали менталитет русского человека. Какой смысл в трезвой жизни, если сама жизнь в России не имеет смысла. Пьют от безысходности, причиняемой властями. Ни один народ в мире не зависит так от своих правителей, как русский. И все экспериментируют: князья, цари, императоры, генсеки, президенты, парламенты, премьеры. Каждый, въехав из Мухобойска в Кремль, считает своим долгом сломать прежнюю жизнь и объявить новую. Отсюда у людей никакой уверенности в завтрашнем дне, постоянное ожидание неприятностей, сумы да тюрьмы. За последние триста-четыре года ни одно поколение не жило спокойно, через каждое прокатывался безжалостный, чудовищный силы каток, приводимый в движение со сменой власти.

Приводят высказывание английского дипломата Дж. Флетчера, побывавшего в России во времена Бориса Годунова: «Чрезвычайные притеснения, которым подвергаются бедные простолюдины, лишают их вообще бодрости заняться своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни.

Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие трудности) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания».

Во все времена россиянин не ждал ничего хорошего от Кремля. Власть постоянно корежила, ломала его жизнь, отбирала нажитое. Большевики вроде дали крестьянам землю, сказали — обогащайтесь, а потом самых трудолюбивых — в ГУЛАГ. Коллективизация, индустриализация, мобилизация, либерализация, ваучеризация, приватизация... Что ни новая верховная голова в Кремле — то новый разор, новые страдания для людей. Никогда смена власти не проходила безболезненно. Потому и пьют, просаживая последнее — все равно отберут. Под каким-либо предлогом. От государственного займа до борьбы с нетрудовыми доходами.

Пьянство станет презренным делом — реально, а не в административных распоряжениях или занудных проповедях — только в одном-единственном случае. А именно: когда власти перестанут относиться к своим гражданам как к подопытным кроликам. Когда люди почувствуют себя свободными членами гражданского общества.

Итак, значительная часть критиков антиалкогольной кампании 1985–1987 годов считает, что тогдашнее руководство страны должно было сначала взяться за политические и экономические реформы. Горбачев же самозабвенно вступил в борьбу не с причинами пьянства, а со следствиями. И натолкнулся на такое сопротивление, которого не ожидал. Как сказал по этому поводу один профессор, трехсотлетнее питание без закуски стало выражением особого российского самосознания и самопонимания, покончить с которым раз и навсегда мог пообещать разве что неумный фантазер. Жаль, что он так и не

понял: люди пьют не от того, что водки много, а от того, что жизнь такая.

Соломенцев, ты свою бочку выпил!

Откат начался уже в 1987 году.

Хотя еще в августе 1985 года Лигачеву была направлена записка о негативных последствиях командно-административного наскока на пьянство. Однако Егор Кузьмич пребывал в эйфории от сладостных его слуху докладов о «зонах трезвости», безалкогольных свадьбах, перепрофилированных на выпуск соков спиртзаводах и прочих не менее славных показушных делах изворотливого чиновного люда. Записка о фантастическом росте самогонварения, о выпитых тоннах лосьонов и одеколонов, об исчезновении из продажи гуталина, который разбавляли водой и употребляли стаканами, не тронула сердце приверженца народной трезвости. Со Старой площади в течение двух лет раздавались грозные приказы: исключать из партии, выгонять с работы, строго наказывать за распитие спиртных напитков. Шла настоящая охота на умеренно и неумеренно выпивающих.

— С особой энергией и, я бы сказал, остервенением, — вспоминает бывший член Политбюро В. А. Медведев, — вели эту линию Секретариат и КПК при ЦК КПСС под руководством Лигачева и Соломенцева. Неоднократно обсуждая эти вопросы на своих заседаниях, устраивали суровые проборки руководителям областей и отраслей за недостаточно быстрое сокращение производства алкоголя. Я помню, что КПК наказал в партийном порядке и снял с работы одного из заместителей министра здравоохранения СССР за брошюру, написанную им еще до указа, в которой говорилось о культуре употребления алкоголя.

Нелестные воспоминания остались и у Н. И. Рыжкова:

— Лигачев с цековской вышки требовал от своих кадров — секретарей крайкомов, обкомов и республиканских ЦК — строжайших мер «по искоренению», а Соломенцев с вышки Комитета партийного контроля, который он возглавлял, карал непослушных. Секретари соревновались — кто больше магазинов закроем, кто быстрее заводы с производства вин на производство соков переориентирует. Останавливали запланированное строительство пивоваренных заводов, дорогостоящее импортное оборудование оставляли ржаветь на свалках. Сердце захватывало от горечи и бессилия что-либо исправить, остановить, остеречь...

Все ли плохо было в той печально памятной кампании? По мнению Лигачева, далеко не все:

— Имели место и положительные результаты. Резко сократилась преступность, увеличилась продолжительность жизни, снизилась детская смертность, повысилась рождаемость. Много было хороших и добрых писем от народа в адрес руководства страны, начавшего антиалкогольную кампанию. Особенно от женщин. Потому что, как говорят, сколько мужьями выпито водки, столько детьми и женами пролито слез...

Вадим Андреевич Медведев, только что употребивший довольно сильное выражение в отношении линии Секретариата под руководством Лигачева, заметил, что кампания по борьбе с пьянством была не во всем ошибочной:

— Достаточно указать на то, что резко сократилось пьянство на работе, производственный и транспортный травматизм, было покончено с пьяным ритуалом приема гостей на местах. Я помню, как облегченно вздохнули

все, когда поездки в командировки были избавлены от обязательных выпивок и подношений.

Вадим Андреевич — человек точного научного взгляда, осмысливающий проблему со всех сторон:

— Но методы борьбы с пьянством и алкоголизмом породили серьезнейшие негативные последствия, которые перечеркнули и то положительное, что могло бы быть достигнуто. Они никак не соответствовали духу перестройки, носили принудительный, нажимной характер, по формуле: цель оправдывает средства. Это стало предметом иронии и насмешек, вызвало серьезное социальное недовольство, не говоря уже об экономических последствиях: остановились пивоваренные заводы, пропало новое оборудование, закупленное для них на миллионы рублей, кое-где стали вырубаться виноградники, нанесен ущерб продовольственному комплексу. И сейчас еще эти потери не восполнены.

Специалисты считают, что последствия «шутки Мишутки» и «Егоркиных ударов» будут сказываться примерно до 2005 года. Таковы потери после двухлетней войны с пьянством. Многие из них вообще невозможны, в частности, сгубленные безвозвратно четверть миллиона гектаров замечательных виноградников, из которых делали самые тонкие вина — ркацителы, алиготе, саперави. Это капризные европейские сорта, с огромным трудом привитые у нас. Остались лишь грубые, неприхотливые.

Кто остановил антиалкогольную кампанию? Почему? И правильно ли сделал? Последний вопрос важен еще и потому, что раздаются голоса — а надо ли было так поспешно сдавать позиции, так позорно капитулировать перед зеленым змием? Егор Кузьмич, например, не может скрыть обиды:

— Вместо того чтобы как-то откорректировать эту работу, критически осмыслить, ее признали неверной и

снова начали латать дыры в госбюджете с помощью безудержного производства алкогольных напитков. По этой части перекрыты все прежние уровни... И сегодня мы имеем то, что имеем: пьянство процветает. Но если мы не хотим окончательно деградировать, нам придется вернуться к борьбе с зеленым змием. Кстати говоря, обществу не удастся справиться с преступностью, хотя бы остановить ее рост, и потому, что это сейчас не увязано с искоренением пьянства...

Почему так бесславно свернули антиалкогольную кампанию, наверное, многим ясно. Дефицит бюджета! Резко сократившийся приток «пьяных» денег поставил под угрозу нормальное функционирование экономики страны. За три года она недосчиталась чистых 67 миллиардов рублей — прежних, полновесных! Вот вам и прекраснотушные разглагольствования о спасении нравственной атмосферы — зарплату нечем было выдавать.

Бессмысленно и безнадежно мчаться к финишу, разрываясь на части, сразу по нескольким беговым дорожкам. А капитан команды требовал именно этого! В апреле 1985 года он поставил главную, приоритетную задачу — ускорение развития социально-экономической сферы. В мае — искоренение пьянства и алкоголизма. В июне — ускорение научно-технического прогресса. В августе приоритетным велено было считать развитие машиностроения. Через неделю — электроники, электротехники, биотехнологий. В сентябре из Западной Сибири приходит высочайшее повеление считать приоритетным комплексное развитие нефтяной и газовой промышленности этого региона. И это только за пять месяцев. А ведь были еще и 1986, и 1987 годы.

И на все нужны деньги, средства. А их нет. Машина экономики тяжела и неповоротлива, пока руль повернешь, колеса отваливаются.

— Михаил Сергеевич, товарищи члены Политбюро! — взывал молодой премьер Рыжков. — Надо же понимать невозможность исполнения всех своих обильных обещаний. Умоляю — оставьте на первое время, на пятилетку хотя бы два, ну три — но не больше — приоритетных направления. Нельзя же так. Отрезвление народа требует стабильной, нормальной экономики. Шараханьями все погубим. Вести одновременно все кампании невозможно.

Ответ был один: время требует поступков, а не разговоров.

Одним из первых, кто настоял на свертывании антиалкогольной кампании, народная молва называет Воротникова. Якобы в 1987 году он направил записку в Политбюро об ошибочности методов и средств, которыми пытались отучить людей пить. Его поддержал Рыжков. И на следующий, 1988 год удалось увеличить производство винно-водочной продукции. Но Лигачев с Соломенцевым и не думали сдаваться. После правительственного постановления об увеличении выпуска спиртного КПК привлек к ответственности большую группу руководителей — для острастки, чтобы другим неповадно было. Однако прежней напористости, остервенелости, о которой говорил Медведев, уже не было.

Свидетельств Воротникова по этому поводу нет. А вот экс-премьер поведал о подробностях заседания Политбюро газете «Чарка» (могли представить борцы за трезвость в 1985 году, что появится и такое издание?):

— Это было страшное Политбюро. Завелись подикому! Я сижу по одну сторону стола. Со мной Зайков, Воротников, Никонов, Горбачев. Егор и Соломенцев — напротив. И вот как-то получилось, что одна сторона бросилась на ту сторону. А та на нас бросилась. Я говорю: «Хватит! Я два года смотрел вам в зубы». Тогда Соломенцев подскакивает, а они с Егором вот так,

крепко вместе. Соломенцев подсакивает, что-то пытается сказать. Я говорю: «Знаешь что? А ты сиди и молчи. Ты свою бочку выпил».

Соломенцев, может, и выпил, Рыжкову виднее. Но знающие люди утверждали: верхи отнюдь не показывали пример трезвости. Для кого же тогда работали спеццехи объединения «Кристалл»? И в самый пик борьбы как выпускали в Москве «Посольскую» и чудные ликеры, так и продолжали выпускать. Как дарил знаменитый совхоз-завод «Солнечная долина», что в Крыму, радость своими чудесными винами, от 16-летней выдержки «Мадеры» до «Черного доктора», так и продолжал дарить. Вы, уважаемые читатели, пробовали эти вина? То-то. Небось, и не слышали даже.

— Подсакивает Никонов, Виктор, село: «А что вы орете, что орете! Бардак запустили! В стране все это провалилось с треском! Опозорились! Да надо... Надо немедленно кончать с этой...». Воротников поддерживает меня. Зайков — меня. Те двое: «Михаил Сергеевич, не принимай решения». Я говорю: «Михаил Сергеевич, хватит. Я вас и Политбюро пять раз просил, вы не хотели. Я вам официально: вы обязаны принять решение. Примете решение продолжать такие же фокусы — ставьте на голосование. Победите вы — будем продолжать. Нет — кончайте». И он, как увидел, что их остается человека три всего, заколебался, как всегда, и говорит: все, пусть сами решают, что угодно пусть делают... Я на второй день — как раз большой Совмин был — я сказал: хватит мучить народ. Мы со своим народом поступаем как с... подлецами. Поэтому с сегодняшнего дня кончается вся эта свистопляска. Давайте реальные цифры ставить и производить, как полагается...

И еще несколько слов Рыжкова о том заседании Политбюро, где Горбачев сказал — пусть Совмин решает...

— Вышли мы с Политбюро, никто не смотрит друг на друга. Мне-то легче: я спустился на второй этаж, и все. А им-то к машинам нужно идти. Они все идут, подальше друг от друга... Это было ужасно.

По привычке мы еще смеемся над антиалкогольной кампанией 1985–1987 годов, но то, что происходит сейчас, заставляет содрогнуться. Откат 1987 года был таким разрушительным, что еще неизвестно, что принесло больше вреда: свертывание антиалкогольной борьбы или ее накат, в адрес которого произнесено столько недобрых слов и даже проклятий.

Специалисты утверждают, что нынешний пьяный разгул — пороговый, что вот-вот придет конец терпению государства, и оно, наконец, приступит к формированию своей антиалкогольной политики. Тогда, может быть, мы узнаем и о загадках наиновейшего времени, в частности, подоплеку и даже, если повезет, авторов отмены государственной монополии на производство и продажу алкоголя и столь же полулегального ее восстановления.

Тем более что в 1996 году исполнилось сто лет с тех пор, как в России усилиями С. Ю. Витте была введена «монополюшка», устранившая из алкогольного бизнеса частный интерес. Считается, что у государства меньше резона спаивать свой народ, чем у частного виноторговца. Хотя Екатерине II приписывают высказывание в назидание будущим российским монархам о том, что пьяным народом управлять легче.

Глава 21

УЗБЕКСКО-КРЕМЛЕВСКОЕ ДЕЛО

Нет-нет да и всплывет вопрос: что с Гдляном и Ивановым? Куда девались два знаменитых следователя,

чьи имена неразделимо гревели на всю страну? За бурными событиями последних лет как-то совсем подзабылось, что против неутомимых борцов с коррупцией было возбуждено уголовное дело, а почти все их бывшие подследственные освобождены и реабилитированы.

Было ли в действительности узбекско-кремлевское дело или его разыграли в качестве козырной карты тогдашние политики — рвавшиеся к власти демократы и не отдававшие ее коммунисты?

Скандал во Дворце съездов

Приехавшие из глубинки делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции с любопытством посматривали на Лигачева. Егор Кузьмич держался спокойно и уверенно, как будто ничего не случилось и не в его адрес месяц назад прозвучали обвинения во взяточничестве.

Двадцатого мая 1988 года, выступая по ленинградскому телевидению, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Николай Иванов заявил, что в узбекском деле замелькали имена высокопоставленных лиц. Среди них была названа фамилия члена Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачева.

Программы ленинградского телевидения принимались в основном на северо-западе страны, поэтому о сенсационном обвинении основная масса населения узнала из опубликованного три дня спустя заявления Лигачева на имя Генерального прокурора СССР. Человек номер два в правящей партии назвал заявление злым вымыслом, бросающим на него тень подозрения в преступлении.

XIX Всесоюзная партконференция открылась 28 июня 1988 года в Кремлевском Дворце съездов. После

краткого выступления Горбачева и избрания руководящих органов Лигачев приступил к функциям председательствующего — уже на первом заседании. Это говорило о том, что позиции второго лица в партийном руководстве не пошатнулись.

И тем не менее без скандала не обошлось. Правда, разразился он на второй день и совсем с другой стороны.

29 июня на утреннем заседании председательствовал Л. Зайков. Делегаты заслушали и утвердили доклад мандатной комиссии. Первым в прениях выступил Калашников из Волгограда, за ним — первый секретарь правления Союза писателей Карпов. Когда председательствующий объявил, что сейчас выступит Попов, в зале никакого особого движения не произошло — чего можно ожидать от оратора, занимавшего пост первого секретаря крайкома партии на Алтае?

Слушали вполуха. Заурядность выступления сквозила во всем: в обилии цифр и названий местных организаций, бесконечном барахтанье среди статистических показателей, которые мало что говорили присутствующим в зале. И вдруг оратор резко сменил тему, перейдя от хозяйственной практики к анализу дискуссий, в которых, по его мнению, идут перекосы, нередко доходящие до абсурда и до прямой фальсификации, а то и оскорбления.

Наверное, о Егоре Кузьмиче речь, — догадался кое-кто в зале. Однако Ф. В. Попов имел в виду иное:

— Ну вот, скажем, всем известная статья, опубликованная в последнем номере «Огонька» — двадцать шестом. «Противостояние». Там прямо сказано, что среди делегатов есть взяточники. В докладе мандатной комиссии этого нет. А в «Огоньке» у товарища Коротича — есть. Так надо сказать здесь нам,

делегатам. Надо же иметь предел развязности в этом деле!

Зал заплодировал. Выступи Попов в первый день работы конференции, эффект мог быть не таким. А тут как нельзя кстати: только что заслушали доклад мандатной комиссии, и в нем действительно упоминаний о количестве взяточников в составе делегатов нет. А в огоньковской публикации Т. Гдляна и Н. Иванова утверждается, что есть.

Дождавшись конца выступления алтайского оратора, председательствующий объявил:

— Товарищи! В связи с тем, что сейчас товарищ Попов напомнил о статье, опубликованной в «Огоньке», есть предложение мандатной комиссии рассмотреть этот вопрос и доложить конференции. Никто не возражает? Нет.

Мандатная комиссия сразу же приступила к работе, и уже завтра, 30 июня, ее председатель Разумовский доложил делегатам:

— По сообщению Генерального прокурора СССР, Прокуратура СССР не принимала решений о привлечении к уголовной ответственности за взяточничество и другие преступления кого-либо из лиц, избранных делегатами конференции.

По залу пронесся вздох облегчения.

— Сведения, приведенные в статье «Противостояние», — продолжал Разумовский, — тем не менее нуждаются в специальной проверке. По мнению мандатной комиссии, это следует сделать Генеральному прокурору СССР и Комитету партийного контроля при ЦК КПСС. О результатах они должны доложить. Но для этого потребуется время, конечно. В рамках заседания мандатной комиссии этого не сделать, это должны быть проведены довольно глубокие исследования.

— Редакция факты публикует! — послышался голос в зале, судя по всему, защищавший позицию журнала.

— Конечно! Не с потолка же факты берутся, — зашумели делегаты.

— Надо дать слово редакции, чтобы объяснить в чем дело? — потребовал кто-то.

— Правильно! — поддержали в зале.

— Я так понял, что товарищу Коротичу надо предоставить слово, — спросил председательствовавший в тот день Щербицкий. — Есть товарищ Коротич?

— Есть, есть. Он же приглашенный, — подсказали из зала.

— Нет, он делегат, — поправил Щербицкий.

— Он делегат от Херсона, — уточнил молчавший Горбачев. — Надо подождать, когда с балкона спустится. Следующим ему дадим слово.

Приглашенный на трибуну Коротич пояснил, что в журнал обратились старшие следователи при Генеральном прокуроре СССР, так сказать, юридические генералы Гдлян и Иванов, которые ведут дело всей рашидовской мафии. Они сказали о том, что часть людей, проходящих по этим делам, против которых набралось большое количество показаний, никак не могут быть привлечены к суду, поскольку партийные органы высокого уровня не рассматривают предварительно вопрос о партийной ответственности проштрафившихся руководителей, и потому их дела в суд не передаются.

— Получается заколдованный круг, — разъяснил Коротич. — Люди, которые не привлечены к партийной ответственности, не могут быть осуждены. Не будучи осуждены, они не могут быть обвинены в чем-то. Я очень хотел бы, чтобы, так как и предлагается, КПК при ЦК КПСС и Генеральный прокурор СССР наконец дали оценку тому, о чем говорят следователи, и либо

наказали тех, о ком идет речь, либо наказали следователей и журналистов, позволивших себе поставить под подозрение невинных людей.

Последние слова главного редактора «Огонька» утонули в аплодисментах. Коротич поступил мудро: он не стал брать под защиту ни следователей-авторов, ни работников своей редакции. Пусть разберется правосудие!

— Есть ли делегаты среди подозреваемых? — прорываясь сквозь шум, спросили из зала.

— Четыре человека, — ответил Коротич. — Я не могу назвать имена, в данном случае не хотел бы. Существует презумпция невиновности. Судя по тому, что показывала и говорила прокуратура, эти люди виновны, но определить это я не могу.

Заседание конференции транслировалось по телевидению, и миллионы людей, затаив дыхание, видели, как Коротич передал Горбачеву документы с именами высокопоставленных взяточников.

Скандал был грандиозный!

Общественность между тем жаждала знать имена делегатов-мздоимцев. Ждать пришлось до 19 октября. Именно в тот день были сняты с занимаемых постов и арестованы работниками Прокуратуры СССР по обвинению во взяточничестве первый секретарь Бухарского обкома партии И. Джаббаров и первый секретарь Самаркандского обкома Н. Раджабов. Одновременно в Ташкенте были арестованы бывший первый секретарь ЦК компартии Узбекистана И. Усманходжаев и бывший Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР А. Салимов. Им предъявлены аналогичные обвинения — взяточничество.

Имена Гдляна и Иванова не сходили с уст публики. Следователям сопутствовала такая слава и популярность, что знаменитый наш театральный

деятель М. А. Ульянов официально заявил: Мегрэ им в подметки не годится. Восхищению российскими комиссарами Катаньи не было предела. Они стали не только народными депутатами СССР, но и подлинно народными любимцами. И вдруг...

Следствие ведут другие знатоки

Это было как гром среди ясного неба: следователей, в которых публика души не чаяла, отстранили от ведения громкого узбекского дела, прославившего их имена на весь мир. Не успела потрясенная публика прийти в себя от полученного известия, как 25 мая 1989 года грянуло новое: против Гдляна и Иванова их же прокуратура возбудила уголовное дело — по умышленным нарушениям законности.

Публика недоумевала. А как же знаменитые гдляновские миллионы, золото и иные драгоценности, изъятые у подсудимых во время обысков? Кучи этого добра, возвращенного государству выдающимися знатоками следствия, показывали по телевидению, фотоснимки печатали в газетах. Сколько разговоров было вокруг развернутой в 1988 году в здании Прокуратуры СССР выставки изъятых пачек денег и облигаций, ювелирных изделий. Зал, где демонстрировались найденные группой Гдляна и Иванова огромные ценности, был полон журналистов, представителей общественности. Все видели материализованные результаты узбекского дела.

О его неслыханных масштабах следователи, не скупясь, рассказывали в своих многочисленных интервью. Гдлян и Иванов изобличали высокопоставленных взяточников и тем были милы народу, ибо терпение простых людей, возмущенных фактами коррупции и мздоимства в верхних эшелонах власти, иссякло. За шесть лет работы в Узбекистане

следственная группа Гдляна и Иванова накопила столько, что люди начали всерьез беспокоиться за жизнь московских возмутителей среднеазиатской тиши да благодати. Сообщения в печати об обнаруживаемых на посадочных полосах, где должен был сесть самолет со следователями на борту, посторонних тяжелых предметах и даже туго натянутой проволоки, распалили воображение граждан. Москвичи и ленинградцы дружно записывались в группы общественной охраны Гдляна и Иванова, обеспечивали безопасность во время встреч с избирателями. Толпы ревели, радостно приветствуя своих кумиров, облаченных в бронежилеты.

До Гдляна ни один следователь в Советском Союзе не копал так глубоко и не замахивался так высоко. Арестованные руководители Узбекистана на допросах называли фамилии, от которых бросало в жар. Секретари ЦК и обкомов республики признавались, что давали взятки не только Лигачеву, но и Гришину, Романову, Соломенцеву, Капитонову и другим членам Политбюро. Имена работников рангом помельче тускнели на фоне недосягаемого кремлевского ареопага. Что там какой-то председатель Госкомсельхозтехники, если в протоколах допросов появилось имя самого генерального секретаря! Случай в советской юридической практике беспрецедентный.

Только потом, расследуя узбекское дело в части соблюдения законности Гдляном и Ивановым, следственная группа Прокуратуры СССР, по словам ее руководителя В. И. Илюхина, впоследствии председателя думского комитета по безопасности, узнает от арестованного бывшего председателя Бухарского облпотребсоюза Г. Мирзабаева, что Гдлян и Иванов требовали от него показаний на Горбачева, которому якобы Мирзабаев привозил «ценные подарки,

в том числе и каракулевыми шкурками на шубу Раисе Максимовне».

Илюхин обнаружил и другое свидетельство Мирзабаева, касающееся его сокамерника Погосяна: «Он плакал и сказал мне, что он не выдержал издевательств и дал показания на М. С. Горбачева. Погосяна потом перевели в другую камеру. Дней через 12 стало известно, что он якобы покончил жизнь самоубийством, а кто говорил, что убили сокамерники». По словам Илюхина, на Горбачева вымогали показания и у других арестованных.

И хотя имя генсека к моменту отстранения Гдляна от ведения следствия по узбекскому делу еще не фигурировало, во всяком случае, для широкой публики, остальных не менее громких имен членов Политбюро было вполне достаточно, чтобы восхититься гражданским мужеством и отчаянной личной смелостью непримиримого борца с коррупцией. И если группе Гдляна, работавшей в Узбекистане с 1983 года и изобличившей немало высокопоставленных взяточников, перекрыли кислород, запретив дальнейшее расследование, значит, она вышла на круги, близкие к верхам, и эти верхи не на шутку всполошились и отдали приказ остановить Гдляна. Именно так расценивало общественное мнение неожиданное прекращение деятельности своего кумира.

Что касается специалистов, то они терялись в догадках относительно подлинных мотивов столь странного решения. Многие понимали — оно родилось не в стенах Прокуратуры СССР. Хотя поводом для отстранения Гдляна и возбуждения на него уголовного дела стали заявления граждан о нарушении законности гдляновской группой. Да, в прокуратуру действительно поступали такие письма, притом в большом количестве. А разве по другим делам не пишут родственники и

друзья арестованных? Однако далеко не по каждому заявлению возбуждается дело для проверки на таком уровне. Правда, узбекское к числу рядовых не отнесешь.

«Раскручивание» дела Гдляна связывают с именем Горбачева, который якобы дал указание на сей счет. Это подтверждает и его помощник Георгий Шахназаров:

— На одном из загородных «сидений» в паузе Михаил Сергеевич рассказал нам, что прокуратура обнаружила вопиющие факты нарушения порядка следствия в так называемом узбекском деле. Зашел разговор о том, что этого нельзя оставлять без последствий. О каком правовом государстве можно мечтать, если допустим нарушение элементарных процессуальных норм! Согласившись с этим в принципе, я в то же время высказал мнение, что в данном случае нельзя не учитывать накаленную обстановку в обществе, всеобщее требование ужесточить борьбу с преступностью. В Гдляне люди видят Жеглова — Высоцкого, отважного сыщика, иной раз действующего не по закону. «Подумаешь, пригрозил или даже ударил, да с этой сволочью иначе и не следует обращаться, оттого она и наглеет, что слишком уж с ней церемонятся наши законники», — примерно так рассуждал в то время средний наш гражданин, полагаю, что немного изменилось и сейчас.

В этих условиях обвинить популярных следователей, не приводя, кстати, сверхубедительных фактов (никого ведь в конце концов пыткам не подвергали), — значит сделать их национальными героями и одновременно дать повод для разговоров, что-де партocrats «покрывают своих», в Москве переполошились, как бы их самих не взяли за жабры, вот и прячут концы в воду. Короче, со всех точек зрения результат будет прямо противоположный ожидаемому.

По словам Шахназарова, Горбачев, выслушав возражения, спросил:

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, грубо говоря, в это дело не ввязываться, — ответил опытный и осторожный помощник. — Кстати, если уж говорить о законности, политическим властям здесь вообще нечего делать. Надзор за следствием — забота прокуратуры. Вот пусть она и решает, что тут имело место — нарушение профессиональной этики или что похуже. Вдобавок, преследуя этого человека, власти окончательно его озлобят и наживут еще одного серьезного противника.

Однако Горбачев не согласился с доводами Шахназарова, ссылаясь на известные ему факты о том, что следовательская группа под руководством Гдляна творила в Узбекистане жуткие вещи. Был дан сигнал «раскрутить» дело Гдляна и Иванова.

В сложнейшее положение попало тогдашнее руководство Прокуратуры СССР. Еще на этапе формирования новой следственной группы возникли проблемы. Вызванные в Москву работники с мест, которым надлежало участвовать в проверках заявлений граждан, наотрез отказывались работать против Гдляна. Многие заявляли, что Генеральный прокурор Сухарев предвзято относится к народному любимцу и что они не желают восстанавливать против себя общественное мнение. Самых несговорчивых пришлось откомандировать назад.

С большим трудом удалось уговорить десятка полтора следователей, приехавших из глубинки и согласившихся, правда, не без колебаний, приступить к работе.

— Да не против Гдляна возбуждено дело! — объясняли в начальственных кабинетах Прокуратуры Союза, — а по фактам беззакония, сообщенным в заявлениях граждан. Смотрите, какая статистика: почти

по каждому второму делу после их рассмотрения суды выносят частные определения о серьезных недостатках, нарушениях и неполноте следствия. Лопаются многие обвинения, дела возвращаются на дополнительное расследование. Вот вам и хваленый Гдлян...

Подчинившиеся дисциплине следователи тяжело вздыхали, обреченно поглядывая на бодрящееся начальство. По узбекскому делу под стражей еще находилось 29 обвиняемых. Само дело составляло несколько сотен увесистых томов. И все это предстояло изучить, освоить в кратчайшие сроки, не приостанавливая сбора доказательств. Против кого все это направлено? Против человека, чье имя на устах миллионов, чей портрет рядом с портретом Ельцина над колышущимися колоннами митингующего Зеленограда.

Попытка руководителя следственной бригады Илюхина допросить Гдляна успехом не увенчалась. Тельман Хоренович проигнорировал телефонную просьбу о встрече. Что делают обычно в таких случаях? Обеспечивают явку принудительно. Однако Гдлян был народным депутатом СССР, и эта мера к нему была неприменима. Илюхину ничего не оставалось делать, как изучать документы, организовывать поездки людей, которых катастрофически не хватало, в Узбекистан. Правда, скоро численность бригады возросла почти до 40 человек.

Сегодня, по прошествии времени, обращает на себя внимание, что уголовное дело по фактам беззакония в отношении гдляновской группы было возбуждено как раз в тот день, когда в Москве открылся I Съезд народных депутатов СССР. Возможно, это случайное совпадение. А может, и нет, учитывая, что на съезде была создана комиссия по расследованию деятельности Гдляна и его команды в Узбекистане.

Между съездовской комиссией и следственной бригадой прокуратуры, занимавшимися одним и тем же делом, сразу начались трения. Ряд членов комиссии ставили вопрос о прекращении следствия до окончания парламентского разбирательства. Прокуратура, однако, в этом споре победила, настояв на продолжении следствия, что вызвало в среде демократически настроенных законодателей удивление — с чего бы это? Прокуратуре вроде выгодно было дожидаться заключения парламентской комиссии. А тут такая завидная настойчивость и целеустремленность в скорейшем завершении дела работника своего же ведомства.

В свою очередь, его представители объясняли, что руководствуются исключительно заботой о честном имени прокуратуры и торжестве справедливости. Если допущены ошибки, их надо как можно быстрее исправлять.

К началу 1990 года бригада Прокуратуры СССР пришла к выводу: гдлянская группа проводила расследование с грубым нарушением законности, в результате чего на скамье подсудимых оказались невинные. Некоторые из них были к тому времени осуждены и отбывали наказание в колониях.

За шесть лет работы в Узбекистане следственная группа Гдьяна задержала и вынесла постановления на арест почти 200 человек. 64 из них обвинялись во взяточничестве. Остальные — в основном за хранение ценностей, нажитых преступным путем.

Непосредственно Гдьян и Иванов направили в суды 15 уголовных дел, по которым был осужден 31 человек. Четыре дела суды вернули на дополнительное расследование. Повторно в суды эти дела уже не поступили. Два дела, направленных Гдьяном в суд, окончились оправданием арестованных — заместителя

министра внутренних дел Узбекистана Кахраманова и директора Каршинского горпромторга Гаипова.

Из 29 содержащихся под стражей к моменту отстранения Гдляна от ведения следствия осуждены будут лишь 14 человек. Остальных признают невиновными и полностью реабилитируют. Кроме них в отношении еще нескольких лиц, уже осужденных, приговоры будут отменены в кассационном и надзорном порядке. Таким образом, из числа арестованных за взяточничество полностью реабилитируют каждого второго! Что же касается лиц, незаконно задержанных с целью получения от них под принуждением показаний о хранении ценностей людей, арестованных за взятки, то ни одно уголовное дело в их отношении в суд направлено не будет.

Короче, из почти 200 задержанных и арестованных виновными признаны чуть более сорока!

Хроника дальнейших событий странна и чудна, впрочем, как и многое в нынешней матушке России.

Февраль 1990 года. Коллегия Прокуратуры СССР обсуждает вопрос об итогах проверки жалоб и заявлений в связи с деятельностью группы Гдляна в Узбекистане. Ни Гдлян, ни Иванов на коллегии не присутствуют, хотя их и приглашали. Здание блокировано пикетчиками с плакатами в поддержку Гдляна и Иванова с требованиями отставки руководства прокуратуры.

Апрель 1990 года. Сессия Верховного Совета СССР не дает согласия Прокуратуре СССР на привлечение Гдляна и Иванова к уголовной ответственности.

Апрель 1991 года. Генеральный прокурор СССР Н.Трубин издает приказ об увольнении Гдляна и Иванова из органов прокуратуры за грубые нарушения ими служебной дисциплины — не выходили на работу, отказывались заниматься следствием, но зарплату получали.

12 июля 1991 года. Генеральный прокурор СССР Н. Трубин докладывает Президенту СССР М. С. Горбачеву, что собрано достаточно доказательств для предъявления обвинения Гдляну и Иванову в злоупотреблении служебным положением, превышении власти, принуждении лиц на допросах к даче ложных показаний.

30 августа 1991 года. Генеральный прокурор Н. Трубин подписывает постановление о прекращении уголовного дела в отношении Гдляна и Иванова за отсутствием в их действиях состава преступления.

Метаморфозы и манипуляции

Вернусь к тому, с чего начал: со скандала в Кремлевском Дворце съездов. Партийный функционер с Алтая, посмеявшийся усомниться в утверждении Гдляна и Иванова о присутствии на XIX партконференции делегатов-взяточников, был посрамлен. Через несколько недель после окончания конференции Генеральный прокурор СССР вошел с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о получении согласия на привлечение к уголовной ответственности народных депутатов Раджабова и Джаббарова.

Президиум Верховного Совета ходатайство прокуратуры удовлетворил. Напомню: оно было полностью основано на материалах гдляновского расследования. Оба депутата являлись делегатами XIX партконференции.

19 октября 1988 года они были арестованы. В тот же день первый заместитель Генерального прокурора СССР А. Васильев арестовал первого секретаря ЦК КП Узбекистана Усманходжаева. На первых двух допросах, которые вели заместитель начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР В. Титов и следователь КГБ СССР В. Рац, арестованный отрицал

получение и дачу кому-либо взятков. Однако вечером 20 октября написал заявление на имя Генерального прокурора А. Сухарева, в котором сообщил о получении взятки от нескольких лиц, назвал их фамилии. Содержание своего заявления он подтвердил на допросе 21 октября. А 23 октября дал показания о передаче взятки ряду руководящих работников ЦК КПСС, включая Е. Лигачева.

Первого ноября на очередном допросе Усманходжаев отказался от заявления о передаче взятки Лигачеву. Тем не менее по данному факту прокуратура провела расследование. Егора Кузьмича допросил заместитель Генерального прокурора В. Кравцев.

— Я считаю заявление Усманходжаева о передаче мне денег в сумме 60 тысяч рублей явной клеветой и оговором, — заявил Лигачев на допросе. — Ничего этого, как я уже говорил, не было и нет. С какой целью и почему Усманходжаев оговаривает меня, точно сказать не могу. Человек он слабохарактерный, легко поддающийся внушению.

Еще более странные метаморфозы происходили с арестованными Раджабовым и Джаббаровым — бывшими первыми секретарями Самаркандского и Бухарского обкомов партии.

Раджабов провел в следственном изоляторе девять месяцев. Сначала сопротивлялся, отрицал получение и передачу взятки. Но вскоре написал заявление, в котором признал получение взятки от 33 лиц и передачу денег 10 руководящим работникам республики.

Вот тут-то и начинается самое занятное. 19 июля 1989 года, ровно через девять месяцев пребывания в тюрьме, арестованного Раджабова выпустили на свободу. Правда, следствие продолжалось еще четыре месяца, но его вели уже другие люди, пришедшие на

смену отстраненным Гдляну и Иванову. Новые следователи сочли возможным изменить Раджабову меру пресечения и не содержать его более под стражей. А в октябре 1989 года уголовное дело в отношении Раджабова было прекращено — за отсутствием события преступления.

Бухарский партийный лидер Джаббаров пробыл под следствием шестнадцать месяцев и провел все это время в тюремной камере. Дело пошло в суд. Когда начались слушания, случилось невероятное: старший прокурор одного из отделов Прокуратуры СССР А. Арбузов, поддерживавший государственное обвинение, от него отказался. Представленные суду доказательства вины Джаббарова показались прокурору неубедительными.

Шестого марта 1990 года Ташкентский городской суд, где слушалось дело Джаббарова, вынес оправдательный приговор обвиняемому и освободил его из-под стражи прямо в зале заседания. Одновременно с приговором суд вынес частное определение в адрес Генерального прокурора СССР, отметив, что все обвинения, все факты получения и дачи взяток в ходе следствия были сфабрикованы, допущен явный произвол в отношении невиновного лица. Суд потребовал от Генерального прокурора обязательного расследования беззакония, совершенного Гдляном, Ивановым и некоторыми другими следователями из их группы.

По словам следователей, принявших дело Джаббарова у отстраненных предшественников, его можно было не доводить до суда и прекратить на стадии предварительного следствия:

— Эпизоды взяточничества разваливались, как карточные домики. А Гдлян настроил их около сотни...

— Почему же тогда направили дело в суд?

— Так решили в Прокуратуре Союза. Чтобы не давать повода для обвинений в защите мафии, как это произошло в случае с Раджабовым, которого освободили во время следствия, до суда.

— Были несогласные?

— Гдляновская группа. Их подвела самоуверенность. Раджабов признавался в том, чего не было, придумывал время и место передачи взяток, которые при проверке не подтвердились. В суде проявилась бы полнейшая абсурдность его признаний.

— На что же рассчитывал Гдлян?

— Что суд проштампует материалы следствия, не углубляясь в детали. Гдлян не заботился о юридической прочности дела, всецело полагаясь на шумиху в прессе, на общественное мнение, которое было на его стороне. Он был могущественнейшей фигурой, его ведь в генеральные прокуроры прочили. Ни один судья не посмел бы портить с ним отношений.

Феномен Гдляна и Иванова, несомненно, относится к самым загадочным проявлениям общественно-политической жизни второй половины восьмидесятых годов. Несмотря на многочисленные публикации, в том числе и несколько книг самих следователей («Мафия времен беззакония», «Пирамида», «Следователь из провинции», «Кремлевское дело»), природа и мотивы этого феномена остаются тайной за семью печатями.

Споры вокруг личностей недавних народных любимцев, конечно, поутихли, но ответа на вопрос, кто же все-таки они, нет. До сих пор. Честные юристы, искренние борцы за правду и справедливость, которых использовали определенные политические силы для подтверждения тезиса о насквозь прогнившей и коррумпированной старой системе? Или следователи вели некую им одним известную политическую игру в надежде, что, выступая против партократии и

чиновничества, могут рассчитывать на другие, более высокие должности при благоприятном раскладе?

Оба — и Гдлян, и Иванов — категорически отрицали, что рвались к власти самостоятельно или были инструментом в чьих-то руках. Судя по автопортретам, им чужды тщеславие и популизм. Единственное, что двигало ими, когда они шли к зениту своей славы — это служение закону, добросовестное исполнение своих обязанностей по искоренению преступности.

У главного оппонента наших героев В. Илюхина, тоже написавшего книгу о своей миссии на посту руководителя следственной бригады по проверке деятельности гдлянновской группы, — иное мнение на сей счет. Изучение материалов привело Илюхина к заключению о заказном характере следствия группы Гдляна во второй половине восьмидесятых годов. Сенсационность гдлянновских выступлений, считает Илюхин, во многом определялась особенностями политического противостояния в стране. Сначала, мол, Гдлян и Иванов пытались собрать компромат на Б. Н. Ельцина, А. Н. Яковлева и других лиц, положение которых в определенные моменты начинало становиться шатким. Поколебались позиции Лигачева, и тут же против него начинали выбиваться показания. Элементарный популизм, подстраивание под политическую конъюнктуру, карьеризм.

Вряд ли есть смысл приводить все суждения, собранные во время работы над этим материалом, по поводу феномена Гдляна и Иванова. Видные политические деятели, как отставные, так и ныне действующие, охотно откликнулись на просьбу автора этой книги поделиться своими мнениями. Пересказ всех точек зрения затянул бы изложение и удивил бы несхожестью оценок.

И тем не менее есть две позиции, которые совпали как у сторонников Гдляна и Иванова, так и у их

противников. Первая позиция касается условий, без которых данный феномен был бы невозможен. Необыкновенная популярность двух следователей произросла на фоне убогости политического и правового мышления митингующих уличных толп, переставших верить Горбачеву и его реформаторам. Разочарование населения в официальных властях вызвало невиданный интерес к людям, клеймящим мафию, коррупцию, партократию и чиновничество — врагов простого люда.

И вторая позиция, по которой совпали точки зрения несхожих между собой людей. На каком-то этапе Гдлян и Иванов перестали чувствовать себя юристами, следователями и дали захватить себя политике, в которой оказались дилетантами. Отсюда меньшее внимание к следственным делам, излишняя самоуверенность, приведшая к пренебрежению формальностями при составлении протоколов допросов, в ряде которых не содержалась информация ни о месте, ни о времени передачи взяток, ни о причинах подкупа. Нередко протоколы состояли из одного-двух абзацев и занимали половину, а то и вовсе четверть странички. Совсем как в приснопамятные тридцатые годы! — докладывали наверх многочисленные проверяющие.

Хорошо роют старые кроты

Тельман Гдлян и Николай Иванов впервые встретились много лет назад в Грозном, куда их направили для расследования дел о хищениях и коррупции. Тельман Хоренович тогда состоял старшим следователем Ульяновской, а Николай Вениаминович — Мурманской областной прокуратуры. Вместе они работали с 1983 года.

И в постсоветские времена тоже вместе. Только не в прокуратуре, как до 1991 года, а возглавляя Народную

партию России и всероссийский фонд прогресса, защиты прав человека и милосердия. Правда, Тельман Хоренович в 1995–1999 годах был депутатом Государственной думы.

Как, знаменитые следователи, которым Мегрэ в подметки не годится, гроза советской мафии, — и не у дел?

Продолжим хронику странных и чудных событий после 30 августа 1991 года, когда Генеральный прокурор СССР Н. Трубин подписал постановление о прекращении уголовного дела в отношении Гдляна и Иванова за отсутствием состава преступления. Затем были реабилитированы все отстраненные от работы следователи их группы. Казалось, справедливость восторжествовала: давно ли Ельцин, показывая на Гдляна при большом стечении народа, произнес: вот он, наш будущий Генеральный прокурор!

4 декабря 1991 года. По представлению Комитета по законодательству Верховный Совет СССР отменил свое прежнее решение о согласии на увольнение строптивых следователей. Оба подлежали восстановлению в прежних должностях.

Но... это было последнее заседание союзного Верховного Совета. Беловежская пуца решила судьбу Советского Союза. Последний его Генпрокурор развел руками:

— Меня самого увольняют, как я буду подписывать документ о вашем восстановлении?

1992 год. Личные дела Гдляна и Иванова переходят в Прокуратуру России. Генпрокурор В. Степанков разводит руками:

— Ничем не могу помочь. Нет инструкции, как решать такие вопросы.

Обращение в Конституционный суд тоже оказалось тщетным: союзная прокуратура упразднена, а из

российской нет письменного ответа о возможностях восстановления.

Сентябрь 1993 года. Остались две инстанции: Президент и Верховный Совет России. Президент отмолчался. Надо отдать должное Хасбулатову: уже из осажденного Белого дома он направляет заявление безработных следователей в Генпрокуратуру, где лежат, кстати, их трудовые книжки. И снова роковая невезучесть: пока письмо шло, спикер переместился в Лефортово.

Такая вот фатальная цепь чудных случайностей.

Сам собою напрашивается вопрос: если в стране процветает мафия и коррупция, а для борьбы с ними, как мы постоянно слышим, не хватает квалифицированных следователей, то почему тогда не у дел Гдлян и Иванов? Не умеют глубоко копать? Или, наоборот, слишком глубоко копают?

Глава 22

ОКтябрьский бунт Ельцина

Потерпевший сокрушительное поражение в кремлевской дуэли с Ельциным, экс-президент СССР часто возвращается к началу и истокам той трагической для страны конфронтации. Вот и в мае 1995 года, выступая в Центральном доме литераторов России, Михаил Сергеевич сказал: а ведь мог бы отправить послушника послом в какую-нибудь банановую республику.

Не отправил.

К чему привела вражда двух бывших провинциальных партсекретарей, схлестнувшихся в борьбе за верховенство, известно. Неисследованной по-прежнему остается мотивация противостояния, которое велось по всем мыслимым фронтам. Особое внимание

привлекает первая крупная размолвка, случившаяся в 1987 году на октябрьском пленуме ЦК. Ее смысл и фактическая канва прояснены не до конца, они туманны и таят в себе немало загадок, недосказанности, скрытости.

Из-за чего возникла драка? Можно ли было погасить конфликт сразу, на начальной стадии, когда он еще только-только разгорался? Кто обострил ситуацию: Ельцин или Горбачев?

Был ли сговор

Несмотря на густой туман, окутывавший Москву двое суток подряд, что затрудняло посадку самолетов, пленум ЦК КПСС открылся в назначенное время — в 10 часов утра 21 октября. Из-за непогоды не смогли прилететь и сидели в местных аэропортах только 30 человек.

Прибывшие рассаживались в зале. Кроме основных 530 высших партийных чиновников присутствовали и приглашенные — министры, руководители ведомств, командующие военными округами, не входившие в состав центральных органов КПСС.

Открывая пленум, генсек Горбачев объявил, что на повестке дня только один вопрос:

— Считаем целесообразным проинформировать членов ЦК, чтобы вы узнали все принципиальные положения доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Политбюро хотело бы получить ваше согласие и поддержку.

Затем бразды председательствовавшего перешли к Лигачеву, который предоставил слово для доклада Михаилу Сергеевичу. Горбачев выступал почти два часа. Получив положенные аплодисменты, докладчик не торопился покидать трибуну.

— Товарищи! — произнес Лигачев. — Доклад окончен. Возможно, у кого-нибудь будут вопросы? Нет? Если вопросов нет, то нам надо посоветоваться...

Лигачев хотел спросить у зала, есть ли смысл открывать прения по докладу. На Политбюро они договорились, что не стоит, поскольку всем участникам пленума при регистрации решено было раздать материалы к этому вопросу.

И тут зал услышал голос возвратившегося в президиум генсека:

— У товарища Ельцина есть вопрос.

Однако Егор Кузьмич как будто не видел поднятой руки московского секретаря и не слышал голоса генсека. Лигачев, как ни в чем не бывало, повторил:

— Тогда давайте посоветуемся. Есть ли нам необходимость открывать прения?

— Нет, — раздались голоса.

— Нет, — удовлетворенно констатировал Лигачев.

— У товарища Ельцина есть какое-то заявление, — нетерпеливо, громче обычного произнес Горбачев, как будто раздосадованный тем, что председательствовавший не видит поднятой руки Бориса Николаевича.

И тогда Лигачев как бы спохватился:

— Слово предоставляется товарищу Ельцину Борису Николаевичу — кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС. Пожалуйста, Борис Николаевич.

Ельцин неторопливо подошел к трибуне и произнес свою знаменитую речь, закончившуюся заявлением об отставке.

Восстанавливая в памяти подробности, предшествовавшие шокировавшему выступлению Ельцина, многие участники пленума вспоминают некоторые, показавшиеся им странными, детали.

Лигачев смотрел в зал в упор и не видел поднятой руки Ельцина. Почему? Спрашивал, есть ли вопросы к докладчику, — значит, внимательно обводил взглядом ряды. Объяснить столь странное поведение председательствовавшего можно лишь тем обстоятельством, что Ельцин находился в президиуме. Но по неизменному ритуалу в президиуме сидели только члены Политбюро, а кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК — в зале, правда, в первых рядах.

Постоянным местом Ельцина в зале заседаний пленумов было пятое в третьем ряду — как раз напротив председательствовавшего. И тем не менее Лигачев не замечал протянутой руки и приподнимавшегося несколько раз московского секретаря. Не замечал или не хотел заметить? Интуитивно чувствовал, что неспроста просит слова? Ладно, если бы с периферии. А то ведь свой. Или располагал какой-то информацией о готовившемся взрыве бомбы и потому пытался его предотвратить? Иначе чем объяснить тот бесспорный и зафиксированный стенограммой факт, что только после повторного настойчивого напоминания Горбачева председательствовавший с неохотой, как отмечали некоторые участники пленума, предоставил слово Ельцину.

Чем вызвана неясная до сих пор настойчивость Горбачева? Дважды напоминает он Лигачеву о желании Ельцина выступить. Сначала говорит, что у Ельцина есть какой-то вопрос. Лигачев игнорирует подсказку генсека и проводит решение о нецелесообразности открытия прений. И снова Горбачев нетерпеливо напоминает: «У товарища Ельцина есть какое-то заявление».

Проговорился? В первом случае речь шла о вопросе, во втором — уже о заявлении. Ельцин действительно

выступил с заявлением. Выходит, генсек знал, почему московский секретарь просит слова и с чем он выступит на пленуме?

Версия о сговоре Горбачева и Ельцина живуча до сих пор. Невероятная активность генсека, нетерпеливо напомнившего Лигачеву, что Ельцин хочет сделать какое-то заявление, усиливает эти подозрения. Откровенное давление на председательствовавшего, явно уклонявшегося от надвигающегося скандала, вторжение в его функции не остались незамеченными и сегодня дают обильную пищу для догадок.

Превалируют три точки зрения. Первая — рок, судьба. Мотылек сам летит на огонь, кролик лезет в пасть удава, жертву бессознательно тянет к убийце. Вторая — двухчасовая речь, прерываемая одобрительными аплодисментами, размагнитила генсека, привела в благодушное состояние. Захотелось быть добрым и справедливым ко всем. И третья — предварительный сговор, имевший целью раскол в Политбюро, что позволило бы осуществить возникший еще в конце 1985 года замысел о разделении КПСС на две самостоятельные политические партии.

По третьей, самой распространенной версии, Ельцину отводилась роль могучего тарана горбачевско-яковлевских реформ. Смелый до безрассудства, он был единственным в Политбюро, кто обладал неукротимым бойцовским характером. Сравниться с ним в этом плане мог разве что Лигачев, но Егор Кузьмич не годился для данной роли в силу своих консервативных взглядов. А Ельцин покорила всех уже первым своим новаторским выступлением на перестроечном XXVII съезде. Стало ясно, что недавний свердловский секретарь не из тех, кто любит компромиссы, и потому именно на него сделал ставку в своих многоходовых комбинациях новый генеральный секретарь.

И просчитался. Ибо хотелось как лучше, а получилось как всегда. Очень скоро выяснилось, что Ельцин не намерен играть роль горбачевского «тарана», а сам хочет добиваться собственного места на кремлевском небосводе. Честолюбивому уральцу не по нутру были какие-то отдельные выигрыши, он захотел снять весь банк сразу. И поставил все на карту.

Никому о подробностях!

Выступление Ельцина, которому по настоянию Горбачева дали слово уже после того, как приняли решение не открывать прений по докладу генсека, было коротким, не более десяти минут. Сказать, что оно произвело эффект внезапно разорвавшейся бомбы, значит, ничего не сказать.

Бомбы падали и взрывались недалеко от кремлевских стен и раньше. Старинное здание, где проходил пленум, помнит грохот артиллерийских снарядов, которыми красногвардейцы обстреливали Кремль в семнадцатом. Но такого, что «отмочил» Ельцин, в этом зале не происходило никогда!

Хотя на пленуме договорились не предавать огласке случившееся, шило в мешке утаить было трудно. Все-таки 530 участников, не считая работников разных вспомогательных служб. Само собой, уже вечером того же дня Москва была взбудоражена слухами. Запрет на информацию — никому о подробностях! — вызвал обратный результат. До сих пор многие уверены, что Ельцин критиковал Горбачева за вмешательство его супруги в государственные дела.

Конечно же это досужие вымыслы, отражавшие антипатии простых людей к первой леди. Ничего подобного Ельцин не произносил. Но и того, что прозвучало в мертвой тишине зала, было достаточно, чтобы вызвать шок у большинства членов ЦК.

Даже сегодня, после всех сильнейших потрясений наиновейшего времени, выступление Ельцина потрясает безрассудно-отчаянной смелостью. Два года держали его в строжайшей тайне — и это в эпоху гласности! Значит, было что скрывать?

Четыре неполные машинописные странички, в которые вместились стенограмма злополучного выступления, перепаханы вдоль и поперек. Все хотят разгадать тайну неожиданной апелляции Ельцина к ошеломленному ЦК. Увы, структурный анализ текста не внес пока ясности. Компьютерщики-структуралисты в растерянности. Текст состоит из блоков, каждый из которых подтверждает правильность разных, порой даже полярных, точек зрения.

«Ельцин сознательно шел на развязывание публичного конфликта», — считает бывший член Политбюро В. А. Медведев, оставшийся верным Горбачеву и работающий в его фонде. Анализируя октябрьский бунт московского секретаря с учетом личных наблюдений и в свете последующего развития событий, Медведев склоняется к выводу, что тогда в действиях Ельцина преобладали личностные факторы и мотивы, хотя уже просматривались контуры нарождавшейся левой оппозиции, с ее лозунгами радикальных реформ. Прошло немало времени, прежде чем позиция Ельцина обрела более или менее ясные политические контуры, сомкнулась в чем-то с настроениями зарождавшейся радикально-демократической оппозиции.

Таким образом, по мнению сторонников Горбачева, выходка московского секретаря, испортившего праздник участникам пленума, носит исключительно личностный характер. Бунт Ельцина — это бунт тщеславного одиночки, разрушителя по своей натуре, неспособного к бесконфликтному существованию.

Убедиться в правомерности такого взгляда помогает дальнейшая биография Ельцина — развал Советского Союза, расстрел парламента и т. д. А впервые в концентрированном виде эти опасные для государственного деятеля качества были продемонстрированы в октябре 1987 года, когда Ельцин неожиданно пошел в атаку на твердыни власти и лично бросил перчатку Горбачеву.

Действительно, он во всеуслышание — не в своем узком кругу на Политбюро — посмел заявить, что вера в перестройку у людей начала падать, что случилось то, от чего предостерегал Горбачев: перестройку заболтали. Постановления идут одно за одним, но они не выполняются:

— Мы призываем друг друга уменьшать институты, которые бездельничают. Но я должен сказать на примере Москвы, что год назад был 1041 институт, после того как благодаря огромным усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087. Разве это не противоречит тем призывам, с которыми мы обращаемся друг к другу?

Оратор усомнился в осуществимости перестройки:

— На XXVII съезде сказали, что она займет два-три года. Два года прошли или почти проходят, сейчас снова указывается на то, что надо еще два-три года. Это дезориентирует людей, вызывает разочарование...

Сторонники версии о тайном сговоре Горбачева с Ельциным считают приведенный выше блок не свидетельством стихийности бунта московского секретаря, на чем настаивают люди из команды экс-генсека, а отвлекающим маневром. Мол, какую Америку открыл Ельцин, сообщив о волнообразном характере отношения людей к перестройке. Участники пленума, приехавшие с мест, прекрасно знали, что два года горбачевских преобразований породили в народе к осени 1987 года скепсис и неверие в успех затеянного.

Чем больше бодрых речей произносилось наверху, тем чаще исчезали из продажи сахар и мыло, зубная паста и школьные тетради. Многочасовые очереди выстаивались за мясом, обувью, одеждой, сигаретами. Страна медленно, но неуклонно переходила на карточную систему обеспечения — как в годы войны.

Главным, по мнению противников команды Горбачева, в выступлении Ельцина было совсем другое — удар по Политбюро, Секретариату ЦК. Заявив, что стиль работы высших органов партии не изменился, Ельцин возложил вину за это на консервативно мыслящего Лигачева, поддерживаемого некоторыми ортодоксами из числа постоянных членов Политбюро.

Вот она, подлинная сверхзадача неожиданного выступления московского секретаря, считают сторонники версии о тайном сговоре. Ельцин с подачи Горбачева открыл левый и правый фронты острой политической борьбы, которая должна была привести к разделению КПСС на две партии.

О таком плане, якобы существовавшем в головах горбачевских советников, слухи по цековским коридорам ходили еще до запрета КПСС. И вот они получили подтверждение. На 22-й странице своей «покаянной» книги «Горькая чаша» А. Н. Яковлев приводит такую надиктовку, относящуюся к декабрю 1985 года: «О партии. Практика, когда партия в мирное время руководит всем и вся, весьма зыбкая. Соревновательность в экономике, лучшая свобода и свобода выбора на деле, а не на словах, неизбежно придут в противоречие с моновластью. Но власть есть власть. От нее добровольно отказываются редко. Так и с КПСС, особенно учитывая ее «орденомеченосный» характер. Надо упредить события. Возможно было бы разумным разделить партию на две части, дав организационный выход существующим разногласиям.

Но это особая тема для тщательного и взвешенного обдумывания».

Чем не повод для подозрений в том, что в результате этого «тщательного и взвешенного обдумывания» именно Ельцину, склонному к резким и неожиданным шагам, и была отведена роль своеобразного тарана, призванного пробить первую брешь? Для раскола нужен был какой-то громкий политический скандал на самой верхотуре партийного руководства, ибо КПСС была жестко централизованной организацией, и потому ее разделение без инициирования сверху было бы невозможным.

В пользу сговора, как считают непримиримые противники Горбачева, говорит и то, как Ельцин сформулировал свое заявление об отставке:

— Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии.

— Что-то у нас получается новое, — сказал генсек, взяв в свои руки ведение пленума. — Может, речь идет об отделении московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил поставить на пленуме вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желанья побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю.

Искатели тайного умысла, заключенного между строк, ликуют: Горбачев сгоряча проболтался и едва не

выдал конспиративный план. Мол, новое, радикальное крыло партии предполагалось формировать на базе столичной парторганизации, где сильны демократические течения. Поэтому Ельцин и не поставил вопрос об уходе с должности секретаря горкома, заметив, что это дело горкома. Следовательно, был уверен, что горком не отпустит. Но Лигачев со своим орготделом смешал карты и расстроил тонкую игру, добившись в итоге того, что бюро Московского горкома одобрило решение пленума ЦК. Однако позиции сторонников Ельцина в бюро горкома были сильны: его хотели оставить на прежнем месте и призвали забрать заявление об отставке.

К числу аргументов, свидетельствующих о том, что дело нечисто, что выступление Ельцина не стало неожиданным для Горбачева, относят и подозрительно быстрое и точное формулирование генсеком основных положений заявления Ельцина. Едва только оратор покинул трибуну, как Михаил Сергеевич молниеносно придал его довольно сумбурным словам концептуальную направленность. Без предварительного ознакомления, навскидку, такое невозможно, — уверяют поднаторевшие в ведении заседаний враги Горбачева.

По протоколу все выступающие обычно сдавали тексты своих речей в секретариат — для сверки со стенограммой. У Ельцина написанного текста не было, хотя, как он признавался, свои выступления обычно готовил очень долго, текст переписывался иногда по 10–15 раз. В тот раз он поступил по-другому. «Мне даже сложно сейчас объяснить, почему», — напишет он в своей книге «Исповедь на заданную тему». И добавит: «Конечно, это был не экспромт», что вызовет многозначительные улыбки у догадливых читателей.

Закон стаи

— Да не было никакого сговора, все это бред больного воображения! — воскликнул один из бывших высокопоставленных партийных деятелей в ответ на просьбу прокомментировать любимую недругами Горбачева версию. — Любой нормальный человек не перенес бы того, что с Ельциным сделали на пленуме. Ну, покритиковал Политбюро, Секретариат, Лигачева... Что, не имел права? Горбачев ведь всем даровал плюрализм. Кстати, в отношении генсека Ельцин был корректен... Допустим, что спасовал, дрогнул, не выдержал гигантской нагрузки. Ну и отпустите с миром, дайте менее сложную работу — человек сам об этом просит... Нет, устроили публичную порку. Я тут недавно на досуге прочел стенограмму, и за голову схватился. Набросились, как стая волков. Не знал всех обстоятельств дела, о которых Горбачев, кстати, умолчал и вскользь упомянул лишь после окончания экзекуции. О какой человечности или здравом смысле можно говорить?

Неожиданная точка зрения человека, которого никак в симпатиях к Ельцину не заподозришь — он оставил моего собеседника без «вертушки», казенной дачи, сверкающей черным лаком «Волги» со спецсвязью, — подвигла обратиться к стенограмме выступлений. Захотелось по прошествии времени посмотреть, чем же поразил документ.

Это было форменное избиение. По сигналу вожака стая злобно набросилась на жертву, допустившую слабость. Ни сочувствия, ни попытки разобраться в мотивах просьбы об отставке. Травля — жестокая, обидная, безнравственная.

Выступили 26 человек, в том числе все члены Политбюро. Осуждали даже люди, никогда с ним дела не имевшие, приехавшие из глубинки. По старой партийной традиции на трибуну выпустили

представителей рабочего класса, руководителей профсоюзов и комсомола, которые тоже заклеили отступника. Остракизму подвергали старые друзья, с которыми делал одно дело. Политическая незрелость, личные плохие черты характера, поздно — в 30 лет — вступил в партию, не получил должной закалки. Это омский соседущка Манякин отработывает за перевод в Москву, в Комитет народного контроля. Свердловчанин Рябов, посол во Франции: «Я первый, кто товарища Ельцина заметил на работе в домостроительном комбинате города Свердловска в 1968 году, мы выдвинули его на работу заведующим строительным отделом областного комитета партии. Но мы уже тогда подметили, если можно так сказать, негативные явления в его характере, в его отношении к людям...».

Больно хлестали, кусали и новые друзья. Обзывали клеветником, слабаком, примитивной недалекой личностью, злопыхателем. Даже молодые соревновались друг с другом, кто посильнее размажет.

Поаплодировав вместе со всеми очередному оратору, вылившему очередной ушат с помоями на объект всеобщей проработки, Горбачев поднял его с места, как нашкодившего мальчишку:

— Борис Николаевич, у тебя есть что сказать? Давай.

Дальнейшее походило на сцену из жизни комсомольской организации, когда строгий комсорг, упиваясь своим превосходством и властью, снисходительно бросает проштрафившемуся пэтэушнику:

— Ладно, дадим тебе слово еще раз.

Ельцин вышел к трибуне и попытался сделать кое-какие уточнения:

— Я назвал отношение к темпам перестройки волнообразным процессом потому, что нельзя рассчитывать, будто он будет постоянно только круто

вверх идти, здесь неизбежны и спады...В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о всех членах Политбюро, я говорил о некоторых. Речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного...

Горбачев не дал оратору закончить мысль, досказать, в чей адрес славословили члены Политбюро, прервал гневно:

— Борис Николаевич, ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных идеологических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояния законности, отношение к кадрам, людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь?

— Нет, сейчас уже не надо, — будто решив что-то важное для себя, ответил Ельцин.

— Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации, — продолжил генсек, объясняя недоучке-уральцу, из каких элементов эта самая демократизация состоит. — И после этого обвинять Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

Провинившийся школьник поднял глаза на справедливого, никогда не ошибающегося учителя:

— А между прочим, о докладе, как я...

Ельцин хотел напомнить: в начале своего выступления он сказал, что доклад поддерживает, по нему нет замечаний, часть его предложений, высказанных на обсуждении в Политбюро, учтена. Зачем же приписывать то, чего он не говорил? Но Горбачев снова резко оборвал стоявшего на трибуне московского секретаря:

— Да не между прочим. У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки.

И это было поставлено в вину, хотя, как мы знаем, прения по докладу решено было не открывать.

Ельцину с трудом удалось прорваться сквозь многословную обличительную тираду Горбачева:

— Нет, я о докладе первым сказал...

Зал возмущенно загудел. Стенограмма зафиксировала отдельные возгласы:

— О себе ты заботился!

— О своих неудовлетворенных амбициях!

Подзуженный голосами из зала, Горбачев распалился:

— Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да?.. Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке...

Н-да. Кто кому навязал дискуссию? Человек в соответствии с дарованным плюрализмом заявил о своей точке зрения, не совпадающей с общей, и попросил об отставке. И вот во что вылилась заурядная в общем-то просьба.

Проработка продолжалась — мелкая, злобная, унижительная. Вопросы генсека больно били по самолюбию. Скажи по существу, как ты относишься к критике? Скажи, как относишься к замечаниям товарищей по ЦК — они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь? У тебя хватит сил дальше вести дело? И подхалимские голоса в зале: «Не сможет он, нельзя оставлять на таком посту».

— А теперь посмотрите, на основании чего вынесен сей вердикт, — говорит тот самый высокопоставленный в прошлом партийный деятель, который категорически отрицает версию тайного сговора Горбачева с Ельциным. — На основании воспринимаемых на слух аргументов спонтанно вспыхнувшей дискуссии. Представляете? Судили, не имея никаких документов, никаких материалов. Не было ведь справки, не создавалась комиссия. Площадный самосуд. 26 человек выступили, заплевали, очернили, под статью — полнейшая теоретическая и политическая беспомощность — подвели, вердикт вынесли о невозможности пребывания в должности, и только после этого выступает Горбачев и сообщает, что Ельцин еще полтора месяца назад обратился к нему с письмом с просьбой об отставке. Значит, были какие-то встречи, выяснения позиций. Зачем же натравливать на него людей, не знающих подоплеки? Я был на том пленуме, и заявление Горбачева о письме Ельцина меня неприятно кольнуло: что же мы делаем, ведь так с каждым из нас могут поступить. Дайте заключение комиссии, справку, объяснение. А то — на слух. Правда, Горбачеву принесли стенограмму выступления Ельцина, но когда? После того, как выступил последний обличитель, и исход дела был предрешен. «Посмотрите, что он сказал! — вскричал Горбачев. — Мне дали уже стенограмму. Вот ведь что он сказал: за эти два года реально народ ничего не получил. Это безответственное заявление, в политическом плане его надо отклонить и осудить. Мы добились немало, а он хочет навязать Центральному Комитету свои негативные оценки».

— Как вы считаете, Ельцин был прав, когда говорил о том, что народ от перестройки ничего не получил?

— Я ведь был тогда в той системе координат, мы варились в собственном соку, поэтому мне казалось, что

подвижки были. Но — все видится на расстоянии. Сегодня я с полной определенностью заявляю: если бы к мыслям Ельцина тогда прислушались, может, и не пришлось бы хоронить ни партию, ни государство. Сегодня видно, что Ельцин здраво рассуждал. Действительно, начав перестройку, КПСС в лице ее консервативно настроенного руководства безнадежно отставала от событий.

А вот еще одно мнение — тоже высокопоставленного в то время партийного деятеля. Касаясь подробностей и последствий унижительной сцены, которой сопровождалась первая попытка добровольной отставки в эпоху гласности и плюрализма, он говорит:

— К сожалению, Ельцин ничем от своих тогдашних «врагов» не отличался. Он сам писал в книге: «Я воспитан этой системой». Так это могу подтвердить: я с ним еще по Свердловску знаком. И когда пришел срок, он попросту наказал своих обидчиков, запретив их партию, отняв у них должности, зарплату, кабинеты, машины, правительственные телефоны. То есть внешние атрибуты власти. Он ведь не с партией сражался, Робин Гуд наш доморощенный. Он с князьями да с графьями боролся, которые его прилюдно секли. И победил. И унизил их со вкусом и смаком. А то, что пятнадцать миллионов холопов заодно в грязь положил — это мелочи! А то, что законы поправил — пустяки! Это — как раз в стиле той системы, которая его воспитала, которой он верой-правдой служил двадцать долгих лет. Хозяин — барин, повторяю, какие ему законы писаны! Ельцин сейчас — хозяин...

Слова эти сказаны Рыжковым. Тем самым, который тоже обличал Ельцина на том судилище, а сейчас вот, по прошествии некоторого времени, по-иному взглянул на давнишний скандал.

Турнир амбиций

— Хотите знать мою точку зрения? Ельцин взбунтовался из-за того, что не захотел ходить под Лигачевым. Московские секретари традиционно были в партии на особом положении и имели дело непосредственно с генсеками. Лигачев рассчитывал, что выдвигенец из Свердловска будет его человеком в Москве. Однако Ельцин знал себе цену и не согласился ходить под кем-то. Он и так чувствовал себя ущемленным, когда его перевели в столицу всего лишь на должность заведующего далеко не первостепенного отдела ЦК. Его предшественники свердловчане Кириленко и Рябов получали более высокий статус — секретарей ЦК.

Ход мыслей все того же высокопоставленного в прошлом партийного деятеля довольно интересен. По его мнению, чаще всего сходятся люди с противоположными характерами. А Ельцин с Лигачевым были очень похожи друг на друга и принадлежали к одной школе. Те же запелляционность суждений, отсутствие каких-либо комплексов, рефлексий и сомнений, авторитарность и жесткость. Оба были на равном положении — первыми секретарями обкомов, работали по соседству, притом вотчина Ельцина была куда более значима по экономическому потенциалу, чем аграрный Томск. И вдруг сибиряк, имевший с точки зрения уральца меньше шансов на пост второго лица в партии, нежели он, становится его начальником, отдает приказы и распоряжения.

Наверное, какая-то доля правды в этом психологическом наблюдении есть. Ведь именно после очередной бурной перепалки на Политбюро, которое вел Лигачев, Ельцин вернулся к себе в кабинет и сочинил письмо в Пицунду, где отдыхал Горбачев. Произошло это 12 сентября 1987 года.

— Ельцин был одним из немногих в горбачевском Политбюро, кто каждодневно занимался текущими хозяйственными вопросами, — продолжает мой собеседник. — Они об общечеловеческих ценностях да консенсусах разглагольствовали, а он каждый день считал помидоры, чай, мясо, вагоны. Они по двенадцать часов краснобайствовали ни о чем, а ему надо было город кормить. Москву потянуть не каждый может. Когда Ельцина решили снять, многие не отважились занять его место — ни Медведев, ни Лигачев, ни Воротников. Едва Зайкова уломали.

Действительно, можно представить, что думал Ельцин, присутствуя на еженедельных посиделках Политбюро или Секретариата, глядя на словесные ристалища и краснобайские турниры. Конечно, он чувствовал себя чужаком в этой среде, замыкался, понимая, что не может соперничать с людьми, умеющими произносить красивые слова. Самолюбивому и мнительному провинциалу, привыкшему главенствовать в Свердловске, показалось, что он не вписывается в рамки каких-то непонятных ему отношений. Здесь привыкли думать и действовать только так, как думал один человек — генсек.

Члены Политбюро, как правило, принимали политические решения, а выполняли их другие. Москва же — на виду. И каждый считал своим долгом поделиться на Политбюро теми безобразиями, которые бросались в глаза по дороге с дачи на Старую площадь. Московский секретарь к таким разносам, нередко мелочным, но регулярным, привычен не был. Царь от Свердловска далеко, в кои года почтит визитом, а тут вот он, под боком. Неуютно под строгим надзором уральцу, привыкшему к безраздельной власти. Там всех знал, а здесь поди разберись, кто кому брат, кто сват. Только тронешь — тут же звонок по «первой» вертушке. А еще и вторая есть.

Почему письмо Ельцина, отправленное в Пицунду Горбачеву, осталось без рассмотрения? Казалось бы, надобность во встрече очевидна. Кто знает, может, и не было бы октябрьского бунта, если бы послание было рассмотрено вовремя. Что помешало поговорить по душам, обсудить наболевшее, снять недоразумения? Мало ли какие трения могут возникнуть в процессе совместной деятельности.

Горбачев, по его словам на пленуме, даже членов Политбюро не проинформировал о полученном заявлении Ельцина. Забыл? Потерял? О несобранности и неорганизованности генсека ходили легенды: случалось, что за полчаса до мероприятия он звонил помощнику и спрашивал, где текст выступления, хотя поручение о подготовке давал другому. Начинались суматошные поиски, выяснения. Бывало, что злополучную бумагу не могли найти, хотя секретарши, референты, дежурные перетряхивали все ящики стола. Обнаруживали сутки-двое спустя — среди вороха совсем других бумаг.

Из выступления на октябрьском пленуме о письме в Пицунду:

— Когда я вернулся из отпуска, у нас с ним был разговор на эту тему. Мы условились, что в период подготовки к 70-летию Октября не время обсуждать его вопрос, а надо действовать. И в самом деле, товарищи, часа, минуты свободной нет. Вы, наверное, уже видите, что на пределе все идет. Необходимо решать много вопросов... Мы тогда условились с товарищем Ельциным, что после праздников встретимся, посидим и все обсудим...Я не думал, что после нашей договоренности товарищ Ельцин на нынешнем пленуме Центрального Комитета, имеющем этапное значение для жизни партии и в осознании ее истории и перспектив, представит свои претензии Центральному

Комитету. Лично я рассматриваю это как неуважение к Генеральному секретарю, к нашей договоренности.

Итак, по мнению Горбачева, нарушитель договоренности — Ельцин. Однако Борис Николаевич не согласен:

— Еще раз повторяю, это не так. Напомню, в письме я попросил освободить меня от должности кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МГК и выразил надежду, что для решения этого вопроса мне не придется обращаться к пленуму ЦК. О том, что мы встретимся после пленума, разговора не было. «Позже» — и все. Два дня, три, ну, минимум неделя — я был уверен, что об этом сроке идет речь. Все-таки не каждый день кандидаты в члены Политбюро уходят в отставку и просят не доводить дело до пленума. Прошло полмесяца, Горбачев молчит. Ну, и тогда, вполне естественно, я понял, что он решил вынести вопрос на заседание пленума ЦК, чтобы уже не один на один, а именно там устроить публичный разговор со мной...

По-своему понял Борис Николаевич и сказанное ему по телефону вернувшимся из отпуска Горбачевым о встрече «после праздника». Он подумал, что Горбачев имеет в виду праздник 7 октября — День Конституции. А поскольку приглашения для разговора в этот срок не последовало, решил, что Горбачев, видимо, передумал встретиться и решил довести дело до пленума и вывести из кандидатов в члены Политбюро именно там — для скандальной громкости.

Не правда ли, так и хочется воскликнуть: ах, какие мы нежные и деликатные!

Хорошо по этому поводу сказал бывший член Политбюро Медведев:

— Спрашивается, зачем же было Ельцину мучиться предположениями и сомнениями? Если он видел, что встреча откладывается, почему бы не поднять трубку и

не спросить у Горбачева, когда же будет такой разговор? Уверен, что контакты между ними были, ведь под председательством Горбачева состоялось в это время три заседания Политбюро, на которых присутствовал Ельцин...

Контакты между ними были? Вот обрадуются сторонники версии о тайном сговоре! Правда, как тогда понимать то, что случилось на заседании Политбюро 19 января 1987 года? Ельцин, высказавший ряд критических суждений по проекту доклада, с которым должен был выступить генсек на январском пленуме, получил такую резкую отповедь («нам нужна перестройка, а не перетряска») и воспринял ее так болезненно, что ему стало плохо и пришлось вызывать врача.

Когда доктор с чемоданчиком открыл дверь зала заседаний, он увидел, что все разошлись, а его пациент одиноко сидит в кресле, обуреваемый тяжкими переживаниями.

Глава 23

ПОТЕРЯ ГДР

Спустя два года после объединения Германии Берлин принимал двух гостей. Одним из них был экс-президент США Рейган. Вторым — экс-президент СССР Горбачев.

Оба гостя прибыли в германскую столицу на торжества по случаю присвоения им званий почетных граждан Берлина.

Поскольку отмечены были заслуги именно этих двух человек, то им и приписывают ключевую роль в решении судьбы Германской Демократической Республики — государства, просуществовавшего на

европейской карте с 7 октября 1949 до 3 октября 1990 года.

Как в действительности произошло воссоединение Германии — согласно воле Горбачева или вопреки ей? Ставил ли советский генсек-президент своей целью «отдать» ГДР Западу? Что это было — освященное благородными помыслами воссоединение, объединение или заурядное включение ГДР в состав ФРГ?

«ГДР в обиду не дадим...»

Между этими словами, произнесенными советским лидером на пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 года, и благодарным спичем в Берлине по случаю занесения в список почетных граждан германской столицы прошло менее трех лет.

Там, в Берлине, его поджидала довольно горькая пилюля. Оказалось, что немцы, производя экс-президентов СССР и США в ранг почетных граждан своей столицы, одновременно лишили этого звания двух русских. Из списков были вычеркнуты маршал Конев и первый комендант Берлина генерал-полковник Берзарин — Герои Советского Союза. Вместо них вписали имена Горбачева и Рейгана.

Михаил Сергеевич своего отношения к происшедшему не высказал, согласившись тем самым на подобную замену. Ни словом не обмолвился он и о недавнем «дорогом друге», престарелом Хонеккере, томившемся в городской тюрьме Маобит, той самой, где его в течение 11 лет держали фашисты. Впрочем, чем мог помочь ему безвластный Горбачев, сам униженный победившим соперником?

Вот раньше — мог. Что стоило ему на переговорах под Железноводском, когда германский канцлер Коль сам предложил назвать круг лиц, в отношении которых после воссоединения следует отказаться от судебного

преследования, вспомнить тех, кто верой и правдой служил Кремлю? Не вспомнил никого — ни молодых выпускников советских учебных заведений, ни старых антифашистов и членов их семей, ни активистов общества германо-советской дружбы, не говоря уже об офицерах армии, безопасности и погранвойск. Президенту СССР вряд ли требовались большие усилия, чтобы заручиться согласием западногерманской стороны относительно минимума социальных гарантий для своих друзей и соратников в ГДР.

— Это проблема, с которой справятся сами немцы, — к изумлению Коля сказал Горбачев.

Советская сторона даже не потребовала оградить от дискриминации по политическим мотивам тех восточных немцев, которые искренне верили в дружбу с Москвой! То есть бросила, «сдала» своих друзей, чем нанесла непоправимый ущерб репутации страны, еще раз продемонстрировала миру непредсказуемость поведения и ненадежность русских. Это дало повод для дополнительных обвинений в адрес Горбачева, позиция которого в германском вопросе не прояснена до сих пор.

Одни утверждают, что он сознательно лишил нашу страну плодов победы в Великой Отечественной войне, разрушив послевоенный порядок. Другие — что все произошло вопреки его воле, что ситуация вышла из-под контроля и он не в состоянии был ею управлять. Третьи полагают — случилось то, чему суждено было раньше или позже случиться. Немцы все-таки одна нация, и Горбачев, осознав, что немецкий народ хочет воссоединения, признал это право и не стал препятствовать.

Из изложенных трех основных точек зрения наиболее уязвимы первая и третья. Вряд ли есть смысл всерьез говорить о том, что целью Горбачева было «отдать» ГДР. Он прекрасно понимал, чем это чревато.

Девятого декабря 1989 года — через месяц после открытия границы между Восточной и Западной Германией — на пленуме ЦК КПСС он заявил:

— Мы со всей решительностью подчеркиваем, что ГДР в обиду не дадим. Это наш стратегический союзник и член Варшавского Договора. Необходимо исходить из сложившихся после войны реальностей — существования двух суверенных германских государств, членов ООН. Отход от этого грозит дестабилизацией в Европе...

Докладчик, наверное, не лукавил, не лицемерил. В тот момент, похоже, он действительно был озабочен развитием событий в ГДР. Это была самая промышленно развитая страна социалистического содружества. По некоторым показателям она даже превосходила Советский Союз — например, по уровню жизни. На нее приходился самый большой товарооборот — в последней пятилетке 17 миллиардов рублей ежегодно. Оттуда поступало самое ценное для СССР оборудование. Наконец, там был расквартирован самый крупный заграничный контингент советских войск — почти четверть миллиона солдат и офицеров. Кроме того, ГДР представляла колоссальную ценность своим стратегическим положением, поскольку выполняла роль форпоста социализма, дальше всех продвинутого в Западную Европу. Даже невооруженному взгляду было видно, чем обернется для Советского Союза уход из-под его крыла этой страны.

Свершилось то, что должно было свершиться? Безусловно, была некая искусственность, нарочитость в разделении одного народа на два государства. Хотя, если поглубже вникнуть в эту проблему, ничего необычного здесь нет. В мире сколько угодно подобных примеров. Арабская нация разделена на десяток государств. А латиноамериканские страны, народы которых тоже говорят на одном языке? Опять же —

братья-славяне. Русские, белорусы, украинцы снова оказались в разных государствах.

Ряд видных германистов сходятся во мнении, что не только в Советском Союзе, но и в Западной Европе объединение Германии не считалось делом близкого будущего, а многие вообще признавали его нежелательным. Видный политический деятель Италии Дж. Андреотти прямо заявлял: «Существуют два германских государства, и эти два государства следует сохранить». Оставляя за немецким народом безусловное право жить в одном государстве, если такова его воля, многие недоумевают по поводу того, как произошло объединение Германии, почему при этом не были учтены в полной мере законные интересы Советского Союза, имевшего на то и международно-правовые, и исторические, и моральные основания.

Присоединение ГДР к ФРГ приобретало темпы кинобоевика. Девятого декабря 1989 года, как мы знаем, генсек торжественно поклялся не дать немецких друзей в обиду, а уже 26 января следующего года на узком совещании огорошил близких единомышленников:

— Объединение Германии неизбежно, и мы не имеем морального права ему противиться...

Перед этим неожиданным заявлением он имел продолжительную встречу с Колем.

Неужели Горбачев уже тогда не мог влиять на ход событий и поглощение ГДР Федеративной Германией произошло вопреки его воле, с которой мало кто считался?

Нам нужен свой Горби!

О характере взаимоотношений между лидерами двух стран можно судить по продолжительности визитов генсека КПСС в ГДР. Первая поездка в 1986

году — восемь дней, вторая в 1987 году — два дня. И последняя, роковая, в 1989 году — два дня.

По свидетельствам очевидцев, последний визит Горбачева в ГДР имел налет незавершенности. Хотя программа пребывания была соблюдена, отбытие президента СССР оставило впечатление поспешности. Поначалу краткость визита объясняли нестабильностью обстановки в Москве. Однако уже спустя пару дней Горбачев направился с продолжительным официальным визитом в Финляндию. Аналитики, наблюдавшие за этим визитом, отметили, что в Хельсинки советский лидер чувствовал себя намного легче и свободнее, чем в Берлине.

Что тяготило Горбачева в ГДР? В первую очередь, позиция Хонеккера. Он скептически воспринимал горбачевские новации. К 1989 году для руководителя ГДР стало ясно, что реформы в Советском Союзе зашли в тупик и привели общество к разброду и шатаниям. Руководители КПСС много говорили о перестройке в рамках социалистического выбора, но не могли объяснить толком, что это такое, и тем более не знали, как это сделать на практике. А главное — жизнь в СССР становилась хуже.

У Хонеккера возрастала обеспокоенность тем, что волны, поднятые советской перестройкой, могут захлестнуть ГДР и другие восточноевропейские страны. Его худшие опасения подтверждались, несмотря на клятвенные заверения Горбачева о социалистической направленности преобразований и незыблемости руководящей роли КПСС. Между Берлином и Москвой появилась напряженность в отношениях. Дело доходило до серьезных разногласий. Московская пресса изображала Хонеккера коммунистическим динозавром, догматиком и сталинистом. В ответ руководитель ГДР запретил распространение в своей стране некоторых

выходящих в Москве изданий. Зубодробительной критике был подвергнут советский фильм «Покаяние».

Идеологические разногласия двух лидеров усугублялись неприязненными взаимоотношениями их жен. Вспоминает бывший руководитель информационной службы советской внешней разведки в Берлине И. Кузьмин:

— По этому поводу шла речь совершенно открыто... Первая дама ГДР, считая себя партийной и государственной деятельницей, давала понять, что видит в Раисе Максимовне провинциальную выскочку и домохозяйку. Последняя, в свою очередь, также не пыталась скрывать своих антипатий по отношению к бывшей пионервожатой. Данное обстоятельство, как мне кажется, наложило впоследствии свой отпечаток на пребывание четы Хонеккер в Москве...

И вот такая деталь:

— Из-за категорического отказа Горбачева назначить время вылета из Берлина в Москву всего на один час позднее, чем ему хотелось, была скомкана программа заключительного праздничного приема 7 октября.

Напомним: визит Горбачева был приурочен к празднованию 40-летия ГДР. Георгий Хосроевич Шахназаров, помощник президента, так рассказывает о той поездке:

— Редко где его встречали, как в Берлине. Толпы жителей, особенно молодежь, восторженно приветствовали человека, от которого в тот момент ожидали прежде всего перемен в своей достаточно сытной, но несвободной, скучноватой жизни. Повсюду несли плакаты, резавшие Хонеккера по сердцу: «Нам нужен свой Горби!». Полиция в тот день задержала несколько групп, демонстрировавших против Хонеккера.

Ровно через пять дней после отлета Горбачева из Берлина состоялось совещание секретариата ЦК СЕПГ с участием первых секретарей окружкомов, где Хонеккер был подвергнут жестокой критике. А еще через пять дней, 17 октября, на заседании политбюро Хонеккера единогласно сняли с поста генерального секретаря. Не голосовали только двое — один находился на Кубе, а второй, Г. Тиш, в Москве. По одной из версий, Тиш вылетел, чтобы проинформировать «старшего брата» о выполненном поручении — замене Хонеккера.

С отстранением твердокаменного защитника «чистоты марксизма», отличавшегося решительностью и бескомпромиссностью, единственного, кто мог бы пресечь начавшиеся в стране беспорядки, были открыты шлюзы стихии и хаосу, остановить которые новому руководству СЕПГ оказалось не под силу. Такова одна из точек зрения, согласно которой снятие Хонеккера было predeterminedo пребыванием Горбачева в Берлине. В этой связи делают многозначительные намеки на встречу Горбачева с членами политбюро ЦК СЕПГ, против которой Хонеккер первоначально возражал и которая якобы послужила сигналом для последовавшего вскоре его смещения.

Клиент, похоже, созрел

Кого первого осенила идея объединения Германии? В свое время многие советские политики, от самых знаменитых до рангом помельче, гордясь приверженностью общечеловеческим ценностям с молодых ногтей, приписывали эту заслугу исключительно себе. Кто только не красовался горделиво на телеэкране, повествуя об участии в переговорах по германским делам «четыре плюс два», переросших затем в «пять минус один». Теперь, когда модными стали лозунги патриотизма и российской

государственности, те политики приглушили голоса, предпочитая умалчивать о прежних заслугах.

В одном из своих интервью в апреле 1991 года Э. А. Шеварднадзе утверждал, что к выводу о скором возникновении проблемы объединения Германии он лично пришел еще в 1986 году и что якобы уже тогда он говорил, что в ближайшем будущем главным, определяющим для Европы вопросом станет германский.

Однако известный дипломат Г. М. Корниенко, занимавший пост первого заместителя министра иностранных дел СССР, считает, что это утверждение неверно, поскольку факты свидетельствуют скорее об обратном:

— На протяжении всего послевоенного периода до 1986 года германской проблемой занималось единое подразделение министерства — 3-й Европейский отдел... Но Шеварднадзе показалось непонятным, почему ГДР — социалистической страной — ведает тот же отдел, что и капиталистической ФРГ. Он решил устранить этот «непорядок»...

По словам Корниенко, Шеварднадзе передал Западный Берлин вместе с ГДР в управление, ведавшее соцстранами, что вызвало недовольство западных стран, а ФРГ — в управление, занимавшееся капстранами. Второй «раздел» Германии совершил в 1986 году господин Шеварднадзе. Какие уж тут мысли о скором объединении... Действительно, нелогично: если есть замысел о воссоединении двух германских государств, зачем разводить их по разным МИДовским подразделениям?

Вероятнее всего, до 1989 года вопрос об объединении Германии не поднимался вообще. Ни на Западе, ни в Советском Союзе. Во всяком случае, советское руководство к тому времени не имело четко выраженной позиции по данной проблеме. Об этом

свидетельствовал в июне 1991 года автору этой книги маршал С. Ф. Ахромеев, тогдашний советник Горбачева по военным вопросам, перешедший к президенту СССР с поста начальника Генерального штаба.

Сергей Федорович был в числе сопровождавших генсека-президента во время его встречи с Бушем в районе Мальты в начале декабря 1989 года. Саммит советского и американского лидеров до сих пор окружен легендами. Считается, что Горбачев тогда дрогнул, уступил Бушу. Якобы даже сама природа воспротивилась тому тайному сговору: в ночь с 1 на 2 декабря разыгрался столь мощный шторм, что подход катеров президентов ни к американскому, ни к советскому крейсеру был невозможен. Высота волн на внутреннем рейде мальтийской бухты достигала 2,5 метров. Переговоры перенесли на советский теплоход «Максим Горький», стоявший у стенки пристани.

Ахромеев был членом официальной делегации и присутствовал на двух больших — по 4-5 часов — беседах с американцами во главе с их президентом. Что обсуждали Горбачев и Буш наедине (а таких полтора часовых встреч, по словам Ахромеева, было две), маршалу не было известно, а вот о содержании больших бесед он поведал следующее:

— Пожалуй, самый главный вопрос был о Германии. Стороны перенесли его на завершающую стадию переговоров потому, что наша позиция по вопросу об объединении Германии выработана еще не была. Со времени ухода с руководящих постов ГДР Эриха Хонеккера и его ближайших помощников прошло чуть больше месяца, события в ГДР развивались стремительно. Не менее быстро и мы теряли влияние в этой стране. На встречу в районе Мальты Горбачев прибыл, еще не имея четкого долгосрочного плана действий по германской проблеме...

Маршал на какое-то мгновение ушел в себя:

— Впрочем, в сложившейся ситуации такой план в немыслимо короткий срок и выработать вряд ли было можно.

По словам Ахромеева, Буш, выражая удовлетворение и вместе с тем удивление стремительными переменами, происходившими в странах Центральной Европы, и особенно в ГДР, говорил о том, что США удовлетворены взвешенностью позиции Советского Союза, касающейся этих изменений.

— Он настойчиво допытывался у Горбачева, какую же позицию займет Москва в связи с возможным объединением Германии. Было ясно, что от ответа именно на этот вопрос в значительной мере зависело, как будут строить США свою политику по отношению к Советскому Союзу...

— Кредиты?

— К сожалению, финансы правят бал. А у нас к тому времени они уже вовсю пели романсы.

— И что ответил Горбачев?

— Он уходил от конкретного ответа на этот вопрос. Его рассуждения сводились к необходимости решения европейских проблем в целом в рамках хельсинского документа 1975 года, в том числе между ГДР и ФРГ. Горбачев предлагал ввиду того, что обстановка в Европе неясная, поручить Шеварднадзе и Бейкеру более основательно проработать европейские дела, и в частности германскую проблему.

Приведенный выше разговор с Ахромеевым состоялся в июне 1991 года, то есть спустя 18 месяцев после мальтийской встречи. Воспроизвожу еще один диалог с маршалом:

— Анализируя итоги переговоров на Мальте сегодня, прихожу к выводу, что от них тогда, в конце 1989 года, выиграли больше американцы, — сказал Ахромеев.

— Почему вы так думаете?

— Во-первых, они убедились, что решительной оппозиции Советского Союза предстоящему объединению Германии ожидать нельзя. Буш понимал: если бы такая позиция СССР уже была сформирована, то ее Горбачев на Мальте высказал бы. Президент США с полным основанием мог взять курс на объединение Германии, не опасаясь серьезных неожиданностей со стороны Советского Союза. Трудно сомневаться в том, что именно об этом вскоре Буш информировал и Коля.

— Сергей Федорович, есть версия, что Буш зондировал позицию Горбачева об объединении Германии по настоятельной просьбе Коля...

— Может быть. Что еще показала мальтийская встреча? Буш понял, что обстановка в СССР, с ее нестабильностью, не улучшится. Наоборот, она будет обостряться. И еще Буш понял, что соотношение сил между США и СССР изменилось в пользу США. Встреча и переговоры на Мальте были первыми, в которых Советский Союз выступал уже с ослабленными позициями.

«Они обзывают его гномом-импотентом...»

Ускорил ли визит Горбачева в Берлин отставку Хонеккера? Что говорил советский лидер на встрече с руководством ГДР? Высказывал ли он недовольство Хонеккером? В какой степени Горбачев владел информацией об обстановке в ГДР?

По свидетельству уже упоминавшегося бывшего руководителя информационной службы советской внешней разведки в Берлине И. Кузьмина, только по линии этого ведомства Горбачеву во время его двухдневного визита состоялось три доклада. Всего было представлено около 50 материалов — информационные справки по полторы-две машинописные страницы, аналитическая записка «О

положении в руководстве СЕПГ» на пяти страницах, а также записка «О настроениях в СЕПГ».

Наибольший интерес вызывает, несомненно, документ с анализом обстановки в высших партийно-государственных структурах ГДР, сложившейся вокруг Э. Хонеккера в связи, как отмечалось в справке, с его консервативным политическим курсом и авторитарно-деспотическим стилем руководства, а также влияния этой обстановки на положение в партии и государстве.

Разведка докладывала президенту имеющиеся у нее на тот момент данные о расстановке сил в политбюро ЦК СЕПГ. К противникам Хонеккера причислялись В. Штоф, Э. Кренц, В. Кроликовский, Э. Мильке, А. Нойман, К. Хагер. Группу его сторонников составляли Г. Миттаг, Й. Херман, Х. Долус, Г. Аксен. К ним относили и министра национальной обороны Г. Кеслера.

— В соответствии с действовавшей у нас в то время принципиальной установкой о том, что разведка не должна вмешиваться в процесс принятия политических решений, в записке не высказывалось каких-либо рекомендаций, — вспоминает И. Кузьмин. — Однако все ее содержание подводило к выводу о том, что обстановка в ГДР требует незамедлительного ухода Э. Хонеккера с руководящих постов. Такой же вывод следовал и из справки «О настроениях в СЕПГ».

Разведчик прав: все это не было чем-то новым и неизвестным для московского руководства. В Кремле прекрасно были осведомлены об отношениях внутри партийной и государственной верхушки ГДР. Все ее члены ежегодно бывали в СССР — на лечении, отдыхе, по служебным делам — и довольно откровенно рассказывали о своих симпатиях и антипатиях.

Для Кремля не было секретом, что у Хонеккера проблемы со здоровьем. Во время операции в июле 1989 года его дважды подвергали полному наркозу в течение двух суток беспрерывно. Догадки соратников о

последствиях для его умственной деятельности тут же становились известными советскому руководству. Веселое оживление среди членов Политбюро ЦК КПСС вызвало спецсообщение из Берлина о скандале, связанном с именем К. Наумана. Этот высокопоставленный деятель СЕПГ, настроенный против Хонеккера, будучи в сильном подпитии на одном из берлинских предприятий, публично обозвал главного «партайгеноссе» гномом-импотентом. Наумана с позором изгнали со всех его постов.

Разногласия между Берлином и Москвой усиливались. Было очевидно, что Хонеккер, поддерживаемый небольшой группой ближайших сподвижников, не намерен корректировать свой политический курс. Считалось, что престарелый, выживший из ума восточногерманский лидер судорожно пытается удержать личную власть.

Хонеккер отвергал эти обвинения:

— Падет ГДР — падет весь наш военно-политический блок. Мы будем стоять до конца.

На глазах разваливалась могущественная крепость, именуемая Варшавским Договором. Старик ронял нелестные слова о Горбачеве, отступившемся от своей подписи, поставленной в 1985 году под протоколом о продлении Договора на следующие 20 лет с пролонгацией еще на 10 лет.

Словом, поводов для раздражения «старшего брата» старина Эрих давал предостаточно. Но, что самое удивительное, «старший брат» все это терпеливо сносил. Выяснилось, что еще в 1986 году В. Кроликовский через посла Кочемасова обращался к Горбачеву с просьбой о поддержке противников Хонеккера. Такое же предложение вносили позднее, будучи в Москве, В. Штоф, А. Нойман, Э. Мильке и другие. Эти и подобные им обращения Горбачев оставлял без ответа.

Услышали ли оппоненты Хонеккера долгожданный сигнал к действиям во время последней встречи Горбачева с членами политбюро ЦК СЕПГ в Берлине? По свидетельству Г. Шахназарова, пожалуй, ни в одной другой беседе с лидерами восточноевропейских стран Горбачев не изъяснялся столь прямо и столь жестко, сказав примерно следующее:

— СЕПГ, ГДР имеют немалые успехи. Но сейчас не только Советский Союз, социалистические страны, весь мир вступает в новую эру. В вашем обществе накоплен большой запас энергии, нужно найти ему достойное применение, дать выход. Если это не будет сделано, люди начнут искать свои способы самовыражения. Лучше проводить реформы сверху, чем ждать, пока знамя перемен перехватят враждебные политические силы.

Шахназарову тогда показалось, что большинство членов Политбюро приняли эти высказывания с одобрением, может быть, не столько из-за полного согласия с ними, сколько из общего чувства неудовлетворенности руководством Хонеккера в последние годы:

— Много у них накопилось претензий к своему лидеру, они уже готовили ему замену, и нажим высокого московского гостя облегчил решение задачи.

Нажим все-таки, получается, был?

«Овес-то, барин, нынче дорог...»

Мальта была местом, где Горбачев впервые встретился с американским президентом Бушем. Взошедший на капитолийский холм в ноябре 1988 года, Буш ровно год держал советского лидера на отдалении. Он даже уклонился от встречи с Горбачевым, когда тот посетил Вашингтон в декабре 1988 года для выступления в ООН. Расчет Горбачева завязать диалог с

новым президентом США тогда успехом не увенчался — Буш попутствовал лишь (как вице-президент) на встрече генсека КПСС с уходящим со своего поста Рейганом.

И только через год новый американский президент изменил свое сдержанное отношение к советскому лидеру и дал согласие на встречу с ним. Бывший директор ЦРУ поначалу не верил в горбачевские перемены, подозревая очередного кремлевского вождя в хитроумном замысле получить перемирие в «холодной войне», что-то вроде нового Брестского мира, заключенного Лениным в 1918 году.

Однако поездки в июне 1989 года в Польшу и Венгрию, а также анализ происходящего в СССР привели Буша к пониманию того, что объявленная Горбачевым перестройка вне его субъективных намерений приобретает все более устойчивую тенденцию к выходу далеко за рамки социалистического выбора. Наверное, со стороны это было более заметно.

Буш, как он потом признавался, хотел лично убедиться в правильности своих представлений об отсутствии у советского президента намерений препятствовать переменам, набравшим силу в Восточной Европе, в советской Прибалтике и других регионах. Что он в этом убедился, видно из записанного в 1991 году диалога с маршалом Ахромеевым. На Мальте было недвусмысленно сказано: США будут строить свои отношения с СССР в зависимости от того, какую позицию он займет в связи с возможным объединением Германии.

Кредиты! Возможность финансовой помощи победила все сомнения. Казна была пуста, денег катастрофически не хватало, хотя Горбачев не вылезал из зарубежных поездок, где выклянчивал в долг. Давали — но под определенные обязательства.

Сторонники этой версии — Горбачев раздавал обещания налево и направо, лишь бы получить инвестиции, без которых в стране, впервые за послевоенное столетие посаженной на продовольственные и промтоварные карточки, ввергнутой в смуту и хаос, могло вспыхнуть массовое недовольство, способное смести режим неутомимого красная, — приводят в подтверждение любопытный аргумент.

На Западе опубликовано содержание разговора между Гельмутом Кодем и Михаилом Горбачевым во время его поездки в июне 1989 года в ФРГ. Встреча состоялась на вилле германского канцлера. Как рассказывает Коль, вспоминали о детстве и о годах войны, обменивались мнениями о том, какие богатые возможности открываются для будущего сотрудничества ФРГ и Советского Союза.

Горбачев поделился картинками своего детства. Он хорошо помнил приход немцев в свою станицу в годы войны. Ему, двенадцатилетнему пацану, приходилось ощипывать гусей для прожорливых немецких солдат. Гусей требовалось много, силенок, а главное, сноровки у парня не хватало, и он опасливо прислушивался к понукивающим голосам людей в военной форме. Может, оттуда, из детства, это испуганное замирание при звуке чужой речи?

Коль тоже рассказал о своих детских впечатлениях, травмировавших душу, когда советские войска пришли в его фатерлянд — для мщения. Не все освободители отличались гуманностью и состраданием.

Затем, после того, как оба настроились на ностальгический лад, Коль начал говорить о германском единстве.

— Так же, как Рейн течет к морю, ход истории неотвратимо ведет к воссоединению Германии, — произнес канцлер. — Конечно, можно было бы

попытаться построить на Рейне плотину, но река выйдет из берегов и продолжит свой путь под плотиной. Именно так обстоит дело и с восстановлением страны. Конечно, господин Горбачев может задержать этот процесс на долгие годы...

Коль печально взглянул на гостя:

— В таком случае я, конечно, не доживу до этого дня. Но день германского единства, европейского единства наступит с такой же неизбежностью, с какой Рейн впадает в море.

Советский лидер молча выслушал эмоционально-образную речь канцлера и заговорил об экономических трудностях Советского Союза.

— Если нам потребуется финансовая помощь, сможет ли и захочет ли господин канцлер ее предоставить?

То есть овес-то нынче дорог...

На вопрос Горбачева Коль ответил положительно. По мнению Коля, этот разговор в саду его виллы стал решающим моментом на пути к германскому единству.

Через полгода на Мальте Буш выполнил просьбу Коля и прозондировал позицию советского лидера относительно судьбы ГДР.

Иллюзии Кремля

Это невероятно, но Горбачев был уверен, что стоит заменить Хонеккера другим лидером, более лояльным по отношению к советской перестройке, и все войдет в свою колею.

Однако Эгон Кренц, пришедший на смену Хонеккеру и провозгласивший политику «поворота», смог продержаться у власти лишь чуть больше месяца. Третьего декабря 1989 года он объявил об отставке всего состава ЦК.

Для Кремля это было громом среди ясного неба. Выбор преемника Хонеккера представлялся безупречным. Э. Кренц был молод, красив, обладал обаятельной улыбкой, умел по-горбачевски вести диалог на улицах. Словом, прямая противоположность угрюмому предшественнику.

Речистого, и в этом похожего на кремлевского патрона, нового главного партайгеноссе привезли в Москву за ярлыком на княжение. Это произошло 1 ноября. Горбачев встретил Кренца объятиями. Советскому президенту казалось, что, получив нового руководителя, немцы успокоятся.

Не тут-то было! Через несколько дней после возвращения Кренца из Москвы рухнула Берлинская стена. Обмениваясь комплиментами в Кремле, Горбачев и Кренц не произнесли ни слова о вероятности такого развития событий. В стенограмме встречи нет даже намека на это.

Представительство КГБ СССР в Берлине узнало об открытии границы вечером из программы телевидения. Реакция Москвы была истерично-невротической. Весть о падении Берлинской стены застала врасплох руководство разведывательной службы, не говоря уже о высшем политическом руководстве страны.

Насколько Кремль был далек от реальности, свидетельствует и этот невероятный факт. Во время беседы с новым руководителем ГДР Г. Гизи второго февраля 1990 года Горбачев заявил о своей уверенности в том, что большинство жителей ГДР являются сторонниками социалистического выбора.

По мнению многих германистов, высшее советское руководство с трудом воспринимало происходящее в ГДР. Никаких конкретных мер по стабилизации обстановки Кремль предложить не мог, поскольку никто не имел в этих вопросах сколько-нибудь четкой линии. Все оглядывались на первое лицо в государстве,

от которого привыкли получать указания, а он все еще не верил в серьезность происходящего, полагаясь на традиционную мощь военных и политических позиций СССР в этом районе Европы.

Или все же предвидел, как иногда пишут, да еще якобы «с самого начала перестройки»?

— Москва не хотела терять ГДР, — считает бывший советский посол в Бонне Ю. А. Квицинский, — а в 1989 году действовала под давлением событий, которые для Кремля оказались в принципе совершенно неожиданными...

Эту точку зрения разделяют многие видные дипломаты, разведчики, военные. В подтверждение приводят хронику уступок. Будучи выстроенными в один ряд, они действительно высвечивают странную картину.

Январь 1990 года. Встреча Горбачева с Колем в Москве. Окрыленный канцлер уезжает в Бонн, где заявляет, что объединению Германии «дан зеленый свет». Только сейчас стало известно, что на переговорах советская сторона не расшифровывала условия объединения, а как заведенная талдычила абстрактную формулу — учет интересов безопасности других государств. Что имелось в виду под этой расплывчатой фразой, неизвестно. Духу не хватило заявить о том, что вхождение объединенной Германии в НАТО было бы несовместимо с интересами безопасности Советского Союза?

Февраль 1990 года. Встреча Буша и Коля. Заокеанский президент и европейский канцлер принимают решение о полноформатном вхождении объединенной Германии в НАТО. Позиция СССР, судя по всему, их уже не интересует. Напомним, что как раз в эти февральские дни генсек КПСС убеждает новоиспеченного берлинского коллегу Гизи в верности

большинства жителей Восточной Германии социалистическому выбору.

Март 1990 года. Советский МИД выступает с заявлением, где наконец-то излагает позицию руководства страны по вопросу объединения Германии. Декларируется, что для СССР неприемлемо включение будущей Германии в Североатлантический блок.

Неужели Москва проявила характер? Как бы не так!

Июль 1990 года. Визит Коля в Москву. Советская сторона официально снимает возражения против вхождения объединенной Германии в НАТО. Почему после бесконечных компромиссов, лавирования, наконец, импровизаций о возможном вхождении Германии сразу в оба блока — в НАТО и Варшавский Договор — подняли лапки кверху, словно ошипанные гуси, которых когда-то готовил к обеду ставропольский мальчишка для чужеземных солдат?

Нет ничего тайного, что не стало бы со временем явным. Нетленна библейская мудрость!

Приоткрылся краешек еще одного покрывала. Оказывается, в июне того памятного 1990 года Горбачев посетил США. Сидя за чашкой кофе с Бушем, Михаил Сергеевич как бы между прочим заявил, что он согласится признать членство объединенной Германии в НАТО, если этого пожелает немецкий народ.

Буш от неожиданности едва не выронил из рук свою чашку. Изумленно взглянул гостю в глаза:

— Я хотел бы услышать это еще раз. Вы сказали, что не имеете ничего против, если Германия захочет быть в НАТО?

Горбачев повторил:

— Если они захотят быть в Варшавском Договоре, очень хорошо. Если они захотят в НАТО, тоже очень хорошо.

Буш не поверил услышанному и попросил Горбачева еще раз повторить сказанное. Горбачев сделал это. Буш

и его сотрудники были потрясены.

Такая вот иллюстрация к вопросу о том, как принимались судьбоносные для нашей страны и всего мира решения в эпоху нового мышления. Ни в Политбюро ЦК КПСС, ни на съезде народных депутатов СССР этот вопрос не обсуждался и проект его решения не рассматривался. Естественно, не согласовывался он и с тогдашними союзниками СССР.

Для сравнения: письмо ленинградской преподавательницы Нины Андреевой, опубликованное в газете «Советская Россия», обсуждалось в Политбюро двое суток с утра до вечера без перерыва.

«Ополовиненный» народ

Так кто же решил судьбу ГДР? Горбачев с Рейганом, Бушем и Колем? Хонеккер с Кренцем? Некие тайные силы, на которые многозначительно намекают, но вслух не называют?

Строя всевозможные догадки, как всегда, забывают о главном действующем лице истории — народе.

Его искусственно разделили надвое, пустив в ход концепцию «два государства — две нации». По мнению Г. Шахназарова, ошибочность этой концепции очевидна — ведь у каждого второго немца из ГДР были кровные родственники в ФРГ, в том числе и у самого Хонеккера. Многие чуть ли не ежедневно общались по телефону, ездили друг к другу в гости. Разумеется, они не могли принять всерьез утверждения, что их родители, сестры, братья принадлежат к другой нации.

Завышенная оценка устойчивости социалистического строя в ГДР была, наверное, одной из причин столь неожиданного для Кремля поворота событий. Прежний образ жизни не успел окончательно выветриться из памяти восточных немцев, более того, он был у них буквально под боком.

Вот почему первой пала Берлинская стена, возведенная почти тридцать лет назад и разделившая надвое город, нацию, Европу, мир.

За годы существования стены здесь погибли от пуль пограничников и самострельных установок, а также подорвались на минах около 250 человек. Общее число погибших на бывшей германо-германской границе составило 825 человек.

Последний лидер ГДР Эгон Кренц вместе с пятью бывшими членами Политбюро правившей СЕПГ предстали перед германским судом 13 ноября 1995 года по обвинению в гибели людей на бывшей германо-германской границе и у Берлинской стены.

По имеющимся сведениям, Э. Кренц обращался к Б. Ельцину с просьбой использовать влияние России, чтобы остановить преследование граждан ГДР, осуществлявших в послевоенной Германии политику, которую ГДР проводила как надежный партнер Москвы.

Однако Кремль на это обращение не отреагировал.

В 1999 году Э. Кренц был приговорен к тюремному заключению.

Глава 24

ФОРОССКИЙ УЛЬТИМАТУМ

Часы показывали 16.32, когда ворота объекта «Заря» распахнулись, впустив пять сверкающих лаком черных «Волг».

Охрана беспрепятственно пропустила незаявленный предварительно кортеж, потому что при подъезде к посту из головного автомобиля вышло начальство — руководитель Службы охраны КГБ СССР генерал-лейтенант Юрий Плеханов, его заместитель генерал-майор Вячеслав Генералов и начальник крымской «девятки» полковник Лев Толстой.

Приехавшие на других машинах — секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, заместитель председателя Совета обороны страны Олег Бакланов, заместитель министра обороны Валентин Варенников и руководитель аппарата Президента СССР Валерий Болдин — в сопровождении Плеханова направились к дому Горбачева.

О событиях того воскресного дня 18 августа 1991 года писано-переписано. В основном теми, кого и близко от Фороса не было. Что же в действительности там произошло? Об этом знают лишь пятеро, участвовавших в беседе. Увы, все они свидетельствуют по-разному.

Внезапный приезд

Покой Президента СССР на объекте «Заря» (так в документах КГБ именовалась дача в Форосе) охраняли более полутысячи человек. Сверхчувствительную систему морской сигнализации, пеленгующую даже проплывающих дельфинов, подстраховывали подразделения подводных снайперов. От возможных диверсантов берегла знаменитая «Альфа». Тропинки, по которым прогуливался президент с супругой, обследовались служебными собаками и охранялись невидимыми автоматчиками.

Продукты подвергались спецпроверке.

Надзор за президентской дачей осуществляли пограничники, моряки, летчики, вертолетчики. Это кроме тех более десятка постов КГБ, несших круглосуточный караул непосредственно на территории «Зари». Здесь было три рубежа охраны, находившихся к Президенту ближе всех. Телохранителями Горбачева командовал генерал-майор Владимир Медведев. Опытный кремлевский страж, он был в свое время одним из руководителей личной охраны Л. И. Брежнева.

По словам Медведева, 18 августа был обычным днем. Около одиннадцати часов Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна спустились к морю. Она, немного отдохнув, стала плавать, а он читал на берегу книгу. Через час с небольшим они отправились к дому. По дороге еще раз уточнили время отъезда и вылета в Москву.

Примерно около половины пятого Медведеву позвонил дежурный офицер по объекту и доложил, что пограничникам поступила команда: через резервные ворота дачи никого не выпускать!

— От кого поступила команда?

— Не знаю, — ответил дежурный.

Руководитель охраны президента начал было выяснять, но в этот момент дверь открылась, и перед ним предстали оба его начальника из Москвы — Плеханов и Генералов.

Медведев с недоумением взглянул на вошедших. Обычно, когда Президент собирался возвращаться откуда-либо в Москву, за ним непременно приезжал кто-нибудь из руководства московской «девятки». Это было незыблемое правило, заведенное при Горбачеве, и его начальник охраны к нему привык. Однако здесь явное исключение: в Крым прибыли оба начальника Медведева, хотя совсем недавно он разговаривал по телефону с Генераловым, и тот предупредил, что за Горбачевым приедет он, поскольку Плеханов в отпуске. И вот перед глазами оба.

Поздоровались. Медведев спросил, кто дал команду перекрыть выход. Плеханов улыбнулся:

— Я. Не волнуйся, все в порядке.

По существовавшему положению с прибытием на объект начальника службы охраны вся полнота власти переходила в его руки. Руководитель «девятки» мог отдать любое распоряжение любому посту. И все же Медведева неприятно кольнуло, что он, начальник

личной охраны президента, не был заблаговременно поставлен в известность об изменениях в режиме охраны дачи.

— К Михаилу Сергеевичу прилетела группа, пойдя доложи, — распорядился между тем Плеханов.

— А кто приехал? — не понял Медведев. — По какому вопросу? Как доложить?

— Не знаю... У них какие-то дела...

Плеханов назвал прибывших — Шенин, Бакланов, Болдин, Варенников. Имена исключали всякие подозрения, более того — успокаивали. Все — свои. Самые, самые свои.

Плеханов остался в кабинете Медведева, в гостевом доме. Прибывшая из Москвы четверка находилась в комнате отдыха. Начальник охраны направился к Михаилу Сергеевичу.

Сбор на объекте «АБЦ»

Днем раньше, в субботу 17 августа, старший офицер приемной председателя КГБ СССР Н. Мишин получил указание Крючкова подготовить на объекте «АБЦ» стол примерно на 6–8 человек.

Объект, который имел в виду председатель КГБ, находился в самом конце Ленинского проспекта на пересечении с кольцевой дорогой и входил в систему спецобъектов Первого Главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. Выполняя указание, Мишин взял с собой виски и водку и выехал на объект, чтобы лично руководить приготовлениями к мероприятию. Столы были накрыты как в главном доме, так и в отдельно стоявшей беседке.

Около 16 часов на служебном «Мерседесе» приехал Крючков в сопровождении своего заместителя Грушко и помощника Егорова. Минут через 15–20 подкатила машина, из которой вышли высокопоставленные

военные — министр обороны Язов и его заместители Варенников и Ачалов. Их встречал Крючков. Все вместе они проследовали в беседку. Спустя 30–40 минут тоже в одной машине приехали Бакланов, Болдин и Шенин. Они присоединились к компании. Вскоре появился Павлов.

В беседе гости пробыли около полутора-двух часов. Официантки, являвшиеся сотрудницами ПГУ КГБ, будучи допрошенными в качестве свидетелей по делу ГКЧП, показали, что содержание разговоров собравшихся в беседке лиц неизвестно, так как они замолкали при приближении девушек с закусками. Первыми из-за стола поднялись военные. Выйдя из беседки, Язов, Варенников и Ачалов уехали с объекта. Было это примерно в 19.30–20.00. Остальные перешли в гостевой дом. Ужин оставшихся лиц продолжился примерно до 21 часа.

Следствие по делу ГКЧП квалифицировало встречу в беседке на конспиративном объекте КГБ «АБЦ» как совещание организаторов заговора для окончательного согласования совместных действий по захвату власти в стране и определения конкретной даты выступления, что и нашло свое отражение в обвинительном заключении. Однако обвиняемые точку зрения следственной группы не разделили.

Как возникла идея встречи? Следствие было склонно считать ее организатором Крюčkова. Но бывший председатель КГБ показал на допросах, что 16 или 17 августа ему позвонил то ли Шенин, то ли Бакланов (точно не помнит) и предложил встретиться для удобства на каком-нибудь объекте КГБ. Поскольку необходимость и возможность этой встречи обговаривалась ими ранее, то он и назвал объект «АБЦ», где собирались прошлый раз.

Допрошенный в качестве обвиняемого В. Грушко, заместитель Крюčkова, по поводу встречи на секретном

объекте сообщил, что он приехал туда с Крючковым и Егоровым, не зная ее цели. Поскольку Крючков предложил ему побеседовать с Павловым, то он, Грушко, решил, что разговор пойдет в приятной обстановке о повышении заработной платы работникам КГБ.

Грушко был очевидцем того, как по дороге на объект «АБЦ» Крючков из машины позвонил Павлову и сказал, что он уже выехал и направляет к нему своих охранников, которые покажут, куда надо ехать.

Допрошенный об обстоятельствах встречи на объекте «АБЦ» обвиняемый В. С. Павлов показал, что примерно в начале шестого вечера, когда закончилось заседание Президиума Кабинета Министров СССР и он спустился к себе в кабинет, позвонил Крючков и поинтересовался, как идут дела, как настроение. Павлов ответил, что он только что с заседания Президиума Кабинета, где рассматривались вопросы, связанные с проектом Союзного договора:

— Настроение скверное... Экономическое положение в стране ухудшается изо дня в день. Союз распадается, республики уже не больно волнуют совместные проблемы. Время уходит... Если сегодня еще можно что-то исправить, то завтра будет поздно...

Крючков, по словам Павлова, согласился. Председатель КГБ сказал: его и некоторых товарищей также волнуют эти проблемы, судьба страны им не безразлична. И предложил премьеру подъехать к нему на один из объектов, чтобы вместе с собравшимися товарищами обсудить ряд проблем.

Несмотря на его, Павлова, попытки отказаться от встречи, ему это не удалось. Крючков проявил настойчивость, и премьер согласился. В сопровождении машины, направленной за ним Крючковым, Павлов прибыл на охраняемый объект КГБ, расположенный в конце Ленинского проспекта. Встретивший Крючков

провел премьеру в беседку, где уже находились Бакланов, Болдин, Шенин, Язов, Варенников, Грушко и еще несколько человек в штатском, как он понял — из КГБ и Минобороны.

Будучи допрошенным по данному эпизоду обвинения, министр обороны Язов признал, что 17 августа в соответствии с договоренностью он вместе со своими заместителями Варенниковым и Ачаловым прибыл к 16 часам на объект «АБЦ». Целесообразность участия в совещании Ачалова была обусловлена его работой совместно с представителями КГБ по оценке ситуации в стране и подготовке рекомендаций о возможном введении чрезвычайного положения. Варенников был приглашен как главнокомандующий сухопутных войск, на которого возлагались бы вопросы обеспечения их реализации.

На вопрос следствия о том, как он оказался участником встречи заговорщиков, Варенников сообщил, что ему около шести вечера позвонил Язов и попросил зайти. В кабинете министра обороны Варенников увидел Ачалова в гражданской одежде. Язов сказал: необходимо ехать на встречу с руководством страны. В машине Ачалов сел на месте сотрудника КГБ, который должен был охранять Язова.

Шенин также показал, что в субботу 17-го, до обеда, когда он находился на работе, ему позвонил Крючков и сказал о необходимости встретиться. Аналогичный звонок раздался и в больничной палате, где находился на излечении Болдин. Согласившись, руководитель президентского аппарата по дороге посадил в свою машину Бакланова, с которым заехал за Шениным, ожидавшим их у первого подъезда здания ЦК КПСС на Старой площади.

Как видим, сбор был срочный — Болдина подняли с больничной койки. Обошлись и без помощи аппарата, который обычно обеспечивает явку на совещания.

Первые лица выходили напрямую на первых лиц. Не случайно и место сбора — не Старая площадь и не Кремль, не Лубянка и не Арбат, а скрытый от посторонних глаз секретный спецобъект внешней разведки. Все это свидетельствовало о конфиденциальном характере встречи.

Томительное ожидание

Когда начальник президентской охраны вошел в кабинет Горбачева, то увидел, что Михаил Сергеевич, облаченный в теплый халат, читает газету.

Теплый халат понадобился дня три-четыре назад. То ли переохладился Михаил Сергеевич, то ли ветерком дунуло — охнул, подняв ногу на ступеньку. Как раз с прогулки возвращался. Наверное, радикулит.

— Михаил Сергеевич, разрешите?

— Заходи. Чего там?

— Прибыла группа. — Медведев назвал имена сидевших в комнате отдыха. — Просят принять.

Горбачев удивился:

— А зачем они прибыли?

— Не знаю.

По словам Медведева, Горбачев надолго замолчал. Он явно что-то заподозрил. Начальник президентской охраны, возвращаясь к тем минутам, впоследствии рассуждал так: почему Горбачев не захотел посоветоваться, прикинуть варианты, почему не сказал — задержись, Володя, потолкуем. С кем приехали — одни, с «Альфой»? Какой был разговор? Не уходи. Будь со мной и выполняй только мои распоряжения. Или, если разговор секретный, возьми своих ребят и будьте рядом, наготове.

Однако ни одной из этих мер президент не воспользовался.

— Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить создавшееся положение! — с горечью восклицал начальник его охраны. — Ребята были у меня под рукой. В моем подчинении были резервный самолет «ТУ-134» и вертолет. Технически — пара пустяков: взять их и в наручниках привезти в Москву. В столицу бы заявились, и там еще можно было накрыть кого угодно. Было еще только 18-е... Что же, Горбачев не смекнул? Не знал исхода? Но как же тогда мы, охрана, могли догадаться?

Действительно, догадаться было трудно. Ведь о том, что будет дальше, не знали ни Горбачев, ни те, кто к нему пожаловал. Впрочем, Медведев высказывает догадку: ему казалось, какой-то предварительный разговор о том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение, у них с Горбачевым был, может быть, в самой общей форме. По мнению начальника президентской охраны, «четверка» прилетела в Форос не арестовывать Горбачева, а договориться с ним, уговорить его поставить свою подпись. Раз летели, значит, надеялись. Не сошлись в формах и методах?

— Ни они не знали, чем кончится разговор, ни он не знал, поэтому и не счел нужным переговорить со мной о некоторых мерах предосторожности, — вспоминает В. Т. Медведев. — Подвела его и вечная привычка советоваться с Раисой Максимовной. После минутного раздумья и легкого замешательства он пошел к ней в спальню. А я отправился обратно к себе в кабинет.

Там по-прежнему сидел Плеханов, нетерпеливо ожидавший возвращения Медведева. Владимир Трофимович сообщил, что приказание выполнил, доложил, но Михаил Сергеевич не сказал ни «да», ни «нет». Тогда Плеханов сам повел группу к Горбачеву.

Однако скоро вернулся к Медведеву:

— Михаила Сергеевича в кабинете нет. Где он может быть? Сходи поищи...

— Скорее всего, в спальне, — ответил Медведев. — Подождите, он выйдет. Может, переодевается?

Горбачев не появлялся. Плеханов нетерпеливо посматривал на часы:

— Сходи в главный дом, выясни.

По словам Медведева, он отказался. Хождения в главный дом были строго ограничены: президент на отдыхе, и каждое чужое появление сковывает и раздражает. На помощь Плеханову пришел Болдин. В два голоса они настояли:

— Ну посмотри. Люди же ждут.

Вместе с Плехановым и Болдиным начальник охраны поднялся в главный дом.

— Вся группа по-прежнему сидела в холле, — вспоминает Медведев. — О чем-то негромко переговаривались, вполне спокойно, без видимого напряжения. Я уловил главное: в Москве что-то случилось, но нашей службы это не касается. Болдин и Плеханов присоединились к группе, а я направился в кабинет. Опять — пусто. С минуту постояв, развернулся и мимо всех молча направился к себе.

Через некоторое время к нему вернулся Плеханов.

— Что случилось? — снова попытался выяснить Медведев у своего начальника.

— Да дела какие-то у них...

Медведев, полагая, что прибывшие из Москвы все еще томятся в ожидании, когда же их пригласят к президенту, и не зная, что они уже в кабинете Горбачева, который впустил всех, кроме Плеханова, потянулся к домофонной трубке.

— У Горбачева должен загореться огонек, если он на месте и поднимет трубку, — рассказывает Медведев. — Но Плеханов объявил: «Не трогай. Телефон не работает». Тут я понял: хрущевский вариант. Вся связь отключена.

Допрошенный в качестве свидетеля, Горбачев так описал сообщение о приезде «четверки»: «...Сижу я и работаю, неожиданно заходит Медведев и говорит, что ко мне приехала группа товарищей. Я спросил, что это за группа, если со мной ничего не согласовано? Как они здесь оказались, так как охрана не имеет права их пропустить. Он говорит, что с ними Плеханов и Болдин — руководитель аппарата президента. В общем, все это было продумано.

Вижу, что состояние Медведева необычное. Я сказал, ну хорошо, пусть подождут. Беру трубку — кстати, собирался звонить Крючкову узнать, что это за миссия. Вообще-то странно: я уезжаю завтра — и вдруг группа. Телефон не работает, беру другие — то же самое. Беру трубку внутреннего телефона — не работает. Все проверил, беру красный телефон, и он «мертв». В общем все телефоны мертвы, и даже на кухню отключен.

Я обратил внимание — это было без десяти семнадцать. Как только я понял, что телефоны отключены, не надо быть с большим воображением, чтобы понять — речь идет о серьезном. Я пошел к Раисе Максимовне. Объяснил ей ситуацию. Да, хочу добавить, что Медведев мне назвал фамилии тех, кто приехал — не знаю, всех ли, но назвал: Бакланова, Шенина, Болдина, Плеханова, не знаю только, назвал ли Варенникова, наверное, все-таки назвал. Я понял это сочетание и во взаимосвязи мне стало ясно: что-то произошло. Я и Раисе Максимовне сказал: речь идет о серьезном, это заговор, или я сказал, переворот...».

Пока прилетевшие из Москвы визитеры томились в ожидании приема, в спальне Раисы Максимовны происходила сцена, о которой супруга президента на следствии сообщила следующее:

«...Для нас события в Форосе начались 18 августа в пять часов вечера. В это время группа заговорщиков

появилась на территории резиденции президента. Вы понимаете, так не бывает — без предупреждения, без приглашения на территорию въезжают машины, выходит группа лиц и требует встречи с президентом. Михаил Сергеевич был в своем рабочем кабинете — он всегда вторую половину дня работал. Я была у себя в комнате. Михаил Сергеевич мне потом сказал, что когда к нему вошел Медведев и доложил о прибытии группы лиц, потребовавших с ним встречи, он попытался выяснить по телефону, зачем они прибыли и кто их направил. Но это ему не удалось — все его многочисленные телефоны оказались отключенными. Все — стратегические, правительственные, городские, внутренние. В это время мы поняли, что произошло что-то страшное, что президент страны изолирован... Михаил Сергеевич зашел и сказал, что мы изолированы, что это арест. Иначе это ничего не могло означать... Михаил Сергеевич сказал совершенно определенно, что он не пойдет ни на какие авантюры, не пойдет ни на какой шантаж и ни в каких авантюрах участвовать не будет. После этого он пошел на переговоры с приехавшими...».

Из свидетельских показаний Ирины Вирганской, дочери президента СССР: «...Папа нам сказал, что ему в общем-то ясно, что так может выглядеть только изоляция и арест...». Муж Ирины, Анатолий Вирганский, показал: «...Нас позвала Раиса Максимовна. Мы пришли к ней в комнату, там же был и Михаил Сергеевич. Они нам рассказали, что на даче отключили всю связь, включая внутреннюю. Кроме того, сказали, что приходил Медведев, который сказал, что ситуация архисложная и за ней может последовать все, что угодно. События могут развиваться крайне плохо. От него будут требовать, но он несмотря ни на что не отступится от своего — от демократизации, от Ново-

Огаревского процесса. Ему важно знать позицию всех членов семьи. Мы его поддержали...».

Вдохновленный единодушием семьи, президент спустился к прибывшим. «Они уже поднялись на второй этаж сами, — показывал на следствии Горбачев. — Сидят, ходят, весьма бесцеремонно. Я сказал им: «Заходите» и пошел в кабинет. Он небольшой, двоим хватило стульев, а остальные стояли. Кто зашел? Бакланов, Болдин, Варенников, Шенин. За ними — Плеханов, но я его не допустил. Он засуетился, закрыл дверь и ушел... Зашедшим в кабинет я задал вопрос: кого они представляют и по чьему поручению прибыли? Кто они такие?».

«Там Горбачев звонит из Крыма...»

Согласно журналу учета телефонных соединений на коммутаторе, расположенном в поселке Мухалатка, 17 августа 1991 года находившийся на отдыхе Президент СССР Горбачев с 17 часов 12 минут до 17 часов 26 минут разговаривал с председателем КГБ Крючковым. Своеобразие ситуации в том, что в момент телефонного звонка из Фороса глава лубянского ведомства находился в уютной беседке на объекте «АБЦ», где собрались будущие члены ГКЧП.

Сей неизвестный широкой публике факт автор этой книги выудил в седьмом томе многотомного уголовного дела, возбужденного в связи с действиями ГКЧП. Представляете? Только Крючков достал из своей папки проект документа о мерах, которые следовало осуществить, введя чрезвычайное положение, как в этот момент появляется его охранник и сообщает, что звонит из Крыма Горбачев и вызывает Крючкова.

«Тот передал документ Грушко и попросил прочитать его, а сам пошел к телефону, — читаю показания Егорова, бывшего помощника Крючкова. —

Грушко начал читать, и когда оглашал п. 7 о координации деятельности правоохранительных органов в наведении порядка, то Павлов высказался, что надо применять правовые меры самого жесткого характера. Грушко возразил: меры, предусмотренные документом, выведены на основе Конституции СССР и Закона о чрезвычайном положении, более жестких мер предусмотреть нельзя, достаточно этого. Далее он попросил меня читать этот документ, поскольку сам поперхнулся. Я стал читать дальше, где речь шла уже об экономических мерах... Тут Павлов заявил, что здесь все понятно, что это уже видели, читали. При этом у остальных участников встречи никаких возражений, сомнений, вопросов не появилось. В этот момент появился Крючков. Он стал рассказывать о содержании разговора с Горбачевым, и все увлеклись, поэтому о документе забыли...».

На следствии Крючков не отрицал своего телефонного разговора с Горбачевым. Однако, по словам обвиняемого, разговор носил общий характер и детализировать его содержание он не может:

— Претензий к президенту я каких-либо не предъявлял, иначе говоря, с требованиями или просьбами не обращался. Наверное, потому, что эти претензии еще не были четко сформулированы собравшимися. Обсуждение только началось. Работали над этими документами. Не был я уполномочен товарищами на то, чтобы информировать Горбачева о нашей встрече. По этой причине не считал возможным уведомлять президента о намечавшейся поездке.

Отвечая на аналогичный вопрос, свидетель Горбачев показал, что разговоры им по телефону велись постоянно с широким кругом лиц. Касались они различных служебных дел. С Крючковым говорил ежедневно, поэтому содержание разговора 17 августа он не помнит. С Янаевым разговаривал практически

через день, а с Болдиным — по несколько раз в день. Однако предложений о введении чрезвычайного положения ни от кого из них не поступало. Ситуация, возникшая 18 августа, явилась для него полной неожиданностью, поскольку 19 августа он намеревался возвратиться в Москву.

Звонок из Крыма чрезвычайно важен для понимания сути происходивших тогда событий. Какую цель преследовали участники встречи на объекте «АБЦ», принимая решение о поездке делегации к президенту в Форос? Информирование о резко ухудшившемся положении дел в стране за время его отсутствия в Москве? Переход к открытым действиям по захвату власти? И вообще как родилась идея направить в Форос «группу товарищей»? Почему выбор пал именно на этих людей — не самых известных и влиятельных в стране? Кто знает, как повел бы себя Горбачев, если бы к нему прилетели не заместители Крючкова, Язова и Ивашко, с точки зрения президента и генсека, люди второстепенные, а непосредственно сами руководители важнейших ведомств?

Направили заместителей, что вызвало бурю гнева у президента: «Кого вы представляете, от чьего имени говорите?». Реакция вполне объяснимая.

Ответ на вопросы, почему именно этих людей послали в Форос и в силу каких обстоятельств будущие гэкачеписты пришли к самой идее поездки, следует искать у тех, кто собрался вечером семнадцатого в укромной беседке на конспиративном объекте «АБЦ». К сожалению, еще никто из пишущей братии не попытался прислушаться к объяснениям «заговорщиков», их аргументы утонули в шквале обвинений и негодования. Предпримем же беспристрастную попытку разобраться в том, что в действительности происходило в беседке. В конце концов, собравшиеся там вечером семнадцатого августа

тоже имеют право на то, чтобы быть если не понятыми, что, наверное, еще преждевременно, то хотя бы услышанными.

В двадцать втором томе уголовного дела, возбужденного в связи с действиями ГКЧП, автор обнаружил показания обвиняемого Бакланова, который свел разговор на объекте «АБЦ» к простому обмену мнениями о ситуации в стране. «Шел разговор о тяжелом положении в стране, о необходимости принимать какие-то меры, — объяснял он следователям. — О том, что по этому вопросу Президент СССР занимает очень пассивную позицию и надо какие-то конкретные предложения выработать вместе с Президентом СССР, чтобы выйти из этой ситуации...».

Относительно того, как выработывалось решение о вылете группы лиц в Форос и предъявлении Горбачеву ультиматума, Бакланов сказал, что разговора об этом между собравшимися не было. Этот вопрос обсуждался наедине с Крючковым, к которому он приезжал по приглашению последнего.

Благородство Бакланова, не назвавшего на допросах даже состава участников встречи на объекте «АБЦ», по-человечески привлекает. Однако из показаний других обвиняемых следует, что на встрече обсуждался и персональный состав делегации. Определяя кандидатуры для поездки, исходили из того, чтобы показать Президенту СССР единство взглядов Совета обороны, министерства обороны, президентского аппарата, ЦК КПСС и КГБ. Ехать должны наиболее близкие Горбачеву люди, другим переубедить его будет невозможно.

Бакланов и Шенин заявили, что готовы лететь, но неплохо было бы, если бы в состав группы вошли представители МО и КГБ. Язов назвал Варенникова, Крючков — Плеханова. В процессе обсуждения кандидатур для вылета был назван Болдин, который на

допросе дал такое объяснение своему согласию: «Меня пригласили в связи с тем, что все знали — Горбачев наиболее доверяет мне и мое присутствие в Форосе убедит его в том, что в отношении него лично не предполагается принятие каких-либо «дурных» мер. Я согласился лететь, желая своим присутствием внести успокоение Президенту СССР из-за неожиданности этого визита».

Все обвиняемые единодушны в том, что поездка в Форос предпринималась исключительно в двух целях. Первая — открыть глаза президенту на развал Союза, усугубление кризиса, неконтролируемую обстановку. И вторая — убедить его в необходимости принятия решительных мер, то есть предложить ввести в стране чрезвычайное положение. «Понимали, что лучше делать это вместе с Президентом СССР и под его руководством», — давал показания на следствии Крючков.

По его словам, идея поездки в Форос возникла исключительно ради того, чтобы, доложив Горбачеву обстановку в стране, попытаться повлиять на него и уговорить пойти на более решительные шаги в интересах спасения и предотвращения полного краха государства. В случае несогласия Горбачева имелся запасной вариант: попросить его на какое-то время отключиться от работы, передав свои полномочия вице-президенту Янаеву.

— Хотелось быть уверенным, что Горбачев против введения чрезвычайного положения каких-либо реальных шагов предпринимать не будет, — разъяснял свою позицию Крючков. — Поскольку через несколько дней предполагалось заседание Верховного Совета СССР, на котором, по нашему убеждению, введение ЧП было бы одобрено, важно было в эти несколько дней сохранить видимость нейтралитета Президента СССР. Поэтому казалось разумным отключить связь с ним. Это

позволило бы сохранить имидж Горбачева, это важно было бы и для него, и для его «друзей» за рубежом.

Миссия, с которой отъезжали визитеры на самолете Язова, была сверхтонкой. Пойдет ли Горбачев на предложенный шаг, никто точно сказать не мог. Болдин поделился сомнениями — убедить президента сделать задуманное ими будет очень трудно. Особенно уязвим запасной вариант: временная передача своих полномочий по причине болезни. Вряд ли поможет и то, что приедут самые доверенные, самые близкие люди. Но иного выхода не было, поскольку с их точки зрения до оформления прекращения Союза ССР оставалось всего несколько дней. Это и предопределило их отчаянный и до конца не проработанный поступок. Оставшимся в Москве теперь приходилось уповать на дипломатические дарования визитеров, за старшего среди которых был Бакланов.

Что происходило в кабинете. Версия Горбачевых

Наверное, вряд ли это был самый подходящий момент для беседы. «Четверка» прибыла не в самое удобное для президента время.

— Выглядел он болезненно, передвигался с трудом, — вспоминает Болдин, — на лице, багровом не столько от загара, сколько, видимо, от повышенного давления, выражалось чувство боли и недовольства. Он быстро со всеми поздоровался за руку и с гневом спросил, ни к кому не обращаясь: «Что случилось? Почему без предупреждения? Почему не работают телефоны?» — «Надо, Михаил Сергеевич, обсудить ряд вопросов». — «Каких вопросов?».

Все это говорилось на ходу, по пути в кабинет. Место, где Горбачев принимал посланцев, тоже не располагало к спокойному, дружелюбному обмену

мнениями. По словам Болдина, кабинет был небольшой и крайне неудобный. Маленький стол с окном за спиной сидящего, чуть правее другое окно. Напротив у стены всего два стула. Горбачев сел в кресло за столом, Шенин и Варенников — на стулья. Болдин и Бакланов разместились на подоконниках. Никаких условий для основательной беседы.

— Мы приехали, чтобы обсудить ряд вопросов о положении в стране, — начал Шенин.

Однако Горбачев сразу же прервал его:

— Кого вы представляете, от чьего имени говорите?

В кабинете было пятеро. Каждый из них — кто на допросах, кто в мемуарах или в интервью — неоднократно возвращался к этой получасовой беседе. И каждый — в своем изложении. Как было на самом деле, наверное, мы не узнаем никогда — беседа велась без стенографистки и не записывалась на магнитную ленту. Память же, как известно, вещь ненадежная, несовершенная. К тому же не следует сбрасывать со счетов и взвинченное состояние собеседников. Прилетевшие из Москвы, как известно, дипломатическими способностями не блистали, что с огорчением было отмечено в Кремле, куда визитеры позвонили из самолета по пути домой. По словам Павлова, на вечернем заседании в Кремле в воскресенье председатель КГБ обронил фразу: «Они к нему не могли как-то подойти».

Гневно-раздражительный тон президента, его вопросы были неожиданными. Такая реакция не предусматривалась при обсуждении темы разговора. По рассказу Болдина, они рассчитывали на взаимозаинтересованное обсуждение вопроса, в духе аналогичных встреч в прошлом, когда Горбачеву докладывалось о готовности введения чрезвычайного положения в стране. И вот теперь с самого начала разговор не складывался.

Однако вернемся к этой встрече в интерпретации Горбачевых. На вопрос Михаила Сергеевича, кто они такие, последовал ответ: они по поручению комитета, созданного в связи с чрезвычайной ситуацией. Термин «государственный» не упоминался.

«Я задал вопрос о том, кто такой комитет создал — Верховный Совет, Президиум? — показывал допрошенный в качестве свидетеля Горбачев. — Чего вы хотите? Последовали не совсем вразумительные ответы. Тогда я спросил о составе комитета, кто в него входит. Мне назвали семь человек и Лукьянова тоже назвали... Документы мне не предъявлялись. Все устно шел разговор. Чувствовали они себя неуютно. Я для себя определился — это же предатели, близкие мне по партии и государству люди. Разговор с моей стороны с ними был жесткий, эмоциональный...».

Далее Горбачев рассказал следователям о содержании разговора, предъявленных ему требованиях. По его словам, ему предложили издать указ о введении чрезвычайного положения и формировании комитета по чрезвычайному положению.

Когда он отказался сделать это, по его словам, последовало требование передать президентские полномочия вице-президенту Янаеву, а самому удалиться от дел, подлечиться. Бакланов заявил ему, что подписания Союзного договора не будет. С его слов Горбачев понял, что Ельцин будет арестован.

Горбачев попытался их убедить, что затеянное ими — авантюра, безумие, может вызвать за собой кровь. Бакланов на это заявил: «Михаил Сергеевич, да от вас ничего и не требуется. Побудьте здесь, а мы за вас сделаем всю грязную работу, а затем вы вернетесь...». Шенин сказал: «Вы же видите, разваливается Союз, все потеряли — катастрофа, скоро народ выйдет». В том же ключе высказывались и другие.

Ситуацию он знал не хуже их, но такой выход из кризиса для него был неприемлем, и он с ним не согласился. В разговоре он сказал им, что если они не разделяют подход, которого придерживается он (решение всех вопросов законным, конституционным путем), то необходимо созвать Верховный Совет или Съезд. Поддержит их Съезд — тогда можно будет принимать такие меры, но нельзя пускаться в авантюры.

Прибывших такое решение вопроса не удовлетворило. Варенников потребовал от него подать в отставку, а затем начал кричать. Горбачев вынужден был его одернуть. Разговор шел нервный, напряженный. Когда прибывшие поняли, что задуманное ими не проходит, стали прощаться. Он же в конце заявил им, чтобы они немедленно доложили его точку зрения тем, кто их направил.

По мнению Горбачева, основную роль в группе играл Бакланов, который назвал себя в числе членов комитета. Другие визитеры не были им названы. Наиболее активно Бакланова поддерживал Варенников.

В тридцать первом томе уголовного дела есть свидетельские показания Р. М. Горбачевой. Они также проливают свет на то, что происходило в маленьком, неудобном кабинетике форосского замка.

Понимая, что все очень серьезно (у Раисы Максимовны даже возникла мысль, что Михаила Сергеевича сейчас арестуют), она позвала своих детей — Иру и Анатолия, и они пошли к кабинету, чтобы видеть все самим.

«Первым (после переговоров) шел Варенников... Он вышел, на нас не обратил внимания. Пошел вниз по лестнице со второго этажа. Вторым шел Болдин... Ко мне подошли Бакланов и Шенин. Получилось так, что они подошли вместе и сказали: «Здравствуйте». Бакланов протянул мне руку, Шенин тоже сделал

попытку, но я на их «здравствуйте» не ответила, руки им не подала и не встала. Понимая, что происходит что-то страшное, я сразу задала вопрос: «Зачем вы приехали? Что происходит?». Потом я еще сказала: «С добром ли вы приехали?». И тогда Бакланов мне ответил, я хорошо запомнила его фразу: «Вынужденные обстоятельства». Потом они повернулись и ушли.

Через некоторое время (после ухода делегации) из кабинета вышел Михаил Сергеевич. В руках у него был вырванный из блокнота листок, который он мне подал. При этом он мне сказал, что создан ГКЧП и вот список его участников. Таким образом, все, что предполагал Михаил Сергеевич, то и случилось — самое худшее. Произошел переворот, создан ГКЧП. Они назвали Михаилу Сергеевичу, кто вошел в его состав... Фамилия Пуго была с ошибкой — «Буго». Чья-то фамилия не была дописана до конца. А фамилия Лукьянов была записана с маленькой буквы. Лукьянов шел под седьмым номером. И рядом вопросительный знак...

...Потом Михаил Сергеевич стал рассказывать, что они ему говорили, что требовали, какую позицию он занял. Когда Михаил Сергеевич рассказывал, то он с негодованием отметил бесцеремонность и наглость их поведения. Помимо того, что они предъявили ему ультиматум, так они еще вели себя бесцеремонно и нагло...».

Что происходило в кабинете. Версия визитеров

В тот же день, 18 августа, в 21 час 20 минут на подмосковный аэродром «Чкаловский» приземлился самолет министра обороны Язова, на котором визитеры летали к Горбачеву в Форос. Бакланов, Шенин, Болдин и Плеханов через сорок минут были уже в Кремле, в кабинете Павлова.

В пятьдесят четвертом томе уголовного дела изложены показания председателя Кабинета Министров СССР о докладах прибывших из Фороса после разговора с Горбачевым. Когда они появились у Павлова, находившийся там Янаев спросил: «Ну, с чем прилетели?».

Рассказ визитеров был краткий, в основном докладывали Бакланов и Шенин, а остальные в той или иной мере дополняли их. По словам Павлова, описания того, что происходило в Форосе, они не услышали. Было сказано, что беседы с президентом Горбачевым не получилось. Больше часа их к нему не пускали, так как у него находились врачи. (По версии Горбачевых, Михаил Сергеевич в это время держал семейный совет с участием дочери и зятя. — *Н. З.*) По мнению прибывших, в том состоянии, в котором он находился в момент этой встречи, Горбачев оценить создавшееся положение и принять ответственное решение в полной мере не мог. Визитеры сказали, что документов он пока никаких не подписал, но высказана была уверенность, что сможет сделать это в последующем, а сейчас самим надо принимать решение. При всех условиях страна должна жить, оставлять ее без управления нельзя.

Том 21 уголовного дела. Бакланов о встрече с Горбачевым:

— Мы пришли к Павлову, там были Янаев, Крючков, Язов, другие лица... Были вопросы о том, как нас встретил президент. Мы доложили. Каждый высказал свои впечатления... Я сказал, что Михаил Сергеевич принял нас с задержкой, минут через 50 или чуть больше часа после нашего приезда. Объяснял он это тем, что неважно себя чувствует и был занят тем, что приводил себя в порядок. Он в это время был в корсете, у него блокада, связанная с радикулитом, но он, понимая, что обстановка вынудила нас приехать так неожиданно, принял нас. Он попросил меня объяснить,

что случилось. Я сказал, что мы приехали по делу очень неотложному, что ситуация в стране напряженная и мы считали своим долгом приехать как друзья, как соратники и объяснить ему, что нужно принимать срочные меры. Я охарактеризовал ту часть, которую знаю лучше — это состояние дел в промышленности, и приводил данные, которые подтверждали тяжелую ситуацию. Разговор протекал в спокойных тонах. Каждый высказывал свою точку зрения. Варенников доложил ситуацию в армии, Шенин — информацию о положении дел в партии... С другой стороны, мы высказывали сомнения, что Союзный договор, подписание которого намечалось на 20 число, по мнению многих депутатов, приводил к расформированию СССР, а это не соответствовало результатам проведенного весной референдума...

О нездоровом виде президента свидетельствует и руководитель его аппарата Болдин:

— Я стоял у окна и смотрел на президента, лицо которого отображало мучивший его радикулит или остеохондроз и общее недомогание. Болезнь или другие причины, но в поведении президента за время его отдыха что-то резко изменилось. Может быть, неожиданным для него было появление Варенникова, который в прошлом не принимал участия в обсуждении вопросов о необходимости принятия чрезвычайных мер для стабилизации обстановки. Или его возмутило то, что в его, как он, может быть, считал, вилле появились незваные гости.

Спустя четыре года после августовского кризиса версия визитеров о болезненном состоянии Горбачева неожиданно получила подтверждение из демократического лагеря. Известный телеведущий А. Караулов, неплохо информированный о закулисной жизни сильных мира сего, поведал, что с мая 1991 года Горбачев почти не принимал посетителей. Никого не

вызывал. Он с утра приезжал в Кремль и на весь день закрывался в кабинете. Чтобы не сломаться окончательно, Горбачев поддерживал себя транквилизаторами. «Год такой жизни, и он стал бы наркоманом, — сообщает Караулов. — По Кремлю поползли слухи, что Горбачев неадекватен. Во всяком случае, когда на Манежной начались шахтерские митинги, он искренне верил, что эти люди вот-вот бросятся штурмовать Кремль... Наш президент не знал, что крюков и веревок такой длины в стране уже не найти».

С течением времени, по мере того как страсти улеглись и все остыли, появляются новые подробности того, что происходило в те полчаса в маленьком кабинетике на форосской даче. На смену политическим аспектам пришел чисто научный, исследовательский интерес — тем более что это уже стало историей. По-разному можно относиться к ГКЧП, но свидетельства визитеров в Форос, несомненно, представляют источниковедческую ценность.

В этом плане исключительно важны записки Болдина, изложенные им в книге «Крушение пьедестала». Руководитель президентского аппарата до перехода во властные структуры был журналистом. Людям этой профессии, как известно, свойственна острая наблюдательность, цепкая память, умение обращать внимание на подробности, которые, собственно, и есть история.

Так вот, Болдин свидетельствует: гнев и раздражение, с которыми Горбачев встретил поначалу прибывших в Форос, смягчились, когда он узнал, что визитеры говорят от имени людей, большинство которых и ранее привлекались им для выработки мер в случае неблагоприятного стечения обстоятельств. Болдину показалось: Горбачев боялся услышать, что прибывшие представляют руководство России. Больше

всего его волновали предстоящая встреча глав союзных республик и, как он полагал, некий заговор.

— Ну что вы хотите мне сказать? — спросил он уже спокойнее.

— Я бы хотел начать с обстановки в стране, — начал Бакланов.

— Что ты мне говоришь? Я все это знаю, и знаю лучше вас.

Говорить Бакланову он не дает. Прерваны Варенников, Шенин, Болдин:

— Конкретнее давайте.

Горбачеву предлагаются варианты, которые готовились по его поручению на случай критического состояния дел. Смысл их, по словам Болдина, в том, чтобы президент принял чрезвычайные меры в ряде регионов во время уборки урожая и для стабилизации экономики, точнее, для приостановки падения уровня производства, поручил осуществить эти меры если не Кабинету Министров, то тому, кому он доверяет. На эти слова реакции не последовало.

«Президент думал о чем-то другом и неожиданно спросил, распространятся ли меры чрезвычайного положения на действия российского руководства, — пишет Болдин. — Услышав утвердительный ответ, он успокоился окончательно.

— Все, что вы предлагаете, лучше осуществить максимально демократическим путем, поэтому я советую, как можно сделать то, что намечается.

Дальше пошел спокойный и деловой разговор, смену тональности которого я не сразу понял. Михаил Сергеевич деловито говорил о том, как нужно решать предлагаемые вопросы, пояснял, почему он занимает такую позицию.

— Вы подумайте и передайте товарищам, — говорит он.

Пожимая на прощание руки, добавляет:

— Черт с вами, действуйте».

Визитеры выходят из кабинета, удивленные ходом разговора.

— Но ведь он еще недавно считал введение чрезвычайного положения единственным выходом. Что же изменилось? — растерянно говорит Бакланов.

— А вы что хотите, чтобы политик такого масштаба сказал прилюдно «да»?

Болдин объясняет: даже не по столь щекотливому вопросу Горбачев ни «да» ни «нет» никогда не говорил. Он обходился обычно междометиями, молчанием или переводил разговор на другую тему, чтобы не сковывать инициативу, — обменивались визитеры впечатлениями о встрече.

* * *

Как было на самом деле? Нет ответа и, вероятно, не будет. Каждая сторона манипулирует встречей в Форосе в выигрышном для себя свете. У каждой стороны — своя правда.

Не претендуя на роль третейского судьи, хотел бы только изложить — без комментариев — четыре прелюбопытнейших факта. Один из них известен, три других — нет.

Варенников, по версии Горбачева, самый активный из визитеров, требовавший отставки президента, — оправдан военным судом, притом по настоянию обвинения, что бывает только при абсолютной невинности подсудимого.

По свидетельству Болдина, однажды на одном из узких совещаний в рассуждениях о возможных выборах Президента СССР проскользнула мысль, что поднять рейтинг Горбачева можно и за счет того, чтобы как-нибудь его обидеть. Мысль промелькнула и вроде была

забыта. Не всплыла ли она у Горбачева, когда он увидел визитеров?

После августовского кризиса, в ноябре 1991 года, Горбачев вызвал Шапошникова и предложил взять власть военным — на время, чтобы предотвратить распад Союза. «А потом бы...» — «Сразу в Лефортово», — подсказал догадливый маршал, имея в виду судьбу членов ГКЧП, предлагавших Горбачеву то же самое.

И последний, четвертый факт. На вечернем совещании в Кремле после возвращения визитеров из Фороса были предложения подать всем в отставку. Пусть Горбачев катится в пропасть. «А что будет со страной? — спросил Бакланов. — Плюнуть на все?».

Каждая сторона по сей день считает себя спасителем Отечества. Свои своих не познаша?

Глава 25

ТРОЕ В БЕЛОВЕЖСКОМ ЛЕСУ

Восьмого декабря 1991 года руководители трех республик, уединившись в глухом белорусском лесу в нескольких километрах от советско-польской границы, пришли к соглашению, в результате которого Советский Союз прекратил свое существование.

Случай беспрецедентный в мировой истории. Три человека решили судьбу великой державы, у которой был живой и дееспособный президент, являвшийся по конституции главнокомандующим многомиллионной армией, имевший в своем распоряжении мощнейшие спецслужбы, прокуратуру, внутренние войска.

Почему он, многомудрый и многоопытный глава государства, оказался бессильным перед университетским профессором из Минска, лектором из Киева, председателем союзного парламентского

комитета по строительству, которые, правда, к тому времени стали главами республик, но по-прежнему союзных, по-прежнему в составе СССР?

«...А Президент СССР ничего не знает!..»

Утром девятого декабря 1991 года Вадим Андреевич Медведев, советник Президента СССР, позвонил Михаилу Сергеевичу в машину.

Горбачев в этот ранний час обычно следовал из загородной резиденции в Кремль, и наиболее приближенные к нему знали, что время следования в пути — самое удобное для того, чтобы связаться по телефону. Рабочий день президента расписан по минутам, и найти «форточку» не так-то просто. Поэтому «свои» и пользовались мало кому известной возможностью переговорить с президентом, когда он с полчаса относительно не занят.

— Михаил Сергеевич, — поздоровавшись, спросил Медведев, — не нужно ли подготовить к заседанию Госсовета что-нибудь дополнительно?

Вчера, в воскресенье, Горбачев позвонил Вадиму Андреевичу на дачу в Успенское и попросил ускорить работу над материалом, о котором он говорил раньше. Речь шла об аргументации необходимости и важности сохранения Союза, пагубности его возможного распада.

— Материал нужен сегодня, — торопил президент. — Завтра Госсовет. Хочу снова вернуться к проблеме подписания Договора о Союзе Суверенных Государств.

Медведев, несмотря на воскресный день, уселся за работу. Через несколько часов тезисы были готовы. Из кремлевской приемной президента приехал офицер фельдсвязи, забрал материал и увез в Москву. Там его отпечатали на машинке и доставили Горбачеву на дачу.

Наутро Вадим Андреевич поинтересовался: годится ли то, что он подготовил, не нужны ли еще какие-нибудь документы?

— Теперь уже не аргументы нужны, а кое-что другое, — ответил из машины президент.

По тону, каким были произнесены эти слова, Медведев понял — что-то произошло. Он включил радио, телевизор, но ничего экстраординарного не услышал.

Смысл слов Горбачева стал понятен Медведеву, когда он узнал о «беловежских» документах, подписанных главами России, Украины и Белоруссии.

Запомним фразу, зафиксированную одним из преданнейших членов команды Горбачева, об утреннем намерении президента обратиться совсем к иным аргументам, нежели бесконечные и всем порядком надоевшие увещевания.

Интересные детали того «черного» воскресенья приводит другой близкий Горбачеву человек — помощник и пресс-секретарь Андрей Серафимович Грачев.

Вечером восьмого декабря он с женой ехал с дачи в Москву, на концерт Святослава Рихтера. В машине раздался телефонный звонок. Грачев поднял трубку и узнал голос президента.

— Андрей! — Горбачев был сильно возбужден. — Когда по ЦТ пойдет мое интервью для украинцев?

Пресс-секретарь ответил, что, по его сведениям, вскоре после программы «Время».

— Ты уверен? Ничего не изменилось? Показ не отменен? Узнай, когда точно начнется передача, будет ли интервью передано полностью? Жду звонка.

Грачев из машины связался с телевидением и узнал, что передавать интервью планируют после 23 часов.

— Это слишком поздно, — раздраженно отреагировал Горбачев через несколько минут, когда

Грачев перезвонил ему. — Завтра рабочий день, люди рано лягут спать, а ведь важно, чтобы они успели увидеть интервью до того, как узнают про результаты встречи в Минске.

По словам Андрея Серафимовича, было очевидно, что Горбачев уже знал эти результаты, и чувствовалось, что в тот морозный воскресный вечер, отлученный у себя на даче от рабочего кабинета, батареи телефонов и помощников, с которыми можно было бы обсудить ситуацию и выработать линию поведения, он не находил себе места. Вот почему он хотел с помощью интервью немедленно ответить своим соперникам и верил, что, если передать его на час раньше, будет еще не поздно.

Когда и от кого Президент СССР узнал о том, что в Беловежской пуще подписано соглашение о создании Содружества Независимых Государств и роспуске СССР? И сам Михаил Сергеевич, и его ближайшие помощники рассказали об этом достаточно подробно. Суть рассказов одна: Горбачеву на дачу позвонил в воскресенье белорусский лидер Шушкевич и сообщил, что собравшиеся в Беловежской пуще три руководителя «вышли на соглашение», которое и зачитал. Шушкевич проинформировал также, что министр обороны маршал Шапошников поставлен в известность об их договоренности и что уже состоялся разговор Ельцина с Бушем. Буш согласен.

Горбачев при этом известии взорвался:

— Вы разговариваете с Президентом Соединенных Штатов Америки, а Президент СССР ничего не знает. Это позор, стыдобище!

Он попросил к телефону Ельцина и потребовал прибыть к нему в Кремль на следующий день:

— Объяснишь стране, миру и мне!

Тогда, в декабре 1991 года, многие еще не знали, что поездка Ельцина в Минск не была неожиданной для

Горбачева. Более того, российский президент уведомил о ней Михаила Сергеевича, а перед отбытием Бориса Николаевича в Белоруссию у них состоялась довольно продолжительная встреча.

Многозначительные слова

В четверг, пятого декабря, Ельцин встретился с Горбачевым и проинформировал его о своем намерении съездить в Минск к Шушкевичу:

— Надо бы нам, россиянам, обсудить с белорусами дела по двустороннему сотрудничеству.

Горбачев не возражал.

— Неплохо бы заодно и Кравчука прощупать, — осторожно произнес Борис Николаевич. — Что он, понимаешь, думает в отношении Союза, став президентом... Согласился прилететь в Минск.

Российский президент наступил на любимую мозоль союзного. Кравчук, Украина в последнее время были непрекращающейся головной болью Горбачева. В воскресенье, первого декабря, на Украине прошли президентские выборы, одновременно состоялся референдум о независимости. Перенервничали изрядно. В самый канун голосования, когда предвыборная агитация должна прекращаться, из-за океанского Белого дома поступила и тут же была растиражирована свободной московской и киевской прессой утечка информации: в случае, если Украина проголосует за независимость, США установят с ней дипломатические отношения.

Возмущенный Горбачев продиктовал сообщение пресс-службы Президента СССР, в котором выразалось недоумение по этому поводу. Буш позвонил советскому лидеру, неуклюже оправдывался: мол, признание независимости Украины международным сообществом еще не означает ее выхода из Союза. Наоборот, это

может способствовать ее возвращению в процесс заключения Союзного договора, который остановился из-за неуступчивой позиции этой республики. Горбачев отвечал сухо, давая понять, что воспринял утечку информации из Белого дома негативно.

В телефонном разговоре с Бушем Горбачев сказал, что складывающуюся ситуацию на Украине он обсуждает с Ельциным, что они вместе ищут выход. После референдума планируют провести встречу президентов Союза, России и Украины, чтобы выяснить, какую линию займет теперь Кравчук.

Референдум состоялся. Триумф Кравчука был полный: даже Крым, юг и восток Украины, где традиционно были сильны прорусские настроения, проголосовали в пользу независимости, не говоря уже о западных областях республики. Угроза развала Союза стала реальной. И вот Борис Николаевич, пользуясь моментом, берется уточнить позицию украинского руководства, а может, даже и повлиять на поведение только что избранного президента авторитетом славянского саммита.

— Михаил Сергеевич, давайте согласуем тактику обсуждения этих вопросов с Кравчуком, — произнес Ельцин. — Надо уговорить его не порывать с Союзом.

Уговорить? Горбачев мастер по увещеваниям. Еще до референдума он обратился с эмоциональным обращением к парламентариям страны, призвал их со всей ответственностью отнестись к обсуждению Договора о Союзе Суверенных Государств, предостерегал от разрушения государственности, давал множество интервью, в которых говорил одно и то же. Это были правильные слова, но их обилие и повторяемость приводили к обратному эффекту. Неумная говорливость президента раздражала, его пространственные обращения, подготовленные спичрайтерами-профессорами и рассчитанные на

старших научных сотрудников, были малопонятны большинству населения. Вся страна щелкала переключателями телевизионных каналов, ибо выдержать обрушивавшийся в таком количестве словесный поток могли немногие.

Вот и сейчас Михаил Сергеевич оседлал своего любимого конька, закатив перед Борисом Николаевичем очередную пространную филиппику:

— Если дело дойдет до такого вот грубого отделения от Союза, до ухода Украины, то тогда мы сможем столкнуться там с очень опасными событиями... И вообще почему независимость надо интерпретировать как обязательный выход из Союза? Есть республики, которые раньше всех заявили о своей независимости и тем не менее участвуют в строительстве нового Союза...

Противник велеречивости, человек конкретных действий, российский Президент молча слушал и, как после рассказывал, все больше убеждался, что союзный Президент неадекватен сложившейся обстановке, что он явно утратил ощущение реальности. ССГ — Союз Суверенных Государств, за который столь рьяно ратовал Михаил Сергеевич, уже давно расшифровывали как Союз Спасения Горбачева. Интервью, которое показали в полночь восьмого декабря, адресованное украинцам, воспринималось так, как будто они еще не проголосовали за Кравчука и свою независимость.

Однако сам Михаил Сергеевич и устно, и печатно неизменно придерживался высокого мнения о своей позиции в разговоре с Ельциным пятого декабря. В дневниковых записях его помощника Г. Х. Шахназарова это выглядит так.

«Я предъявил ему развернутую аргументацию в пользу Союза, — сказал Горбачев девятого декабря, собрав своих помощников и специалистов. — Он рассуждал: может, заключить договор на 3-5 лет,

Украина ограничится участием в экономическом сообществе, а может быть, создать славянский союз?».

Как видим, с одной стороны, «развернутая аргументация в пользу Союза». С другой — конкретика, пускай компромиссные, половинчатые, временные меры, но ведь не риторика, а хоть что-то!

«Я ему объяснил, что такой вариант не следует выдвигать, — старательно записывал слова Горбачева его помощник. — Если уж он и выплывет, не афишировать. Кто первым признал независимость Прибалтики? И смотри, что они теперь делают с армией, какие решения принимают по гражданству. Борис Николаевич согласился, добавив, что особенно сволочную позицию заняла Латвия. Я ему сказал, что это понятно — там ведь население примерно 50 на 50, они и стараются выжить как можно больше русских.

Словом, вроде бы разговор был неплохой. Но он ушел, и не было уверенности, что будет держаться, как условились...».

И тут из-под пера президентского помощника появляется многозначительная фраза, вызывающая массу недоуменных, а то и негодующих вопросов. «Я уже тогда знал, что его окружение подготовило текст соглашения о славянском сообществе. И вот случилось», — сказал президент на совещании девятого декабря в 16.30.

Как это — знал? И не принял мер? А как же тогда понимать восклицание о том, что Президент СССР ничего не знает, произнесенное после звонка Шушкевича из пущи?

Хорош и Ельцин. После встречи с Горбачевым пятого декабря российский Президент сообщил прессе, что он с Михаилом Сергеевичем не мыслит Союза без Украины и что надо будет все сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору. Еще тот конспиратор Борис Николаевич!

Он тоже, оказывается, произнес многозначительную фразу: «Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах». В тот день на нее не обратили внимания.

«Что будем делать?»

По свидетельству Г. Х. Шахназарова, вопрос, заданный ему по телефону Горбачевым в понедельник девятого декабря, накануне встречи с вернувшимся из Минска Ельциным и приехавшим из Алма-Аты Назарбаевым, прозвучал в несколько необычной для него манере.

Действительно, что делать?

В воскресенье вечером Горбачев позвонил Шахназарову домой и попросил подготовить выступление:

— Надо проставить все точки над «и», прямо и без обиняков сказать о роли Кравчука и других участников минских соглашений...

Голос не мальчика, но мужа? Отважная решительность союзного президента импонирует всем здравомыслящим людям. В марте провели референдум, большинство населения высказалось за Союз. И вот полгода спустя руководители трех республик из пятнадцати, не имея на то полномочий высших органов власти своих республик, приходят к соглашению о роспуске СССР. Если бы они обратились к другим республикам с предложением рассмотреть этот вопрос — еще полбеды. Но ведь принято не предложение для обсуждения, а решение, открытое для присоединения других республик.

В ближайшем окружении Горбачева Беловежское соглашение сразу же окрестят контрпереворотом. Шеварднадзе так и сказал: завтра придут опечатывать кабинеты. Глава внешнеполитического ведомства

ошибся на две недели. Как рассказывает В. А. Медведев, 27 декабря ранним утром в аппарат Горбачева сообщили, что Ельцин в 8.30 начнет свою работу в этом кабинете. У Горбачева на утро была намечена беседа с японскими журналистами, предусматривались и другие встречи, да и кабинет не был еще полностью освобожден — покинуть его предстояло через два дня, 29 декабря. Пришлось ему встречаться с иностранцами в другом месте, а оставшиеся в кабинете вещи перебазировать в комнату охраны. Новый хозяин прибыл в кабинет Горбачева в девятом часу, встретился в течение короткого времени с несколькими людьми, поднял тост со своими ближайшими сподвижниками и уехал в другое место. Такая вот унижительная концовка.

Горбачев и остатки его команды прекрасно понимали, чем грозит им беловежская встреча лидеров трех славянских республик. Судя по словам Горбачева Медведеву о том, что теперь уже не аргументы в пользу Союза нужны, а кое-что иное, союзный президент видел крайнюю необходимость принятия жестких и решительных мер по пресечению ликвидации государства. И Шахназаров свидетельствует: Горбачев был за то, чтобы расставить все точки над «и».

А перед встречей с Ельциным и Назарбаевым, назначенной на двенадцать дня в понедельник, вдруг беспомощно-растерянное: «Что будем делать?». Решительности — как не бывало. Впрочем, его помощник и пресс-секретарь, вспоминая понедельничное утро девятого декабря, отмечает: президент, к которому А. Грачев пришел сразу же после его приезда в Кремль, полностью владел собой, был мобилизован и бодр и даже постарался загладить инцидент, связанный с украинским телеинтервью, сказав, что, по его мнению, все получилось хорошо.

Наверное, настроение союзного президента резко упало после того, как он узнал, что Кравчук и Шушкевич в Москву не придут. Это сообщение потрясло Горбачева, который лично шестого декабря договорился с ними, а также с Ельциным и Назарбаевым, встретиться у него в понедельник, девятого декабря. Все, в том числе Шушкевич и Кравчук, подтвердили свое согласие на участие в окончательном разговоре. И вот получается, что окончательный разговор, на который так надеялся Горбачев, состоялся в пуще без его участия. Картина: «Без Мишки в лесу».

Руководитель аппарата союзного президента Г. Ревенко пытался спасти положение и вызвать в Кремль хотя бы более податливого белорусского лидера. Где-то в районе десяти утра телефонный звонок из Кремля поднял с постели не отошедшего еще как следует от проводов гостей минского «пущиста». Шушкевич спросонья долго и путанно объяснял, почему он не в Москве, как договаривались:

— Я должен все осмыслить... Отоспаться... Все произошло так неожиданно...

Одной из причин того, почему два «пущиста» — Шушкевич и Кравчук — не приехали в Москву, называют опасение ареста. По второй версии: об этом договорились в пуще. Зная напор Горбачева, Ельцин опасался, что периферийные лидеры могут дрогнуть, особенно белорусский, и отойти от схемы поведения, выработанной в пуще. Непросто смотреть в глаза лидеру, которого они, возвращенные им, позорно предали. В моральном плане встреча была бы кошмарной пыткой.

Около одиннадцати позвонил Ельцин и сказал, что он тоже не придет на встречу с Горбачевым.

— Почему? — взорвался союзный президент, не отошедший еще от известия о том, что минский и

киевский лидеры приезжать отказались.

Ельцин объяснил, что не уверен в своей безопасности. По имеющимся у него сведениям, его могут арестовать в кабинете Горбачева либо в приемной.

— Ты что, с ума сошел? — вспылил Горбачев.

— Может, не я, а кто-то еще, — обидчиво ответил российский президент.

Тем не менее Горбачеву удалось убедить Ельцина в необходимости встречи.

Полтора часа перебранки

К кабинету союзного президента российский шел по кремлевскому коридору в сопровождении верного Коржакова.

Такого в древних стенах Кремля не было никогда. Традиционно здесь всегда был один хозяин. Он мог конфликтовать с кем угодно, даже вести боевые действия против бунтовщиков, но сопернику вход в Кремль был заказан, пока власть находилась в руках правителя.

В декабре девяносто первого в Кремле было два хозяина. Над куполами древнего обиталища русских царей реяло два государственных флага. Двоевластие ощущалось во всем. Вход на третий этаж здания, где размещался кабинет Горбачева, прикрывала верная ему с фюрорских времен союзная охрана. Но въезд на территорию Кремля контролировала служба безопасности российского президента. Последнее обстоятельство исключало возможность того, о чем ходили слухи по Москве и чего опасался Ельцин. Мол, Горбачев дал указание «Альфе» арестовать всех троих беловежских «пушцистов», как только они покажутся на территории Кремля. Увы, его охрану к тому времени уже несли люди главного «пушциста». По этой причине

не имеют под собой серьезных оснований утверждения некоторых очевидцев, наблюдавших интенсивное движение в направлении Кремля большого количества грузовиков с бетонными блоками. Вряд ли в сложившейся ситуации охрана союзного президента играла сколько-нибудь заметную роль. Реальная власть — повсеместно — переходила к российским структурам.

Когда Ельцину открыли дверь, в кабинете Горбачева он увидел Назарбаева, зашедшего туда двумя минутами раньше. Позднее Борис Николаевич рассказывал, что он рассчитывал на разговор с Горбачевым один на один. Присутствие казахского президента удивило Ельцина. По его словам, Назарбаев не отставал от Горбачева по части допроса, учиненного союзным президентом.

Встреча трех лидеров продолжалась полтора часа. О чем они говорили? Согласно рассказу А. Грачева, после того как Ельцин и Назарбаев покинули кабинет Горбачева, Михаил Сергеевич продиктовал пресс-секретарю сообщение для печати:

— Скажи, что на встрече Президента СССР с Ельциным и Назарбаевым была выслушана и подробно обсуждена информация Президента России о встрече в Бресте. Были заданы многочисленные вопросы с целью прояснения различных аспектов достигнутых там договоренностей. Условились, что инициатива лидеров трех республик будет разослана Президентом СССР в парламенты остальных республик для рассмотрения одновременно с начавшимся изучением разосланного ранее проекта Союзного договора.

Фразы, сформулированные президентом, его пресс-секретарь огласил на пресс-конференции. Но кто не знает, что официальная информация для печати и то, как происходило в действительности, далеко не одно и то же.

Что было на самом деле? Неизвестно, велась ли стенографическая или магнитная запись встречи.

Наверняка велась, но доступа к стенограмме нет. В этом, как полагают исследователи, заинтересованы обе участвовавшие во встрече стороны. Серьезного разговора не получилось, в течение полутора часов велась перебранка.

О ее характере дают представление записи, сделанные Г. Х. Шахназаровым, помощником Горбачева. Еще не остывший от встречи с триумvirатом, союзный президент в половине пятого дня собрал своих советников. Предстояло обсудить, как реагировать на беловежский сговор.

Взвинченный несговорчивостью и упрямством российского президента, Горбачев то и дело возвращался к эпизодам разговора, состоявшегося в этих стенах три часа назад. По рассказу союзного президента, Ельцин оправдывался тем, что Кравчук отклонил все предложенные ему варианты, обговоренные с Горбачевым накануне отъезда Ельцина в Минск. Отверг заключение договора на 4-5 лет, не согласился с идеей ассоциированного членства Украины. Наверное, оглушительная победа на выборах, избрание президентом совсем вскружили голову честолюбивого хохла.

«Начал упрекать меня за то, что трижды в день переговариваюсь с Руцким», — делился Горбачев обидными деталями из встречи с Ельциным. Именно тогда, будучи на Алтае, Руцкой раскритиковал правительство Бориса Ельцина, назвав его «мальчиками в розовых штанишках». «Я возразил, что это обычный разговор у нас внутри, в Союзе, — рассказывал далее Горбачев. — А вот Президент России несколько раз в день переговаривается с американским президентом».

Ельцин после этих слов Горбачева вспылил:

— Будете так продолжать, я ухожу!

— От государства не уйдешь, — сказал ему Горбачев. — Вы собрались втроем. А кто вам дал такие

полномочия? Госсовет не поручал, Верховный Совет не поручал, народ окончательно запутали.

— Ничего, — ответил Ельцин. — Содружество будет работать. А вы вот всем недовольны.

Далее, по словам Горбачева, записанным его помощником, Михаил Сергеевич постарался доказать полную несостоятельность Минского соглашения. Ельцин хватался за сердце.

— Знаешь, Борис, это товарищеский разговор, — увещевал союзный президент, — я тебе привожу все доводы, которые будут приводиться другими. Нужен референдум, пускай народ решает.

— Выдвигайте свои позиции, только не надо личной брани, — насупился Ельцин.

— Никогда этим не занимаюсь, — оскорбился Горбачев.

Забыл, наверное, Михаил Сергеевич, «молотилку», которую он устроил Борису Николаевичу на пленуме ЦК в октябре 1987 года. Ну, да ладно, что было, то быльем поросло.

Полтора часовая встреча, как и ожидалось, положительного результата не дала. Наоборот, всколыхнула старые обиды, посыпала солью незарубцевавшиеся раны. То, что консенсуса достичь не удалось, было видно и по хмурому виду Назарбаева, который, выйдя из кабинета союзного президента, сразу же отправился на аэродром. Единственный свидетель тяжелого разговора пока хранит молчание.

«Адекватные меры»

Со смешанным чувством горечи и грустной улыбки воспринимаются сегодня те «адекватные» меры, которые предпринял союзный президент в ответ на решение «пуцистов», фактически распустивших Союз и оставивших без работы главу государства.

— Где мне работать теперь, может, в Интерфакс пойти? — пошутил он 12 декабря на встрече с журналистами.

Если в каждой шутке есть доля правды, то в этой — тем более.

Будущие летописцы, отслеживая хронику событий в Кремле после того, как там стало известно о сходке «пущистов», наверное, обратят внимание на круг лиц, к которым апеллировал союзный президент. Его постоянными слушателями были в основном зарубежные журналисты. Перед ними он возмущался, негодовал, давал волю эмоциям.

Увы, внимать президенту Лиру, за исключением циничной пирушки братии, было некому. Кому было ставить задачи, с кем советоваться, от кого ждать разумных предложений? Политбюро он распустил, самые близкие соратники, на которых мог опереться и у которых были реальные рычаги власти, сидели в «Матросской тишине». Госсовет, состоявший из союзного президента и руководителей республик, развалился. Девятого декабря удалось встретиться лишь с Муталибовым и Набиевым. О полномочном заседании не могло быть и речи.

Десятого декабря в печати появилось заявление Горбачева. Президенту все еще великой державы не было к кому обратиться, поскольку у него не оставалось ни одной властной структуры. Официальное заявление главы государства адресовалось всем и в то же время никому конкретно.

Трудно поверить, но в заявлении отмечались некоторые... позитивные моменты беловежских решений. В частности, участие Украины, признание необходимости сохранения единого экономического пространства. И это называлось «поставить все точки над «и», прямо и без обиняков сказать о роли Кравчука и других участников минских соглашений»?

Правда, далее в заявлении констатировалось, что соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР, что судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Однако от констатации факта ни холодно, ни жарко. Главное, что предлагалось в качестве мер по пресечению распада страны?

«В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, — заявлял союзный президент, — необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу».

Заявление, на которое столь рассчитывал Горбачев, не вызвало ожидаемой реакции. Общество безмолвствовало. Ни одного митинга протеста, ни одной манифестации несогласных, ни единого голоса в поддержку. Глас вопиющего прозвучал впустую.

Феномен потрясающей пассивности общества не разгадан. Ведь решалась судьба величайшего государства в мире, а обращение его главы о том, что отечество в опасности, граждане проигнорировали. Почему?

Заявление было безадресным, считают одни. Его нигде не обсуждали, не принимали по нему решений и резолюций — ни в трудовых коллективах, ни в воинских частях, ни по месту жительства. Его не рассматривали в парламентах союзных республик, поскольку оно не поступало туда в качестве официального документа. Напечатано в газетах? Мало ли чего там печатают!

Вторая точка зрения: заявление не тронуло людей, потому что к тому времени все, связанное с именем Горбачева, вызывало у большинства населения аллергию. Ему уже не только не верили на слово, но даже не пытались вникнуть, вслушаться в то, что он говорил.

Третье мнение: заявление носило абстрактно-просветительский характер, оно сочинено кабинетными служащими. Не ясно, когда и на какой территории следует проводить референдум. Что касается созыва Съезда народных депутатов, то он может быть созван либо по предложению не менее чем одной пятой части депутатов, либо по требованию одной из палат, либо по решению президента. Почему Горбачев, имея конституционное право на созыв съезда, не захотел брать на себя инициативу, прекрасно понимая, что два первых варианта неосуществимы?

Героизм момента

В течение недели Горбачев тщетно ждал хоть какого сигнала от страны, в жизнь которой он внес столько нового. Ему казалось, что заявление — именно тот шаг, который подтолкнет какие-то слои общества потребовать от него решительных действий. Увы, мандата не поступало ни от кого. Организовать призыв от пробужденного к самостоятельной жизни общества, обосновать защиту его права на решение своей дальнейшей судьбы было некому.

Речь идет даже не о запрещенной к тому времени партии, которая, не обойдись он с ней так сурово, наверняка бы выполнила эту роль. Но и без КПСС нашлись бы в обществе здравомыслящие силы, которые бы оказали ему необходимую поддержку в борьбе за сохранение Союза. Для этого требовалась лишь малость — собственное, пускай даже единоличное, решение

союзного президента, его выбор, его поступки, его политический риск. Русский народ без ума от рискованных мужиков — вспомним Ельцина на танке в августе девяносто первого.

Горбачев на такие поступки не был способен.

Многие, в том числе и его сторонники, обвиняют Горбачева за проявленные им в декабре нерешительность, соглашательство и даже трусость. В одном из выступлений перед журналистами, когда еще не были известны результаты ратификации беловежских соглашений Верховным Советом России, он произнес слова о том, что, если все республики поддержат решение «пущистов», он должен будет его признать. То есть, по сути, успокоил националистов: решайте, как знаете, вам за это ничего не будет.

Какие приемы мог использовать союзный президент для сохранения разрушавшейся государственности? Политические, властные и силовые. Силовые и властные, как известно, не применялись. Политические потерпели неудачу.

Вокруг силовых приемов немало споров. Что, мол, стоило Горбачеву послать ту же «Альфу» в Минск или арестовать участников сговора по одиночке — в Минске, Киеве и Москве? Антиконституционность беловежских соглашений очевидна. Упраздняются союзные органы — по воле всего трех человек, не наделенных к тому же соответствующими полномочиями. Министр иностранных дел России заявлял западной прессе: «Горбачев — не прокаженный, мы найдем для него работу», министр информации успокаивал: «Ему не надо опасаться участи Хонеккера». И это о действовавшем президенте?

Словом, поводов для использования силовых приемов против «пущистов» было предостаточно. Однако Горбачев не пошел на это. «Потому что прежде он должен был совершить переворот внутри себя», —

объясняют пассивность союзного президента люди из его команды, подчеркивая приверженность Михаила Сергеевича демократическим ценностям.

Есть и другое объяснение. Президентом и главнокомандующим он числился номинально. Основные рычаги власти с августа находились не в его руках. И «Альфа» подчинялась не ему. Министерства и целые отрасли решениями Ельцина переводились под юрисдикцию российского правительства. Армия, несмотря на то, что перед ее высшим командованием оба президента выступали порознь через сутки, явно держала равнение на Ельцина. В декабре 1991 года Президент СССР, по меткому наблюдению его пресс-секретаря А. Грачева, уже не контролировал полностью даже обнесенную кремлевскими стенами вершину Боровицкого холма.

В пользу версии об отсутствии у союзного президента возможностей для применения силовых и властных приемов с целью дезавуирования беловежских соглашений говорит и рабочая запись совещания у Горбачева 10 декабря. В Ореховой комнате в 17.30 собрались оба Яковлевых, Шеварднадзе, Попов, Примаков, Вольский, Бакатин, Ревенко. Горбачев огорошил самых близких своих сподвижников неприятной новостью:

— Получил распоряжение о переходе управления правительственной связи под юрисдикцию России. Со мной об этом ни слова...

Воцарилось тяжелое молчание.

— Может быть, действительно, мы теперь встали на пути какой-то неумолимой тенденции, мешаем хоть в какой-то форме стабилизировать положение?

Рабочая запись передает атмосферу обреченности, страшной катастрофы. Примаков: «Нет практически никаких возможностей воспрепятствовать. На армию не опереться, международные силы будут

взаимодействовать с Россией, с республиками». Попов: «Были бы шансы, что республики, хотя бы часть из них, смогут держаться — тогда другое дело. В противном случае, увы, ничего не поделаешь». В Ореховой комнате уже известно, что на встрече Ельцина с Бейкером в присутствии Шапошникова и Баранникова в открытую обсуждался вопрос о верховном главнокомандовании — без Президента СССР.

Горбачеву надо что-то говорить, и он говорит. О том, что «у них» нет ясной программы, здесь все непредсказуемо. Что у него к этим людям нет никакой антипатии, не говоря уже о ненависти:

— Они взяли власть, и все. Мне говорят, нельзя идти на конфронтацию. Это правильно, но нельзя не сказать правду, не предупредить о последствиях...

Беспомощность. Безысходность. Тупик.

Всю неделю союзный президент беспрестанно собирал своих помощников, выслушивал их и витийствовал сам. Среди его окружения не оставалось ни одного, кто крепко держал бы штурвал власти в своих руках. Искушенные спичрайтеры, знатоки живописи, талантливые стилисты, интеллигентнейшие личности, они настолько утратили чувство реальности, что — подумать только! — надеялись, будто беловежские соглашения будут отклонены Верховными Советами республик. И убаюкивали этими иллюзиями шефа, по-прежнему уверенного, что его слово что-то значит.

Караси-идеалисты

Десятого декабря сходу, практически без обсуждения, парламент Украины ратифицировал документы беловежской встречи. На следующий день Верховный Совет Белоруссии проделал ту же процедуру. Против проголосовал лишь один депутат,

будущий президент республики Лукашенко. 12 декабря Беловежские соглашения ратифицировал Верховный Совет РСФСР. Против, и то с оговорками, выступили лишь Травкин да Бабурин. «За» проголосовали коммунисты, которых в составе парламента было большинство. Мстили Горбачеву за роспуск партии?

Надежды Михаила Сергеевича и людей, оставшихся ему верными до конца, не оправдались. 12 декабря была предпринята последняя, интеллигентски-отчаянная попытка спасти Союз. Однако и она не увенчалась успехом. Собрать Верховный Совет СССР не удалось. Российский, украинский и белорусский парламенты не рекомендовали членам союзного парламента от своих республик участвовать в его работе. Для кворума прибывших в Москву явно не хватало. Узнав, что кворума нет, а депутаты начали с ругани, Горбачев решил туда не ходить.

Что было дальше, известно. К парламентам трех славянских республик, ратифицировавшим беловежские соглашения, присоединились парламенты пяти среднеазиатских республик и Армении. Высшие органы власти практически всех республик, подписавших в 1922 году Союзный договор, исключая Грузию, его денонсировали. Вот так, просто и буднично, закончилось семидесятилетнее существование Советского Союза. Письмо Горбачева к участникам встречи руководителей республик в Алма-Ате осталось без внимания.

С союзным президентом не считался никто. Из-под него не стали выдергивать кресло, как это много раз бывало в борьбе за власть. Выдернули государство, разделив его между собой.

Отец-основатель нового мышления и его сподвижники оказались в роли карасей-идеалистов. Плохо усвоившие уроки истории своего отечества, они не учли, что всякое ослабление центра в России тут же

вызывало оживление на ее окраинах, многие из которых в силу не забытых специфических особенностей своего присоединения не хотели ходить под Москвой из-за вечно царившей в ней неразберихи и экономической нестабильности. По общему мнению исследователей, в этом главная ошибка Горбачева, которая в итоге привела к катастрофе.

Что касается того, был ли сценарий «взрыва» направлен против центра или исключительно против личности, олицетворявшей его, здесь мнения расходятся. Самая безобидная точка зрения такая: как умные люди избавляются от негодного работника? Правильно, пересматривают штатное расписание, проводят кое-какие реорганизации, чтобы упразднить должность, которую он занимает. Нередко жертвовали даже министерскими должностями. На этот раз на закланье отдали целое государство, лишь бы избавить народ от правителя, который сидел в печенках у каждого.

Есть и другое мнение: «взрыв» был против центра, и спланировали его за кордоном, умело разыграв украинскую «карту». Впрочем, первоначальное авторство идеи «Крым за Кремль» приписывают штабам российского и украинского президентов. Тот же А. Грачев считает, что Кравчуку дали понять: сразу после его победы на референдуме Россия поддержит его толкование результатов как вотум на выход из Союза и в свою очередь воспользуется украинской позицией, чтобы окончательно заблокировать новогаревские договоренности. Фантастический куш в результате такой сделки срывал будущий украинский президент, получавший от России зеленый свет на немедленное государственное закрепление своей независимости в тех границах Украины, о которых никогда не мечтали самые горячие головы из «Руха». Поскольку же для российского руководства главной

ставкой в этой партии была голова (и кремлевский кабинет) союзного президента — никакая цена на этом аукционе не могла показаться ему слишком высокой.

О реальности сделки «Крым за Кремль», похоже, говорит и тот факт, что Ельцин первым, практически сразу же после получения итогов референдума на Украине, признал ее независимость, выступил за установление с ней дипломатических отношений. Вслед за Россией Украину начали признавать и другие республики Союза — почин был сделан.

Любопытную точку зрения высказал П. Вощанов, в ту пору пресс-секретарь Ельцина. Он считает упрощенным мнение, будто случившееся в Беловежской пуще — закономерный распад отжившей свое империи или результат малоконтролируемых действий трех подгулявших мужиков:

— Все куда сложнее. Вы помните, в девяносто первом году уже все говорили о переходе к рынку. Но что такое рынок? Новые отношения собственности и новые собственники. Борьба центра и местных политических элит в ту пору — борьба за то, кто будет играть первую скрипку в историческом дележе. Это — главное в происшедшей трагедии.

По мнению Вощанова, было и другое — борьба амбиций. Республиканские лидеры почувствовали, что могут стать выше Горбачева. А Запад потворствовал таким настроениям. Он более всех был заинтересован в распаде военного и экономического конкурента. Бывший помощник Ельцина убежден — если бы к власти на местах пришли не воинственные невежды, а люди дальновидные и по-государственному мудрые, — ничего бы этого не произошло.

* * *

Перед встречей в Беловежской пуще по кремлевским кабинетам «гуляла» записка под грифом «Строго конфиденциально», сочиненная, как утверждают, Бурбулисом. В ней говорилось о том, что Россия потеряла половину из того, что она выиграла после августовского путча. Хитрый Горбачев плетет сети, реанимирует старый центр, что не выгодно России. Это надо приостановить, прервать.

С какой целью была запущена записка Бурбулиса? Чтобы в случае чего доказать легитимность Беловежской встречи? О ней знали в союзном руководстве, препятствий не чинили, значит, ничего противозаконного в ней нет?

И вообще, как возникло Беловежское соглашение? Кто его автор? На месте сочинили или с собой привезли Бурбулис с Шахраем, сопровождавшие Ельцина в поездке в Минск?

О взгляде на беловежскую загадку с другой, российской стороны, — в заключительной главе.

Глава 26

МЕМОРАНДУМ БУРБУЛИСА

Где и кем был развален Советский Союз? В Ново-Огареве — Горбачевым? На улицах Москвы — гэкачепистами? В Беловежской пуще — Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем? В Кремле — сессией Верховного Совета РСФСР, денонсировавшей Союзный договор 1922 года и провозгласившей выход России из СССР?

В предыдущей главе «Трое в Беловежском лесу» содержалась попытка дать ответы на эти вопросы с точки зрения представителей тогдашней союзной власти. В этой главе взглянем на беловежскую загадку с другой, российской, стороны.

И сразу же сталкиваемся с невероятными трудностями.

«Еще не время...»

В поспешности обязательства, данного читателям в первой главе, рассказать о покрытой мраком встрече трех беловежских «лесничих» и тем самым продолжить нераскрытую в предыдущей главе тему, автор убедился довольно быстро. Главная трудность, препятствовавшая осуществлению замысла, заключалась в банальной, примитивной причине — почти полном отсутствии литературы на указанную тему.

Невероятно! Вот уже много лет, как нет СССР, сколько эмоциональных сожалений по этому поводу выплеснуто, сколько гневных обвинений выдвинуто, а вот как все происходило — тайна велика есть! Подробности второго по значению после Октябрьской революции 1917 года события XX века остаются неизвестными. Констатируется факт упразднения СССР в Беловежской пуще, даются обоснования вынужденности или необходимости этого шага — как правило, пространные и туманно-многословные, и никаких деталей самого процесса денонсации Союзного договора.

Обстоятельство довольно странное, если учесть, что к 1922 году, когда отмечалось пятилетие победы большевиков, ими была обнародована вся их кухня свержения Временного правительства Керенского и захвата власти в Петрограде. Публиковалось огромное количество свидетельств участников исторических событий — штурма Зимнего, перехода армии на сторону революции, формирования первого советского правительства. Издавалось множество книг мемуарного характера, в которых описывались подготовка большевиков к вооруженному восстанию, разногласия

среди ближайшего ленинского окружения, разные точки зрения по поводу форм и методов прихода к власти. Приводилась масса любопытнейших мелочей, в том числе бытового характера, дававших разносторонние представления о видных большевистских вождях, их роли в событиях, которые потрясли мир в семнадцатом.

«Заккрытие» СССР в девяносто первом прозвучало не менее сенсационно. Но в отличие от первого главного события века, второе до сих пор не описано столь подробно. И в первую очередь — самими участниками. Кроме скупого изложения в ельцинских «Записках президента», встреча в Беловежской пуще не нашла своего отражения ни под пером Кравчука, ни под пером Шушкевича. Предпочитают умалчивать о деталях и деятели калибром поменьше — Бурбулис, Шахрай, Козырев и другие, сопровождавшие Ельцина в поездке в Белоруссию. Во всяком случае, тщательное исследование на сей предмет их многочисленных интервью, в том числе и зарубежным средствам массовой информации, искомым результатов не дало.

Таким образом, фиаско уже на первом этапе. Пожалуй, это был один из немногих случаев, когда не срабатывал многолетний прием: прежде чем отправляться за интервью, погрузиться с головой в тему, изучить хотя бы основное из того, что уже написано, дабы не выглядеть в глазах интервьюируемого простаком-дилетантом. Никаких подробностей о том, как проходили переговоры, где подписывалось знаменитое соглашение о «закрывании» СССР — в Минске или в беловежском лесу, куда на выходные скрылись трое «пущистов» якобы расслабиться и отдохнуть, привезли проекты документов с собой или сочинили на месте в перерыве между «расслаблениями», кто сочинял текст и на какой

бумаге, сохранились ли черновики. А ведь все это архиважно для истории — именно для нее.

Перевернув груды газетных и журнальных подшивок, обратил внимание и на то, что нигде — даже в самых любимых беловежскими «лесничими» изданиях — не помещено ни одного фотоснимка, запечатлевшего исторический момент подписания знаменитого соглашения о роспуске СССР. Позвонил на телевидение, в том числе и принимающей стороны — минское и брестское, — нет, не снимали, кино- и телекамер в пущу не посылали, никаких приглашений не поступало.

За время, прошедшее после беловежской встречи, почти все сановные ее участники успели выпустить не по одной книге о своей яркой жизни в политике. Роскошные переплеты, прекрасная бумага. Иные фолианты открываются блоками цветных фотоиллюстраций: имярек в Ватикане, в Иерусалиме, с женой и детьми на подмосковной, только что полученной государственной даче, на дне рождения у большого человека. Все сколько-нибудь заметные события отражены на фотографической бумаге, все, кроме присутствия на подписании Беловежских соглашений.

«Не было фотокамеры или снимки не печатаются по каким-то другим причинам?». И этот вопрос был включен в перечень, предназначенный для намеченных интервьюируемых.

Их набралось более десятка, и все они сегодня — в Москве, Минске и Киеве — уже не на тех постах, которые занимали в момент встречи в Беловежской пуще. Иные вообще не на государственной службе, но, несмотря на это, как и раньше, обставлены штатом помощников, секретарей, референтов, пробиться через стену которых практически невозможно.

Ладно, мы люди не гордые, не хотят ваши шефы лицезреть нашу физиономию, пусть ответят письменно

вот на этот вопросник.

— О чем? — настораживаются на том конце телефонного провода.

Тема приводит в замешательство.

— Нет, пока не присылайте. Надо согласовать. Мы с вами свяжемся. Ждите...

Примерно так отвечали в Москве, Минске и Киеве. Через месяц, не дождавшись обещанных звонков, стал напоминать о себе сам.

Отбивались, кто как мог. У одного шеф в загранкомандировке, у другого очень занят, шефам третьего на эту тему сказать корреспонденту вообще нечего.

И только одна простодушная секретарша попалась в умело расставленные журналистом силки. Выслушав очередное сожаление, что такой-то ответить на письменные вопросы не может, я спросил:

— Вы-то хоть передали ему, о чем речь?

— Разумеется.

— И что он ответил?

— Еще не время...

Это он ей сказал. Не для передачи, конечно. А она, бедняжка, проговорилась. Что ж, бывает. В истории такое не впервой: тщательно охраняемые тайны перестают быть таковыми исключительно из-за несообразительности прислуги.

Впрочем, вся обслуга, причастная к встрече в Вискулях, — водители, охранники, официантки, — пока хранит молчание. Надолго ли? Ведь нет ничего тайного, что со временем не становилось бы явным.

Вот именно, со временем. А людям хочется знать правду сейчас. И это не праздное любопытство, ведь речь идет о событии, которое произошло на нашем веку и чудовищным катком проехало через всех.

Операция «Колесо»

Непримиримая оппозиция немало потрудила над тем, чтобы в массовом сознании прочно утвердились имена виновных в развале СССР. Спросите любую домохозяйку — не моргнув глазом она назовет фамилии Ельцина, Кравчука и Шушкевича, подписавших антиконституционные Беловежские соглашения в тайне от народа, и Горбачева, не арестовавшего заговорщиков-«пуцистов».

Знавшие Горбачева люди сомневались в искренности его утверждений относительно того, что звонок Шушкевича из Беловежской пуцы воскресным вечером 8 декабря застал врасплох. Не настолько беспечным и доверчивым был Михаил Сергеевич, чтобы оставить без всякого присмотра собравшихся вместе вне Москвы трех руководителей крупнейших советских республик, да еще в столь тревожное время, каким было начало декабря девяносто первого года.

Один из таких людей, хорошо осведомленный о характере союзного президента, бывший руководитель его аппарата Валерий Иванович Болдин поведал историю, случившуюся еще летом 1990 года. Отдыхая в Крыму, Михаил Сергеевич неожиданно позвонил Болдину.

— Ты не знаешь, где сейчас Яковлев? — спросил он нервно.

Болдин ответил, что не знает: суббота, наверное, на даче.

— Нет, нет, — быстро заговорил Горбачев. — Я звонил на дачу, его там нет. Ну а где хоть Бакатин-то, ты знаешь?

Болдин, по его словам, удивился этому вопросу еще больше. Ну где могут быть люди в выходной день летом? Не на даче, так в лесу. Наконец, в речке купаются.

— Ты, как всегда, ничего не знаешь, — бросил президент. — На месте нет и Моисеева, начальника Генерального штаба. Мне доложили, что все они выехали в охотничье хозяйство. Если что-то узнаешь, позвони мне сразу.

Откуда он все это знает, находясь у моря? — задавался Болдин вопросом. Через минут сорок раздался снова телефонный звонок. Горбачев сказал, что дозвонился до машин, которые находились в лесу, где-то в Рязанской области, но, кроме водителей, там никого нет, все куда-то удалились и к телефону не подходят. Водители пошли их искать.

— Зачем они там собрались вместе? Для чего кучкуются? Что они задумали? — нервно спрашивал Горбачев.

— Может, грибы собирают? — осторожно высказал предположение Болдин.

— Да ты что, там ведь с ними еще несколько генералов, видимо, что-то задумали.

По словам Болдина, этот случай был не единственный. Михаил Сергеевич подозревал многих в неверности задолго до августовского кризиса, боялся, что его могут лишить власти. Мстительно-болезненное состояние принуждало постоянно держать под контролем всех, кто был рядом. А уж после августовских событий, когда популярность Михаила Сергеевича, и без того низкая, резко пошла на убыль, ему постоянно мерещились новые заговоры, теперь уже со стороны руководителей республик.

Мог ли в этих условиях такой опытный политик, как Горбачев, проявить несвойственную ему беспечность, закрыв глаза на то, что происходило в Минске? Неужели не привел в действие свои каналы информации, благодаря которым всегда знал все обо всех?

Ответ находим в его книге «Жизнь и реформы»: «Проходит день, никаких новостей из Минска до меня

не доходит, никому ничего не известно. Подумалось: решили «расслабиться» — так оно и было. Но потом я начал интересоваться, что же там происходит».

Вот оно: «начал интересоваться». Михаил Сергеевич не раскрывает — у кого. Впрочем, это и не столь важно. Главное, он признает, что располагал сведениями о подозрительном шевелении в Беловежской пуще задолго до звонка Шушкевича.

«Оказалось, через мою голову ведут разговоры с министрами, в том числе с Шапошниковым, — пишет далее экс-президент, — а он, как и Баранников, не считал нужным меня информировать. Я позвонил министру обороны и спросил, что происходит. Он извивался как уж на сковородке, но все же сказал, что ему звонили, спрашивали, как он смотрит на характер объединенных вооруженных сил в будущем государственном образовании. Ничего, мол, больше не знаю. Откровенно врал».

С удивительным свойством Михаила Сергеевича — все знать и ничего не предпринимать — мы еще встретимся в ситуации, когда принималась декларация о государственном суверенитете России. Странная позиция президента действительно дает повод подозревать его в сознательном развале страны — именно так оппозиция квалифицирует бездействие Горбачева в критические моменты.

Однако не будем забегать вперед. К этой теме мы еще вернемся, а сейчас приведем свидетельство, подтверждающее слова Горбачева о том, что собравшиеся в пуще главы трех республик и в самом деле вели тайные разговоры не только с министрами, но и их заместителями, пытаясь заручиться поддержкой наиболее влиятельных лиц в центре.

Свидетельствует А. С. Грачев, тогдашний пресс-секретарь Горбачева:

— В воскресенье 8 декабря у меня на даче раздался звонок «вертушки» (линии правительственной связи). Телефонистка переспросила мою фамилию. Сказала: «С вами хочет поговорить Борис Николаевич». Я был заинтригован. Через полминуты в трубке раздался мужской голос, по-видимому, помощника Ельцина: «Кто у телефона?» — «Грачев», — ответил я. Помолчав, он с сомнением переспросил: «Павел Сергеевич?» — «Нет, Андрей Серафимович». В трубке поспешно сказали: «Нет, нет, нам нужен другой».

Павел Сергеевич Грачев, однофамилец горбачевского пресс-секретаря, в недавнем прошлом командующий воздушно-десантными войсками СССР, был в то время заместителем союзного министра обороны Евгения Шапошникова. Предназначенный ему звонок, по словам Андрея Серафимовича, раздался из Беловежской пущи:

— Бдительный помощник Ельцина не дал мне поговорить в тот день с российским президентом и узнать, для чего ему понадобился Павел Грачев, вскоре ставший министром обороны России. На следующий же день все и без того стало ясно.

Правы гроссмейстеры аналитических дел из спецслужб, утверждающие, что около половины секретной информации добывается из открытых источников. Надо только тщательно следить за новинками, уметь выстраивать в логический ряд разрозненные факты. Иногда это одна-две строки, затерявшиеся среди моря книжных страниц.

А тут — целая сцена, почти 25 строк. Можно сказать, микроновелла. Известный телеведущий Андрей Караулов, хорошо информированный, входящий в кремлевские круги, демократ по убеждениям, в своих записках «Плохой мальчик» раскрыл потрясающую подробность подготовки беловежской встречи.

Вариант денонсации Союзного договора, то есть роспуска СССР, прорабатывался в ноябре 1991 года в Завидово. Главные действующие лица — Борис Николаевич Ельцин и Геннадий Эдуардович Бурбулис. Последний «был убежден, что социализм нужно вырывать с корнем, то есть — вместе со страной», — пишет Караулов.

Впрочем, нам сейчас важнее скорее техническая, чем политическая сторона вопроса. Повторяю, нигде и никогда ни участники Беловежской встречи, ни их эксперты и помощники не раскрывали ее кухню.

«Президент Ельцин позвал в Завидово Баранникова и Грачева, — излагает сенсационные подробности Караулов. — Они боялись КГБ и Бакатина, поэтому все разговоры вели на свежем воздухе, гуляя по лесу.

Речь только об одном — Беловежская пуща.

Устав ходить, Ельцин сел на пенек. Грачев, как самый молодой, побежал в гараж и собственноручно прикатил большую шину от «Волги», валявшуюся там с незапамятных времен.

Постелив газету, разорванную пополам, генералы уселись возле Ельцина.

— Операцию назовем «Колесо», — предложил Баранников.

— Почему «Колесо»? — удивился Президент России.

— А мы же на колесе сидим, — засмеялся Баранников.

Так и решили. Через месяц Советский Союз перестал существовать».

«Сугубо конфиденциально»

Колесо на СССР покатали задолго до ноябрьской встречи в Завидово! Это утверждение исходит тоже от знающего человека, который в самый разгар противостояния с Ельциным, чтобы досадить ему,

выложил один из главных секретов. Итак, свидетельствует бывший вице-президент России Александр Руцкой:

— Детальный план ликвидации «центра» во главе с Горбачевым впервые лег на стол Ельцину в начале 1991 года. Ключевым его элементом было заключение «договора четырех» (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан), который фактически поставил бы ультиматум Президенту СССР и союзному парламенту...

По словам Руцкого, текст этого договора шлифовался в Москве, в «Белом доме», в феврале — марте 1991 года, а представители названных республик (Россию представлял Бурбулис) неоднократно принимались Ельциным для информирования его о ходе переговоров.

— Все шло сначала хорошо, — рассказывает Руцкой. — Правда, осторожность проявили представители Казахстана. Затем «слабину» дали представители Украины, Белоруссии — и дело вроде бы затихло. Один из последних вариантов текста договора, оказавшегося у меня после беловежского сговора, хранится в моем архиве. Но о готовившемся тихом перевороте я не знал, все делалось втайне. Так что все уверения участников беловежского сговора в том, что они за одну ночь написали соглашение об СНГ, — откровенная ложь.

Горбачев, который в силу своего должностного положения был в курсе всех замыслов, рождавшихся в недрах «Демроссии», тоже утверждает, что документы, подписанные в Белоруссии, заготавливались загодя:

— По сведениям из конфиденциальных источников, Бурбулис и К° готовили свой тактический ход: в последний момент отвергнуть проект Союзного договора, уже направленный в республики, и предложить совершенно иной. Тот самый, который впоследствии был извлечен из кармана госсекретаря и,

как свидетельствуют очевидцы, наспех завизирован в Беловежской пуще.

По словам Михаила Сергеевича, замысел состоял в следующем. Официально инициатором нового договора (подготовленного окружением Ельцина) должен был стать Кравчук.

— Признаюсь, — делится своими сомнениями экс-президент, — у меня до недавнего времени оставались сомнения, вел ли Ельцин все эти месяцы двойную игру (официально он высказывался за сохранение Союза. — *Н. З.*) или все-таки проявил «слабину» в последний момент, сдался под напором своих советников и Кравчука, да еще в «теплой обстановке». Не верилось, что человек способен на такое коварство...

Горбачев многое знает. Он, например, и не скрывает, что был одним из первых читателей документа, имевшего гриф «Сугубо конфиденциально», направленного в Сочи отдохнувшему там после августа-91 Ельцину. Документ имел название «Стратегия России в переходный период». Иногда его называют «меморандумом Бурбулиса» — по имени политика, которому приписывают авторство.

Представление о документе, названном Горбачевым «инструкцией по минному делу в государственной сфере», дают вот эти два фрагмента.

Первый. «До августовских событий руководство России, противостоящее старому тоталитарному центру, могло опереться на поддержку лидеров подавляющего большинства союзных республик, стремившихся к упрочению собственных политических позиций. Ликвидация старого центра неизменно выдвигает на первый план объективные противоречия интересов России и других республик. Для последних сохранение на переходный период сложившихся ресурсопотоков и финансово-экономических отношений означает уникальную возможность реконструировать

экономику за счет России. Для РСФСР, и так переживающей серьезный кризис, это серьезная дополнительная нагрузка на хозяйственные структуры, подрыв возможности ее экономического возрождения».

И второй тезис. «Объективно России не нужен стоящий над ней экономический центр, занятый перераспределением ее ресурсов. Однако в таком центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль за собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от своего кадрового состава, будет проводить политику, противоречащую интересам России».

Поняли? России рекомендовалось не иметь постоянно действующих надреспубликанских органов общеэкономического управления. То есть ей предлагалось отказаться от выполнявшейся прежде роли «ядра» мировой державы. Мотив — сохранив свои ресурсы для себя, быстро разбогатеет.

Разделял ли Ельцин эту концепцию, усиленно навязываемую ему ведущими идеологами «Демроссии»? По мнению Горбачева, до сентября, да и в самом сентябре Борис Николаевич еще не готов был окончательно принять эту «ошибочную философию» и действовать в соответствии с ней. Именно тогда, когда Ельцин колебался, Бурбулис и направил ему в Сочи записку-меморандум. Упрекая своего лидера за то, что якобы «утеряны плоды августовской победы», госсекретарь предупредил находившегося на отдыхе Ельцина, что «хитрый Горбачев» времени зря не теряет, плетет сети, реанимирует союзный центр и его будут поддерживать республики. Все это России не выгодно,

надо любой ценой предотвратить реализацию подобного сценария.

Что предпринял союзный президент, ознакомившись с вариантом, согласно которому должен быть разрушен целостный народнохозяйственный механизм государства?

— Я был встревожен, — говорит он, — и при очередной встрече с Ельциным завел с ним «концептуальный разговор» на эти темы. Он соглашался с моими аргументами и, как мне показалось, был тогда искренен. Впрочем, как я уже говорил, много раз бывало так: поговоришь с Борисом Николаевичем, убедишь его, условишься, как действовать, а буквально назавтра под чьим-то иным влиянием он поступает прямо наоборот. Такова уж эта неустойчивая натура. Так было и на сей раз...

Лингвистические тонкости

Принятое Госдумой 15 марта 1996 года постановление об отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года, которым был денонсирован Договор об образовании СССР, всколыхнуло общество. Вновь вспыхнули жаркие споры: был ли распад СССР злым умыслом или это историческая необходимость?

«Злой умысел!» — считал Горбачев. По его словам, Президент России и его окружение фактически принесли Союз в жертву своему страстному желанию воцариться в Кремле.

В подтверждение экс-президент СССР привел эпизод, о котором ему рассказал один из депутатов Верховного Совета России, входивший в прошлом в круг рьяных сторонников Ельцина:

— После возвращения из Минска в декабре девяносто первого Президент России собрал группу

близких ему депутатов, с тем чтобы заручиться поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с правовой точки зрения. Неожиданно президент ударился в сорокаминутные рассуждения, с вдохновением рассказывал, как ему удалось «навесить лапшу» Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его в том, что будет преследовать там одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное. «Надо было выключить Горбачева из игры», — добавил Ельцин.

Экс-президента СССР гложет обида? Возможно, ведь в конце декабря девяносто первого его спешно изгнали из Кремля, а в его кабинет немедленно вселился Бурбулис. Если следовать этой логике, то свои счета к Президенту России были и у таких разных людей, как Руцкой, Рыжков, Зюганов и другие непримиримые оппозиционеры, которые глубоко убеждены, что даже в декабре 1991 года еще не были до конца исчерпаны возможности разумного трансформирования Советского Союза в новый тип союзного государства. По их мнению, несмотря на то, что в стране и были очаги напряженности (Карабах, Приднестровье), они по своим масштабам не несли прямой угрозы безопасности СССР в целом. Рвавшиеся к власти новые национальные элиты в отдельных республиках хотя и делали порой резкие заявления, на деле не помышляли о сколько-нибудь серьезных деструктивных действиях, способных взорвать обстановку в общенациональном масштабе, если бы чувствовали разумный подход российского руководства.

— С моей точки зрения, версия «пущистов» о «назревавшей войне» республик с центром весьма слабо стыкуется с итогами референдума 17 марта 1991 года, — утверждал Руцкой. — Ведь тогда три четверти (76 процентов имеющих право голоса) населения

страны высказались за сохранение Советского Союза. Как тут не вспомнить слова Бориса Николаевича Ельцина о том, что «как бы ни закончился референдум, Союз не развалится. Не надо пугать людей! Не надо сеять панику в этом плане!» (15.03.1991), а также его заявление о том, что «Россия никогда не выступит инициатором развала Союза» (18.10.1991). Слова эти говорились тогда, когда заговор уже готовился. Вот пример политического цинизма, не правда ли?

«Процесс распада Советского Союза был настолько объективен, что его нельзя уже было реанимировать никакими средствами», — заявил Президент России 15 марта 1996 года в интервью российскому телевидению в связи с пятой годовщиной проведения референдума о будущем Союза ССР.

Оценивая Беловежские соглашения, Ельцин сказал, что процесс распада Союза продолжался уже несколько лет и был неизбежен. «Меня сейчас часто обвиняют в том, что я развалил Союз ССР, — это любимая тема коммунистов», — сказал президент. Между тем, по его словам, на референдуме он голосовал за сохранение Союза, да и Россия не первой объявила о суверенитете. Объясняя основную причину распада государства, президент подчеркнул, что союзные республики не верили руководству страны. Беловежские соглашения — это реакция на фактический распад Союза, попытка республик хоть что-то спасти».

Годом раньше эту же мысль высказал Бурбулис на заседании клуба «Свободное слово»:

— К моменту Беловежских соглашений Советского Союза как целостного государства уже не существовало. Можно сколько угодно писать книжек, вспоминать, — это все очень интересно и полезно, — но есть правовая реальность к тому моменту, есть экономическая реальность к тому моменту и есть социально-политическая реальность к тому моменту.

Поэтому ничего спасти в том виде уже не представлялось возможным, все усилия были бы бессмысленными.

Чрезвычайно важно для понимания позиции «идеолога развала СССР», «серого кардинала», как окрестила Бурбулиса коммунистическая пресса, такое вот его объяснение на заседании упомянутого выше клуба:

— Когда меня спрашивают: «Каким понятием России вы, голубчики, руководствовались в свое время, стремясь к власти, с каким понятием России вы засыпали и просыпались, эту власть реализуя?» — я отвечаю так: «Мы руководствовались тем, что наша советская социалистическая система в конце 60-х годов оказалась в состоянии исторического тупика. Мы руководствовались тем, что не злонамеренный развал Советского Союза и не злодейство группки лиц, а объективно неизбежный распад этой системы в силу ее исторической исчерпанности и создал ту реальную практическую ситуацию, в которой мы оказались. Поэтому нами двигало не желание подсидеть Михаила Сергеевича и сделать пьедестал Борису Николаевичу. Я говорю о себе: мы искали наиболее щадящие пути, которые в какой-то мере регулировали бы этот неизбежный распад».

Найти их, эти наиболее щадящие пути из распадавшейся системы, и призвана была Беловежская встреча, о которой договорились руководители трех республик. В Беловежской пуще была сделана попытка сохранить прежде всего экономические связи — ведь у всех республик была одна система, совсем распадаться было нельзя, поскольку в одиночку не выстоять.

Упразднили ли «пушцисты» Советский Союз? И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич неоднократно подчеркивали существенную особенность, которую никто не хочет принимать во внимание, а именно: СССР

в подписанных ими соглашениях не упраздняясь. Документы констатировали лишь, что Советский Союз прекращает, а не прекратил свое существование. То есть создание СНГ было попыткой удержать вместе бывшую «семью единую». По некоторым свидетельствам, Ельцин тогда все еще питал наивную надежду на то, что членами Содружества, пусть на особых правах, станут даже балтийские страны. Увы, этого не произошло.

На ком шапка горит

Тезис Бурбулиса о том, что СССР исчерпал свой исторический ресурс, был опровергнут другими философами, участвовавшими в заседании клуба «Свободное слово».

— «Так хотела история...» — иронично сказал философ Вадим Межуев. — Так вот, первое, чего не должен делать профессиональный политик, — он не должен ссылаться на историю, не должен ссылаться на необходимость. Это довод непрофессионального политика.

По мнению этого оппонента Бурбулиса, ссылка на историческую необходимость — это основной аргумент в устах человека, обладающего тоталитарным мышлением. Это основной аргумент в устах профана, в ситуации тотально мыслящего сознания.

— Потому что только человек тоталитарного мышления «знает», чего хочет история, — развивал свою мысль Межуев. — Ну, конечно, еще знает Господь Бог. Но когда я присваиваю себе функцию говорить за историю: чего она хочет и чего не хочет, это не проблема профессионального политика... Профессиональный политик — это специалист по политическим технологиям, а не по истинам в последней инстанции. Что такое тоталитаризм? Это

власть людей, которые знают, куда идет история, чего она хочет и какие у нее конечные цели...

И дальше не менее обидные для политика, политолога и философа Бурбулиса аргументы:

— Я думаю, что человек, придерживающийся либерально-демократических взглядов, должен быть в курсе хотя бы таких уже достаточно известных работ, как работы Поппера, которые совершенно четко указывают, что ссылка на историю в устах политика некорректна. Ибо почему тогда образование СССР не было в замысле истории? Почему только роспуск СССР был в ее замысле? Почему коммунисты пришли к власти с идеей о том, что коммунизм — это исторически неизбежное будущее?

А потом и вовсе сурово:

— Другое дело, что мы можем поставить вопрос о причинах того, что произошло. И вопрос о причинах не снимает вопроса о злом умысле. Это вопрос вообще не философский, а юридический. Если кто-то здесь сможет доказать, что в основе распада СССР было нарушение действующих по тому времени законов, если кто-то может сказать, что было преступлено право, которое действовало в то время, — это будет вина юридическая, и такая вина не снимается никакой исторической необходимостью. При любой исторической необходимости существует вина людей, ответственных за те или иные действия или поступки. Никакая историческая необходимость не снимает вины юридической и с тоталитарных режимов, и с тех, кто тогда стоял у власти...

Неумолкающие споры ведутся как в области теоретической, научно-философской, так и в практической. Тезис беловежских «лесничих» о том, что все приходит к концу, вот и Советский Союз как государственное образование исчерпал свои экономические и политические возможности, вызвал

массу контраргументов. И среди них: уровень интеграции в СССР был значительно выше, чем в Европейском экономическом сообществе, на эффективность которого любят ссылаться. Именно на разрыв хозяйственных связей между бывшими республиками Союза в России приходится около 60 процентов от общего падения производства. Сохранив за собой 90 процентов всей добычи нефти бывшего Союза, Россия лишилась 60 процентов мощностей по производству нефтяного оборудования, 35–40 процентов мощностей по нефтепереработке и 60 процентов пропускной способности морских портов по нефтегрузам.

Когда 12 декабря 1991 года Верховный Совет РСФСР принял решение о выходе России из состава СССР, земля, вопреки ожиданиям, не разверзлась под ногами и небо не расколосось. Умные люди, знавшие, что цельный народнохозяйственный механизм страны не выдумка, не фраза, оценивая реальность, понимали: пройдет какое-то время, остынут горячие головы, залечатся раны, и идея объединения вновь замаячит на горизонте. Самые мудрые предрекали: на идее полного или частичного восстановления государства, искусственно расчлененного в пылу властных амбиций, будет немало политических спекуляций, этот беспроектный козырь будут нещадно эксплуатировать рвущиеся к власти лидеры.

Как в воду глядели провидцы. «На воре шапка горит!» — кричат в преддверии президентских и парламентских выборов представители различных политических сил, обвиняя друг друга в причастности к развалу Советского Союза.

— Я склонен согласиться с вами, Геннадий Эдуардович, — сказал социолог Наль Злобин на все том же заседании клуба «Свободное слово», — что развал произошел не в Беловежской пуще, а значительно

раньше. Но согласитесь ли вы со мной, что он был подготовлен заявлением о защите суверенитета РСФСР? От кого? От других республик? Или от СССР, который весь мир считал Россией, не делая различий по национальностям? Нет, страной жертвовали во имя властных амбиций. Развал начался с провозглашения приоритета законов РСФСР перед общегосударственными. Этого и прибалты не предлагали, потому что такого государства в принципе быть не может, даже при конфедерации...

Среди тех, кто считает, что расчленение СССР началось с провозглашения на I Съезде народных депутатов РСФСР декларации о государственном суверенитете России, генерал армии, в ту пору первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков. Он присутствовал на съезде и был изумлен формулировкой — ведь СССР был союзом суверенных государств, и о суверенных правах России было ясно сказано в Конституции. О каком еще суверенитете могла идти речь?

Вместе с генерал-полковником К. И. Кобецом, встретившимся Бобкову в холле, и еще одним генералом они решили идти к Горбачеву. Надо что-то делать, проект декларации вот-вот будет поставлен на голосование. Сейчас все решают часы, а может, и минуты.

По словам Бобкова, разговор с Горбачевым был коротким. Президент подошел к встревоженным генералам вместе с Крючковым. Услышав об их сомнениях, прочел проект декларации, подумал немного и сказал:

— Ничего страшного не вижу. Мы уже многое обсуждали.

— Но ведь это, по существу, отказ от властных полномочий Союза, — заметили несколько смущенные такой реакцией генералы.

— Да нет. Это Союзу не угрожает. Но если вы не согласны, покиньте съезд. Такая демонстрация может быть только полезной.

Он, как всегда, по-доброму улыбнулся и уже совсем серьезно добавил:

— Причин реагировать на это союзным властям я не вижу.

«Обратно мы шли молча, — свидетельствует Бобков. — О чем думали мои спутники, не знаю, но я был потрясен двойственностью позиции нашего лидера. С одной стороны, ничего опасного, а с другой, предлагает нам покинуть съезд. Ясно было одно: верховенство законов России над союзными — это угроза СССР. Неужели он хочет этого? Ведь он президент этого государства... Выходит, не понимает? Нет, не так он наивен, чтобы не понимать. Значит, остается только одно: президент допускает развал страны. В голове подобные вещи никак не укладывались. Не мог я этого принять! Ведь речь идет не о пустяках, а о существовании великой державы, за которую в трех войнах пролито море крови!».

В пятницу, 15 марта 1996 года, в вечернем выпуске новостей НТВ, комментируя решение Госдумы об отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года, Михаил Сергеевич воскликнул: «На воре шапка горит!». Сакраментальная фраза экс-президента предназначалась фракции КПРФ, инициировавшей денонсацию Беловежских соглашений. По мнению Горбачева, к развалу СССР приложили руки и коммунисты, почти единогласно проголосовавшие в Верховном Совете России за Беловежские соглашения, то есть за выход России из состава СССР.

Прав ли Михаил Сергеевич? Судите сами. Фракция «Коммунисты России» имела в Верховном Совете 22 места. Отсутствовали или не принимали участия в голосовании 7 человек. За ратификацию Беловежских

соглашений проголосовали все 15 участвовавших в голосовании коммунистов. За денонсацию Союзного договора, т. е. за выход России из состава СССР — 13 человек. Воздержались двое — С. Решульский и В. Санаев.

В целом же картина голосования была такая. Парламент насчитывал тогда 247 депутатов. Для принятия решения требовалось 124 голоса. Коммуно-патриотическая оппозиция вместе с центристской в сумме располагали 138 голосами, демократы — 108. Один депутат сложил с себя полномочия, однако в списках голосования числился.

Итог: против постановления о ратификации Беловежских соглашений проголосовали сначала 5 (за основу), потом 6 (в целом) депутатов. Персонально это были С. Бабурин, Н. Павлов (оба фракция «Россия»), В. Исаков (независимый депутат), И. Константинов (фракция «Российский союз»), С. Полозков, В. Балала, П. Лысов (фракция «Смена»). Против выхода России из состава СССР проголосовали трое: В. Исаков, С. Бабурин, П. Лысов. Воздержались 9 человек: кроме названных выше коммунистов С. Решульского и В. Санаева это были В. Грачев, Н. Павлов, З. Ойкина, К. Руппель, В. Шуйков, И. Шашвиашвили, А. Луговой.

«Так что воздадим должное Верховному Совету России, — сказал с горечью Михаил Сергеевич в одном из своих интервью. — Народ воздаст этим людям позднее...».

Почему коммунисты так дружно проголосовали «за»? Многие делали это, наверное, скрепя сердце. Общее настроение выразил летчик-космонавт В. И. Севастьянов, состоявший во фракции «Отчизна», с облегчением произнесший:

— Слава Богу, эпоха Горбачева на этом закончилась.

Голосовали не против СССР, как каются сегодня депутаты, а против недееспособного центра во главе с

Горбачевым. И чтобы избавиться от него, ликвидировали государство.

Впрочем, шапка должна загораться не только на российских парламентариях. Юридически Советский Союз исчез не 25 декабря в 19 часов, когда Горбачев подписал указ № УП-3162 о сложении с себя полномочий Верховного Главнокомандующего. Судьбе было угодно распорядиться так, что формально последнюю точку в истории СССР поставила палата Совета Республик Верховного Совета СССР. Ее заседание состоялось 26 декабря. Участие в ней приняли депутаты из пяти республик Средней Азии, которые остались в Союзе до самого конца. Тогда и была принята Декларация о прекращении существования СССР как государства и субъекта международного права.

«Горящую шапку» будут обнаруживать друг у друга многие. Уж больно крупный козырь в борьбе за кремлевский трон. Ведь что бы ни говорили политики, а основная масса жителей чувствует себя неуютно из-за роспуска Советского Союза и наверняка будет всегда отдавать предпочтение тому кандидату, который всколыхнет ностальгические чувства.

Это понимал в 1996 году кандидат в президенты Б. Н. Ельцин. Потому и зазвучали слова о «единении двух государств», «едином государстве», об «огромном шажище» — беспрецедентном «нулевом варианте» взаимного и полного погашения задолженности между Россией и Белоруссией.

Это прекрасно понимал кандидат в президенты Г. А. Зюганов. Ах, у вас нулевой вариант, у вас на подходе новые сенсационные договоренности? А у нас — денонсация Беловежских соглашений!

Неужели личное соперничество — с перехватыванием инициативы, постановкой политических спектаклей, расписыванием ролей, расстановкой декораций, организацией мизансцен —

будет продолжаться и впредь? И это на тему, которая остается незатухающей болью сотен миллионов людей?

Первая ласточка

В 1997 году вышла новая книга Егора Гайдара «Дни поражений и побед». По новой моде, заведенной нынешними российскими политиками, книга первоначально издавалась на Западе. Связанный жесткими условиями издательского договора, автор не мог поделиться сенсационными подробностями с соотечественниками до определенного срока.

Сейчас — можно. И он поделился.

Егор Тимурович поведал нам, что в замысел встречи в Беловежской пуще президент его не посвящал. Сказал только, что надо лететь с ним в Минск, предстоит обсуждение путей к усилению сотрудничества и координации политики России, Украины и Белоруссии.

На всякий случай мемуарист делает такое вот заключение: к тому времени, мол, то есть после референдума о независимости Украины, от власти и авторитета Союза уже практически ничего не осталось, кроме все более опасного вакуума в управлении силовыми структурами.

Итак, полетели. Вечером, по прилете, делится воспоминаниями Гайдар, пригласили белорусов и украинцев сесть вместе поработать над документами встречи. Собрались в домике, где поселили Гайдара и Сергея Шахрая. С российской стороны были Бурбулис, Козырев, Шахрай и Гайдар. Украинцы подошли к двери, потоптались, чего-то испугались и ушли. Именно тогда Шахрай предложил юридический механизм выхода из политического тупика — ситуации, при которой Союз как бы легально существует, хотя ничем не управляет и управлять ничем не может: формулу Беловежского

соглашения, роспуска СССР тремя государствами, которые в 1922 году были его учредителями.

Вот так, запросто — Шахрай предложил. Гайдару, по его словам, идея показалась разумной, поскольку позволяла разрубить гордиев узел правовой неопределенности, начать отстраивать государственность стран, которые де-факто обрели независимость.

Против идеи Шахрая никто не возразил.

Начали вместе работать над проектом документа, где излагалась сформулированная Шахраем мысль.

Было очень поздно, около двенадцати ночи. Технический персонал, который уже давно спал, решили не беспокоить. Гайдару, в прошлом журналисту газеты «Правда» и журнала «Коммунист», как владевшему пером, поручили набрасывать на бумаге текст.

Работу закончили в четыре утра. Андрей Козырев взял листки, исписанные Гайдаром, понес к машинисткам.

Утром — паника в технических службах. Текст исчез. Решили, что дело без КГБ не обошлось, и страшно перепугались. Постепенно выяснили, что Козырев не решился в четыре утра будить машинистку и, щадя ее сон, подсунул рукопись ей под дверь. Однако ошибся — это была дверь другой комнаты.

Текст нашли, но разобраться в почерке Гайдара было очень сложно, и потому пришлось ему самому диктовать. «Так что если кто-то захочет выяснить, на ком лежит ответственность за Беловежское соглашение, отпираться не буду — оно от начала до конца написано моей рукой», — с гордостью заявляет Гайдар. Почти как в знаменитом произведении деда: это я запалы у бомб выдернул...

Несмотря на все комичные недоразумения, продолжает мемуарист не без чувства самолюбования,

общая атмосфера того дня — чувство тревоги. Все участники переговоров прекрасно понимали огромную ответственность, которую принимали на себя те, кто предлагал такое не рядовое решение.

Больше всех, как признается Гайдар, переживал, волновался Шушкевич. В его словах звучал лейтмотив: мы маленькая страна, примем любое согласованное решение России и Украины. Но вы-то, большие, все продумали?

Когда Гайдар принес напечатанный наконец документ, Ельцин, Кравчук и Шушкевич в ожидании бумаги уже собрались, начали предварительный разговор. Ознакомившись с ней, довольно быстро пришли к согласованному выводу — да, это и есть выход из тупика.

Согласившись в принципе, стали обсуждать, что делать дальше. Ельцин связался с Назарбаевым, президентом Казахстана, попросил его срочно прилететь. Было важно опереться на поддержку и этого авторитетного лидера. Нурсултан Абишевич обещал, но потом его самолет сел в Москве, и он, сославшись на технические причины, сказал, что прилететь не может.

Напряжение нарастало. Ведь речь шла о ликвидации де-юре распавшейся де-факто ядерной сверхдержавы, восторгается своим поступком мемуарист. Подписав документ, Ельцин в присутствии Кравчука и Шушкевича позвонил Е. Шапошникову, сказал о принятом решении, сообщил, что президенты договорились о его назначении главнокомандующим Объединенными вооруженными силами Содружества. Шапошников назначение принял. От себя заметим — и это при здравствовавшем Верховном Главнокомандующем?

Потом последовал звонок Джорджу Бушу. Тот выслушал, принял информацию к сведению. Наконец звонок Горбачеву и тяжелый разговор с ним.

Возвращаясь самолетом в Москву в тот декабрьский вечер 1991 года, Гайдар, по его словам, все время думал: а мог ли Горбачев в ответ на подписанное соглашение попытаться применить силу и таким образом сохранить Советский Союз? Разумеется, признается пущист, окончательный ответ так и останется неизвестным. И все-таки, замечает он, в то время такая попытка была бы абсолютно безнадежной. Авторитет Горбачева, как, впрочем, и авторитет всех союзных органов управления, стал абсолютно призрачным, а армию, которую столь часто подставляли, вряд ли можно было сдвинуть с места.

Что это, попытка самооправдания?

Будем ждать новых откровений.

ДВА АБЗАЦА В КОНЦЕ

Победители не только пишут историю, но и переписывают ее. Каждый новый правитель в поисках близких ему аналогов пересматривает события как недавнего, так и отдаленного прошлого, и вот уже готова интерпретация, соответствующая его взглядам.

Каждый правитель-победитель выпрямляет историю. Разумеется, в своих интересах. Но настоящая история все равно существует. Потому что мозг каждого человека глубоко индивидуален и занимается неповторимой мыслительной деятельностью. Стало быть, и конечный продукт этой деятельности у разных людей тоже разный. Ведь история — это прежде всего детали, подробности. А в них, как предупреждали древние, бодрствует дьявол.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

АЛЕКСЕЕВ Михаил Васильевич (1857–1918). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Родился в семье солдата-рекрута. В Первую мировую войну начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо—Западным фронтом, с 1915 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Поскольку Николай II военного опыта не имел, то фактически руководил 12-миллионной русской армией. После Февральской революции до мая 1917 года Верховный Главнокомандующий. После Октябрьской революции возглавил образование Белого добровольческого движения в Ростове и Новочеркасске. Командующий Добровольческой армией. В июне 1918 года Национальным антибольшевистским фронтом выдвигался кандидатом в военные диктаторы России. Умер в октябре 1918 года в Екатеринодаре.

АЛЛИЛУЕВА Светлана Иосифовна (1926). Дочь *И. В. Сталина*. В 1966 г. осталась за рубежом, выехав в Индию на похороны мужа. Возвращалась в СССР, но вновь уезжала. Автор книг воспоминаний «Двадцать писем к другу», «Всего один год», «Далекая музыка». Проживает в Англии в пансионате для престарелых.

БАКЛАНОВ Олег Дмитриевич (1932). Родился в г. Харькове. Трудовую деятельность начал монтажником на одном из харьковских заводов. В 1963–1976 гг. — главный инженер, директор завода, генеральный директор производственного объединения. С 1976 г. — заместитель, первый заместитель министра, с 1983 по 1988 г. — министр общего машиностроения СССР. В 1988–1991 гг. — секретарь ЦК КПСС. С апреля 1991 года — заместитель председателя Совета обороны при Президенте СССР. В августе 1991 года входил в состав ГКЧП. Арестовывался по этому делу, содержался в следственном изоляторе «Матросская тишина». В 1994 г. амнистирован постановлением Госдумы РФ. С

1996 г. — член Политсовета Российского общенародного союза. Лауреат Ленинской премии (1982), Герой Социалистического Труда (1976)

БЕЛЯЕВ Николай Ильич (1903–1966). Родился в Уфимской губернии. В 1955–1958 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1957–1960 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В 1957–1960 гг. — первый секретарь ЦК КП Казахстана, в 1960 г. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. С 1960 г. был на пенсии.

БЕНЕДИКТОВ Иван Александрович (1902–1983). В 1938–1943 гг. — нарком земледелия СССР, в 1943–1946 гг. — первый заместитель наркома земледелия СССР, в 1946–1947 гг. — министр земледелия СССР, в 1947–1953, 1954–1955 гг. — министр сельского хозяйства СССР, в 1953–1954 гг. — первый заместитель министра, министр сельского хозяйства и заготовок СССР, в 1955–1957 гг. — министр совхозов СССР, в 1957–1959 гг. — министр сельского хозяйства РСФСР, в 1959–1967 гг. — посол СССР в Индии, в 1967–1970 гг. — посол СССР в Югославии, в 1970–1971 гг. — посол по чрезвычайным поручениям МИД СССР, с 1971 был на пенсии.

БЕРИЯ Лаврентий Павлович (1899–1953). Родился в Абхазии. В 1921–1931 гг. возглавлял разведку и контрразведку в Закавказье, в 1931–1938 гг. — партийные органы в этом регионе. В 1938–1946 гг. — министр внутренних дел СССР, одновременно с февраля 1941 г. — заместитель Председателя СНК СССР. С 1946 по март 1953 года — заместитель Председателя Совета Министров СССР, куратор атомной промышленности. После смерти *Сталина* в марте — июне 1953 года — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943). Член Политбюро (Президиума) ЦК

ВКП(б) — КПСС в 1946–1953 гг. На июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР был снят со всех государственных постов. 23 декабря 1953 года был расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

БРУСИЛОВ Алексей Алексеевич (1853–1926). Военный деятель России, генерал от кавалерии. Его именем назван осуществленный им знаменитый прорыв австро-германского фронта в годы Первой мировой войны. В начале Февральской революции 1917 г. вместе с другими командующими фронтами оказывал влияние на Николая II, побуждая его к отречению от престола. В мае — июле 1917 года Верховный Главнокомандующий, затем военный советник Временного правительства. В 1920 г. вступил в Красную Армию, служил у Л. Троцкого в Наркомате по военным делам инспектором кавалерии, состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР. Был женат на Желиховской — племяннице известной писательницы-окультистки Елены Блаватской.

БУРБУЛИС Геннадий Эдуардович (1945). Окончил Уральский государственный университет. В 1970–1980 гг. — преподаватель марксистско-ленинской философии. В 1989–1991 гг. — народный депутат СССР. В 1990–1991 гг. — полномочный представитель Председателя Верховного Совета РСФСР, в 1991–1992 гг. — Государственный секретарь РФ, первый заместитель председателя правительства РФ. Считался одним из самых влиятельных политиков в команде Б. Ельцина. В 1993–1999 гг. — депутат Государственной думы РФ. С 2000 г. член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, представитель администрации Новгородской области.

БУЛГАНИН Николай Александрович (1895–1975). Родился в г. Нижнем Новгороде. Работал в органах ВЧК. В 1931–1937 гг. — председатель исполкома Моссовета. В 1937–1938 гг. — Председатель СНК РСФСР, в 1938–1941 и в 1947–1953 гг. — заместитель Председателя СНК СССР. Трижды (1938 — апрель 1940 гг., октябрь 1940–1945 гг., март — август 1958 г.) возглавлял Госбанк СССР. В 1941–1943 гг. — член военных советов ряда фронтов. С 1944 г. — заместитель наркома обороны СССР, заместитель министра Вооруженных Сил СССР. Дважды (в 1947–1949 и в 1953–1955 гг.) — министр Вооруженных Сил (обороны) СССР. С 1953 г. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, в 1955–1958 гг. — Председатель Совета Министров СССР. В 1958–1960 гг. — председатель Ставропольского совнархоза. С 1960 г. был на пенсии. Герой Социалистического Труда (1955), Маршал Советского Союза (1947), в 1958 г. был разжалован в генерал-полковники. Состоял членом Политбюро (Президиума) ЦК КПСС десять лет — с 1948 по 1958 г.

ВОРОТНИКОВ Виталий Иванович (1926). Родился в г. Воронеже. Трудовую деятельность начинал на авиационном предприятии в г. Куйбышеве. С 1960 года на партийной работе. В 1975–1979 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. С 1979 по 1982 г. — посол СССР в Республике Куба. В 1982–1983 гг. — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, в 1983–1988 гг. — Председатель Совета Министров РСФСР, в 1988–1990 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. С 1990 г., когда без борьбы уступил свое место Б. Ельцину, на пенсии. Был членом Политбюро ЦК КПСС в 1983–1990 гг.

ГАЙДАР Егор Тимурович (1956). Родился в г. Москве. Окончил экономический факультет МГУ им.

Ломоносова в 1978 г. и аспирантуру в 1980 г. Доктор экономических наук. С 1980 г. работал в Институте системных исследований, с 1986 г. — в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР. С 1987 г. — редактор отдела экономики журнала «Коммунист», с 1990 г. — редактор такого же отдела в газете «Правда». Весной 1991 г. стал директором созданного по его инициативе Института экономической политики при Академии народного хозяйства СССР. В августе 1991 г. провел собрание, принявшее решение о роспуске партийной организации. С ноября 1991 г. — заместитель Председателя Правительства РСФСР по вопросам экономики, министр экономики и финансов. С марта 1992 г. — первый заместитель Председателя Правительства, министр финансов. С июня 1992 г. — и. о. Председателя Правительства России, с декабря 1992 г. — в отставке. В октябре 1993 г. назначен министром экономики и первым заместителем Председателя Правительства РФ, в январе 1994 г. вышел из состава правительства. В 1993–1995 гг. и в 1999–2003 гг. — депутат Госдумы РФ. С 1993 г. — председатель партии «Демократический выбор России», директор Института экономических проблем переходного периода.

ГДЛЯН Тельман Хоренович (1940). Родился в Грузии. С 1983 г. — старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, в конце 80-х годов — руководитель следственной группы, расследовавшей факты коррупции в Узбекистане. Вел расследование по делу бывшего первого заместителя министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбанова — зятя Л. И. Брежнева. В мае 1989 года Прокуратура СССР возбудила против него и его заместителя Н. Иванова дело по обвинению в нарушении законности. В 1990 г. был уволен из Прокуратуры СССР и исключен из КПСС. В

декабре 1991 года Верховный Совет СССР принял постановление о его реабилитации и об отмене как незаконного решения об увольнении из Прокуратуры СССР. Однако Прокуратура РСФСР отказалась решать вопрос о его восстановлении на работе. Депутат Госдумы РФ второго созыва (1995–1999).

ГРИШИН Виктор Васильевич (1914–1992). Родился в Московской области. Работал машинистом, мастером, заместителем начальника паровозного депо. С апреля 1941 года — на партийной работе. В 1952–1956 гг. — второй секретарь МК КПСС, в 1956–1967 гг. — председатель ВЦСПС. В 1967–1985 гг. — первый секретарь МГК КПСС. На этом посту в декабре 1985 года его сменил Б. Ельцин. Скончался в 1992 г. в очереди в райсобесе. Рассматривался в качестве кандидата на пост генсека после смерти К. У. Черненко в 1985 г. Один из долгожителей в составе Политбюро: с 1961 по 1971 г. — кандидат в члены, с 1971 по 1986 г. — член Политбюро.

ГРОМЫКО Андрей Андреевич (1909–1989). Родился в Гомельской области. Начиная на научном поприще. С 1939 г. на дипломатической работе. В 1943–1946 гг. — посол СССР в США, в 1946–1948 гг. — постоянный представитель СССР при ООН. С 1946 г. — заместитель, первый заместитель министра иностранных дел СССР. В 1952–1953 гг. — посол СССР в Великобритании. С апреля 1953 года — первый заместитель министра иностранных дел СССР. В 1957–1985 гг. — министр иностранных дел СССР, одновременно в 1983–1985 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. С июля 1985 по октябрь 1988 года — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1988 г. был на пенсии. Стаж пребывания в Политбюро — 15 лет. Считается одним из инициаторов выдвижения М. Горбачева на пост

Генерального секретаря ЦК КПСС, о чем по некоторым свидетельствам, перед кончиной сильно сокрушался.

ГУЧКОВ Александр Иванович (1862–1936). Русский государственный и политический деятель. Крупный промышленник. Основатель и лидер партии «Союз 17 октября». В 1902 г. участвовал в англо-бурской войне на стороне буров, потом в Македонском восстании. Председатель III Государственной думы. В марте — мае 1917 года — военный и морской министр Временного правительства. Участвовал в подготовке выступления генерала *Л. Корнилова*. После Октября боролся против власти большевиков. В 1918 г. эмигрировал в Берлин, в дальнейшем жил во Франции.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872–1947). Один из главных организаторов Белого движения в России против красных. Сын кузнеца. Генерал-лейтенант (1916). С апреля 1918 года командующий Добровольческой армией. С января 1919 года главнокомандующий Вооруженных Сил юга России. Летом-осенью того же года предпринял поход на Москву. В январе 1920 года приказом Колчака объявлен Верховным правителем, в марте образовал Южнорусское правительство. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Англии, Бельгии, Венгрии, Франции. Умер в США.

ЕФРЕМОВ Леонид Николаевич (1912). Родился в г. Воронеже. Работал в сельскохозяйственном управленческом звене, затем — на авиационном заводе. С 1945 г. — на партийной работе. Был первым секретарем Курского, затем Горьковского обкома КПСС. С 1962 по 1964 г. — первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В 1964–1970 гг. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. Негативно относился к продвижению М. Горбачева по партийной линии, но у того были мощные покровители в Москве. С

1970 по 1988 гг. — первый заместитель председателя Госкомитета СССР по науке и технике. С 1988 г. на пенсии.

ЖДАНОВ Юрий Андреевич (1919). Сын члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. Зять *И. В. Сталина*, муж его дочери *С. Аллилуевой*. В 1945–1948 гг. — аспирант Института философии АН СССР, в 1947–1948 гг. — заведующий сектором науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в 1950–1952 гг. — заведующий отделом науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), в 1952–1953 гг. — заведующий отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК КПСС. С 1957 г. — ректор Ростовского государственного университета.

ИВАНОВ Николай Иудович (1851–1919). Генерал от артиллерии. В Первую мировую войну главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. 27 февраля 1917 года Николай II назначил его командующим Петроградским военным округом и направил с войсками для подавления революции. С поставленной задачей не справился. С октября 1918 года и до своей смерти от тифа командовал Особой Южной армией.

ИГНАТОВ Николай Григорьевич (1901–1966). Родился в Волгоградской области. После окончания в 1934 г. курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) — на партийной работе. В 1952–1953 гг. — секретарь ЦК КПСС и одновременно министр заготовок СССР. В 1953 г. — второй секретарь Ленинградского обкома и первый секретарь горкома партии, инспектор ЦК КПСС. С 1953 г. — первый секретарь Воронежского, с 1955 г. — Горьковского обкома партии. Сыграл видную роль в предотвращении попытки смещения *Н. Хрущева*, которую предприняла в июне 1957 г. «антипартийная

группа» в составе *Г. Маленкова, В. Молотова, Л. Кагановича*. Благодарный Н. Хрущев сразу же выдвинул его в состав Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Но вскоре охладел к нему, передвинув в 1960 г. на пост председателя Госкомитета заготовок — заместителя Председателя Совета Министров СССР. В 1962–1966 гг. был Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1964 г. выступил одним из инициаторов смещения Н. Хрущева.

ИОФФЕ Адольф Абрамович (1883–1927). Советский государственный и политический деятель, дипломат. В 1918 г. — председатель, затем член советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске, полпред РСФСР в Германии. В 1919–1920 гг. — член Совета обороны и нарком государственного контроля Украины. В 1920 г. — руководитель советских делегаций на переговорах о мире с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей. В 1922 г. — член советской делегации на Генуэзской конференции. В 1922–1924 гг. — представитель СССР в Китае, в 1924–1925 гг. — полпред СССР в Австрии. Сторонник Л. Д. Троцкого.

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1991). Родился в Киевской губернии. Занимал ряд крупных партийных и государственных постов в Советском государстве. В 1953–1957 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. За участие в «антипартийной группе», выступившей в июне 1957 г. против *Н. Хрущева*, был снят с должности, выведен из состава Президиума ЦК, в котором состоял 27 лет, и из состава ЦК, где пробыл 33 года, и направлен директором комбината в Свердловскую область. С 1961 г. находился на пенсии. В декабре 1961 г. исключен из партии.

КЕРЕНСКИЙ (Кедринский; Кирбис) Александр Федорович (1881–1970). Адвокат, эсер, член Государственной думы с 1912 г. В период Февральской революции — член и товарищ председателя исполкома Петроградского Совета. Вошел в состав Временного правительства как министр юстиции, военный и морской министр. С июля 1917 года — министр-председатель, с августа Верховный Главнокомандующий. Глава масонского послушания «Великий Восток России», входил в думскую масонскую ложу, в Верховный совет масонов в России. С 1918 г. — в эмиграции во Франции, с 1940 г. — в США.

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870–1918). Генерал от инфантерии. В 1907–1911 гг. военный атташе в Китае. В марте 1917 г. арестовывал царскую семью. В мае — июне 1917 года — командующий армией и Юго-Западным фронтом, в июле — августе 1917 года — Верховный Главнокомандующий, в конце августа с целью установления военной диктатуры двинул войска на Петроград, но потерпел неудачу и был арестован. После Октября бежал в Новочеркасск, где вместе с *М. Алексеевым* и *А. Деникиным* сформировал и возглавил Добровольческую армию. Убит в бою при наступлении на Екатеринодар.

КЛЯЙНЮНГ Карл Отто (1912). Участник партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, государственный и военный деятель ГДР. Вместе с сотрудником НКВД Н. Хохловым участвовал в подготовке уничтожения генерального комиссара Белоруссии *В. Кубе* и его преемника Готтберга. Генерал-лейтенант (1974). С 1929 г. — член Коммунистического союза молодежи Германии, с 1931 г. — член Компартии Германии. Эмигрировал в Нидерланды, жил в Бельгии. В 1936–1939 гг. боец интернациональной бригады в Испании. С 1939 г. — во Франции, откуда на советском корабле выехал в СССР.

Работал на автомобильном заводе в г. Горьком. С начала Великой Отечественной войны — в партизанской школе, затем до конца 1944 г. вел партизанскую войну на территории Белоруссии и Литвы. Подпольная кличка «Виктор». Действовал с документами сотрудника немецкой тайной полевой полиции. С 1946 г. — в Германии на руководящих должностях в вооруженных силах, народной полиции, министерстве государственной безопасности ГДР.

КРЮЧКОВ Владимир Александрович (1924). Родился в г. Сталинграде. С 1943 г. — на комсомольской работе. В 1946 г. перешел в органы прокуратуры. С 1954 г. — на дипломатической работе. В 1959–1967 гг. — в аппарате ЦК КПСС: референт, заведующий сектором, помощник секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. В 1967 г. вместе с ним перешел в КГБ. В 1978–1988 гг. — заместитель председателя, в 1988–1991 гг. — председатель КГБ СССР. Генерал армии (1988). В августе 1991 года входил в состав ГКЧП. Арестовывался по этому делу. В период следствия находился в изоляторе «Матросская тишина». В 1994 г. амнистирован постановлением Госдумы РФ.

КУБЕ (KUBE) Вильгельм (1887–1943). Член фашистской партии НСДП, близкий к Гитлеру и Гиммлеру. С сентября 1941 года возглавлял генеральный комиссариат Белоруссии. 22 сентября 1943 года был взорван в Минске в собственной постели миной, подложенной подпольщиками по заданию московского НКВД.

КУЛАКОВ Федор Давыдович (1918–1978). Родился в Курской области. Работал в сельском хозяйстве, в комсомоле, на хозяйственных должностях. В 1955–1960 гг. — заместитель министра сельского хозяйства РСФСР, министр хлебопродуктов РСФСР. В 1960–1964 гг. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. С ноября 1964 года по май 1976 года —

заведующий Отделом ЦК КПСС, одновременно с сентября 1965 года — секретарь ЦК КПСС. Его внезапная смерть в 1978 г. открыла дорогу в Кремль М. Горбачеву.

КУРЧАТОВ Игорь Васильевич (1902–1960). Академик АН СССР, член президиума АН СССР, в 1943–1960 гг. — начальник (директор) лаборатории № 2 (Института атомной энергии АН СССР).

ЛИГАЧЕВ Егор Кузьмич (1920). Родился в Новосибирской области. Некоторое время после окончания Московского авиационного института работал на инженерных должностях на авиазаводе в Новосибирске. С 1944 по 1949 г. — на комсомольской работе. С 1949 г. — на партийной и советской работе. В 1961–1965 гг. — в аппарате ЦК КПСС: заведующий сектором, заместитель заведующего отделом. С 1965 по 1983 г. — первый секретарь Томского обкома КПСС. В 1983–1985 гг. — заведующий Отделом ЦК КПСС. С декабря 1985 года — секретарь ЦК КПСС. С 1990 г. на пенсии. В 1999–2003 гг. — депутат Госдумы РФ третьего созыва.

МАЗАНИК Елена Григорьевна (1914–1996). Участница Минского подполья в годы Великой Отечественной войны. Родилась в Минской области. Герой Советского Союза (1943). Взрывом установленной ею мины в ночь на 22 сентября 1943 года был уничтожен генеральный комиссар Белоруссии *В. Кубе*. В 1946 г. закончила Республиканскую партийную школу при ЦК КП(б) Белоруссии, в 1952 г. — Минский пединститут. С 1948 г. — в Министерстве государственного контроля БССР. В 1952–1960 гг. — заместитель директора фундаментальной библиотеки им. Я. Коласа АН БССР. Автор книги «Мечь» (2 изд., 1988).

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1902–1988). Родился в г. Оренбурге. В 1921–1925 гг. учился в Московском высшем техническом училище им. Баумана. С 1925 г. — на партийной работе. В 1934–1939 гг. — заведующий Отделом ЦК ВКП(б) и начальник Управления кадров ЦК партии. В годы Великой Отечественной войны — член ГКО, председатель Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов. С 1946 г. — заместитель Председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1948–1953 гг. — секретарь ЦК партии. В 1953–1955 гг. — Председатель Совета Министров СССР. В 1955–1957 гг. — министр электростанций и заместитель Председателя Совета Министров СССР. За участие в «антипартийной группе» в июне 1957 года выведен из состава Президиума (Политбюро), в котором находился 11 лет, и был направлен директором ГЭС в Усть-Каменогорске, затем директором ГЭС в Экибастузе (Казахская ССР). С 1961 г. был на пенсии, в том же году исключен из партии.

МЕДВЕДЕВ Вадим Андреевич (1929). Родился в Ярославской области. Начинал на научно-преподавательском поприще. Доктор экономических наук, член-корреспондент АН СССР — РАН. С 1968 г. — на партийной работе: секретарь Ленинградского горкома КПСС, заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС. В 1978–1983 гг. — ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1983–1988 гг. — заведующий Отделом ЦК КПСС, одновременно в 1986–1990 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1988–1990 гг. — член Политбюро ЦК КПСС. С июля 1990 года — член Президентского совета СССР. В 1991 г. — старший советник Президента СССР. С января 1992 года — советник «Горбачев-Фонда».

МЕХЛИС Лев Захарович (1889–1953). Родился в г. Одессе. С 1918 г. политработник в Красной Армии,

затем в Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции, который возглавлял *И. Сталин*, его помощник в ЦК. После окончания в 1930 г. Института красной профессуры редактор газеты «Правда», затем вновь в ЦК партии: заведующий отделом печати. В 1937–1940 гг. — начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии и заместитель наркома обороны СССР. С 1940 г. — нарком Госконтроля СССР и заместитель Председателя СНК СССР. В 1941–1942 гг. — начальник Главного политического управления РККА, заместитель наркома обороны СССР. С 1942 г. — член военных советов ряда армий, фронтов. В 1946–1950 гг. — министр Госконтроля СССР (освобожден по состоянию здоровья). Генерал-полковник (1944). Похоронен на Красной площади в Москве.

МОЛОТОВ (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986). Родился в Вятской губернии. Член КПСС с 1906 г. Подвергался арестам, ссылкам. В 1917 г. работал в редакции «Правды». В 1921–1930 гг. — секретарь ЦК партии, одновременно в 1928–1929 гг. — первый секретарь Московского комитета партии. В 1930–1941 гг. — Председатель СНК СССР. В 1941–1942 и в 1946–1953 гг. — заместитель Председателя, в 1942–1946 и в 1953–1957 гг. — первый заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР. Одновременно в 1941–1945 гг. — заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны, в 1939–1949, 1953–1956 гг. — нарком (министр) иностранных дел СССР, в 1956–1957 гг. — министр Госконтроля СССР. За участие в «антипартийной группе» выведен из Президиума (Политбюро), в котором состоял 31 год, и направлен сначала послом в Монголию, потом представителем СССР в МАГАТЭ. В 1962 г. был исключен из партии, восстановлен в 1984 г. при К. У. Черненко. С 1962 г. находился на пенсии.

МОРГУН Федор Трофимович (1924). С 1973 г. — первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины. В 1978 г. рассматривался наравне с М. С. Горбачевым на пост секретаря ЦК КПСС по аграрным вопросам. Герой Социалистического Труда (1976). Автор многих публицистических книг. Член Союза писателей СССР. Впоследствии — председатель Госкомитета СССР по охране природы. После распада СССР — советник губернатора Белгородской области.

ОСИПОВА Мария Борисовна (1908-1999). Участница Минского подполья и партизанского движения на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1943). Родилась в Витебской области. В 20 лет вступила в ВКП(б). Окончила Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу Белоруссии (1935), Минский юридический институт (1940). С 1926 г. на советской и партийной работе. В июле 1941 года организовала из бывших преподавателей и студентов юридического института подпольную группу в Минске. Одна из участниц операции по уничтожению генерального комиссара Белоруссии *В. Кубе*. В 1945-1959 гг. — на советской работе в Белоруссии. Почетный гражданин Минска.

ПЕЛЬШЕ Арвид Янович (1899-1983). Родился в Латвии. Участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде. В 1918-1929 гг. — в органах ВЧК, на партийно-политической и преподавательской работе в Красной Армии. С марта 1941 по 1959 г. — секретарь, в 1959-1966 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Латвии. С апреля 1966 года — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Дважды Герой Социалистического Труда.

РААБ Ю. (1891-1964). В 1953-1961 гг. — федеральный канцлер (глава правительства) Австрии, в 1945-1951 гг. — вице-председатель, в 1951-1960 гг. — председатель Австрийской народной партии.

РОМАНОВ Григорий Васильевич (1923). Родился в Новгородской области. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. В 1946-1954 гг. работал конструктором, начальником сектора Центрального конструкторского бюро Министерства судостроительной промышленности. С 1954 г. — на партийной работе. В 1961-1963 гг. — секретарь Ленинградского горкома, секретарь обкома партии. С 1963 по 1970 г. — второй секретарь, с 1970 по 1983 г. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1983-1985 гг. — секретарь ЦК КПСС. Член Политбюро ЦК КПСС в 1976-1985 гг. На Западе рассматривался в качестве кандидата в генеральные секретари, однако проиграл в соперничестве М. Горбачеву. С 1985 г. — на пенсии.

РУЗСКИЙ Николай Владимирович (1854-1918). Генерал от инфантерии. Командующий ряда армий и фронтов в Первую мировую войну. В сентябре 1918 года попал в число заложников, взятых Кавказской красной армией, зарублен в Пятигорске.

РЯБУШИНСКИЙ Павел Павлович (1871-1924). Один из основателей партии «прогрессистов». Совладелец (с братьями) Московского банка Рябушинских, газеты «Утро России». Умер в эмиграции.

САВИНКОВ Борис Викторович (1879-1925). До сентября 1917 г. эсер. Во Временном правительстве — управляющий военным министерством. Белоэмигрант. Арестован в 1924 г. при переходе советской границы. По версии чекистов, покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

СЕМИЧАСТНЫЙ Владимир Ефимович (1924–2002). В 1958–1959 гг. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, затем второй секретарь ЦК КП Азербайджана. В 1961–1967 гг. — председатель КГБ при Совете Министров СССР. Генерал-полковник. После побега дочери Сталина *С. Аллилуевой* снят с должности и переведен заместителем председателя Совета Министров УССР. С 1981 г. работал заместителем председателя правления Всесоюзного общества «Знание».

СОЛОМЕНЦЕВ Михаил Сергеевич (1913). Родился в Липецкой области. Работал мастером, начальником цеха на заводе в Липецке. В годы Великой Отечественной войны — на Урале: начальник цеха оборонного предприятия, парторг ЦК, главный инженер завода. С 1954 г. — на партийной работе. В 1966 г. избран секретарем ЦК КПСС. С 1971 по 1983 г. — председатель Совета Министров РСФСР. В 1983–1988 гг. — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. С 1988 г. — на пенсии.

СТАЛИН Иосиф Виссарионович (1878–1953). Родился в г. Гори Тифлисской губернии. Окончил Горийское духовное училище, учился в Тифлисской духовной православной семинарии. Профессиональный революционер. Неоднократно арестовывался, ссылался. С 1917 г. — в редакции газеты «Правда», член Петроградского Военно-революционного комитета, нарком по делам национальностей РСФСР (до 1923 г.). С 1919 г. — нарком Государственного контроля, в 1920–1922 гг. — нарком Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Одновременно с 1918 г. — член РВС Республики и ряда фронтов, член Совета рабочей и крестьянской обороны. С апреля 1922 года — Генеральный секретарь ЦК партии. С 1941 г. — Председатель СНК (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. — Председатель Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий, в 1941–1947 гг. —

нарком обороны, министр Вооруженных Сил СССР. Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945). Маршал Советского Союза (1943). Генералиссимус Советского Союза (1945).

СТЕКЛОВ (Нахамкес) Юрий Михайлович (1873–1941). После Февральской революции 1917 г. вместе с *Сухановым (Гиммером)* сочинил приказ об отмене чинов в русской армии, что послужило началом ее деморализации. В социал-демократическом движении с 1893. После Октябрьской революции — редактор газеты «Известия ВЦИК».

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич (1907–1996). В 1939–1941 гг. — заместитель начальника отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, в 1941 г. — заместитель начальника 1-го управления НКГБ СССР, в 1941–1942 гг. — начальник отдела и заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР. В 1942–1946 гг. — начальник 4-го управления НКВД — НКГБ — МГБ СССР, в 1951–1952 гг. — начальник Бюро № 1 МГБ СССР. В 1952–1953 гг. находился под арестом, в марте — июне 1953 года — заместитель начальника 2-го Главного управления МВД СССР, затем начальник отдела МВД СССР. В августе 1953 года арестован и в 1958 г. приговорен военной коллегией Верховного Суда СССР к 15 годам тюремного заключения. Освобожден в 1968 г., реабилитирован в 1992 г. В дальнейшем занимался литературной и переводческой работой.

СУХАНОВ (Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940). Экономист, публицист. С 1903 г. — эсер, с 1917 г. — меньшевик. Вместе со *Стекловым (Нахамкесом)* подготовил приказ № 1 об отмене воинских чинов в русской армии, что стало катастрофой для страны. Автор семитомной истории русской революции «Записки о революции». В 1931 г. на процессе меньшевиков осужден как руководитель

подпольной меньшевистской организации. В 1939 г. осужден повторно. Умер в лагере.

ФУРЦЕВА Екатерина Алексеевна (1910–1974). Родилась в г. Вышнем Волочке Тверской губернии. Окончила в 1941 г. Московский институт тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова и в 1948 г. заочно ВПШ при ЦК ВКП(б). С 1928 г. работала ткачихой на фабрике «Большевичка» в Вышнем Волочке, затем (в 1930–1933 гг. и в 1935–1937 гг.) была на комсомольской работе. С 1942 г. — секретарь, второй секретарь, первый секретарь Фрунзенского райкома ВКП(б) г. Москвы. С 1950 г. — второй, в 1954–1957 гг. — первый секретарь Московского горкома КПСС. В 1956–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. С 1960 по 1974 г. — министр культуры СССР. В 1957–1961 гг. была членом Президиума ЦК КПСС.

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (1894–1971). Родился в Курской области. Участник Гражданской войны. С 1921 г. — на хозяйственной и партийной работе в Донбассе, Харькове, Киеве. В 1929 г. был направлен на учебу в Промышленную академию в Москве. С 1931 г. — секретарь Бауманского, Краснопресненского райкомов партии г. Москвы, в 1932–1934 гг., по протекции *Л. М. Кагановича*, — второй секретарь МГК и второй секретарь МК партии. В 1935–1938 гг. — первый секретарь МГК и МК партии. В 1938–1947 гг. и с декабря 1947 года по 1949 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Украины, Киевского обкома и горкома партии. Одновременно в 1944–1947 гг. — Председатель СНК Украинской ССР. Во время Великой Отечественной войны — член военных советов ряда фронтов, генерал-лейтенант (1943). С 1949 г. — секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1949–1953 гг. — первый секретарь МК партии. В 1953–1964 гг. — Первый секретарь ЦК КПСС,

одновременно с 1958 г. — Председатель Совета Министров СССР. В октябре 1964 года был смещен со всех постов и отправлен на пенсию. Трижды Герой Социалистического Труда, Герой Советского Союза, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1959).

ШЕЛЕПИН Александр Николаевич (1918-1994). Родился в г. Воронеже. В 1939-1940 гг. — политработник Красной Армии. С 1940 г. — на комсомольской работе. В 1952-1958 гг. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1958 г. был выдвинут в ЦК КПСС заведующим отделом. В 1958-1961 гг. — председатель КГБ СССР. Единственный за всю советскую историю глава лубянского ведомства, отказавшийся от воинского звания, о чем, впрочем, оказавшись на нищенской пенсии, сожалел. В 1961-1967 гг. — секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1962-1965 гг. — председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР. Представлял серьезную конкуренцию Л. И. Брежневу и потому в 1967 г. был переведен на работу в профсоюзы. С 1975 г. — заместитель председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию. С 1984 г. был на пенсии.

ШЕПИЛОВ Дмитрий Трофимович (1905-1995). Родился в Ашхабаде. С 1952 по 1956 г. — главный редактор газеты «Правда», в 1955-1956 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1956-1957 гг. — министр иностранных дел СССР, в феврале — июне 1957 года вновь секретарь ЦК КПСС. На июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС был выведен из состава кандидатов в члены Президиума и членов ЦК КПСС, снят с поста секретаря ЦК. В 1957-1960 гг. — директор, заместитель директора Института экономики АН Киргизской ССР, с 1960 по 1982 г. работал

в системе Главного архивного управления при Совете Министров СССР. В 1962 г. был исключен из КПСС, в 1976 г. восстановлен. С 1982 г. был на пенсии.

ИСТОЧНИКИ

АРХИВЫ

Архив внешней политики РФ — бывший Архив МИД СССР

Архив Президента РФ — бывший Архив Политбюро ЦК КПСС

Государственный исторический музей РФ, отдел письменных источников

Российский государственный военно-исторический архив — бывший Центральный государственный военно-исторический архив СССР

Российский государственный исторический архив — бывший Центральный государственный исторический архив СССР

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории — бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ — бывший Центральный архив КГБ СССР

Центр хранения историко-документальных коллекций — бывший Центральный государственный архив СССР («Особый» архив)

Центр хранения современной документации — бывший Архив ЦК КПСС

Архив Генеральной прокуратуры РФ

Архив Главной военной прокуратуры РФ

Архив редакции газеты «Новости разведки и контрразведки» (1993–2003)

ЛИТЕРАТУРА ЗАКРЫТОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
(Из фондов специального хранения)

Аронсон Г. Масоны в русской политике. Новое русское слово, Нью-Йорк, 1959, 8—12 октября.

Брусилов А. Мои воспоминания. Рига, 1924.

Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. 1882–1924. Берлин, 1924.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1922.

Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Русская летопись, Вена, 1921.

Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. — Берлин, 1932.

Керенский А. Ф. Дело Корнилова. Новое русское слово, Нью-Йорк, 1956, 21 октября.

Кобылин В. С. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970.

Коковцев В. Из моего прошлого. Париж, 1933.

Лукомский А. Воспоминания генерала. Берлин, 1922.

Мельгунов С. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1931.

Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье. Белград, 1921.

Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1933.

Телеграммы и разговоры по телефону между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора. Русская летопись, 1922.

ЛИТЕРАТУРА ОТКРЫТОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Аллилуев В. Ф. Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. — М., Мол. гвардия, 1995.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1993.

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. — М., Междунар. отношения, 1992.

Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. — М., Современник, 1994.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. — М., Ветеран МП, 1995.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. — Смоленск, Русич, 1994.

Бурлацкий Ф. М. Русские государи: Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. — М., ШАРК, 1994.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2 книгах. — М., Новости, 1995.

Грачев А. С. Кремлевская хроника. — М., ЭКСМО, 1994.

Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина: Мемуары: Редактор-составитель Ю. П. Изюмов. — М., АСПОЛ, 1996.

XXII съезд КПСС: Стенографический отчет: В трех томах. — М., Госполитиздат, 1961.

Джугашвили Г. Дед, отец, Ма и другие. — М., 1993.

Кузьмин И. Н. Крушение ГДР: История. Последствия. — 2-е изд., дополн. — М., Научная книга, 1996.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову (1925–1936): Сборник документов. — М., Россия молодая, 1995.

Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. — М., Издательство объединения «Мосгорархив», 1995.

Чазов Е. И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». — М., Новости, 1992.

Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. — М., Российское товарищество «Отечество» (Товарищество Станислава Гагарина), 1992.

Шахназаров Г. Х. Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. — М., Россия, Зевс, 1993.

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АВТОРА

Магнитные записи бесед:

— с военным советником Президента СССР Маршалом Советского Союза С. Ф. Ахромеевым;

— с бывшим заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко;

— с бывшим секретарем ЦК КПСС М. В. Зимяниным;

— с бывшим руководителем аппарата Президента СССР В. И. Болдиным;

— с бывшим первым заместителем председателя КГБ СССР Н. С. Захаровым;

— с бывшим заместителем начальника Девятого управления КГБ СССР В. А. Генераловым;

— с бывшим первым секретарем Ставропольского крайкома ВЛКСМ В. М. Мироненко;

— с бывшим первым секретарем Полтавского обкома Компартии Украины Ф. Т. Моргуном;

— с бывшим заместителем председателя Волгоградского районного Совета народных депутатов г. Москвы А. В. Чернышевым.

Письма автору:

А. С. Черняева, помощника Президента СССР;

А. В. Даценко, родственника выдающегося советского ученого в области освоения космоса Ю. Кондратюка;

Г. И. Морозова, первого мужа С. И. Аллилуевой.

Записи бесед:

— с дочерьми Маршала Советского Союза Г. К. Жукова Эллой и Эрой;

— с дочерью бывшего министра внешней торговли СССР Н. Патоличева Натальей Николаевной Трубицыной;

— с дочерью бывшего военного советника Президента СССР Ахромеева С. Ф. Натальей Сергеевной Ахромеевой;

— с внуком В. М. Молотова В. А. Никоновым;

— с бывшим помощником Ю. В. Андропова П. П. Лаптевым;

— с бывшим главным редактором газеты «Красная звезда» генерал-лейтенантом И. М. Пановым.

Дневники автора периода работы в ЦК КПСС (1985–1991)

Справки в ЦК КПСС о результатах дополнительного изучения ряда спорных эпизодов советской истории (1987–1991)